

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное бюджетное государственное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук

В. Я. Портяков

МУРАВЕЙ
ГРЫЗЕТ
КОСТЬ

Избранные очерки
о Китае

蚂蚁啃骨头

Москва
ИД «ФОРУМ»
2018

УДК 65.9(5Кит)
ББК 338(510)
П60

Книга публикуется в авторской редакции

Портяков В.Я.
П60 Муравей грызет кость. Избранные очерки о Китае : монография /
В.Я. Портяков. — М. : ИД «ФОРУМ», 2018. — 464 с.

ISBN 978-5-8199-0826-6

В монографии представлены избранные работы известного российско-китаеведа В.Я. Портякова по китайской проблематике периода 1975—2017 годов.

Основное внимание уделено формированию экономической политики китайского руководства в пореформенный период и эволюции позиционирования Китайской Народной Республики на международной арене. Затронута также проблематика зарубежной китайской диаспоры.

Книга адресована ученым-китаеведам, преподавателям и студентам высших учебных заведений, а также всем читателям, интересующимся Китаем.

Ключевые слова: Китай, экономическая политика, экономическая наука, реформа, внешняя политика, зарубежная диаспора.

The book «**Ants gnawing at a bone — a selected texts of Russian sinologist**» by Vladimir Portyakov contents about 30 papers on China's economic policy and international relations, which were written in years 1975—2017. Some materials of conferences on Chinese Overseas are also included.

Key words: China, economic policy, economic science, reform, foreign policy, Chinese Overseas.

УДК 65.9(5Кит)
ББК 338(510)

ISBN 978-5-8199-0826-6

© Портяков В.Я., 2018
© ИДВ РАН, 2018

На обложке: «Тропа мудрости» на острове Ланьтау в Гонконге; фотографии в тексте — из архива автора.

Оглавление

Введение	5
О госбюджете Китайской Народной Республики	7
К изучению в Китае экономических идей Чэнь Юня	19
Экономическая наука в КНР в конце 1970-х — начале 1980-х годов	40
Изучение в Китае опыта реформ в социалистических странах	52
Экономика КНР в середине 1980-х годов	64
Формирование и эволюция концепции экономической реформы в КНР	88
Китайская экономическая реформа в международном контексте	112
От Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао	144
На конференции в Дании по проблемам зарубежных китайцев	176
О международных конференциях по этническим проблемам Азии	180
Конференция китаеведов Австралии	187
О перспективах развития Китая	192
О конференции в ЮАР по проблемам китайской миграции	217
Основные итоги XVII съезда Коммунистической партии Китая	222
Консолидация российско-китайского стратегического партнерства	236

Россия, Китай и Индия: растущая роль в мировой экономике и перспективы развития трехстороннего сотрудничества	254
О конференции в Канаде по проблемам Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона	269
Конференция в Новой Зеландии по проблемам зарубежных китайцев	275
Становление Китая как ответственной глобальной державы	280
О Пекинском форуме	294
Внешнеполитические заветы Дэн Сяопина и их интерпретация	299
Внешняя торговля КНР в 2011—2013 гг.	319
Контурь внешней политики пятого поколения лидеров Китайской Народной Республики	332
Трансформация модели экономического роста в Китайской Народной Республике: современные тенденции и перспективы	339
Основные направления и особенности изучения в России международных отношений и внешней политики КНР	359
К вопросу о комплексной мощи Китая: подходы к оценке, структура, динамика, перспективы	401
Шэньчжэнь: этапы развития и эволюция функций	415
Эволюция и особенности международных отношений Китая в Восточной Азии	428
Догнал ли Китай Америку по комплексной мощи?	439
Внешняя политика Китайской Народной Республики в 2016 г.	449
Заключение	462
Summary	463

Введение

В не столь давние времена предлагаемая вниманию читателей работа вполне могла бы получить название «Пятьдесят лет в строю отечественного китаеведения». В самом деле, первый текст по китайской тематике был написан мною в 1967 г. Это был огромный, что-то около пятидесяти рукописных страниц, реферат фундаментальной монографии «Физическая география Китая» под редакцией В.Т. Зайчикова. Более заметный творческий компонент носила курсовая работа за 3-й курс, посвященная территориальному формированию Китая. Далее настал черед курсовой и дипломной работ по внешней торговле Китая и особенностям ее географической структуры. Два года аспирантуры ушли на «начитывание» по новой для меня внешнеполитической проблематике. Более-менее «расписаться» удалось на работе в Торгпредстве в Пекине, чему способствовало уже само по себе повседневное погружение в китайские реалии. Однако подготовить и опубликовать первую статью удалось уже по возвращении в Москву в 1975—1976 гг.

С той поры и по сей день я продолжаю, в духе известного китайского выражения, «идти на двух ногах». Одна — это изучение экономической проблематики, прежде всего основных направлений экономической политики китайского руководства — модернизации, реформы, внешнеэкономической открытости. По ходу работы я увлекался и другими сюжетами из сферы экономики — современной китайской экономической наукой, формировавшимся в 1980-е — 1990-е годы в КНР рынком ценных бумаг, экономическими идеями лидеров страны периода реформ Дэн Сяопина и Чэнь Юня.

В последние несколько лет мое первоочередное внимание привлекает ход трансформации модели экономического роста Китая и развертывающееся вхождение страны в новый этап экономической открытости.

Другая «нога» — это исследование проблем внешней политики и международных отношений Китая. Помимо кандидатской диссертации, посвященной отношениям КНР с тогдашними социалистическими странами в 1960-е — 1970-е годы, по этой теме в 1984 г. в журнале «Проблемы Дальнего Востока» была опубликована статья «Китайские исследования конца 70-х — начала 80-х годов по международным отношениям».

Более плотно заняться проблемами внешней политики Пекина довелось уже в 2000-е годы, когда выявились упущения отечественного китаеведения на этом направлении, особенно в сравнении с валом солидных работ на Западе по международному позиционированию Китая.

В данный сборник вошла лишь небольшая часть написанного мною по различным аспектам, как говорили в советские времена, «китайской проблемы». Очерки представлены в хронологическом порядке, что позволяет в какой-то мере показать, как менялся Китай, а вместе с ним — и российские подходы к нему. Когда-то автор, перефразируя известное выражение В.И. Ленина, сформулировал максимум «Китай так же неисчерпаем, как и атом». Громадные размеры самого Китая и всего в Китае, его, образно говоря, абсолютная циклопичность способна ввергнуть в растерянность любого исследователя, особенно начинающего. Поэтому настоящее китаеведное исследование, идущее через осмысление китаезычных текстов — и никак иначе, — это всегда восхождение от частного к общему, от микро к макро. Такому методу китайцы еще в древности дали образное название «муравей грызет кость». Именно так, после определенных размышлений, я и решил назвать эту книгу своих избранных очерков.

И еще пара заключительных замечаний. Первое. Подготовка сборника дала возможность вспомнить обстоятельства написания тех или иных текстов, людей, с которыми довелось общаться, учиться или работать вместе в разные годы. Как известно, существует традиция посвящать книги тем или иным конкретным лицам. Будучи благодарным многим из тех, с кем свела меня судьба, я все же хотел бы посвятить данный труд не кому-либо одному, но, говоря словами барда Михаила Шербакова, «памяти всех».

И последнее. Константинос Кавафис в знаменитом стихотворении «Итака» писал: «Когда задумаешь отправиться к Итаке, молись, чтоб долгим оказался путь — путь приключений, путь чудес и знаний». Похоже, что сказанное греческим поэтом в полной мере относится и к изучению Китая.

О ГОСБЮДЖЕТЕ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

В 70-е годы советские китаеведы активизировали изучение проблем экономического развития современного Китая. Однако вопрос о государственном бюджете КНР длительное время оставался практически вне круга исследования, несмотря на его очевидную важность¹. Такое положение объясняется тем, что с начала 60-х годов не публиковались не только данные о госбюджете, но и показатели развития народного хозяйства, которые позволили бы дать достаточно достоверные оценки объема и структуры централизованных доходов и расходов КНР.

Вместе с тем необходимость дальнейшего анализа особенностей воздействия руководства страны на экономический базис в Китае, на процессы распределения и перераспределения общественного продукта настоятельно требуют изучения госбюджета КНР, являющегося одним из главных рычагов экономической политики.

Отдельные показатели экономического развития КНР и материалы о финансах и денежном обращении², опубликованные в китайской печати, позволили рассчитать некоторые основные характеристики госбюджета КНР. Близость или совпадение приводимых ниже расчетов с имеющимися зарубежными оценками свидетельствуют об их известной достоверности³.

Система формирования централизованного фонда денежных средств, т. е. доходов государственного бюджета, в современном виде сложилась в КНР во второй половине 50-х годов и явилась следствием преобразования социально-экономической структуры народного хозяйства страны. После ликвидации частнокапиталистического и мелкотоварного секторов в промышленности в конце первой пятилетки и ускоренного кооперирования сельского хозяйства госбюджет за счет доходов почти исключительно государственного и кооперативного секторов был

впервые сформирован на 1957 г. на исходной базе ожидаемого исполнения бюджета в 1956 г.⁴

Если в 1950 г. доходы от государственного сектора составили лишь 34 % поступлений в бюджет⁵, то в 1959 г. отчисления промышленности государственного сектора сформировали, по официальным данным, 91,8 %, а налоговые поступления от народных коммун — 7,4 % доходов госбюджета⁶.

За 1950—1974 гг. доходы в абсолютном выражении возросли в 12,7 раза, однако этот рост был неравномерным — в 4,8 раза за 7 лет (1950—1957 гг.) устойчивого экономического развития КНР при тесном сотрудничестве с Советским Союзом, и всего в 2,6 раз за последующий период. Динамика доходов госбюджета КНР и их структура характеризуется следующими данными (табл. 1).

Таблица 1. Доходы госбюджета КНР и их структура, млрд юаней, %

	1950 г.	1957 г.	1970 г.	1974 г.
Доходы всего	6,52/100	31,02/100	65,2/100	82,9/100
Налоги	4,9/75,1	15,45/49,9	26,08/40,0	33,16/40,0
Прибыль и неналоговые платежи государственных предприятий и организаций	0,87/13,4	14,42/46,5	38,48/59,0	48,91/59,0
Прочее	0,75/11,5	1,11/3,6	0,66/1,0	0,83/1,0

Примечания. Данные на 1950 и 1957 г. взяты из: Великое десятилетие. Пекин, 1959. С. 19 (на кит. яз.); данные на 1970 г. — из расчета увеличения доходов госбюджета КНР в 10 раз по сравнению с 1950 г. — «Основные знания по политической экономии». Ч. 2. «Социализм». С. 195. Структура доходов в 1970 г. рассчитана по данным статьи Сюй Дэмина «Экономика коммунистического Китая до и после культурной революции» // Чжунхуа юэбао. Гонконг. 1974. № 6; величина доходов госбюджета на 1974 г. — по корреляционной связи между темпами прироста доходов госбюджета и темпами прироста валовой стоимости промышленности и сельского хозяйства в предыдущий год.

Основными видами мобилизации финансовых средств в бюджет являются различные налоги в сельскохозяйственной деятельности и налоговые платежи государственных предприятий в бюджет (прибыль и амортизационные отчисления).

Хотя система взимания в КНР налогов формально почти не менялась, однако порядок их начисления и сфера действия неоднократно уточнялись, что привело к существенным сдвигам в структуре налоговых поступлений в бюджет — прежде всего уменьшились прямые налоги и увеличились косвенные. При абсолютном росте за 1950—1974 гг. поступ-

лений в виде налогов почти в 7 раз формируемая за их счет доля доходов бюджета постоянно снижалась и составляла в 70-х годах 40 % против 75 % в начале 50-х годов (табл. 2).

Таблица 2. Размеры и доля различных налогов в общих налоговых поступлениях в госбюджет КНР, млрд юаней, %

	1950 г.	1957 г.	1970 г.	1974 г.
Налоги всего	4,9/100	15,49/100	26,08/100	33,16/100
Торгово-промышленные налоги	2,36/48	11,31/73	19,56/75	25,53/77
Сельскохозяйственные налоги	1,91/39	2,93/19	4,69/18	4,98/15
Прочие	0,63/13	1,25/8	1,83/7	2,65/8

Примечания. Данные за 1950 и 1957 г. рассчитаны по книге А.И. Чехутова «Налоговая система Китайской Народной Республики». М., 1962. С. 111, 181; за 1970 г. — по статье Сюй Дэмина «Экономика коммунистического Китая до и после культурной революции» // Чжунхуа юэбао. Гонконг. 1974. № 6 (на кит. яз.).

При расчете структуры налогов в 1974 г. приняты во внимание следующие соображения: удельный вес сельскохозяйственного налога и валовой стоимости сельского хозяйства КНР составлял в первой половине 70-х годов около 6 %; с введением с 1 июля 1974 г. налогообложения иностранных судов, осуществляющих перевозку внешнеторговых грузов для КНР, доля статьи «прочие налоги» должна несколько возрасти.

Система начисления единого торгово-промышленного налога обеспечивает льготное положение базовых отраслей промышленности, играющих ведущую роль в наращивании военно-промышленного потенциала, — машиностроения, металлургии, электроники. Низкие ставки обложения установлены для предприятий, оказывающих непосредственную поддержку сельскохозяйственному производству, например для заводов химических удобрений, для промышленных предприятий, развитие которых поощряется государством (предприятия по обработке свиной кожи, по изготовлению химических волокон и пластмассовых изделий, по переработке промышленных отходов), для промышленных предприятий, выпускающих предметы культурно-просветительного и пропагандистского назначения. Высокая ставка налога установлена для предприятий, выпускающих табачные и винно-водочные изделия (60 %).

Главными плательщиками единого торгово-промышленного налога являются государственные предприятия и предприятия, находящиеся в коллективной собственности⁷. Торговые организации платят налог с оборота, а предприятия сферы обслуживания — налог с дохода (от 3 до 15 %). Обложению подоходным налогом подлежат предприятия коллективной

собственности и некооперированные ремесленники. При этом ставки для промышленности устанавливаются ниже, чем для торговли, для предприятий народных коммун ниже, чем для предприятий городов и поселков. Фабрики по переработке сельскохозяйственной продукции для нужд местного населения (т. е. фактически не дающие товарной продукции) освобождаются от уплаты налогов.

Хотя сельскохозяйственный налог стал играть меньшую роль в непосредственном формировании доходов госбюджета после снижения его ставки (с 15,5 % валового производства в 1958 г. до 7 % в 1963 г.; в 1971—1974 гг., по утверждению китайской прессы, не превышал 5—6 % валовой стоимости сельскохозяйственной продукции), он продолжает оставаться эффективным средством безвозмездного изъятия государством части сельскохозяйственной продукции. Это обеспечивается косвенным механизмом взимания налога — через зерновой эквивалент — с иной, кроме продовольствия, сельскохозяйственной продукции. Например, 100 цзиней (1 цзинь — 0,5 кг) табака в 1972 г. приравнивались к 50 цзиням зерна, что никак не соответствует себестоимости их производства. В этом случае сельскохозяйственный налог выступает инструментом политики самообеспечения зерном на местах, зачастую ведущей к сокращению посевных площадей под более доходными техническими культурами и, соответственно, к снижению личных доходов крестьян⁸.

Значение сельского хозяйства в формировании госбюджета далеко не исчерпывается поступлениями сельхозналога, что признается и китайской печатью: «Сельское хозяйство является важным источником накоплений для государства. Помимо непосредственного отчисления средств государству через сельхозналог, происходит создание накоплений для государства в легкой промышленности, сырьем для которой служит продукция сельского хозяйства. Поэтому развитие сельского хозяйства имеет важное значение для увеличения финансовых доходов государства»⁹.

По нашим подсчетам, повторно учитывается в стоимости легкой промышленности примерно половина валовой стоимости сельского хозяйства КНР, так что существенная часть формально несельскохозяйственных поступлений в бюджет имеет своей материальной основой труд в сельском хозяйстве.

Мобилизация средств в госбюджет через другие налоги — на соль, на убой скота, на владение транспортными средствами, таможенные пошлины — имеет второстепенное значение.

Налоговые платежи государственных предприятий и организаций, состоящие главным образом из прибыли и амортизационных отчислений, с начала 60-х годов обеспечивают до 60 % доходов бюджета.

Опережающий рост средств, мобилизуемых в госбюджет через прибыль, по сравнению с налогами характерен для всего периода развития

КНР и является закономерным следствием определенного увеличения промышленного производства и постепенного преобразования в 50-е годы частнокапиталистической собственности на средства производства в государственную.

Упор на прибыль как основной рычаг образования накоплений в условиях ее полного перечисления в госбюджет предприятиями центрального подчинения дает руководству страны возможность осуществлять более жесткий по сравнению с налогообложением финансовый контроль над промышленным производством, позволяет концентрировать значительные средства на приоритетных направлениях развития и активно воздействовать на народнохозяйственные пропорции в целом.

Китайская пресса широко пропагандирует так называемые передовые предприятия, где отчисление прибыли в бюджет растет опережающими темпами по сравнению с получаемыми от государства капиталовложениями и даже ростом производства. К их числу относятся, например, Дацинские нефтепромыслы, где накопления для государства за 1960—1973 гг. в 11 раз превысили государственные ассигнования; на Даяньском сталеплавильном заводе при росте производства в 2 раза отчисляемая прибыль увеличилась в 2,5 раза¹⁰.

Со второй половины 60-х годов промышленные предприятия практически лишены минимальной самостоятельности. В этих условиях отчисления прибыли в бюджет стали важным инструментом перераспределения чистого продукта в промышленности КНР в форме перелива его части, создаваемой гражданскими отраслями, на финансирование военного производства.

Незначительная часть доходов госбюджета образуется в результате кредитных и долговых операций в банковско-кредитной сети страны. В 50-е годы средства в госбюджет поступали также по внешним и внутренним займам.

Особо следует остановиться на централизованных доходах государства, не входящих формально в бюджет. Одним из них являются аккумулируемые в государственной банковско-кредитной сети **коллективные накопления сельскохозяйственных производственных подразделений, поступающих в распоряжение государства через сеть кредитных кооперативов**. Механика такова: «при наличии у сельскохозяйственных кредитных кооперативов излишков средств происходит их перемещение в Госбанк»¹¹. Правда, Госбанк выплачивает на эти суммы определенный процент, а также предоставляет ссуды нуждающимся кооперативам, но есть основания предполагать, что село в данном случае получает от государства меньше, чем дает ему¹². По данным китайской печати, сумма «свободных средств», переводимых кредитными кооперативами в Госбанк, возросла в 1974 г. в 2,6 раза по сравнению с 1965 г.¹³

Другим видом внебюджетных доходов государства в Китае являются **сбережения населения в банках**. В известной степени они переняли функции распространявшихся ранее внутренних займов как одного из источников централизованных накоплений. Китайская печать так характеризовала их роль: «В социалистическом обществе сбережения являются источником средств для государственного строительства и улучшения жизни народа, а также воплощают курс общества на экономию и бережливость. Сбережения позволяют аккумулировать излишнюю покупательную способность населения, превращать средства, используемые на потребление, в производственный капитал, что благоприятно сказывается на равномерном обеспечении рынка товарами, на стабильности обращения денег на рынке, а также способствует увеличению государственных капитальных средств и ускорению социалистического строительства»¹⁴. Официальные данные китайской печати позволяют оценить общую сумму вкладов населения КНР в банках в 26 млрд юаней, в том числе 7,7 млрд в городах и поселках рабочего типа и 18,3 млрд — в сельской местности¹⁵.

Включение остатка денежных средств населения в систему централизованных доходов государства является своего рода противoinфляционной мерой в условиях, когда «общая сумма вкладов населения КНР превышает денежную массу, находящуюся в обращении»¹⁶. «Отложенный спрос» достигает 30 % величины годового розничного товарооборота КНР. Существенное преобладание срочных вкладов (80 %), данные об опережающем росте сбережений по сравнению с фондом заработной платы¹⁷ свидетельствуют о принудительном характере привлечения личных средств населения в банки.

Расход централизованных государственных средств и в первую очередь ассигнований определяющим образом влияет на формирование глобальной народнохозяйственной пропорции между потреблением и накоплением. В КНР в фонд потребления национального дохода включаются: фонд государственного управления (административно-управленческие и военные расходы); фонд культуры, науки, здравоохранения; фонд социального обеспечения; фонд материального вознаграждения работников производственной сферы.

Фонд накопления, главная часть которого образуется за счет госбюджетного финансирования, подразделяется на фонд расширенного воспроизводства (средства, направляемые на капитальное строительство в промышленности и сельском хозяйстве, на транспорт и на пополнение оборотных средств предприятий); фонд непроизводственного капитального строительства; фонд общественных резервов (состоит из материальных запасов государства и предприятий, включая зерновые запасы народных коммун, обеспечивающие непрерывность процесса воспроизводства, а также «подготовку к войне и стихийным бедствиям»).

Амбициозная задача выведения Китая к концу столетия «в первые ряды стран мира по уровню развития народного хозяйства», выдвинутая в январе 1975 г. на 1-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 4-го созыва, потребует для ее решения существенного увеличения фонда накопления. Как показала практика экономического строительства в КНР в предыдущий период, формирование темпов роста народного хозяйства осуществляется за счет жизненных интересов трудящихся, а не путем сокращения громадных непроизводственных расходов государства, прежде всего военных.

В целом за 1950—1974 гг. расходы госбюджета возросли примерно в 12 раз. Большая часть их направляется, по утверждениям китайской печати, на экономическое строительство и социально-культурные мероприятия — 70 % в 1970 г. по сравнению с 36 % в 1950 г.¹⁸ Однако следует учитывать, что сюда включены расходы на производство вооружения и ассигнования на исследования в военной области. В целом прямые и косвенные военные затраты превышают в настоящее время общий объем капиталовложений (по нашим расчетам, 31,2 млрд юаней) и составляют примерно 40 % госбюджетных расходов.

Динамика и структура госбюджетных ассигнований (без пересчета косвенных военных расходов) характеризуется следующим образом (табл. 3).

Небольшие и средние предприятия покрывают свои потребности в денежных средствах преимущественно за счет банковских кредитов¹⁹, которые, однако, направлены лишь на облегчение процесса производства и не носят стимулирующего характера. Такие формы финансирования обеспечивают осуществление жесткого государственного контроля за деятельностью местных предприятий, поскольку «предоставление банковских кредитов и их возврат позволяют судить о том, как различные подразделения народного хозяйства используют оборотные средства»²⁰.

Вопреки официальной доктрине развития народного хозяйства в последовательности «сельское хозяйство — легкая — тяжелая промышленность», государственные ассигнования сельскому хозяйству составляют лишь около 15 % затрат на экономику. Даже в капитальном строительстве основная тяжесть финансирования работ лежит на самих крестьянах²¹.

В 50-х годах в КНР были приняты определенные меры по социальному обеспечению трудящихся, развитию науки, культуры, образования и здравоохранения, что нашло отражение и в росте государственных ассигнований на эти цели — более чем в 6 раз за 1950—1957 гг. Для последующего периода характерно не только замедление роста ассигнований (немногим более 2 раз за 1957—1974 гг.), но и коренное изменение структуры расходов по этой статье, которые направлялись преимущественно на разработку ракетно-ядерной программы. Насажение «кооперативной

Таблица 3. Расходы госбюджета КНР, млрд юаней, %

	1950 г.	1957 г.	1970 г.	1974 г.
Расходы, всего	6,81/100	29,02/100	63,9/100	81,2/100
Экономическое строительство	1,74/25,5	14,91/51,4	36,4/57	46,2/57
Наука, культура, образование, здравоохранение	0,75/11,1	4,64/16	8,3/13	10,6/13
Оборона (прямые расходы)	2,83/41,5	5,51/19	14,7/23	18,7/23
Административно-управленческие расходы	1,31/19,3	2,27/7,8	3,2/5	4,1/5
Прочие расходы	0,18/2,6	1,69/5,8	1,3/2	1,6/2

Примечания. Данные за 1950 и 1957 гг. взяты из: Великое десятилетие. Пекин, 1959. С. 21—22. Данные за 1970 и 1974 г. рассчитаны, исходя из принятого отношения расходов госбюджета к доходам в 98 % (в среднем за 1951—1957 гг. — 97 %; а в статье Сюй Дэмина в «Чжунхуа юэбао» — за 1969—1971 гг. — 98,7 %).

При определении структуры расходов, постоянной на 1970—1974 гг., учитывались следующие моменты: доля расходов на экономическое строительство и социально-культурные мероприятия составляла 70 %; расходы на образование, здравоохранение, науку, культуру в 1971 г. возросли в 4 раза по сравнению с 1952 г. (ИБАС, 26.09.1972) и составили около 9 млрд юаней, или 13 % расходов госбюджета. При оценке доля прямых военных, административно-управленческих и прочих расходов взяты данные статьи Сюй Дэмина, скорректированные в сторону снижения управленческих расходов по сравнению с 50-ми годами.

системы медицинского обслуживания» и института «босоногих врачей» в сельской местности, закрепление значительной части общеобразовательных школ за промышленными предприятиями, отсутствие государственных гарантий социального обеспечения подавляющего большинства трудящихся закладывают дополнительное бремя на население сегодняшнего Китая и ведут к снижению его жизненного уровня.

Динамика и структура госбюджетных ассигнований на капитальное строительство (табл. 4) наглядно отражают конкретные особенности развития экономики КНР в отдельные периоды. Если за 1950—1957 гг. их объем увеличился в 12 с лишним раз, то за 1957—1974 гг. — лишь в 2,2 раза. При этом были случаи их резкого сокращения — так, после провала «большого скачка» в 1961 г. — на 37 %, в ходе «культурной революции» в 1967 г. — более чем на 20 % по сравнению с предыдущими годами²².

Стремление китайского руководства обеспечить на современном этапе приоритет тяжелой промышленности (поглощает около 80 % всех ка-

Таблица 4. Объем и структура капиталовложений в КНР, млрд юаней, %

	1952 г.	1957 г.	1970 г.	1974 г.
Капиталовложения, всего	4,36/100	13,83/100	24,6/100	31,2/100
Промышленность и строительство	1,78/40,9	7,70/55,6	13,5/55	17,2/55
Сельское хозяйство	0,60/13,8	1,19/8,6	2,4/10	3,1/10
Транспорт и связь	0,76/17,5	2,07/15	4,9/20	6,2/20
Наука, культура, образование, здравоохранение	0,34/7,7	1,05/7,6	1,9/7,5	2,4/7,5
Прочее	0,88/20,1	1,82/13,2	1,9/7,5	2,3/7,5

Примечания. Данные за 1952 и 1957 гг. составлены по: Великое десятилетие. Пекин, 1959. С. 45—51. Данные за 1970 и 1974 г. рассчитаны по некоторым народнохозяйственным пропорциям, характерным для экономики КНР в 50-х годах, а именно: капиталовложения составили около 55 % общих расходов на развитие экономики, науки, культуры, образования и здравоохранения; госбюджетные капиталовложения распределялись примерно следующим образом (в %): промышленность и строительство — 55; сельское хозяйство — 10; транспорт и связь — 20; наука, культура, образование, здравоохранение — 7,5 и прочее (торгово-банковская сеть, жилищное и административное строительство) — 7,5.

питаловложений в промышленность) и транспорта ведет к жесткому контролю центра за капитальным строительством. Недвусмысленно указывалось, что «масштабы и скорость капитального строительства во всех районах и отраслях должны регулироваться единым народнохозяйственным планом, должны быть подчинены выполнению государственного плана»²³. При этом капиталовложения в легкой промышленности направляются преимущественно на реконструкцию старых предприятий в целях скорейшего возмещения вложенных средств, что ведет к сохранению нерациональной территориальной структуры отдельных отраслей.

Рост абсолютной величины госбюджета КНР и изменение форм мобилизации его доходов отражают ход экономического развития страны, сдвиги в структуре народного хозяйства. Вместе с тем перераспределение до 35 % национального дохода и инвестирование большей части совокупных капиталовложений через каналы госбюджета демонстрируют потенциальные возможности его активного воздействия на развитие экономики страны.

Аккумулируя основную часть централизованных денежных доходов государства, госбюджет на протяжении 25-летнего развития КНР одновременно выступал одним из главных инструментов проведения экономической политики руководства. Поэтому в нем нашли отражение ее

приоритетные направления в отдельные периоды, эффективность курса на сотрудничество с СССР и другими социалистическими странами в 50-е годы и серьезные экономические трудности после отхода от этого курса.

(1975—1976)

Послесловие

Представленный материал стал моей первой статьей, опубликованной в сборнике трудов молодых ученых и специалистов Института экономики мировой социалистической системы АН СССР «Экономическое сотрудничество социалистических стран» (Москва, 1976). До сих пор помню, на какие ухищрения приходилось порой идти в первой половине 1970-х годов, чтобы по немногим относительным данным рассчитать хоть какие-нибудь абсолютные показатели состояния китайской экономики — ведь с 1961 г. и до конца 1978 г. их почти не обнародовали. Исключением стал разве что доклад Чжоу Эньлая на 1-й сессии ВСНП КНР 4-го созыва в январе 1975 г., где были приведены данные по выработке электроэнергии, выплавке стали и т. п., оказавшиеся заметно выше оценок большинства отечественных китаеведов. Тем более удивительно, что в Гонконге специалисты даже тогда имели некоторые каналы доступа к закрытой информации о положении дел в народном хозяйстве КНР, о чем свидетельствует цитируемая в статье книга Сюй Дэмина «Экономика коммунистического Китая после культурной революции» (Гонконг, 1974), которую сумел достать с помощью посещавших Гонконг австрийских специалистов заместитель торгпреда СССР в КНР В.А. Королев.

И еще об одном моменте. Приводимые в работе цифры доходов и расходов госбюжета КНР показывают, насколько же бедной страной был Китай в дореформенный период. И, напротив, знакомство с нынешними параметрами госбюжета, наверное, способно убедить любого Фому неверного в высокой результативности сполитики реформ в стране, по крайней мере в том, что касается темпов роста и расширения масштабов народного хозяйства.

Примечания

¹ Последним специальным исследованием финансов КНР в советской экономической литературе была монография А.И. Чехутова «Налоговая система Китайской Народной Республики», 1962. В 1950-е годы по данному вопросу изданы работы Б.Г. Болдырева «Финансы Китайской Народной Республики», 1953; И.Б. Шевеля «Финансы КНР» в книге «Финансы стран народной демократии», 1959. В советской экономической литературе 70-х годов в некоторой степени рассматри-

вались лишь госбюджетные капиталовложения (см., например: Проблемы и противоречия индустриального развития КНР. М., 1974).

² См., например: *Шан Жэньхан*. Два типа общества, два типа денег. Шанхай, 1973 (на кит. яз.); «Основные знания по политической экономии», 2 части, Шанхай, 1974 (на кит. яз.); «Налоги в Новом Китае» // Китай на стройке. 1973. № 11.

³ Имеются в виду прежде всего оценки госбюджета КНР в книге Сюй Дэмина «Экономика коммунистического Китая после культурной революции», Гонконг, 1974; в его же статье в журнале «Чжунхуа юэбао» (Гонконг, 1974. № 6), а также оценки капиталовложений в промышленность, опубликованные Объединенным экономическим комитетом Конгресса США // Проблемы и противоречия индустриального развития КНР. М., 1974. С. 193.

⁴ Частнокапиталистический и мелкотоварный секторы произвели в 1955 г., соответственно, 13,2 и 16,1 % валовой промышленной продукции КНР, а в 1956 г. их доля составила лишь 0,004 и 1,2 % (*Капелинский Ю.Н.* и др. Развитие экономики и внешнеэкономических связей Китайской Народной Республики. М., 1969. С. 67).

⁵ *Капелинский Ю.Н.* Цит. соч. С. 92.

⁶ «Основные знания...». Ч. 2. Социализм. С. 193.

⁷ По китайским данным, относящимся, видимо, к 1974 г., промышленные предприятия, находящиеся в государственной собственности, дают 86 % валовой стоимости промышленной продукции; предприятия, находящиеся в коллективной собственности, — 14 %. Доля занятых в промышленном производстве некооперированных кустарей составляет 0,8 % от общего числа промышленных рабочих (Жэньминь жибао. 04.04.1975).

⁸ Регулярно повторявшийся в материалах китайской прессы последних лет призыв к критике «прибыли как командной силы», в том числе и в сельском хозяйстве, свидетельствуют об определенных трудностях, с которыми сталкивается центральная администрация при внедрении обязательных планов по производству зерна вплоть до самых мелких производственных подразделений.

⁹ «Основные знания...». Ч. 2. Социализм. С. 129. В настоящее время потребляемой легкой промышленностью сырье лишь на 30 % поступает из тяжелой промышленности (Гуанмин жибао. 01.02.1975), а на 70 %, следовательно, из сельского хозяйства.

¹⁰ Жэньминь жибао. 10.01.1974.

¹¹ Пекин ревью. 01.06.1973.

¹² Так, в «Пекин ревью» от 01.06.1973 приводится пример уезда Фаньшань близ Пекина, где 70 % кредитных кооперативов обеспечивают себя собственными средствами и имеют значительные суммы в банке. Это значит, что фактически государство имеет в своем распоряжении средства 70 % кооперативов и помогает в лучшем случае 30 % кооперативов, да и то за счет средств самих крестьян.

¹³ Жэньминь жибао. 22.11.1974.

¹⁴ *Шан Жэньхан*. Два типа общества, два типа денег. Шанхай, 1973. С. 41 (на кит. яз.).

¹⁵ В цитируемой выше работе Шан Жэньхана сообщается, что сумма вкладов в городах и поселках рабочего типа возросла за 1952—1972 гг. в 8 раз, а в сельской местности — в 100 раз (с. 144). В 1973 г. прирост по группам составил, соответственно, 10,5 % и 32 %; в 1974 г. — 12,5 и 13 %. Исходные данные на 1952 г. — 770 млн юаней в городах и рабочих поселках и 121 млн юаней в сельской местности.

¹⁶ *Шан Жэньхан*. Цит. соч. С. 44. Это подтверждается и данными гонконгского ежегодника «Asia Yearbook 1974», оценивающего количество денег в обращении в КНР в 10 млрд ам. долл., а сумму сбережений населения в 10,26 млрд ам. долл.

¹⁷ Так, за 1965—1973 гг. в Пекине сумма вкладов населения увеличилась на 48 % при росте фонда заработной платы лишь на 8 % // Сегодня лучше, чем вчера. Пекин, 1974. С. 34 (на кит. яз.). Компенсирующего снижения розничных цен за тот же период не наблюдалось.

¹⁸ Основные знания... Ч. 2. Социализм. С. 194.

¹⁹ Предоставляются для приобретения сырья или сбыта готовой продукции максимум на 12 месяцев из расчета 0,42 % в месяц, или 5,04 % в год.

²⁰ *Шан Жэньхан*. Цит. соч. С. 39.

²¹ Так, в провинции Хэнань при сооружении оросительных колодцев в 1965—1973 гг. государственные затраты составили лишь 30 %, а остальные — за счет коллективных накоплений сельскохозяйственных подразделений (ИБАС. 04.11.1974).

²² Рассчитано по: *Сюй Дэмин*. Экономика коммунистического Китая после культурной революции. Гонконг, 1974. С. 273 (на кит. яз.).

²³ Хунци. 1973. № 5.

К ИЗУЧЕНИЮ В КИТАЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИДЕЙ ЧЭНЬ ЮНЯ

I

Одним из заметных событий в идейно-политической жизни Китая в 1981 г. явилось изучение кадровыми работниками страны экономических идей заместителя председателя ЦК КПК Чэнь Юня.

Непосредственным поводом для изучения идей Чэнь Юня явилось принятие декабрьским (1980 г.) рабочим совещанием ЦК КПК решения о проведении «дальнейшего урегулирования» экономики КНР. По-видимому, оно, как и ранее решение апрельского (1979 г.) рабочего совещания ЦК КПК об урегулировании народного хозяйства, далеко не всеми в стране было встречено положительно и с пониманием. Вставшая в этих условиях перед китайским руководством задача достижения «идейного единства» партии «в свете курса и политики КПК» потребовала принятия конкретных мер по «усилению воспитательной работы среди кадровых работников в ходе урегулирования и укрепления теоретической учебы кадровых работников». На селекторном совещании по вопросам воспитательной работы среди кадровых работников, созванном 1 февраля Организационным отделом и Отделом пропаганды ЦК КПК, в рамках теоретической учебы в 1981 г. и было предписано «для соответствия задачам экономического урегулирования первым делом изучать политэкономю»¹.

Разъясняя данный шаг, орган ЦК КПК журнал «Хунци» писал: «Для того чтобы добиться единства мыслей и единства действий, прежде всего необходимо овладеть пониманием экономических законов, добиться единого понимания партией вопросов теории»². При этом подчеркивалось, что упор следует делать не на изучении марксистско-ленинской политэкономии самой по себе — ей отводилась явно подчиненная, вспомогательная роль «фона», — а на «соединении марксизма с практикой Ки-

тая, на соединении изучения марксистской политэкономии с изучением выдвинутых ЦК партии со времени 3-го пленума 11-го созыва политических установок по вопросам экономического строительства»³.

Такой подход во многом определил выбор конкретных материалов для изучения. Ими стали второй том «Капитала» К. Маркса (учение об общественном воспроизводстве)⁴, изданный впервые в ноябре 1980 г. для внутреннего пользования сборник избранных статей и выступлений Чэнь Юня периода 1955—1962 гг.⁵ и получившая большую известность в стране книга видного ученого-экономиста Сюе Муцяо «Изучение экономических проблем социализма в Китае»⁶.

Центральное место заняло изучение экономических идей Чэнь Юня, которое, как подчеркивалось в печати, «имеет крайне важное практическое значение для более глубокого познания нами экономических законов социализма, всестороннего и последовательного проведения курса урегулирования народного хозяйства, дальнейшей ликвидации влияния ошибочных левацких идей, осуществления строительства четырех модернизаций»⁷, «помогает еще глубже уяснить линию, курс и политику партии после 3-го пленума»⁸.

Выбор в качестве материала для изучения экономических идей именно Чэнь Юня, а не кого-либо другого из китайских руководителей объяснялся тем, что он, как утверждается, «дал марксистский ответ на вопрос, как вести социалистическое строительство в Китае, сравнительно систематизированно изложил важные теоретические вопросы социалистического экономического строительства»⁹. Несомненно, немаловажное значение имело то обстоятельство, что и в самой концепции сегодняшнего урегулирования народного хозяйства КНР, и в конкретной хозяйственной практике последних лет весьма заметно влияние ряда положений, высказывавшихся Чэнь Юнем в конце 50-х — начале 60-х годов¹⁰. Наконец, само по себе развертывание в начале 1981 г. кампании по вычищению левацких руководящих идей в экономической работе, естественно, привлекало внимание к чэньюневской концепции хозяйственного строительства, поскольку только она могла претендовать на роль собственно китайской альтернативы ошибочной экономической политики предыдущего двадцатилетия¹¹. Как ныне декларируется, «20-летняя практика доказала правильность позиции товарища Чэнь Юня в отношении социалистического строительства»¹². По свидетельству гонконгского журнала «Чжэнмин», «многие в Пекине считают, что если бы хозяйственное строительство в Китае велось на основе идей Чэнь Юня, а не Мао Цзедунна, то облик экономики Китая был бы во многом иным»¹³.

Строго говоря, призывы к изучению экономических работ Чэнь Юня стали раздаваться в Китае уже несколько лет назад — с переходом к курсу урегулирования экономики и с началом формирования в стране концеп-

ции развития в Китае «социалистического товарного хозяйства» как промежуточного этапа на пути к крупному обобществленному производству¹⁴. Важное значение для развертывания в дальнейшем широкой кампании изучения экономических идей Чэнь Юня имело выступление заведующего исследовательской лабораторией секретариата ЦК КПК Дэн Лицюня¹⁵ в партийной школе ЦК КПК в ноябре 1980 г.¹⁶ В первой половине 1981 г. цикл материалов об экономических идеях Чэнь Юня поместила газета «Финансы и торговля Китая». Некоторые из них были переданы центральным радиовещанием КНР в июле—августе 1981 г. в специальной программе «Изучение трудов товарища Чэнь Юня по экономическим вопросам»¹⁷. Наконец, значительное количество статей по данной проблеме было опубликовано в течение года в различных периодических изданиях страны. Эти материалы, наряду со сборником статей и выступлений Чэнь Юня, дают достаточно полное представление и о самих — прошлых и нынешних — экономических взглядах Чэнь Юня, и об их сегодняшней интерпретации в Китае.

II

Чэнь Юнь, несомненно, одна из наиболее сложных и противоречивых фигур в высшем эшелоне нынешнего китайского руководства. Будучи одно время едва ли не самым серьезным оппонентом Мао Цзэдуна в вопросах теории и практики экономического строительства, он, тем не менее, в принятом 6-м пленумом ЦК КПК 11-го созыва «Решении по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР» был включен в число творцов маоцзедуньидей как «применения и развития марксизма-ленинизма в Китае», «квинтэссенции коллективной мудрости» компартии Китая¹⁸. Будучи известен как один из главных руководителей разработки первого пятилетнего плана, высоко ценивший помощь СССР Китаю, реже других среди лидеров Китая выступавший с антисоветскими заявлениями, ныне Чэнь Юнь представляется в китайских публикациях последовательным проводником идеи непригодности «советской модели» социалистического строительства для Китая, поборником особого китайского пути социалистического строительства.

Уникальным выглядит и его возвращение к активной политической жизни в декабре 1978 г. после практически 16-летнего перерыва¹⁹. После 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, на котором Чэнь Юнь вновь стал заместителем председателя ЦК КПК, интерес к его личности как в Китае, так и за рубежом заметно возрос²⁰. Он достиг апогея в связи с решениями декабрьского (1980 г.) рабочего совещания ЦК КПК, идейным вдохновителем которых был Чэнь Юнь. В начале 1981 г. в шанхайской газете «Вестник мировой экономики» под заголовком «Чэнь Юнь сказал: пять лет трудностей хуже, чем один год трудностей» из гонконгской газеты

«Дагунбао» был перепечатан весьма многозначительный отрывок: «В Пекине говорят — обратите особое внимание на Чэнь Юня... Чэнь Юнь уже двадцать лет назад видел ошибки левацкой линии, но попал в опалу. В течение двух лет после разгрома «четверки» его взгляды также не привлекли настоящего внимания. Сейчас они в конце концов получили признание²¹. Выступлению Чэнь Юня на декабрьском рабочем совещании, его «реалистическому подходу» к проблемам экономики был посвящен значительный раздел статьи в одном из номеров нового авторитетного пекинского журнала «Ляован», регулярно публикующего материалы на основе непосредственных посещений его корреспондентами канцелярий и ведомств Секретариата ЦК КПК и Госсовета КНР²².

Высокая оценка дается Чэнь Юню как хозяйственному руководителю и теоретику экономического строительства и в специально посвященных его идеям статьях. В частности, он называется «видным руководителем восстановления народного хозяйства и дела социалистического строительства», «выдающимся представителем постепенного познания и формирования единственно правильного руководящего курса экономического строительства в Китае»²³. Иногда дело доходит до настоящих панегириков. Так, в гуандунском журнале «Сюешу яньцзю» замечание Чэнь Юня о том, что со времени создания КНР главными ошибками в экономическом строительстве были левацкие ошибки, названо «золотым ключиком» для исследовательской работы в Китае в области экономической теории²⁴.

Пожалуй, большинство авторов на первое место среди «огромных заслуг перед партией и народом» ставит деятельность Чэнь Юня по выведению экономики страны из кризисных ситуаций. Именно он «в ключевые периоды, когда экономика страны испытывала трудности, выдвигал осуществимые политические установки и конкретные меры преодоления трудностей»²⁵. Речь идет о периоде и непосредственно после образования КНР, и о преодолении «малого забегания вперед» 1956 г., и об урегулировании первой половины 60-х годов. Подчеркивается, что конкретные установки и проект этого урегулирования были разработаны Чэнь Юнем²⁶, что изъятие из плана развития народного хозяйства на 1962 г. нереальных высоких показателей и крупное сокращение капитального строительства «позволили с 1963 г. начать всестороннее восстановление экономики»²⁷. По существу, именно возникновением к концу 1978 г. кризисной ситуации в народном хозяйстве страны объясняется и возвращение Чэнь Юня в высший эшелон руководства²⁸.

Биография Чэнь Юня в общих чертах неплохо известна; она отражена в различных биографических справочниках. Недавние китайские публикации содержат небезынтересные подробности о некоторых периодах жизни Чэнь Юня и о его родственниках²⁹. Достаточно известна и дея-

тельность Чэнь Юня после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, включая главные моменты его основных выступлений этого периода. Дополнительный свет на качества Чэнь Юня как личности и как политической фигуры проливает сборник его избранных статей и выступлений. Можно отметить его принципиальность, нежелание отмалчиваться, стремление прямо говорить о существующих проблемах и их причинах, тщательность и конкретность изучении вопросов. Существующий вокруг Чэнь Юня ореол «радетеля о благе народа» объясняется его трезвым подходом к необходимости использования материальных стимулов как рычага экономического развития. В то же время именно Чэнь Юнь не раз бывал инициатором пусть объективно необходимых, но на практике чрезвычайно жестких и даже жестоких мер, затрагивавших интересы значительных слоев населения. Это и высылка 20 млн человек из города в деревню в начале 60-х годов, и закрытие части предприятий в ходе текущего урегулирования экономики.

Принципиальный интерес представляет такой важный аспект деятельности Чэнь Юня, как его отношения с Мао Цзэдуном. В настоящее время налицо стремление китайского официоза показать Чэнь Юня как верного соратника и последователя Мао³⁰. Существует, однако, и неофициальная тенденция противопоставления их самих и их экономических идей³¹. Вопрос этот достаточно сложен, факт серьезных разногласий в подходах Чэня и Мао к хозяйственному строительству, к соотношению политики и экономики несомненен. Вероятно, были и другие, более ранние поводы для трений между ними³², но обострение разногласий связано в первую очередь с авантюристическими попытками Мао Цзэдуна форсировать экономическое развитие страны в отрыве от объективных условий. Критика Чэнь Юнем «малого забегания вперед» 1956 г., выдвижение им в 1957 г. принципов соответствия масштабов строительства возможностям государства и комплексного балансирования не прошли для него бесследно. Уже в самом начале «большого скачка» комплексное балансирование как метод плановой работы было подвергнуто критике в опубликованной 28 февраля 1958 г. в «Жэньминь жибао» статье «Разбить старый баланс, создать новый баланс». Критиковалось как «седлообразность» и проведенное Чэнь Юнем в 1957 г. «малое урегулирование», взгляды Чэнь Юня в целом стали рассматриваться как «правые». Ныне китайские авторы, упоминая об игнорировании, отрицании и критике взглядов Чэнь Юня как ошибочных, делают весьма актуально звучащий вывод: «Это показывает, что использование выдвинутых товарищем Чэнь Юнем теоретических положений и методологии не проходит без всяких треволений, оно продвигается вперед в борьбе»³³.

Чэнь Юнь не стал пассивным наблюдателем краха народного хозяйства в годы «скачка». Он активно боролся за снижение нереальных зада-

ний по стали, неоднократно косвенно критиковал Мао Цзэдуна³⁴. Прямым выпадом в адрес Мао явились следующие слова Чэнь Юня, сказанные в марте 1959 г.: «Есть опрометчивые люди, которые не обращают внимания на объективные условия, нарушают объективные законы, иллюзии выдают за правду, действуют исходя из субъективных помыслов, или же то, что можно осуществить лишь в будущем, тужатся сделать сегодня»³⁵. Вскоре после этого высказывания Чэнь Юнь почти на два года уходит в тень³⁶. Вернувшись к активной деятельности в 1961 г., он продолжает критику левацких ошибок, таких, как «выпячивание политики как командной силы и забвение материального поощрения, упор на учет так называемых политических счетов и игнорирование экономических счетов, неуважение к науке и техническому персоналу»³⁷. Наибольшей остроты эта критика достигает в выступлении на расширенном рабочем совещании ЦК КПК в январе—феврале 1962 г.³⁸ По существу его можно расценить как пророческое предостережение о последствиях складывавшегося культа личности Мао, как призыв к признанию Мао Цзэдуном ответственности за ошибки «большого скачка»: «В последние несколько лет наша внутривластная жизнь была ненормальной... Если так пойдет дальше, дело нашей революции не сможет победить, мы наверняка потерпим поражение... Совершенно недостаточно в деле обнаружения проблем, недостатков и ошибок в нашей работе опираться только на небольшое число руководящих кадров, необходимо полностью развернуть демократию»³⁹. Видимо, это выступление и послужило непосредственным поводом для отстранения Чэнь Юня от дел в скором времени. Именно за свои экономические взгляды Чэнь Юнь на начальном этапе «культурной революции» был заклеен как «контрреволюционный ревизионистский элемент», «всегда певший не в унисон с общим хором, поддерживающим Мао Цзэдуна»⁴⁰. Особенно резким нападкам подверглось выступление Чэнь Юня на совещании в «западном флигеле» как идущее вразрез с «выводом председателя Мао о постановке политики на первый план». Впрочем, не была «забыта» практически вся работа Чэнь Юня в сфере экономики, финансов, торговли, вся совокупность его взглядов на развитие народного хозяйства⁴¹.

Вместе с тем эту, казалось бы, вполне однозначную картину несколько затушевывают примеры обратного рода, когда Чэнь Юнь позитивно оценивал позицию Мао Цзэдуна по тем или иным экономическим проблемам. Думается, здесь мы имеем дело либо с обычной данью вежливости, либо с совпадением позиций обоих лидеров по какой-то конкретной проблеме, либо, и это, похоже, наиболее часто встречающийся случай, с использованием Чэнь Юнем ссылок на авторитет Мао для подкрепления собственных доводов.

Иллюстрацией к первому варианту может служить приписывание Чэнь Юнем Мао Цзэду ну заслуг в выправлении крайних перегибов движения за создание народных коммун в статье, приуроченной к первой годовщине со дня кончины Мао⁴². Примером второго рода выступает негативное отношение обоих к ряду аспектов советского опыта хозяйственного строительства. Позиция Мао Цзэду на наиболее полно отражена в статье 1956 г. «О десяти важнейших взаимоотношениях». Чэнь Юнь в выступлении на рабочем совещании ЦК КПК (апрель 1979 г.) также отчасти объяснил провалы в экономике страны тем обстоятельством, что в Китае «долгое время... не могли освободиться от образцов советского опыта, сначала делали упор на тяжелую промышленность, а затем на легкую, сначала развивали промышленность, а затем сельское хозяйство»⁴³.

Наконец, классической иллюстрацией к третьему варианту служит отношение к курсу «сельское хозяйство — основа». Чэнь Юнь неоднократно использовал этот излюбленный, но никогда не претворявшийся в практику самим Мао Цзэду лозунг для привлечения практического внимания к нуждам деревни.

Важное значение имеет и вопрос о месте и роли Чэнь Юня в высшем эшелоне нынешнего китайского руководства, его взаимоотношениях с другими лидерами. Здесь много неясного, да и сама ситуация не является статичной. Несомненно, что в целом влияние Чэнь Юня на принятие решений в области экономики в последние годы росло и достигло пика на рубеже 1980—1981 гг. В то же время Чэнь Юнь постепенно перемещается на позицию скорее идейного, чем практического руководителя народно-хозяйства.

Чэнь Юня сближает с Дэн Сяопином и Чжао Цзяном идея особого «китайского пути» социалистического строительства, совместная ответственность за преодоление хозяйственных трудностей. Известно, что выступление Чэнь Юня на декабрьском рабочем совещании ЦК КПК 1980 г. «Экономическая ситуация — опыт и уроки», сделанное по предложению Дэн Сяопина, получило высокую оценку последнего на том же совещании. Китайская пропаганда последнего времени настойчиво пытается представить премьера Госсовета КНР Чжао Цзяна единомышленником Чэнь Юня и продолжателем его дела. Например, Дэн Лицзюнь, выступая в марте 1981 г. на втором годичном заседании китайского общества управления предприятиями и говоря о речи Чэнь Юня на VIII съезде КПК, подчеркнул, что, по мнению Чжао Цзяна, многие проблемы, которые предстоит решать сегодня в ходе хозяйственной реформы в Китае, уже были выдвинуты в то время Чэнь Юнем. «Работа, которую мы сейчас проводим, это в немалой степени та работа, которую требовал сделать товарищ Чэнь Юнь в 1956 г.»⁴⁴.

Вместе с тем замечание Чэня на рабочем совещании о необходимости «не торопиться с реформой» (хозяйственного механизма), подчинить реформу урегулированию звучит как критика в адрес Чжао Цзыяна, несущего главную ответственность за породившее массу проблем ускорение темпов проведения реформы в 1980 г. (хотя формально Чэнь похвалил Чжао за работу по реформе). Определенные расхождения во взглядах, время от времени вырывающиеся наружу, существуют между Чэнь Юнем и Дэн Сяопином. Они касаются прежде всего темпов и приоритетов экономического развития, а отсюда неизбежно затрагивают и более широкий спектр экономических проблем, включая импортную политику, норму накопления, масштабы капитального строительства, распределение инвестиций и т. п. Можно считать, что критика в китайской печати в начале 1981 г. сторонников кейнсианства в Китае, допускающих дефицит бюджета и инфляцию ради более высоких темпов роста, задает и Дэн Сяопина. С другой стороны, хорошо известны попытки Дэна последних лет побыстрее завершить урегулирование, подтолкнуть страну к погоне за «четырьмя модернизациями». Показательно, что и на рабочем совещании в декабре 1980 г. он всемерно подчеркивал, что урегулирование — это активный курс, что в ходе его целый ряд отраслей экономики будет продолжать развиваться. (Чэнь Юнь же акцентировал внимание на мерах по стабилизации экономики.) Не исключено, что именно Дэн Сяопин стоит за кулисами развертывающейся с конца августа 1981 г. агитации за «увеличение плановых капиталовложений», достижение «определенных темпов роста в период урегулирования» и усиление внимания к тяжелой промышленности⁴⁵.

III

Сборник «Избранных статей и выступлений товарища Чэнь Юня» (1956—1962 гг.) представляет существенный интерес прежде всего как документ экономической истории КНР тех лет. Он достаточно полно раскрывает вклад Чэнь Юня в разработку политики урегулирования первой половины 60-х годов и тех «методов чрезвычайного периода», которые использовались для преодоления последствий «большого скачка» и которые отчасти были воспроизведены в рамках курса «дальнейшего урегулирования» в 1981 г. Наконец, сборник, особенно если брать его в общем контексте выступлений Чэнь Юня по экономическим проблемам, включая как более ранние, первой половины 50-х годов, так и более поздние, конца 70-х — начала 80-х годов, позволяет более или менее целостно выявить процесс формирования и основные элементы чэньюневской концепции хозяйственного строительства, которая оказала большое влияние на экономическую мысль Китая последних лет. Хронологически помещенные в сборник материалы четко разделяются на три группы: 1956—

1957 г., 1959 г., 1961—1962 гг. Несколько условно их можно сгруппировать и по темам — концептуальные работы (выступление на УШ съезде КПК, «Масштабы строительства должны соответствовать возможностям государства», «Современное финансово-экономическое положение и некоторые методы преодоления трудностей»), работы по сельскому хозяйству, по промышленности, по реформе хозяйственного механизма, по торговле. Пожалуй, особняком стоит упоминавшееся выступление Чэнь Юня на расширенном рабочем совещании ЦК КПК в феврале 1962 г., озаглавленное «Как сделать наше познание еще всестороннее». Оно практически не затрагивает собственно экономических вопросов, а посвящено методам работы руководящих кадровых работников. Именно здесь Чэнь Юнь выдвинул свою ныне широко распространяемую «триаду» — «всесторонность, сравнение, многократность» — характеризующую «метод достижения сравнительной правильности знания».

Не все работы (и не все в той или иной работе) Чэнь Юня привлекали одинаковое внимание в ходе изучения его экономических идей. Возможно, в ряде случаев это не случайно. Так, не упоминается о поддержке Чэнь Юнем еще в ноябре 1956 г. собраний рабочих на предприятиях по примеру Югославии⁴⁶. В «Решении по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР» приоритет в выдвигании идеи создания собраний представителей рабочих и служащих отдан Дэн Сяопину, хотя тот высказал ее позже, в сентябре 1957 г.

Большое внимание в материалах по изучению экономических идей Чэнь Юня уделено тем разделам сборника, где говорится о комплексном балансировании как методе плановой работы, о необходимости совмещать развитие производства с заботой о жизни народа, об ограничителях масштабов хозяйственного строительства. Широко цитируется, например, следующее выражение: «Мы, коммунисты, должны каждодневно заботиться о насущных интересах народных масс. Люди должны есть пищу, они не могут изо дня в день питаться только марксизмом-ленинизмом»⁴⁷.

Чэнь Юнь выступает сторонником взвешенного, трезвого подхода к определению темпов развития, исходя из того, что «нужны сравнительно длительные усилия для коренного изменения слабости нашей промышленной базы»⁴⁸.

В сборнике отчетливо прослеживаются характерные и для позиции Чэнь Юня на рубеже 70—80-х годов акценты на проблемы сельского хозяйства и рынка, которые «являются крупной проблемой, имеющей отношение к жизни 500 миллионов крестьян и 100 миллионов горожан, являются проблемой судеб народа»⁴⁹. Чэнь Юнь предстает человеком, способным не только ставить вопросы, но и решать их: «Ключевой вопрос для стабилизации рынка — импорт некоторого количества зерна»⁵⁰, «мобилизовать городское население на отправку в деревню, уменьшить по-

требление зерна в городах»⁵¹, «выделить (крестьянам) достаточные приусадебные участки»⁵².

Весьма актуально звучат два заключительных материала сборника — выступления Чэнь Юня на совещании членов партийных групп всех министерств и ведомств Госсовета в феврале 1962 г. и на совещании малой финансово-экономической группы ЦК КПК в марте 1962 г. Указывая на непосильные масштабы капитального строительства, чрезмерную денежную эмиссию, инфляцию, падение уровня жизни городского населения, Чэнь Юнь предлагает конкретную программу преодоления трудностей. В их числе — еще большая централизация, достижение стабильности и надежности «всех шагов», всемерное увеличение производства необходимых для народа потребительских товаров, решительная борьба со спекуляцией, направление всех возможных сил на увеличение сельскохозяйственного производства, установление народнохозяйственного баланса на базе дефицитного продукта («короткой линии»). В качестве вывода предлагалось «главное внимание плановых органов... переключить с промышленности и транспорта на увеличение сельскохозяйственного производства и ликвидацию инфляции»⁵³, «не обсуждать показатели третьей пятилетки, так как ситуация еще не ясна, трудно будет выдвинуть сравнительно реальные показатели»⁵⁴.

Самым популярным из материалов сборника является открывающее его давно и хорошо известное выступление Чэнь Юня на VIII съезде КПК в 1956 г., озаглавленное «Новые проблемы после завершения в основном социалистических преобразований»⁵⁵. Именно оно явилось той исходной базой, на которой оживилась разработка в Китае на рубеже 70—80-х годов теорий сочетания планового и рыночного регулирования, необходимости развития в стране многоукладной экономики и других атрибутов концепции социалистического товарного хозяйства.

При этом ныне чаще всего апеллируют к следующему положению: «Обстановка в нашей социалистической экономике будет следующей. В области производственной и хозяйственной деятельности на промышленных и торговых предприятиях основной формой будет государственная и коллективная, наряду с этим будет сохранена в определенных размерах единоличная форма хозяйственной деятельности, которая будет служить дополнением к государственной и коллективной форме хозяйственной деятельности. В области планирования основная часть промышленной и сельскохозяйственной продукции будет производиться по плану, однако в то же время часть продукции будет производиться свободно, исходя из обстановки на рынке и в рамках, допускаемых государственным планом... Свободное производство... будет представлять собой дополнение к плановому производству»⁵⁶.

Также активно цитируются предложения Чэнь Юня о ликвидации централизованных закупок и сбыта части товаров и переходе на их выборочную закупку, о превращении части плановых показателей в ориентировочные и т. п.

В связи с этим заслуживает упоминания тот факт, что, видимо, далеко не случайно Чэнь Юнь был единственным из выступавших на VIII съезде КПК, кто сказал: «Я согласен со вступительной речью товарища Мао Цзэдуна, докладами товарищей Лю Шаоци, Чжоу Эньлая и Дэн Сяопина и Предложениями по второму пятилетнему плану», тогда как все остальные ораторы начинали свои речи со слов «я полностью согласен...»⁵⁷. Некоторые китаеведы считают, что на VIII съезде КПК Чэнь Юнь выступил со своей собственной концепцией хозяйственного строительства в Китае, отличной от принятой на съезде. Во всяком случае, более ранние выступления Чэнь Юня показывают, что он с самого начала существования КНР призывал «не пытаться перепрыгнуть через стадию “новой демократии”», «позволить каждому из пяти экономических укладов полностью выявить свою роль»⁵⁸. Не исключено, что именно от Чэнь Юня исходят довольно широко распространившиеся в китайской печати в 1979—1980 гг. высказывания о «некоторой поспешности» проведения в стране социалистических преобразований частной промышленности и торговли. Симптоматично, что в свое время Чэнь Юнь особо подчеркивал «беспрецедентность в истории» мирного способа «замены частной собственности на предприятия социалистической собственностью», осуществленного в КНР⁵⁹.

Выступления Чэнь Юня конца 70-х — начала 80-х годов, интересные с точки зрения анализа стоящих перед страной экономических проблем, вносят, однако, мало нового в его общую концепцию хозяйственного строительства. Уточняются, детализируются применительно к новым историческим условиям положения, высказанные много лет назад. Усиливается акцент на крестьянство, на деревню. Так, на апрельском (1979 г.) рабочем совещании ЦК КПК Чэнь Юнь предлагает «из года в год немного улучшать жизнь крестьян и строить на этой основе текущие и долгосрочные планы», ориентировать тяжелую промышленность на обеспечение прежде всего потребностей сельского хозяйства и легкой промышленности, рационально ограничить капиталовложения в тяжелую промышленность⁶⁰. Где-то в конце 1979 — начале 1980 гг. Чэнь Юнь выдвигает принцип «Действовать соразмерно имеющимся силам»⁶¹, дополняющий его старое положение о комплексном балансировании. Знакомые мотивы «чрезвычайных мер» урегулирования экономики страны 60-х годов звучат и в его выступлениях на рабочем совещании ЦК КПК в декабре 1980 г. При этом еще больший упор делается на специфику Китая: «Мы ведем строительство в государстве с миллиардным

населением и восьмисотмиллионным крестьянством... Мы должны понимать это, видеть эту трудность». Отстаивается право государства на административное вмешательство в хозяйственную жизнь, что, по словам Чэнь Юня, «в больших вопросах все же соответствует экономическим законам». С известной натяжкой к новым моментам можно отнести его замечания о необходимости сохранять трезвость в использовании иностранного капитала и заимствовании техники и положение о том, что существующая промышленность является базой модернизации страны.

Пожалуй, наиболее значимое в этом выступлении — это четкое и ясное указание на левацкие руководящие идеи как основной источник ошибок в экономическом строительстве в стране. Однако и оно — не более чем обнародование выводов, которые были очевидны уже двадцать лет назад.

IV

В опубликованных в китайской печати в связи с изучением в стране экономических идей Чэнь Юня материалах разные авторы выдвигают на первый план различные моменты, видимо, наиболее значимые для каждого из них. Так, Ван Чжо и Хуан Цзюйбо делают акцент на соответствии масштабов хозяйственного строительства возможностям страны⁶², Пэй Юаньсю выделяет реалистический подход Чэнь Юня к экономическим проблемам и его «постоянную заботу о жизни народа»⁶³; «реалистический подход и диалектический метод» называются в редакторском предисловии к сборнику статей и выступлений Чэнь Юня «наиболее необходимым среди того, чему следует учиться» (у Чэнь Юня). Этот перечень можно было бы продолжить. Для всех материалов, однако, характерно одно общее явление: стремление осовременить те или иные суждения Чэнь Юня, подогнать их под нужды сегодняшнего дня, трактовать и комплекс экономических взглядов Чэнь Юня в целом, и его конкретную деятельность на руководящих хозяйственных постах в русле поисков особого китайского пути социалистического строительства.

Наиболее четкую классификацию экономических взглядов Чэнь Юня дает Гун Шици в статье «Изучать экономическую теорию в сочетании с практикой строительства»⁶⁴. Он выделяет четыре крупных блока: суждения об экономической структуре и хозяйственной модели Китая; о социалистическом воспроизводстве; о механизме управления экономикой; о методах экономической работы.

Первый блок составляют в основном идеи, высказанные Чэнь Юнем в выступлениях на VIII съезде, о котором говорилось выше. Существенный интерес представляет интерпретация взглядов Чэнь Юня по данному кругу вопросов Дэн Лицюнем. Дэн Лицюнь утверждает, что «ошибочные

положения работы И.В. Сталина “Экономические проблемы социализма в СССР”» «закрепостили наше сознание», «в прошлом мы учились у СССР, подпали под влияние сталинской модели», что не полностью изменилось до сегодняшнего дня. Однако, подчеркивает Дэн Лицунь, «в определенный период времени это негативное влияние было ограниченным. Когда товарищ Чэнь Юнь руководил финансово-экономической работой, официальной критики положений Сталина о том, что закон стоимости в сфере производства роли не играет, что средства производства не являются товаром, не было. Однако на практике то, что делал Чэнь Юнь, в очень многих отношениях не соответствовало теории Сталина и даже было противоположно ей. Так как Чэнь Юнь действовал в соответствии со спецификой Китая... его политика неизбежно отличалась от сталинской», «его работа, его позиция... явились прорывом некоторых сталинских догм»⁶⁵.

Ко второму блоку — о социалистическом воспроизводстве — относятся высказывания Чэнь Юня по широкому кругу теоретических и практических вопросов хозяйственного строительства. Это идеи «увязки воедино жизни народа и экономического строительства»; «правильного построения отношений между простым и расширенным воспроизводством»; необходимости первоочередной заботы о потребностях крестьян и о развитии сельского хозяйства; обусловленности масштабов капитального строительства возможностями страны; опоры плановой работы на являющиеся ключевыми вопросы капитального строительства и рабочей силы; нацеленности плана на достижение баланса народного хозяйства, прежде всего баланса бюджета, кредитов и материальных ресурсов. В ряде статей вышеперечисленные положения разбираются довольно подробно⁶⁶. Всемерно подчеркивается, что взгляды Чэнь Юня «соответствуют марксистской теории расширенного воспроизводства»⁶⁷, что его деятельность означала «реальное использование теории общественного воспроизводства К. Маркса»⁶⁸ и «принципа Маркса о единстве процесса производства и процесса обращения»⁶⁹, что Чэнь Юнь дал образец «гибкого, соответствующего условиям Китая использования и отстаивания правильных положений марксизма-ленинизма»⁷⁰. Наконец, его положение об обусловленности масштабов строительства возможностями страны объявляется «важным развитием теории социалистического планового хозяйства»⁷¹.

К основным суждениям Чэнь Юня относительно механизма управления социалистической экономикой отнесены его предложения о распределении прибыли предприятий между государством и предприятиями (а не полного перечисления ее государству), о предоставлении местным органам и предприятиям права в определенной степени действовать в соответствии с местными условиями, о самостоятельной ответственности

за прибыли и убытки мелких кооперативных групп или всех дворов, входящих в кооперативы торговцев или кустарей; о необходимости придерживаться мелких масштабов и рассредоточенности в кооперативной торговле и кустарном производстве.

Несомненна созвучность этих предложений некоторым конкретным шагам по реформе хозяйственного механизма в Китае в настоящее время и общей направленности обсуждения проблем экономической реформы в стране в последние годы. В связи с этим подчеркивается «реальное значение» соответствующих идей Чэнь Юня⁷², возможность «почерпнуть из сборника статей товарища Чэнь Юня много полезных соображений относительно реформы системы хозяйственного управления»⁷³. Однако характеристика их как «имеющих важное руководящее значение» дается лишь однажды, да и то в узком плане «преодоления недостатков существующего механизма торговли»⁷⁴. На довольно вялом в целом освещении данной группы экономических взглядов Чэнь Юня сказалось, видимо, то обстоятельство, что «вслед за изменением обстановки неизбежно возникают новые проблемы реформы хозяйственного механизма»⁷⁵, отличные от тех, что стояли перед страной более двадцати лет назад. Сыграл свою роль и тот факт, что сам Чэнь Юнь в последние годы неизменно подчеркивал приоритет задач урегулирования перед задачами реформы, подчиненность реформы урегулированию на достаточно длительный период времени. Надо полагать, что такая позиция разделяется в Китае не всеми — это, собственно говоря, ясно продемонстрировала и хозяйственная жизнь страны 1979—1980 гг.

К характерным для Чэнь Юня методам экономической работы причисляются проведение тщательных систематических обследований, всесторонний анализ фактов и т. п., что выдается в общем и целом за «диалектико-материалистический подход». Особенно подчеркивается принцип Чэнь Юня руководствоваться «не книгами, не указаниями сверху, а только фактами». Многие авторы цитируют его замечание о том, что «в нашей работе более 90 % времени надо тратить на изучение обстановки и менее 10 % — на выработку политики»⁷⁶.

Практически общим для материалов, посвященных изучению экономических идей Чэнь Юня, является такой — выраженный словами Дэн Лицюня — вывод: «В последующем для надлежащего ведения нашей экономической работы необходимо действовать согласно выдвинутым товарищем Чэнь Юнем принципам... реализовывать их в сочетании с новой обстановкой, развивать их дальше в ходе осуществления»⁷⁷.

Как представляется, официально не объявленной, но на деле одной из важных целей изучения в стране экономических идей Чэнь Юня была попытка части китайского руководства в известной мере дополнить ими,

а кое в чем и заменить в «маоцзэдунъидеях» дискредитировавшие себя «экономические идеи» самого Мао Цзэдуна.

Видимо, не всех в Пекине превращение идей Чэнь Юня в своего рода «ядро» маоцзэдунъидей в области экономики устроило бы в полной мере, и этого, надо полагать, не случится.

Что касается более или менее полной реализации этих идей в будущей практике хозяйственного строительства в Китае, то, на наш взгляд, вопрос останется открытым, несмотря на их нынешнюю высокую оценку и призывы следовать им и впредь.

Как известно, в прошлом экономика Китая развивалась в основном не «по Чэнь Юню», а по Мао. Очевидно, и сегодня не все в стране разделяют подход Чэнь Юня к проблемам развития Китая, одобряют вытекающие из концепции Чэнь Юня замедление темпов роста, отодвижение на более далекую перспективу осуществления «четырёх модернизаций». К тому же по логике реализации взглядов Чэнь Юня привела бы и к несколько иному облику модернизации, чем тот, на который в настоящее время рассчитывают Дэн Сяопин и его окружение. Возможность «целостного» использования в будущем идей Чэнь Юня существенно ограничивается и некоторыми их очевидными недостатками. Взятые как теория развития экономики, они характеризуются в целом слабой разработкой как раз вопросов развития, слишком общей их постановкой. В качестве теории преодоления экономических трудностей идеи Чэнь Юня более «работоспособны». Однако их слабость в том, что они по существу предполагают решение новых проблем старыми методами. С другой стороны, не может не сказаться на их практической реализации в настоящее время и общая социально-политическая атмосфера в Китае, явно менее, чем в 60-е годы, благоприятная для жестких мер, вытекающих из задач урегулирования народного хозяйства. Не случайно в 1981 г. пришлось постепенно отказаться от выполнения ряда установок «дальнейшего урегулирования» — меньше, чем первоначально намечалось, было остановлено промышленных предприятий, были сняты некоторые из ограничений на эксперименты по реформе хозяйственного механизма. Ныне раздаются голоса за фактический пересмотр сегодняшней жесткой политики в области капиталовложений. Необходимо учитывать и то обстоятельство, что если ученые-экономисты способны понять и принять идеи Чэнь Юня, то работники народного хозяйства, кадровые работники предприятий видят в первую очередь те практические трудности и неудобства, которые принесло им связанное с именем Чэнь Юня «дальнейшее урегулирование» экономики. Этот фактор действует явно не в пользу Чэнь Юня.

В целом, на наш взгляд, в какой-то степени экономические идеи Чэнь Юня все же будут применяться в конкретной практике хозяйственного строительства Китая еще долгое время. Этого объективно требует и

далеко не благополучное состояние народного хозяйства страны, и то обстоятельство, что китайское руководство пока в принципе не располагает более или менее четкой программой социально-экономического развития государства.

Оценивая экономические идеи Чэнь Юня, его практическую деятельность, нельзя, разумеется, игнорировать наличие в них ряда положительных для страны моментов. Взгляды Чэнь Юня оказали оживляющее воздействие на экономическую мысль Китая, содействовали в конечном счете открытому признанию китайским руководством серьезных ошибок в теории и практике хозяйственного строительства в КНР в прошлые годы. В качестве одного из руководителей народного хозяйства в 50-х — начале 60-х годов он немало сделал для восстановления и развития экономики страны, а на посту председателя финансово-экономического комитета Госсовета КНР в 1979—1980 гг. — для организации крупномасштабного обследования проблем народного хозяйства Китая на современном этапе.

(1981)

Послесловие

Данный материал стал первым из ряда работ, посвященных Чэнь Юню. Моя глубокая симпатия к этому видному государственному деятелю КНР зародилась в связи с постепенным пониманием той уникальной роли, которую он сыграл в деле оздоровления экономики страны в первые годы осуществления политики модернизации и реформ. В 1982 г. в Наньчане мне удалось купить небольшую брошюру Дэн Лицуня «Учиться ведению экономической работы у товарища Чэнь Юня», в которой чэньюневская программа экономического строительства подавалась как де-факто настоящая альтернатива и сталинской, и маоцзэдуновской модели социалистической экономики. Эту принципиально важную идею я попытался отразить в научно-аналитическом обзоре «Экономические идеи Чэнь Юня и их изучение в Китае (1981—1982)», изданном в 1983 г. в Институте научной информации по общественным наукам в серии «Специализированная информация». Хотел бы также попытаться еще раз привлечь внимание научной общественности к тому обстоятельству, что именно Чэнь Юнь, а не Дэн Сяопин, первым — еще в 1951 г. — ввел в современный политический лексикон страны старинное китайское выражение «Переходить реку, нащупывая камни».

Примечания

¹ Жэньминь жибао. 11.02.1981.

² Хунци. 1981. № 12. С. 40.

³ Там же.

⁴ Практически изучался не сам II том «Капитала», а многочисленные пособия по его изучению, изданные в КНР. Основное из них было подготовлено АОН Китая под редакцией Линь Цзыли, Лю Гогуана и др. См.: Сюэси Макэсы гуаньюй цзайшэнчань дэ лилунь. Пекин, 1980. Наиболее активно в печати КНР цитируется положение К. Маркса о двух типах расширенного воспроизводства — экстенсивном и интенсивном.

⁵ «Чэнь Юнь тунчжи вэньгао сюаньбянь» (1956—1962). С грифом «Нэйбу фасин». Нам известно два варианта книги — на 216 страниц, издательство «Жэньминь чубаньшэ», март 1981 г., и на 180 страниц, издательство «Цзилинь жэньминь чубаньшэ», апрель 1981 г. Объем в обоих случаях одинаков — 121 тыс. иероглифов. Дальнейшее цитирование — по второму варианту.

⁶ Сюе Муцяо. Чжунго шэхуйчжуи цзинцзи вэньти яньцзю. Пекин, декабрь 1979 г. (первое издание). 273 с. По свидетельству журнала «Чжэнмин» изучались также и статьи Сюе Муцяо последних лет, вошедшие в сборник «Некоторые проблемы экономики нашей страны на современном этапе» (Пекин, 1980. 252 с. На кит. яз.).

⁷ Цзяосюе юй яньцзю. Пекин. 1981. № 3. С. 6.

⁸ Фэньдоу. Харбин. 1981. № 9. С. 35.

⁹ Хунци. 1981. № 12. С. 41.

¹⁰ Как подчеркивалось в журнале «Хунци» (1981. № 12. С. 41), «сегодня обстановка отличается от той, что была в конце 50-х — начале 60-х годов, однако основные положения товарища Чэнь Юня по-прежнему имеют важное руководящее значение для экономической работы в настоящее время».

¹¹ Показательно, что статья специального обозревателя газеты «Жэньминь жибао» от 9 апреля 1981 г. «Отказаться от неправильных руководящих идей в экономической работе. — К вопросу о лево-уклонистских ошибках в экономическом строительстве» представляет, по существу, не что иное, как суммированное изложение экономических взглядов Чэнь Юня. По свидетельству гонконгского журнала «Чжэнмин», она является изложением документа ЦК КПК.

¹² Хунци. 1981. № 12. С. 41.

¹³ Чжэнмин. 1981. № 43. С. 8.

¹⁴ См., например: *Дэн Лицзюнь*. Поговорим о плановом регулировании и рыночном регулировании. Пекин, 1979. С. 12—19 (на кит. яз.).

¹⁵ Занимал также посты заместителя начальника канцелярии ЦК КПК и вице-президента АОН Китая.

¹⁶ См. изложение этого выступления в: Чжэнмин. 1981. № 43. С. 43—44.

¹⁷ Гуанбо цзему бао. 04.07.1981; 18.07.1981.

¹⁸ «Решение» конкретно выделяет следующие положения Чэнь Юня: необходимость устанавливать осуществимые плановые показатели; определять масштабы строительства в соответствии с возможностями страны; учитывать одновременно и нужды народа и потребности строительства страны; обращать внимание на балансирование материальных ресурсов, бюджетных доходов и расходов и кредитования при разработке планов. Более подробно данные положения охарактеризованы в посвященной изучению «Решения» рубрике в газетах «Тяньцзинь жибао» от 20 июля и «Бэйцзин жибао» от 14 августа 1981 г.

¹⁹ Фактически Чэнь Юнь был отстранен от дел весной 1962 г., хотя некоторое время формально и сохранял высокие партийные и государственные посты.

²⁰ См., например: статьи «Взросшая роль Чэнь Юня в бэйпинском руководстве» // *Issues and Studies*. Тайбэй. 1979. Сентябрь; Чэнь Юнь // *China News Analysis*. Гонконг. № 1182. Гонконгский журнал «Чжаньван» в 1979 — начале 1980 г. публиковал специальную рубрику «Материалы о Чэнь Юне». В ней были помещены материалы хунвэйбиновской печати с критикой Чэнь Юня и ряд статей и выступлений Чэнь Юня в период 1939—1979 гг. Полный перечень этих материалов см.: Чжаньван. 16.01.1981. С. 26.

Хвалебная статья о Чэнь Юне была опубликована в неофициальном журнале «Бэйцзин чжичун»: [«Пекинская весна»]. 1979. № 1.

²¹ Шицзе цзинци даобао. 12.01.1981. Перепечатка из «Дагунбао» от 28.12.1980.

²² См.: *Фэн Цзянь, Цзэн Цзяньхуэй*. Стратегический поворот в экономической работе // Ляован. 1981. № 3. С. 2—5. Раздел статьи, посвященный Чэнь Юню, излагался в бюллетенях агентства Синьхуа на английском и русском языках, в газете «Чайна Дэйли».

²³ Шэхуй кэсюе. Шанхай. 1981. № 4. С. 18; Тяньцзинь жибао. 19.05.1981.

²⁴ Сюешу яньцзю. 1981. № 4. С. 42.

²⁵ Сычуань дасюе сюебао. 1981. № 2. С. 3.

²⁶ См.: *Дэн Лицюнь*. Поговорим о плановом регулировании и рыночном регулировании. С. 18. В «Ляоване» речь Чэнь Юня «на совещании в западном флигеле» (февраль 1962 г.) охарактеризована как «важная программа победы над трехлетними трудностями».

²⁷ Сюеси юй яньцзю. Пекин. 1981. № 3. С. 57.

²⁸ Мнение о Чэнь Юна как специалисте по выводу экономики из тупика нашло отражение в следующем символическом образе, открывающем статью об изучении его идей в шанхайском журнале «Общественные науки»: «Цветущая сакура привлекает пчел и бабочек, но ей не выдержать бури. И только распускающаяся в холода кристально чистая мэйхуа, которая посмеивается над инеем и борется со снегом, может считаться подлинной героиней среди цветов» // Шэхуй кэсюе. Шанхай. 1981. № 4. С. 18.

²⁹ См.: Гэмин ши цзыляо : [Материалы об истории революции]. Вып. I. Пекин: Вэньши цзыляо чубаньшэ, 1980. С. 155—161. В сборнике, подготовленном по линии НПКСК, опубликована запись беседы жены Чэнь Юня Юй Жому с корреспондентом сборника, в которой рассказывается о выступлениях Юй Жому против Цзян Цин в 1962 г., а затем в период «культурной революции». Из нее следует, что Юй была сослана в «школу 7 мая» в Хэндун, пров. Хунань, а Чэнь Юнь был отправлен в пров. Цзянси (по некоторым данным, в 1969 году), откуда был возвращен лишь в начале 1973 г. Сама Юй Жому, исключенная из партии и снятая со всех постов, была окончательно реабилитирована лишь в декабре 1976 г.

³⁰ Например, Дэн Лицунь, говоря об экономических успехах КНР в первые годы после освобождения, подчеркивает, что они «неотделимы от управления экономической работой товарищем Чэнь Юнем под руководством товарища Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая» // «Поговорим о плановом регулировании...». С. 12.

³¹ На это указывает «Чжэнмин». 1981. № 43. С. 745. Показательно, что статья спецобозревателя в «Жэньминь жибао» от 9 апреля 1981 г. «Чжэнмине» была расценена как «первая всесторонняя критика экономических идеи Мао со стороны ЦК КПК за последние несколько лет».

³² Например, в хунвэйбиновской печати критиковалось как «ревизионистское» выступление Чэнь Юня о политике партии в области литературы и искусства от 10 марта 1943 г.

³³ Сюешу яньцзю. 1981. № 4. С. 39.

³⁴ Показательны, например, следующие замечания: «В развитии промышленности также... нужно учитывать природные ресурсы данной местности. Например, там, где совершенно точно нет меди, ее невозможно добывать»; «В тех районах, где нет ресурсов железной руды и плохо с транспортом, часть (малых) печей надо закрыть. Там, где плохие условия, не надо строить новые малые печи» // Чэнь Юнь тунджи вэньгао сюаньбянь. С. 74, 102.

³⁵ Чэнь Юнь тунджи... С. 84.

³⁶ Показательно, что в сборнике «Славное десятилетие», посвященном 10-летию КНР, статьи Чэнь Юня нет.

³⁷ Чэнь Юнь тунджи... С. 152.

³⁸ Примечательно, что Чэнь Юню дали выступить только на заседании группы пров. Шэньси. В журнале «Китай» (1981. № 7) помещена о многом говорящая фотография с этого совещания, где изображены обступившие Чэнь Юня Мао Цзэдун, Лю Шаоци, Чжоу Эньлай и Дэн Сяопин (с. 6).

³⁹ Чэнь Юнь тунджи... С. 153.

⁴⁰ Цзинцзюнь бао. 05.03.1967. Статья «Чэнь Юнь — черный проповедник контрреволюционного экономизма».

⁴¹ См.: Шоуду хунвэйбин. 25.01.1967.

⁴² Чэнь Юнь. «Придерживать революционного стиля реалистического подхода — В ознаменование первой годовщины со дня смерти великого вождя и учителя

председателя Мао» // Высоко нести великое знамя председателя Мао. Пекин, 1977 (на кит. яз.).

⁴³ Чжиньван. Гонконг. 01.04.1980.

⁴⁴ Цие гуаньли. 1981. № 3. С. 3.

⁴⁵ См., например: выступление сотрудника Академии наук Китая Мэн Чжаовэня на 4-м собеседовании по вопросам стратегии экономического и социального развития страны // Шицзе цзинци даобао. 07.09.1981; Чайна Дейли. 18.09.1981.

⁴⁶ Югославия, после того как порвала с Советским Союзом в 1948 г., не имела другого метода, кроме как дать рабочим самим управлять предприятиями, что сыграло определенную роль — Чэнь Юнь тунджи... С. 24.

⁴⁷ Чэнь Юнь тунджи... С. 26.

⁴⁸ Там же. С. 26.

⁴⁹ Там же. С. 175.

⁵⁰ Там же. С. 117.

⁵¹ Там же. С. 121.

⁵² Там же. С. 144.

⁵³ Там же. С. 171.

⁵⁴ Там же. С. 173.

⁵⁵ Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. Т. 2. Пекин, 1956. С. 160—180 (на рус. яз.).

⁵⁶ Цитируется по: Материалы VIII Всекитайского съезда... С. 179.

⁵⁷ На это, в частности, обратила внимание китаевед Э. Корбаш.

⁵⁸ Чэнь Юнь. КПК возглавляет работу по национальному строительству (статья к 30-летию КПК) // Пиплэ Чайна. 1 июля 1951 г. (на англ. яз.).

⁵⁹ См. сборник: Народный Китай на пути к социализму. Сборник выступлений на III сессии ВСНП КНР первого созыва (15—30 июня 1956 г.). Пекин, 1956. С. 114 (на русск. яз.).

⁶⁰ Цитируется по: *Дэн Лицунь*. Об изучении и обследовании экономических проблем // Цзинци гайгэ вэньцун : [Сборник статей по экономической реформе]. Вып. I. Шэньян, 1981. С. 14—15.

⁶¹ Этой теме посвящен отдельный сборник статей из газеты «Жэньминь жибао», публиковавшихся в 1979—1980 гг. См.: *Лунь лян ли эр син ды чжидао сысян*. Пекин, 1980.

⁶² См.: Сюешу яньцзю. 1981. № 4. Авторы подготовили книгу «Теория возможностей государства» : [Го ли лунь].

⁶³ Сычуань дасюэ сюебао. 1981. № 2; Сюеси юй яньцзю. 1981. № 12.

⁶⁴ Хунци. 1981. № 12.

⁶⁵ Цие гуаньли : [Управление предприятиями]. 1981. № 3. С. 2—6.

⁶⁶ Например, идеи обусловленности масштабов строительства возможностями страны и комплексного балансирования народного хозяйства разбираются в

статье Пэй Юаньсю «формирование и развитие теории комплексного балансирования» // Сюеси юй яньцзю. 1981. № 3. С. 54—57.

⁶⁷ Фэньдоу. 1981. № 9. С. 35.

⁶⁸ Цзяосюе юй яньцзю. 1981. № 3. с.8.

⁶⁹ Цие гуаньли. 1981. № 3. С. 5.

⁷⁰ Сюеси юй яньцзю. 1981. № 1. С. 23—24.

⁷¹ Сюешу яньцзю. 1981. № 4 С. 40.

⁷² Бэйцзин жибао. 14.09.1981.

⁷³ Шэхуй кэсюе. Шанхай. 1981. № 4. С. 22.

⁷⁴ Шэхуй кэсюе яньцзю. Чэнду. 1981. № 4. С. 112.

⁷⁵ Бэйцзин жибао. 14.09.1981.

⁷⁶ Чэнь Юнь тунчжи... С. 26.

⁷⁷ Цие гуаньли. 1981. № 3. С. 2.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА В КНР В КОНЦЕ 1970-Х — НАЧАЛЕ 1980-Х ГОДОВ

Декларированный 3-м пленумом ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.) перенос «центра тяжести работы всей партии и всей страны на хозяйственное строительство» предъявляет особые требования к экономической науке в Китае, которой предстоит «дать научную основу для выработки правильной стратегии развития экономики, экономической политики, методов хозяйствования и управления», «научно определить общую цель модернизации страны и конкретные цели каждого этапа»¹.

Кроме того, коль скоро китайское руководство стремится «сформировать собственную китайскую модель социалистического строительства», «осуществить модернизацию китайского типа»², то перед экономической наукой в сегодняшнем Китае ставится задача теоретического обоснования и разработки основных положений «китайской модели социализма» на базе поиска «специфических форм проявления роли законов социалистической экономики» в КНР³.

Наконец, сегодня экономическая мысль в КНР явно выдвигается на роль одного из главных показателей политической борьбы в китайском руководстве. Собственно говоря, экономическая мысль постоянно была довольно чутким индикатором разногласий в верхах, но, во-первых, ранее «пальма первенства» здесь чаще всего принадлежала исторической науке и, во-вторых, на нынешнем этапе развития Китая на первый план выдвигаются расхождения взглядов отдельных деятелей высшего эшелона именно по экономическим проблемам, таким, как приоритеты, пути и методы хозяйственного строительства.

Начавшийся после образования КНР процесс становления и развития в Китае современной экономической науки, проходивший под заметным влиянием советской экономической мысли, подвергся со второй половины 50-х годов существенным деформациям.

Некоторое оживление экономических исследований в период урегулирования народного хозяйства первой половины 60-х годов совпало по времени с усилением левацких сил в китайском руководстве, что не могло не сказаться на тематике и качестве разработок в области экономической науки, на самой атмосфере научной жизни. Характерно, что некоторые значительные экономические работы того периода были изданы только в конце 70-х — начале 80-х годов.

Тяжелейший удар был нанесен экономической науке в Китае в годы «культурной революции». Она справедливо считается одной из наиболее сильно пострадавших в этот период областей науки. Были закрыты все специализированные экономические журналы, многие известные ученые-экономисты, заклеенные как «ревизионисты», оказались в заключении или на «перевоспитании». Фактически до 1972 г. не издавалось никакой экономической литературы. Некоторые западные синологи отзывались о Китае этого периода как о стране «без науки об экономике и без экономистов». После кратковременного «проблеска» 1972—1973 гг.⁴ в возобновившихся в ограниченном масштабе публикациях по экономическим проблемам вновь усиливаются левацкие тенденции, достигшие апогея в 1976 г. Экономическая наука была открыто поставлена на службу политическим целям левацкой группировки в руководстве страны, выдвигавшей тезис о «существовании новой и старой буржуазии внутри и вне партии» и требовавшей в связи с этим «быть особенно бдительными в отношении появления ревизионизма в центре»⁵. Именно в таком ключе велась в 1974—1976 гг. опиравшаяся на высказывания Мао Цзэдуна этих лет разработка проблем товарного производства и распределения по труду при социализме, ограничения «буржуазного права» и т. п.

Заявляя о «решающей роли производственных отношений по отношению к производительным силам, надстройки по отношению к базису в определенных условиях», леваки декларировали возможность «непрерывного развития социалистического производства» только в случае «ухватывания за классовую борьбу как за главное звено»⁶.

В дальнейшем «экономическая теория» «четверки» была охарактеризована как псевдосоциализм, «рядящийся в революционную тогу строительства коммунизма», подменяющий научный социализм социализмом феодальным и мелкобуржуазным⁷.

Начиная с 1977 г., в Китае постепенно была воссоздана и создана заново весьма обширная система экономических исследований. Ныне в нее входят научно-исследовательские институты экономического профиля Академии общественных наук Китая, провинциальные НИИ экономики, ряд ведомственных НИИ, экономические факультеты университетов и специальные финансово-экономические вузы, свыше 200 научных экономических обществ, деятельность которых координируется учреж-

денной в марте 1981 г. Китайской ассоциацией научных экономических обществ⁸.

В целях повышения практической отдачи от экономической науки и координации деятельности ученых различных ведомств в Китае ведется поиск новых форм организации экономических исследований.

Например, после создания в июле 1979 г. финансово-экономического комитета Госсовета КНР во главе с Чэнь Юнем при нем были образованы четыре исследовательские группы — реформы хозяйственного механизма, экономической структуры, заимствования техники, экономической теории и методологии. В их задачу входило крупномасштабное и всестороннее обследование экономических проблем страны с целью подготовки условий для надлежащего урегулирования народного хозяйства и проведения реформы хозяйственного механизма. Группы довольно активно работали в 1979 — начале 1980 гг. Так, группа экономической структуры провела 16 конференций и более 30 собеседований с обсуждением проблем структуры народного хозяйства Китая и зарубежных стран, подготовила 26 обследовательских докладов. Группа экономической теории и методологии провела 10 собеседований только по вопросам теории индивидуального сектора в городах, развернула активную работу по изучению зарубежных экономических учений.

Следующий шаг в направлении увязки экономической науки с практикой был сделан с созданием непосредственно подчиненных Госсовету КНР центров экономических исследований (июль 1980 г., возглавляет Сюе Муцяо, включает 18 экономических исследовательских организаций), технико-экономических исследований (май 1981 г., возглавляет Ма Хун), цен, экономического законодательства (июль 1981 г.)⁹. В их задачу входит научное обоснование экономической политики, планов и мероприятий китайского руководства. При этом центр экономических исследований занимается «стратегическими, комплексными и долговременными» проблемами народного хозяйства. В числе данных им рекомендаций — развитие производства потребительских товаров с целью преодоления финансовых трудностей, предложение комплекса мер по «оживлению» тяжелой промышленности. Центр технико-экономических исследований изучает рациональность и экономическую эффективность крупных технических и экономических мероприятий, проводит сопоставление различных вариантов капитального строительства. Им, в частности, организовано комплексное обследование проблемы разработки угля в провинции Шаньси, десять собеседований по вопросу технической реконструкции существующих предприятий. Как декларирует китайская печать, хотя вышеназванные центры только начали работу, но уже «оказали эффективную помощь в деле выработки решений ЦК партии и Госсовета»¹⁰.

Аналогичные центры стали создаваться и на провинциальном уровне. В Гуандуне, например, центр экономических исследований, подчиненный парткому и правительству провинции и играющий роль «штаба экономической политики», начал свою деятельность с обсуждения проблем денежного обращения и цен¹¹.

Серьезные усилия были предприняты в Китае в последние годы по укреплению кадрового аппарата экономической науки. Воссоздана аспирантура Академии общественных наук и в вузах¹², восстановлены ученые степени и научные звания (исследователь, заместитель исследователя, помощник исследователя)¹³. Тем не менее, и количество, и качественный состав ученых-экономистов пока заметно отстают от потребностей страны. Одна из главных причин этого — слабое развитие базового экономического образования. Так, за 1949—1979 гг. высшие финансово-экономические учебные заведения окончили в Китае всего 99 тыс. человек. При этом доля студентов, обучающихся по финансово-экономическим специальностям, составила в 1975 г. 1,4 %, а в 1978 г. — 2,1 % общего числа студентов вузов страны по сравнению с 11,5 % в 1952 г. В 1979 г. в 22 финансово-экономических вузах обучались 21 тыс. студентов и всего 200 аспирантов¹⁴.

Сведений об общей численности ученых-экономистов в Китае нет. В семи институтах экономического профиля Академии общественных наук их насчитывается всего 700 человек¹⁵.

Остро стоит проблема омоложения кадрового состава ученых-экономистов. Среди ведущих ученых страны преобладают люди преклонного возраста, из их числа лишь очень немногие достаточно широко известны в Китае и за рубежом, например, Лю Гогун, Дун Фужэн, Хэ Цзяньчжан. На сегодняшний день костяк отряда экономистов-исследователей составляют многоопытные Сюе Муцяо, Сюй Дисинь, Цянь Цзюньжуй, Юй Гуанюань, Сунь Ефан, Цзян Сюемо, Ло Гэнмо, Ян Цзяньбай. Активно выступают в печати также Ма Хун, Су Шаочжи, Сунь Шанцин, Ляо Цзилли, Цзян Ивэй, У Сян, Чжоу Шулянь, У Цзиньлянь, Ван Хайбо, Ян Пэйсинь, Ло Юаньчжэн, Чжань У, Сюе Баодин, Линь Сэньму, Тянь Цзянхай, Чжао Жэньвэй, Хуан Да, Линь Цзыли, Ли Инин, Ю Линь.

В настоящее время в Китае имеется целый ряд периодических изданий по экономике¹⁶. С 1982 г. стала издаваться специализированная газета «Еженедельник экономической науки». Теоретические статьи регулярно публикуются в центральной печати — газетах «Жэньминь жибао», «Гуанмин жибао», «Финансы и торговля Китая», журнале «Хунци», вестниках вузов и общественно-политических журналах.

Нарастает поток экономической литературы. Существенный интерес представляют сборники статей и выступлений отдельных ученых (Юй Гуанюаня, Сюе Муцяо, Сюй Дисиня, Сунь Ефана, Лю Гогуана, Цзян

Сюемо, Дун Фужэна, Ван Хайбо), тематические сборники по отдельным проблемам (распределению по труду, хозяйственному расчету, экономической эффективности, закону стоимости, экономической реформе), сборники статей и выступлений на теоретических конференциях¹⁷.

Особенно многочисленны учебники по политической экономии социализма, работы по управлению промышленностью, финансам. Появляются и первые собственные работы по зарубежной экономической мысли¹⁸ и экономике зарубежных стран. Растет число переводных работ, в том числе книг ведущих западных ученых-экономистов, произведений классической политической экономии, советской экономической литературы¹⁹. Создан ряд полезных справочных пособий: «Словарь политической экономии» в трех томах (главный редактор Сюй Дисинь), первые в истории КНР «Экономический ежегодник за 1981 г.» и «Сельскохозяйственный ежегодник за 1980 г.»

В то же время в современной китайской экономической литературе все еще имеются серьезные пробелы. Так, до сих пор отсутствует открытый вариант учебника по экономике промышленности, почти нет работ по проблемам модернизации экономики страны, по экономике отдельных провинций КНР, истории экономического развития КНР. Всего несколько малоформатных брошюр посвящено вопросам урегулирования народного хозяйства страны, хотя эта тема и была широко представлена в периодике — видимо, дает себя знать политическая острота проблемы.

Сохраняется и такой традиционный для экономической науки Китая недостаток, как малочисленность авторских и даже коллективных тематических монографий. Собственно, перечень заслуживающих внимания работ почти исчерпывается книгами Сюе Муцяо «Изучение экономических проблем социализма в Китае» (1979 г.), Ян Цзяньбая «О взаимоотношениях промышленности и сельского хозяйства» (1981 г.), Дун Фужэна (главный редактор) «Экономический строй социализма и его преимущества» (1981 г.).

В целом открыто издаваемая литература дает достаточно полное представление об основных направлениях экономических исследований в Китае, об особенностях китайской экономической мысли на современном этапе²⁰.

Достаточно полнокровной и разнообразной является в настоящее время научная жизнь ученых-экономистов Китая. Регулярно проводятся различные собеседования²¹, обсуждения крупных научных проблем²², теоретические научные конференции, среди которых можно выделить четыре конференции по проблеме распределения по труду в 1977—1978 гг., по цепи социалистического производства (Пекин, декабрь 1980 г.), по закону стоимости, взаимоотношениям плана и рынка (Уси, пров. Цзянсу, апрель 1979 г.), комплексному балансированию народного хозяйства (ян-

варь 1981 г., Шэньян), реформе хозяйственного механизма (апрель 1981 г., Чэнду), собственности на средства производства (март—апрель 1981 г., Чэнду), экономической эффективности (март 1981 г., Чжэнчжоу), по вопросам индивидуального сектора в городах (январь 1980 г., Шэньян), экономике сельского хозяйства (Яньтай, пров. Шаньдун, август 1981 г.).

Менее крупными по своим масштабам являются традиционные годовые конференции научных экономических обществ.

Заметно возросли в последние годы международные контакты китайских ученых-экономистов, прежде всего с учеными Японии, США, Западной Европы, Югославии. Китайские ученые принимали участие в специальных симпозиумах по экономике Китая в Гонконге в марте и октябре 1980 г., в китайско-американском симпозиуме экономистов в ноябре 1980 г., в первой китайско-японской встрече по обмену экономической информацией в мае 1981 г. В марте 1981 г. в Ханчжоу прошла первая в Китае международная конференция по мировой экономике. Вместе с тем в силу политических причин китайские ученые-экономисты почти не имеют контактов с коллегами из СССР и большинства других социалистических стран.

В Китае в принципе имеется единый план экономических исследований на 1978—1985 гг., который начал разрабатываться с января 1978 г. и был после пересмотра утвержден на Всекитайском совещании по планированию работы в области экономической науки в марте 1979 г. Совещание, утвердившее также план исследований на 1978—1980 гг., ориентировало ученых на «прорыв запретных зон», на «подлинное обобщение» опыта экономического строительства в Китае, углубленное исследование объективных экономических законов, изучение опыта зарубежных стран, разработку «соответствующих специфике Китая» методов экономической работы. На центральное место была выдвинута задача исследования экономических проблем, связанных с процессом осуществления «четырех модернизаций»²³. Совещание определило несколько сотен конкретных тем исследований по 30 экономическим дисциплинам, включая изучение экономических идей Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, Мао Цзэдуна, политическую экономию, экономику сельского хозяйства, промышленности, транспорта, капитального строительства, техники, производительных сил, труда, материальных ресурсов, торговли, внешней торговли, финансов, теории цен, планирование народного хозяйства, социально-экономическую статистику, математические методы в экономике, экономическую историю Китая, историю экономической мысли Китая и зарубежных государств и т. д.

Вместе с тем уже состоявшееся вскоре после данного совещания апрельское (1979 г.) рабочее совещание ЦК КПК провозгласило курс на

проведение урегулирования народного хозяйства Китая, что, естественно, потребовало корректировки плана экономических исследований. По-видимому, он так и не сыграл предназначавшейся ему роли. На практике главное место в тематике экономических исследований в Китае а 1979—1982 гг. заняли не фигурировавшие в плане проблемы.

В Китае декларируют, что период после отстранения «четверки» явился наиболее плодотворным за все годы существования КНР периодом для ученых-экономистов страны как по широте обсуждаемых проблем, так и по результативности исследований. Действительно, современную китайскую экономическую науку нельзя упрекнуть в узости разрабатываемой тематики. По набору осмысливаемых идей, по формальному перечню имеющихся в наличии экономических дисциплин она, пожалуй, приближается к общему уровню мировой экономической мысли. Предпринимаются даже попытки сказать некое собственное «новое слово» в экономической науке. На это, в частности, претендует включение в число экономических дисциплин «экономики государственной территории» («Готу цзинцзисю») ²⁴. Однако нельзя не видеть и того, что целый ряд важных направлений и проблем пока еще только обозначен, а по некоторым активно разрабатываемым мировой наукой темам в Китае вообще пока нет сколько-нибудь серьезных работ. Это, в частности, комплексный анализ воздействия научно-технического прогресса на экономические процессы, экономическое моделирование и прогнозирование.

В стране все еще идут дискуссии о предмете экономической науки, о соотношении политической экономики и отраслевых экономических дисциплин ²⁵. В целом, на наш взгляд, процесс воссоздания экономической науки в Китае не завершен. При самых благоприятных условиях трудно было бы за несколько лет наверстать отставание в несколько десятилетий.

В период 1977—1978 гг. главное внимание экономической науки было сосредоточено на критике экономических воззрений «четверки», на восстановление «доброе имени» и уяснении подлинного экономического смысла целого ряда основополагающих дня науки и народного хозяйства категорий, таких как распределение по труду, премирование, материальное стимулирование, материальный интерес, потребление, прибыль, рентабельность и т. п. Эта работа заметно осложнялась и тормозилась тем обстоятельством, что тогдашнее китайское руководство во главе с Хуа Гофэном в целом продолжало оставаться на левацких позициях, а «четверка» первоначально была квалифицирована как «внешне ультралевая, а на деле правая» группировка. В результате в дальнейшем пришлось существенно перерабатывать даже наиболее значительную экономическую работу этого периода — монографию «Извращение “бандой четырех” марксистской политической экономики», подготов-

ленную коллективом сотрудников НИИ экономики АОН Китая во главе с Дун Фужэном и содержавшую наиболее систематизированный анализ взглядов «четверки». Известное внимание в 1977—1978 гг. было уделено также интерпретации произведений Мао Цзэдуна, вошедших в пятый том «Избранных произведений», и прежде всего работы 1956 г. «О десяти важнейших взаимоотношениях». Разработка темы модернизации Китая не получила в этот период серьезного развития, поскольку несостоятельность «10-летнего плана экономического развития» страны стала очевидна уже вскоре после его принятия на 1-й сессии ВСНП КНР 5-го созыва (февраль—март 1978 г.).

Принципиальное значение для стимулирования экономической науки имела опубликованная 6 октября 1978 г. в газете «Жэньминь жибао» статья президента АОН Китая Ху Цяому «Действия в соответствии с объективными экономическими законами, ускорить осуществление четырех модернизаций», поставившая вопрос о необходимости всестороннего исследования зарубежного опыта хозяйствования и управления, экономических рычагов, экономических законов социализма.

Резко возрастают масштабы экономических исследований после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.). Постепенно выкристаллизовывается основной набор проблем, разрабатываемых китайской экономической наукой на нынешнем этапе.

Несколько условно (помня о взаимопереплетении и «пограничности» целого ряда проблем) в качестве главных можно выделить такие темы, как политическая экономия социализма (с упором на общественное воспроизводство и формы собственности на средства производства), экономический строй социализма (периодизация этапов строительства социалистической экономики, ее критерии, «модели» социалистической экономики, экономические преимущества социализма перед капитализмом, «китайская модель социализма»), модернизация и стратегия экономического развития Китая (критерии, цели, сущность, методы, этапы модернизации, содержание «модернизации китайского типа», проблема средств, соотношение экстенсивных и интенсивных факторов развития, «руководящие идеи» экономического строительства), урегулирование народного хозяйства КНР (народнохозяйственные приоритеты, пропорции, комплексное балансирование экономики), реформа хозяйственного механизма (система управления народным хозяйством, соотношение планового и рыночного регулирования, экономические рычаги, цены, экономическая роль предприятий, организация и управление сельскохозяйственным производством и т. п.), мировая экономика (зарубежная экономическая мысль, опыт хозяйственной реформы в СССР и странах Восточной Европы, экономическое управление за рубежом, экономика отдельных стран).

Для нынешнего этапа развития экономической науки в Китае характерно все еще заметное преобладание политэкономических исследований, ведущихся по широкому кругу вопросов. Вместе с тем в связи с потребностями политической практики китайского руководства, активно разрабатывавшего в 1979—1980 гг. концепцию существования в Китае «социалистической плановой товарной экономики» с допущением различных форм собственности на средства производства при «главенстве общественной собственности», крен был сделан на изучение проблем товарного производства при социализме (преобладает точка зрения, что обменываемые в рамках общенародной собственности средства производства являются товаром) и форм собственности на средства производства, включая государственную, коллективную, единоличную. При этом некоторые исследователи от критики недостатков государственной формы собственности в Китае перешли к ее отрицанию вообще, выступили за необходимость построения социалистической экономики на базе коллективной собственности или за поиск некой «новой формы социалистической общенародной собственности», которая способствовала бы быстрому развитию производительных сил²⁶.

Нелегкие задачи урегулирования китайской экономики объективно способствовали обращению ученых страны к вопросам теории общественного воспроизводства. В 1981—1982 гг. был издан ряд работ и учебных пособий для изучения кадровыми работниками второго тома «Капитала» К. Маркса.

Своеобразной попыткой подведения общих итогов исследования проблем политической экономики в КНР стала изданная в 1981 г. книга «Полемика по важным вопросам политической экономики со времени образования страны» (1949—1980 гг.), подготовленная редакциями журналов «Экономические исследования» и «Положение в экономической науке».

Немало «копий» было «поломано» вокруг определения этапа общественного развития, на котором ныне находится Китай, выявления характера и специфики «китайского социализма».

В конечном итоге были отвергнуты как неправильные взгляды, что КНР находится в стадии переходного периода от капитализма к социализму, что социализм в Китае не научный, а «крестьянский». Практически декларативно, сверху, было предписано считать, что КНР ныне находится на этапе «неразвитого» или «несовершенного» социализма. При этом, исходя из посылки «неприемлемости марксизмом» каких-либо готовых формул в том, что касается «путей, форм, методов, темпов осуществления социализма», китайские ученые-экономисты солидаризировались с теорией «множественности моделей социалистической экономики» и включились в число ее активных разработчиков.

Предпринимаются и попытки разработать очертания «китайской модели социализма». В частности, апеллируя к низкому уровню развития производительных сил страны, китайские теоретики пытаются доказать не только неизбежность, но и необходимость длительного существования в Китае индивидуального хозяйственного уклада, государственно-капиталистического сектора в виде смешанных предприятий, основанных на китайском и иностранном капитале.

Пожалуй, наиболее широкие международные отклики вызвала разработка китайскими учеными-экономистами вопросов реформы хозяйственного механизма в стране и практические эксперименты в этой сфере. Здесь еще полным ходом идут дискуссии; подготовка проекта «всесторонней реформы хозяйственного механизма» будет на ближайшие годы одним из важнейших — наряду с разработкой проблем стратегии развития — направлений экономических исследований в Китае.

(1982)

Примечания

¹ Цзинцзи яньцзю. 1981. № 10. С. 7, 9.

² «Китаю нужно идти своим путем строительства социализма» — выступление вице-президента АОН Китая Хуань Сяна на встрече с членами «трехсторонней комиссии» в Пекине в мае 1981 г. // Шицзе цзинцзи цзэкань. 1981. № 10. С. 12.

³ Цзинцзи яньцзю. 1981. № 10. С. 12.

⁴ Видимо, смещение Линь Бяо и его группировки дало возможность Чжоу Эньлаю начать осторожную критику левачества в экономическом строительстве, что нашло отражение в публикациях 1972 г. и части 1973 г. (примерно до X съезда КПК). Например, в изданной в 1972 г. в Шанхае брошюре «Немного изучать политическую экономию» «мошенники типа Лю Шаоци» критиковались за отрицание стоимостных категорий, необходимости и неизбежности товарного производства при социализме и т.п. В ней также декларировалась необходимость использования закона стоимости для повышения уровня управления предприятиями.

⁵ Лекции о политической экономии. Социализм. Пекин, 1976. С. 25, 32 (на кит. яз.).

⁶ Там же. С. 34, 73.

⁷ Дун Фужэн. Вычистить яд ультралевиэзны, развивать экономическую науку // Гуанмин жибао. 01.12.1979.

⁸ По названию Китайская ассоциация научных экономических обществ (Чжунго цзинцзи туаньти лянхэхуй) выглядит как аналог Ассоциации советских экономических научных учреждений. Занимается в основном координацией деятельности обществ, популяризацией экономической науки, подготовкой кадров для исследовательских организаций и народного хозяйства, предоставляет ин-

формацию практическим организациям и консультирует их. В Правление Ассоциации входит 51 научное общество, в постоянна правление — 15 обществ. Три общества — пекинское общество экономической науки, китайское общество мировой экономики, исследовательское общество политической экономии социализма — являются коллективным исполнительным председателем Ассоциации. Первая конференция Ассоциации, прошедшая в сентябре 1981 г. в Дальяне, характеризовалась в печати как «самый представительный форум экономистов страны за 30 лет». Со времени начала подготовительной работы по созданию Ассоциации (июль 1979 г.) издается закрытый бюллетень «Известия научных экономических обществ».

⁹ См.: Ляован. 1981. № 7; Цзинцзисюе чжоубао. 08.02.1982.

¹⁰ Ляован. 1981. № 7. С. 3.

¹¹ Наньфан жибао. 15.02.1982.

¹² Первый набор аспирантуры АОН Китая в количестве 400 человек по 106 специальностям был произведен в 1978 г. С 1981 г. издается специальный аспирантский журнал Академии общественных наук «Сюеси юй сыкао» («Изучение и размышление»).

¹³ Гуанмин жибао. 04.04.1980.

¹⁴ Гуанмин жибао. 23.01.1981.

¹⁵ Жэньминь жибао. 30.06.1981.

¹⁶ В их числе можно назвать журналы «Экономические исследования» («Цзинцзи яньцзю»), «Экономическое управление» («Цзинцзи гуаньли»), «Экономическая теория и экономическое управление» («Цзинцзи лилунь юй цзинцзи гуаньли»), «Мировая экономика» («Шицзе цзинцзи»), «Управление за рубежом» («Вайго цзинцзи гуаньли»), «Управление предприятиями» («Ци гуаньли»), «Экономические проблемы сельского хозяйства» («Нунье цзинцзи вэньти»). «Экономические проблемы Китая» («Чжунго цзинцзи вэньти»), «Экономические проблемы» («Цзинцзи вэньти», Тайюань), «Теория и практика цен» («Цзягэ лилунь юй шицзянь», Тяньцзинь), «Экономика финансов и торговли» («Цаймао цзинцзи»), «Экономические науки» («Цзинцзи кэсюе»), «Демографические исследования» («Жэнькоу яньцзю») и ряд других.

¹⁷ Например: О взаимоотношениях плана и рынка в социалистической экономике. Пекин, 1980. В 2 ч.; Некоторые теоретические проблемы комплексного балансирования народного хозяйства. Пекин, 1981; 0 цели социалистического производства. Чанчунь, 1981; Исследование коллективной собственности в городах. Пекин, 1981.

¹⁸ Выделяются «Лекции о зарубежной экономической науке» в 4 частях, подготовленные Обществом исследования зарубежных экономических учений и изданные в 1981 г. Академией общественных наук Китая с грифом «Ограничено распространением внутри страны».

¹⁹ Была издана, например, книга академика Хачатурова «Экономика СССР на современном этапе». Вместе с тем здесь пока преобладают закрытые издания.

В последние годы для внутреннего пользования были изданы книги «Новые мероприятия в области реформы хозяйственного механизма в СССР» (сборник переводов официальных документов, выступлений руководителей, материалов печати), «Хозяйственная реформа в СССР» (под редакцией академика Румянцева), «Обзор хозяйственного управления в СССР», «Советские ученые о периодизации социалистического общества» и ряд других.

²⁰ Как показало ознакомление с каталогом Пекинской библиотеки, в закрытом порядке издаются прежде всего зарубежные работы с оценками экономического развития КНР (например, известные американские работы «Китай: переоценка экономики», «Китайская экономика после Мао»), полные сборники выступлений на теоретических конференциях, выступления хозяйственных руководителей страны. На наш взгляд, для исследования экономической мысли КНР закрытые работы принципиального значения не имеют, за исключением, может быть, лишь такой проблемы, как экономические идеи Чэнь Юня.

²¹ Например, в Академии общественных наук с ноября 1979 г. проводятся один раз в две недели специальные экономические собеседования, каждое из которых посвящено конкретной теме. К началу 1982 г. состоялось 66 таких собеседований.

²² С начала 1981 г. научными и практическими работниками проведено семь обсуждений проблем стратегии экономического и социального развития Китая, на которых обсуждались вопросы цели экономической стратегии, проблемы капиталовложений и инфляции, внешнеэкономических связей, технической политики и т. д.

²³ Гуанмин жибао. 31.03.1979; Цзинцзисюе дунтай. № 4. С. 5.

²⁴ Гуанмин жибао. 27.07.1980.

²⁵ См., например: *Линь Цзыли*. Некоторые методологические вопросы теоретических экономических исследований // Хунци. 1979. № 12.

²⁶ Статья Дун Фужэна в журнале «Цзинцзи яньцзю». 1979. № 1.

ИЗУЧЕНИЕ В КИТАЕ ОПЫТА РЕФОРМ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

Постановка вопроса о строительстве социализма с китайской спецификой может быть адекватно понята и правильно оценена только в том конкретно-историческом контексте, в котором она была сделана. Объективно являвшаяся частью мировой социалистической системы, КНР к началу реформ имела враждебные отношения с лидером мирового социализма Советским Союзом и прохладные — с большинством других социалистических стран. Межпартийные связи поддерживались фактически лишь с КНДР. Кроме нее, к социалистическим странам причислялась Румыния, претендовавшая на реализацию «национальной модели коммунизма», отличной от советского образца. Приличные отношения поддерживались с Югославией, являвшейся одной из основоположниц движения неприсоединения и имевшей большой авторитет в развивающемся мире. Отношения Пекина с Албанией и Вьетнамом, его недавними ближайшими союзниками, в конце 1970-х годов резко ухудшились.

Тем не менее, несмотря на сложный характер отношений с социалистическими странами, Китай объективно нуждался в изучении их опыта для выработки собственного пути социально-экономического развития. Практически со всеми этими государствами Китай сближала однотипная основа в виде советского опыта и олицетворявшей его «сталинской модели» социалистического строительства. Особую ценность для Пекина представляло изучение попыток тех или иных стран «прорвать оковы» традиционной парадигмы социалистического строительства советского образца. Немало поучительного и полезного для Китая содержалось в практике реформ в социалистическом мире середины 1960-х годов. Наконец, изучение опыта социалистических стран выполняло и важную политическую функцию, поскольку использовалось руководством страны как противовес попыткам повернуть реформирующийся Китай на капиталистические рельсы.

Поэтому вполне естественно, что, заявляя о праве Китая на поиск собственной, национальной модели развития в виде социализма с китайской спецификой, Дэн Сяопин одновременно призвал «со всей серьезностью изучать и заимствовать опыт других стран».

Провозглашенный 3-м пленумом ЦК КПК 11-го созыва «прорыв запретных зон в теории» позволил возобновить систематизированное исследование в Китае широкого круга вопросов теории и практики экономического строительства социалистических стран, свернутое еще в начале 1960-х годов, а затем и вовсе прерванное в период «культурной революции». С 1979 г. работа в этой сфере стала быстро продвигаться вперед.

Исследования экономики СССР и других социалистических стран велись в специализированных научно-исследовательских институтах Академии общественных наук Китая (мировой экономики и политики, СССР и стран Восточной Европы, марксизма-ленинизма — идей Мао Цзэдуна, экономики), в региональных академиях общественных наук и в ряде институтов при вузах — например, при Народном университете в Пекине и Фуданьском университете в Шанхае. Большую организационно-исследовательскую работу вели всекитайские научные общества по изучению экономики СССР, экономики Югославии, экономики Румынии, экономики Кореи (КНДР), зарубежных экономических учений, региональные научные общества Шанхая и северо-восточных провинций КНР (Хэйлунцзянское общество исследования экономических проблем СССР и стран Восточной Европы, Ляонинское общество мировой экономики).

Важное значение имели ознакомительные поездки ведущих китайских ученых-экономистов в социалистические государства (на первых порах в качестве гостей послов КНР). Подобные визиты были осуществлены в Румынию и Югославию (неоднократно), Венгрию (1979 и 1983 гг.), СССР (1982 г.). Практиковалось приглашение в Китай для чтения лекций зарубежных специалистов по экономике социалистических стран (поначалу преобладали западные «советологи»; побывали в КНР также и известные теоретики «рыночного социализма» В. Брус и О. Шик).

Сформировалась сеть периодических изданий, публиковавших работы китайских авторов, рефераты и переводы по проблемам экономики социалистических стран. Наиболее представительными среди них в конце 1970-х — начала 1980-х годов были журналы «Шицзе цзинцзи» («Мировая экономика»), «Вайго цзинцзе гуаньли» («Управление за рубежом»), «Цзинцзисюэ дунтай» («Положение в экономической науке», ограничен распространением внутри страны), «Шицзе цзинцзи цзэнкань» (расширенный вариант журнала «Мировая экономика», для внутреннего пользования), «Сулянь Дун Оу зэньти яньцзю» («Изучение проблем СССР и

Восточной Европы», для внутреннего пользования), «Цзинцзисюэ ицун» («Сборник переводов по мировой экономике»), «Говай цзинцзи взньсянь чжайяо» («Рефераты зарубежных экономических работ»), а также газеты «Шицзе цзинцзи даобао» («Вестник мировой экономики») и «Цзинцзисюэ чжоубао» («Еженедельник экономической науки»). Последние два издания прекратили выходить с июня 1989 г.

Только в журнале «Шицзе цзинцзи» за 1979—1982 гг. было опубликовано около 100 статей и статистических материалов об экономике социалистических стран, а в закрытом журнале «Цзинцзисюэ дунтай» за один лишь 1980 г. — свыше 50 материалов.

Росло и издание переводных и собственных книг по различным аспектам экономики социалистических стран. В 1978—1982 гг. в КНР было опубликовано около 70 книг по этой проблематике (в том числе свыше 25 — китайских авторов). В их числе 24 работы общего характера, 17 работ по СССР, 16 — по Югославии, 4 — по Венгрии, 4 — по Румынии.

Экономические проблемы социалистических стран обсуждались на годичных конференциях соответствующих научных обществ и на более широких специализированных конференциях. Так, в 1981 г. была проведена конференция по сравнительному исследованию хозяйственного механизма и экономической структуры СССР и стран Восточной Европы (Пекин), по проблемам экономики сельского хозяйства этих стран (Далянь), по стратегии экономического развития различных государств мира, в том числе и социалистических (Пекин).

Обращение к исследованию зарубежного опыта в Китае в конце 1970-х годов диктовалось прежде всего потребностями внутреннего экономического строительства в самом широком смысле этого слова. Кроме того, намерение модернизировать страну путем широкого использования внешнеэкономических связей требовало, как минимум, непредвзятого ознакомления с экономическими и техническими достижениями зарубежных государств. Определяющий мотив исследования в КНР экономики зарубежных государств в конце 1970-х — начале 1980-х годов хорошо отразила выдвинутая в 1977 г. известным ученым обществоведом Юй Гуаньюанем установка «изучать зарубежные страны для строительства Китая, для еще лучшего развития его экономики». Что касается конкретных направлений этого исследования, то они варьировались в зависимости от «иерархичности» внутренних задач экономического развития Китая на тот или иной момент, охватывая все новую и новую проблематику (управление, перестройка структуры народного хозяйства, реформа хозяйственного механизма, стратегия развития и т. п.).

Часть исследователей недвусмысленно подчеркивала особую необходимость для Китая изучения опыта именно социалистических государств. «Мы осуществляем социалистическую модернизацию... Поэтому прежде

всего надо изучать опыт социалистического строительства различных стран в качестве подспорья и для предохранения себя от повторения чужих ошибок», — заявил в речи на учредительном заседании китайского Общества изучения мировой экономики 21 апреля 1980 г. Цянь Цзяньжуй — директор НИИ мировой экономики и политики АОН Китая. Еще раньше, в начале 1979 г., он призвал по-настоящему изучать «огромные успехи и драгоценный опыт» социалистического строительства КНДР, Румынии, Югославии. Уже в 1978 г. Юй Гуаньюань охарактеризовал как «весьма заслуживающую изучения» экономику Венгрии, положительно отзывался о быстром экономическом развитии Болгарии. На первой сессии ВСНП 6-го созыва (июнь 1983 г.) премьер Госсовета КНР Чжао Цзыян в докладе о работе правительства во всеулышание заявил, что Китаю «небезразличны успехи и опыт в социалистическом строительстве» стран Восточной Европы. В целом положительно, хотя и в весьма специфической манере был решен политически наиболее острый для китайского руководства вопрос о том, изучать ли и в каком ключе экономику СССР. В установочной статье «По-настоящему изучая зарубежные государства, ускорить осуществление четырех модернизаций в нашей стране», опубликованной в журнале «Шицзе цзинци» (Мировая экономика. 1979. № 1), Цянь Цзюньжуй призвал, руководствуясь методом «разделения единого на два», «тщательно и глубоко» изучать экономику «социал-империалистического Советского Союза», мотивируя это, в частности, тем, что «темпы роста советской экономики... по-прежнему выше, чем в большинстве развитых капиталистических стран», что «расширение прав предприятий, усиление внимания к хозрасчету» исправили некоторые прошлые недостатки системы хозяйственного управления в СССР.

Большое воздействие на изучение опыта социалистических стран, как и на весь комплекс экономических исследований в КНР, оказало выступление в июле 1978 г. на заседании Госсовета бывшего в то время президентом Академии общественных наук Китая Ху Цяому, опубликованное 6 октября 1978 г. в «Жэньминь жибао» под заголовком «Действуя в соответствии с объективными экономическими законами, ускорить осуществление четырех модернизаций». Его влияние явно ощущается в перечне основных направлений изучения в КНР опыта социалистических стран, сформулированных Цянь Цзюньжуйем в начале 1979 г.

Это, во-первых, изучение деятельности «в соответствии с объективными экономическими законами» (конкретно предлагалось изучать законы планомерного, пропорционального развития, стоимости, распределения по труду), во-вторых, исследование реформы хозяйственного управления в различных странах, в-третьих, изучение совершенствования управления на предприятиях, в-четвертых, анализ работы по заимствованию иностранной техники и средств.

В июле 1979 г. всекитайское совещание по планированию исследований в области мировой экономики приняло план работы в этой области на 1978—1985 гг., насчитывающий свыше 200 тем. Совещание ориентировало ученых на то, чтобы «на первое место в исследованиях мировой экономики поставить интересы дела четырех модернизаций». Главными направления исследований были названы изучение путей, методов и особенностей осуществления модернизации экономики различных стран; анализ уроков и опыта модернизации экономики в отраслевом и проблемном разрезе; прогноз развития мировой экономической ситуации на средне- и долгосрочную перспективу.

Хотя исследованию проблем модернизации экономики зарубежных стран была отведена определенная дань, но все же на практике ведущее место в изучении экономического строительства социалистических стран заняли другие проблемы. Это реформа хозяйственного механизма и управления народным хозяйством; «модели» социалистической экономики и сравнительные исследования народного хозяйства различных стран; теоретические аспекты социалистического экономического строительства.

Выдвижение в повестку дня в Китае задачи подготовки и проведения реформы хозяйственного механизма стимулировало повышенное внимание китайских ученых и хозяйственников к опыту осуществления этих реформ в различных социалистических странах. Поначалу в поле зрения оказались Югославия и Румыния¹, но уже с 1979 г. стали появляться обзорные статьи по проблемам экономических реформ в СССР и Венгрии², а затем и других социалистических стран.

Наибольшее внимание китайские исследователи уделяли теоретическим принципам и экономическим причинам реформ, расширению хозяйственной самостоятельности предприятий, соотношению «планового управления и рыночного регулирования», совершенствованию системы народнохозяйственного регулирования (планирование, ценообразование, налогообложение, кредит).

Как правило, в Китае признавали, что «экономическая система централизованного типа с государственным руководством народным хозяйством и всеохватывающим директивным планированием», существовавшая в большинстве социалистических стран в 1950-х — первой половине 1960-х годов, «сыграла определенную роль в восстановлении народного хозяйства», благоприятствовала быстрому осуществлению индустриализации ряда государств, плановому единому использованию средств и технико-экономического потенциала в целом. В то же время, полагали китайские ученые, этой системе оказались присущи такие «все более углублявшиеся» недостатки, как усиление бюрократических тенденций в хозяйственном управлении, невозможность обеспечить долговременную

активность низовых хозяйственных единиц и масс трудящихся, возникновение в одних сферах уравниловки, а в других — чрезмерного разрыва в вознаграждении по труду, негибкость и невысокая в целом экономическая эффективность³. Стремление преодолеть эти недостатки и послужило побудительной причиной реформ, общей тенденцией которых явилось «признание в той или иной степени роли товарно-денежных отношений и рыночного механизма в социалистической экономике», отказ от опоры «только на административные рычаги и методы, выявление роли экономических рычагов; переход от централизованных решений к расширению прав низовых хозяйственных организаций и трудящихся масс в принятом решении⁴.

Довольно долго в китайской литературе «ключевым звеном» реформы хозяйственного механизма и в Китае, и за рубежом называлось расширение хозяйственной самостоятельности предприятий. Под этим углом зрения реформа, проводившаяся с 1965 г. в СССР, объявлялась сплошь и рядом «консервативной», непоследовательной, расширение прав предприятия трактовалось как «расширение прав лишь руководителей предприятий, не затрагивавшее рабочих», в связи с чем декларировалась необходимость «демократизации управления» и даже «политической жизни в целом». Практике Советского Союза нередко противопоставлялся пример Югославии, где будто бы успешно решалась «проблема превращения народа в хозяина». События в Польше в 1980—1981 гг. заставили китайцев пересмотреть свои подходы. Расширение прав предприятий стало рассматриваться не как самоцель, а как «всего лишь средство еще лучшего сочетания интересов государства, предприятий и трудящихся». При этом подчеркивалось, что полномочия предприятий общенародной собственности «имеют определенные пределы», государственные предприятия «не должны превращаться в полностью независимых товаропроизводителей». Положительно был оценен опыт СССР и ряда других стран, где предприятиям оставлялась сравнительно небольшая часть прибыли, а ее использование достаточно четко регламентировалось. Напротив, «чрезмерные права предприятий» в Югославии стали расцениваться скорее отрицательно, в этом усматривалась одна из причин отсутствия у государства достаточных финансовых ресурсов и нестабильности экономики в целом.

Своеобразное ранжирование социалистических стран было проведено и по такому критерию, как соотношение между планом и рынком. Советский Союз довольно жестко критиковался за «односторонний упор на плановое регулирование» и недостаточное развитие роли рыночных рычагов. Негативные оценки, но уже за чрезмерную опору на рынок, давались и югославской практике. Наиболее благосклонно большинство китайских исследователей относилось к опыту «сочетания плана и рынка» в

Венгрии, особо выделяя гибкое использование в этой стране для обеспечения реализации плана системы экономических регуляторов. В то же время подчас констатировалась невозможность для Китая перенять многие конкретные методы, практикуемые в Венгрии, в связи с «намного более сложной, чем там, ситуацией в КНР», да и по причине несопоставимых масштабов экономик двух стран.

Неоднозначным, противоречивым было отношение в Китае к советскому опыту реформы хозяйственного механизма. Здесь встречались порой весьма позитивные оценки. Так, на первом годичном собрании научного общества по изучению экономики Советского Союза в Харбине в июле 1980 г. высказывалось мнение, что «советская экономическая реформа в целом успешна и в ее опыте, по сравнению с другими странами Восточной Европы, гораздо больше моментов, которые могут служить примером для Китая». Однако в целом в конце 1970-х — начале 1980-х годов превалировала точка зрения, что реформа в СССР имела лишь «частичные успехи» и «не дала» очевидных положительных результатов, в связи с чем советский опыт объявлялся «недостойным подражания в качестве одного из путей осуществления реформы». Более того, встречалось и резко негативное отношение к советскому опыту социалистического строительства: успех реформы хозяйственного механизма в Китае и осуществление «четырёх модернизаций» порой ставился в прямую зависимость от «прорыва советского опыта», от его «вычищения с самого начала и преобразования в полном комплексе».

Интерес к «моделям» социалистической экономики возник в Китае под явным влиянием зарубежных исследователей этой проблемы, прежде всего В. Бруса и О. Шика⁵. Особый акцент на данную тематику в работах ряда китайских авторов (Жун Цзинбэнь, Чжао Жэньвэй, Су Шаочжи) объяснялся определенной созвучностью самой идеи «множественности моделей социалистической экономики» задаче поиска собственного китайского пути социалистического строительства.

Декларировалось, что развертывание исследований различных «моделей» направлено не на заимствование той или иной теоретической «модели», а «отыскание модели социалистической экономики, соответствующей особенностям Китая».

Термин «модель социалистического строительства» стал употребляться уже в начале 1979 г., но задача проведения «настоящего сравнительного исследования всех неодинаковых моделей строительства социализма» была поставлена несколько позже, в 1980 г. Особый размах обсуждение проблемы «моделей» приобрело после принятия на 6-м пленуме ЦК КПК XI созыва «Решения по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР», где декларировалось, что «развитие социа-

листических производственных отношений не может идти по раз и навсегда установленному образцу».

На практике многие исследователи выделяли «модели» прежде всего по различиям в хозяйственном механизме, увязывая их при этом с конкретными странами. Как правило, речь шла о советской («периода И.В. Сталина»), югославской и венгерской «моделях». Существовала и такая точка зрения, что «Венгрия не представляет собой самостоятельной экономической модели, а является переходной формой между советской и югославской моделями, в основном относящейся (с точки зрения руководящих идей и тенденций развития) к югославской модели»⁶.

В первой половине 1980-х годов большинство китайских авторов с известной симпатией отзывалось о венгерской и в основном негативно — о советской «модели». Заявлялось, что «в Китае сравнительно рано поняли недостатки копируемой советской системы». Встречались и попытки объективно освещать «советскую модель экономического строительства». Ее формирование и особенности рассматривались как результат «избранной отсталой страной в определенных исторических условиях... стратегии экономического развития». Указывалось на необходимость видеть «исторически прогрессивную роль» этой модели.

Полярно противоположные оценки давались «югославской модели». Те, кто подходил к ней с точки зрения «применимости» для Китая, делали упор на недостатках и проблемах югославской экономики, прямо или косвенно связывая их с «самоуправлением». Другие, напротив, полагали, что «югославская система самоуправления, пройдя серьезные исторические испытания, доказала свою жизнеспособность... Югославская модель... обогатила социалистическую мысль».

Некоторые ученые классифицировали не «модели» в целом, а только различные типы социалистического хозяйственного механизма. Так, известный ученый-экономист Лю Гогун выделял пять таких типов: натуральное снабжение военного коммунизма; традиционный тип экономики с централизованным планированием; экономика с улучшенным централизованным планированием; плановая экономика с рыночным регулированием; «рыночный социализм».

Мало-помалу акцент с изучения собственно «моделей» социалистической экономики был перенесен на близкое ему, но более широкое «сравнительное исследование социалистического строя», лучше отвечающее задаче «строительства социализма со спецификой Китая».

Еще в 1980 г. Цянь Цзюньжуй предлагал проведение таких исследований, выделяя в них два аспекта: во-первых, сравнение различных путей социалистического строительства, общего и различного, преимуществ и недостатков, успехов и неудач; во-вторых, сравнение конкретных условий и исторического окружения различных стран. Изучение зарубежных

стран в таком ключе способствовало бы, по мнению Цяня, пониманию того, что в процессе социалистического строительства того или иного государства является продуктом специфического исторического окружения, а что имеет всеобщий характер, что обусловлено объективными причинами, а где решающую роль сыграли субъективные факторы.

Развивая идеи Цянь Цзюньжуя, Су Шаочжи в 1983 г. предложил выделять три уровня «сравнительных исследований социалистического строя». Первый уровень — это исследование проблем, порожденных превращением социализма из учения в реальность и имеющих общее для всех социалистических стран значение. Второй уровень — изучение новых проблем, возникших в связи с выходом социализма за рамки одной страны и появлением ряда социалистических государств (сюда, в частности, относятся и проблемы «моделей», сравнения хозяйственных реформ и т. п.). К третьему уровню Су Шаочжи причислял «сравнительные исследования специфических закономерностей строительства социализма в неразвитых странах».

Постепенно осознание в послемаоцзэдуновском Китае того факта, что одной из коренных причин неудовлетворительного развития страны с конца 1950-х годов были «левацкие руководящие идеи», содействовало активизации в КНР попыток вновь нащупать «правильные принципы» развития народного хозяйства и социалистического строительства в целом. Наряду с поиском таких принципов в собственно китайском наследии (на практике — прежде всего в экономических воззрениях Чэнь Юня) объективно необходимым было и обращение, пусть даже с критических позиций, к опыту мирового социализма и в первую очередь СССР. Как подчеркивал Мэй Вэньбинь, необходимо «вспомнить о пути, пройденном Советским Союзом... отыскать явления, имеющие закономерный характер и использовать их в качестве подспорья для социалистического строительства в нашей стране»⁷.

Поначалу особое внимание китайских исследователей привлекла работа И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». В дальнейшем интерес к теории социалистического экономического строительства в СССР распространился на периоды «военного коммунизма», НЭПа, индустриализации.

Китайские ученые справедливо отметили далеко идущее значение политики «военного коммунизма», ее заметное воздействие на последующее экономическое развитие СССР, «классическим примером» которого стало «осуществление в Советском Союзе в конце 1920-х — начале 1930-х годов всеобщей коллективизации сельского хозяйства»⁸. Длительность влияния политики «военного коммунизма» объяснялась тем обстоятельством, что она была не только следствием «гражданской войны и экономической разрухи», но и «отражением взглядов большевиков и Ленина по

вопросам экономического строительства», «попыткой искомого Лениным и большевиками непосредственного перехода к коммунизму». Ряд ученых проводил своего рода идейную параллель между «военным коммунизмом» и левачеством в самом Китае, доказывая, что в китайском «коммунизаторском поветрии», «переходе в условиях бедности», «обрубании хвостов капитализма» много схожего с «военным коммунизмом».

Особое внимание в Китае уделялось изучению НЭПа в СССР как «опыта строительства социализма в отсталой стране с неразвитыми производительными силами и преобладанием мелкого крестьянства». В первую очередь подчеркивались моменты, в какой-то мере созвучные хозяйственной практике КНР и теоретическим воззрениям китайского руководства. Это, в частности, идея «перехода к социализму через государственный капитализм», необходимость соответствия экономической политики реальной ситуации в стране. С явным прицелом на Китай делался вывод, что «оценивать прогрессивность или отсталость той или иной формы собственности следует в зависимости от того, содействует ли она развитию народного хозяйства».

Исследование НЭПа навело китайских ученых на экономические воззрения Н.И. Бухарина. Это мотивировалось тем, что «успехи Бухарина как экономиста, можно сказать, и состоят в описании и развитии НЭПа и особенно в его защите после смерти Ленина»⁹. В 1980—1981 гг. китайцы неоднократно выражали симпатию таким идеям Бухарина, как «строить социализм не через крах крестьянского хозяйства, а через экономическое соединение с крестьянством», «рациональное соединение плана и рынка, социалистических и несоциалистических форм». Привлекла их внимание и забота Бухарина о сбалансированном развитии народного хозяйства и необходимости товарного обеспечения накоплений, его предостережения о возможности превращения государственного аппарата в «оковы на пути развития производительных сил». Ряд исследователей не только выдавал взгляды Бухарина за возможную альтернативу «сталинской модели социализма», но и использовал их для доказательства неизбежно «необразцового», «азиатского» характера социализма в России.

Основные труды Н.И. Бухарина были переведены на китайский язык и изданы в трех томах в 1981 г. — задолго до первых аналогичных публикаций в Советском Союзе. В 1987 г. была также издана подготовленная Фан Юйчуанем биография Бухарина. В общей сложности за 1980—1986 гг. в китайской печати были опубликованы 52 статьи о Бухарине. В 1988 г. в ознаменование столетия со дня рождения Н.И. Бухарина в Тяньцзине был проведен симпозиум, посвященный его теоретическим воззрениям и практической деятельности.

В изучении особенностей индустриализации в СССР в Китае сложились две тенденции. Часть исследователей оценивали «сталинскую

теорию и практику индустриализации» преимущественно негативно. Другие, напротив, признавали за нею «соответствие объективным реалиям своего времени» и даже видели в сталинской модели индустриализации «развитие теории К. Маркса и В. Ленина о расширенном воспроизводстве».

В комплексном виде экономическое строительство в СССР в период до конца 1950-х годов впервые было детально рассмотрено в фундаментальной работе «Беседы о капитализме и социализме», подготовленной учеными Института мировой экономики и политики АОН Китая.

С поездки в СССР в 1982 г. делегации китайских экономистов (в их числе были Лю Гогунан и Лю Суйнянь) начался процесс прямого знакомства ученых КНР с советской экономикой 1980-х годов.

С приходом к власти в СССР М.С. Горбачева взаимное изучение опыта экономических преобразований вступило в активную фазу. Опыт советской перестройки сразу же стал в КНР объектом пристального внимания. Многим в Китае казалось, что в Советском Союзе может быть найден ответ или подсказка для решения проблем, мучивших самих китайцев (прежде всего, методов реформы государственных предприятий). Однако после событий на площади Тяньаньмэнь в июне 1989 г. Китай стал жестко дистанцироваться от советского образца преобразований во всех сферах.

В целом изучение опыта экономического строительства и хозяйственных реформ в социалистических странах сыграло важную роль в развитии и развитии теории строительства социализма с китайской спецификой. Хотя непосредственно в практику преобразований из опыта соцстран в Китай было перенесено сравнительно немного, однако некоторые из таких заимствований оказались чрезвычайно результативными. Это, в частности, повышение закупочных цен и снижение объема обязательных закупок зерна, близкое к советскому опыту, и особенно «двухколлейная» система цен, идея которой была подсказана венгерскими учеными-экономистами.

(1985, 2015)

Послесловие

Развернутая работа об изучении в Китае опыта реформ в социалистических странах была впервые опубликована в одном из сборников трудов сотрудников Института экономики мировой социалистической системы АН СССР.

Обновленный и существенно сокращенный вариант данного материала вошел в IX том «Истории Китая с древнейших времен до начала XXI века» (Москва, 2016).

Примечания

¹ См., напр., *Лю Гогуан*. Хозяйственное управление в Румынии в процессе реформы // Шицзе цзинци. 1978. № 4; *Ян Юаньгэ*. Социалистический самоуправленческий строй Югославии; Лю Юаньчжэн. Общественное планирование и рыночная экономика в Югославии — в сборнике «Наньсилафу цзинци цинкуан цзе шао»: [«Об экономической ситуации в Югославии»]. Пекин, 1978.

² См. Экономическая реформа в Советском Союзе // Цзинцисюэ дунтай. 1979. № 8; Синь Дун. Экономическая реформа в венгерской промышленности // Цзинцисюэ дунтай. 1979. № 10; Ли Шухуа. Историческая подоплека осуществления в Венгрии нового экономического механизма и его главное содержание // Шицзе цзинци. 1979. № 12.

³ *Цзян Чунцзэ*. Анализ экономических реформ в странах Восточной Европы // Шицзе цзинци даобао. Шанхай. 6 июня 1983 г.

⁴ *Шу Дун*. Предварительное сравнительное исследование реформ хозяйственного механизма в СССР и странах Восточной Европы // Цзинци лилунь юй цинци гуаньли. 1983. № 1. С. 68.

⁵ В КНР были опубликованы переводы книг О. Шика «План и рынок при социализме» (1982), «Третий путь» (1982), В. Бруса «Политика и экономика социализма» (1981). Издан также сборник их докладов, прочитанных во время пребывания в Китае («О реформах социалистической экономической системы» (1982)). В лекциях о зарубежной экономической науке (1981, т. 3), изданных АОН Китая, теориям моделей социалистической экономики В. Бруса и О. Шика посвящены отдельные главы.

⁶ Шицзе цзинци цзэнкань. 1981. № 6. С. 62.

⁷ *Мэй Вэньбинь*. Некоторые проблемы перехода Советского Союза к социализму // Шицзе цзинци. 1981. № 9. С. 11.

⁸ *Чжан Чи*. Как оценивать политику военного коммунизма в Советской России // Шицзе цзинци. 1980. № 6. С. 34.

⁹ *Сун Хунчуань*. Бухаринская теория социалистического строительства заслуживает настоящего изучения // Шицзе цзинци цзэнкань. 1981. № 2. С. 3.

ЭКОНОМИКА КНР В СЕРЕДИНЕ 1980-Х ГОДОВ

Данная работа подготовлена по итогам научной командировки в КНР в качестве гостя Посла СССР в КНР И.С. Щербакова. Цель командировки, прошедшей в период с середины декабря 1985 г. по середину января 1986 г., состояла в ознакомлении с ходом хозяйственной реформы в Китае, ее экономическими и социальными последствиями; в ознакомлении с постановкой и состоянием экономических исследований в Китае на современном этапе, прежде всего, с разработкой теоретических вопросов реформы хозяйственного механизма и стратегии социально-экономического развития страны; в установлении контактов с китайскими учеными-экономистами.

В ходе командировки состоялись беседы: с ответственным работником Всекитайской ассоциации экономических организаций Ло Юаньчжэном (в 1981—1985 гг. — исполнительный председатель Ассоциации, ныне — секретарь Ассоциации по международным связям; избран в состав исполкома Международной ассоциации экономистов); в Исследовательском центре проблем развития деревни Китая (зам. зав. отделом Чжан Юньнянь); в Государственном торгово-промышленном административном управлении КНР (зам. зав. отделом исследования политических установок Сунь Чжань, зав. юридическим отделом Дуань Юлинь); в научно-исследовательских институтах Академии общественных наук Китая: экономики (зам. директора Чжао Жэньвэй, зав. отделом организации научных исследований Чэнь Жуймин), экономики финансов, торговли и материальных ресурсов (зам. директора Цзя Люйжан, зав. отделом экономики финансов Хэ Чжэньи, зав. отделом экономики материальных ресурсов Цинь И), СССР и Восточной Европы (зав. сектором экономики СССР Лу Наньцюань, зав. сектором стран Восточной Европы Чжао Найбинь), мировой экономики и политики (сотрудники института Чжэн Вэйминь — одновременно является заместителем ответственного секретаря Китайского исследовательского общества мировой экономики, Гу

Юаньян, Ван Цзиньцунь, Тань Шичжун, Ван Вэньсю, зам. главного редактора журнала «Мировая экономика» Ши Минь).

Во время поездки по стране по маршруту Тайюань—Чжэнчжоу—Кайфэн—Лоян состоялись беседы с заведующим канцелярией по реформе хозяйственной системы провинции Шаньси Хань Гуйгу, зав. координационным отделом планового комитета провинции Шэньси Фань Минхаем, сотрудником центра развития деревни пров. Шаньси Люй Фэнсяо, зам. председателя комитета по реформе хозяйственной системы пров. Хэнань Ли Цзиншэном и зав. общим отделом этого комитета Чжан Чэнхоу. Были посещены 2-й завод дизельных двигателей в г. Чжэнчжоу, «административная деревня» (бывшая большая производственная бригада) Байчжуан близ Чжэнчжоу. Просьбы о встрече с представителями органов управления городов Кайфэн и Лоян, входящих в число 59 городов страны, которые проводят комплексные эксперименты по реформе хозяйственной системы, не были удовлетворены в связи с занятостью (Кайфэн) или отсутствием на месте (Лоян) соответствующих работников.

Личные наблюдения, беседы с китайскими учеными и хозяйственниками в целом подтверждают картину весьма динамичного **развития народного хозяйства Китая** в годы шестой пятилетки (1981—1985 гг.), складывающуюся из данных статистики и публикаций периодической печати страны. По предварительным расчетам, среднегодовые темпы прироста национального дохода в этот период составили 9,5 %, промышленности 10,6 % (в том числе тяжелой 9,3 % и легкой 12,5 %), сельского хозяйства 10,8 %¹. Эти показатели существенно выше планировавшихся на пятилетку (4—5 %). Данная тенденция подтверждается и на примере провинции Шаньси, где среднегодовой прирост национального дохода за 1981—1984 гг. составил 14,7 %, промышленного производства 10 %, существенно перевыполнены плановые задания пятилетки по производству основных видов промышленной и сельскохозяйственной продукции.

Бросаются в глаза активное строительство, в том числе гостиниц и ресторанов с участием иностранного капитала, расширение торговой сети и ее лучшее насыщение потребительскими товарами длительного пользования, увеличение количества, расширение ассортимента и улучшение качества имеющихся в продаже овощей и фруктов (преимущественно за счет индивидуального сектора². Население городов стало лучше одеваться (это особенно характерно для Пекина).

Вместе с тем экономический рост Китая последних лет сопровождался серьезными негативными явлениями.

На государственном уровне, пожалуй, наибольшую озабоченность вызывает чрезмерное «разбухание» масштабов капитального строительства, с которым связано не только обострение дефицита по многим видам материальных ресурсов³, нередко тормозящее строительство наиболее

крупных объектов, но и излишне быстрое, по сравнению с возможностями страны, возрастание потребительского спроса (по оценке, из каждых 100 юаней капитальных вложений 35—40 юаней через оплату труда «перекочевывают» в фонд потребления). Так, в провинции Шаньси за четыре года пятилетки объем инвестиций в основные фонды (новое строительство плюс техническая реконструкция) на 47 % превысил плановые наметки, однако за тот же период введены в строй лишь 29 из 56 ключевых объектов пятилетнего плана.

На «бытовом» уровне самым острым вопросом является рост цен, прежде всего на продовольствие. Он был связан в значительной степени с отменой твердых государственных розничных цен на овощи, мясо, яйца и переводом их в категорию колеблющихся в зависимости от спроса и предложения на рынке. Хотя во многих районах сохраняются достаточно жесткие ограничения на верхний предел колебания розничных цен, а в целом по городам страны доля продовольственных товаров, реализуемых по свободным ценам, варьирует от 20 до 80 %, тем не менее, итоговый рост в 1985 г. индекса розничных цен на 9 % в среднем по стране вызвал, похоже, весьма сильное недовольство населения. По-видимому, в наибольшей степени пострадали жители крупных городов, включая Пекин, где приходилось сталкиваться с прямыми сетованиями китайцев на рост цен, который, по их словам, не был в полной мере компенсирован увеличением зарплаты, введением дополнительных дотаций и т. п. Симптоматично в этой связи, что ответственные работники провинции Шаньси в качестве особого достижения выделяли факт более низкого в их провинции роста розничных цен по сравнению со средним по стране.

В то же время сложилось впечатление, что рост розничных цен в Китае связан не только с рыночным фактором, но и в очень высокой степени — с падением курса юаня по отношению к доллару США. Строго говоря, такого рода повышение цен должно было бы охватывать только товары и услуги, реализуемые иностранцам, однако, по-видимому, в связи с явным расширением доступа китайского населения к «валютным» потребительским товарам и увеличением импорта предметов потребления в целом с целью сокращения объема денег в обращении в орбиту этого «курсового» роста цен вовлекается и часть обычных товаров розничной торговли. Проблема курса юаня к доллару имеет, на наш взгляд, и другой аспект, а именно: показатели совокупного общественного продукта, национального дохода, их производство в расчете на душу населения, объем внешней торговли т. п. выглядят в юаневом выражении намного веселее, чем в долларовом. То есть, говоря более конкретно, из-за падения курса юаня к доллару о 1,6—1,7 юаня за 1 доллар в 1981 г. до 2,8—3,2 юаня за 1 доллар в 1985 г. динамика экономического развития Китая и повышения его места в мировой экономике (например, по производству ВВП

или национального дохода на душу населения) в период шестой пятилетки, взятая с целью международных сопоставлений в долларовом исчислении, оказывается на деле меньшей, чем та, которую можно было бы предположить, исходя из исчисленных на юаневой основе относительных темпов прироста. По-видимому, данная проблема, пока еще не привлекающая должного внимания советских китаеведов, заслуживает специального исследования с участием специалистов по валютным курсам и международной статистике. Еще одной остающейся «в тени» проблемой является явно необычная ситуация, сложившаяся в сфере денежного обращения в Китае. Дело в том, что в городах страны, и не только в крупнейших, наряду с национальной валютой (жэньминьби) практически беспрепятственно обращаются и так называемые «валютные чеки», по идее предназначенные для реализации услуг и товаров иностранцам в специальных магазинах и гостиницах. Такое положение нередко ведет к двойному уровню цен на потребительские товары и услуги, способствует разного рода спекулятивным сделкам, подрывает престиж национальной валюты. Тем не менее, очевидное бездействие властей наводит на мысль, что широкий допуск в обращение «валютных чеков» может преследовать какие-то вполне сознательные цели, например, выкачивание валюты, отработка через своего рода неофициальный эксперимент перехода к конвертируемости юаня и т. п. Вероятно, данный вопрос также заслуживает всестороннего изучения.

Пребывание в КНР позволило воочию убедиться в том, что в кругу экономических проблем Китая центральное место ныне занимает реформа хозяйственной системы.

С началом крупномасштабной, можно сказать, «тотальной» реформы городской экономики после принятия в октябре 1984 г. «Постановления ЦК КПК относительно реформы хозяйственной системы», к тому же дополненной реформой системы централизованных закупок сельхозпродукции в деревне, преобразования в хозяйственном механизме Китая вступили в качественно новый и чрезвычайно ответственный этап. Его особенность заключается прежде всего в том, что реформа, в самом широком смысле этого слова, из предмета теоретических дискуссий и экспериментов превратилась в повседневную реальность, в фактор, непосредственно затрагивающий все основные стороны социально-экономической жизни китайского общества.

В то же время конкретный процесс развития реформы идет сложнее, противоречивее, медленнее, чем на то рассчитывали в Китае.

1985 год стал первым годом практической проверки теоретической платформы реформы, апробации и внедрения в хозяйственную жизнь таких основополагающих элементов нового хозяйственного механизма, как сокращение сферы директивного и расширение — направляющего пла-

нирования, расширение хозяйственной самостоятельности и прав предприятий в вопросах производства и сбыта продукции, установления цен на нее и т. п. Особое значение придавалось таким мероприятиям, как урегулирование и реформа цен и введение на части предприятий колеблющейся, в зависимости от результатов их хозяйственной деятельности, заработной платы.

В то же время признаки «перегрева» экономики, появившиеся в народном хозяйстве Китая в конце 1984 г. (чрезмерные темпы роста промышленности, масштабов капитального строительства и кредитования и т. п.) требовали усиления макроэкономического контроля, в том числе и административными методами, объективно ставили предел «оживлению» экономики. В этих условиях масштабы развертывания реформы не могли не быть меньше первоначально замышлявшихся, о чем, по сути дела, свидетельствовал уже доклад Премьера Госсовета КНР Чжао Цзяна на 3-й сессии ВСНП 6-го созыва (март 1985 г.). В результате усугубился некомплексный характер реформы, в какой-то мере предопределенный самой по себе концепцией ее проведения, уподобляемого в Китае «переходу через реку, нащупывая камни». Например, реформа системы планирования не была подкреплена адекватной ей по масштабам и синхронной по времени проведением реформой системы материально-технического снабжения, а потому, как считает часть ученых-экономистов, «хотя формально сфера директивного планирования сузилась, а направляющего — расширилась... однако на практике изменений не произошло»⁴.

Существенно труднее, чем предполагалось теоретически, идет процесс расширения прав предприятий, формирования механизма рыночной конкуренции. В то же время, в условиях усилившегося дефицита материальных ресурсов цены на свободно реализуемую производителями часть продукции складываются по существу стихийно, без эффективного воздействия со стороны государства. Здесь, помимо прочего, сказывается отсутствие в стране должного опыта комплексного использования экономических рычагов.

Кроме того, с подключением к реформе политически наиболее активного городского населения (если не в качестве субъекта, то, как минимум, в качестве невольного объекта реформы) и сосредоточенного в городах многочисленного контингента кадровых работников резко усилилось значение социального аспекта реформы, в том числе воздействие на ход и конкретные направления реформы позитивной или негативной реакции масс. Соответственно, возникла, пожалуй, ранее отсутствовавшая или не столь явно выраженная весьма тесная зависимость между проведением реформы и политической стабильностью китайского общества, в связи с чем встал и вопрос о необходимости «бороться за достижение

благоприятствующей реформе социальной среды». В Китае «вдруг» не без удивления обнаружили, что массы могут не только поддерживать реформу, но и сопротивляться ей, коль скоро они все еще находятся под влиянием «традиций мелкого производства, феодализма, левачества, догматизма». На наш взгляд, в первую очередь именно глубокими традициями уравниловки объясняется негативная реакция населения на эксперимент по введению колеблющейся заработной платы, вынудившая китайское руководство заявить о том, что сфера эксперимента в 1986 г. расширена не будет.

В целом в Китае были вынуждены признать, что в работе по реформе, наряду с успехами, имеется и немало проблем, трудностей и даже ошибок, вызванных как незрелостью объективных условий, так и субъективными причинами — недостаточный идейно-теоретической подготовкой, нехваткой опыта и т. п.

Сложившаяся ситуация предопределила распространение в Китае более реалистического взгляда по вопросу о продолжительности периода проведения реформы. Теперь, как правило, речь идет о 15, а не о 3—5 годах, как следовало из прежних заявлений Дэн Сяопина и Чжао Цзяяна.

Кроме того, возникла очевидная необходимость осуществить своеобразное «урегулирование» реформы с целью обеспечения ее комплексности, синхронности по отдельным направлениям и с учетом способности народного хозяйства более или менее безболезненно «усваивать» те или иные мероприятия. Соответствующая идея была высказана уже в «Предложениях ЦК КПК относительно составления седьмого пятилетнего плана социально-экономического развития Китая», одобренных Всекитайской партийной конференцией в сентябре 1985 г. На рубеже 1985—1986 гг. она оформляется еще более четко: китайское руководство на совещании кадровых работников центральных организаций в январе 1986 г. в качестве главной в области реформы в 1986 г. выдвинуло задачу «укрепления, освоения, дополнения и совершенствования» уже предпринятых реформ, решения наиболее острых проблем, развития положительных сторон и искоренения недостатков реформ с тем, чтобы они могли еще лучше выявить свою эффективность⁵.

Хотелось бы подчеркнуть, что, на наш взгляд, речь идет самое большее о некотором «приторможении» реформы в городской экономике, но отнюдь не о ее остановке или тем более поражении. С осуществлением всесторонней реформы и созданием нового хозяйственного механизма по-прежнему связывается как возможность обеспечения поступательного, стабильного, скоординированного развития народного хозяйства страны в последующие несколько десятилетий, так и решение стратегической задачи на более отдаленную перспективу: догнать по уровню производства, техники и технологии развитые страны мира. В целом руково-

дство, ученые-экономисты, печать страны единодушно подчеркивают, что проблемы, возникшие в ходе реформы, можно решить только на пути их последовательного проведения, а не за счет «возвращения на старую дорожку», что на повестке дня стоит вопрос о совершенствовании, а не об изменении выработанной политики.

В то же время отрезвляющее воздействие практики способствовало изживанию явно преждевременной атмосферы эйфории, настроений некоего заведомого превосходства реформы в Китае по сравнению с реформами в других странах, которые вслед за опубликованием «Предложения ЦК КПК относительно реформы хозяйственной системы» на какое-то время захлестнули не только пропаганду, но и научную печать, выступления руководителей страны. Яснее стала необходимость выработки и принятия общего проекта реформы, углубления ее теоретической платформы, включая разработку проблем реформы общественной собственности и создания эффективного механизма косвенного макроэкономического контроля. Заметно усилился спокойный, деловой анализ реального положения в отдельных блоках реформы, ее общего хода, причин возникших трудностей.

Важное место в публикациях печати, выступлениях руководителей в центре и на местах отводится, с одной стороны, преодолению чрезмерно упрощенного подхода к реформе, когда от нее ждут немедленных результатов в виде повышения эффективности производства и доходов населения, и, с другой стороны, борьбе с широко распространившимся отождествлением с самой сущностью реформы различных негативных явлений в хозяйственной жизни страны, включая возросшее число экономических преступлений.

На официальном уровне превалирует точка зрения, согласно которой большая часть проблем и недостатков, связанных с реформой, носит переходный характер, когда «старое» еще преобразовано не полностью, а «новое» несовершенно и пока не может полностью выявить свою роль. Вместе с тем признается «неизбежность возникновения в ходе реформы множества различных противоречий», порождаемых прежде всего «урегулированием прав и интересов», а также «некоторых негативных явлений», например, спекуляции в процессе «оживления» сферы обращения.

Серьезные претензии предъявляются к части кадрового аппарата, зараженного, как показала практика реформы, идеологией местничества, погони за личной выгодой, бюрократизмом. Судя по материалам совещания кадровых работников центральных организаций, проводившаяся в стране с 1982 г. реформа административных органов (сокращение и реорганизация центральных ведомств и их кадрового аппарата) не достигла намечавшихся результатов. Кадровая проблема существенно сдерживает

развертывание хозяйственной реформы в Китае, и именно поэтому ей в последние месяцы уделяется столь большое внимание.

Несомненно, реформа в Китае переживает сейчас нелегкое время. Это, однако, не должно заслонять результаты уже проделанной работы и ведущийся в настоящее время поиск путей совершенствования отдельных элементов реформы и отлаживания механизма их «сцепления» в единое целое.

Теоретики реформы, например, заместитель председателя Государственного комитета по реформе хозяйственной системы Гао Шанцюань, предлагают осуществлять в течение 1986 г. тактику своего рода дифференцированного подхода к отдельным блокам и направлениям реформы: «осваивать и закреплять» прежде всего расширение прав и хозяйственной самостоятельности предприятий, «доукомплектовывать и совершенствовать» реформу заработной платы, финансово-налоговой системы, использование кредитов, «повышать и развивать» роль рынка средств производства, центральных городов, отраслей (в хозяйственно-техническом, но не в административном управлении).

Судя по беседам с китайскими представителями, сходная линия проводится на практике, разумеется, с определенными вариациями применительно к местным условиям.

Так, в провинции Шаньси на основе «Постановления ЦК КПК относительно реформы хозяйственной системы» был разработан собственный базовый документ по реформе, конкретизирующий ее проведение на семи направлениях: расширение хозяйственной самостоятельности предприятий; система ответственности директоров предприятий; переход к полной хозяйственной самостоятельности городских предприятий коллективной собственности; разделение административных и хозяйственных функций; разграничение полномочий в использовании средств, инвалюты, материальных ресурсов; преобразования в сферах заработной платы и премирования, налогов, кредитов; подготовка управленческих кадров.

По общему признанию, хорошие результаты дало внедрение системы ответственности директора за работу предприятия (в основном за показатели качества продукции и прибыли). К концу 1985 г. ею было охвачено уже 22 тыс. предприятий. В Шаньси, где сфера охвата этой системой шире, чем где-либо еще в стране, она внедрена на половине государственных предприятий, а в провинциальном центре Тайюани — на 89 % предприятий. Система ответственности директора в Китае пополняется элементами, отсутствующими в советской практике: вводится возрастной ценз для занятия должности директора (не старше 55 лет), возможны материальные санкции и освобождение от должности при невыполнении

директором взятых на себя обязательств, внедряется процедура обязательных периодических экзаменов для директоров и т. п.

Вокруг системы ответственности директоров в Китае продолжают теоретические дискуссии, главным образом по вопросу о том, чьи интересы в первую очередь представляет директор: государства или коллектива предприятия. Существует и такая непростая практическая проблема, как недовольство этой системой части старых кадровых работников, полагающих, будто с отказом от системы руководства парткомов (а именно они на протяжении долгих лет руководили в Китае предприятиями) «место партии ослабло».

Работа по расширению хозяйственной самостоятельности государственных предприятий, активизировавшаяся с принятием известных постановлений Госсовета КНР по данному вопросу (май 1984 г. и сентябрь 1985 г.) считается центральным звеном реформы, которому, в конечном счете, подчинены преобразования цен, системы труда, планирования и т. п. Если в период 1979—1983 гг. расширение самостоятельности фактически сводилось к предоставлению предприятиям права создавать и распределять премиальные фонды (так, по крайней мере, утверждали сотрудники комитета по реформе пров. Хэнань), то с 1985 г. содержание этого понятия существенно обогатилось. «Оживлению» предприятий способствовали такие меры, как заметное сокращение ассортимента директивно планируемой промышленной продукции (в Шаньси до 103 видов, в Хэнане — с примерно 100 до 50, в Автономном районе Внутренняя Монголия — с 1020 до 109 видов) и, соответственно, увеличение прав в приобретении сырья, сбыте продукции, произведенной в рамках направляющего плана (частично — и в сбыте продукции директивной номенклатуры) и в установлении цен на нее. Например, цена на кормосмесители для сельского хозяйства, выпускаемые 2-м дизельным заводом г. Чжэнчжоу, составляет 12 тыс. юаней при реализации их в рамках директивного плана и 15 тыс. юаней при самостоятельной продаже предприятием. Появилось право привлекать дополнительно контрактных рабочих. Возрос объем средств, остающихся в распоряжении предприятий. Пропорции их распределения на различные цели регламентируются и в известных пределах варьируют на местах в сравнении с порядком, установленным центральными государственными органами. Так, в Шаньси на цели расширенного воспроизводства направляется 50 % собственных средств предприятий, в фонд «общественного благосостояния» — 30 % и в премиальный фонд — 20 %. На 2-м дизельном заводе г. Чжэнчжоу на развитие производства идет 60 % собственных средств, на общественное благосостояние и премии — 28 %.

В то же время признается, что работа по расширению хозяйственной самостоятельности предприятий все еще находится на начальном этапе.

В этой сфере существует ряд требующих решения проблем. Пожалуй, главной из них, как подчеркивали сотрудники комитета по реформе пров. Хэнань, является по-прежнему недостаточная способность предприятий к саморазвитию. Государство, по их словам, считает, что предприятиям в среднем поступает 30 % прибыли, а фактически эта величина немногим более 10 %. Разница возникает вследствие изъятия части прибыли предприятий разного рода промежуточными звеньями управления (компании, городские управления и т. п.), «поборов» с предприятий на сооружение общественных объектов (больниц, школ, дорог и т. д.). Как известно, принят ряд постановлений по пресечению поборов с предприятий, однако проблема далека от решения. Отчасти это связано с неразберихой в том, какой конкретно орган должен управлять предприятиями, «спущенными вниз», то есть формально переданными от ведомств и провинций в подчинение городам.

Вынашиваются проекты дальнейшего совершенствования финансовых отношений предприятий с государством. С нетерпением ожидается обещанное снижение, а в перспективе и ликвидация «регулирующего» налога. Фактически он представляет собой дополнительное изъятие государством той части прибыли предприятия, которая, как считается, получена не в результате его собственных усилий, а из-за нерациональной системы цен. Видимо, дозревает идея ликвидации не оправдывающего себя налога на индивидуальные премии и замены его обычным подоходным налогом после снижения нижнего порога налогообложения с ныне действующего уровня в 800 юаней в месяц до какой-то более близкой к китайским реалиям величины (называвшаяся в Хэнани в этом качестве сумма доходов в 400 юаней в месяц, на наш взгляд, чрезмерно высока). Предполагается, что индивидуальный подоходный налог сможет стать более эффективным ограничителем роста фонда потребления.

Ведется поиск новых форм управления внутри предприятий. Например, в Шаньси определенное распространение получил «взаимный хозрасчет» между цехами. На 2-м дизельном заводе г. Чжэнчжоу с 1986 г. начинается распространение акций среди работников предприятия, призванное «теснее увязать интересы работников с результатами деятельности завода». (Директор завода признал, что далеко не все рабочие «рвутся» покупать акции, однако отрицал возможность применения здесь принудительных мер).

Как указывают китайские ученые-экономисты, расширение прав предприятий должно вести и к увеличению их ответственности за результаты хозяйственной деятельности, к разделению ответственности между государством и предприятиями. В этом вопросе, однако, наблюдается известная непоследовательность, сохраняется подчас излишняя опека государства, особенно в отношении убыточных предприятий. С расширением

хозяйственной самостоятельности предприятий возникает, по мнению сотрудника НИИ экономики финансов, торговли и материальных ресурсов Хэ Чжэньи, и ряд других весьма сложных в техническом и практическом отношении проблем. В их числе, например, вопрос о накопительных функциях общества. Ныне они частично «перешли» от государственного бюджета к предприятиям. Как считает Хэ, большая часть прав в сфере осуществления расширенного воспроизводства должна быть сохранена за государством, иначе утрата контроля за масштабами капитального строительства станет постоянной. Что касается предприятий, то они должны иметь право расширенного воспроизводства потребительной стоимости. Новое же строительство должно вестись ими только за счет банковских кредитов. В то же время, проблема «общественно полезной» утилизации собственных средств предприятий при такой схеме остается открытой и требует дальнейшего изучения.

Практика Китая показала исключительно тесную взаимосвязь реформ в сферах планирования, материально-технического снабжения и ценообразования, их переплетение в один «тугой узел».

Реорганизация прежней системы централизованного планирования в направлении постепенного сокращения номенклатуры продукции, директивно планируемой Госпланом, и расширения сферы так называемого направляющего планирования ныне представляется китайскими учеными-экономистами как важное звено общего процесса перехода от прямого контроля государства за народным хозяйством к главным образом косвенному, осуществляемому через экономические рычаги. В конечном счете обеспечивать соответствие деятельности предприятий на микроуровне макроэкономическим целям государства предполагается не через контроль за продукцией в натуре (включая планирование ее производства и сбыта), а через цены, налоги, кредиты и другие стоимостные инструменты. Невысокий уровень разделения труда и неразвитость рыночного механизма в Китае предопределяют длительность процесса перехода к косвенному контролю.

Формально реформа системы планирования и «аккомпанирующая» ей реформа системы материально-технического снабжения в городах начались на рубеже 1984—1985 гг. вслед за утверждением в октябре 1984 г. Госсоветом КНР Временных положений Госплана о совершенствовании системы планирования. Директивно планируемая Госпланом продукция была сокращена со 123 наименований в 1984 г. до 60 в 1985. А количество видов централизованно распределяемых материальных ресурсов сократилось с 256 до 65, из них 30 видов в ведении Госплана и 35 — в ведении Государственного управления материальных ресурсов.

На деле, как указывала сотрудница НИИ экономики финансов, торговли и материальных ресурсов АОН Китая Цинь И, номенклатура цен-

трализованно распределяемых материальных ресурсов была доведена до 23 позиций и охватывает ныне почти исключительно дефицитные виды ресурсов — прокат, чугун, медь, алюминий, уголь, древесина, сера, цемент, каучук, автомобили, мазут, некоторые виды оборудования и т. п.

Вместе с тем как единодушно подчеркивали китайские ученые и хозяйственники, направляющий план для КНР в известном смысле не такое уже новшество: во-первых, и раньше не всегда существовала четкая граница между директивными и ориентировочными плановыми заданиями, например, в сельском хозяйстве директивным был на деле план закупок, а не план производства; во-вторых, и прежде централизованно распределялось в среднем около 60 % объема производства главных видов материальных ресурсов, причем действие системы централизованного материально-технического снабжения распространялось только на предприятия государственной собственности, а коллективные предприятия изыскивали сырье и ресурсы сами.

В целом, на наш взгляд, направляющее планирование в его китайском варианте, как бы оно ни обосновывалось теоретически, выглядит на практике прямым порождением ряда основополагающих особенностей экономики страны, прежде всего, весьма развитого — по количеству предприятий, номенклатуре и объему продукции — мелкого производства, точно учесть потребности и возможности которого из центра попросту невозможно. В принципе расширение сферы направляющего планирования отвечает таким общим целям реформы в Китае, как «оживление» хозяйственной деятельности мест и предприятий, развитие горизонтальных связей между субъектами хозяйствования, более гибкая и быстрая реакция производителей на рыночную конъюнктуру.

Однако практика направляющего планирования пока оказывается более приземленной, чем теория, и во многом противоречивой.

Как подчеркивали сотрудники комитета по реформе хозяйственной системы провинции Хэнань, реальное различие между директивным и направляющим планом заключается в степени обеспечения производства сырьем (материальными ресурсами). Если директивные задания в основном обеспечиваются им (по крайней мере, по количеству; хуже обстоит дело с ассортиментом и качеством сырья), причем по твердым ценам планового распределения, то в рамках направляющего плана в лучшем случае речь может идти о поставках главных видов сырья на уровне поставок в предыдущем году. Все остальное (а нередко вообще все) сырье приобретает на рынке или у предприятий-производителей по существенно более высоким ценам. Возможно, в идеале — хотя бы при некотором превышении предложения средств производства над спросом на них — такая система работала бы достаточно успешно. Однако при реально существующем в Китае большом дефиците ресурсов ее внедрение сопровожда-

ется на первых порах заметным ростом общего уровня цен на средства производства⁶, вызывающим в свою очередь, настоящую цепную реакцию негативных хозяйственных последствий. В их числе не только такие лежащие на поверхности явления, как рост себестоимости промышленной продукции, падение прибыльности многих предприятий, удорожание капитального строительства, падение дисциплины плановых поставок централизованно распределяемых материальных ресурсов, но и некоторые процессы глобального характера. Так, стремление предприятий увеличивать собственные доходы не путем снижения себестоимости производства, а за счет более легкого метода расширения производства внеплановой продукции, сбываемой по более высокой цене, неблагоприятно влияет на общественную экономическую эффективность. Кроме того, существующая ситуация, когда топливо и горнорудное сырье в сравнительно небольшой степени реализуются через рынок по высоким ценам, делает более выгодным производство промежуточной продукции, доля сбыта которой на рынке относительно больше (например, проката). В результате обостряется противоречие между отстающими топливно-сырьевыми отраслями и фактически стимулируемыми сырьеперерабатывающими отраслями. Наконец, нередко дезориентированными оказываются сами предприятия. Как производители продукции, особенно если она дефицитна, они заинтересованы в направляющем планировании, дающем право самостоятельного сбыта, естественно, все по тем же более высоким ценам. А как потребители сырья они, напротив, стремятся попасть в систему директивного планирования, с тем чтобы обеспечить себя ресурсами по низким ценам планового распределения. На практике, видимо, приходится искать какую-то «золотую середину», оптимальное соотношение между долями производства в рамках директивного или направляющего плана. Например, на 2-м дизельном заводе г. Чжэнчжоу доля директивного плана (по валовой стоимости) составила в 1985 г. 32 %.

В 1985 г. в г. Шицзячжуан (пров. Хэбэй) проводился эксперимент по распределению ресурсов по единой рыночной цене, включая ресурсы, предназначенные для выполнения директивного плана. При этом управление материальных ресурсов возвращало предприятиям «переплаченные» деньги в компенсацию понесенных ими убытков. С 1986 г. данный эксперимент распространяется и на некоторые другие города страны. Хотя он явно не идеален, все же, как считают в НИИ экономики финансов, торговли и материальных ресурсов, в качестве переходного метода единая цена на ресурсы, пусть даже высокая, «вполне подходит» и отчасти позволяет смягчить проблемы, порожденные двойным уровнем цен.

Отладка механизма направляющего планирования во всех его главных звеньях (снабжение сырьем, производство, сбыт продукции) требует еще немало усилий. Тем не менее, общий курс на сокращение сферы ди-

рективного и расширение направляющего планирования будет продолжен.

Наряду с этим будут также достаточно активно продолжены реформы в сфере финансов, кредита и денежного обращения. В частности, с 1986 г. вводится усовершенствованная схема распределения доходов между центральным бюджетом и провинциями (в развитие внедряемой с 1980 г. системы так называемого «раздельного питания» центрального и местных бюджетов). Новшество в том, что налоговые доходы будут распределяться между центром и местами в зависимости не от подчиненности предприятий (в этом случае предприятия центрального подчинения находились в провинциях на положении пасынков), а по видам налогов; причем наиболее крупные по объемам поступлений налоги — на продукцию, на хозяйственную деятельность, на добавленную стоимость — будут делиться в определенной пропорции между центром и местами.

Большое значение придается жесткому разделению бюджета, кредитов и денежной эмиссии. В этой сфере в последние годы бюджет постоянно «теснил» кредиты (через онкольные займы на погашение части дефицита бюджета), а трудности в кредитной сфере создавали, в свою очередь, давление на сферу денежного обращения, стимулировали дополнительную денежную эмиссию. Нуждается в совершенствовании и сам по себе механизм кредитования. Попытки административным порядком ограничить рост масштабов кредитования привели, например, в китайской деревне к развитию так называемого «гражданского кредита», ставки по которому доходят до 20 % и более в год (по сравнению с примерно 8 % по банковским кредитам).

Сама логика развития хозяйственной реформы в Китае ставит на повестку дня **задачу создания единого социалистического рынка**. Как подчеркивал зам.директора НИИ экономики финансов, торговли и материальных ресурсов АОН Китая Цзя Люйжан, для КНР ее решение неизбежно будет длительным процессом, поскольку в силу проводившейся долгие годы политики самообеспечения на всех уровнях народного хозяйства возник устойчивый разрыв связей между отраслями и между районами, практика обращения не соответствовала экономическим законам, действующим в сфере обращения. В то же время, ныне в Китае принципиально меняется само понятие «единого социалистического рынка». С точки зрения содержания сюда теперь включается не только рынок товаров, но и фондовый рынок (рынок капиталов), рынок информации, технический рынок, рынок трудовых услуг. По мнению Цзя Люйжана, рынок трудовых услуг охватывает такие конкретные их формы, как экспорт рабочей силы, подряд на строительство объектов за рубежом, деятельность возникших в последние годы «компаний трудовых услуг» (аккумулируют «ожидающую работы» молодежь и проводят ее минимальную профес-

сиональную подготовку). Вокруг данной категории среди китайских ученых ведется активная полемика, не устоялось и само понятие: предлагаются такие конкурирующие термины, как «рынок распределения трудовых ресурсов», «рынок рабочей силы». При этом, по словам сотрудников НИИ экономики АОН Китая Чжао Жэньвэя и Чэнь Жуймина, признание существования рынка рабочей силы не тождественно признанию рабочей силы товаром, хотя часть ученых полагает, что она все же является таковым.

Все большее число экономистов Китая считает, что по своему характеру единый социалистический рынок должен быть рынком покупателя, где предложение превышает спрос. Однако данная точка зрения продолжает оспариваться. Известный специалист по экономике финансов Хуан Да отстаивает традиционное воззрение, согласно которому некоторое превышение спроса по сравнению с предложением стимулирует развитие экономики. Он в принципе считает рынок покупателя категорией чисто капиталистической экономики. Есть, наконец, и третья точка зрения, сводящаяся к тому, что для Китая ныне задачей является создание рынка с в основном стабильным спросом и предложением, поэтому дискуссия о преимуществах и недостатках рынка покупателя, по сути дела, имеет абстрактный характер.

Нет единого взгляда и на то, что представляет собой социалистический рынок в Китае с точки зрения способа регулирования. Ясно лишь, что это «многоукладный» рынок, в котором главная роль должна принадлежать экономике общенародной собственности. Соответственно, социалистический рынок, как подчеркивал Цзя Люйжан, не тождественен рынку, полностью контролируемому государственным планом. Сам он полагает, тем не менее, что в своих основных чертах это — плановый, организуемый рынок. В то же время, высказываются иные суждения, например, что это — «не планируемый, но организуемый рынок» и даже что это в перспективе «полностью свободный рынок».

Как бы то ни было, на практике в Китае в последние годы существенно возросла роль в торговле организаций коллективной собственности и индивидуального сектора. В розничной торговле потребительскими товарами их доля превышает уже соответственно 30 и 10 %. Другими важными изменениями в данной сфере стали, во-первых, постепенное непосредственное включение в торговлю производственных организаций и, во-вторых, превращение организаций материально-технического снабжения из чисто распределительных ведомств, заботившихся лишь о сбалансированности в натуре, в своего рода предприятия, хозяйственные субъекты, имеющие свой собственный экономический интерес и поэтому заинтересованные в ускорении оборота средств, получении прибыли и т. п.

В деле оживления торговли и сферы услуг в Китае в последние годы видное место принадлежит **индивидуальному сектору**. Как подчеркивали сотрудники Государственного торгово-промышленного административного управления КНР Сунь Чжань и Дуань Юлинь, благодаря его росту — до 11 млн «точек» с 16 млн занятых к концу 1985 г. — сеть торговли и услуг практически без государственных капиталовложений возросла на несколько миллионов точек, появилась дополнительная возможность для смягчения проблемы занятости в городах. Кстати говоря, в ходе поездки по стране сложилось устойчивое впечатление, что масштабы развития индивидуального сектора на местах обратно пропорциональны возможности трудоустройства населения на предприятиях государственного сектора: так, в г. Лоян, насыщенном крупными промышленными предприятиями, «частников» практически нет, а, напротив, находящийся в той же пров. Хэнань г. Кайфэн просто заполнен ими.

Признавая наличие ряда проблем, связанных с ростом индивидуального сектора («слепота» в развитии, незаконные действия, спекуляция), китайские хозяйственники в то же время подчеркивали, что его развитие есть не временная мера, а долгосрочная государственная политика, что «частник» действует в тех рамках, которые определены для него государством. В частности, он не занимается оптовой торговлей, а также производством и розничной торговлей 24 дефицитными видами материальных ресурсов. Ныне примерно половина лиц, занятых в индивидуальном секторе, занимаются розничной торговлей, 20—30 % — ремонтом, общественным питанием, другими услугами, порядка 10 % — кустарным производством. Курс на перспективу состоит в развитии тех видов деятельности, которые базируются на трудовых услугах. На наш взгляд, следует особо подчеркнуть законный характер деятельности в Китае перекупщиков продуктов питания, главным образом овощей и фруктов. Однако ни они, ни индивидуальные торговцы в целом не вызывают сколько-нибудь заметной негативной реакции населения, вероятно, прежде всего ввиду близости уровней цен в индивидуальной и государственной торговле.

Индивидуальные предприятия обычно выплачивают государству два налога: подоходный и на хозяйственную деятельность (как правило, 3 %). Нередко взимается «комплексный налог», порожденный отсутствием точного учета частниками своих доходов и расходов. Все большую помощь государству в сборе налогов оказывают созданные уже в 20 провинциях ассоциации трудящихся индивидуального сектора. Это массовые организации, действующие на началах самоуправления и призванные вести воспитательную работу среди работников индивидуального сектора, защищать их интересы и т. п.

В среднем лица, занятые в индивидуальном секторе, имеют несколько больший доход, чем работники государственных предприятий. В то же

время при декларированном равенстве в политических правах на «частников» не распространяются какие-либо виды социального обеспечения. Сложилось впечатление, что активно ведущаяся в Китае, включая и научную литературу, пропаганда полезности и большей социально-экономической значимости индивидуального сектора в стране имеет прежде всего внутреннюю направленность и призвана содействовать изживанию у лиц, вынужденных искать работу в данном секторе, ощущения собственной «второсортности», социальной неполноценности.

Китайские собеседники дали однозначно высокую оценку **аграрной политике** КПК в период после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, которая, по их мнению, не просто способствовала росту сельхозпроизводства и увеличению доходов крестьян, но и подготовила условия для начинающегося ныне комплексного развития деревни, решения ее непростых проблем. Например, как прямо признал зам.председателя комитета по реформе хозяйственной системы провинции Хэнань Ли Цзиншэн, ранее у крестьян не было ни времени, ни сил развивать сельскую промышленность — «сначала надо было наесться». Теперь, когда за семь лет (1979—1985 гг.) доходы крестьян в среднем возросли в 2—3 раза, эта проблема в основном решена, хотя, конечно, уровень благосостояния крестьян еще нельзя считать высоким: и в Хэнане, и в Шаньси они составили в 1985 г. 380—390 юаней на человека, а у 10 % крестьянских дворов в Хэнане и 15 % в Шаньси они ниже 200 юаней в год. По оценке сотрудника Исследовательского центра проблем развития деревни Китая Чжан Юньняня, в росте доходов крестьян примерно равную роль сыграли повышение закупочных цен на сельхозпродукцию и собственно развитие производства — а здесь, в свою очередь, главное значение имело внедрение семейного подряда, «решившего проблему самостоятельности крестьян».

В целом курс на укрепление и совершенствование семейного подряда в деревне Китая сохраняется. В этой сфере, как подчеркивали собеседники, есть немало политических установок, пока только декларированных, но еще не проведенных в жизнь. В частности, одним из направлений повышения товарности крестьянского хозяйства, тесно связанным с развитием подрядной системы, является усиление специализации. При этом в земледелии и особенно в зерновом производстве оно объективно требует концентрации земли в руках меньшего, чем ныне, числа дворов. Дело в том, что в Китае на каждого занятого в сельском хозяйстве приходится всего 4,3 му пахотной земли (1 га = 15 му), а один крестьянин без применения наемного труда в состоянии обрабатывать 10—12 му земли. В районе Пекина только участки размером не менее 40—50 му на семью позволяют иметь от зернового производства доходы не ниже, чем от других видов деятельности. В конце 1985 г. государственное статистическое

управление КНР утвердило единые для всей страны критерии выделения так называемых специализированных дворов. В частности, у них товарность по тем видам продукции, на которых специализируется тот или иной крестьянский двор, должна быть более 80 % (по зерну — более 60 %), а доходы от продажи продукции (или услуг) должны быть не менее чем вдвое выше средних доходов крестьянских дворов в данной местности⁷. Вероятно, введение единых критериев выделения специализированных дворов имело целью не только облегчение статистического учета, но и преодоление широко распространенных в Китае и за рубежом представлений о значительном масштабе имущественной дифференциации среди крестьян: ведь по новым методам учета число специализированных дворов в стране сократилось с 24,8 млн до 4,3 млн, а их доля в общем количестве крестьянских дворов с 14 до 2,3 %⁸.

Вместе с тем сама пятилетняя практика утверждения и функционирования семейного подряда в сельском хозяйстве Китая показала, что только с его помощью, только за счет интенсификации ручного труда весь комплекс сложнейших проблем деревни страны решить нельзя. В связи с этим в аграрной политике КПК, как наглядно продемонстрировало Всекитайское совещание по работе в деревне (декабрь 1985 г.), появляются новые нюансы и тенденции. Впервые за последние пять лет на повестку дня четко поставлен вопрос о необходимости кардинального укрепления материально-технической базы сельского хозяйства и улучшения условий сельскохозяйственного производства. Намечены меры по более органичной увязке развития сельской промышленности с решением социально-экономических проблем деревни в целом, прежде всего, проблем поглощения высвобождающейся из земледелия рабочей силы и повышения доходов земледельцев за счет перераспределения в их пользу части доходов деревенских и поселковых предприятий. Одновременно разработан план мероприятий по повышению технико-технологического уровня и экономической эффективности сельской промышленности. Наконец, и это, вероятно, самое главное, намечается поворот к новому укреплению и развитию кооперации на селе.

На наш взгляд, эту тенденцию неправомерно сводить лишь к созданию «новых хозяйственных объединений», возникших на базе развития семейного подряда в виде добровольных кооперативных организаций крестьян, главным образом в сфере до- и послепроизводственного обслуживания сельхозпроизводства. Развитие кооперации связано также с совершенствованием деятельности остатков прежней системы сельских народных коммун, то есть тех производственных коллективов, которые не перешли на семейный подряд. Таких сравнительно немного (по данным статистики, к концу 1984 г. семейным подрядом было охвачено 96,6 % крестьянских дворов страны), однако подчас они представляют подлин-

но коллективные хозяйства с солидными общественными фондами и единым распределением доходов в соответствии с выработанным тем или иным работником количеством трудодней («трудоточек»). Новые веяния коснулись и подобных коллективов. Например, бывшая большая производственная бригада Байчжуан близ г. Чжэнчжоу, в которой довелось побывать, преобразована в «объединенную агро-промышленно-торговую компанию». В ней по видам деятельности выделены сельскохозяйственная (выращивание пшеницы), промышленная (производство соевого творога, переработка хлопка и т. п.), торговая компании и животноводческая ферма по разведению молочных коров. Хотя каждое подразделение работает по принципу специализированного подряда, сохраняется единое распределение в рамках всей объединенной компании. Административные функции выполняет комитет сельских жителей. По мнению председателя женского комитета Байчжуана Цао Гайсю, деятельность объединенной компании являет собой хороший пример пути достижения «коллективной зажиточности».

Видимо, нельзя сбрасывать со счетов и возможность укрепления коллективных начал в деятельности основного массива крестьянских дворов китайской деревни, работающих ныне на семейном подряде. Ситуация здесь, конечно же, непростая. Практически ликвидированы общественные фонды, производственная бригада, как правило, перестала выполнять функции главного субъекта коллективной собственности в деревне — а ведь в свое время социалистический характер семейного подряда объяснялся, наряду с сохранением коллективной собственности на землю, именно наличием производственной бригады как организации, воплощающей и реализующей принцип коллективности в сельхозпроизводстве. Ныне в Китае рассчитывают, что постепенно место производственной бригады в вышеназванном качестве сможет занять так называемая административная деревня (или «естественная деревня»), создаваемая взамен бывшей большой производственной бригады. Пока же представителем государства во взаимоотношениях с крестьянами — перераспределении подрядных участков, распределении контрактных заданий по продаже сельхозпродукции в т.п. — нередко выступает комитет сельских жителей, являющийся по своей сути административной, а не хозяйственной организацией.

Развитие кооперации в китайской деревне связывается также с совершенствованием системы сельской снабженческо-сбытовой и кредитной кооперации, с возникающими на местах «ассоциациями производителей» тех или иных видов сельхозпродукции.

Все это подтверждает, по нашему мнению, высказываемый в Китае тезис о неизбежном будущем многообразии форм кооперации в деревне страны. Несомненно, процесс «повторного кооперирования» китайской

деревни, о котором говорил на XII съезде КПК Ху Яобан, находится ныне еще на начальном, в значительной мере поисковом этапе. Однако и не замечать его было бы неверно. Симптоматично, на наш взгляд, что сотрудники комитета по реформе хозяйственной системы пров. Хэнань охарактеризовали развитие кооперативной экономики — «добровольное, в соответствии с собственными требованиями развития производительных сил» — как главную задачу в деревне на перспективу.

В 1985 г. центр тяжести реформы в деревне был перенесен с организационно-хозяйственной перестройки на сферу обращения. Переход к системе контрактных закупок зерна, хлопка и ряда видов масличных культур был, как подчеркнул Чжан Юньнянь, материально подготовлен высокими темпами наращивания их производства в последние годы. Задержка с реформой привела бы к дальнейшему возрастанию дотаций государства на закупку сельхозпродукции, уже и так превратившихся в тяжелое бремя (в среднем дотации на закупку 1 кг зерна составляли 0,2 юаня, а при закупке масличных — 1,5 юаня в пересчете на 1 кг веса). Кроме того, реформа была призвана ускорить процесс урегулирования структуры сельхозпроизводства, в большей степени сориентировать крестьян на учет потребностей рынка. Если поворот крестьянства к рынку в целом удался, то переход к новой системе закупок оказался, судя по всему, сложнее, чем это предполагалось. Стало ясно, что для взаимной адаптации крестьян и государства в данной сфере потребуется немало времени. В частности, в 1985 г. были допущены просчеты в определении объема контрактных заданий на местах. Они нередко устанавливались на базе прежних объемов производства зерна без учета интересов крестьян и фактически навязывались последним. В ряде провинций (Хунань, Гуандун) рыночная цена на зерно оказалась выше новой пены госзакупок (30 % прежней цены плановых плюс 70 % цены сверхплановых закупок), и крестьяне не хотели продавать зерно государству. Не были должным образом учтены интересы зерновывозящих провинций. На основе практического опыта в организацию закупок сельхозпродукции будут внесены некоторые коррективы. Их цель — привести объемы контрактации и цены в соответствии с фактической ситуацией на местах. Кроме того, выполнение крестьянами контрактов по продаже зерна государству будет поощряться поставками им удобрений по твердым государственным ценам. По словам Чжан Юньняня, компании, занимающиеся заготовкой сельхозпродукции, недовольны новой системой, так как им стало труднее работать: условия они больше не диктуют, как это было раньше. По его мнению, трения здесь сохраняются еще несколько лет. В целом же, подчеркнул Чжан Юньнянь, как только реформа в сельском хозяйстве затронула сферу обращения, она превратилась в составную часть реформы

всего народного хозяйства, а это не может не усложнять проведение преобразований в деревне.

Беседы с китайскими учеными-экономистами, ознакомление с книжным рынком городов Пекина, Тайюаня, Чжэнчжоу были полезны и для пополнения представлений о некоторых **особенностях современной китайской экономической науки**.

В общем плане хотелось бы отметить растущий престиж экономической науки и ученых-экономистов в стране, исключительно высокий интерес к экономической литературе у населения. Важно, что китайские ученые-экономисты больше «не варятся в собственном соку», активно вступают в контакты с зарубежными учеными. В то же время пока преобладают поездки на Запад и посещения Китая западными учеными-экономистами, что явно способствовало усилению влияния западной экономической науки в стране. Вместе с тем растет интерес к научным контактам с коллегами из социалистических стран, включая Советский Союз. Вынашивается идея проведения в Пекине международной конференции по сравнительному анализу хозяйственных механизмов стран Восточной Европы, СССР и Китая.

Среди **особенностей организации экономических исследований** в Китае можно выделить, во-первых, формирование ряда центров экономических исследований при Госсовете КНР и на провинциальном уровне. Наиболее крупный и известный среди них — Центр исследования стратегии социально-экономического и научно-технического развития во главе с Ма Хуном, образованный в результате слияния центров экономических исследований, цен и технико-экономических исследований. В его работе, в частности, участвуют директора или заместители директоров крупных НИИ экономического профиля. Основная задача центра — подготовка правительственных документов. Примером центра провинциального уровня является центр развития деревни пров. Шаньси. Он возник на базе исследовательского сектора политики в деревне провинциального комитета по сельскому хозяйству и изучает в основном стратегические, долгосрочные проблемы развития сельского хозяйства провинции.

Во-вторых, в экономических исследованиях в Китае видную роль играют Всекитайская ассоциация экономических организаций и входящие в нее научные исследовательские общества, которых ныне более 300. Каждое общество ежегодно проводит конференции, на которые его члены представляют статьи либо доклады. Члены общества участвуют в его работе не как представители тех или иных ведомств, но только в качестве ученых, высказывающих личную точку зрения. По мнению китайских ученых, такая демократическая форма организации научных исследований чрезвычайно эффективна.

В-третьих, многие китайские ученые-экономисты являются консультантами различных практических организаций, включая комитеты по реформе хозяйственной системы на местах (как правило, в экспериментальных городах), периодически участвуют в проведении разного рода конкретных экономических обследований. Это, видимо, призвано содействовать соединению теории с практикой, их взаимному обогащению.

Диапазон экономических исследований в Китае ныне чрезвычайно широк, в этой сфере, как подчеркивалось в беседах, практически не осталось «запретных зон». С другой стороны, «раскрепощенность сознания» порождает множество точек зрения почти по любой проблеме. Например, только по вопросу о причинах существования товарного производства при социализме насчитывается 7—8 различных позиций.

Пожалуй, наряду с разработкой проблем реформы хозяйственной системы ведущее место среди направлений экономических исследований в Китае занимает изучение вопросов стратегии социально-экономического развития страны. Здесь в последнее время появился ряд новых серьезных работ. Это прежде всего комплексный прогноз «Китай в 2000 году», основные разделы которого в сокращенном виде были опубликованы газетой «Цзинцзи жибао» («Экономическая газета») в октябре—ноябре 1985 г., а также монография «Исследование проблем стратегии развития промышленности Китая» (главные редакторы Чжоу Шулянь и Пэй Шупин).

Анализу долгосрочных тенденций придается большое значение и в исследовании проблем мировой экономики. При этом главной целью является возможно более точное прогнозирование международного экономического и политического окружения Китая, международных условий осуществления «четырёх модернизаций».

Наряду с этим усилилось изучение теоретических проблем мировой экономики. Китайские ученые придерживаются мнения, что науку о мировой экономике можно рассматривать как самостоятельную научную дисциплину.

Изучение опыта реформ в странах Восточной Европы имеет целью «вобрать все хорошее и избежать негативного». Особое значение придается изучению взаимосвязи экономических реформ с политическими, поскольку, как считают китайские ученые, с этой проблемой столкнулись и страны Восточной Европы, и Китай.

За последние годы в КНР резко выросло число периодических изданий экономического профиля — их ныне насчитывается порядка четырехсот. Появились и новые справочные издания: «Ежегодник экономической науки», «Видные ученые-экономисты современного Китая».

Особый интерес представляют многочисленные «дайджесты» — реферативные газеты и журналы, в том числе «Цзинцзисюе вэньчжай»

(«Дайджест экономической науки»), «Нунцунь вэньчжай» (дайджест по деревне»), «Цзинцзи гайгэ вэньчжай» («Дайджест по экономической форме»).

(1986)

Послесловие

Большое содействие в организации бесед с китайскими учеными оказали работавшие тогда в советском посольстве в Пекине А.В. Васильев и М.В. Баранов. Хотя некоторая настороженность китайских коллег еще ощущалась, но в целом общая атмосфера в Китае для контактов ученых двух стран после прихода в СССР к власти М.С. Горбачева радикально изменилась к лучшему. Вскоре «ветры перемен» в отношении к китайским реформам стали ощущаться и в СССР. Обсуждение ситуации в экономике Китая и хода реформ в стране с привлечением широкого круга специалистов состоялось в начале 1986 г. в здании Президиума АН СССР. Довелось выступать там и мне с рассказом о впечатлениях от научной командировки в КНР — тогда они были еще весьма редким явлением. Позиция руководства Института Дальнего Востока, делавшего акцент на некоем «продолжении Пекином прежнего антисоветского курса», поддержки у собрания не нашла. Более того, директора Института в 1986 г. дважды заслушивали на заседаниях Бюро Отделения экономики Академии наук, после чего Институт с прежней критики реформ в Китае переключился на их поддержку.

Примечания

¹ По старой системе учета, включающей в валовую продукцию сельского хозяйства и часть продукции сельской промышленности. Ее доля в общей стоимости сельскохозяйственного производства возросла с 11,2 % в 1980 г. до 17,1 % в 1984 г.

² По словам сопровождавшего нас в Тайюани гида Тянь Цзичуня, раньше в Шаньси только слышали о бананах, личжи (специфический китайский фрукт), практически не видели сычуаньских мандаринов. Теперь все это есть в большом количестве и по, в принципе, доступным ценам. Как подчеркивал гид в Лояне Чжао, раньше половина покупаемых овощей шла в отбросы, теперь же практически все годится в пищу.

³ В китайской печати средний уровень дефицитности в стране в 1985 г. стального проката, древесины, цветных металлов, цемента и химического сырья оценивается в 30 % // Цзинцзисюе дунтай : [Положение в экономической науке]. 1985. № 9. С. 23—24.

⁴ Тянь Цзяньхай. Некоторые проблемы, возникшие в процессе замены старого механизма новым // Цзинцзисюе дунтай. 1985. № 8. С. 27.

⁵ Жэньминь жибао. 12.01.1986.

⁶ Согласно данным обследования в г. Шэньян, в марте 1985 г. общий уровень цен на 30 видов промышленного сырья и топлива (включая цены плановых и внеплановых поставок) был на 31,5 % выше, чем годом ранее. Правда, рост цен связан не только с реформой планирования, но с предоставлением провинциям и городам права устанавливать временные цены на некоторые виды средств производства // Цзинцзисюе дунтай. 1985. № 9. С. 24.

⁷ Цзинцзи сяоси, Чэндэ. 28.12.1985.

⁸ Гуанмин жибао. 27.01.1986.

ФОРМИРОВАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ В КНР

Вот уже более четверти века мировое сообщество с неослабевающим вниманием следит за ходом экономических реформ в Китае. Начало им было положено на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва (18—22 декабря 1978 г.), который провозгласил перенос центра тяжести деятельности партии, государства и всего народа на осуществление экономического строительства и декларировал решимость приступить к «серьезной реформе системы экономического управления и методов хозяйствования». Хотя и сегодня реформы в КНР далеко не завершены, любому непредвзятому наблюдателю совершенно очевидно, что они внесли огромный вклад в модернизацию страны и повышение ее роли в мировой экономике.

Относительная успешность рыночной трансформации экономики с централизованным планированием в Китае делает вполне закономерными поиски ответа на вопрос о том, что же именно предопределило в конечном счете результативность китайского пути реформ, существуют ли некие специфические характеристики китайского варианта перехода к рынку, и если да, то каковы они. В рамках дискуссии по этой проблеме сочли необходимым высказать свое мнение такие авторитетные специалисты по теории и практике рыночной трансформации, как лауреат Нобелевской премии по экономике Лоуренс Клейн, один из ведущих разработчиков «шоковой терапии» Джеффри Сакс, автор польской экономической реформы Лешек Бальцерович, ведущие американские и английские китаеведы-экономисты Б. Наутон, П. Нолан, Э. Уолдер, Т. Роски, ряд известных ученых-экономистов из КНР (Лю Гогуан, Фань Ган, Линь Ифу)¹.

Широкий спектр интерпретаций китайского пути реформ существует и в России. Мало-помалу в мировом научном сообществе возобладала точка зрения, что главным фактором успеха является «градуализм», «ре-

формы по нарастающей», т. е. постепенность реформенного процесса, особенно контрастная в сопоставлении с использованной в Восточной Европе и на постсоветском пространстве «шоковой терапией».

Наиболее выпукло китайский градуализм проявился в отказе от одномоментной всеохватывающей либерализации цен и быстрой приватизации государственного сектора экономики

Другими сферами, где градуализм оказался критически важен для общего успеха преобразований, являются внешнеэкономическая открытость (банковская сфера и внутренняя розничная торговля начали «открываться» иностранному капиталу лишь спустя 15 лет после провозглашения политики реформ — с 1993 г.) и система ценностных ориентации населения. Внедрение в экономическую жизнь Китая рыночных принципов не было в социальном-психологическом плане абсолютно безболезненным. Однако стремление руководства максимально полно учитывать посылность «бремени» тех или иных реформенных мероприятий для населения позволили избежать «травмирования общества, подрыва его творческих сил, апатии», возникающих, как свидетельствует российский ученый-экономист А.Д. Некипелов, при попытках форсированно навязать населению рыночную трансформацию, необходимость которой значительная его часть не воспринимает².

Градуализм китайских реформ — весьма сложное, комплексное явление, результат взаимодействия многих факторов. На наш взгляд, в определяющей степени он явился результатом сознательного выбора руководства страны, продиктованного объективной ситуацией. Задача перехода к экономике рыночного типа в условиях «недоиндустриализованного» Китая с серьезным влиянием идеологии и институтов продуктообменной экономики и натурального снабжения требовала не простой либерализации механизма ценообразования, а кропотливого создания при сильной направляющей роли государства экономической среды, благоприятствующей «вращиванию рынка». Как полагают в Китае, демографические и территориальные параметры страны, глубокие региональные различия в уровнях развития, доходов, хозяйственной структуре также не позволяли осуществить возможный в условиях малой страны форсированный переход к рынку³. Поэтому вполне закономерно, что после начального (впрочем, краткосрочного) несколько легковесного подхода к реформе априори как к быстро решаемой задаче «соединения преимуществ социалистического строя с управленческим опытом развитых государств» в Китае стали относиться к преобразованию хозяйственного механизма как к чрезвычайно сложной, масштабной задаче, требующей длительного периода времени.

Уже в первом сводном проекте преобразований (3 декабря 1979 г.) подчеркивалось, что осуществление реформы требует не только большой

решимости, но и тщательной подготовки, поэтапности, последовательности, отказа от поспешных шагов.

Тогда же была высказана идея о проведении реформы в три этапа (подготовительный, «средних реформ», т. е. этап накопления опыта для больших реформ, и, наконец, этап всесторонней большой реформы⁴). Еще в 1980 г. на всю реформу отводилось 7—8 лет (соответственно 2, 3—4 и 2—3 года по этапам), однако уже в проекте, датированном 25 февраля 1982 г., полное выявление потенций нового хозяйственного механизма (третий этап) было вынесено за пределы 1990 г.⁵

Необходимо констатировать, что, став в конечном счете своеобразной «визитной карточкой» экономической реформы в Китае, будучи доминантой, строжнейшей стратегией преобразований, градуализм далеко не исчерпывает содержание концепции трансформационного процесса в КНР, структурно включающей целевую модель реформы, качественные ориентиры важнейших институциональных преобразований в структуре собственности, экономическом статусе низовых агентов хозяйственной жизни, формах их взаимодействия друг с другом и методах регулирования их деятельности со стороны государства, наконец, собственно стратегию и тактику перехода к новой хозяйственной системе, этапы перехода, практические приоритеты и последовательность действий.

Концепция экономической реформы в КНР складывалась и эволюционировала под влиянием теоретических представлений руководства и научных кругов о недостатках прежней и желаемых качествах новой хозяйственной системы, знакомства с соответствующим опытом других стран и — в решающей степени — под воздействием практики, реакции экономики и общества на те или иные нововведения.

Взятая в динамике, концепция экономической реформы КНР нашла отражение в трех постановлениях ЦК КПК — о реформе хозяйственной системы (октябрь 1984 г.), о некоторых вопросах создания системы социалистической рыночной экономики (ноябрь 1993 г.), о некоторых вопросах совершенствования системы социалистической рыночной экономики (октябрь 2003 г.) в разделах об экономической реформе и внешнеэкономической открытости седьмого — десятого пятилетних планов, в документах Госсовета и его ведомств по общим задачам и конкретным направлениям преобразований, в различных законодательных актах, в некоторых разработках ученых.

Важной особенностью и концепции экономической реформы в КНР, и ее практического осуществления явилась смена официально провозглашенной целевой модели преобразований по мере развития реформного процесса.

Начальная целевая модель реформы была в виде формулы «плановая экономика — главное, рыночное регулирование — вспомогательное»

впервые выдвинута в 1979 г. Чэнь Юнем, но получила окончательное официальное одобрение в докладе Ху Яобана на XII съезде КПК в сентябре 1982 г.

В период 1984—1991 гг. официальной целевой моделью преобразований было создание системы социалистического планового товарного хозяйства, а с 1992 г. в этом качестве фигурирует создание и совершенствование системы социалистической рыночной экономики.

Китай шел к выбору целевой модели реформы одновременно двумя путями. Один, путь теоретических изысканий, состоял в изучении и типологизации различных вариантов экономической реформы и существующих в мире моделей социалистической экономики и «отыскании» на этой основе наиболее подходящей для конкретных условий Китая модели. В одной из наиболее фундаментальных работ по данной проблеме — «Исследование модели реформы хозяйственной системы в Китае» — было предложено выделять шесть моделей социалистической хозяйственной системы: военный коммунизм, традиционная модель централизованно планируемой экономики, усовершенствованная модель централизованно планируемой экономики, модель органического сочетания плана и рынка, экономика с косвенным административным контролем (когда директивный план был ликвидирован, а система косвенного управления через рынок и экономические рычаги еще не создана), и, наконец, модель рыночного социализма.

Поскольку усовершенствование традиционной системы централизованного планирования могло рассматриваться лишь в качестве переходной, но не конечной целевой модели реформы, а рыночный социализм официально считался до начала 90-х годов неприемлемым для Китая⁶, то искомой целевой моделью реформы была провозглашена модель органического соединения плана и рынка. Среди особенностей данной целевой модели Лю Гогуан и его коллеги выделяли такие как: централизация макроэкономических и децентрализация микроэкономических решений, наличие у предприятий как относительно самостоятельных товаропроизводителей «внутреннего двигателя» в виде собственных экономических интересов и одновременно — «внешнего давления» в виде рыночной конкуренции, и т. п.⁷

Второй путь формировала сама логика реформенного процесса. На начальном этапе преобразований реформаторы ориентировались главным образом на совершенствование планового управления народным хозяйством, в том числе за счет более последовательного учета в планировании требований закона стоимости. Вместе с тем предоставление на практике условий для выявления рыночным регулированием разрешенной ему «вспомогательной роли» (допущение свободных и договорных цен, развитие индивидуального сектора экономики, предоставление госпред-

приятиям права оставлять себе часть прибыли, производить и сбывать сверхплановую продукцию и т. п.) обернулось устойчивой тенденцией стихийного расширения ареала действия рыночных принципов и столь же спонтанным ослаблением позиций планирования. Экономическая невыгодность соблюдения плановой дисциплины резко ослабляла ее несмотря на административные приказы и штрафные санкции (так, в начале 80-х годов наиболее выгодным для крестьян многих районов Китая оказалось выращивание рапса и табака, процветавшее вопреки неоднократным прямым приказам из центра не расширять посевные площади под этими культурами и солидным штрафным санкциям за отказ выращивать овощи).

В 1982—1984 гг. было предпринято несколько попыток вернуть «птицу рынка» в «клетку плана». В датированном 25 февраля 1982 г. Общем проекте реформы хозяйственной системы отсутствовало положение о соединении планового регулирования экономики с рыночным, фигурировавшее в проекте 1979 г., а характеристика социалистической экономики Китая на данном этапе как товарного хозяйства, содержащаяся в проекте реформы от 3 сентября 1980 г., была заменена на определение «плановое хозяйство с существованием товарного производства и обмена»⁸.

Безоговорочный приоритет плана был закреплен в Конституции КНР 1982 г., констатирующей: «Государство осуществляет плановое хозяйство на основе социалистической общественной собственности». При этом упоминания о рыночном регулировании и товарном хозяйстве отсутствовали вовсе.

Наконец, в начале 1984 г. сторонники сильного планового начала внесли предложения о расширении номенклатуры централизованно распределяемых ресурсов и повышении доли централизованного распределения в общем объеме оборота материальных ресурсов (в частности, предлагалось охватить прямым распределением 110 видов средств производства и 90 видов потребительской продукции). Акцент на административные рычаги, натуральное распределение, жесткое директивное планирование производства, снабжения и реализации всей промышленной продукции, входящей в государственный план, мотивировался необходимостью выполнения в период до 1990 г. масштабных задач по сооружению ключевых объектов капитального строительства и трудностями с достижением подлинной финансовой и материальной сбалансированности. Соответственно, в целом предлагалось не спешить с реформами⁹.

Однако в китайском обществе явно преобладали другие настроения. С середины 1983 г. реформа хозяйственной системы выдвигается на место центральной экономической задачи. В докладе о работе правительства на 1-й сессии ВСНП 6-го созыва (июнь 1983 г.) Чжао Цзяян декларирует необходимость ускорения шагов реформы хозяйственной системы. Впервые

официально ставится задача развития единого социалистического рынка на базе выявления роли горизонтальных хозяйственных связей и слома межрегиональных и межведомственных барьеров, препятствующих нормальному функционированию сферы обращения. Провозглашается переход к трем типам управления — директивному планированию, направляющему планированию и рыночному регулированию. Что касается возникновения в процессе реформы «некоторых небольших проблем», то их, по мнению Чжао Цзыяна, «нетрудно преодолеть»¹⁰.

Совершенно очевидно, что курс на ускорение реформы был поддержан в регионах и на предприятиях, впервые за многие годы начавших распоряжаться частью производимой ими прибыли — в 1979 г. предприятиям было оставлено 6,4 % реализованной прибыли, в 1980 г. — 11,9 %, в 1981 г. — 13,2 % и в 1982 г. — 15 %.

Победу линии на ускорение реформы и одновременно переход к новой целевой модели преобразований ознаменовало принятое 20 октября 1984 г. Постановление ЦК КПК относительно реформы хозяйственной системы. Документ призвал отказаться от противопоставления планового хозяйства товарному и констатировал, что полное развитие товарного хозяйства является необходимым условием осуществления модернизации экономики Китая, единственным эффективным путем оживления экономики, которого «не добиться одними административными мерами и директивными планами»¹¹. Поставив в практическую плоскость задачи реформы системы цен, выявления роли экономических рычагов, разграничения функций административных органов и хозяйственных субъектов, Постановление ЦК КПК во многом предопределило основные направления конкретной трансформации хозяйственного механизма в КНР в 1984—1988 гг., активно стимулировало становление и отработку «двухколейной системы».

В соответствии с идеями Постановления в 1985 г. были предприняты такие важные практические шаги, как реформа системы централизованных закупок и сбыта зерна, сужение сферы директивного планирования и централизованного распределения материальных ресурсов одновременно с расширением сферы рыночного регулирования, применения свободных цен, развитием негосударственных секторов экономики.

Предполагалось, что процесс «смены колеи», т. е. перехода от преобладания старого хозяйственного механизма к окончательному становлению нового, займет примерно пять лет. В проекте реформы от 2 июля 1985 г. указывалось, что в процессе реформы Китай не может идти ни путем Японии и Германии в послевоенный период, когда переход от системы прямого контроля за экономикой к системе косвенного контроля был осуществлен чрезвычайно быстро, ни затяжным путем ряда стран Восточной Европы, потратившим на переход почти 20 лет, но так и не завер-

шившим его (имелась в виду прежде всего Венгрия). Невозможность форсировать переход от старой системы к новой объяснялась неразвитостью товарного хозяйства в Китае и нежеланием платить за трансформацию серьезными социально-экономическими потрясениями. В то же время, отсутствие внешних препятствий для реформы и слабое сопротивление реформам внутри страны, относительно небольшое влияние на экономику КНР колебаний конъюнктуры мирового рынка рассматривались как факторы, позволяющие не особенно медлить с преобразованиями¹².

В принятых в сентябре 1985 г. Всекитайской конференцией компартии Китая «Предложениях ЦК КПК по разработке 7-го пятилетнего плана народнохозяйственного и социального развития страны» проведение реформы было объявлено главной экономической задачей пятилетия 1986—1990 гг., а сама пятилетка — ключевым периодом всесторонней реформы системы управления экономикой, наукой и техникой, образованием в Китае. Констатировалось, что обеспечить поступательное развитие экономики Китая в следующем двадцатилетии можно лишь в том случае, если не теряя времени искоренить сковывающие развитие производительных сил различные недостатки действующей системы и создать жизнеспособную и жизнедеятельную систему управления с китайской спецификой¹³.

Предложения ЦК КПК о 7-м пятилетнем плане и сам план впервые предельно четко наметили контуры «социалистической хозяйственной системы нового типа», формирование которой и должно было явиться конечным результатом реформы. Речь шла о таких трех тесно взаимосвязанных аспектах, как, во-первых, усиление жизнеспособности предприятий, прежде всего крупных и средних государственных предприятий, превращение их в самостоятельно хозяйствующих, самостоятельно отвечающих за прибыли и убытки социалистических товаропроизводителей; во-вторых, дальнейшее развитие социалистического товарного рынка, постепенное совершенствование системы рынков средств производства, капиталов и т. д.; в-третьих, переход от прямого контроля государства за предприятиями к главным образом косвенному, создание системы социалистического макроэкономического управления.

С ориентиром на реализацию данного круга задач было заявлено о проведении «комплектующих» реформ систем планирования, ценообразования, финансовой, денежно-кредитной системы, системы труда и заработной платы. Пожалуй, центральная роль отводилась реформе системы ценообразования, рассматриваемой как ключ к формированию и совершенствованию системы рынка. Предписывалось в основном перейти к регулированию цен на потребительские товары в зависимости от рыночного спроса и предложения, постепенно сократить долю средств про-

изводства, цены на которые централизованно устанавливаются государством, расширить здесь роль рыночного регулирования, в целом активно выявлять регулирующую роль цен как «самого важного, самого эффективного экономического рычага» в производстве, обращении и потреблении¹⁴.

Активное проведение реформы на практике в период 1985—1988 г. обусловило, с одной стороны, заметную детализацию проектов реформы, их распространение на все новые сферы преобразований. С другой стороны, большее внимание начинает уделяться вопросам обеспечения макроэкономической стабильности, сдерживанию в приемлемых пределах общего уровня роста цен, совершенствованию кредитно-денежной и налоговой политики. Так, одной из основных задач в проекте реформы на 1986 г. было провозглашено «укрепление, усвоение, совершенствование, пополнение» ранее проведенных преобразований, особенно в реформе цен и заработной платы.

Особое внимание по-прежнему уделяется явно плохо реализуемому повышению жизнеспособности крупных и средних госпредприятий. В проекте реформ на 1986 г. констатируется, что по жизнеспособности государственные предприятия далеко отстают как от критериев превращения их в относительно самостоятельных товаропроизводителей, так и от предприятий других форм собственности. Предлагается искать решение проблемы на пути совершенствования системы хозяйственной ответственности, переводимой на подрядную основу, а также за счет широкого развития горизонтальных хозяйственных связей.

В проекте реформы на 1987 г. впервые выдвигается требование формирования на предприятиях «механизма самоограничения», разрешается эксперимент по подряду предприятия на посленалоговую прибыль. В целях улучшения внешних условий деятельности предприятий провозглашается дальнейшее сокращение сферы директивного планирования и централизованного распределения материальных ресурсов. В рамках развития горизонтальных хозяйственных связей ставится задача создания крупных блоков предприятий. Наконец, в повестку дня ставится принципиально новая задача «активного поиска конкретных форм разграничения права собственности и права хозяйствования», включая проведение экспериментов с акционерной системой при создании блоков предприятий и строительстве новых предприятий за счет совместных инвестиций¹⁵. В проекте реформы на 1988 г. намечалось внедрить трехлетний срок подрядной ответственности и применять метод торгов для определения берущего на себя подрядные обязательства лица или группы лиц¹⁶.

Среди новых направлений реформы в этот период фигурируют расширение рынка средств производства, проведение экспериментов по товаризации жилья (проект реформы на 1986 г.), реформа системы обраче-

ния стального проката и системы цен на него, формирование рынка стального проката (проект реформы на 1987 г.), укрепление макрорегулирующих функций Народного банка Китая, создание рынка краткосрочного кредита, совершенствование системы валютных отчислений и создание рынка валютного регулирования (1987), реформа системы инвестиций и системы внешней торговли, создание в экспериментальном порядке рынков ценных бумаг, трудовых услуг, недвижимости (проект на 1988 г.). В один из проектов реформы на 7-ю пятилетку впервые были включены конкретные ориентиры развития многоукладности. В 1990 г., т. е. в конце пятилетки, доля госсектора в стоимости промышленного производства должна была составить около 60 %, доля коллективного сектора — 30 %, а доля индивидуального сектора и других форм хозяйствования — не более 10 %¹⁷.

Форсированное проведение реформ в 1984—1987 гг. принесло двоякий результат. С одной стороны, был фактически найден небеспроблемный, не лишенный разного рода шероховатостей и коллизий, но вполне реальный путь перехода от старой хозяйственной системы к новой. «Двухколейность», зародившаяся как вынужденный ответ экономики на специфические проблемы, стала подлинной стратегией экономической трансформации. В середине 80-х годов в Китае стала складываться своеобразная двухсекторная экономика нового типа: централизованно планируемый, снабжаемый и регулируемый блок «командных высот», охватывающий не столько те или иные отрасли, сколько ключевые предприятия, и неуклонно растущий блок «неключевых», обычных сфер и производств, лишенный преимуществ материального снабжения по твердым государственным ценам, но зато обладающий реальной самостоятельностью, действующий в среде жесткой конкуренции и рыночных цен, а потому, в конечном счете, и более жизнеспособный.

С другой стороны, стало очевидно обретение реформенным процессом все более недвусмысленной рыночной ориентации. Логическим итогом двухколейности должен был стать переход к единой рыночной колее. Ситуация полуплановости — полурыночности, порождавшая макроэкономическую нестабильность, массовую коррупцию и различные формы откровенного паразитирования на двухколейности¹⁸, не могла продолжаться бесконечно долго.

Попытка политически обеспечить форсирование реформ рыночного типа была предпринята Чжао Цзяном на XIII съезде КПК (25 октября — 1 ноября 1987 г.). Декларировав зависимость стратегии экономического развития страны от ускорения и углубления реформы хозяйственной системы, Чжао Цзян констатировал, что развитие социалистического товарного хозяйства неотделимо от развития рынка и одновременно охарактеризовал директивное планирование как не соответствующее требо-

ваниям развития социалистического товарного хозяйства¹⁹. В данном контексте выдвинутые съездом положения об «органическом единстве планирования и рынка» и о «государственном регулировании рынка и рыночном ориентировании предприятий» вряд ли могли рассматриваться иначе, чем заявка на форсирование перехода к рыночной колее.

Решающим шагом в этом направлении должна была стать реформа цен, объявленная и частично начатая в мае 1988 г. с благословения Дэн Сяопина.

19 мая 1988 г. Дэн Сяопин заявляет, что «ускорение поступи реформы возможно только с отлаживанием цен». Признаваясь, что решение об отпуске цен на мясо, сахар, яйца и овощи вызвало широкое недовольство населения, он тем не менее констатирует, что «без реформы цен не обойтись»²⁰. Правильность реформы цен Дэн Сяопин отстаивал даже в сентябре 1988 г.²¹, всего за несколько дней до созванного Политбюро ЦК КПК рабочего совещания, призвавшего не сводить углубление реформы к реформе цен и предложившего перенести центр тяжести реформы и строительства в последующие два года на оздоровление экономической среды и отлаживание экономического порядка²².

Решение о разворачивании реформы цен выглядит явно поспешным — ведь в опубликованном всего месяцем ранее, 20 апреля 1988 г., проекте углубления реформы хозяйственной системы на 1988 г. какие-либо особо радикальные шаги в данной сфере предложены не были. Речь шла о сдерживании общего уровня роста цен, строгом контроле за ценами на средства производства и введении верхнего потолка цен на внеплановое сырье и энергоресурсы²³, что выглядело вполне резонным ответом на уже довольно чувствительный рост цен в 1987 г., когда он составил, по данным госстатуправления, 7,3 % в сфере розничных цен, в том числе 10,1 % на продовольствие (17,7 % на овощи, 16,5 % на мясо и яйца), 18,1 % на шерстяные изделия²⁴. В контексте последующего развития событий возникает предположение, что, форсируя рыночные преобразования за счет ускорения реформы цен, Чжао Цзыян и поддержавший его тогда Дэн Сяопин совершали явный промах, не просчитав бурной реакции населения («поветрие закупок», изъятие сберегательных вкладов и т. п.) и добившись в итоге не ускорения поворота к рынку, а прямо противоположного результата.

Всему этому есть только одно объяснение: решение о разворачивании реформы цен было действительно не до конца продуманным и просчитанным, но политически вынужденным шагом перед лицом явной активизации сторонников главенства планового начала в экономической жизни Китая. Об этом, в частности, свидетельствовало занятие Ли Пэнном по совместительству поста Председателя Комитета по реформе хозяйственной системы, санкционированное в марте 1988 г. 1-й сессией ВСНП

8-го созыва (Ли Теин был перемещен на пост председателя Комитета по образованию). В итоге при Госсовете был создан рабочий орган по подготовке средне- и долгосрочного проекта реформы цен. Его первоначальный вариант был доложен председателем Госплана Яо Илинем сентябрьскому рабочему совещанию и «в принципе одобрен» 3-им пленумом ЦК КПК 13-го созыва, предложившим Госсовету «в течение последующих пяти лет или несколько большего времени, исходя из требования строгого сдерживания роста цен... организовать постепенное, надежное претворение (реформы цен) в жизнь»²⁵. Одним словом, противники решительного поворота Китая к рынку сделали все возможное, чтобы торпедировать данный курс, и отчасти преуспели в этом.

Закономерно возникает и другой вопрос: в самом ли деле рост цен, инициированный майским решением 1988 г. (а шире — рост цен периода 1985—1988 гг.), был «непоносим для масс, для предприятий, для государства», что инфляция стала серьезной угрозой для стабильности и развития экономики и препятствием на пути успешного проведения реформы, как об этом было заявлено 11 октября 1988 г. на общем совещании Госсовета под председательством Ли Пэна²⁶. Ведь в сравнении со вскоре следовавшими инфляционными процессами в Восточной Европе и на постсоветском пространстве рост цен в Китае в 1988 г. (18,5 % — розничные цены в целом, 23 % — цены на продовольствие, в том числе 36,8 % — цены на мясо, птицу, яйца²⁷) выглядит вполне приемлемым. На наш взгляд, такое сравнение некорректно: инфляция 1988 г. воспринималась китайским населением крайне болезненно и экономически, вследствие невысокого в целом уровня жизни, и психологически, ведь «приемлемым» потолком ежегодного роста цен в КНР считался уровень в 10 %.

На фоне достаточно мягко и компромиссно выглядевшего коммюнике 3-го пленума ЦК КПК 13-го созыва (доклад на пленуме делал Чжао Цзыян, соответственно, в коммюнике было включено положение, что без реформы цен создание основ новой хозяйственной системы невозможно) практические шаги по «оздоровлению и упорядочению», предложенные Госсоветом, были весьма жесткими и необычайно оперативными. Среди них — решение об упорядочении компаний, особенно финансовых и в сфере обращения, прямой запрет Народного банка Китая на банковское кредитование целого ряда объектов и сфер деятельности, комплекс мер по упорядочению цен с прямым запретом в ряде случаев на любое повышение цен (например, на нормируемую свинину), ограничение покупательной способности организаций и т. д.²⁸

Определенные коррективы вносятся в концепцию реформ. В утвержденных Госсоветом «Основных моментах реформы хозяйственной системы на 1989 г.» акцент было предписано сделать на «развитии и совершенствовании уже проведенных мероприятий». Одновременно предлага-

лось «использовать благоприятное время урегулирования и упорядочения для экспериментирования и поиска путей проведения глубинных реформ». Несмотря на очевидную смену приоритетов — на первые роли вновь выдвигается задача углубления реформы на предприятиях и создания «благоприятствующей сбалансированности и оптимизации структуры экономики» системы макроконтроля, — на общее сужение фронта реформ, в 1989 г. предполагалось начать или продолжить отработку ряда весьма многообещающих новшеств. В их числе залоговый подряд во взаимоотношениях государства и предприятий, распродажа мелких государственных предприятий, введение раздельного управления «политическим» и коммерческим кредитованием, проведение эксперимента по созданию фьючерсных рынков продукции сельского хозяйства в Чжэнчжоу, Ухане, Цзилине²⁹.

Драматическая развязка нарастающего в первые месяцы 1989 г. политического кризиса в Китае, устранение с политической арены Чжао Цзыяна и ряда других проводников радикального варианта реформ отразились и на концепции экономических преобразований.

На какое-то время резко сужается сфера реформ, притормаживается их ход. Вместе с тем обновленное руководство страны сочло необходимым подтвердить свою приверженность политике реформ и открытости как таковой. Ли Пэн в начале сентября 1989 г. заявил о необходимости продолжать последовательно претворять в жизнь все прежние официально утвержденные ЦК КПК, Госсоветом, ВСНП положения, законодательные акты, конкретные мероприятия в сфере реформ и открытости. Поименно были перечислены «Закон о предприятии» и комплектующие его документы 1986 г. (положения о системе ответственности директора, о собрании представителей рабочих и служащих и о работе парткомов предприятий), различные виды подрядной ответственности (региональный финансовый подряд, отраслевой подряд в угольной промышленности и на железнодорожном транспорте, подряд предприятий на отчисление прибыли государству и т. п.), привлечение иностранных инвестиций. Подтвердив курс на сохранение семейного подряда в качестве основной формы хозяйствования на селе, Ли Пэн одновременно заявил о возможности развития коллективной экономики в деревне там, где для этого имеются подходящие условия и «на базе добровольного желания масс». Было также предложено готовить серьезную научную проработку проектов любых нововведений в сфере реформы с их последующей тщательной экспериментальной проверкой и отработкой³⁰.

Несколько позже подтверждается неизменность курса на развитие в стране многообразия форм хозяйствования при главенстве экономики общественной собственности, развитие приморского пояса и специальных экономических зон в тесном взаимодействии с мировым хозяйством,

развитие горизонтальных хозяйственных связей³¹. На местах более определенно одобряется и курс на «совершенствование и развитие социалистического рынка», включая рынки средств производства, трудовых услуг, имущественных прав предприятий³².

Вместе с тем не все из арсенала реформ 1984—1988 гг. предполагалось использовать впредь. В решении 5-го пленума ЦК КПК 13-го созыва (ноябрь 1989 г.) особенно жесткой критике была подвергнута двухколейная система цен на средства производства. Ставилась задача в 1990—1991 гг. сократить номенклатуру продукции, подпадающей под действие двухколейных цен, и, начав с угля, постепенно превратить двухколейные цены в одноколейные. Претензии к двухколейной системе цен были весьма многочисленными. Она обвинялась в нарушении принципа эквивалентного обмена, в утечке плановых ресурсов на рынок, негативном воздействии на материальное обеспечение ключевых государственных объектов строительства, внесении элементов хаоса в процесс обращения. Скорейшая ликвидация двухколейной системы цен объявлялась «всеобщим требованием». Основной предлагавшийся для этого путь состоял в повышении ряда плановых цен, особенно в отраслях с низкой рентабельностью (угледобыча, электроэнергия). Заметим, что одной из причин их низкой рентабельности как раз и была наивысшая доля сбыта продукции по твердым государственным ценам — 95,8 % по электроэнергии и 94,4 % по углю, тогда как в машиностроении эта доля составляла 40,4 %, а в химической промышленности 51,3 %³³.

Китайское руководство сочло необходимым прояснить свое отношение к рыночной экономике. По словам Ли Пэна, доля рыночной экономики не может служить критерием прогресса или регресса реформ. Китай не может внедрить у себя полностью рыночную экономику, ибо это привело бы к хаосу в народном хозяйстве страны. В то же время, нельзя, как это делалось в прошлом, полностью перейти на плановую экономику. Китай должен идти по пути соединения плановой экономики с рыночным регулированием³⁴.

Казалось, страна обречена на длительный период господства возрождаемых во имя обеспечения макроэкономической стабилизации административных рычагов регулирования народного хозяйства и всемерного ограничения и сдерживания рыночных начал экономической жизни. Этого, однако, не случилось. Как заметил Б. Наунтон, вместо того, чтобы явиться началом новой эры возрождения централизованного контроля, программа «39 пунктов» (Решение 5-го пленума ЦК КПК 13-го созыва) ретроспективно оказалась всего-навсего еще одним качанием маятника³⁵. Реальная ситуация в экономике — первое за 27 лет падения в 1989 г. физического объема розничной торговли на 7,6 %, невозможность реализовать идею долгосрочных подрядных контрактов с госпредприятиями из-за

резко ухудшившихся для них в связи с вялостью рыночного спроса макроэкономических условий хозяйствования — заставили отступить от сверхжесткой экономической политики уже вскоре после ее провозглашения. На практике экономические преобразования в 1990—1991 гг. отличались намного более высокой динамикой и большей широтой диапазона, чем следовало из официальных предписаний касательно реформы. В частности, особенно быстро пошло формирование рынка ценных бумаг на местах, как бы выпавшего из поля зрения центрального руководства.

Пришлось отыграть назад и некоторые из официально провозглашенных установок. В «Основных моментах реформы хозяйственной системы на 1991 г.» устранение двухколейной системы цен на средства производства в данный момент было признано невозможным. Более того, вновь был поставлен вопрос об углублении реформы цен, декларирована необходимость передачи права ценообразования предприятиям, снято большинство разного рода ограничений в сфере так называемых свободных цен, применявшихся в 1989—1990 гг., поставлена задача всемерного выявления роли рыночного регулирования. В целом же в период 1989—1991 гг. было проведено одно из наиболее масштабных за годы реформ «урегулирований» заниженных цен, охватившее транспортные тарифы, цены на стальной прокат, нефть и нефтепродукты, уголь, а также цены на зерно и масло нормированного снабжения, которые боялись трогать 25 лет³⁶. (Решительность китайского руководства объяснялась тем, что после июньских событий 1989 г. какие-либо протесты населения были исключены.)

В проекте реформы на 1991 г. оживление рыночных веяний ощущалось и на других участках преобразований. Реформа механизма хозяйствования крупных и средних предприятий стала прямо увязываться с созданием благоприятной рыночной среды, с расширением права предприятий на самостоятельный сбыт продукции, особенно произведенной на мощностях, построенных за счет их собственных инвестиций. Поощрялся и «рациональный оборот» факторов производства. Вновь был поднят вопрос о налаживании рынка краткосрочного кредитования (рынка денег), практически полностью свернутого в 1989—1990 гг.³⁷

В 1991—1992 гг. поистине беспрецедентное внимание вновь уделяется крупным и средним государственным предприятиям, явно выпадавшим из общего оживления хозяйственной жизни. В сентябре 1991 г. Ли Пэн объявляет 12 направлений содействия улучшению внешних условий хозяйствования госпредприятий (включая сокращение директивного планирования, снижение процентной ставки по кредитам, снижение ставки подоходного налога) и 8 направлений совершенствования деятельности самих предприятий, призванных обеспечить их поворот к рынку и повышение конкурентоспособности (контрактная система найма,

переход к подряду на прирост имущества и по системе «затраты—выпуск» и т. п.)³⁸. А в 1992 г. принимается специальное «Положение о смене механизма хозяйствования промышленных предприятий общенародной собственности». Активизируется и работа по реформе системы социального обеспечения, призванная ослабить социальное бремя государственных предприятий. Эти два направления занимают центральное место в проекте реформы хозяйственной системы на 1992 г., где также ставится задача создания оптовых рынков пищевого масла и сахара, многозвенной системы резервных фондов зерна. Декларируется и переход к системе двойного бюджета (бюджет постоянных расходов, балансируемый в обязательном порядке, и строительный бюджет)³⁹.

Решающий перелом вносит знаменитая поездка Дэн Сяопина на юг страны в январе-феврале 1992 г., в ходе которой он однозначно высказался в пользу ускорения рыночных преобразований⁴⁰.

С середины 1992 г. рыночная ориентация реформы становится свершившимся фактом. Об этом безошибочно свидетельствовали как появившиеся в центральной печати статьи с названиями типа «Социализм также должен осуществлять рыночную экономику», так и принятое в сентябре 1992 г. решение Госсовета КНР об активном использовании рыночного механизма в сельском хозяйстве. В том же направлении разворачивалась и вся экономика. К сентябрю 1992 г. количество цен на средства производства и транспортных тарифов, находящихся в ведении государственного комитета по ценам и других центральных ведомств, сокращается до 89 по сравнению с 737 в 1991 г., при этом право установления цен по 571 виду продукции было передано предприятиям⁴¹. В более чем 400 уездах с населением в 200 млн человек к концу 1992 г. были отпущены цены на зерно⁴².

Начиналось концептуальное осмысление понятия «социалистическая рыночная экономика» и требующихся для ее развития мер. Ученые-экономисты справедливо отмечали, что старт берется не с нуля, так как многие конкретные преобразования в Китае были по своей сути «рыночноориентированными». Вместе с тем констатировалось, что поворот от «механизма, органически сочетающего плановое хозяйство и рыночное регулирование», к созданию системы социалистической рыночной экономики требует известной корректировки цели реформ⁴³. В числе важнейших отличий «социалистической рыночной экономики со спецификой Китая» назывались ее базирование на общественной собственности и развитие в условиях социалистического общественного строя, позволяющее обеспечивать социальную справедливость⁴⁴.

Проект реформы хозяйственной системы на 1993 г. намечал развернутую программу преобразований рыночного типа — от широкой отработки экспериментов с акционированием и отпуском цен на стальной прокат до реформы налоговой и кредитно-денежной системы⁴⁵.

В отличие от урегулирования 1979—1982 гг. и отчасти урегулирования 1989—1991 гг. новое урегулирование, стартовавшее в июне 1993 г. и нацеленное на «мягкий» вывод экономики страны из возникшего в 1992 — первой половине 1993 г. «перегрева» (впоследствии экономическая политика 1994—1996 гг. получила определение «мягкой посадки»), не только не оказало негативного влияния на темпы экономической реформы, но, напротив, содействовало ускорению давно назревших преобразований, в том числе в банковской и налоговой сферах, валютном регулировании. В документе ЦК КПК от 24 июня 1993 г., получившем название «16 пунктов» по количеству предложенных мер, отмечалось, что «возникшие в экономике противоречия и проблемы коренятся в сохранении остатков прежней хозяйственной системы, в несформированности системы социалистической рыночной экономики». Соответственно, поиски необходимых для преодоления возникших трудностей путей ускорения смены старого хозяйственного механизма, совершенствования и укрепления макроэкономического контроля назывались в документе «мотором ускорения реформы, создания системы социалистической рыночной экономики».

Заслуживают перечисления и сами «16 пунктов», напоминающие классическую программу макроэкономической стабилизации. Это строгий контроль за денежной эмиссией; ограничение краткосрочного межбанковского кредитования; повышение процента по сберегательным вкладам; пресечение всех видов незаконной аккумуляции средств населения; строгое ограничение общих масштабов кредитования; введение системы ответственности банков за выплаты по сберегательным вкладам; соединение реформы инвестиционной системы с реформой банковской системы, скорейшее разделение функций коммерческих и политических банков; выполнение в установленные сроки работы по эмиссии государственных казначейских обязательств⁴⁶; совершенствование эмиссии акций и облигаций и их обращения на рынке; улучшение методов валютного контроля и стабилизация рыночного курса валюты⁴⁷; усиление управления рынком недвижимости; усиление работы по сбору налогов; сдерживание капитального строительства; сдерживание чрезмерного роста цен; сдерживание роста покупательной способности предприятий и организаций⁴⁸.

14 ноября 1993 г. на 3-м пленуме ЦК КПК 14-го созыва было принято Постановление о некоторых вопросах создания системы социалистической рыночной экономики. Оно стало программой рыночной трансформации народного хозяйства Китая, в следующем десятилетии⁴⁹.

Как декларировало постановление, создание системы социалистической рыночной экономики означает выявление рынком базовой роли в алокации ресурсов под макроконтролем государства. Основной каркас

системы социалистической рыночной экономики мыслился как органическое целое следующих взаимосвязанных и взаимоограничивающих элементов:

- многоукладная экономика при главенстве экономики общественной собственности;
- система современных предприятий, адекватных требованиям рынка, отличающихся четким разграничением имущественных прав, административных и хозяйственных функций;
- единая общегосударственная открытая система рынка, обеспечивающая стыковку городского и сельского рынка, рынка внутреннего и мирового, содействующая оптимизации алокации ресурсов;
- система макроконтроля, опирающегося главным образом на косвенные рычаги и обеспечивающая здоровое функционирование экономики;
- система распределения доходов с распределением по труду в качестве основы, обеспечивающая как поощрение эффективных экономических действий, так и продвижение по пути всеобщей зажиточности;
- многоуровневая система социального обеспечения, отвечающая характерным особенностям Китая, способствующая росту экономики и общественной стабильности.

Отличие концепции социалистической рыночной экономики от концепции социалистического товарного хозяйства наглядно видно уже по одному только несовпадению позиций в документах 1993 и 1984 гг. В 1984 г. констатировалось, что при социализме товарные отношения не являются всеохватывающими: «...Рабочая сила не есть товар, товаром не являются также земля, рудники, банки, железные дороги и все другие государственные предприятия, а также природные ресурсы»⁵⁰. В 1993 г. ставилась задача ускорить процесс «маркетизации» цен на факторы производства, сформировать рынок рабочей силы, всемерно развивать фондовый рынок, рынок недвижимости, технических достижений, информации, отладить рыночный механизм ценообразования на право землепользования.

Постановка конкретных задач реформы в Постановлении ЦК КПК 1993 г. в целом лежала в рамках общей логики трансформационного процесса и отличалась скорее четкостью, чем новизной. Многие из намеченных мероприятий не раз обсуждались ранее в научных кругах, частично отработывались в экспериментальном порядке (элементы реформы налоговой системы, например), что и позволило безотлагательно приступить к их практической реализации. С 1 января 1994 г. началась реформа налоговой (упорядочение видов налогов и ставок налогообложения, более четкое разделение налогов на центральные и местные) и банковской сис-

темы, реформа системы валютного регулирования. В 1995 г. были приняты законы о Народном банке Китая как о центральном банке страны, о коммерческих банках, залоге, векселях, новый закон КНР о труде.

Одним из немногих, но чрезвычайно важных исключений явилось провозглашение нового подхода к реформе государственных предприятий. Преобразование государственных предприятий в разного рода компании — полностью основанные на государственном капитале, с контрольным паем государства, акционерные компании, компании с ограниченной ответственностью, — более четкое определение прав и интересов инвесторов и обязательств предприятий перед ними, совершенствование статуса предприятий как юридических лиц, располагающих самостоятельными имущественными правами, что открывало бы путь к ответственности за результаты хозяйственной деятельности, научность «внутрифирменного» управления — таковы основные подходы к созданию системы современных предприятий в Китае, которое первоначально намечалось осуществить к 2000 г.⁵¹ и которое стало пятой с начала реформ концепцией реформы госпредприятий (вслед за расширением хозяйственной самостоятельности в 1979—1980 гг., системой хозяйственной ответственности в 1981—1983 гг., заменой отчисления прибыли государству налогами в 1984—1986 гг., подрядом на перечисление прибыли государству с 1987 г.). Особое внимание было намечено уделить тысяче крупнейших предприятий, которые предполагалось за счет слияний и структурной реорганизации вывести в ряды предприятий международного класса.

В докладе о работе правительства на 3-й сессии ВСНП 8-го созыва 5 марта 1995 г. Премьер Госсовета КНР Ли Пэн подчеркнул, что к 2000 г. система социалистической рыночной экономики в Китае может быть создана только в начальном виде, а обретение ею качества зрелости требует еще 20—30 лет⁵².

В период между XV и XVI съездами правящей компартии Китая, т. е. в 1997—2002 гг., в стране была проделана значительная практическая работа по переводу народного хозяйства на рыночные рельсы.

Удалось в целом выполнить трехлетнюю (1998—2000 гг.) программу финансового оздоровления примерно 6600 крупнейших государственных предприятий, повысив долю рентабельных работающих компаний до 70 %. Одновременно возросло внимание к проблемам других низовых экономических агентов, что нашло отражение в принятии законов о стимулировании развития малых и средних предприятий и о системе подпольного землепользования в сельском хозяйстве.

В формировании рыночных институтов особое внимание уделялось развитию рынка ценных бумаг. В частности, в 2001 г. было принято решение об открытии рынка акций типа «В» для граждан КНР, имеющих

валютные счета, а в 2002 г. — об открытии для «квалифицированных иностранных институциональных инвесторов» рынка акций типа «А», ранее предназначавшегося только для граждан КНР. Значительное развитие получил также рынок недвижимости, особенно товарного жилья.

Доминирование в экономике КНР в 1998—2003 гг. дефляционных тенденций потребовало проведения в стране принципиально иной макроэкономической политики, направленной на оживление потребительского и инвестиционного спроса, а с ним — и экономического роста в целом. В макроэкономической инструментарии китайского руководства этого периода особое место занимали эмиссия спецоблигаций на инвестиционные цели⁵³ и снижение до минимально приемлемого уровня процентной ставки по банковским депозитам. Были положены первые шаги акционированию китайских банков, которые начали осуществляться с небольших коммерческих банков.

Новым самостоятельным направлением преобразований явилось активное реформирование социального обеспечения в стране. Создав так называемую систему «трех линий гарантий» — пособий рабочим, увольняемым с предприятий, выплат по безработице и на поддержание минимального уровня жизни в городах — Китай сумел без масштабных социальных потрясений провести крупное сокращение количества занятых в государственном (с 110,4 млн в 1997 г. до 76,4 млн человек в 2001 г.) и коллективном (с 28,8 млн до 12,9 млн человек) секторах экономики⁵⁴.

Важным внешним фактором ускорения рыночных преобразований, причем в соответствии с достаточно жестким временным расписанием, стали обязательства КНР перед Всемирной торговой организацией, куда они официально вступили 11 декабря 2001 г.

В целом к концу 2003 г. обновленное китайское руководство пришло к заключению, что в первоначальном виде система социалистической рыночной экономики в стране уже создана. Программой дальнейшего углубления рыночных преобразований в КНР стало Постановление о некоторых вопросах совершенствования социалистической рыночной экономики, принятое 3-м Пленумом ЦК КПК 16-го созыва (11—14 октября 2003 г.). Данный документ ориентирует страну на ускорение и радикализацию реформы отношений собственности, более полное выявление потенциала частного сектора и других негосударственных экономических укладов, более сбалансированное региональное развитие и ускорение рыночной трансформации деревни⁵⁵. Совершенствование рыночных институтов мыслится командой Ху Цзиньтао — Вэнь Цзябао как магистральный путь достижения целей модернизации Китая на среднесрочную перспективу и существенного укрепления его позиций в мировой экономике.

Уже после принятия Постановления о совершенствовании системы социалистической рыночной экономики целый ряд его идей и ориентиров был конкретизирован в специальных документах. Здесь следует выделить Мнения Госкомимущества об унификации работы по реформе системы государственных предприятий (декабрь 2003 г.), Циркуляр Госсовета КНР о стимулировании реформы и развития фондового рынка (31 января 2004 г.) и, наконец, Мнения ЦК КПК и Госсовета о политике стимулирования роста доходов крестьян (8 февраля 2004 г.), которое обозначило реальный поворот руководства страны к решению проблем деревни⁵⁶. Реализация новых задач в сфере реформы потребует, судя по всему, минимум десять лет напряженной работы.

Итак, концепция экономических преобразований в КНР прошла путь от классической «рационализаторской» реформы наподобие той, попытку проведения которой предпринимались с середины 60-х годов в Советском Союзе и ряде стран Восточной Европы, до ориентации на создание и совершенствование системы социалистической рыночной экономики.

Идея рыночного социализма, вызывавшая когда-то оживленные дискуссии и казавшаяся крайней точкой реформаторского радикализма, сегодня имеет немного сторонников в мире и выглядит скорее анахронизмом, чем новацией. Однако тот факт, что распавшийся Советский Союз и страны Восточной Европы сходу «проскочили» рыночный социализм подобно тому, как поезд проскакивает малоприметную станцию, не является доказательством того, что эта станция, образно говоря, не может быть местом жительства для кого-то другого. Российский исследователь А.П. Бутенко квалифицирует рыночный социализм как исторический компромисс, специфическую разновидность смешанной рыночной экономики, возникающую «там и тогда, где и когда острота общественных противоречий уже исключает возможность сохранения или возрождения эксплуататорского общества, но невысокий уровень развития производительных сил еще не позволяет изжить рыночную экономику, вынуждает использовать рыночные механизмы и отношения для умножения производительных сил и подготовки предпосылок к созданию общества, не знающего эксплуатации и гнета»⁵⁷. Позиция, согласно которой рыночный социализм есть промежуточная ступень на пути к социализму, в контексте происходящего в мире отнюдь не кажется бесспорной. Не исключено, что она может быть и промежуточной ступенью на пути к капиталистическому рынку. Но вот положение об историческом компромиссе как нельзя лучше применимо к Китаю, которому удалось как сохранить официальную приверженность социалистическому пути общественного развития, так и добиться достаточно последовательной и глубокой перестройки экономики на рыночные принципы хозяйствования.

Концепция экономической реформы в Китае далеко не всегда была подлинной «путеводной звездой» для самих экономических преобразований. Иногда теория ставила перед практикой нереалистические, по крайней мере, по срокам реализации, цели, иногда предлагала по сути дела тупиковые решения. В Китае любят подчеркивать сильное экспериментальное начало в реформенном процессе в стране, но нередко «переходить реку, нащупывая камни»⁵⁸ приходилось именно потому, что «мост через реку реформ» или хотя бы опоры для него загодя построить не удавалось.

Однако вряд ли те или иные недочеты и просчеты концепции экономической реформы в Китае могут бросить тень на кропотливую фундаментальную работу экономистов — ученых и практиков, проделанную подчас в непростых политических условиях и в конечном счете оказавшуюся в намного большей степени востребованной обществом, чем аналогичные наработки в бывшем Советском Союзе. Разработка концепции экономической реформы явилась и продолжает оставаться важной составной частью общего процесса поиска путей социально-экономического развития Китая.

(1996, 2004)

Примечания

¹ См., например: Economic Policy. A European Forum. Supplement 19. Lessons for Reform. Cambridge. December 1994; Jeffrey Sachs and Wing Thye Woo. Understanding the Reform Experiences of China, Eastern Europe and Russia — In: From Reform to Growth: China and Other Countries in Transition in Asia and Central and Eastern Europe. Edited by Chung Lee and Helmut Reisen. OECD. Paris, 1994. P. 23—31.; *Линь Ифу, Цай Фан, Ли Чжоу*. Китайское чудо: стратегия развития и экономическая реформа / пер. с кит. М.: ИДВ РАН, 2001.

² *Некиселов А.Д.* Очерки по экономике посткоммунизма. М., 1996. С. 5.

³ *Цзоу Вэй, Чжуан Цзыин*. Чжунго гайгэ гочэн ды синджи, тэчжэн юй дунтай юхуа : [Процесс реформ в Китае: характер, особенности, пути оптимизации] // Цзинцзи яньцзю. 1995. № 9. С. 37.

⁴ Чжунго цзинцзи тичжи гайгэ гуйхуа цзи (1979—1987) : [Сборник проектов реформы хозяйственной системы Китая]. Пекин, 1988. С. 17.

⁵ Там же. С. 31—32, 69—74.

⁶ Например, в записке Чжао Цзыяна (тогда — премьер Госсовета КНР) Ху Яобану, Дэн Сяопину, Ли Сяньняню, Чэнь Юню «Мнения о трех вопросах реформы хозяйственной системы» от 9 сентября 1984 г. прямо констатируется: «В Китае осуществляется плановое хозяйство, а не рыночная экономика» — Чжунго цзинцзи тичжи гайгэ ши нянь : [Десять лет реформы хозяйственной системы в Китае].

Пекин, 1988. С. 41. Непригодность для Китая экономической модели «рыночного социализма» объяснялась не только идеологическими, но и чисто экономическими причинами, в частности, отсутствием, как декларировалось, в рамках данной модели необходимых для направления деятельности предприятий средств макроэкономического регулирования и контроля.

⁷ Лю Гогун Чжу бянь. Чжунго цзинци тичжи гайгэ ды моши яньцзю : [Лю Гогун (гл. ред.). Исследование модели реформы хозяйственной системы в Китае]. Пекин, 1988. С. 9—10, 62—67.

⁸ Сборник проектов реформы хозяйственной системы Китая. С. 57, 61.

⁹ Сборник проектов реформы хозяйственной системы Китая. С. 113.

¹⁰ Цзинци жибао. 24.06.1983.

¹¹ Постановление ЦК КПК относительно реформы хозяйственной системы. Пекин, 1984. С. 17.

¹² Сборник проектов реформы хозяйственной системы Китая. С. 129.

¹³ Жэньминь жибао. 26.09.1985.

¹⁴ Там же; Нунминь жибао. 15.04.1986.

¹⁵ Сборник проектов реформы хозяйственной системы Китая. С. 146—148, 166—169.

¹⁶ Жэньминь жибао. 20.04.1988. В 1989 г., по данным выборочных обследований, 70 % контрактов на подряд было заключено с отдельными лицами (в большинстве случаев — директорами предприятий), 26 % — с группами лиц и 3 % контрактов — с трудовыми коллективами предприятий.

¹⁷ Сборник проектов реформы хозяйственной системы Китая. С. 159.

¹⁸ Например, продажа одного грузовика средней грузоподъемности по рыночной цене в 35 тыс. юаней вместо 20 тыс. по государственной цене давала одномоментный доход в 15 тыс. юаней, что в середине 80-х годов в 15 раз превышало среднюю заработную плату горожанина за год.

¹⁹ Документы XIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (1987). Пекин, 1988. С. 32—34.

²⁰ Дэн Сяопин вэньсюань. Ди сань цзюань. С. 262—263.

²¹ По словам Дэн Сяопина, «без отлаживания цен не приходится и говорить о настоящем успехе экономической реформы». Там же. С. 278.

²² Цзинци жибао. 23.09.1988.

²³ Жэньминь жибао. 20.04.1988.

²⁴ Гуанмин жибао. 25.02.1988.

²⁵ Гуанмин жибао. 01.10.1988.

²⁶ Жэньминь жибао. 13.10.1988.

²⁷ Гуанмин жибао. 01.03.1989.

²⁸ См.: Жэньминь жибао. 13, 14, 16.10.1988.

²⁹ Жэньминь жибао. 11.04.1989.

- ³⁰ Гуанмин жибао. 02.09.1989.
- ³¹ Баньюэтань. Пекин. 1989. № 19. С. 13.
- ³² Тигай синьси. Чунцин. 1989. № 19. С. 13.
- ³³ Гайгэ. 1990. № 2. С. 20—24.
- ³⁴ Жэньминь жибао. 13.12.1989; Гуанмин жибао. 05.01.1990.
- ³⁵ *Barry Naughton*. Growing Out of the Plan: Chinese Economic Reform. 1978—1993. New York, 1995. P. 275.
- ³⁶ Так, с 1 мая 1991 г. цены на нормируемое зерно (рис, муку, кукурузу) были повышены на 67 %, на 6 видов растительного масла — на 169 %. Отпускная цена на нефть с 1 января 1991 г. была повышена на 34 юаня за тонну, а с 10 марта — соответственно повышены розничные цены на нефтепродукты. Отпускная цена на чугун возросла с 484 до 610 юаней за тонну, а на углеродистую конструкционную сталь — с 800 до 950 юаней. — 1992 нянь Чжунго: цзинци синши фэнси юй юйцэ : [Китай в 1992 г.: анализ и прогноз экономической ситуации]. Пекин, 1992. С. 237—238.
- ³⁷ Цзинци жибао. 21.06.1991.
- ³⁸ Жэньминь жибао. 11.10.1991.
- ³⁹ Жэньминь жибао. 29.03.1992.
- ⁴⁰ Подробнее см.: *Портяков В.* Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина. М., 1998. С. 73—74.
- ⁴¹ Гуанмин жибао. 02.09.1992.
- ⁴² Цзинци жибао. 10.12.1992.
- ⁴³ Жэньминь жибао. 29.12.1992.
- ⁴⁴ См.: *Гао Шанцюань*. Цзякуай гайгэ бучжай цзинькуай цзяньли шэхуйчжун шичан цзинци синь тичжи : [Ускоряя поступь реформы, как можно быстрее создать новую систему социалистической рыночной экономики] // Гуанмин жибао. 31.10.1992; *Лю Гогуан*. Люелунь шэхуйчжун шичан цзинци : [О социалистической рыночной экономике] // Жэньминь жибао. 26.10.1992.
- ⁴⁵ Цзинци жибао. 26.03.1993.
- ⁴⁶ Эмиссия государственных казначейских обязательств, являющаяся в КНР важным источником покрытия дефицита госбюджета, в 1993 г. шла со значительным отставанием от установленных сроков из-за невыгодности ГКО для населения в связи с ростом инфляции.
- ⁴⁷ К июню 1993 г. разрыв в рыночном и официальном курсе юаня к доллару достиг почти двукратной величины (11:1 и 5,7:1), что было связано с инвестиционным бумом и огромным спросом на необходимую для импорта стального проката валюту.
- ⁴⁸ Чжунгун чжунъян вэньцзянь: чжун фа 1993 лю хао : [Документы ЦК КПК: документ № 6 за 1993 г.] // Чжунго далу яньцзю. Тайбэй. 1994. № 2. С. 104—110.
- ⁴⁹ Чжунгун чжунъян гуаньюй цзяньли шэхуйчжун шичан цзинци тичжи жогань вэньти ды цзюедин : [Постановление ЦК КПК о некоторых вопросах создания системы социалистической рыночной экономики] // Жэньминь жибао. 17.11.1993.

⁵⁰ Постановление ЦК КПК относительно реформы хозяйственной системы. С. 18.

⁵¹ Цзяньли юй шэхуйчжуй шичан цзинцзи тичжи сянь шиин ды сяндай цие чжиду : [Создать соответствующую системе социалистической рыночной экономики систему современных предприятий] // Жэньминь жибао. 21.12.1993.

⁵² Жэньминь жибао. 20.03.1995.

⁵³ В рамках так называемой «активной финансовой политики» эмиссия облигаций госзайма составила 50 млрд юаней в 1998 г., 100 млрд — в 1999 г., по 150 млрд юаней ежегодно в 2000—2002 гг., 140 млрд юаней в 2003 г.

⁵⁴ Чжунго тунцзи чжайяо 2002 : [Краткая статистика Китая]. Пекин, 2002. С. 38; Чжунго тунцзи чжайяо 2001. Пекин, 2001. С. 40.

⁵⁵ См. подробнее: *Портяков В.* Новый шаг на пути реформ // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 6. С. 12—15.

⁵⁶ См.: URL: <http://www/people.com.cn/GB/jingji/1037/2247135.html>; URL: <http://www/people.com.cn/GB/jingji/1037/2314920.html>; URL: <http://www/people.com.cn/GB/jingji/1037/2325995.html>

⁵⁷ *Бутенко А.* Рыночный социализм: очередная утопия или лозунг исторического компромисса? // Рабочая трибуна. 15.05.1996.

⁵⁸ Выражение «мочжэ шитоу го хэ» — «переходить реку, нащупывая камни» принадлежит Чэнь Юню, впервые употребившему его в июле 1951 г. в качестве синонима осторожного подхода к решению экономических проблем. См.: *Гуан Мэнцзюэ.* Чэнь Юнь тунчжи дэ цзинцзи сысян : [Экономические идеи товарища Чэнь Юня]. Шанхай, 1984. С. 25. В годы реформ данное выражение стало общепринятым описанием китайской методы реформирования экономики, вызывавшей, впрочем, несогласие радикальных реформаторов, полагавших, что «через огромную бурную реку реформ не перейти, нащупывая камни» — надо учиться плавать.

КИТАЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕФОРМА В МЕЖДУНАРОДНОМ КОНТЕКСТЕ

Два десятилетия экономической реформы в КНР однозначно свидетельствуют, что при всей самодостаточности, вполне очевидной национальной специфике и даже уникальности она представляет собой неотъемлемую составную часть общемирового процесса рыночной трансформации. В связи с этим вполне естественно, что процесс преобразований в КНР с первых его шагов и в самом Китае, и за рубежом неизменно ставится в тот или иной международный контекст, выступая объектом сравнительного анализа и межстрановых сопоставлений.

Порожденная экономической реформой в Китае компаративистика уже приближается количественно и качественно к критической массе, достаточной для вычленения ее наиболее заметных особенностей.

Первая из них заключается в том, что множественность идентификаций и самоидентификаций Китая как государства одновременно социалистического, развивающегося, азиатского (или восточноазиатского), крупного по территории и населению порождает объективную возможность сопоставлений, что называется, «по всем азимутам». Китай ныне является постоянным фигурантом сравнительного анализа процессов в «постсоциалистических странах», на «развивающихся рынках», исследований восточноазиатской модели экономического роста, включая ее посткризисную (после лета 1997 г.) модификацию. Наконец, КНР выступает почти обязательным объектом анализов и прогнозов, касающихся таблицы о рангах «мировых центров силы».

Вторая особенность состоит в довольно существенном изменении центра тяжести, приоритетности сопоставлений по мере углубления реформ. Географически, «по горизонтали» на начальном этапе реформ наиболее часты были сопоставления Китая с государствами Восточной Европы, прежде всего с Венгрией и Югославией, как со странами, наряду с

КНР пытавшимися выбраться из «прокрустова ложа» советской модели хозяйствования, а также с Индией как с другой крупнейшей развивающейся страной (нередко сравнение с Индией, избравшей капиталистический путь развития, использовалось для доказательства «неоспоримых преимуществ» избранного Китаем социализма).

Поворот Китая к новой для него стратегии развития восточноазиатского типа, выход за рамки «рационализаторских реформ» обусловил усиление интереса к соотношению процессов в КНР с опытом модернизации и реформы в новых индустриализирующихся странах, особенно в Республике Корея и на Тайване.

В то же время с усилением тенденции глобализации экономик Китая как объект анализа все чаще ставится в контекст общемировых процессов. Это, например, весьма характерно для исследований Всемирного банка и Международного валютного фонда. Так, в получившем широкую известность исследовании Всемирного Банка «Китай в 2020 г.: вызовы развития в новом столетии» затрагивающие Китай сопоставления не имеют сколько-нибудь выраженной привязки к «постсоциалистической» или восточноазиатской группам стран. В качестве объекта сопоставления или фоновой группы фигурируют самые разные государства: все страны мира в диаграмме, иллюстрирующей высокие темпы экономического роста КНР в период 1978—1994 гг.; США 1820—1913 гг., Япония и Республика Корея 1960—1993 гг. при анализе факторов роста в пореформенном Китае; Франция при рассмотрении доли общественной собственности в различных отраслях промышленности и т. д.¹

Наконец, хронологически, «по вертикали» эволюционировал и сам основной объект сравнительного анализа. В первые годы преобразований наибольшее внимание исследователей привлекали особенности дореформенных хозяйственных механизмов различных стран как исходный пункт реформы и вероятные «целевые модели» реформы как ее ориентир, «станция назначения». Затем на первый план вышел анализ самого по себе процесса преобразований, а в последние годы — и исследования различий в результатах реформы в разных странах и породивших эти различия причин (несовпадение теоретических основ, стратегии и тактики преобразований и т. п.).

Не будет преувеличением сказать, что одной из главных точек приложения сил китаеведной компаративистики является сопоставление процессов реформ в КНР и бывшем Советском Союзе, а ныне России. На начальном этапе преобразований этому способствовало явное сходство дореформенных хозяйственных механизмов, настойчивые декларации китайского руководства о намерении «разбить оковы» позаимствованной у Советского Союза окостенелой чрезмерно централизованной модели управления экономикой. В 90-е годы, когда обе страны взяли ориента-

цию на создание рыночного хозяйственного механизма, сопоставление реформ в Китае и России стимулировалось их несовпадающими экономическими результатами. В настоящем материале автор предлагает свое видение особенностей и взаимовлияния реформ в двух странах. При этом проводится раздельное сопоставление преобразований в Китае и Советском Союзе в 1980-е годы, осуществлявшихся на однотипной социалистической основе, и рыночных преобразований в Китае и России в период с 1992 г.

Реформа в КНР (1978—1991 гг.)

Главным критерием периодизации экономической реформы в Китае служит меняющееся соотношение плановых и рыночных принципов функционирования экономики в целевой модели реформы и в хозяйственной практике. С этой отправной позиции можно выделить два крупных этапа преобразований: 1) с конца 1978 г. по 1991 г. включительно, когда речь шла о тех или иных формах «соединения плана с рынком»; 2) с 1992 г., когда в стране был официально провозглашен курс на создание социалистической рыночной экономики, по настоящее время.

В начальный период (1978—1983 гг.) основными направлениями реформы стали: перестройка форм и методов организации сельскохозяйственного производства (расширение прав производственных бригад, а затем массовый переход к семейному подряду); повышение государственных закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию; эксперименты по расширению хозяйственной самостоятельности государственных предприятий в промышленности, торговле, строительстве; первые шаги по осуществлению политики внешнеэкономической открытости Китая (создание специальных экономических зон, предоставление прав самостоятельной внешнеэкономической деятельности провинциям и ряду предприятий, привлечение зарубежных кредитов и прямых инвестиций); допущение индивидуальных форм трудовой деятельности и стимулирование развития коллективного сектора в городах и на предприятиях коммун и бригад на селе (позже переименованных в волостные и поселковые предприятия) для смягчения проблемы трудоустройства населения.

В то же время в центре экономической политики китайского руководства в конце 1970-х — начале 1980-х годов находились вопросы не реформы, а так называемого урегулирования экономики, т. е. выправления наиболее острых диспропорций в народном хозяйстве (снижение нормы накопления, сужение фронта капитального строительства, сдерживание роста тяжелой и стимулирование развития легкой промышленности, сокращение «зазора» ножиц цен на сельскохозяйственную и

промышленную продукцию). Политика «урегулирования» сыграла уникальную роль в создании благоприятной макроэкономической среды для существенного ускорения собственно реформенных преобразований в середине 80-х годов.

В период 1984—1988 гг. главным стержнем процесса реформ стали внедрение и отлаживание функционирования «двухколейной системы». Были предприняты такие шаги, как сокращение ассортимента директивно планируемой промышленной продукции (со 120 до 60 видов) и ассортимента централизованно распределяемых материальных ресурсов (с 256 до 26 видов), реформа системы закупок зерна с установлением фиксированного объема государственных закупок и предоставлением крестьянам прав сбыта остальной части урожая по рыночным ценам, доведение к 1987 г. доли сельхозпродукции, реализуемой по рыночным и «полурыночным» (т. е. регулируемым, но не устанавливаемым государством) ценам, до 65 %, средств производства — до 40 % и ширпотреб — до 55 %².

Стали появляться новые формы торговли материальными ресурсами — рынки средств производства, торговые центры, специализированные торговые компании и т. д. В 1985 г. в стране насчитывалось уже более 400 рынков и торговых центров средств производства, объем их деятельности в 1985 и 1986 гг. составил соответственно 10,7 и 15,8 млрд юаней (прирост — 47,7 %) ³.

Крупные подвижки в структуре собственности содействовали динамичному становлению рынка двояким образом. С одной стороны, рост индивидуального сектора (11,68 млн «точек» с 17,56 млн занятых к началу 1986 г.), появление смешанных предприятий с участием иностранного капитала и т. п. количественно наращивали «массу» субъектов рынка. С другой стороны, опережающее развитие негосударственных секторов экономики и преобразование части мелких государственных предприятий промышленности и торговли в коллективные или сдача их в аренду предопределили расширение ареала «маркетизации» народного хозяйства страны. Так, доля занятых на коллективных предприятиях городов и поселков в общей численности занятых в городах возросла с 23 % в 1980 г. до 26,9 % в 1985 г.; доля коллективного сектора в промышленном производстве выросла с 20,7 до 28,1 %, а в общественном розничном товарообороте — с 12,1 до 36,7 %. Доля индивидуального сектора в общественном розничном товарообороте возросла за тот же период с 0,7 до 15,7 %. В 1987 г. доля госсектора в объеме промышленного производства составила 69,7 % по сравнению с 80,8 % в 1978 г., а доля индивидуальных, частных и смешанных предприятий выросла с нулевой отметки до 2,4 % ⁴.

Все эти меры, взятые в совокупности, обеспечили достаточно комплексный характер поэлементного демонтажа старого и складывания нового хозяйственного механизма, прежде всего в таких сферах, как форми-

рование рынка и реорганизация системы макроэкономического управления. В стране в середине 80-х годов стала формироваться своеобразная двухсекторная экономика нового типа: централизованно планируемый, снабжаемый и регулируемый блок «командных высот», охватывающий не столько те или иные отрасли, сколько ключевые предприятия, и неуклонно растущий блок «неключевых», обычных сфер и производств, лишенный преимуществ материального снабжения по твердым государственным ценам, но зато обладающий полной самостоятельностью, действующий в условиях жесткой конкуренции и реальных рыночных цен, а потому в конечном счете и более жизнеспособный.

Как отмечалось выше, «двухколейность», сыграв принципиально важную роль в становлении в экономике Китая рыночных институтов, одновременно способствовала выходу дисбаланса между совокупными спросом и предложением за приемлемые рамки, что вынудило Китай отступить в конце 1988 г. к курсу «оздоровления и упорядочения экономики». Однако, при всех издержках, просчетах и попятных движениях, экономическая реформа в КНР на этапе 1978—1991 гг. в общем и целом справилась с поставленной перед ней задачей — «содействовать развитию общественных производительных сил, росту совокупной мощи государства и повышению уровня жизни народа». Об этом объективно свидетельствуют данные об экономическом развитии страны (табл. 1).

В 80-е годы среднегодовые темпы прироста ВВП в Китае составили 9 % и были втрое выше среднемировых.

Не менее значительными оказались и связанные с реформой качественные сдвиги в общественном воспроизводстве. Был накоплен богатый опыт проведения открытой внешнеэкономической политики, привлечения иностранного капитала в различных формах, отработана успешная методика стабилизации народного хозяйства, выправления перекосов в темпах и пропорциях его развития. Постепенное восстановление в полном объеме функций денег открыло путь к наращиванию степени монетизации экономики и к ее денатурализации, к активному использованию денежно-кредитных регуляторов хозяйственной жизни. Были получены практические навыки оперирования экономическими рычагами макроконтроля — налогами, процентной ставкой по кредитам, валютным курсом, ценами и т. п. Возникла многоукладная экономика с преобладанием общественных (государственной и коллективной) форм собственности. В 1990 г. доля необобществленных укладов (индивидуального, частного, смешанного с участием иностранного капитала) в промышленном производстве составила 8,6 %, а в розничном товарообороте — около 29 %. При заметном сужении сферы директивного планирования государство не утратило способности координировать действия различных звеньев народного хозяйства. Одновременно осваивались методы рыночного регулиро-

Таблица 1. Некоторые показатели экономического развития Китая, 1978—1991 гг. (прирост в сопоставимых ценах к предыдущему году, %)

Год	ВВП	Промышленность	Сельское хозяйство	Розничные цены	Потребление населения
1978	11,7	13,5	8,1	0,7	5,1
1979	7,6	8,8	7,5	2,0	6,7
1980	7,8	9,3	14	6,0	9,5
1981	4,4	4,3	5,8	2,4	6,9
1982	8,8	7,8	11,3	1,9	5,1
1983	10,4	11,2	7,8	1,5	6,8
1984	15,3	16,3	12,3	2,8	11,0
1985	13,3	21,4	3,4	8,8	13,2
1986	8,5	11,7	3,4	6,8	4,3
1987	11,4	17,7	5,8	7,3	5,7
1988	11,3	20,8	3,9	18,5	6,8
1989	4,1	8,5	3,1	17,8	-0,8
1990	3,9	7,8	7,6	2,1	2,2
1991	9,5	14,8	3,7	2,9	8,2

Источник: Чжунго тунци няньцзянь : [Статистический ежегодник Китая]. 1993. Пекин, 1993. С. 31, 59, 237, 281; 1995. С. 32.

вания. В КНР в основном сформировался рынок потребительских товаров. Было положено начало формированию системы рынков факторов производства, в том числе технических достижений, ценных бумаг, передачи имущественных прав.

Реформа в Советском Союзе (1985—1991 гг.)

С избранием в марте 1985 г. Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачева завершился период так называемого застоя в истории Советского Союза и было положено начало «перестройке», продолжавшейся шесть с половиной лет и завершившейся распадом СССР и отказом от социализма на всем постсоветском пространстве.

Из уст российских реформаторов призыва 1991—1992 гг. и их зарубежных советников многократно раздавались утверждения, во-первых, о нереформируемости Советского Союза и его экономики, предопределившей в конечном счете радикальный слом, а не реформу прежнего государственного устройства и экономической системы страны, и, во-вторых, об

исчерпанию потенциала постепенных преобразований в экономике в период «перестройки», что будто бы делало закономерным реализованный в России предельно жесткий вариант поворота к рынку. Бывший в 1991—1994 гг. экономическим советником правительства России шведский ученый-экономист Андерс Ослунд в работе «Россия: рождение рыночной экономики» заявил даже, будто Михаил Горбачев «в значительной мере пытался идти по пути Дэн Сяопина», «чересчур старался подражать китайской модели, хотя стартовые условия были абсолютно разные»⁵.

Первое утверждение, на наш взгляд как минимум спорно, а второе — об исчерпанию потенциала постепенных преобразований и о попытках СССР идти «китайским путем» — просто не соответствует действительности. В середине 80-х годов объективно стоявшей перед советской экономикой задачей номер один была не реформа хозяйственного механизма, а коренная структурная перестройка. В ситуации, когда страна задыхалась от непомерной тяжести военных расходов, гипертрофированной тяжелой промышленности и чрезмерно растянутого фронта капитального строительства, был необходим очень осторожный, но последовательный и глубокий «сброс» излишнего бремени, долгосрочный структурный маневр в пользу сельского хозяйства и легкой промышленности, если хотите, повторение в общих чертах китайского «урегулирования». Однако руководство страны выбрало прямо противоположное, выдвинув концепцию ускорения социально-экономического развития страны на базе более полного использования достижений научно-технического прогресса и опережающего развития машиностроения.

В проекте плана на 12-ю пятилетку (1986—1990) намечался прирост продукции машиностроения и металлообработки в 40—45 % при ориентирах прироста промышленности в целом в 21—24 %, при этом в приборостроении, станкостроении и электронной промышленности намечались более высокие темпы прироста, чем в среднем по отрасли. Тем самым М.С. Горбачев с первых своих практических шагов продемонстрировал, что не понимает сложившейся в экономике СССР ситуации или не хочет считаться с нею, предпочитая призрак быстрого успеха. Фактически с самого начала экономической перестройке в СССР был задан неверный алгоритм.

Явно завышенные надежды возлагались на расширение самостоятельности предприятий, развитие кооперативной и индивидуальной трудовой деятельности, которые могли дать отдачу лишь с течением времени. Однако вина за невысокий динамизм перемен, некое «торможение» была возложена на командно-административные формы управления обществом и народным хозяйством. В результате кропотливая работа по отработке только-только зарождавшихся новых форм и методов хозяйствования и управления была подменена радикализацией экономической ре-

формы и кардинальным расширением ее сферы с середины 1987 г. На Пленуме ЦК КПСС в июне 1987 г. были приняты «Основные положения коренной перестройки управления экономикой», провозгласившие курс на «осуществление радикальной реформы, создание целостной, эффективной и гибкой системы управления, позволяющей максимальной полно реализовать преимущества социализма»⁶.

Программа предусматривала следующие основные направления радикальной реформы:

- создание современного хозяйственного механизма деятельности предприятий на основе полного хозрасчета, самокупаемости и самофинансирования с применением одной из двух конкретных моделей (нормативное распределение прибыли или нормативное распределение дохода);
- совершенствование планирования с использованием стабильных долговременных экономических нормативов, государственных заказов и лимитов централизованных капиталовложений;
- переход от централизованного фондирования материальных ресурсов и прикрепления потребителей к поставщикам на оптовую торговлю средствами производства;
- взаимоувязанную перестройку ценового механизма — оптовых, закупочных, розничных цен и тарифов;
- коренную перестройку финансово-кредитной системы;
- повышение роли регионов в управлении народным хозяйством.

Реализация установок документов, разработанных на базе «Основных положений» и прежде всего принятого 30 июня 1987 г. Закона СССР о государственном предприятии (объединении), не только не способствовала оздоровлению ситуации в народном хозяйстве, но, напротив, будучи некомплексной, выборочной, плохо подготовленной организационно и институционально, быстро усугубила материально-финансовую разбалансированность советской экономики. В 1988 г. средняя заработная плата в стране выросла на 8,3 % — вдвое больше планировавшейся, а в 1989 г. денежные доходы населения выросли еще на 13,1 %. Обретение предприятиями права регулировать ассортимент выпускаемой продукции по своему усмотрению привело к вымыванию из производства и торговли дешевых товаров, общему снижению объема производства многих потребительских товаров. Так, производство посуды в 1988 г. сократилось до 1123 млн изделий по сравнению с 1166 млн штук в 1985 г., школьных тетрадей — на 61 млн штук⁷.

Наращение кризисных явлений в экономике не получило своевременной и адекватной оценки высшего руководства страны, целиком переклотившегося на развитие гласности и объявленную «решающим условием перестройки» демократизацию общества. Однако именно демо-

кратизация и гласность сыграли, на наш взгляд, поистине роковую роль в судьбе экономической реформы в СССР: гласность способствовала безмерному раздуванию мнимых и подлинных недостатков советской экономической системы, а демократизация привела к дестабилизирующему перераспределению властных функций в обществе, к утрате управляемости народным хозяйством и навязанным I съездом народных депутатов СССР (1989) популистским социальным решениям, с которыми напрямую оказались связаны рост денежной эмиссии и бюджетного дефицита, все более открытая инфляция, нарастание внешнего и внутреннего государственного долга.

В то же время вплоть до 1990 г. положение в народном хозяйстве, как свидетельствует тогдашняя статистика, оставалось достаточно стабильным (табл. 2), а существующие в стране проблемы — в принципе разрешимыми при наличии умелого руководства и общественного согласия. Однако именно общественное согласие стало в это время самым главным дефицитом в стране. В борьбе за ускользающую популярность М.С. Горбачев фактически дистанцировался от КПСС, заняв пост Президента СССР, и тем самым лишился сколько-нибудь серьезной политической опоры. Вступившая в открытую фазу борьба за передел власти в стране велась под прикрытием призывов к демократизации общества и проведению рыночных реформ.

Наиболее ярким манифестом «рыночных сил» в Советском Союзе, получившим мировую известность, стала подготовленная под руководством акад. С.С. Шаталина концепция и программа «Переход к рынку». Исходя из того, что кризис советской экономики есть «общий кризис социально-экономической системы, в том числе национально-государственного устройства, экономики и идеологии», программа предлагала в течение примерно 500 дней — «на которые руководство страны еще может получить мандат доверия» — осуществить преобразования, «открывающие дорогу развитию рыночных отношений и обеспечивающие зримое улучшение положения в экономике и в жизни людей»⁸.

Комплекс предложенных мер охватывал разгосударствление, приватизацию и демонополизацию экономики, постепенное снятие государственного контроля за ценами, проведение жесткой денежно-кредитной и финансовой политики, регулирование доходов. Слабым звеном этой программы была ее ориентация на получение крупномасштабной экономической и финансовой помощи от Запада, на реализацию своего рода «Плана Маршалла» для СССР. Хотя программа «500 дней» не была принята, она оказала определенное воздействие на последующую идеологию реформенного процесса.

Вялотекущая агония умиравшего социализма заметно ускорила процесс принятия Декларации о суверенитете Российской Федерации (1990) и

Таблица 2. Некоторые показатели развития народного хозяйства СССР, 1985—1990 гг.

Наименование	Единица измерения	1985 г.	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.
Валовой национальный продукт	млрд руб. в текущих ценах	777	799	825	875	943	1000
	% к предыдущему году в сопоставимых ценах	102,3	103,3	102,9	105,5	103,0	97,7
Продукция промышленности*	млрд руб. в ценах 1982 г.	811	846	879	913	928	918
	% к предыдущему году	103,4	104,4	103,6	103,9	101,7	98,8
Продукция сельского хозяйства	млрд руб. в ценах 1983 г.	208,6	219,7	218,5	222,2	225,1	218,7
	% к предыдущему году	100,2	105,3	99,4	101,7	101,3	97,1
Денежные доходы населения		103,7	103,6	103,9	109,2	113,1	116,9
Вклады населения	млрд руб.	220,8	242,8	266,9	296,7	337,8	381,4
Розничный товарооборот		324,2	332,1	341,5	366,4	404,5	468,3
Импорт зерна	млн т	44,2	26,8	30,4	35,0	37,0	32,0
Доходы госбюджета	млрд руб.	372,6	371,6	378,4	378,9	401,9	471,8
Расходы госбюджета		386,5	417,1	430,9	459,5	482,6	513,2

* Расчет темпов прироста в промышленности по приведенным в статистическом ежегоднике абсолютным цифрам несколько отличается от данных ежегодника. Ошибки возможны из-за округлений, не учитывавшихся при расчете темпов прироста.

Источник: Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический ежегодник. М.: Госкомстат СССР, 1991. С. 5—7, 15—16, 48, 653.

учреждения поста Президента РСФСР, на которой был избран Б.Н. Ельцин (1991). Перетягивание всего и вся под юрисдикцию российских властей в противовес общесоюзным институтам внесло солидную лепту в резкое ухудшение экономического положения страны в 1990—1991 гг., о чем в дальнейшем вспоминать было как-то не принято. С распадом СССР в декабре 1991 г. начался совершенно новый этап экономической реформы в стране.

Итогом «перестройки» стали дискредитация попыток преобразования советской экономической системы на социалистической основе,

резкая дестабилизация положения в народном хозяйстве, разрыв традиционных внутрисоюзных и международных экономических связей. Эти обстоятельства в очень большой степени предопределили дальнейшее развитие экономической реформы в России по чрезвычайно жесткому и болезненному для населения сценарию — намного более болезненному, чем предполагалось программой «500 дней» и чем предсказывалось многими специалистами как в России, так и на Западе.

Взаимовлияние и сопоставление

Поворот Китая к экономической реформе, атмосфера раскрепощения сознания, воцарившаяся в стране в 1979—1980 гг. и явившаяся особенно заметным контрастом в сравнении с мрачными годами «культурной революции», позволили проявиться давнему огромному интересу китайской общественности к Советскому Союзу, к истории, экономике, экономическим преобразованиям в СССР. Даже ухудшение межгосударственных отношений и взаимные обвинения в ревизионизме и гегемонизме не стали непреодолимым препятствием: огромное количество переводных работ советских экономистов и просто объективной информации об экономике СССР публиковались в различных закрытых изданиях.

Предметом повышенного внимания исследователей КНР стали:

- ленинская политика НЭПа и ленинская концепция создания социалистической экономики в целом;
- экономические воззрения Н.И. Бухарина;
- история экономического строительства в СССР периода И.В. Сталина;
- советская модель социализма и ее «прорыв» в других социалистических странах, теоретическая разработка проблемы моделей социалистической экономики;
- экономические реформы в СССР 1965 г. и последующие попытки совершенствования хозяйственного механизма.

В одной из наиболее шумевших статей начального периода реформы «Социализм есть обращенная на пользу всего народа государственно-капиталистическая монополия» (журнал «Душу» — «Чтение» — 1980. № 1) ее автор, общественед Сюй Хун, так объяснял интерес в китайском обществе к идеям В.И. Ленина: «Содержание реформ, к которым мы сейчас приступаем во всех областях, наводит на мысль, что во многих сферах и в значительной степени... мы фактически вновь возвращаемся к тем идеям и мерам, которые выдвигал Ленин свыше полувека тому назад». (Попутно заметим, что точно так же первый этап перестройки в СССР был отмечен многочисленными попытками нового прочтения и переосмысления ленинского наследия в сфере экономического строительства.)

Особенно детальное исследование теоретической системы ленинской новой экономической политики было проведено Ян Чэнчуанем и Юй Дачжаном, прямо подчеркнувшими возможность внести вклад в дело строительства социализма с китайской спецификой на базе ленинского переосмысления социалистической экономики, соединенного с конкретной практикой экономического строительства в КНР⁹.

Повышенное внимание китайских обществоведов было приковано к взглядам Н.И. Бухарина, причем не только к суждениям по экономическим проблемам, но и к предостережениям относительно возможности бюрократизации советской государственной машины. Основные труды Н.И. Бухарина были переведены на китайский язык и изданы в трех томах в 1981 г. — задолго до первых аналогичных публикаций в перестроечном Советском Союзе.

Китайские ученые попытались также составить максимально полное — хотя поначалу в основном заочное — представление о функционировании советского хозяйственного механизма, его эволюции и попытках преобразования. На первом годичном собрании научного общества по изучению экономики Советского Союза в 1980 г. часть участников высказала мнение, что в опыте в целом успешной советской экономической реформы 1965 г., по сравнению с реформами 60-х — 70-х годов в других странах Восточной Европы, гораздо больше моментов, которые могут служить примером для Китая. Другие участники, напротив, полагали советский опыт преобразований экономической системы не заслуживающим подражания, коль скоро реформа в СССР не разрешила противоречий между предприятиями и государством, не устранила игнорирование объективных экономических законов при составлении планов¹⁰. Поездкой в СССР в 1982 г. делегации китайских экономистов был начат быстро набравший силу процесс прямого знакомства китайских специалистов с современной советской экономикой. Напротив, до 1985 г. в советских средствах массовой информации преобразования в экономической системе КНР практически замалчивались.

Приход к власти в Советском Союзе М.С. Горбачева положил начало настоящему «медовому месяцу» в советско-китайских отношениях, распространившемуся и на сферу взаимного изучения опыта экономических преобразований. В частности, опыт экономических преобразований в Китае был обобщен специально созданной при Госплане СССР рабочей группой по изучению опыта экономической реформы в КНР, а также специалистами из академических институтов экономического профиля, различных министерств и ведомств. Суть их предложений сводилась к следующему. Изучение как отрицательного, так и положительного опыта проведения хозяйственной реформы в КНР, при всей немалой специфике, характерной для ряда проводимых в Китае преобразований, в силу

размеров страны и масштабов самой реформы представляло значительный интерес для СССР. Известное сходство характерно не только для некоторых направлений и принципов осуществления реформ в обеих странах (активное использование товарно-денежных отношений, ставка на «человеческий фактор», курс на самокупаемость предприятий и т. п.), но и для трудностей и препятствий, стоящих на пути реформ.

С точки зрения возможного использования в советской практике привлекали внимание прежде всего такие моменты из опыта Китая, как:

- создание сети государственных органов по разработке и осуществлению хозяйственной реформы, включая государственный комитет по реформе хозяйственной системы, аналогичные комитеты или канцелярии на местах, исследовательские центры при центральном и местных правительствах, ряде комплексных ведомств;
- широкое и целенаправленное проведение дискуссий по различным аспектам теории и практики хозяйственной реформы, проходивших на «вневедомственной основе», в атмосфере свободного обмена мнениями. Важно, что в ходе таких дискуссий зарождалась традиция тесной связи экономической теории с хозяйственной практикой, отсутствия боязни перед лицом возникающего в ходе реформы несоответствия между новой практикой и устаревшими теоретическими посылками;
- интенсивная работа по подведению широкой юридической базы под реформу, достаточно оперативный пересмотр устаревших нормативных актов и экспериментальная проверка новых;
- конкретизация общегосударственных документов на местах, многовариантность, многообразие реализации на практике единых принципов, закладываемых в реформу;
- активная популяризация реформы, в том числе в многочисленных изданиях по проблемам реформы, способствовавшая повышению уровня экономического мышления практических работников;
- постоянные социологические исследования реакции населения на реформу.

Среди конкретных направлений реформы пристального изучения, по мнению советских экспертов, требовали: 1) развитие в Китае горизонтальных хозяйственных связей, позволявшее в определенной мере преодолевать барьеры местничества и ведомственности; 2) диверсификация форм внешнеэкономической деятельности, создание специальных экономических зон; 3) внедрение разнообразных форм подрядной хозяйственной ответственности в промышленности; 4) конкурсный подряд в проектировании, строительстве, конкурсы на финансирование научных исследований и разработок; 5) опыт развития мелкого производства, пре-

жде всего в промышленности и сферы услуг в деревне; б) создание центров торговли материальными ресурсами.

В самом Китае опыт советской перестройки сразу же стал объектом пристального внимания. Многим в КНР казалось, что в Советском Союзе может быть найден ответ или подсказка для решения многих проблем, вызывавших головную боль у самих китайцев (прежде всего преобразование крупнейших предприятий госсектора). В 1986—1988 гг. СССР посетили практически все ведущие китайские ученые-экономисты.

«Медовый месяц» продолжался примерно до середины 1989 г. Нормализация двусторонних межгосударственных отношений между КНР и СССР и восстановление межпартийных связей между КПК и КПСС в результате визита М.С. Горбачева в КНР в мае 1989 г. формально даже расширили сферу обмена опытом. Однако имидж китайской реформы у значительной части советской интеллигенции померк после событий июня 1989 г., да и Китай стал стремительно дистанцироваться от советского образца преобразований, чтобы уберечь себя от новых потрясений, порождаемых, как оказалось, даже первыми проблесками демократизации и гласности.

Стало очевидно, что политические процессы в двух странах, протекавшие в 1985—1988 гг. в основном параллельно, начали с 1989 г. расходиться все дальше и дальше. Хотя в сфере экономических преобразований зона параллельного протекания процессов и возможного взаимодействия оставалась достаточно широкой, определяющего значения это уже не имело. Всплески интереса к китайской экономической реформе, нашедшие проявление в организации в феврале 1990 г. первого советско-китайского симпозиума по проблемам экономических реформ в СССР и КНР, в некотором росте публикаций по экономике КНР в преддверии и сразу после визита Генерального секретаря ЦК КПК Цзян Цзэминя в Советский Союз в мае 1991 г., оказались в конечном счете только эпизодом. Падение интереса в СССР к китайской экономической реформе и интереса в Китае к Горбачеву и его политике шло в 1990—1991 гг. по нарастающей.

Таким образом, экономические реформы в Китае в период 1979—1991 гг. и в Советском Союзе в период 1985—1991 гг., обнаружившие поначалу немало общего, в конечном счете оказались достаточно различными по своим целям, динамике, особенностям и последствиям. Резко сократился в пользу Китая разрыв между двумя странами в производстве основных видов продукции (табл. 3).

Сходство целевых моделей экономических реформ (нечто вроде «планово-рыночной» экономики) и конкретного набора преобразований не оказалось определяющим. В конечном счете решающую роль в несопадающих результатах преобразований сыграли различия в степени ин-

Таблица 3. Сопоставление экономической динамики в Китае и СССР

Наименование	Ед. изм.	1980 г.			1990 г.		
		Китай	СССР	СССР: Китай	Китай	СССР	СССР: Китай
Электроэнергия	млрд кВт·ч	300,6	1294	4,30	621,2	1726	2,78
Нефть	млн т	106,0	603	5,69	138,3	571	4,13
Уголь	II	620	716	1,15	1080	703	0,65
Сталь	11	37,12	148	3,99	6,35	154	2,32
Металлорежущие станки	тыс. шт.	133,6	257	1,92	134,5	157	1,17
Холодильники	II	49	5932	121	4630	6499	1,40
Телевизоры	II	2492	7528	3,02	26 847	10 540	0,39
Цемент	млн т	79,86	125	1,56	209,7	137,3	0,65
Мясо	II	12,05	15,1	1,25	25,1	20,0	0,80
Зерно	II	291,8	176,2	0,60	418,8	218,0	0,52
Объем внешней торговли	млрд долл.	38,14	144,97	3,80	115,4	203*	1,76

* Расчетные данные.

Составлено по: Народное хозяйство СССР в 1990 г. М., 1991. С. 395, 397, 404, 416, 422, 423, 644; Чжунго тунцзи няньцзянь. 1993. С. 446—449, 913.

теллектуальной, макроэкономической, институциональной подготовки реформ (здесь явное предпочтение следует отдать Китаю), в масштабах и темпах преобразований. Более или менее постоянное, поступательное углубление реформ на ключевом направлении — в сфере осторожного увеличения доли рыночного регулирования и сокращения доли директивно-планового управления — позволило Китаю обеспечить относительную социально-политическую стабильность, опирающуюся на позитивную динамику экономического роста и повышение уровня жизни населения.

В Советском Союзе, напротив, чрезмерный масштаб и поспешность преобразований политической системы при фактическом отсутствии экономических реформ, ошибки в выборе структурных приоритетов не позволили закрепить первоначальные позитивные ростки перемен. Попытки поднять престиж реформы за счет социального популизма и гласности обернулись размыванием ориентиров экономических преобразова-

ний, утратой руководством страны контроля за процессами в обществе, спонтанным развитием кризисных явлений во всех сферах жизнедеятельности страны, закончившимся, как известно крахом и «перестройки», и самого Советского Союза. В результате вместо вполне реальной постепенной трансформации советской экономической системы в направлении утверждения рыночных принципов хозяйствования в стране стал осуществляться не соответствующий внутренним объективным условиям и психологии населения чрезвычайно болезненный и экономически неэффективный вариант реформ.

Период 1992—1998 гг. представляется весьма интересным для сравнения экономических реформ в России и Китае. Поворот обеих стран к более глубоким рыночным преобразованиям обусловил вновь появившееся созвучие реформенных процессов в КНР и РФ, затрагивающее широкий спектр направлений — от акционирования госпредприятий и реформы налоговой системы до реорганизации внешнеэкономической сферы и создания рынка ценных бумаг. Вместе с тем общность задачи перехода к рыночной экономике не означала тождества конкретных форм и методов ее решения.

Сравнительный анализ преобразований в двух странах в 90-е годы затрудняется незавершенностью процессов перехода к рынку, наличием диаметрально противоположных точек зрения о результативности реформ, причем это касается положения как в России, так и в Китае. Поэтому нынешние оценки китайской и российской экономических реформ периода 90-х годов не могут не носить в основном предварительного характера. Несомненно, однако, что уже выявившиеся в рыночных экономических реформах Китая и России доминирующие тенденции являют собой вполне достаточную «критическую массу» для анализа и сопоставления.

Особенности экономической реформы в КНР в 1990-е годы

Основные особенности экономических преобразований в Китае в 90-е годы могут быть, по нашему мнению, охарактеризованы следующим образом:

- более решительный поворот в сторону рынка, заметное возрастание степени маркетизации экономики вслед за быстрым развитием рынков ценных бумаг, недвижимости, рабочей силы;
- подвижка в сторону более активного использования косвенных макроэкономических регуляторов, прежде всего уровня процентной ставки;
- принципиальное увеличение масштабов привлечения прямых зарубежных инвестиций, более широкое, хотя все еще строго дозиру-

ванное, открытие иностранному капиталу финансового сектора и розничной торговли;

- выход на социально наиболее болезненные реформы государственных предприятий, банковских институтов, системы социального обеспечения;
- постепенное осознание важности решения проблем деревни для обеспечения общего успеха рыночной трансформации, активизация реформ, способствующих развитию аграрного сектора.

По крайней мере некоторые из этих особенностей требуют более детальных комментариев.

Попытки количественно оценить степень маркетизации экономики страны¹¹ породили в китайских экономических кругах дискуссию о реально достигнутом уровне и качестве маркетизации. По предложенной китайскими учеными классификации, экономика с уровнем маркетизации от 0 до 15 % является нерыночной экономикой (классическим ее примером был дореформенный Китай), маркетизация от 15 до 35 % характеризует «слаборыночную экономику», от 35 до 55 % — экономику в процессе перехода к рынку, а маркетизация порядка 65—75 % — сравнительно зрелую рыночную экономику¹². Нередко встречающиеся в китайской научной и периодической печати утверждения, что экономика страны в настоящее время, то есть в конце девяностых годов, маркетизирована примерно на две трети и, следовательно, уже может считаться сравнительно зрелой рыночной экономикой, базируются главным образом на формально высокой доле рыночных цен в Китае.

Так, в 1996 г. по рыночным ценам было реализовано 92,5 % общественного розничного товарооборота КНР, тогда как по государственным ценам — лишь 7,5 % (6,3 % по твердым и 1,2 % по индикативным). В реализации средств производства доли рыночных, твердых и индикативных государственных цен составили соответственно 81,1 %, 14 и 4,9 %, а в закупках сельхозпродукции — 79, 16,9 и 4,1 %¹³.

Однако существует и иной подход. По мнению Гу Хайбина, относительно небольшая по стоимости доля производства, непосредственно контролируемая государством, способна фактически индуцировать в несколько раз превышающий ее нерыночный сектор¹⁴. Соответственно, маркетизация цен рядом ученых оценивается в 60 %, маркетизация капиталов — в 40 % (в том числе степень маркетизации процентной ставки — всего в 15 %), рабочей силы — в 35 % (в том числе в деревне около 30 %, в городах в госсекторе 25 %, в коллективном секторе 50 % и в необщественных секторах 75 %)¹⁵.

На наш взгляд, при всей важности дискуссии о фактическом уровне маркетизации китайской экономики еще более важно констатировать, что, во-первых, он в 90-е годы в целом заметно вырос и что, во-вторых,

именно рыночные принципы организации экономической жизни безусловно доминируют сегодня в народном хозяйстве Китая, являясь одновременно главной причиной и его достижений, и его проблем.

Серьезные сдвиги в системе макроэкономического регулирования в Китае связаны не только с самим по себе углублением рыночных преобразований, но и с изменением целей регулирования. С середины 1997 г. КНР решает не в известной мере традиционные задачи борьбы с перегревом экономики и подавлением инфляции, а новые для нее задачи борьбы с дефляцией и снижением темпов роста экономики. Особую значимость приобрела в этом контексте более гибкая политика процентной ставки. Стремясь оживить внутренний спрос, китайское руководство в октябре 1997 г., марте, июле и декабре 1998 г. снижало процент по кредитам и депозитам — в общей сложности с 9,18 % до 3,78 % годовых по годовому депозиту и с 10,98 до 6,39 % по годовому кредиту. Парадокс, однако, состоит в том, что в годы «мягкой посадки экономики» (1993—1996 гг.) официально декларируемая жесткая кредитно-денежная политика не в полной мере была таковой вследствие фактически отрицательной ставки по кредитам в условиях инфляции, а в 1997—1998 гг., при официальном смягчении кредитной политики она на деле ужесточилась, так как в условиях дефляции кредит стал более дорогим. Это говорит о том, что Китаю предстоит еще многое сделать в овладении кредитно-денежными регуляторами макроэкономики, необходимость более искусного оперирования которыми диктуется как внутренней ситуацией, так и влиянием азиатского финансового кризиса.

Практическим выводом, сделанным Китаем из данного кризиса, стала работа по укреплению банковской системы, внушавшей серьезные опасения: к середине 1997 г. доля просроченных, плохих и безнадежных долгов в активах государственных банков достигла 24,7 %, в том числе безнадежных долгов 6 %, а коэффициент достаточности собственного капитала снизился до 5,59 % по сравнению с 6,32 % на конец 1995 г. и при минимально требуемом нормативе 8 %¹⁶ китайское руководство пошло на выделение специального облигационного займа в 270 млрд юаней с целью реструктуризации и повышения ликвидности активов крупнейших специализированных банков страны.

И все же благополучие и устойчивость кредитно-денежной системы Китая в решающей степени будет зависеть от успеха реформы государственных предприятий, являющихся получателями двух третей кредитов в стране и главным источником проблем для банков. Несмотря на многочисленные попытки реформ, проблемы в этом сегменте экономики скорее неуклонно накапливались, чем последовательно решались, о чем, на наш взгляд, убедительно свидетельствуют данные о росте убытков, ухудшении соотношения убытков и прибыли (табл. 4).

Таблица 4. Некоторые показатели функционирования государственных промышленных предприятий в период реформ

Годы	Убытки, млрд юаней	Прибыль, млрд юаней	Соотношение убытков и прибыли	Прибыль и налоги, млрд юаней	Соотношение убытков и суммы прибыли и налогов
1981	4,596	57,97	1:12,6	92,33	1:20,1
1982	4,757	59,77	1:12,6	97,23	1:20,4
1983	3,211	64,09	1:20,0	103,28	1:32,6
1984	2,661	70,62	1:26,5	115,28	1:43,3
1985	3,244	73,82	1:22,7	133,41	1:41,1
1986	5,449	68,99	1:12,7	134,14	1:24,6
1987	6,104	78,70	1:12,9	151,41	1:24,8
1988	8,192	89,19	1:10,1	177,49	1:21,7
1989	18,019	74,30	1:4,1	177,31	1:9,8
1990	34,880	38,81	1:1,1	150,31	1:4,3
1991	36,700	40,22	1:1,1	166,12	1:4,5
1992	36,927	53,51	1:1,4	194,41	1:5,3
1993	45,264	81,73	1:1,8	245,41	1:5,4
1994	48,259	82,90	1:1,7	287,63	1:6,0
1995	54,061	66,56	1:1,01	287,42	1:4,49
1996	79,068	41,26	1:0,52	273,71	1:3,46
1997	74,444	45,09	1:0,6	288,25	1:3,87

Источник: Чжунго цзинцзи няньцзянь 1998 : [Экономический ежегодник Китая 1998]. Пекин, 1998. С. 807.

В 1997 — начале 1998 г. китайское руководство, казалось, пошло на резкую радикализацию реформы госпредприятий, решив, как было заявлено на XV съезде КПК и 1-й сессии ВСНП 9-го созыва, в основном провести ее в течение 1998—2000 гг. Однако быстрый рост числа работников, «освобожденных с постов», обостривший социальную напряженность в обществе, заставил лидеров страны и на этот раз несколько притормозить болезненную реструктуризацию госсектора. Известный китайский экономист Фань Ган полагает, что хотя в обществе наблюдается растущий консенсус относительно необходимости пойти на тяжелые реформы в госсекторе, реформа крупных и средних государственных предприятий и государственных банков потребует намного большего времени, чем несколько ближайших лет, и это обусловлено не «политической волей»

правительства, а реалиями «политической экономии», коль скоро речь идет о рабочих местах миллионов людей и о проблемах, накапливавшихся десятилетиями¹⁷.

Так что впереди Китай ждет минимум десятилетие нелегких и по крайней мере частично непопулярных реформ, только обязательное проведение которых позволит сформировать новую систему социалистической рыночной экономики.

Экономическая реформа в России

Российская Федерация в наследство от распавшегося Советского Союза получила крайне непростую экономическую ситуацию. Внешний долг СССР на конец 1991 г. составил 70,8 млрд долл. В 1992 г. выплаты по долгу и процентов по нему должны были составить 20,6 млрд долл.¹⁸ Сбережения и денежные средства на руках у населения, в значительной части сформированные так называемым «отложенным способом» вследствие дефицитности потребительского рынка, к началу 1991 г. доходили до 200 % ВВП. Резкий рост потребительских цен, инициированный В.П. Павловым в период его пребывания на посту главы Кабинета министров СССР (в декабре 1991 г. цены в розничной торговле выросли к декабрю 1990 г. на 152,1 % и на колхозном рынке — на 281,2 %), не только не смягчил ситуацию на потребительском рынке, но напротив, усугубил ее, вызвав массовую скупку населением любого ширпотреба и продовольствия сколько-нибудь длительного хранения. Пустые прилавки, огромные очереди за хлебом и молоком, которых хватало в магазинах на несколько часов торговли, талоны на сахар, водку, сигареты и многое другое — такова была типичная картина жизни любого уголка Советского Союза в последние месяцы 1991 г.

Ситуация усугублялась нарастающим распадом кооперационных связей — сначала со странами бывшего СЭВа, а затем и межреспубликанских, что во многом предопределило падение в 1991 г. ВВП Российской Федерации на 13 % по сравнению с предыдущим годом. У российского правительства фактически не было ни свободы маневра, ни времени на разработку и претворение в жизнь более или менее «мягкой» концепции рыночных преобразований.

Либерализацией значительной части потребительских цен 2 января 1992 г. был дан старт рыночным реформам в России. Уже в январе 1992 г. розничные цены на товары народного потребления и платные услуги населению выросли в 3,21 раза к декабрю 1991 г., а оптовые цены предприятий-производителей — в 4,82 раза¹⁹. Первоочередная и неотложная задача отпуска цен состояла в том, чтобы одновременно сбить ажиотажный спрос и в целом снизить давление на потребительский рынок.

Другими тесно связанными с либерализацией цен мероприятиями начального этапа реформы явились либерализация внешнеэкономической деятельности и существенное смягчение правил валютного регулирования, призванные создать условия для массового импорта потребительских товаров и продовольствия и быстрого улучшения предложения на рынке, хотя бы и по высоким ценам, а также отмена ограничений на занятие предпринимательской деятельностью, позволившая в короткие сроки — всего за несколько месяцев — создать «критическую массу» агентов рынка, пусть даже в самом примитивном виде и только в одном, но на тот момент определяющем секторе экономики — в торговле.

Важным составным элементом начального этапа реформ стал также курс на жесткое регулирование доходов основной массы населения, призванный хотя бы отчасти сдерживать рост денежной массы в обращении и «сгладить» кривую роста инфляции. «Денежный навес» сбережений был одномоментно снят их мгновенным обесценением, что еще совсем недавно считалось абсолютно неприемлемым.

Однако жесткая денежная политика привела к катастрофической нехватке денежных оборотных средств у предприятий, к нарастанию вала взаимных неплатежей в народном хозяйстве и неоправданно быстрому падению производства не только в отраслях тяжелой промышленности, но в легкой и пищевой промышленности, причем даже опережающими темпами. В относительно выгодном положении оказался нефтегазовый комплекс, получивший возможность наживать колоссальную прибыль от экспорта своей продукции в условиях огромной разницы мировых и внутренних цен на энергоносители. Так было положено начало углублению структурных перекосов в экономике России, унаследованных от советских времен, и резкой дифференциации доходов населения.

Безусловно, «гайдаровские реформы», явившиеся на первом этапе типичной разновидностью так называемой «шоковой терапии», опробованной в ряде стран Восточной Европы, а до этого — в Латинской Америке (классическими примерами считаются Польша и Боливия), были в немалой степени продиктованы реально сложившейся в стране на рубеже 1991—1992 гг. экономической ситуацией.

Однако в выборе конкретного варианта рыночных преобразований, отличавшегося намного большей степенью жесткости по сравнению, например, со стопроцентно рыночной по своей сути программой «500 дней» и попросту игнорировавшего реальные возможности социально-психологической адаптации большинства населения к характеру и темпам перемен, сыграли немаловажную роль и другие факторы. Прежде всего, сказались теоретические пристрастия Е.Т. Гайдара и его «команды», взявшей на вооружение рецепты американского экономиста Дж. Сакса, отработанные последним при разработке антиинфляционной программы для

Боливии в 80-е годы, но, как выяснилось впоследствии, по иному действующим в высокомонополизированной экономике России. «Субъективный фактор» проявился и в самом подходе к рыночной реформе как к некоему чисто техническому мероприятию, своего рода экономико-математической игре, цель которой состоит в преобразовании макроэкономической модели из одного типа — нерыночного — в другой тип — рыночный, без принятия в расчет тех или иных социальных издержек такой трансформации. Наконец, особая жесткость мероприятий первого этапа реформ в России была опосредованно связана с политико-идеологической ситуацией в стране после августовских событий 1991 г., когда падение уровня жизни граждан среднего и старшего поколения интерпретировалось как своего рода неизбежная «искупительная жертва» с их стороны за «тоталитарное прошлое».

Развитие экономической ситуации уже в первые месяцы после начальной либерализации цен показало, что инициаторы реформы грубо просчитались в оценке возможных масштабов роста «освобожденных» цен в нерыночной российской экономике с большой долей естественных монополий и сопряженной с этим степени финансовых трудностей. Соответственно, в повестку дня были поставлены две кардинальные задачи, во многом определявшие весь последующий ход реформы: приватизация государственного сектора экономики и достижение финансовой стабилизации.

Акцент на быстрое дерегулирование инструментов макроэкономического контроля, разгосударствление экономики и создание эффективного слоя собственников при сугубо подчиненном и второстепенном характере мероприятий структурной перестройки народного хозяйства и минимизации объема социальных обязательств государства был положен в основу концепции рыночных реформ в России, воплощенной в подготовленной правительством Гайдара в июне 1992 г. «Программе углубления экономических реформ».

Программа не была избавлена от налета «рыночного романтизма» и чрезмерного оптимизма относительно сроков наступления общеэкономического эффекта от рыночных преобразований. Так, уже в 1994 г. ожидалось минимальное сокращение производства ВВП (93,5 % к 1993 г.), а в 1995 г. — рост как валового продукта (1,1 %), так и объемов промышленного и сельскохозяйственного производства (1,3 % и 1 % соответственно). Рост капитальных вложений и числа занятых предполагалось обеспечить уже с 1994 г. В то же время Программа наметила логически правильные этапы преобразований — кризисное развитие (1992—1993), восстановление народного хозяйства (1994—1995) и экономический подъем, критерием которого должны были стать темпы экономического роста не менее 3—4 % в год.

Сформулированные в Программе 1992 г. основные направления создания в России рыночной экономики стали доминантой хозяйственной жизни страны в последующие годы, хотя процесс формирования рыночных институтов и рыночной среды и был значительно деформирован и отягощен одновременными усилиями по достижению финансовой стабилизации. Естественно, на динамике и результатах рыночной трансформации российской экономики не могли не сказываться инерционное наследие прежней структуры хозяйства, давление оппозиционных сил и необходимость известной корректировки социальной политики.

Если судить по формальным признакам, то в России за годы реформы был сделан крупный шаг на пути к созданию рыночной экономики. Существенных масштабов достигла приватизация народного хозяйства. Начатая с «ваучеризации» населения (1 ноября 1992 г. — 30 июня 1994 г.), она с 1 июля 1994 г. вступила во второй этап, основанный на продаже государственной собственности по рыночным ценам. На конец 1996 г. в Российской Федерации было приватизировано 124 600 предприятий (60 % от общего количества государственных предприятий в стране). Негосударственный сектор произвел в 1996 г. около 70 % ВВП²⁰. В 1994 г. 85 % розничного товарооборота пришлось на предприятия негосударственных форм собственности. Число фермерских хозяйств возросло с 49 тыс. на начало 1992 г. до 279 тыс. на начало 1995 г., а площадь предоставленных им земельных участков — с 2 млн га до 11,9 млн га²¹.

Во внешнеэкономической сфере наблюдался устойчивый рост экспорта (правда, в основном за счет увеличения доли топливно-сырьевых ресурсов). Улучшилась насыщенность потребительского рынка. Вступление России на путь рыночных преобразований облегчило условия внешнего финансового заимствования. К 1996 г., как тогда казалось, удалось стабилизировать курс российского рубля, что наряду с достаточно устойчивой динамикой снижения месячных индексов инфляции позволило премьер-министру В.С. Черномырдину в докладе о работе правительства в марте 1996 г. сделать вывод: «В России уже действуют созидательные силы рынка... они начинают преобладать над разрушительными тенденциями... у экономики появились внутренние источники развития». Программа правительства Российской Федерации «Реформа и развитие российской экономики в 1995—1997 годах», одобренная 24 марта 1995 г.²², ориентировалась на продолжение сложившегося курса реформ и одновременно на скорейшее достижение макроэкономической стабилизации, обеспечение роста инвестиций и уровня жизни народа с возможным выходом на положительный рост ВВП, объемов промышленного и сельскохозяйственного производства в 1996 г. и с безусловным обеспечением такого выхода в 1997 г.

Во многом с помощью жесточайшей кредитно-денежной политики и искусственного (за счет задержек выплаты зарплат и пенсий) сдерживания платежеспособного спроса населения в 1997 г. удалось снизить уровень инфляции до 14,7 %. Однако в целом расчеты на положительную динамику экономического роста не оправдались. После крайне незначительного, порядка 0,2 %, прироста ВВП в 1997 г., Россия вступила в затяжную полосу тяжелейшего экономического кризиса.

В 1998 г. ухудшение мировой конъюнктуры снизило доходы от экспорта российской нефти, что наряду с падением курсов акций российских предприятий в конечном счете сделало невозможным погашение государством своих обязательств по внешним и внутренним долгам. Запоздалое решение правительства С.В. Кириенко от 17 августа 1998 г. о повышении верхней границы «коридора» для обменного курса рубля не спасло ситуацию. Практически рухнула банковская система страны, вдвое обесценился рубль, в 40 раз упала капитализация российского рынка ценных бумаг, разорилось огромное количество мелких предпринимателей. Вновь начался безудержный рост цен. Россия с ВВП в 7,6 % от американского утратила статус великой державы, оказалась перед реальной угрозой фактической потери экономической самостоятельности и выпадения из диапазона минимально допустимых качественных параметров, характеризующих современное общество. Семь лет постсоветских реформ не только не решили ни одной из задач, стоящих перед Россией, но и предельно затруднили дальнейшую самоидентификацию страны, ее возвращение на рельсы мало-мальски нормального развития.

На наш взгляд, подлинно успешный путь реформ с российской спецификой может быть найден и реализован лишь в результате длительных целенаправленных усилий всех слоев российского общества. По-видимому, это потребует не лет, а, скорее, десятилетий, серьезной корректировки экономической и социальной политики.

Взаимовлияние и сопоставление

Рыночные преобразования в Китае и в России дают огромную пищу для размышлений об особенностях стратегии, тактики, конкретных направлений реформы в двух странах, о теоретической значимости во многом различных процессов в них в контексте общей теории перехода к рынку, о причинах, обуславливающих в чем-то синхронное, в чем-то асинхронное протекание реформ в КНР и РФ, о достоинствах и недостатках «шоковой терапии» и постепенных, «градуалистских» реформ, наконец, о целесообразности и перспективах взаимного обмена опытом в этой сфере, пусть даже в косвенных формах.

Сегодня Китай и Россию, несомненно, многое разделяет: различный общественный строй и характер функционирования политических институтов, темп проведения экономической реформы, разные представления правящих элит о критериях успешности преобразований, надлежащей степени государственного вмешательства в рыночные процессы, наконец, разная экономическая динамика.

Тем не менее есть, может быть, всего один, но главный фактор, сближающий две страны: это сама по себе экономическая реформа, в рамках которой и Китай, и Россия решают и еще несколько десятилетий будут решать однотипную задачу перехода к полноценному рынку, свободному от деформирующего воздействия организованной преступности, неквалифицированного вмешательства властей, региональных барьеров, антиконкурентного монополизма. А географическое соседство, внушительные масштабы двух стран в территориальном и демографическом планах, солидные размеры взаимной торговли и экономического сотрудничества усиливают интерес России и Китая друг к другу, естественно распространяющийся и на сферу экономических преобразований.

Предметом анализа ученых Китая в связи с реформами в России стали такие конкретные проблемы, как оценка экономической ситуации, хода и результатов реформ в РФ, перспектив в ней экономического роста; непосредственное сопоставление реформ в Китае и России, сравнение «градуалистского» и «шокового» вариантов перехода к рынку; уроки для Китая, которые надлежит извлечь из российского опыта.

Первым крупным научным мероприятием, детально рассмотревшим особенности экономической реформы в России, стала проведенная 15—18 марта 1993 г. в Сямэньском университете конференция, посвященная проблемам перехода к рынку стран Восточной Европы и бывшего СССР²³. Отличительной чертой этой конференции явилась если и не благосклонность к российскому варианту рыночных реформ, то как минимум единодушная констатация китайскими учеными вынужденности жесткого характера экономической политики правительства Гайдара начала 1992 г., ее предопределенности пробуксовкой реформенного процесса в годы «перестройки» и неспособностью создать дееспособный хозяйственный механизм в предшествующий период.

Заслуживающей упоминания особенностью позиции китайских ученых на Сямэньской конференции можно считать достаточно общее негативное отношение к противопоставлению постепенных, «градуалистских» реформ (ассоциируемых прежде всего с Китаем) и «шоковой терапии», т. е. радикального варианта перехода к рынку, связываемого с практикой ряда стран Восточной Европы (особенно Польши) и России, а также к утверждениям об обязательном превосходстве одного варианта преобразований над другим. В частности, Ван Цзиньцунь охарактеризо-

вал «шоковую терапию» как временную политику, применяемую в специфических условиях, которая не сможет служить основой долгосрочной экономической политики ни в России, ни в Польше, ни вообще где-либо. Соответственно, «шоковую терапию» нельзя рассматривать в качестве критерия выделения различных моделей перехода к рынку. С другой стороны, ненаучным является и разграничение «градуалистских» и «радикальных» реформ, коль скоро эти понятия не отражают сущности и содержания процесса рыночной трансформации. По мнению Ван Цзиньцуня, внешне мероприятия восточноевропейских стран выглядят радикальнее преобразований в Китае, но с точки зрения общего процесса экономической трансформации, реформы Китая отличаются в лучшую сторону большей глубиной, шириной охвата и темпами.

К несколько иным моментам привлек внимание Лу Наньцюань. По его мнению, радикальные реформы, как свидетельствует пример Польши, могут быть успешными. Однако успех здесь не означает, что аналогичный успех непременно может быть достигнут в России — все зависит от соответствия избранного варианта рыночной трансформации национальным особенностям страны. Проблемы, связанные с радикальным типом преобразований, очевидны для всех — резкий спад производства, утрата контроля за инфляцией, значительное падение уровня жизни части населения и рост числа безработных. Однако нельзя пренебрегать и теми проблемами и противоречиями, которые реально существуют при «градуалистских» реформах, хотя, как правило, и не столь заметно бросаются в глаза. Так, длительный отказ от перехода к подлинно рыночным ценам ведет к разрыву внутренних цен и цен мирового рынка, к невыполнению ценами функции показателя экономической эффективности, не способствует реформе имущественных прав. В целом же, как отметил Лу Наньцюань, существо любых методов перехода к рынку идентично и состоит, во-первых, в превращении предприятий в независимых товаропроизводителей через разгосударствление, приватизацию и иные способы создания многообразной по формам собственности экономики; во-вторых, в смене механизма функционирования экономики с целью обеспечения решающей роли рыночного механизма в распределении ресурсов общества; в-третьих, в коренном изменении методов макроэкономического контроля со стороны правительства с переходом к главенству косвенных экономических методов регулирования, наконец, в создании параллельно с формированием рынка полнокровной системы социального обеспечения.

Вместе с тем на конференции прозвучала и точка зрения об отсутствии в России необходимой экономической основы для применения «шоковой терапии». Среди аргументов фигурировали такие, как особо долгий срок господства высокоцентрализованной системы планового хозяйства,

уродливая отраслевая структура и чрезвычайно высокая монополизированность экономики, отсутствие базы развития рыночного хозяйства, слабая конкурентоспособность отечественной продукции на мировом рынке, неизбежность значительного и долговременного падения производства и уровня жизни в случае применения «шоковой терапии» в дефицитной российской экономике. Соответственно, итоги проведения политики «шоковой терапии» в России в 1992 г. расценивались как поражение.

Можно сказать, что конференция в Сямэни заложила основы методологического подхода китайских ученых к сопоставлению градуалистской и радикальной тактик перехода к рынку, к оценке экономических процессов в России. В то же время она обозначила три основных варианта таких оценок: в целом позитивный, нейтрально-объективный и негативный. Однако если в Сямэни, т. е. в начале 1993 г., все эти варианты были представлены практически в равной мере, то в последующем позитивные оценки преобразований в России становятся единичными, а негативные — преобладающими.

Одним из немногих примеров первого рода стал доклад «Российская экономика в процессе перехода» ученого из Института азиатско-тихоокеанских исследований провинции Чжэцзян Вэнь Хай²⁴. По его мнению, анализ реформ в России «легко позволяет увидеть», что у нее есть хорошие шансы в недалеком будущем вернуться в ряды столпов мировой экономики, что говорить о неудачной экономической трансформации в стране явно преждевременно. Как полагал автор, комплексность и последовательность реформ в России позволила всего за 3—4 года решить наиболее важные и одновременно трудные задачи создания рынка и «прояснения» имущественных прав. Цены практически всех товаров и факторов производства (за исключением энергоносителей) определяются рынком, спрос и предложение на рынке в основном сбалансированы, банковская процентная ставка уже начинает играть роль регулятора экономики, обменный курс рубля постепенно стабилизируется. Самое же важное, считал Вэй Хай, что решена проблема госпредприятий благодаря быстрой крупномасштабной приватизации. Он оценивал как сугубо положительный тот факт, что доля федерального правительства в суммарном объеме инвестиций в 1994 г. составила всего 13,6 %, а доля предприятий — 64,5 %. Приватизация, подчеркивал ученый, усилила мотивацию предприятий в получении прибыли и их способность к самостоятельному существованию и развитию и ликвидировала монопольное положение предприятий госсобственности в народном хозяйстве, улучшила конкурентную среду. Соглашаясь с тем, что за реформу в России заплачена огромная цена, Вэнь Хай в то же время полагал, что коль скоро понесенные жертвы так или иначе уже «переварены», то надо исходить не из того, как было трудно, а из того, какие результаты достигнуты благодаря реформам.

Однако возобладали все же мнение о неуспехе рыночных преобразований в России как с точки зрения эффективности самих реформенных мероприятий, так и особенно в плане их разрушительных последствий для экономики страны — ведь за четыре года реформ экономический спад в России составил 50 %, тогда как за четыре года Великой Отечественной войны советского народа против фашизма — всего 25 %.

Тезис о вынужденном характере применения в России в 1992 г. методов «шоковой терапии» практически исчезает из китайской печати, а суждения о ее несоответствии национальным особенностям России звучат в 1994—1996 гг. постоянно. Так, Ли Юнцюань считает слепое заимствование базирующейся на монетаристской теории «шоковой терапии» главной ошибкой российских реформаторов, своего рода «утопическим капитализмом». И в целом, по его мнению, ориентация на Запад не оправдала себя. Пренебрежение внутренним рынком и рынком республик СНГ привело лишь к выгодному для Запада падению мировых цен на нефть и некоторые другие виды сырья и нанесло ущерб национальной промышленности России. Расчеты же на привлечение крупных инвестиций с Запада в российскую экономику также не оправдались²⁵.

Еще более жесткую позицию заняла профессор Пекинского университета Чжан Канцин, подвергшая развернутой критике попытку Дж.Сакса объяснить кризис в российской экономике исключительно просчетами российского руководства и его непоследовательностью при применении «шоковой терапии», а не непригодностью ее для России в принципе²⁶. Ее итоговый вывод таков: «шоковая терапия» есть не более чем паллиативный метод контроля над инфляционными процессами, с его помощью не должна решаться принципиально более сложная и долговременная задача рыночной трансформации, предусматривающая прежде всего институциональное обновление. Поэтому, полагает Чжан Канцин, в целом процесс «смены колеи», т. е. перехода от плановой экономики к рыночной, может быть только постепенным, градуалистским. В деле «вращения» агентов рынка и рынка факторов производства, смены правительственных функций, подготовки регулирующих рынок нормативных актов, создания адекватной рыночной экономике системы социального обеспечения результат не может быть достигнут в одночасье. Создание зрелой, нормативной рыночной экономики требует времени.

Особенно резкой критике ряд китайских ученых подверг методы приватизации в России. По мнению Чжи Сяохэ, выбор России в пользу самого неэффективного способа приватизации — ускоренной безвозмездной приватизации — отвечал политическим интересам проводников этого способа, но совершенно абстрагировался от вопроса его экономической эффективности. Приватизация в России не смогла принести благосостояния подавляющему большинству населения страны, однако соз-

дала прекрасную возможность для обогащения директорату, чиновничеству и преступным элементам²⁷.

Основным адресатом критических высказываний о российском варианте перехода к рынку являются не столько сами реформы или какие-либо круги в России, сколько сторонники крупномасштабной приватизации в самом Китае, считающие возможным решать проблемы низкой эффективности госсектора экономики путем его разгосударствления.

Стремятся в Китае извлечь полезные для себя уроки и из российской экономической катастрофы 17 августа 1998 г. Ее причины и международное воздействие внимательно и всесторонне анализируются²⁸.

В России отношение к экономическим преобразованиям в Китае не однозначно. Позиция ее официального руководства, судя по сообщениям СМИ, заметно политизирована. Это особенно бросалось в глаза на начальном этапе российских реформ: всем памятно искреннее удивление увиденным в Китае президента Б.Н. Ельцина, полагавшего до своего первого визита в КНР в декабре 1992 г., будто «все в Китае ходят строем». Тем не менее, даже шоковое — в хорошем смысле — впечатление от экономических достижений реформирующегося Китая, вынесенное от поездок туда В.С. Черномырдина в 1994 г. и Е.М. Примакова в конце 1996 г., не вылилось в призывы изучать и тем более использовать в российской практике опыт экономических преобразований в КНР. Если в 80-е годы объективной оценке китайских реформ мешал закрепившийся за ними имидж поначалу чего-то излишне рыночного, а затем, напротив, излишне консервативного, то в 90-е годы, похоже, камнем преткновения для российской политической элиты является сохранение в Китае социалистической ориентации общественного развития.

Одновременно социалистический имидж КНР, ее приверженность относительно постепенному продвижению реформ вольно или невольно способствуют мифологизации китайского опыта преобразований, прежде всего левой и патриотической оппозицией, да и в целом весьма широкими кругами российской общественности, критически относящимися к проводимым руководством страны реформам. Как минимум, многие в России считают, что китайский опыт преобразований может ответить или хотя бы подсказать, как удовлетворительно решать целый ряд конкретных экономических проблем страны. Во всяком случае, думать так заставляет тот большой интерес, который проявляли к реформам в Китае в разные годы А.В. Руцкой, А.И. Вольский, Ю.И. Скоков, Е.С. Строев и др. Да и для депутатов самых разных фракций и комитетов Государственной Думы Пекин стал если и не Меккой, то весьма популярным пунктом визитов.

Конечно, далеко не все в России разделяют такой подход. Достаточно распространенной является и выраженная Е.Т. Гайдаром точка зре-

ния, согласно которой позитивное влияние реформенных преобразований в Китае на его экономическую динамику объясняется не какой-то особой методой проведения реформы, а исключительно находением КНР на этапе индустриализации, давно пройденном Россией. Соответственно, и вопрос о возможном использовании китайского опыта нашей страной не ставится в принципе (иногда даже говорится о «принципиальной неприменимости» китайского опыта в России).

По-разному интерпретируются в России и некоторые конкретные аспекты китайского опыта реформ. Например, диаметрально противоположные оценки даются практике государственного регулирования в КНР. Если левая оппозиция, да и некоторые ученые сугубо положительно оценивают стремление китайских властей не выпустить процессы формирования рынка из-под своего контроля на макроэкономическом уровне, то известный сторонник деэтизации реформенных процессов в России А. Илларионов, напротив, неоднократно ссылаясь на Китай как на образец резкого уменьшения участия государства в экономике, подтверждая эту посылку данными о значительном снижении в КНР доли доходов и расходов госбюджета в ВВП²⁹.

Предметом споров является и вопрос о социальной направленности экономических реформ в Китае. Некоторые ученые считают КНР чуть ли не классическим образцом формирования социально ориентированной рыночной экономики и ставят ее в пример России, как стране, недооценившей социальное измерение реформ. Другие же, напротив, указывают на исторически ограниченный диапазон охвата населения Китая, особенно крестьянства, системой государственного социального обеспечения, на главенство здесь опоры на семью, вообще характерное для восточноазиатских обществ, наконец, на все еще низкий по международным стандартам уровень доходов и потребления, что исключает возможность причисления Китая к странам с социально ориентированной рыночной экономикой.

Дискуссии о сути происходящего в Китае, разноречивой в оценках опыта проводимых там реформ и возможностей его использования в России отражают не только различия в политической ориентации тех или иных общественных групп, ученых и т. п., но и в первую очередь сложный, комплексный и достаточно противоречивый характер феномена реформирующегося Китая, динамизм переживаемых им изменений, соседство несомненных достижений в развитии, реформах, политике открытости с обострением одних проблем, нерешенностью других и возникновением третьих. Только всестороннее представление о китайском опыте преобразований, взвешенная оценка плюсов и минусов апробируемых в Китае методов проведения рыночных реформ создают надежную основу для непредвзятого изучения и вероятного использования в России тех или иных

наработок, полученных в ходе реформ в КНР. А объективные основания для этого имеются: ведь ориентация — и в Китае, и в России — на утверждение главенства рыночных принципов функционирования экономики сближает наши страны, делает во многом однотипными задачи, решаемые ими на нынешнем этапе развития.

(1997)

Примечания

¹ См.: China 2020: Development Challenges in the New Century — The World Bank, Washington D.C., 1997. P. 3, 5, 29.

² Чжунго цзинци тичжи гайгэ ши нянь : [Десять лет реформы экономической системы в Китае]. Пекин, 1988. С. 132, 421.

³ Жэньминь жибао. 21.02.1987.

⁴ Чжунго цзинци тичжи гайгэ ши нянь. С. 131.

⁵ *Андерс Ослунд*. Россия: рождение рыночной экономики. М., 1996. С. 28, 32.

⁶ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС (25—26 июня 1987 года). М., 1987. С. 84.

⁷ Народное хозяйство СССР в 1990 г. М., 1991. С. 422—423.

⁸ Переход к рынку. Концепция и Программа (Рабочая группа, образованная совместным решением М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина). М., август 1990 г. С. 42—43.

⁹ *Ян Чэнчуань, Юй Дачжэан*. Синь цзинци чжэнцэ лилунь тиси. — Лунь Ленин дуй шэхуйчжун цзинци цзай жэньши : [Теоретическая система НЭПа — о переосмыслении Лениным социалистической экономики]. Чжэнчжоу, 1985. С. 320.

¹⁰ Цзинцисюэ дунтай (Пекин). 1980. № 12. С. 25—26.

¹¹ См., например, работу Ху Аньгана «Следующий шаг Китая» : [Чжунго ся и бу]. Чэнду, 1995. С. 4—5.

¹² Ли Цзинвэнь (гл. ред.). Кэци цзиньбу юй Чжунго сяньдайхуа : [Научно-технический прогресс и модернизация Китая]. Пекин, 1998. С. 34.

¹³ 20 нянь цзинци гайгэ: хуйгу юй чжаньван : [20 лет экономической реформы: ретроспектива и перспективы / под ред. Чжан Чжоюаня, Хуан Фаньчжана, Ли Гуаньяня]. Пекин, 1998. С. 211.

¹⁴ Я Тай цзинци шибао. 19.05.1994.

¹⁵ Кэци цзиньбу юй Чжунго сяньдайхуа. С. 34—35.

¹⁶ Чжунго цзинци няньцзянь 1998 : [Экономический ежегодник Китая 1998]. Пекин, 1998. С. 825.

¹⁷ Fan Gang. Impacts of Asia Economic Shake-up in China's Reform and Development — National Economic Research Institute, China Reform Foundation, Working Paper Series, 98—01. P. 8—9.

¹⁸ Программа углубления экономических реформ. (Проект). Москва. Июль 1992 г. С. 67.

¹⁹ Там же. С. 8.

²⁰ Вопросы экономики. 1997. № 1. С. 30.

²¹ Россия в цифрах 1995. Госкомиздат России. М., 1995. С. 233.

²² См.: Вопросы экономики. 1995. № 4. С. 4—60.

²³ См.: *Лу Наньцюань, Янь Июй* (гл. ред.). Элосы, Дун Оу, Чжун. Я цзинци чжуаньгуй цзюцзэ : [Россия, Восточная Европа, Средняя Азия: выбор пути экономической трансформации]. Пекин. Август 1994 г.

²⁴ *Вэнь Хай*. Чжуаньгуй чжун ды Эго цзинци : [Экономика России в процессе перехода]. Ханчжоу, 1995. С. 12.

²⁵ *Ли Юнцюань*. Судьбы российской реформы. Цзинци шэхуй тичжи бицзяо : [Сравнение социально-экономических систем] // Пекин. 1994. № 3. С. 15—20.

²⁶ См.: *Чжан Канцин*. «Шоковая терапия» и экономические реформы в России. Дун Оу Чжун Я яньцзю : [Исследования Восточной Европы и Средней Азии]. 1995. № 5. С. 73—79.

²⁷ Сифан цзинци сюэ юй вого цзинци тичжи гайгэ : [Западная экономическая наука и реформа хозяйственной системы в нашей стране]. Пекин, 1994. С. 316, 310.

²⁸ См., например: Сюй Синь. Финансовый кризис в России и его влияние. — Гоци цзинци пинлунь : [Международное экономическое обозрение] // Пекин. 1998. № 11—12. С. 54—57.

²⁹ См.: Известия. 19.09.1996; 11.12.1996.

ОТ ЦЗЯН ЦЗЭМИНЯ К ХУ ЦЗИНЬТАО

I

Политическая жизнь Китайской Народной Республики на рубеже XX—XXI веков неразрывно связана с именем Цзян Цзэминя. Заняв пост Генерального секретаря Центрального комитета Коммунистической партии Китая в июне 1989 г., Цзян Цзэминь вскоре получил в свои руки высшие военные посты (в ноябре 1989 г. — Председателя Центрального военного совета КПК и в марте 1990 г. — Председателя Центрального военного совета КНР), а после избрания в марте 1993 г. Председателем КНР стал и официальным главой государства. Однако лишь после кончины в феврале 1997 г. неформального лидера страны Дэн Сяопина Цзян Цзэминь обрел возможность окончательно выйти из тени «архитектора китайских реформ» и полноправно претендовать на роль «ядра третьего поколения руководителей КНР» (по официально принятой в КНР версии, первое поколение лидеров страны возглавлял Мао Цзэдун, второе — Дэн Сяопин). Вполне закономерно, что с 1997 г. решение стоящих перед Китаем внутренних и внешних задач стало тесно увязываться с деятельностью Цзян Цзэминя, активно стремившегося зарекомендовать себя ведущим идеологом и теоретиком партии, инициатором адекватной современным требованиям стратегии возрождения Китая и влиятельной международной фигурой. Желание Цзяна побыстрее оставить след в истории подогревалось и самой по себе ограниченностью отпущенного ему срока лидерства. В стране и в мире утвердилось общее мнение, что в недалеком будущем на смену третьему поколению руководителей КНР должно прийти четвертое во главе с Ху Цзиньтао, который будто бы был рекомендован на выполнение данной миссии еще Дэн Сяопином и его соратниками. Это мнение окончательно укрепилось после того, как Ху Цзиньтао, с 1992 г. входивший в высшую партийную элиту в качестве члена Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, занял в конце 1999 г.

посты в партийном и государственном центральных военных советах (фактически это один орган с «двумя вывесками»). На XVI съезде КПК (ноябрь 2002 г.) состоялась официальная передача Цзян Цзэминем Ху Цзиньтао высшей партийной, а на 1-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 10-го созыва (март 2003 г.) — высшей государственной власти.

В целом можно констатировать, что рубеж XX—XXI столетий явился для КНР своеобразным переходным периодом, в рамках которого шел процесс подготовки и осуществления передачи власти от одной группы лидеров страны другой. Именно такое качественное своеобразие проявилось во многих конкретных аспектах политической жизни Китая в эти года, в том числе в выдвижении Цзян Цзэминем теоретических новаций в области партийного строительства, в форсировании вступления КНР во Всемирную торговую организацию, в усилении акцента на обеспечении социальной стабильности в стране, в специфике первых политических акций нового партийно-государственного руководства страны, и т. п.

Анализу основных особенностей политической жизни КНР в этот период и посвящен данный очерк.

* * *

Одним из первых крупных событий внутривнутриполитической жизни КНР в «постдэновский период» стал XV съезд КПК (12—18 сентября 1997 г.). Съезд сыграл важную роль в закреплении лидерства Цзян Цзэминя в партии и государстве и в формировании собственного политического стиля Цзяна, характеризующегося умелым сочетанием приверженности партийным традициям с дозированной новаторством, призванным показать готовность и способность КПК и ее руководства адекватно реагировать на вызовы времени. В отчетном докладе съезду, весьма символично озаглавленному «Высоко держа великое знамя теории Дэн Сяопина, всесторонне продвигать в XXI веке дело строительства социализма с китайской спецификой», акцент был сделан на верности КПК политическому курсу Дэн Сяопина. Положение о руководящем значении теории Дэн Сяопина для деятельности КПК было внесено в устав партии. Опора в идейно-теоретическом плане на идеи Дэн Сяопина была для Цзян Цзэминя далеко не случайной. Во-первых, тем самым он сделал недвусмысленную заявку на продолжение политики модернизации, реформ и открытости страны, на руководство общим процессом «возрождения Китая» в новых исторических условиях. Кроме того, лишней раз подкреплялось политическое лидерство Цзян Цзэминя, ставшего в июне 1989 г. Генеральным секретарем ЦК КПК по предложению именно Дэн Сяопина. Наконец,

имел место и дальний прицел: коль скоро теория Дэн Сяопина явилась результатом существенного развития, а подчас и серьезной корректировки идеи предшествовавшего ему в качестве лидера страны Мао Цзэдуна, то ее включение в Устав КПК создавало прецедент, открывая потенциальную возможность для нового последующего расширения формулировки об идейно-теоретических основах деятельности партии.

Уже на этом съезде Цзян Цзэминь продемонстрировал новаторский подход к трактовке ведущей роли общественной собственности. Было заявлено о необходимости активно использовать плюральные формы реализации общественной собственности с тем, чтобы максимально ускорить развитие производительных сил. Провозглашенный Цзян Цзэминем курс на реструктуризацию госсектора означал активное акционирование большинства крупных государственных предприятий и передачу мелких госпредприятий в частные руки через механизмы подряда, аренды и даже прямой продажи¹.

Еще одним важным новшеством стало заявление Цзян Цзэминя о необходимости управлять страной на основе закона и создавать «правовое социалистическое государство». По сути дела тогда же был сформулирован и основополагающий подход Цзяна к реформе политической системы. Ее целью было объявлено повышение жизнеспособности партии и государства, выявление преимуществ социалистического строя, обеспечение единства страны и стабильности общества. Ведущие направления политической реформы виделись в совершенствовании института собраний народных представителей и деятельности Народного политического консультативного совета Китая, объединяющего созданные еще до образования КНР небольшие демократические партии и беспартийных деятелей, а также Всекитайскую федерацию промышленников и торговцев. Подчеркивалось, что совершенствование политической системы страны должно идти постепенно и под руководством КПК².

Следующее концептуальное выступление Цзян Цзэминя по общим проблемам развития страны 18 декабря 1998 г. было приурочено к двадцатилетию 3-го Пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.), давшего старт китайской политике реформ и открытости. Оно примечательно включением в перечень основных исторических уроков двадцатилетия реформ положений о приоритетном характере задачи развития производительных сил и о реализации и защите интересов «самых широких народных масс» как отправном пункте дела экономических реформ и строительства³. А празднование 50-летия образования КНР (1 октября 1999 г.) было активно использовано для закрепления статуса Цзян Цзэминя как признанного лидера третьего поколения руководителей страны. Символом передачи властной эстафеты стала демонстрация в ходе праздничных шествий в Пекине трех одинаковых по величине огромных порт-

ретов Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина и Цзян Цзэминя. Если первый из них, согласно разъяснению китайской пропаганды, дал китайскому народу возможность «подняться», второй обеспечил людям зажиточность, то Цзян Цзэминь торил путь к «грядущему взлету китайской нации».

Несомненно, росту в этот период реального авторитета Цзян Цзэминя в стране и за рубежом способствовали такие события, как эффективные действия китайского руководства в условиях азиатского финансового кризиса 1997—1998 гг., умелая борьба с одним из крупнейших в истории страны наводнений на реке Янцзы летом 1998 г., обошедшееся без серьезных эксцессов лишение армии права заниматься хозяйственной деятельностью, дозированной, но достаточно жесткая реакция Пекина на бомбардировку самолетов США Посольства КНР в Белграде в мае 1999 г., возвращение под суверенитет КНР Аомэня (Макао) после четырех с лишним столетий португальского владычества (декабрь 1999 г.), завершение переговоров с США об условиях вступления КНР в ВТО.

В то же время достижения Цзян Цзэминя на ниве теории все еще оставались скромными. Попытка исправить положение с помощью оживления в 1999 г. внутрипартийной кампании «трех акцентов» (в другой трактовке «трех собеседований») — на политику, на образование, на правильный стиль работы — ситуацию здесь явно не переломила. Между тем ряд новых явлений и процессов во внутренней жизни Китая не только требовал оперативного вмешательства властей, но и настоятельно нуждался в глубоком теоретическом осмыслении.

Прежде всего, с нарастанием финансовых трудностей на государственных предприятиях стало быстро увеличиваться количество лиц, «высвобожденных из производства» («сяган»). Суммарно за период 1997—1999 гг. оно составляло 19 млн человек. Сложности с трудоустройством (новую работу быстро смогла найти только половина работников данной категории), неудовлетворенность размерами выходных пособий или ежемесячных выплат повлекли заметный рост недовольства политикой руководства страны, усиление левых и протестных настроений в рабочей среде, формально продолжавшейся считаться опорой правящей компартии.

Проявившаяся в условиях перепроизводства основных видов сельхозпродукции, в том числе зерна, тенденция к снижению рыночных цен на зерно существенно замедлила общий рост доходов крестьян, ускорила формирование армии сельских мигрантов в городах с крайне низким социальным и правовым статусом. Напротив, все более очевидными становились симпатии власти к научной и технической интеллигенции, коль скоро именно с нею связывалась возможность реализации декларированной Цзян Цзэмином стратегии возрождения страны в опоре на образование и науку и освоение все новых высокотехнологичных ниш на мировом рынке.

Косвенным признаком ослабления связей КПК с широкими массами и ее влияния на народ стала история с сектой «Фалуньгун». Созданная в 1992 г. неким Ли Хунчжи, перебравшимся в США, секта, используя тягу населения Китая к оздоровительной гимнастике «цигун» и маскируясь под официально разрешенные религии — буддизм и даосизм, выросла к 1999 г. в разветвленную организацию с 2 млн активных членов, среди которых оказалось немало ветеранов КПК. 25 апреля 1999 г. фалуньгуновцы провели массовую сидячую забастовку у правительственной резиденции Чжуннаньхай в Пекине. И хотя секта — в числе других «еретических культов» — была в октябре 1999 г. запрещена Постоянным комитетом ВСНП, деятельность ее приверженцев прекратилась далеко не полностью. Сам же по себе факт открытого вызова части членов общества руководством страны не мог не настораживать.

В Пекине, похоже, осознали, что формально благоприятными показателями численности и структуры правящей компартии далее удовлетворяться нельзя (на конец 2000 г. в КПК состояло 64,51 млн человек — 5,2 % населения КНР, из них 31,66 млн человек составляли рабочие и крестьяне, 5,92 млн человек — кадровые работники и 6,18 млн человек — управленческий персонал предприятий и организаций). Все более настоятельной становилась объективная задача неформального подтверждения в новых исторических условиях легитимности КПК, ее способности на деле выражать интересы народа и обеспечивать достижение важнейших общенациональных целей — модернизации, воссоединения с Тайванем, международной безопасности страны. А это требовало определенного обновления идейно-теоретического багажа и стиля деятельности КПК, поиска адекватных требованиям времени новых форм реализации функций правящей партии и модификации ее социальной базы. Период 2000—2001 гг. ознаменовался расширением теоретических поисков и первыми практическими шагами на этом направлении.

Заслуживают упоминания достаточно откровенный, по пекинским меркам, анализ социальных противоречий современного китайского общества, проделанный под эгидой Орготдела ЦК КПК⁴, предложения об изменении методов реализации правящей роли компартии в Китае и о четком разграничении прав и компетенции партийных и административных органов⁵, широкое изучение теории и практики мировой социал-демократии, призывы отдельных ученых разрешить внутрипартийные фракции и трансформировать КПК из классовой партии в партию всего народа⁶.

Общий «обновленческий алгоритм» задавал сам Цзян Цзэминь, причем сразу по нескольким направлениям. В феврале 2000 г. в ходе инспекционной поездки в провинцию Гуандун Цзян Цзэминь впервые выдвинул положение о компартии Китая как представителе передовых произ-

водительных сил, передовой культуры и коренных интересов народа страны.

В том же году Цзян заявил о необходимости всестороннего осмысления истории развития социализма и капитализма, а также изменений, произошедших в Китае под воздействием политики реформ и открытости и процесса мировой экономической глобализации. В начале 2001 г. на совещании заведующих региональными отделами пропаганды Цзян Цзэминь призвал партию претворять в жизнь «дух неустанной борьбы за осуществление социалистической модернизации». В развернутом виде новая установка Цзяна ориентировала членов партии на то, чтобы «раскрепощать создание и действовать в соответствии с реальными факторами; идти в ногу со временем и смело обновляться; невзирая на трудности, неуклонно идти вперед; упорно борясь, добиваться эффективности в делах; не гоняясь за почестями, бескорыстно служить». Многоаспектная формула, вошедшая в политический обиход как «положение о пяти духах», по сути дела определила методологию подхода КПК к решению стоящих перед ней на современном этапе масштабных задач, а именно — действовать, соединяя дух лучших традиций партии и нации с диктуемым требованиями эпохи духом обновления и новаторства. В пропаганде традиционализм был подчеркнут параллелями с известной стихотворной строкой Мао Цзэдуна «в мире нет трудных дел для тех, кто взять вершины дерзает», а новаторство — особым акцентом на необходимость нового «раскрепощения сознания» (с этим лозунгом в Китае устойчиво ассоциируется начало дэнсяопиновских реформ).

Среди теоретических новаций Цзян Цзэминя этого периода весьма широкий общественный резонанс вызвал призыв «идти в ногу со временем». Вскоре он стал составной частью триединой формулы, характеризовавшей общий политический курс КПК на том этапе: «действовать в соответствии с реальными фактами, раскрепощать сознание, идти в ногу со временем». Символическое звучание этой триады для каждого грамотного китайца было очевидным: первая часть лозунга принадлежит Мао Цзэду, вторая — Дэн Сяопину, третья — стремившемуся встать вровень с ними Цзян Цзэминю.

Однако центральное место в доказательстве способности КПК к обновлению своей идейно-теоретической платформы и обосновании ее «законного права» сохранить за собой руководящую роль в стране на обозримую перспективу заняло положение о роли компартии в китайском обществе как представителя передовых производительных сил, передовой культуры и коренных интересов народа.

Детализации формулы «тройного представительства», показу ее «органической связи» с марксизмом, идеями Мао Цзэдуна и теорией Дэн

Сяопина и одновременно новаторского характера была посвящена речь Цзян Цзэминя по случаю 80-летия КПК⁷.

Особый акцент генсек сделал на приверженности КПК развитию производительных сил и наращиванию совокупной мощи государства «в целях улучшения жизни народа». Такой отправной подход позволил вполне логично обосновать необходимость расширения социальной базы партии. Как подчеркнул Цзян Цзэминь, КПК, оставаясь авангардом рабочего класса, одновременно представляет интересы и новых слоев китайского общества, вносящих вклад в развитие производительных сил. Косвенно возражая левакам, утверждавшим, что в ряды компартии уже проникла «новая буржуазия», сформировавшаяся в период реформ, Цзян Цзэминь специально подчеркнул, что размер личного имущества «нельзя упрощенно рассматривать в качестве критерия политической сознательности людей» — здесь надо судить по их вкладу в строительство социализма с китайской спецификой. В практическом плане это заявление означало согласие на членство в партии лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью (к началу 2002 г. в КПК насчитывалось 113 тыс. предпринимателей, однако 90 % из них вступили в партию до того, как занялись бизнесом).

Напомнив о верности партии «великому идеалу коммунизма», Цзян Цзэминь одновременно призвал избегать фантазерства и констатировал, что на начальной стадии социализма, где еще долго будет находиться Китай, непосредственной практической задачей является совершенствование «системы социалистической рыночной экономики» и системы «совместного развития различных секторов народного хозяйства при ведущем месте общественной собственности». Тем самым была подтверждена неизменность политики рыночных реформ и внешнеэкономической открытости и курса на стратегическую реструктуризацию госсектора.

Декларировав приверженность КПК совершенствованию внутрипартийной демократии, улучшению стиля работы, искоренению коррупции, Цзян Цзэминь в то же время потребовал «решительно противостоять» влиянию западных моделей политической системы и разделения властей.

Сразу же после завершения юбилейных торжеств в Китае была развращена широкая пропаганда речи Цзян Цзэминя как «программы дальнейшего строительства социализма с китайской спецификой в новых исторических условиях». Особое место отводилось положению о «тройном представительстве» КПК, которое, как декларировалось, «прочно вошло в теоретическую сокровищницу партии и китайского народа». (В августе 2001 г. был издан сборник выступлений Цзян Цзэминя по проблеме «тройного представительства»). Основные положения юбилейной речи Цзян Цзэминя достаточно прозрачно подавались в пропаганде как прообраз политической платформы предстоящего XVI съезда КПК.

Вскоре, однако, выяснилось, что не все в Китае сугубо позитивно восприняли юбилейную речь Цзян Цзэминя. Сторонники ортодоксального социализма выступили против самого существа предложенных новаций. На недопустимость приема в КПК частных последовательно указывал, например, журнал «Чжэнли дэ чжуйцю» — «В поисках правды», прекративший существование вскоре после юбилея КПК — формально вследствие лишения финансирования. А часть влиятельных ветеранов КПК, похоже, не устроили слишком уж очевидные притязания Цзян Цзэминя на включение его теоретических новаций в программно-уставные документы партии.

Ситуацию отчасти сбалансировал 6-й пленум ЦК КПК 15-го созыва (24—26 сентября 2001 г.). С одной стороны, пленум официально одобрил юбилейную речь Цзян Цзэминя, оцененную как «программный документ марксизма». Была подчеркнута необходимость сплочения партии вокруг ЦК КПК с Цзян Цзэминем в качестве «ядра». Особый акцент был сделан на соблюдении в партии «политической дисциплины», подчинение всей партии решениям ее Центрального комитета. Впервые за период пребывания Цзян Цзэминя на посту генсека главной задачей в идеологической сфере была названа борьба с левачеством, выражавшемся в «застывшем мышлении и отождествлении политики реформ и открытости с заимствованием и поощрением капитализма».

Вместе с тем в принятом пленумом решении «Об усилении и улучшении строительства партийного стиля» была отдана заметная дань традиционным ценностям КПК, что нашло концентрированное выражение в обобщающей формуле «восемью за и восемью против». «За» означает необходимость отстаивать раскрепощение сознания, связь теории с практикой и связь партии с массами, следовать принципу демократического централизма, укреплять партийную дисциплину, формировать честные и неподкупные руководящие структуры, придерживаться духа упорной и самоотверженной борьбы, внедрять принцип выдвижения кадров в соответствии с их заслугами. Соответственно, «против» подразумевает отказ от бесконечного цепляния за устаревшие догмы, от книгопочтения и механического заимствования чужого опыта, борьбу с формализмом и бюрократизмом, самоуправством и расхлябанностью, либерализмом, корыстолюбием, гедонизмом и неверным стилем решения кадровых вопросов (в китайском оригинале задачи борьбы «за» и «против» сформулированы попарно, например, «крепить связь с массами, бороться с формализмом и бюрократизмом» и т. д.).

Сочетанием осторожного новаторства и приверженности базовым традициям страны оказалась проникнута и обнародованная от имени ЦК КПК 25 октября 2001 г. «Программа строительства гражданской морали». В ней были поставлены задачи как сохранения лучших морально-этиче-

ских норм, восходящих к тысячелетним традициям китайского народа и периоду революционной борьбы, так и заимствования наиболее достойного из передовой культуры и нравственно-этического багажа других государств мира.

Традиционные атрибуты «социалистической морали» (коллективизм, любовь к Родине, к народу, к труду, к социализму) были дополнены такими рыночными ценностными ориентирами, как дух новаторства, настрой на конкуренцию и эффективность, следование принципам демократии и законности.

В концентрированном виде программа была сведена в формулу «двадцати иероглифов»: «любовь к Родине и соблюдение закона, культурное поведение и искренность, сплоченность и доброжелательность, трудолюбие и неуклонное стремление вперед, профессионализм и воздаяние по заслугам».

Заслуживает упоминания то обстоятельство, что после проведения 6-го пленума ЦК КПК 15-го созыва «раскрутка» юбилейной речи Цзян Цзэминя была примерно на два месяца заметно приглушена, а доминирующее место в идеологической сфере заняла пропаганда наиболее близких к традиционным аспектов совершенствования партийного стиля и прежде всего необходимости углубления «кровной связи» КПК с народными массами. Не вполне ясно, было ли это сделано самим Цзян Цзэмином из тактических соображений — чтобы, так сказать, дать «остыть» оппонентам — или же явилось следствием реального стремления достаточно влиятельных сил в целом сменить акценты партийной политики. Однако факт остается фактом: только после публикации в конце ноября 2001 г. сборника выступлений Цзян Цзэминя «О партийном строительстве», охватывающего период 1989—2001 гг., широкая пропаганда первоиюльской речи и ее основных положений возобновилась в полном масштабе, правда, чаще всего в увязке с решениями пленума. Судя по всему, данный сборник был призван продемонстрировать неизменную приверженность Цзяна базовым ценностям партии и обоснованность его притязаний на творческое развитие теории марксизма. Симптоматично, что пропагандистская литература, посвященная изучению сборника «О партийном строительстве», как правило, открывалась пространным изложением «вклада Цзян Цзэминя в развитие и обогащение марксистской теории партийного строительства».

Однако в период 2000—2001 гг. на позитивный имидж Китая и его руководства работали не только партийно-пропагандистские мероприятия, но и — в решающей степени — реальные успехи страны в экономике, социальной сфере и на международной арене. Удалось выполнить рассчитанную на 1998—2000 годы задачу улучшения финансовой ситуации в госсекторе: доля прибыльно работающих крупных и средних гос-

предприятий за этот период возросла с 40 % до 70 %. Был разработан и принят план социально-экономического развития Китая на 10-ю пятилетку (2001—2005 гг.), предусматривающий семипроцентный среднегодовой прирост ВВП и глубокую структурную перестройку народного хозяйства. Официальное вступление страны в ВТО (11 декабря 2001 г.) стало новым влиятельным фактором углубления рыночных реформ и взаимодействия КНР с мировым хозяйством.

Укреплению международных позиций и росту престижа Китая способствовали такие события 2001 г., как проведение в Шанхае саммита глав государств организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, завоевание Пекином права на проведение летней Олимпиады 2008 г., первый в истории выход китайской сборной по футболу в финальную часть чемпионата мира.

В то же время после терактов в США 11 сентября 2001 г. китайское руководство усилило борьбу с потенциальной опасностью национального сепаратизма, религиозного экстремизма и терроризма, прежде всего в районах проживания национальных меньшинств. Повышенное внимание уделялось Тибету — как в связи с отмечавшимся в 2001 году 50-летием его «мирного освобождения», так и по причине резкого усиления геополитического значения региона Центральной Азии.

В контексте оживления исламского фундаментализма в новом ключе стала интерпретироваться ситуация в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Пекин объявил сторонников создания так называемого Восточного Туркестана составной частью международного терроризма и религиозного экстремизма и в известной степени облегчил себе задачи борьбы с уйгурским национализмом. Параллельно в Уголовный кодекс КНР были внесены поправки, ужесточающие наказания за преступления, квалифицируемые как терроризм, сепаратизм и религиозный экстремизм.

Для уточнения официальной религиозной политики в декабре 2001 г. было проведено всекитайское совещание по религиозной работе с участием высшего руководства, представителей регионов и армейских кругов — первое мероприятие такого рода с 1990 г. Пекин четко дал понять, что хотел бы видеть в верующих всех официально разрешенных конфессий (буддизм, даосизм, ислам, католичество, протестантство) влиятельную патриотическую силу, не покушающуюся, однако, на исполнение прерогатив государства, особенно в сфере образования и правосудия. Особо был выделен принцип «независимого, самостоятельного ведения дел» религиозными кругами Китая, недопустимость здесь какого-либо вмешательства внешних сил. Это объяснялось как использованием в прошлом религиозных проблем для империалистического закабаления Китая, так и «выбором в пользу самостоятельности, уже сделанном верующими массами страны» (намек предназначался прежде всего Ватикану,

но мог быть адресован и любым другим внешним клерикальным кругам в случае их чрезмерной ретивости по усилению своего присутствия в КНР).

Перед лицом серьезных социальных проблем (низкие доходы значительной части населения, высокий уровень безработицы, распространение организованной преступности, массовые экономические правонарушения и т. п.) Пекин оказался вынужден уделять особое внимание поддержанию приемлемого уровня общественной стабильности. Важное значение в этом плане имело успешное завершение программы борьбы с сельской бедностью на 1993—2000 гг. Благодаря ей численность крестьян, находящихся за национальной чертой бедности, сократилась с 80 до 30 миллионов человек (правда, сама эта черта — порядка 640 юаней дохода на человека в год — вчетверо ниже международно признанного критерия бедности в один доллар на человека в день). Была принята новая аналогичная программа на период до 2010 г., увеличилась и помощь малоимущим в городах. Серьезные надежды на оздоровление общественного порядка возлагались на специальную кампанию по борьбе с организованной преступностью, получившую наименование «суровый удар». Как знаковое событие можно оценить и начало издания в конце 2001 г. первого в истории КНР журнала по правам человека — «Жэньцзюань».

С первых месяцев 2002 г. абсолютной доминантой политической жизни КНР стала непосредственная подготовка к XVI съезду правящей компартии. Уже весной в гонконгских СМИ, в частности, в майском номере известного своей информированностью журнала «Чжэнмин» были опубликованы списки наиболее вероятных кандидатов на членство в новом составе Политбюро ЦК КПК и его Постоянного комитета. Основные моменты политической платформы предстоящего съезда нашли отражение в выступлении Цзян Цзэминя в центральной партшколе 31 мая 2002 г., изложенном в китайской печати под весьма симптоматичным заголовком: «Высоко держа великое знамя теории Дэн Сяопина, всесторонне претворяя в жизнь требования трех представительств, идти в ногу со временем и всеми силами создавать новую обстановку в строительстве социализма с китайской спецификой»⁸. В центре программной речи китайского лидера оказались проблемы развития производительных сил страны и нового этапа ее модернизации в целом, задачи утверждения в обществе «социалистической политической культуры» и совершенствования руководящей роли КПК как правящей партии в духе положения о «трех представителях».

Между тем ответ на главную интригу предстоявшего съезда — останется ли Цзян Цзэминь на посту Генерального секретаря ЦК КПК или же эту должность займет Ху Цзиньтао — довольно долго оставался неясным, по крайней мере, для сторонних наблюдателей. Судя по всему, «со скрипом» утрясались и вопросы степени обновления высших партийных органов и их персонального состава. Недвусмысленный сигнал из Пекина по-

ступил лишь в последней декаде августа. Сначала была обнародована дата открытия съезда (8 ноября 2002 г.), которая позволяла Цзян Цзэминю совершить запланированный на 22—25 октября визит в США в качестве полноформатного главы партии, государства и армии. А непосредственно за этим последовал и выход в свет явно итогового сборника высказываний Цзяна по самым различным аспектам жизни страны за весь период его пребывания у власти. Стало очевидно, что решение о предстоящем на съезде уходе Цзян Цзэминя с высшего партийного поста принято. В то же время, публикация сборника, озаглавленного «О строительстве социализма с китайской спецификой», дала старт интенсивной предсъездовской пропаганде достижений КНР «за последние тринадцать лет», т. е. с июня 1989 по середину 2002 г.

С чем же пришла Китайская Народная Республика к XVI съезду правящей компартии? Вне всякого сомнения, за период после XV съезда КПК страна добилась заметного укрепления своих международных позиций. Достаточно последовательно решались текущие и стратегические задачи социально-экономического развития. Неустанные усилия руководства позволили поддерживать приемлемый уровень социально-политической стабильности.

Несущей конструкцией политической системы страны оставалась компартия, вставшая на путь определенного расширения своей социальной базы и обновления идейно-теоретической платформы. Ее руководящую роль безоговорочно признавали все те государственные институты, которые теоретически могли бы конкурировать с КПК за власть — парламент, армия и Народный политический консультативный совет Китая.

В стабильном режиме функционировало Всекитайское собрание народных представителей, активно работавшее над укреплением нормативно-правовой базы общественной жизни в стране.

Народно-освободительная армия Китая, лишившись права вести самостоятельную хозяйственную деятельность, получила взамен более щедрое бюджетное финансирование и направила основные усилия на модернизацию боевого оснащения и глубокое изучение особенностей современных войн.

Госсовет КНР как главный орган исполнительной власти наряду с решением текущих и перспективных экономических задач заметно повысил внимание к национальным, религиозным и социальным проблемам. Была внедрена система так называемых «трех линий защиты» в сфере социальных выплат (пособия по безработице, пособия «высвобожденным из производства», пособия по обеспечению минимального уровня жизни в городах).

В 1998 г. была начата административная реформа, призванная сократить численность и повысить эффективность управленческого аппарата.

Сокращение количества аппаратных структур и численности занятых (в партийных органах — на 20 %, в административных — до 50 %) было проведено на центральном и провинциальном уровнях, но явно забуксовало в самом сложном низовом звене — в уездах.

Межсъездовское пятилетие отмечено успешным завершением второго (был рассчитан на 90-е годы XX века) из трех этапов модернизации страны, укреплением рыночных принципов функционирования экономики и углублением взаимодействия с мировым хозяйством. В 2001 г. Китай преодолел такие важные рубежи, как 1 трлн долл. годового ВВП, 500 млрд долл. годового внешнеторгового товарооборота, 400 млрд долл. совокупного объема фактически использованных прямых иностранных инвестиций. По уровню жизни населения в городах КНР вышла, а в деревне — приблизилась к намеченным два десятилетия назад критериям «сяокан» — «скромного достатка» (согласно предположению Дэн Сяопина, уровню «сяокан» соответствует среднестатистическое производство ВВП в стране порядка 1000 долл.).

Благодаря стимулированию экспорта и внутреннего спроса и при опоре на «активную финансовую политику» (заключалась в крупномасштабной эмиссии облигаций госзайма на инвестиционные цели и в сопутствовавшем увеличении бюджетного дефицита) Китаю удалось поддерживать динамичный рост экономики — по официальной версии, выше 7 % ежегодно. По данным госстатуправления КНР, за 1998—2001 гг. ВВП страны вырос на 33,9 % при одновременном увеличении бюджетных доходов на 89,2 %, экспорта на 45,6 %, импорта на 71,1 %⁹. Достаточно последовательно проводился провозглашенный XV съездом КПК курс упорядочивания структуры собственности. Количество занятых в госсекторе сократилось на 25 млн человек — со 110,4 млн человек в 1997 г. до 76,4 млн в 2001 г. Еще более резкое сокращение численности занятых наблюдалось в коллективном секторе в городах — с 28,8 до 12,9 млн человек¹⁰. Напротив, опережающими темпами развивались индивидуальный и частный секторы и предприятия с участием иностранного капитала. Так, на начало 2002 г. в индивидуальном секторе было занято 47,6 млн человек, а на частных предприятиях — 22,5 млн человек. Вместе они дали около 20,5 % ВВП страны и свыше 47 % объема розничного товарооборота¹¹. На середину 2002 г. в КНР было утверждено создание 405 тыс. предприятий с иностранными инвестициями.

Среди других достижений межсъездовского периода в экономике можно отметить начало реформы первой из числа монопольных отраслей — электроэнергетики.

С присоединением к ВТО КНР вступила в качественно новый этап политики реформ и открытости. Его отличительные особенности — общее резкое повышение уровня конкуренции для китайских производите-

лей на внутреннем и мировом рынках, ужесточение требований к качеству менеджмента, неуклонное падение роли специфически китайских и повышение значимости универсальных рыночных форм и методов хозяйствования.

Особо следует выделить успехи Китая в развитии физической экономики, прежде всего в строительстве объектов инфраструктуры и формировании современной системы телекоммуникаций (по количеству и стационарных, и мобильных телефонов КНР к середине 2002 г. вышла на первое место в мире). Представляется, что именно ставка на развитие физической экономики в значительной мере позволила Китаю компенсировать слабости кредитно-денежной системы страны и повысить устойчивость своей экономики перед лицом потрясений в мировом хозяйстве.

В рамках ориентации на проведение независимого, самостоятельного внешнеполитического курса КНР активно продвигала идеи многополярного мира, более справедливого распределения позитивных и негативных последствий глобализации. К числу очевидных внешнеполитических достижений Пекина в межсъездовский период можно отнести: создание Шанхайской организации сотрудничества (2001), заключение китайско-российского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве (2001), урегулирование пограничных проблем с рядом соседних государств (с Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном, сухопутной границы с Вьетнамом), активное участие в деятельности ООН и его Совета безопасности, в работе таких международных форумов, как АСЕМ (Азия — Европа) и АСЕАН плюс три (Китай, Япония, Республика Корея).

Вместе с тем развитие КНР оказалось несвободно от недостатков. На протяжении всего межсъездовского периода весьма острой оставалась ситуация с коррупцией, уголовной преступностью, наркоманией (так, в 1999 г. в стране было выявлено 680 тыс. наркоманов, а в 2001 г. — свыше 900 тыс.). На социальную стабильность в обществе негативно влиял высокий уровень аварийности в производстве и на транспорте (ежегодная гибель людей в Китае по этой причине превысила 100 тыс. человек). Серьезным раздражителем для властей явилась деятельность секты «Фалуньгун». Относительно новой для КНР проблемой стали массовые протесты рабочих, особенно в депрессивных городах Северо-Востока. Периодически осложнялся социальный фон и в деревне.

Высокие темпы роста в экономике отнюдь не устранили всех имевшихся здесь проблем и, более того, усугубили диспропорцию между накоплением и потреблением, разрыв в уровнях развития города и деревни. Несмотря на выдвижение стратегии подъема отсталых западных территорий, разрыв между ними и развитым приморьем в 2001—2002 гг. продолжал возрастать. Сохранялось осложняющее воздействие на весь процесс развития страны трудноразрешимых и весьма масштабных экологиче-

ских и демографических проблем Китая. Острее, чем когда-либо ранее, встала задача обеспечения экономики КНР нефтью. В целом накануне XVI съезда КПК Китай все еще оставался сравнительно бедной страной с подушевым ВВП порядка одной пятой от среднемирового показателя. Ориентиры и методы осуществления модернизации на долгосрочную перспективу нуждались в существенном уточнении и конкретизации. Ждал внятного ответа и вопрос о путях более эффективного и динамичного совершенствования политической системы. Неясными оставались и перспективы удовлетворительного решения Тайваньской проблемы.

Соответственно, от XVI съезда КПК в стране и в мире ждали не только начала радикального обновления высшего партийно-государственного руководства КНР, но и ответа на вопрос о выборе Китаем стратегии решения главных национальных задач.

II

Период с ноября 2002 по сентябрь 2004 г. явился одним из наиболее политически насыщенных в пятидесятипятiletней истории Китайской Народной Республики. Эти неполные два года вместили в себя передачу основной части властных полномочий от «третьего поколения» руководителей страны «четвертому поколению», формирование нового персонального состава высших органов партийной, представительной и исполнительной власти в центре и на уровне провинций, первые крупные инициативы и практические действия обновленного руководства КНР, дающие представление о политических приоритетах и особенностях делового стиля Ху Цзиньтао и его ближайших сподвижников.

Старт этому неординарному этапу внутривластной жизни КНР дал XVI съезд КПК (8—14 ноября 2002 г.), завершившийся избранием нового состава Центрального комитета партии в количестве 198 членов и 158 кандидатов в члены ЦК КПК. Хронологически и организационно к съезду примыкает 1-й пленум ЦК КПК 16-го созыва (15 ноября 2002 г.), на котором был определен персональный состав высшего руководства партии и утверждены результаты выборов руководящего состава Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины.

Главное кадровое событие съезда — избрание Ху Цзиньтао Генеральным секретарем ЦК КПК, создавшее первый в истории КНР прецедент мирной передачи власти от одного поколения руководителей страны другому. Замена 76-летнего Цзян Цзэминя более молодым Ху Цзиньтао (свое 60-летие он отметил в декабре 2002 г.) показала способность компартии Китая извлечь уроки как из собственного негативного опыта, так и из краха КПСС. В контексте китайских реалий данный прецедент заслуживает весьма высокой оценки, коль скоро переход власти и от первого поколения руководителей ко второму (вспомним гибель Линь Бяо

13 сентября 1971 г. и арест «банды четырех» 6 октября 1976 г.), и от второго — к третьему (где памятно смешение двух генсеков, выдвинутых самим Дэн Сяопином — в начале 1987 г. Ху Яобана и в июне 1989 г. Чжао Цзяна) дался стране очень непросто. Что же касается КПСС, то ее трагическая судьба была во многом предопределена нежеланием или неспособностью партии провести на XXVI съезде в 1981 г. (а это был, как оказалось, последний шанс) давно назревшее радикальное омоложение своего высшего руководства. И все же в целом XVI съезд КПК выглядит не столько «пробой пера» четвертого поколения руководителей КНР, сколько финальным аккордом деятельности третьего поколения и личным триумфом его «ядра» — Цзян Цзэминя.

В докладе съезду, озаглавленном «Всесторонне вести строительство социалистического общества и создавать новую обстановку для дела социализма с китайской спецификой», Цзян Цзэминь выступил в оправдавшей себя роли верного продолжателя дела Дэн Сяопина и одновременно — «смелого новатора, идущего в ногу со временем».

Следование Цзяна заветам Дэн Сяопина недвусмысленно было подчеркнуто уже самим по себе обращением к понятию «сяокан» — «скромный достаток», «малое благоденствие», позаимствованному из представлений древних мыслителей Китая о стадиях общественной эволюции и введенному в современный политический лексикон в 1980-е годы именно Дэн Сяопином. В 1992 г. в КНР были разработаны специальные количественные критерии экономического и социального развития (всего 16), в комплексе характеризующие искомый уровень «скромного достатка», которые в 2000 г. и удалось в основном достичь в городах и процентов на семьдесят — в деревне. Новое обращение к понятию «сяокан» было, на наш взгляд, связано не только со стремлением Цзян Цзэминя подтвердить приверженность унаследованным от Дэна ориентирам развития, но и рядом других соображений. Во-первых, достигнутый к 2000 г. уровень «скромного достатка» оказался по международным меркам уж очень скромным. Со среднестатистическим ВВП менее тысячи долларов (этот уровень был достигнут лишь в 2003 г.) КНР выглядела не слишком привлекательно в мировой таблице о рангах, заняв, по расчетам китайских ученых, в 2000 г. лишь 149-е место в мире вместо прогнозирувавшейся в начале 1980-х годов позиции в диапазоне от восьмидесятого места до сотого¹². Новый комплексный ориентир «средней зажиточности», под которым после XVI съезда КПК стал подразумеваться выход к 2020 г. на уровень душевого ВВП порядка трех тысяч долларов или более, выглядит заметно респектабельнее — по крайней мере в пропагандистском и психологическом плане.

Во-вторых, введение процесса модернизации Китая в традиционный контекст китайской цивилизации призвано облегчить решение задач

«объединения Родины» и «возрождения китайской нации», числящихся в ряду главных нынешних приоритетов Пекина. Идеи создания общества «сяокан», а затем, возможно, и общества «датун» («великое единение») наверняка более приемлемы для подавляющего большинства жителей Тайваня, нежели увязывание модернизации Китая со строительством социализма и коммунизма.

В докладе Цзян Цзэминя на съезде была поддержана и развита еще одна ключевая идея Дэн Сяопина — о трех стратегических этапах осуществления модернизации страны (первый этап — 1980-е годы, второй — 1990-е, третий — первая половина нынешнего столетия). В порядке конкретизации предначертаний «архитектора китайских реформ» Цзян Цзэминь объявил первые 20 лет XXI века «неизбежным этапом развития в осуществлении стратегических задач модернизации» и «решающим этапом совершенствования социалистической рыночной экономики и расширения открытости внешнему миру». Центральной задачей двадцатилетия в сфере экономического развития было названо увеличение к 2020 г. валового внутреннего продукта Китая в четыре раза по сравнению с 2000 г. и значительное усиление на этой основе совокупной мощи и международной конкурентоспособности страны¹³.

Как известно, аналогичная задача, поставленная на XII съезде КПК в 1982 г., была Китаем успешно выполнена: его ВВП увеличился в 2000 г. по сравнению с 1980 г. в 6,4 раза вместо намечавшихся изначально четырех раз. Однако однотипность поставленной задачи отнюдь не является гарантией столь же успешного ее выполнения в новых исторических условиях. Обеспечить на протяжении двух десятилетий среднегодовой прирост ВВП в 7,2 % — а именно такие темпы нужны для реализации намеченной цели — Китаю на этот раз явно будет значительно сложнее. Несоизмеримо выросла его общая экономическая база. Все ощутимее действуют экономические и ресурсные ограничители. Лимитирует темпы роста и все еще низкая покупательная способность основной массы населения, общая невысокая емкость внутреннего рынка КНР. Не случайно одним из главных направлений экономической политики на обозримую перспективу съезд провозгласил стратегию «выхода за рубеж», означающую максимальное использование Китаем внешних источников сырья и рынков сбыта и призванную в целом «расширить пространство для развития»¹⁴.

Воздав должное Дэн Сяопину, Цзян Цзэминь не забыл и себя. Непосредственно ассоциирующаяся с его именем концепция «тройного представительства» не только открыла содержательную часть съездовского доклада, но и была включена в обновленный Устав КПК. Первый абзац пересмотренного Устава, вобравший главные теоретические новации Цзян Цзэминя, провозгласил правящую компартию «авангардом китайского рабо-

чего класса и одновременно авангардом китайского народа и китайской нации, руководящим ядром дела социализма с китайской спецификой». Констатировалось, что КПК «представляет требования развития передовых производительных сил Китая, прогрессивное направление китайской передовой культуры, коренные интересы самых широких слоев китайского народа».

Кроме того, цзянцзэминевскому периоду руководства партией и страной в Общей программе Устава был посвящен отдельный абзац, суммировавший основные итоги деятельности «третьего поколения» лидеров КНР. Тем самым Цзян Цзэминь в основополагающем партийном документе был по своим заслугам приравнен, по крайней мере формально, к Мао Цзэдуну и Дэн Сяопину¹⁵.

Личные предпочтения Цзян Цзэминя отчетливо прослеживаются во внешнеполитическом разделе доклада, где на первое по порядку и, следовательно, по значению место были поставлены отношения Китая с развитыми странами.

Руководствуясь интересами сохранения общественной стабильности, съезд наметил явно меньшие, чем ожидалось в обществе, шаги в сфере политической реформы. Тем не менее, на фоне традиционных призывов к созданию социалистического правового государства, совершенствованию деятельности собраний народных представителей, судебных органов и т. п. следует отметить заявленное в докладе Цзян Цзэминя намерение расширить в городах и уездах «эксперимент с переходом на режим постоянного функционирования партийных съездов». Речь идет о возвращении к принятому в 1956 г. на VIII съезде КПК решению о проведении ежегодных сессий съезда. В истории КНР эта практика имела лишь единственный прецедент: в 1958 г. состоялась 2-я сессия VIII съезда КПК. Однако память о том событии оказалась весьма живучей, и накануне XVI съезда именно возвращение к ежегодному проведению сессий партсъездов называлось в дискуссиях одной из наиболее эффективных форм развития внутрипартийной демократии и реального обеспечения правящей роли КПК в современных условиях. Соответствующий эксперимент без широкой огласки с конца 80-х годов проводился в одиннадцати городах и уездах Китая¹⁶.

Цзян Цзэминь, однако, не удовлетворился закреплением своих заслуг и теоретических новаций в партийном уставе и ощутимым воздействием на основные программные установки съезда. Оставив за собой пост Председателя Центрального военного совета КПК, он сохранил возможность активно влиять на принятие важнейших решений в партии и стране подобно тому, как это делал в свое время Дэн Сяопин. Этой же цели служило и избрание в новый состав Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК группы политических деятелей, ранее работавших вместе с

Цзяном и потому рассматривавшихся как его протеже. На первых порах к таковым причислялись шесть из девяти членов партийной верхушки, то есть две трети ПК ПБ, за исключением самого нового Генерального секретаря Ху Цзиньтао, вице-преьера Вэнь Цзябао и куратора правоохранительных органов Ло Ганя, считавшегося выдвиженцем Ли Пэна (приемный сын Чжоу Эньлая. На момент съезда — Председатель Постоянного комитета ВСНП, в 1987—1998 гг. — Премьер Госсовета КНР).

У ряда западных аналитиков состав высших органов КПК, сформированных на XVI съезде, вызвал столь глубокое разочарование, что они поспешили заявить, будто подлинная передача власти в партии «откладывается минимум на пять лет». Что касается Ху Цзиньтао, то к числу его выдвиженцев в новом составе Политбюро были отнесены лишь трое: руководитель профсоюзов Ван Чжаого, новый завотделом пропаганды ЦК КПК Лю Юньшань и секретарь парткома Синьцзян-Уйгурского автономного района Ван Лэцюань. Соответственно, роль и политическое будущее Ху Цзиньтао рассматривались как «неопределенные»¹⁷.

Бесспорно, ситуация, в которой оказался Ху Цзиньтао после занятия поста Генерального секретаря ЦК КПК, была непростой, но далеко не безнадежной. Прежде всего, вряд ли правомочно само по себе прямое противопоставление Ху Цзиньтао Цзян Цзэминю и его ближайшим соратникам. Как справедливо отмечают в личных беседах многие китайцы, Ху и Цзян — члены одной команды, проработавшие бок о бок целое десятилетие, вместе готовившие основные политические решения этого периода, включая и документы XVI съезда КПК. Точно так же Ху Цзиньтао долгое время работал в партийном руководстве вместе с ближайшим соратником Цзяна заведующим Орготделом ЦК КПК Цзэн Цинхуном, который был к тому же заместителем Ху по Высшей партийной школе. Биография, история политической карьеры и особенности отношений Ху Цзиньтао с видными деятелями КПК однозначно характеризовали его как прекрасного «командного игрока». А некоторые зарубежные политологи прямо указывали на весомую роль Цзян Цзэминя в укреплении политических позиций Ху Цзиньтао¹⁸.

Разумеется, у Ху Цзиньтао могло быть и, как показали последующие события, в соответствующей обстановке на деле проявилось собственное видение стоящих перед страной проблем и путей их решения. Восхождение же на главный партийный пост дало Ху Цзиньтао как формальное основания, так и необходимые полномочия для формирования и претворения в жизнь самобытного политического стиля. Более того, только открыто демонстрируя наличие собственного стиля и методов решения тех или иных проблем, Ху мог доказать всем и вся, что, возглавив КПК, он становится не просто самостоятельной политической фигурой, но подлинным лидером партии и государства. Такой подход гораздо эффектив-

нее служил делу обеспечения социальной стабильности и поступательного развития страны, чем ситуация, когда Ху Цзиньтао неопределенно долго оставался бы в «тени» Цзян Цзэминя.

Важно отметить и еще одно обстоятельство. Съезд провозгласил «постоянное движение в ногу со временем» ключевым звеном реализации идей тройного представительства, тем самым открыв принципиальную возможность вполне законного дальнейшего развития и корректировки идейно-теоретического наследия Цзян Цзэминя.

Серьезным резервом усиления позиций Ху Цзиньтао явилась принадлежность ряда членов высшего партийного руководства — У Банго, Хуан Цзюя и особенно нового руководителя Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины У Гуаньчжэна — к числу выпускников ведущего вуза КНР — Университета Цинхуа в Пекине, который окончил и сам Ху. Наконец, у Ху Цзиньтао был солидный опыт постепенного усиления своих позиций в неблагоприятной обстановке. Его неприветливо встретили в Гуйчжоу, на первом для него руководящем партийном посту в провинции (1985—1988 гг.), а вскоре после его прибытия 14 января 1989 г. в Тибет там вспыхнули серьезные беспорядки. Ху Цзиньтао удалось справиться с ситуацией и превратить службу в Тибете в весомый политический капитал, хотя на первых порах у него в этом автономном районе не было ни надежных помощников, ни тесных связей с местным населением и армейскими кругами¹⁹.

Как бы то ни было, уже в конце 2002 г. Ху Цзиньтао предпринял первые попытки проявить себя в качестве лидера партии, имеющего собственные идейно-теоретические суждения и свой политический стиль.

Известный ранее как человек, обычно придерживавшийся средней линии и избегавший крайностей, Ху Цзиньтао, заняв пост генсека, оставил свою прежнюю осторожность и начал позиционировать себя одновременно и несколько «левее», и несколько «правее» Цзян Цзэминя.

«Левый» вектор был обозначен поездкой на бывшую революционную базу Сибайпо (пров. Хэбэй) и оглашенным там призывом следовать наказу Мао Цзэдуна на 2-м пленуме ЦК КПК 7-го созыва (5 марта 1949 г.), требовавшего, чтобы члены партии в своем стиле работы «продолжали быть скромными и осмотрительными, не зазнавались и не горячились, оставались упорными и самоотверженными в борьбе»²⁰. Реанимация применительно к новой исторической эпохе формулы «двух долженствований» (от китайского «уби» — «нужно сделать во что бы то ни стало») стала первым вкладом Ху Цзиньтао в китайский политический лексикон. То, что явно присутствующий в данной формуле аскетический компонент не случаен, Ху Цзиньтао подтвердил несколькими подряд поездками в небогатую «глубинку». Его примеру последовал и Вэнь Цзябао, готовившийся сменить Чжу Жунци на посту премьер-министра Госсовета КНР. С на-

чала 2003 г. в китайской печати участилась публикация материалов о социальной дифференции в обществе. Одна из таких статей в популярной среди интеллигенции газете «Чжунго цзинцзи шибао» уподобила города Китая Европе, а деревню — Африке и прямо указала на опасность раскола в обществе²¹.

В феврале 2003 г. была предпринята попытка развернуть в стране новую кампанию «учебы у Лэй Фэна» — молодого солдата, погибшего в начале 1960-х годов и ставшего национальным символом скромности и бескорыстного служения народу. Кампания, однако, быстро выдохлась, четко выявив крайне ограниченное пространство для политики левого толка в современном Китае. Кстати, такой же вывод недвусмысленно подсказывала и выставка атрибутики, связанной с именем Лэй Фэна (брошюры, значки, плакаты и прочее), по-своему символично размещенная в пекинском Музее колоколов. Экспозиция, скрупулезно собранная все лучшие образцы продукции этого рода, выглядела даже более архаичной и выпадающей из контекста реальной жизни, чем старинные колокола Музея... К идее «скромности» Ху Цзиньтао прибегал и в дальнейшем, о чем свидетельствовала, например, отмена в 2003 г. летнего совещания партийно-государственной верхушки, многие годы традиционно проводившегося в курортном городке Бэйдайхэ на берегу Желтого моря. В целом, однако, «левая» составляющая личного делового стиля генсека мало-помалу трансформировалась в менее броскую по форме, но с точки зрения реальной заботы об интересах народа более эффективную по существу активную социальную и антикоррупционную политику. В частности, ее отголоски можно обнаружить в принятых в феврале 2004 г. Положениях «О внутрипартийном контроле в КПК» и «О мерах дисциплинарного взыскания в КПК».

«Правый» вектор политического курса Ху Цзиньтао оказался представлен существенным углублением унаследованной от Цзян Цзэминя идеи введения деятельности КПК как правящей партии в строгое правовое поле, попытками несколько усилить демократические начала в общественно-политической жизни страны и, наконец, началом перехода от деклараций о соблюдении прав человека к их реальному уважению.

В декабре 2002 г. в Китае неожиданно для всех широко отметили 20-летие действующей Конституции (она была принята в декабре 1982 г.), причем тон задал только что избранный генсеком Ху Цзиньтао, особо подчеркнувший в своем выступлении по случаю годовщины основополагающее значение Конституции в деле внедрения «правления на основе закона». В первые месяцы 2003 г. в китайских СМИ, особенно в гуандунских газетах, имевших репутацию либеральных, был выдвинут ряд достаточно радикальных предложений по обновлению Конституции. Так, известный ученый Ху Аньган (Университет Цинхуа) предложил за-

крепить в Конституции единую норму представительства граждан в парламенте, мотивируя это тем, что существующая практика, когда один депутат избирается от 960 тыс. крестьян и 260 тыс. горожан, нарушает конституционный принцип равенства всех граждан страны²².

Хотя затем на какое-то время открытое обсуждение поправок к Конституции прекратилось, фактическая работа на данном направлении шла весьма интенсивно. После одобрения Постоянным комитетом ВСНП соответствующие предложения были в декабре 2003 г. опубликованы в открытой печати.

Укрепление демократических начал в общественной жизни Китая олицетворяют, во-первых, значительное сокращение числа местных партийных и административных печатных изданий, финансируемых из бюджета, подписка на которые осуществлялась по сути дела в принудительном порядке. Во-вторых, шаг вперед сделала низовая демократия. Вслед за майскими выборами в Шэньчжэне на выборах в районные собрания народных представителей Пекина в декабре 2003 г. было разрешено выдвигать независимых кандидатов. К тому же в выборах в Пекине впервые было разрешено участвовать рабочим-мигрантам²³.

Проявлением возросшего внимания руководства к защите прав человека, правда, несколько демонстративным, стало включение в число десяти важнейших событий внутренней жизни Китая в 2003 г. эпизода с гибелью от побоев полицейских в Гуанчжоу 27-летнего Сунь Чжигана, задержанного за отсутствие при нем удостоверения о временной регистрации. Двенадцать полицейских, виновных в смерти Суня, получили суровые приговоры суда вплоть до смертной казни²⁴.

В конечном счете и «левое», и «правое» направления личного политического стиля Ху Цзиньтао весьма органично соединились в новом лозунге «и жэнь вэй бэнь» — «брать человека за основу», — который к концу 2003 г. стал доминантой идеологической сферы Китая и основой практической политики власти, по крайней мере, теоретически.

Существенному укреплению позиций Ху Цзиньтао способствовали итоги 1-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 10-го созыва (март 2003 г.). Прежде всего, сам Ху был избран Председателем КНР и тем самым получил в свои руки высшую государственную власть. Премьером Госсовета КНР стал Вэнь Цзябао, работавший вместе с Ху Цзиньтао еще в 1970-е годы в провинции Ганьсу. На тандем Ху Цзиньтао—Вэнь Цзябао сразу же стала работать высокая популярность Вэня и среди чиновников, и в народе. В качестве вице-преьера в правительстве Чжу Жунцзи он курировал сложнейшие участки — сельское хозяйство и кредитно-денежную сферу. Как признался Вэнь Цзябао на своей первой пресс-конференции в качестве премьера, по работе ему довелось посетить свыше 1800 из 2500 уездов страны²⁵. Возможно, подобное

заявление грешило популизмом, вот только похвастаться основаниями для популизма подобного рода могли немногие из лидеров страны.

Немаловажно и то обстоятельство, что самостоятельные посты в системе представительной или исполнительной власти получили и другие члены высшего партийного руководства. Это давало им возможность проявить себя в качестве самостоятельных политических фигур. У Банго возглавил Постоянный комитет ВСНП, Цзя Цинлинь — Всекитайский комитет Народного политического консультативного совета Китая, Хуан Цзюй занял место де-факто первого вице-премьера. Состав реорганизованного правительства КНР был обновлен примерно наполовину, при этом в высшем эшелоне исполнительной власти оказалось немало выдвиженцев Цзян Цзэминя — вице-премьер Цзэн Пэйянь, члены Госсовета Хуа Цзяньминь и Чэнь Чжили. Хотя руководство армии и Центрального военного совета КНР было обновлено практически полностью, Цзян Цзэминь сохранил за собой пост Председателя ЦВС КНР, тем самым подтвердив стремление продолжать играть важную роль в политической жизни страны (правда, после сессии ВСНП Цзян в официальной государственной иерархии был перемещен на вторую позицию, тогда как Ху Цзиньтао, напротив, передвинут на первую²⁶).

Недовольство определенной части общества сохранением за Цзян Цзэминем высшей военной власти нашло отражение в результатах голосования парламентариев: при избрании на должность воздержались или проголосовали против Цзяна свыше 200 депутатов из 2946, а результаты голосования при избрании Цзэн Цинхуна Заместителем Председателя КНР оказались еще хуже. (Данные о голосовании, как обычно, не публиковались в китайских СМИ, однако были зафиксированы присутствовавшими при этой процедуре иностранными журналистами и дипломатами, в числе которых довелось быть и автору.)

Возможно, в обычной ситуации рассуждения на тему о том, кто отныне на деле руководит страной — Ху Цзиньтао или Цзян Цзэминь — продолжались бы еще довольно долго. Однако эпидемия атипичной пневмонии, начавшая сразу же после сессии ВСНП распространяться на многие регионы Китая, в том числе Пекин, резко переломила ситуацию в пользу новой команды, столкнувшейся с жесткой необходимостью практически действиями доказывать свою легитимность и дееспособность. Оперативная и в целом эффективная борьба с эпидемией существенно укрепила позиции тандема Ху Цзиньтао—Вэнь Цзябао внутри страны. Кроме того, предельно четко обнажив многие изъяны в функционировании экономики и социальной сферы Китая (наиболее вопиющими оказались прорехи в системе здравоохранения), эта эпидемия стала своеобразным катализатором, ускорившим формирование новым руководством собственных представлений о путях решения стоящих перед страной проблем.

К числу наиболее важных следует отнести вывод о необходимости отказа от односторонней погони за темпами роста и перехода к более сбалансированной в отраслевом и региональном плане, более социально ориентированной стратегии развития. В июле 2003 г. была принята «Программа действий Китая в начале XXI века по обеспечению устойчивого поступательного развития», провозгласившая ориентацию страны на ресурсосберегающий и экологически щадящий экономический рост²⁷. Этот подход был усилен и развит на 3-м пленуме ЦК КПК 16-го созыва (11—14 октября 2003 г.), где было выдвинуто положение о «едином планировании в пяти направлениях» — единое планирование развития города и села, регионального развития, развития экономики и социальной сферы, гармоничного развития человека и природы, развития внутри страны и открытости для внешнего мира. На практике идея более сбалансированного регионального развития нашла воплощение в программе возрождения старой промышленной базы на Северо-Востоке Китая, выдвинутой в августе 2003 г.

Новое руководство зарекомендовало себя последовательным сторонником рыночных реформ и формирования смешанной экономики. Программу дальнейшего углубления рыночных преобразований в КНР наметило Постановление о некоторых вопросах совершенствования социалистической рыночной экономики, принятое 3-м пленумом ЦК КПК 16-го созыва. Данный документ ориентировал страну на ускорение и радикализацию реформы отношений собственности, более полное выявление потенциала частного сектора и других негосударственных экономических укладов, ускорение рыночной трансформации деревни²⁸. Совершенствование рыночных институтов рассматривалось командой Ху Цзиньтао—Вэнь Цзябао как магистральный путь достижения целей модернизации Китая на среднесрочную перспективу и существенного укрепления его позиций в мировой экономике. Целый ряд идей и ориентиров данного Постановления был конкретизирован в специальных документах. Здесь следует выделить Мнения Госкомимущества об унификации работы по реформе системы государственных предприятий (декабрь 2003 г.), Циркуляр Госсовета КНР о стимулировании реформы и развития фондового рынка (31 января 2004 г.) и особенно Мнения ЦК КПК и Госсовета о политике стимулирования роста доходов крестьян (8 февраля 2004 г.), которые обозначили реальный поворот руководства страны к решению проблем деревни.

Эпидемия атипичной пневмонии не помешала Ху Цзиньтао совершить важные визиты в Россию и во французский город Эвиан на неофициальную встречу лидеров «большой восьмерки» с главами государств и правительств других влиятельных стран мира. Китай принял самое активное участие в развитии правовой базы и институционализации Шан-

хайской организации сотрудничества, секретариат которой начал работать в январе 2004 г. в Пекине. Существенно усилился европейский вектор внешней политики Китая, свидетельством чего стало обнародование первого в истории официального документа о политике КНР в отношении Европейского союза. Приоритетность для КНР американского направления внешней политики была поддержана визитом Вэнь Цзябао в США в декабре 2003 г.

Общим символом высокой динамики и успехов развития Китая стал запуск 15 октября 2003 г. космического аппарата с первым китайским космонавтом.

Начальный период деятельности нового правительства КНР, сформированного годом ранее, а в более широком плане — и всего обновленного на XVI съезде правящей компартии (ноябрь 2002 г.) партийно-государственного руководства Китая завершила 2-я сессия Всекитайского собрания народных представителей 10-го созыва (5—14 марта 2004 г.). Весьма показательно, что в ее преддверии в электронных СМИ КНР были распространены сводные перечни общественно-политической деятельности за период после 1-й сессии ВСНП 10-го созыва ведущих лидеров страны — Ху Цзиньтао, У Банго, Вэнь Цзябао и Цзя Цинлиня.

Главными политическими итогами сессии ВСНП стали: внесение поправок в действующую Конституцию, выдвижение на государственном уровне новой — «научной» и «человекоориентированной» — концепции социально-экономического развития страны, постановка задачи защиты интересов китайских граждан на приоритетное место во внешней политике КНР.

Решения сессии, явившиеся логическим продолжением и развитием «духа» 3-го пленума ЦК КПК 16-го созыва, подтвердили настрой тандема Ху Цзиньтао—Вэнь Цзябао на определенную корректировку политического курса, унаследованного от Цзян Цзэминя.

14 марта 2004 г. были официально приняты парламентом и вступили в силу новые поправки к Конституции КНР.

В преамбулу Конституции введено положение о «тройном представительстве», которое — наряду с марксизмом-ленинизмом, идеями Мао Цзэдуна и теорией Дэн Сяопина — возведено в ранг идейно-теоретической основы деятельности «всех народов Китая под руководством компартии». Здесь же заслуживает внимания и еще один нюанс. Конституционно закреплена цзянцзэминевская формулировка «социализма с китайской спецификой». Она короче классической формулы Дэн Сяопина всего на один иероглиф (соответственно «*чжунго тэсэ шэжуйчжуи*» у Цзяна и «*ю чжунго тэсэ шэжуйчжуи*» у Дэна), но переносит центр тяжести с «социализма» на «китайскую специфику» (наиболее адекватный перевод цзянцзэминевского определения — «специфически китайский социа-

лизм»). Логически к той же обойме — новациям, внедренным в 2001—2002 гг. Цзян Цзэминем — примыкает и поправка, включающая в ряды членов «широкого патриотического единого фронта» наряду с присутствовавшими ранее «социалистическими трудящимися» и «патриотами» и выделенных в самостоятельную категорию неких «строителей дела социализма», то есть, попросту говоря, предпринимателей, объявленных таковыми в речи Цзян Цзэминя по случаю 80-летия КПК 1 июля 2001 г.

Ряд поправок призван обеспечить лучшую защиту имущества граждан, законных прав и интересов предпринимателей. Наибольший внутренний и международный резонанс вызвало положение об охране законной нажитой частной собственности граждан и права её наследования. Хотя в данном положении зачастую усматривается прежде всего некая идеологическая подоплека, своего рода свидетельство ускоряющейся «декоммунизации» Китая, на наш взгляд, не менее важна и практическая сторона. До недавнего времени в КНР сплошь и рядом нарушались интересы владельцев сносимых старых домов, не говоря уже о захвате под новостройки крестьянских земель. В этом контексте закрепление в Конституции охранной и компенсационной норм применительно к частной собственности направлено в первую очередь на обеспечение социальной стабильности в стране. По личным наблюдениям, единичные случаи сколько-нибудь массовых протестов в Пекине в последние годы были вызваны именно недовольством населения сносом старого жилья или низкой компенсацией за него. Кроме того, данные поправки призваны увеличить приток в экономику КНР частных инвестиций — а он пока оставляет желать лучшего.

Важное значение может иметь введение в Конституцию ранее отсутствовавших положений о соблюдении и обеспечении государством прав человека и о создании системы социального обеспечения.

Несколько расширены полномочия Председателя КНР — ему теперь не только предписано исполнять формально-протокольные функции (прием послов, утверждение и аннулирование договоров с зарубежными странами), но и дано право «осуществлять государственную деятельность».

Эпидемия атипичной пневмонии повлекла за собой замену в Конституции понятия «осадное положение» на «чрезвычайное положение». Первое больше связано с политическими пертурбациями, второе охватывает весь спектр потенциально дестабилизирующих процессов, включая эпидемии.

Был введен единый пятилетний срок полномочий для собраний народных представителей всех уровней. Отражено участие специальных административных районов (на сегодня — Сянган и Аомынь) в формировании ВСПН. Конституционно закреплён текст гимна КНР.

Еще одним весомым итогом сессии ВСНП стало выдвижение новой — как всячески подчеркивается в комментариях китайских СМИ, «научной» и «человекоориентированной» — концепции социально-экономического развития страны (иногда говорят о «модели развития»). Данная концепция, отталкивающаяся от выдвинутого Ху Цзиньтао принципа «брать человека за основу», провозгласила коренной целью экономического развития страны всестороннее развитие человеческой личности, удовлетворение коренных интересов, материальных и культурных потребностей народа, целенаправленное обеспечение его экономических, политических и культурных прав. Хотя новая концепция развития формально вписывается в формулу «тройного представительства», она явно тяготеет к ее трактовке Ху Цзиньтао, который делает упор на представительство компартией коренных интересов народа, тогда как Цзян Цзэминь отдавал безоговорочный приоритет развитию производительных сил.

Центральная идея новой концепции развития — смена форм и методов экономического роста в стране. Китайское руководство исходило из необходимости скорректировать не высокие темпы роста сами по себе, а одностороннюю погоню за ними, добиться «единства темпов, совершенствования структуры, повышения качества и эффективности» экономического роста и тем самым «стимулировать всестороннее, гармоничное и продолжительное развитие экономической и социальной сферы»²⁹.

«Освященная» сессией парламента «новая концепция развития» закрепила на уровне представительной власти требования «единого планирования в пяти направлениях». В комментариях китайской печати данная концепция квалифицируется как продвижение вперед — в соответствии с требованиями времени — марксистской концепции развития, идей и взглядов Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина и Цзян Цзэминя по этой проблеме, отражающее «дальнейшее углубление понимания компартией Китая закономерностей осуществления социалистической модернизации»³⁰. Реализация «научной концепции развития» рассматривалась как «необходимое требование всестороннего строительства общества средней зажиточности». В практическом плане такой подход давал возможность довольно существенно скорректировать приоритеты развития страны в обозримой перспективе, сохраняя формальную приверженность выполнению задачи учетверения ВВП Китая в 2020 г. по сравнению с 2000 г. В данном контексте уместно припомнить, как, комментируя по горячим следам XVI съезд КПК, ряд политологов указывал на то обстоятельство, что новому китайскому руководству предстоит выполнять не свою, а получаемую в наследство от «третьего поколения» лидеров долгосрочную программу социально-экономического развития страны — а это облегчало внесение тех или иных коррективов в данную программу. Не случайно уже по истечении начального периода пребывания Ху Цзиньтао у власти

классическая формула, характеризующая политическую философию лидеров страны — «раскрепощать сознание, действовать в соответствии с реальными фактами, идти в ногу со временем» — пополнилась императивом «обновлять теорию».

Корректировка экономической политики в Китае объективно назрела. Подхлестывание темпов роста привело к аномальной — свыше 40 % — доле накопления в ВВП. Нехватку внутреннего потребительского спроса как фактора роста в КНР пытались компенсировать экспортной экспансией. В результате зависимость экономического развития страны от внешних источников сырья и рынков сбыта, от инвестиционной накачки народного хозяйства достигла критических значений. Например, будучи крупнейшим мировым потребителем и производителем стали, Китай покрывает 65 % своих потребностей в железной руде за счет импорта. В 2003 г. он ввез 150 млн т железной руды, обойдя Японию в качестве крупнейшего мирового импортера этого продукта. Обеспечивая 30 % мировой торговли железной рудой, Китай, однако, не в состоянии эффективно отстаивать свои интересы в формировании мировых цен на нее. Схожая ситуация сложилась и по нефти, импорт которой в 2003 г. превысил 90 млн т.

Вполне естественно, что первыми практическими следствиями выдвигания «научной концепции развития» стали попытки Пекина несколько снизить темпы экономического роста — до 7 % в 2004 г. по сравнению с 9,1 % в 2003 г., «охладить» ряд «перегретых» отраслей, прежде всего черную металлургию, увеличить бюджетное финансирование сельского хозяйства и социальной сферы — причем не только абсолютное, но и относительное, по доле в расходах бюджета. Были сделаны и первые шаги по свертыванию неокейнсианской политики стимулирования экономического роста, практиковавшейся в 1998—2002 гг. Объем эмиссии облигаций госзайма на инвестиционные цели сокращен в 2004 г. до 110 млрд юаней (13,3 млрд долл.) против ежегодных 150 млрд юаней в 2000—2002 гг. и 140 млрд юаней в 2003 г., а сама процедура эмиссии сделана более четкой и прозрачной. Был взят курс на снижение дефицита бюджета до 2,5 % ВВП (в 2003 г. он составил почти 3 % ВВП).

Отдельного упоминания заслуживают новые нюансы во внешнеэкономической политике Китая. Настоящий скачок в объеме внешней торговли КНР (с 509,8 млрд долл. в 2001 г. до 851,2 млрд долл. в 2003 г.) и выход страны на 4-е место в мире по данному показателю, помноженное на провозглашенную китайским руководством стратегию выхода национального бизнеса «вовне», вызвали явную озабоченность мирового сообщества дальнейшими перспективами и последствиями китайской экспортной экспансии. Пекин поспешил выступить с успокаивающими заявлениями о приоритете внутреннего рынка как фактора развития

страны (показательно, что соответствующее выступление премьера Вэнь Цзябао в Гарварде в декабре 2003 г. широко пропагандировалось в китайских электронных СМИ накануне сессии ВСНП). Повышение емкости внутреннего рынка объективно отвечает интересам КНР, однако оно требует времени и серьезных усилий по наращиванию доходов населения. Так что, на наш взгляд, несмотря на уверения премьера, в ближайшей перспективе не стоит ожидать существенного снижения доли внешнего рынка в обеспечении экономического роста в Китае. Показательно, что «новая концепция развития» ориентировала Китай на «более широкое и высокоуровневое международное технико-экономическое сотрудничество и конкуренцию», на «повышение уровня внешнеэкономической открытости» в соответствии с новой обстановкой углубления процессов глобализации и членства страны в ВТО³¹. В долгосрочной перспективе, однако, роль внутреннего рынка как фактора экономического роста в Китае может и должна возрасти.

Переход Китая на рельсы новой модели развития, безусловно, отвечает интересам как самого Китая, так и всего мирового сообщества и представляет шаг в правильном направлении. Однако практическая реализация идеи более скоординированного социально-экономического развития страны будет нелегким делом. Ведь неоднократно предпринимавшиеся в прошлом попытки радикально улучшить качество экономического роста в КНР обеспечивали, как правило, лишь частичный результат. Как будет на этот раз — покажет время.

Постановка во главу угла внешней политики КНР принципа «брать человека за основу» привлекает внимание и сама по себе, и особенно в связи с тем, что, пожалуй, впервые за всю историю существования КНР и внутренняя, и внешняя политика начинают базироваться на единой основополагающей идее. Хотя в течение какого-то периода времени идея «человекоориентированной» внешней политики будет носить преимущественно декларативный характер, однако имеются и реальные предпосылки для ее наполнения сущностным содержанием. Во всяком случае, именно такой подход был продемонстрирован на пресс-конференции министра иностранных дел КНР. Ли Чжаосин увязал большее понимание, уважение и доверие к Китаю на международной арене, завоеванное китайской дипломатией за предыдущий год, именно с претворением в жизнь принципа «брать человека за основу». Конкретно были названы усилия по разрешению таких инцидентов, затронувших интересы китайских граждан, как пожар в Университете дружбы народов в Москве, утечка отравляющих веществ из химического оружия, оставленного Японией на территории Китая в годы войны, банкротство языковой школы для китайских студентов в Новой Зеландии, эвакуация китайцев из Ирака и Ливии накануне и во время американского вторжения в Ирак.

В докладе премьеры о работе правительства приоритеты по группам стран были расставлены следующим образом: отношения с развивающимися странами, отношения с соседями, отношения с развитыми странами. Была подтверждена традиционная приверженность КНР идеям многополярного мира и многообразия моделей развития, обеспечению общих выгод от процесса экономической глобализации, декларирована решимость страны следовать курсом «независимой и самостоятельной внешней политики», выступать как против гегемонизма и политики силы, так и против терроризма во всех его формах. Подчеркивалось, что в долгосрочном плане подъем Китая несет не угрозу, а выгоду мировому сообществу.

На сессии была усилена аргументация Пекина относительно «принципа одного Китая» как основы для решения Тайваньской проблемы. Было заявлено, что суверенитет Китая над Тайванем закреплён ещё в Каирской декларации (1943 г.) и Потсдамском заявлении (1945 г.) глав великих держав и является «всемирно признанным».

Едва ли не впервые после XIII съезда КПК (1987 г.) сессия декларировала, что «без успеха реформы политической системы окончательный успех реформы экономической системы также невозможен». Главный акцент в проблеме политической реформы был сделан на реформу правительства. Здесь во главу угла ставились задачи создания «научного и демократического» механизма принятия решений, строительства «правового правительства», т. е. действующего строго на основе законов, внедрения всестороннего контроля за деятельностью правительства, в том числе со стороны парламента.

В целом 2-я сессия ВСНП 10-го созыва стала важным рубежом в укреплении политических позиций обновленного китайского руководства и прежде всего тандема Ху Цзиньтао — Вэнь Цзябао. Она подтвердила, что, сохраняя приверженность унаследованной от Цзян Цзэминя концепции «тройного представительства», нынешние лидеры Китая расставляют в ней несколько иные акценты и начинают формировать собственную социально-экономическую и отчасти внешнеполитическую программы, которые призваны сделать развитие Китая более сбалансированным и социально ориентированным, а его международный облик — более привлекательным.

Похоже, что политическая метода Ху Цзиньтао весьма близка к той, которую практиковал в последнее пятилетие своего лидерства Цзян Цзэминь: а именно, сочетать следование основному идейно-теоретическому курсу предшественника (тогда — Дэн Сяопина) с дозированным новаторством. Правда, темпы и обновления у Ху Цзиньтао выглядят подинамичнее, и само существо предлагаемых новаций — более радикальным, чем это было у Цзян Цзэминя.

Политические позиции Ху Цзиньтао получили дальнейшее укрепление на 4-м пленуме ЦК КПК 16-го созыва в сентябре 2004 г., когда он занял пост председателя Центрального военного совета КПК вместо оставившего эту должность Цзян Цзэминя. По сути дела, принятое пленумом Решение ЦК КПК об усилении строительства управленческого потенциала КПК как правящей партии можно оценить как политическую платформу деятельности нового руководства Китая на обозримую перспективу, не просто развивающую идеи XVI съезда КПК, но и даже во многих отношениях заменяющую их. Особого упоминания заслуживает ориентация на «строительство гармоничного социалистического общества», предполагающая постановку на приоритетное место задач «надлежащего урегулирования противоречий внутри народа» и обеспечения социальной стабильности.

Весьма примечательно и обновление в документах Пленума традиционного китайского внешнеполитического лексикона. В частности, заслуживает самого пристального внимания новая для Китая задача, выдвинутая в Решении: смотреть на мир открытыми глазами, повышать уровень научного анализа международной обстановки и стратегического мышления. Представляется, что одним из первых практических шагов в данном направлении стали договоренности об окончательном решении пограничного вопроса с Россией, достигнутые в ходе визита в КНР Президента РФ В.В. Путина (14—16 октября 2004 г). На наш взгляд, данное событие подтвердило долгосрочную заинтересованность нового китайского руководства в укреплении и развитии отношений стратегического партнерства с Россией. Важно, чтобы практическая политика Москвы на китайском направлении в полной мере ориентировалась на аналогичные задачи — а они как нельзя лучше отвечают национальным интересам нашей страны.

(2002—2004)

Примечания

¹ XV Всекитайский съезд КПК — торжественное событие на пороге нового века. Пекин: Синьсин, 1997. С. 27—31 — на рус. яз.

² Там же. С. 35—39.

³ Жэньминь жибао. 19.12.1998.

⁴ 2000—2001 Чжунго дяоча баогао — Синь синши ся жэньминь нэйбу маодунь яньцзю : [Доклад об обследовании Китая 2000—2001 — Исследование противоречий внутри народа в новой ситуации]. Пекин, 2001.

⁵ Ляован. 25.06.2001.

⁶ Чжунго гоцин голи. 2001. № 5. С. 43—45.

- ⁷ *Цзян Цзэминь*. Речь на торжественном собрании по случаю 80-й годовщины со дня создания КПК (1 июля 2001 года). Пекин: Синьсин, 2001 — на рус. яз.
- ⁸ Жэньминь жибао. 01.06.2002.
- ⁹ Рассчитано по: Чжунго тунцзи чжайяо 2002 : [Краткая статистика Китая-2002]. Пекин, 2002. С. 17, 63, 148.
- ¹⁰ Там же. С. 38.
- ¹¹ Чжунго цзиньжун шибао. 08.06.2002.
- ¹² Чжунго цзинцзи шибао. 05.07.2001.
- ¹³ Документы XVI Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2002. С. 24.
- ¹⁴ Там же. С. 38.
- ¹⁵ Там же. С. 84—85.
- ¹⁶ Данды шилю да баогао сюэси фудао байвэнь : [Сто вопросов по изучению доклада 16-му съезду партии]. Пекин, 2002. С. 274.
- ¹⁷ *Fewsmith, J.* The Sixteen National Party Congress. The Succession that Didn't Happen — *China Quarterly*. London. № 173. March 2003. P. 1, 14—15.
- ¹⁸ *Ewing Richard Daniel.* Hu Jintao: The Making of a Chinese General Secretary — *The China Quarterly*. № 173. P. 17, 27—34.
- ¹⁹ Фэньюнь жэнью (VIP-персоны) // Пекин. 2003. № 318. С. 9—10.
- ²⁰ *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. IV. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1969. С. 457.
- ²¹ Чжунго цзинцзи шибао. 08.01.2003.
- ²² 21 шицзи хуаньцю баодао. Гуанчжоу. 20.01.2003.
- ²³ URL: http://english.people.com.cn/200312/08/eng20031208_129900.shtml
- ²⁴ URL: http://english.people.com.cn/200401/08/eng20040108_132139.shtml
- ²⁵ Жэньминь жибао. 19.03.2003.
- ²⁶ Синьхуа юэбао. 2003. № 4. С. 68—69.
- ²⁷ Жэньминь жибао. 24.07.2003.
- ²⁸ Чжунго цзинцзи шибао. 2.10.2003.
- ²⁹ Жэньминь жибао. 17.03.2004.
- ³⁰ Жэньминь жибао. 22.03.2004.
- ³¹ Жэньминь жибао. 26.03.2004.

НА КОНФЕРЕНЦИИ В ДАНИИ ПО ПРОБЛЕМАМ ЗАРУБЕЖНЫХ КИТАЙЦЕВ

5-я конференция Международного общества по изучению зарубежных китайцев (ISSCO — по первым буквам английского названия International Society for Study of Chinese Overseas) состоялась в г. Эльсинор (входит в «Большой Копенгаген», Дания) в период с 10 по 14 мая 2004 г. Тема конференции — «Новые китайские мигранты — Глобализация китайской зарубежной миграции». В работе конференции, организованной Департаментом азиатских исследований Копенгагенского университета и Скандинавским институтом азиатских исследований (Копенгаген), приняли участие свыше 100 ученых, в большинстве — граждан китайского происхождения буквально со всего мира. Особенно заметно были представлены Сингапур, Индонезия, Гонконг, Австралия, США. Несколько человек представляли различные организации КНР, а Тайвань — только один ученый из Тамканского университета.

На конференции были заслушаны два пленарных доклада (Ван Гунъю и Р. Скелдон) и около 80 докладов на секционных заседаниях. Как и вытекало из темы конференции, в большинстве выступлений рассматривались различные аспекты «новой» китайской миграции, охватывающей период с конца 1970-х годов по настоящее время. На наш взгляд, конференция позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время сформировались три ведущих направления, или «школы» изучения зарубежной китайской миграции, которое, кстати говоря, всерьез претендует на статус самостоятельной научной дисциплины.

Первое направление представлено учеными из КНР. Оно еще относительно молодо и, похоже, в какой-то мере «патронируется» официальными административными организациями, прежде всего Канцелярией Госсовета КНР по делам хуацяо. Ученые из КНР стремятся делать акцент на объективистский показ общей картины эмиграции (история, типоло-

гия, количественная оценка), воздерживаясь — по крайней мере пока — от серьезного анализа как социально-экономических и тем более политических причин эмиграции китайцев из КНР, так и положения китайцев за рубежом. Определенное внимание уделяется оценкам эффективности преференциальной политики руководства страны в отношении китайцев, получивших образование за рубежом и вернувшихся на родину. Недавно Китайский институт по изучению хуацяо начал издавать журнал «Исследование истории китайских эмигрантов» («Хуацяо хуажэнь лиши яньцзю») периодичностью один раз в два месяца.

Заслуживает внимания общая оценка количества «новых китайских мигрантов» за последние 20—30 лет, приведенная в докладе г-жи Чэнь Сюжун (Институт географии и ресурсов АН КНР). По ее оценке, за этот период из КНР выехало за рубеж в общей сложности 1,7 млн человек, в том числе 700 тыс. человек — в Европу, 500 тыс. — в США, 200 тыс. — в Канаду. Эмиграция из Гонконга составила 830 тыс. человек, из Тайваня — около 1 млн человек, из «трех стран Индокитая» (речь идет о лицах китайского происхождения, эмигрировавших из Вьетнама, Лаоса и Камбоджи) — 700 тыс. человек.

Доклад ученого из Фуцзяньской Академии общественных наук Хуан Иньху был посвящен характеристике эмиграции из пров. Фуцзянь, давшей в последнее десятилетие наибольшее количество эмигрантов среди провинций КНР (наряду с Чжэцзяном). Автор выделяет такие категории мигрантов, как студенты, рабочие, «белые воротнички», торговцы, выходящие замуж «за границу» женщины, усыновляемые зарубежными гражданами сироты.

Второе, наиболее многочисленное, направление исследований представлено учеными китайского происхождения, проживающими вне пределов КНР. Если представители «новой миграции» уделяют основное внимание проблемам бытовой и культурной адаптации китайских мигрантов к условиям стран пребывания, то «старые мигранты» и ученые из Сингапура, для которых задача обретения нового законного и социокультурного статуса либо давно решена, либо в принципе не стоит, явно тяготеют к академическим исследованиям широкого круга вопросов, в том числе экономической и культурной роли китайцев в том или ином регионе. Показательны в этом отношении названия монографий, изданных в последние годы Сингапурским институтом исследования проблем Юго-Восточной Азии: «Где Китай встречается с Юго-Восточной Азией: социальные и культурные изменения в пограничных регионах»; «Право и китайцы в Юго-Восточной Азии»; «Выдающиеся индонезийские китайцы».

Наконец, третье направление сформировано не китайскими учеными, изучающими зарубежную китайскую диаспору. В их работах, в том числе и представленных на конференции докладах, прежде всего анали-

зируются различные аспекты взаимоотношений китайских мигрантов с той или иной конкретной страной пребывания (количество и типология мигрантов, проблемы адаптации, взаимоотношения китайского и национального бизнеса и т. п.). В последнее время именно эта тематика активно разрабатывается европейскими китаеводами. Так, в 2003 г. были изданы два сборника статей (на французском и английском языках) по данной проблеме. Плюс к тому на основе многолетних полевых исследований в пров. Фуцзянь европейские китаеведы (Мета Туне из Копенгагенского университета и другие) подготовили монографию «Мигранты из Фуцзяни в Европе» (Стэнфорд, 2004), презентация которой была проведена в ходе конференции.

Кроме того, в ряде докладов некитайских исследователей была предпринята попытка дать некоторые обобщенные характеристики феномена «зарубежных китайцев».

В выступлении Маркеты Мур (Университет Гонконга, чешка по происхождению) китайские мигранты-бизнесмены по особенностям их хозяйственно-управленческих действий были разделены на две группы. «Черви» с готовностью идут на риск ради быстрой прибыли и очень часто не задерживаются на одном месте. «Гусеницы», напротив, обладают стратегическим видением ситуации. Они готовы жертвовать текущими выгодами ради последовательного долговременного усиления своих позиций — с тем, чтобы в перспективе «превратиться в прекрасную бабочку». Этот тип бизнесменов оседает надолго и способен стойко переносить экономические невзгоды. Мари-Сибилл де Вьенн (Институт восточных языков и культур, Париж) попыталась оценить «валовой транснациональный продукт» зарубежных китайцев, который, по ее расчетам, составляет ныне около 400 млрд долл. (46 % — в странах ЮВА, 47 % — в западных странах, в том числе 121 млрд долл. — в США), или 1,3 % мирового ВВП. По оценке де Вьенн, общий «валовой транснациональный продукт» «китайского мира», т. е. включая КНР, Тайвань, Гонконг, Макао и зарубежных китайцев, составил в 2002 г. 2091 млрд долл., или 7,5 % мирового ВВП, что примерно эквивалентно ВВП Германии. Ученая, однако, специально оговаривается, что за этой цифрой не стоит какой-либо «большой Китай» как некая политическая единица, осуществляющая «коллективную политико-экономическую стратегию». Более того, по ее мнению, не существует чего-либо реально похожего на «большой Китай» и в культурном отношении. Следует подчеркнуть, что сходную точку зрения по данному вопросу высказывали и многие участники конференции китайского происхождения. Проблемы личного благополучия и адаптации к иной социокультурной среде в реальной жизни нередко почти полностью подавляют «китайскость», о которой как о некоей общей ценности, как правило, вспоминают только в критических ситуациях вроде пе-

риодических гонений на лиц китайской национальности в тех или иных странах. Предельно четко такая позиция была выражена в докладе Терезиты Анг Си (Кайси Херитидж Центр, Филиппины): «Наша кровь может быть китайской, но наши корни — глубоко в филиппинской почве, и наше желание и надежда — найти надлежащее место под филиппинским солнцем». Международное общество по изучению китайцев решило учредить в Маниле постоянно действующий секретариат и начать издавать журнал «Зарубежные китайцы» (*Journal of Chinese Overseas*) периодически два раза в год.

Со своей стороны, автор этих заметок выступил на конференции с докладом «Новые китайские мигранты в России как феномен реальности и объект исследования».

(2004)

Послесловие

О предстоящей конференции в Дании я узнал из «Бюллетеня Международного института азиатских исследований», издаваемого в Лейдене (Нидерланды) (*International Institute for Asian Studies Newsletter*). Интерес к ней способствовал возобновлению «штудий» такой модной в начале двухтысячных годов темы, как китайские мигранты в России, которой мне довелось заниматься в 1990-е годы. Усилия окупились сторицей не только самим по себе участием в интересном мероприятии, проведенным к тому же рядом с «гамлетовским» замком Кронборг, но и подключением к деятельности Международного общества по изучению зарубежных китайцев, что помогло существенно расширить географию научных поездок. Заметки о некоторых из них представлены в данном сборнике.

О МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЯХ ПО ЭТНИЧЕСКИМ ПРОБЛЕМАМ АЗИИ

В последние годы в мире наблюдается заметный подъем интереса ученых, политиков и рядовых граждан к этническим проблемам.

Причины данного явления многоплановы. Представляется, что в самом общем виде нынешний повышенный интерес к этносам прямо связан с глобализацией, которая резко интенсифицировала международную миграцию и плотность межэтнических контактов в большинстве районов земного шара. Собственно, практически повсеместный характер приобрели проблемы сохранения прежней или поиски новой национальной идентичности, адаптации ранее национально однородных обществ и государств к реалиям многонациональности, далеко не всегда желаемой и в любом случае наступившей, с точки зрения психологического восприятия, как-то слишком быстро.

Можно констатировать, что знаменитый образ «плавильного тигля», формирующего американский народ из представителей множества наций и народностей, явно померк в своей привлекательности. У многих сегодня есть опасения, не трансформирует ли глобализация этот «melting pot» в некий безжалостно унифицирующий всё и вся «melting Pol Pot» — варианты перевода каждый волен предложить сам...

Непосредственным катализатором всеобщего интереса к национальному спектру человеческого бытия стали, несомненно, террористические акты в США 11 сентября 2001 г. Выяснилось, что известное выражение Редьярда Киплинга — «...Что племя, родина, род, если сильный с сильным лицом к лицу у края земли встает?» — в начале XXI века не выглядит более столь же аксиоматичным, как во второй половине века двадцатого. И хотя, несомненно, было бы неверно ассоциировать деятельность «Аль Каиды» и международный терроризм последних лет в целом только с теми или иными конкретными религиями и народами, тем не менее, со-

вершено очевидно, что «племя, родина, род», то есть этнонациональный фактор, играет здесь колоссальную роль.

Наконец, хотелось бы обратить внимание еще на одно обстоятельство, которое только начинает сколько-нибудь широко осознаваться. А именно: специфика международной жизни последних лет, похоже, знаменует конец эпохи экономического детерминизма, воцарившейся после поражения социализма в СССР и Восточной Европе. На широком географическом пространстве мир стал свидетелем безусловной несостоятельности попыток решать наиболее острые проблемы — как на уровне конкретных государств, так и более широкого плана — преимущественно экономическими методами в рамках универсальной либеральной экономической парадигмы. В частности, эволюция постсоветского пространства, ситуация в Афганистане и Ираке однозначно говорят о необходимости обращения к культурно-историческим цивилизационным методам ответа на существующие здесь вызовы.

В свете вышесказанного вполне естественно, что полиэтническая Азия привлекает в настоящее время особое внимание научного сообщества. 17—18 декабря 2004 г. Центр Азиатских исследований Университета Чулалонгкорн (Бангкок, Таиланд) провел международную научную конференцию «*Этнические группы в Азии: гармония и конфликт*» с участием примерно ста ученых из Таиланда, КНР, США, Австралии, Японии, Камбоджи, Вьетнама, Лаоса, Мьянмы, Филиппин, Индонезии, Малайзии, Брунея, Сингапура, Монголии, Республики Корея, России.

В докладах ученых были рассмотрены различные аспекты исторического наследия и современного состояния взаимодействия этнических групп в государствах широко понимаемой Восточной Азии (Eastern Asia), охватывающей субрегионы Северо-Восточной, Юго-Восточной и собственно Восточной (East Asia) Азии.

Было отмечено, что непростая история межэтнического взаимодействия в регионе и сегодня оказывает заметное влияние на межгосударственные отношения здесь. В этом смысле спокойное, толерантное отношение к истории межнациональных конфликтов служило бы залогом гармонизации межгосударственных отношений в регионе в перспективе.

Реализовать такой подход на деле, однако, крайне непросто. Как констатировалось в докладе У Теттуна (Мьянма; бывший посол Бирмы во Франции и при ЮНЕСКО), бирманско-тайландские отношения зачастую омрачает то обстоятельство, что при анализе многочисленных в истории вторжений бирманцев и тайцев на территорию друг друга «бирманцы помнят только свои победы и забывают о поражениях... тайцы, напротив, помнят о неудачах и забывают о триумфах». Подобная историческая память нередко искусственно поддерживается властями, стремящимися использовать национализм в целях содействия быстрому экономическому

росту. По мнению У Теттуна, пришло время оставить переписывание истории позади «и вместе, рука об руку, входить в новый широкий глобализующийся мир».

В ряде докладов рассматривались проблемы политики в отношении национальных меньшинств во Вьетнаме, Лаосе, Камбодже. Хотя в этих трех странах преобладают государственно-образующие этносы, однако одновременно все они являются многонациональными и полиязычными сообществами. Так, в Камбодже, помимо этнических кхмеров, которые составляют 95 % населения, проживают еще 32 этнические группы, общая численность которых по состоянию на 1996 г. превышала 500 тыс. человек. Наиболее крупные из некхмерских этнических групп — чам (203 тыс. человек, исповедуют ислам; проживают также во Вьетнаме), вьетнамцы (109 тыс. человек), китайцы (47 тыс. человек) и многочисленные местные народности, насчитывающие нередко менее тысячи человек и испытывающие нарастающие трудности в сохранении своего языка и культурных традиций.

Помимо собственно вьетнамцев («*khin*», «*кине*»), во Вьетнаме насчитывается 54 национальных меньшинства, составляющих порядка 13 % населения. Как полагают вьетнамские ученые, выступавшие на конференции, сочетание во вьетнамской цивилизации трех элементов — горной культуры, морской культуры и культуры дельты, играющей ведущую роль, делают Вьетнам уникальной страной (в данном случае под культурой понимается совокупность образа жизни, методов и объектов хозяйственной деятельности).

Наиболее значительна доля национальных меньшинств в населении Лаоса, где официально выделено 47 главных этнических групп и 230 подгрупп, принадлежащих к четырем этно-лингвистическим семействам — тибето-бирманскому, тайкадай, хмонг-миень и мон-кмерскому. Главная проблема национальных меньшинств в Лаосе сегодня, однако, не этническая, а социальная. Из общего числа жителей, находящихся ниже уровня бедности (38,6 % населения страны), 93 % приходится на представителей национальных меньшинств.

Особое внимание на конференции было уделено Таиланду. Долгое время он позиционировал себя как этнически гомогенное и моноконфессиональное (буддистское) государство. В 2004 г., однако, рядом инцидентов с человеческими жертвами жестко напомнило о своих проблемах мусульманское меньшинство, сосредоточенное в основном в граничащих с Малайзией южных районах страны. В 1996 г. мусульмане составляли 5,3 % населения — 3,2 млн человек. По крайней мере часть мусульман считает себя этническими малайцами. Активно в последние годы ставится и вопрос о более эффективной социализации нетайских этнических

групп, проживающих в горных районах севера страны, на островах и т. д. (порядка 750 тыс. человек из 60-миллионного населения Таиланда).

Судя по ряду докладов на конференции, не столь уж этнически однородным, как априори подразумевается практически всеми, становится и японское общество. По оценке *Ровены Ворд* (Сиднейский Технологический университет, Австралия), в 2001 г. 1 % населения Японии составляли неяпонцы, в том числе потомки рабочих, завезенных в Японию до 1945 г. из Кореи и Китая, потомки лиц японского происхождения, возвращающиеся ныне в Японию из Южной Америки, «оставленные дети» (Zankyu Koji), родившиеся от японских солдат во время оккупации Китая. Непяпонцами являются такие два местных народа — айны и рюкюсцы (жители Окинавы). Как специфическая этническая группа воспринимается и буракумины — потомки представителей низшей касты сословного общества эпохи Токугава. Суммарно айны, рюкюсцы и буракумины составляют до 3 % населения Японии.

Конференция в Бангкоке подтвердила отсутствие готовых рецептов того, как сегодня минимизировать межэтнические и межконфессиональные конфликты на любом уровне — внутригосударственном, межгосударственном, субрегиональном, региональном, глобальном. Вместе с тем был озвучен ряд идей, способных, как полагают ученые, дать импульс гармонизации межэтнических отношений. Выделим некоторые из них.

Так, *Ли Сёхен* (Lee Seo Hyeng) из Академии корейских исследований, Республика Корея, полагает, что традиционные для восточноазиатских обществ идеи мира и совместного процветания, воплощенные в категории «общества великого единения» (известное понятие китайской философии «Датун»), в сочетании с буддистским мировосприятием вполне могут служить основой миротворческих усилий в субрегионах Восточной и Юго-Восточной Азии.

Нарифуми Маэда Тачимото (Университет Чубу, Япония), выделяющий четыре типа этнических конфликтов — проблемы местных меньшинств, сепаратистские движения, религиозный антагонизм, проблемы миграции — предлагает отказаться в деле преодоления вышеназванных антагонизмов от одностороннего выпячивания какого-либо одного якобы универсального принципа, прежде всего прав человека (это скорее будет стимулировать межэтнические противоречия), но, напротив, искать пути к общему процветанию, основанному на сосуществовании этнического плюрализма и равенства.

Кинхидэ Мушакодзи (Директор Центра Азиатско-Тихоокеанского партнерства Университета экономики и права, Осака) видит одну из наиболее острых этнических проблем в настоящее время в миграционном давлении, вынуждающем все государства учиться сосуществовать с различными диаспорами (отметим, что данное положение полностью

подходит к российской ситуации). По его мнению, раньше или позже «глобальная Азия» превратится в сложный многоуровневый полиэтничный регион, и в связи с этим региональные институты типа АСЕАН и АТЭС должны будут не ограничиваться только государственными образованиями, но и включать в свой состав диаспоральные сообщества. Мушакодзи исключительно высоко оценивает роль диаспор как социально-культурного и политико-экономического моста между странами «глобальной Азии». Он считает, что корейская и китайская диаспоры в Японии смогут сыграть важную посредническую роль в преодолении негативных последствий прошлых агрессивных акций Японии по отношению к Корее и Китаю.

12—14 октября 2004 г. в Гонолулу (США) состоялась международная научная конференция «*Этнические меньшинства и стратегия великих держав в Азии*», которая была организована Азиатско-Тихоокеанским центром изучения проблем безопасности. В ней приняли участие около 50 ученых из США, Индии, Великобритании, России, Канады, Германии, Индонезии, Филиппин, Израиля, работники дипломатических представительств Китая, России и Шри Ланки в США.

Заглавная тема конференции нашла отражение в докладах о межэтнических конфликтах в Шри Ланке (проблема тамилы), Индонезии (Ачех), Индии (Северо-Восточные штаты, Кашмир), на Филиппинах (исповедующие ислам этнические группы на о. Минданао, известные под обобщенным названием «Моро»).

Неожиданно громко среди сюжетов, связанных с национальными меньшинствами, прозвучала уйгурская тематика. Отчасти это объяснялось профессиональной ориентацией ряда участников конференции, специально изучающих Синьцзян, отчасти — с попытками уйгурских сепаратистских организаций за пределами Китая активизировать свою деятельность. Так, в апреле 2004 г. на встрече в Германии, ряд сепаратистских групп объявил о создании «Всемирного конгресса уйгур», а в сентябре 2004 г. было объявлено о создании «правительства Восточного Туркестана в изгнании». При этом на конференции были даны диаметрально противоположные оценки возможного развития ситуации в Синьцзяне. Так, госпожа *Дрейер (June Tenfel Dreyer)* из Университета Майами полагает, что комбинация факторов, дестабилизирующих социально-политическую обстановку в западных регионах Китая, «может создать условия, позволяющие сепаратистским элементам реализовать их надежды на независимый политический статус в той или иной форме». Напротив, *Ицхак Шукор (Yitzhak Shichor)* из Университета Хайфы считает «перспективу возрождения независимой от Китая Восточно-Туркестанской Республики... практически несуществующей». Официальное отно-

шение Пекина к проблеме «Восточного Туркестана» нашло отражение в докладе советника Представительства КНР при ООН *Сьюй Бу*.

В то же время доминантой конференции в Гонолулу стали проблемы индийской, китайской и русской диаспор, то есть, как шутя, но по существу справедливо заметил один из участников, не столько этнические меньшинства, сколько этнические «большинства». Это по-своему закономерно, принимая во внимание гигантские масштабы международной миграции в современном мире. По данным Международной организации по миграции, в начале нынешнего столетия общее количество международных мигрантов достигло 175 млн человек, т. е. около 3 % населения планеты. Например, численность индийской диаспоры превышает 20 млн человек, и над ней, прибегая к известному выражению, когда-то адресованному Британской империи, «никогда не заходит солнце». Только в США численность населения индийского происхождения (новые иммигранты и потомки старых) с 387 тыс. человек в 1980 г. выросла до 1678 тыс. человек в 2000 г. (*Артур Рубинофф, Университет Торонто*).

Среди материалов конференции в Гонолулу, связанных с китайской диаспорой, следует выделить доклад *Элизабет Вишник* (Институт Восточной Азии Колумбийского Университета) «Экономическая безопасность и китайская миграция на российский Дальний Восток», построенный в значительной мере на авторских опросах китайцев, выезжающих на заработки в Россию. Из 250 китайских рабочих, опрошенных Э. Вишник в пров. Хэйлунцзян в июле 2004 г., только 4 человека (1,6 %) заявили о желании стать гражданами России, а еще 7 человек (2,3 %) хотели бы жениться на российской гражданке. Для половины же китайцев (123 человека, 49,2 %) основным побудительным мотивом поездки на работу в Россию была безработица у себя в стране.

В целом Россия является относительно скромным реципиентом экспорта китайских трудовых услуг (менее 3 % общего вывоза рабочей силы Китаем в настоящее время). До 65 % китайцев, выезжающих работать на Дальний Восток, составляют жители пров. Хэйлунцзян, 10—15 % в разные годы дает Цзилинь, а большинство остальных составляют обитатели Ляонина, Шаньдуна и Цзянси. В то же время в общем количестве китайцев, работающих за рубежом, на три северо-восточные провинции вместе приходится 17,6 %, тогда как одна Фуцзянь дает 17 %, а Цзянсу — 15,9 %.

Как отмечалось на конференции, общая численность русских, проживающих вне границ России, составляет ныне 25—26 млн человек. Наиболее крупные сообщества — в Украине (8 млн человек), Казахстане (4,9 млн человек), США и Канаде (3 млн человек). При всей важности выработки доброжелательной и финансово подкрепленной политики по отношению к соотечественникам за рубежом главное для России в обозримой перспективе — это преодоление тенденции депопуляции в собст-

венной стране. Мало-помалу получает все более широкий общественный резонанс тезис о необходимости самого активного использования для этой цели иммиграционных потоков, в том числе из Китая. Возможно, это — один из немногих реальных путей, который позволит отстоять в конечном счете территориальную целостность России. А призывы «положить на стол для продажи по примеру Аляски что-нибудь из зауральских территорий», периодически повторяющиеся с середины 1990-х годов, прозвучали и на конференции в Гонолулу.

И последнее. Вопреки без конца тиражируемым мифам о некоем «имперском характере» национальной политики в бывшем Советском Союзе, да и в нынешней России, конференции в Бангкоке и Гонолулу прямо или косвенно свидетельствуют об обратном. Как констатировал *Чарльз Зиглер* (Университет Луисвилля, Кентукки, США), «Центральную Азию часто описывают как колониальный придаток России. Однако советское правление принесло региону значительную пользу, особенно в таких сферах, как грамотность и образование. Регион превзошел соседние государства по многим показателям». А на конференции в Бангкоке свою учебу в Советском Союзе и в России с необыкновенной теплотой вспоминали ученые из Лаоса, Камбоджи, Вьетнама, сохранившие, причем некоторые — много лет спустя после окончания вузов — неплохое знание русского языка.

Наверное, из сюжетов такого рода можно делать разные выводы или не делать вообще никаких. Мне же неизменно приходят на память строки Киплинга «...Там, в далекой стороне, знаю, девочка из Бирмы вспоминает обо мне», завершающееся призывом «вернуться в Мандалай».

Пора и России возвратиться в Азию. По полной программе. Пока еще — не поздно. Там нас, в отличие от Европы, ценят и ждут. А это дорогого стоит.

(2004)

КОНФЕРЕНЦИЯ КИТАЕВЕДОВ АВСТРАЛИИ

9-я конференция китаеведов Австралии (30 июня — 3 июля 2005 г.) проходила в г. Бендиго, штат Виктория. Бендиго, расположенный в 150 км к северо-западу от Мельбурна, во второй половине XIX века стал одним из первых в Австралии центров концентрации выходцев из Китая, появление которых здесь было инициировано начавшейся в 1851 г. знаменитой «золотой лихорадкой». Работа, быт, духовный мир китайцев в районе Бендиго нашли отражение в музее «Золотой дракон», функционирующем в городе с 1991 г. Музей и явился основным местом проведения конференции, организованной Ассоциацией китаеведческих исследований Австралии в сотрудничестве с Международным обществом изучения зарубежных китайцев (International Society for Study of Chinese Overseas). В работе конференции участвовали 130 ученых, представлявших ведущие китаеведческие центры Австралии — Мельбурн, Канберру, Сидней, Аделаиду, Брисбен, а также 18 других стран и регионов мира, в том числе США, КНР, Японию, Канаду, ЮАР, Великобританию, Италию, Россию, Филиппины, Индонезию, Новую Зеландию, Гонконг, Макао, Тайвань.

Тематика конференции оказалась весьма разнообразной. Классическое китаеведение нашло отражение в работе секций «Проблемы языка и перевода», «Поэзия и драма в период Минской и Цинской династий», «Сакральные объекты и искусство в императорском Китае». Следует отметить достаточно активное использование современных методов и концептуальных подходов для исследования классических сюжетов. Так, специальные секции были посвящены гендерным аспектам истории позднего императорского Китая и новым технологиям и возможностям изучения женщин Минской и Цинской эпох.

Вместе с тем на данной конференции австралийских китаеведов классические сюжеты не заняли доминирующего места — в отличие, например, от последней (август 2004 г., Гейдельберг, Германия) конференции Европейской ассоциации китаеведения.

Современная проблематика нашла отражение в работе секций «Исследования в области общественных наук в Китае», «Современная китайская философия», «Религия и культы в Китае», «Проблема СПИДа и здравоохранение в Китае», «Управление в городах и партийная политика», «Проблемы безопасности и международной политики», «Тайвань» и ряда других.

Обратил на себя внимание повышенный интерес австралийских китаеведов к такому новому явлению жизни китайского общества, как формирование городских микрорайонов («шэцью»), которых в настоящее время насчитывается уже порядка ста тысяч. Различные аспекты этого феномена были проанализированы в ряде докладов, подготовленных на основе полевых исследований в КНР. По мнению Дэвида Брэя (Сиднейский университет), идущий ныне процесс перехода статуса основной управленческой единицы в городах от прежней категории «даньвэй» (предприятия и организации), ставившей во главу угла место работы граждан, к «шэцью» (микрорайон, жилой компаунд), отражает новое качество городского населения Китая. По сравнению с временами плановой экономики китайские горожане становятся более мобильными, разнородными и экономически независимыми. По мнению Луиджи Томба (Центр современного Китая Австралийского национального университета, Канберра), для обитателей микрорайонов характерны возникновение своего рода «коллективной идентичности», более высокий, по сравнению с обычными горожанами, уровень индивидуальной ответственности и этической самодисциплины. Это позволяет постепенно вводить в микрорайонах элементы самоуправления, что объективно сокращает необходимость вмешательства государства и его институтов в повседневную жизнь горожан.

Еще одну важную особенность современного китайского общества — медленное сокращение культурного и образовательного разрыва между жителями города и деревни — охарактеризовала Тамара Джакка (Школа тихоокеанских и азиатских исследований Австралийского национального университета, Канберра). Широкие контакты горожан с сельскими мигрантами, начавшиеся в середине 1980-х годов, привели к быстрому формированию тяжело изживаемых стереотипов массового сознания. Горожане нередко воспринимают пришедших на работу в города крестьян всецело негативно и при этом завышают позитивную оценку собственных качеств. Так, сельские мигранты квалифицируются как «грязные, не соблюдающие порядок, консервативные, пассивные», тогда как горожане, напротив, представляются самим себе «чистыми, приверженными порядку, склонными к риску, активными».

В целом создалось впечатление, что австралийские китаеведы рассматривают современное китайское общество как все менее гомогенное и все более подвижное, характеризующееся подспудным развитием в его недрах таких процессов, которые в конечном счете способны бросить

серьезный вызов сложившимся политическим институтам страны. В этом контексте обратило на себя внимание выступление Фэн Чуньи (Институт международных исследований Сиднейского университета технологии), призвавшего к либерально-демократической реформе политической системы КНР. По его мнению, в настоящее время в Китае вследствие экономических успехов чувство неотложности политической реформы «притупилось», но это не значит, что такая реформа не нужна, и начинать ее лучше именно сейчас, в достаточно благоприятной социально-экономической ситуации. Похоже, что среди проживающих в Австралии выходцев из Китая у Фэн Чуньи есть единомышленники — 6 июля в центре Мельбурна примерно сто человек провели акцию протеста против монопольного правления в Китае коммунистической партии, формально приуроченную к 84-й годовщине со дня ее образования (1 июля 1921 г.).

Однако ни такого рода шероховатости, ни однозначная внешнеполитическая ориентация правительства Дж. Ховарда на США пока не оказывают сколько-нибудь серьезного негативного влияния на австралийско-китайские отношения, в которых, как отмечалось в докладах Пань Чэньсиня (Университет Дикин) и Чжан Цзяня (Университет Нового Южного Уэльса) сегодня абсолютно доминирует фактор взаимной экономической заинтересованности Пекина и Канберры. В 2004 г. объем товарооборота между КНР и Австралией вырос на 50 % по сравнению с предшествующим годом и достиг 20,39 млрд долл. США (т. е. находился практически на уровне российско-китайской торговли) при экспорте КНР 8,84 млрд долл. и ее импорте из Австралии 11,55 млрд долл. Китай является ныне вторым по значению экспортным рынком для австралийских товаров. Одновременно за счет Австралии КНР обеспечивает 40 % своих импортных потребностей в железной руде и значительную часть потребностей в сжиженном природном газе.

Собственно экономическая проблематика была представлена на конференции секцией «Экономическое развитие в современном Китае». Были заслушаны доклады Ли Цзефэнь (Шотландский центр китайских исследований, Эдинбургский университет) о нарушениях прав собственности в КНР вследствие злоупотреблений административной властью, Ян Вона (Линьаньский университет, Гонконг) об оценке воздействия на китайский экспорт возможной ревальвации юаня (ученый полагает, что нынешний курс юаня к доллару США занижен на 25—30 %), Габриеля Лафитта (Университет Виктории) об оптимальной модели развития Тибета в контексте нынешней китайской стратегии подъема отсталых западных регионов страны. Признавая выгоды данной стратегии для крупных городов, ученый скептически оценил ее способность дать импульс комплексному развитию затрагиваемых территорий, включая Тибет. В этой же секции с докладом «Россия и Китай в мировой экономике» выступил и автор

данного материала (одноименная статья, послужившая основой доклада, опубликована в журнале «Проблемы Дальнего Востока». 2004. № 6).

Одно из главных мест в работе конференции заняло рассмотрение особенностей функционирования китайских диаспор в разных странах и регионах мира. В данном контексте основное внимание было уделено китайской иммиграции в Австралии, в том числе истории китайских общин в штатах Виктория, Тасмания, Новый Южный Уэльс, использованию труда китайских рабочих в Австралии в годы Второй мировой войны, проблема адаптации китайских студентов к современному австралийскому образовательному процессу. Специальные доклады были также посвящены китайским диаспорам в ряде стран Юго-Восточной Азии, Северной и Центральной Америки, в Новой Зеландии, ЮАР, Италии. Представленные материалы свидетельствуют о наличии некоторых сходных черт как в особенностях функционирования китайских диаспор в различных регионах мира, так и в политике правительств стран-реципиентов по отношению к ним. В частности, в целом четко прослеживается повсеместное стремление китайских диаспор сохранить свою культурную идентичность, причем при появлении более или менее благоприятных условий «китайскость» способна к быстрой регенерации даже после длительного периода жесткого подавления. Например, запрещенная в Индонезии при Сухарто китайскоязычная пресса переживает сегодня настоящее возрождение. Еще один общий для всех китайских диаспор момент состоит в том, что высокая конкурентоспособность китайцев на местных рынках труда не раз оборачивалась против них. Как следует из доклада Карен Харрис (Университет Претории, ЮАР), во второй половине XIX века в Южной Африке к китайцам применялись такие ограничительные меры, как запрет на определенные профессии (до 155 позиций!), введение обязательной трудовой регистрации и прямая высылка из страны. По свидетельству Эвелин Ху-Дехарт (Университет Брауна, США), высылкой и экспроприацией имущества в годы «великой депрессии» закончилась пятидесятилетняя (1880—1930 гг.) история пребывания китайской диаспоры в северных районах Мексики.

Анализируя данные о доходах работающих в Канаде китайцев, Питер Ли (Университет Саскачевана, Канада) пришел к выводу, что оплата за труд не является всецело результатом рыночной оценки стоимости рабочей силы. Во многом ее уровень определяется системой априорных предпочтений, где на верхней ступени стоят белые мужчины местного происхождения, а на нижней — женщины-эмигрантки. Именно этим и объясняется тот факт, что более образованные, чем местное население, канадцы китайского происхождения получают при работе по найму меньший доход, чем уроженцы Канады. В общей сложности на рынке труда в Канаде в 2001 г. насчитывалось 570 тыс. китайцев, 13 млн собственно канадцев и 1,5 млн эмигрантов из других стран.

По мнению Микеле Бруни (Университет Модены, Италия), феномен растущей глобальной китайской миграции полностью вписывается в ведущие тенденции развития мировой демографической ситуации. По прогнозу Комитета ООН по экономическим и социальным вопросам (ЭКОСОС), подготовленному в 2004 г., население планеты, достигшее в настоящее время 6,5 млрд человек, к 2050 г. увеличится на 2,5 млрд человек, при этом население Европы сократится на 7 %, а 90 % прироста придется на Азию (1,3 млрд человек) и Африку (1,1 млрд человек). Суммарный потенциал миграции за период 2005—2050 гг. оценен в 98 млн человек, или около 2 млн человек ежегодно. Главными реципиентами мигрантов выступают США (1,1 млн человек ежегодно), Канада и Германия (по 200 тыс.), Австралия (100 тыс. человек). Главными поставщиками мигрантов явятся, согласно прогнозу, Китай — 327 тыс. человек ежегодно, Мексика (293 тыс.) и Индия (241 тыс. человек). По мнению профессора Бруни, оценка потенциального уровня глобальной миграции в 2 млн человек ежегодно занижена. Более близкой к реалиям выглядит оценка предыдущего доклада ЭКОСОС (1998 г.), определившая потенциальный уровень миграции в первой половине XXI века в 4 млн человек ежегодно и 200 млн человек суммарно. Исследование 1998 г. искало ответ на вопрос, сколько иммигрантов необходимо странам с падающей рождаемостью и прогрессирующим старением населения для поддержания постоянного количества занятых в экономике и, следовательно, для сохранения более-менее нормального пенсионного обеспечения. Этот уровень был определен в 2,9 млн человек ежегодно для Европы, в 650 тыс. — для России и 603 тыс. человек для Японии. Как считает профессор Бруни, для сохранения стабильного рынка рабочей силы Италия нуждается в следующие 40 лет в миллионе иммигрантов из Китая, а Европа в целом — примерно в десяти миллионах. В то же время нельзя не видеть и того обстоятельства, что реальное количество мигрантов нередко превышает уровень, необходимый для стабилизации рынка труда. Это хорошо объясняет ограничительный характер правовой базы миграции в западноевропейских странах, однако объективно здесь нужно переходить к стимулирующему законодательству.

В заключение отметим высокий уровень владения разговорным китайским языком, отличающий большинство австралийских китаеведов, и широкую доступность для местных ученых специальной литературы, необходимой для исследовательской работы. Так, в магазине «Китайская литература», расположенном на центральной улице Мельбурна, в изобилии представлены новые книги из КНР, труды англоязычных синологов и свежая китайская периодика, в том числе бесплатно распространяемая зарубежная версия газеты «Жэньминь жибао».

(2005)

О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ КИТАЯ

Как полагают социологи, планирование будущей жизни относится к числу базовых потребностей человека — наряду с потребностями в пище, жилье, продолжении рода. Без большой натяжки это же можно сказать и о государствах, для которых определение долгосрочных перспектив развития само по себе является одним из действенных инструментов постановки и решения как тех или иных конкретных крупных проблем, так и общих задач сохранения и укрепления национальной безопасности, территориальной целостности, международной конкурентоспособности и позиций в мире в целом.

Китайскую Народную Республику можно отнести к числу мировых лидеров по количеству посвященных ей прогнозов, что прямо связано с уникальным для мировой истории подержанием Китаем стабильно высоких — в среднем более 9 % в год — темпов экономического роста на протяжении четверти столетия и с его превращением в одно из важнейших государств современного мира.

Среди китайских работ прогнозного характера наиболее широкую известность получили труды ученых-экономистов Лю Гогуана, Чжоу Шуляня (1980-е годы), Ли Цзинвэня (1990-е годы), Ху Аньгана, серии коллективных «Докладов о модернизации Китая» (с 2001 г.) и «Докладов о стратегии устойчивого развития Китая» (с 1999 г.). Внимание мировой общественности к оценке перспектив развития Китая отражено в фундаментальном докладе Всемирного банка «Китай в 2020 году» (1997 г.), в прогнозном докладе Международного валютного фонда «Мировое экономическое обозрение»¹, в регулярных спецвыпусках по Китаю ведущих англоязычных еженедельников «Economist» и «Newsweek».

(Показательно, например, заглавие редакционной статьи спецвыпуска «Newsweek» по Китаю от 9 мая 2005 г., написанной главным редактором журнала Фаридом Закариа: «Принадлежит ли будущее Китаю?»²).

Российской научной общественности хорошо известны прогнозы развития экономики Китая, подготовленные И.Н. Наумовым (ИДВ РАН). Комплексной оценке факторов, способных повлиять на будущее Китая, посвящена коллективная монография ученых Института Дальнего Востока РАН «Китай: угрозы, риски, вызовы развитию»³.

Попытаемся и мы, прежде всего на основе исходных китайских данных, проанализировать вероятные перспективы экономического и общественного развития Китайской Народной Республики.

Основные результаты модернизации Китая

Начав практическое осуществление «четырёх модернизаций» — промышленности, сельского хозяйства, обороны, науки и техники — в 1980-е годы, КНР к 2000 г. в основном достигла параметров экономического развития, намечавшихся на последнее десятилетие XX века.

Роль своего рода программы модернизации сыграла серия работ «Китай в 2000-м году», подготовленная в 1983—1986 гг. китайскими учеными на основе поставленной руководством страны задачи увеличения совокупной продукции промышленности и сельского хозяйства к 2000-му году в 4 раза по сравнению с 1980 г. (позднее ее заменили на «четверение» годового объема ВВП).

Ученые предложили комплексный набор взаимосвязанных количественных и качественных ориентиров развития, отвечавших тогдашнему представлению китайской элиты о желаемом уровне модернизации экономики страны к концу XX века. На деле Китай в целом вышел на несколько лучшие, чем прогнозировали ученые, количественные, а в ряде случаев — и качественные показатели. Так, ВВП КНР в 2000 г. увеличился по сравнению с 1980 г. в 6,4 раза при прогнозе от 3,5 до 4,2 раз.

Особо следует выделить успехи Китая в развитии физической экономики, в том числе в строительстве объектов инфраструктуры и формировании современной системы телекоммуникаций.

За четверть века экономических реформ производство в КНР основных видов промышленной продукции многократно возросло: стали с 31,78 млн т в предреформенном 1978 г. до 272,8 млн т в 2004 г., автомобилей — со 149 тыс. до 5,07 млн, телевизоров — с 4 тыс. до 73,3 млн, персональных компьютеров — с 82 тыс. (1990 г.) до 45,1 млн штук, выработка электроэнергии — с 256,6 до 2187 млрд кВт·ч⁴.

Представляется, что именно ставка на развитие физической экономики в значительной мере позволяет Китаю компенсировать слабости кредитно-денежной системы страны и повысить устойчивость своей экономики перед лицом потрясений в мировом хозяйстве.

Существенно более высокими по сравнению с прогнозными оказались показатели наличия у населения различной бытовой техники (особенно это касается холодильников и телевизоров), а фактическая телефонизация обогнала прогнозную в разы (достигнутый уровень — 20 телефонных аппаратов на 100 человек при прогнозе в 3,25). Экономический рост Китая оказался менее энергоемким, чем предполагалось. В то же время несколько завышенными оказались прогнозы возможного уровня развития аграрного сектора. К тому же в реальной жизни динамика модернизации города и деревни пошла заметно менее синхронно, чем надеялись ученые. Соответственно, не удалось достичь намечавшегося уровня по многим показателям развития села и прежде всего по среднедушевым доходам сельских жителей. В ценах 1980 г. они в 2000 г. составили 498 юаней на человека при прогнозе в 667 юаней (в городе 1563 юаня на человека — достигнутый уровень и 1380 юаней — прогнозный). Как следствие, Китай, несмотря на завораживающие темпы роста, вышел в 2000 г. только на 6-е место по абсолютному размеру валового национального продукта вместо ожидавшегося 5-го и только на 149-е место по среднедушевому ВВП вместо позиции в диапазоне от восьмидесятого до сотого места по прогнозу (табл. 1).

Действенным инструментом реализации целей модернизации явилась реформа хозяйственной системы. Китаю удалось добиться постепенного, поэтапного перехода от административно-командной к преимущественно рыночной экономике. Осуществлявшийся при сильной макроконтролирующей роли государства, на базе всестороннего учета национальных особенностей и посильности бремени преобразований для населения, избранный Китаем градуалистский путь реформ обеспечил как удовлетворительное проведение самих реформ, так и динамичное наращивание производительных сил и приемлемый уровень социальной стабильности в стране.

Весьма значительными оказались успехи Китая в открытии своей экономики внешнему миру и углублении взаимодействия с мировым хозяйством. Китай стал третьей торговой державой мира и одним из ведущих получателей прямых иностранных инвестиций: к концу 2004 г. страна суммарно фактически использовала 562 млрд долл. таких инвестиций. На территории КНР зарегистрировано свыше 508 тыс. предприятий с иностранными инвестициями⁵. Сделав ставку на экспорт готовых изделий, позволяющих эффективно использовать главное сравнительное преимущество — дешевизну труда, Китай активно завоевывает все новые ниши на мировом рынке новой и высокотехнологичной продукции. Так, в 2004 г. экспорт Китая продукции электроники и информатики составил 200 млрд долл., или 34 % общего объема экспорта страны⁶.

Таблица 1. Китай в 2000-м году: сопоставление прогноза и реальных результатов

Наименование	Ед. измерения	Результат	Прогноз
Прирост ВВП к 1980 г.	Разы	6,4	3,5—4,2
Прирост среднедушевого ВВП	Разы	5	3,5—4,2
Место Китая в мире по объему ВВП		6	5
Место Китая в мире по среднедушевому ВВП		149	80—100
Уровень потребления населения:	юаней на человека в ценах 1980 г.	778	791
в том числе городское население	-«-	1563	1380
сельское население	-«-	498	667
Выработка электроэнергии	млрд кВт·ч	1355,6	1220
Уровень телефонизации	Количество стационарных телефонов на 100 человек	20,1	3,25
Пользование домашними холодильниками:	Штук на 100 человек		0,6
в городе		25,6	
в деревне		2,9	
Сбор зерна	млн т	462,18	518—535
Производство мяса	млн т	61,25	27,8—36,0
Количество студентов в вузах	млн человек	5,56	3,9

Источник: Ли Шаньтун. «2000 нянь Чжунго» юйцэ цзего юй шицзи фачжань цинкуан дуйби : [«Китай в 2000-м году: сопоставление прогноза и реального результата» // Чжунго цзинцзи шибао. 05.07.2001.

Определенные успехи были достигнуты Китаем и в деле повышения устойчивости развития за счет сокращения давления экономического роста на окружающую среду и более эффективного использования энергоресурсов. Однако сделанного здесь пока явно недостаточно. Даже несмотря на сокращение удельной энергоемкости экономики страны в 2000 г. на 64 % по сравнению с 1980 г.⁷ (речь идет о затратах условного топлива на единицу ВВП), она остается выше среднемирового уровня. По оценкам китайских экологов, в середине 1990-х годов экономический рост в КНР на две трети осуществлялся на базе своего рода «онкологического займа» у окружающей среды, т. е. сопровождался нанесением ей того или иного ущерба. В 2001 г. стоимостный ущерб от загрязнения окружающей

среды оценивался в 3—4 % годового ВВП⁸, не говоря уже о порождаемых таким загрязнением социальных проблемах.

Надо признать, что остающийся во многом экстенсивным экономический рост Китая, стимулирующий его претензии на потребление все большей доли мировых ресурсов, вольно или невольно явился одним из весомых факторов, породивших теорию так называемой «китайской угрозы» и способствующих ее устойчивому сохранению в массовом сознании жителей многих стран мира.

На наш взгляд, основные итоги, плюсы и минусы пройденного Китаем отрезка модернизации нашли концентрированное отражение в сформировавшейся в последние 20—25 лет модели экономического развития страны.

Рассматриваемая в политико-экономическом аспекте, модель развития представляет собой совокупность базовых особенностей социально-экономического бытия страны, определяемых ее экономическим прошлым и настоящим (уровень развития, масштабы и структура народного хозяйства), природными, трудовыми, финансовыми ресурсами, реально преследуемыми руководством страны целями развития, глубиной и формами взаимодействия национальной экономики с мировым хозяйством. В качестве важнейших компонентов модель включает: стратегию социально-экономического развития, тип экономического роста (экстенсивный или интенсивный), ту или иную комбинацию факторов роста, доминирующие особенности функционирования и вектор эволюции хозяйственного механизма, социальные параметры экономики (занятость, степень неравномерности распределения доходов, их уровень и структура использования и т. п.), специфику взаимодействия экономики с политическими институтами, общественной идеологией, ведущими традициями страны.

«Китайская модель» по своим базовым параметрам, безусловно, является моделью «догоняющего развития», когда целевыми ориентирами экономического роста и социального прогресса выступает достижение в исторически сжатые сроки того или иного уровня развития техники и технологии, абсолютного и среднедушевого производства валового национального продукта, объема доходов и структуры потребления населения, уже достигнутых другими странами. Вместе с тем сохранение Китаем собственной системы ценностных ориентаций, и прежде всего дополнение задачи модернизации производительных сил задачей строительства высококоразвитой духовной культуры, выгодно отличает Китай от многих других стран, также вставших на путь рыночной трансформации.

Наиболее сильными сторонами модели социально-экономического развития Китая стали ее ориентация на стратегические, долгосрочные цели развития, способность решать крупномасштабные проблемы, доста-

точно высокая степень учета объективных условий страны, умелое использование ее сравнительных преимуществ в факторах роста, неплохая адаптируемость к изменению внутренних и внешних условий функционирования.

К числу недостатков данной модели следует отнести крен к односторонней погоне за темпами роста экономики в ущерб сбалансированности, недостаточную опору на научно-технический прогресс в экономическом росте, половинчатость многократных попыток совершенствования структуры народного хозяйства, порождаемую незавершенностью перехода к рынку гетерогенность, противоречивость экономической системы.

Главная задача, стоящая перед Китаем в деле корректировки нынешней модели экономического развития страны, заключается в завершении стратегического поворота от в основном экстенсивного к преимущественно интенсивному, менее ресурсоемкому и экологически щадящему типу экономического роста.

Международный контекст модернизации

Одним из центральных понятий в китайской концепции модернизации является категория «сяокан», подразумевающая «малое благоденствие», «скромный достаток», «зажиточность». Основное достоинство данной категории, позаимствованной Дэн Сяопином из представлений древних мыслителей Китая, это ее встроенность в китайскую цивилизационную систему координат. Уровню «малого благосостояния» предшествует уровень «тепла и сытости» («вэньбао»), а за ним должен последовать уровень «изобилия» («фуюй»).

Однако вполне понятная для китайцев и исторически оправданная категория «сяокан» не слишком удобна для международных сопоставлений и оценки прогресса КНР с точки зрения неких общих критериев модернизации. Этот пробел в значительной мере восполняет серия «Докладов о модернизации Китая», подготовленных группой ученых во главе с Хэ Чуаньци, представляющих Академию наук и Академию общественных наук Китая, Канцелярию ЦК КПК, Центр исследования проблем развития Госсовета, Министерство науки и техники, Государственный фонд естественных наук, университеты Пекинский и Цинхуа.

Основные теоретические посылки подхода авторов к оценке степени модернизации Китая таковы. Анализ мирового процесса модернизации с начала XVIII века свидетельствует о наличии двух «волн», или типов модернизации.

Суть «первой» модернизации заключается в развитии индустриальной экономики. В более широком плане речь идет о переходе от аграрной эпохи к эпохе индустриальной, от аграрной экономики к экономике про-

мышленной, от аграрного общества к обществу индустриальному и от аграрной цивилизации к цивилизации индустриальной.

Суть «второй» модернизации, соответственно, заключается в развитии информационной экономики или экономики знаний, а в более широком плане — в переходе от эпохи, экономики, общества и цивилизации, характеризующихся определением «индустриальная», к эпохе знаний, экономике знаний, обществу знаний и цивилизации знаний. Становление обоих типов модернизации проходит через несколько последовательных этапов: начальный; развития; зрелости; переходный (к следующей фазе развития)⁹.

Для оценки хода и результатов «первой модернизации» (основных стран мира — с 1960 г., КНР — с 1970 г.) использовались следующие показатели: ВВП (для КНР — ВВП); доли в ВВП добавленной стоимости сельского хозяйства, сферы услуг, промышленности; доли сельской рабочей силы и занятых в промышленности в экономически активном населении; доля городских жителей; средняя ожидаемая продолжительность жизни; выживаемость новорожденных (в возрасте до года); количество врачей на тысячу человек; грамотность населения; степень распространенности высшего образования; соотношение добавленных стоимостей и занятых в сельском хозяйстве и промышленности.

Показатели, используемые для оценки «второй модернизации», отчасти повторяют показатели, применяемые для анализа «первой модернизации». Это доля городского населения, выживаемость детей до года, среднедушевой ВВП, доля добавленной стоимости сельского хозяйства и промышленности в ВВП и их соотношение, и некоторые другие. Среди новых показателей: доля затрат на НИОКР в ВВП, доля ученых и инженеров в общей численности населения и среди занятых в народном хозяйстве, степень распространения среднего образования, количество обращений за получением патентов (в расчете на 1 млн человек), охват населения телевидением и доступом в Интернет, среднедушевая покупательная способность населения (по паритету покупательной способности национальных валют) и, наконец, среднедушевое потребление энергии.

Показатели «второй модернизации» оцениваются не только в комплексе, но и в разбивке на ряд групп, призванных отразить такие важные аспекты становления общества, основанного на «экономике знаний», как обновление знаний (инновацию), распространение (передачу) знаний и использование знаний. При этом показатели, призванные отражать использование знаний, подразделяются на две подгруппы, характеризующие соответственно качество жизни и качество экономики¹⁰.

Китай по уровню «первой модернизации» в 1999 г. с 74 процентами осуществления (заметно выше среднего показателя стран с низкими доходами в 62 %) находился на 64-м месте из 108 стран — по соседству с Ал-

банией, Гватемалой и Ботсваной. По уровню «второй модернизации» он с 30 баллами занимал 56-ое место, лишь незначительно отставая от среднего показателя (36 баллов) стран со средними доходами. При этом Китай занимал более высокие позиции по обновлению (31-е) и распространению знаний (48-е), тогда как по качеству экономики его позиции, напротив, были существенно хуже — 68-е место (по качеству жизни — 53-е место). Следует особо подчеркнуть, что в данном случае речь идет не о КНР, а именно о Китае в целом, то есть с включением Гонконга, Макао и Тайваня, которое, естественно, несколько улучшило общекитайские показатели осуществления и первой, и второй модернизации.

В 2002 г. Китай повысил показатель уровня «первой модернизации» до 79 % и вышел на 60-е место из 108 ранжированных стран. Вместе с тем в сфере «второй модернизации» наблюдается, с точки зрения положения Китая в мировой иерархии, топтание на месте: он опустился на 58-ю позицию в 2000 г. и на 59-ю в 2001 г.¹¹

Здесь явно сказывается не отсутствие позитивной динамики в развитии наукоемких отраслей — она-то как раз весьма заметна — а крайне медленные сдвиги в развитии деревни в КНР, которые и подпортили общую картину.

Серия докладов о модернизации Китая весьма выпукло демонстрирует некоторые особенности модернизации страны (в данном случае мы абстрагируемся от политических нюансов и следуем принципу «единого Китая»).

Во-первых, очевидно, что избранная китайским руководством стратегия «догоняющего» развития оказалась в целом эффективной. По уровню «первой модернизации» Китай в 1990 г. занимал 86-е место, а в 1980 г. — 93-е. В осуществлении «второй модернизации» прогресс не был столь же линейным, однако на длительном временном отрезке все же заметным — 74-е место в 1970 г., 63-е — в 1980 г. и 71-е — в 1990 г.¹²

Во-вторых, страна переживает своеобразный период одновременного осуществления модернизации обоих типов. В такой ситуации есть и свои плюсы, и свои минусы. Делая ставку на опережающее развитие информационных технологий, КНР одновременно рискует отчасти подменить достижениями «второй модернизации» какие-то логически незавершенные сюжеты «первой модернизации», тем самым вольно или невольно наделяя социально-экономическое развитие страны в целом дополнительными противоречиями и диспропорциями. Видимо, китайские ученые вполне осознали вероятность такого негативного развития событий, и ввели новое понятие «комплексной модернизации», соединяющее «первую» и «вторую» модернизации воедино.

В любом случае самостоятельную проблему представляет разрыв в уровне модернизации различных регионов Китая (табл. 2).

Таблица 2. Уровень модернизации различных регионов Китая по состоянию на 2001 г.

Наименование	Первая модернизация	Вторая модернизация	Комплексная модернизация
	Процент осуществления	Индекс	Показатель уровня
Гонконг	100	89	77
Тайвань	100	78	74
Аомэнь	100	76	65
Пекин	94	76	67
Шанхай	97	66	63
Тяньцзинь	93	54	50
Ляонин	89	41	40
Чжэцзян	86	36	37
Цзянсу	86	36	36
Гуандун	83	35	39
Хэйлунцзян	83	35	34
Шэньси	81	38	38
Цзилинь	81	34	36
Хубэй	81	31	34
Фуцзянь	80	30	34
Шаньдун	79	32	32
Шаньси	79	32	32
Чунцин	79	30	30
Сычуань	72	30	31
Синьцзян	75	28	31
Хэбэй	75	29	28
А РВ М	74	29	31
Хунань	74	28	30
Нинся	74	28	29
Цинхай	72	26	28

Окончание табл. 2

Наименование	Первая модернизация	Вторая модернизация	Комплексная модернизация
	Процент осуществления	Индекс	Показатель уровня
Хайнань	71	25	32
Аньхуй	71	27	27
Цзянси	70	26	29
Гуанси	69	25	28
Хэнань	69	26	25
Ганьсу	68	27	27
Юньнань	62	22	25
Гуйчжоу	62	22	24
Тибет	61	22	25
Китай в целом	78	31	32
Мир в среднем	90	46	51
Страны с высокими доходами	100	100	100
Страны со средними доходами	93	38	42
Страны с низкими доходами	59	20	23
Россия	92	62	54

Источник: Доклад о модернизации Китая-2004 : [Чжунго сяньдайхуа баогао 2004]. Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2004. С. 141, 292, 306, 315.

Хотя все провинции, автономные районы и города центрального подчинения КНР находятся в стадии осуществления «первой модернизации», они, тем не менее, пребывают на разных этапах этого процесса. 9 регионов (Тибет, Гуйчжоу, Юньнань, Гуанси, Сычуань, Хэнань, Аньхой, Хайнань, АРВМ) находятся на начальном этапе, 15 регионов — на этапе развития, 4 — на этапе зрелости (Ляонин, Цзянсу, Чжэцзян, Гуандун) и 3 региона (Пекин, Тяньцзинь, Шанхай) — на этапе перехода ко «второй модернизации»¹³. Соответственно, для КНР чрезвычайно важна дифференцированная стратегия регионального развития и осуществления модернизации.

Перспективы модернизации Китая на период до 2020 г.

XVI съезд КПК (ноябрь 2002 г.) вновь подтвердил, что именно процесс модернизации страны с модернизацией экономики в качестве основы остается, как минимум, на среднесрочную перспективу главным вектором общественно-политической жизни КНР. Съезд выдвинул задачи увеличения ВВП КНР в 2020 г. в 4 раза по сравнению с 2000 г. и создания в стране «среднезажиточного общества», чему соответствовал бы, по первым оценкам, выход на уровень среднедушевого ВВП примерно в 3000 долл. в год.

Уже сразу после съезда были сделаны первые прогнозы некоторых других возможных параметров «среднезажиточного общества» в Китае 2020 года. В частности, прогнозировался выход на уровень располагаемого дохода в городах и поселках в 18 000 юаней на человека в ценах 2000 г. (в 2000 г. — 6280 юаней) и в 8000 юаней в сельских семьях (в 2000 г. — 2253 юаня). Предполагалось снизить коэффициент Энгеля (доля затрат на питание в общих расходах граждан) с нынешних 46 % до 35 %, существенно улучшить продвижение КНР к обществу, базирующемуся на «экономике знаний». Так, долю выпускников средних школ, поступающих в вузы, с 11 % в начале столетия намечено довести до 25 %, а обеспеченность населения персональными компьютерами — с 9,7 % семей до 20 %. Решающее значение в изменении социального ландшафта Китая должно иметь прогнозируемое повышение уровня урбанизации с 36,2 % до 56 %¹⁴.

Наиболее детальная методология оценки «среднезажиточного общества» была предложена учеными Академии наук Китая в «Докладе о стратегии устойчивого развития Китая — 2004», опубликованном в марте 2004 г.¹⁵

По мнению китайских ученых, коль скоро процесс строительства «среднезажиточного общества» отражает изменения, происходящие во всех сферах общественной жизни и прежде всего в экономике, социуме, культуре, политике, то для оценки хода и результатов этого процесса нужна комплексная система показателей, способных адекватно выявить динамичность, качество и справедливость развития. Для этих целей предложено использовать в общей сложности 40 показателей, разбитых на группы.

Динамичность развития призваны отразить показатели, характеризующие степень индустриализации, информатизации, маркетизации и урбанизации общества, а также инновационный потенциал науки и техники. По каждому направлению выбрано от одного (урбанизация) до семи (инновационный потенциал) конкретных критериев оценки. Так, уровень информатизации должен оцениваться по четырем критериям:

среднедушевой объем услуг связи; количество компьютеров на 100 жителей; доступ в Интернет (на тысячу человек); количество телефонов на сто жителей. Степень маркетизации будет оцениваться по доле иностранных инвестиций в ВВП, соотношению объемов внешней торговли и ВВП, доле негосударственных секторов в совокупных общественных инвестициях в основные фонды.

Качество развития призваны отразить группы показателей, характеризующих его как таковое (рентабельность по себестоимости, оборачиваемость оборотных средств), качество функционирования общества (безработица, коэффициент Энгеля, средняя ожидаемая продолжительность жизни и т. д.), а также степень интенсивности и экологичности экономики (удельные затраты воды и энергоносителей на единицу ВВП, коэффициент очистки сточных вод и т. п.).

Наконец, для оценки справедливости развития предложено использовать показатели разрыва доходов городского и сельского населения и равнодоступности граждан обоих полов к образованию и получению работы.

Для большей наглядности выделено 12 главных ориентиров, которых Китай намеревается достичь к 2020 г. В их числе:

- выход в тройку ведущих держав мира по комплексной мощи;
- повышение уровня урбанизации до 55 %, формирование рациональной системы распределения населения по малым, средним и большим городам;
- достижение в приморской зоне «нулевого роста» населения к 2010 г., «нулевого роста» расходов ресурсов к 2015 г. и «нулевого роста» в ухудшении экологической обстановки к 2020 г.;
- вывод Китая в число пятнадцати ведущих стран мира по уровню информатизации и конкурентоспособности;
- доведение вклада фактора научно-технического прогресса в экономический рост до 65 % и более;
- преодоление основных узких мест на пути устойчивого развития страны (обеспечение зерном, энергоносителями, ресурсами и т. п.);
- обеспечение базовых параметров национальной безопасности — продовольственной, энергетической, экологической, транспортной, санитарной и т. п.

Выделено три этапа реализации поставленных целей — соответственно 2010, 2015 и 2020 годы (очевидно, что они привязаны к сохранившейся в КНР системе пятилетних планов). В качестве примера общей логики подхода китайских ученых к проблеме можно привести ориентиры по энергоёмкости ВВП: к 2010 г. предполагается выйти на уровень затрат менее 800 кг условного топлива в расчете на 10 тыс. юаней ВВП; к 2015 г. — менее 600 кг и к 2020 г. — 300 кг и менее. Намечено поэтапное

повышение доли затрат на НИОКР в ВВП — соответственно до 2 %; 2,5 %; 2,8 %¹⁶.

Во множестве публикаций в китайской печати, посвященных проблеме «сяокан», называются те или иные дополнительные параметры «среднезажиточного общества». Так, по одному из прогнозов, ВВП Китая в 2020 г. может варьировать в пределах от 33 до 36 триллионов юаней, т. е. от 4 до 4,45 трлн долл. (в пересчете по действующему официальному курсу)¹⁷.

Разумеется, в региональном разрезе картина продвижения Китая по пути модернизации все еще будет оставаться весьма неоднородной. Предполагается, что к 2020 г. «первую модернизацию» (т. е. индустриализацию) завершат 18 регионов, к 2030 г. — 28 и к 2040 г. — все 34 (т. е. включая Тайвань, Гонконг и Аомэнь). В то же время только 10 из 34 регионов Китая достигнут к 2020 г. сложившегося к тому времени уровня среднеразвитых стран и регионов мира¹⁸.

Мало-помалу китайские политики и ученые начинают прогнозировать перспективы развития к 2020 г. не только экономики, но и общества в целом.

В частности. существенный шаг в утверждении идеи комплексности развития страны был сделан на 4-м пленуме ЦК КПК 16-го созыва (сентябрь 2004 г.), который принял «Решение об усилении управленческого потенциала КПК как правящей партии». Из него следует, что одну из важнейших задач развития Китая на долгосрочную перспективу китайское руководство видит в создании «гармоничного общества». По словам Ху Цзиньтао, главными характеристиками гармоничного социалистического общества являются «демократия и законность, равенство и справедливость, доверие и миролюбие, преисполненность жизненной силы, спокойствие и порядок, гармоничное сосуществование человека и природы». Путь к созданию такого общества лежит через балансирование интересов различных слоев общества и выработку эффективного механизма разрешения наиболее серьезных общественных противоречий¹⁹.

Детальная разработка представлений о «гармоничном обществе» как одной из доминант будущего общества среднего достатка в Китае только начинается. Среди наиболее важных критериев гармоничного общества довольно часто называется рост «среднего класса» — с 19 % в 2003 г. до 40 % граждан в 2020 г.²⁰

Вероятные сценарии развития Китая на долгосрочную перспективу

Научная мысль КНР с середины 1990-х годов неоднократно предпринимала попытки дать прогноз развития страны на более отдаленную перспективу, чем 2020 г. Широкою известность получил прогноз, выполненный в 1996—1997 гг. под руководством известного ученого-экономи-

ста профессора Ли Цзинвэня, опубликованный в монографии «Мегатенденции экономики Китая в 21-м веке»²¹. Он детально изложен в работе российских китаеведов «Экономика Китая вступает в XXI век»²².

Главные положения прогноза Ли Цзинвэня таковы. Во-первых, Китай способен, сочетая индустриализацию с информатизацией и развитие опорных отраслей с прорывами в научно-техническом прогрессе, к 2050 г. догнать развитые страны. Во-вторых, данную задачу предполагалось решать в три этапа. К 2010 г. предстоит довести производство ВВП до 20 трлн юаней, или до 14 тыс. юаней в среднелюдском выражении. При среднегодовом приросте в период 2011—2030 гг. в 5,9 % производство ВВП к 2030 г. должно достичь 62 трлн юаней. При среднегодовом приросте в 2031—2040 гг. в 4,9 % и в 2041—2050 гг. в 4,3 % объем ВВП страны к середине столетия должен составить 153 трлн юаней, или около 100 тыс. юаней на душу населения. В-третьих, экономический рост будет сопровождаться поступательными сдвигами в структуре народного хозяйства. Доля сельского хозяйства в ВВП по прогнозу должна сократиться за полстолетия с 17,4 % до 6,2 %, доля промышленности и строительства — с 51,7 % до 42,1 % при одновременном увеличении доли сферы услуг с 30,9 % до 51,7 %. В-четвертых, по абсолютному размеру ВВП, рассчитанному в текущих ценах США, КНР должна была обойти Соединенные Штаты в районе 2030 года, а к середине XXI века — вдвое превзойти их²³.

В целом, на наш взгляд, прогноз Ли Цзинвэня следует признать сверхоптимистичным. Он был выполнен еще до азиатского финансового кризиса, жестко обнажившего многие подводные камни «азиатской модели развития», на следование которой в общем и главном ориентировался и Китай. Кроме того, данный прогноз по сути дела абстрагировался от таких важных факторов, как ресурсное обеспечение заданных темпов роста и весьма вероятное внешнее давление — а они способны серьезно помешать реализации любой стратегии догоняющего развития, в том числе и китайской.

Следующий заслуживающий внимания долгосрочный прогноз, выполненный сотрудником Госстатуправления КНР Сюй Сяньчуном, был опубликован в 2002 г.²⁴ Хотя данный прогноз был подготовлен еще до XVI съезда КПК, в Китае его продолжают рассматривать как заслуживающий доверия, о чем свидетельствует воспроизведение этого прогноза в «Докладе об устойчивом развитии Китая-2004» (табл. 3).

В прогнозе Сюй Сяньчуна заслуживают быть отмеченными следующие главные моменты. Во-первых, он исходит из неуклонной тенденции постепенного затухания темпов прироста ВВП Китая. Во-вторых, в базовом прогнозе он значительно скромнее, чем Ли Цзинвэнь, оценивает перспективы состязания Китая с США по абсолютному размеру ВВП. Так, соотношение ВВП КНР и США с 10,9 % в 2000 г. должно возрасти

Таблица 3. Прогноз динамики увеличения ВВП Китая

Годы	ВВП, млрд долл.	Годовой прирост, %
2000	1080,0	7,5
2005	1550,5	7,5
2010	2226,0	7,5
2020	4178,3	6,5
2025	5460,9	5,5
2030	7137,2	5,5
2040	11 083,9	4,5
2050	15 634,9	3,5
2060	21 012,0	3,0
2100	68 542,0	3,0

Примечание. Прогноз выполнен в 2001 г. в ценах 2000 г., пересчет из юаней в доллары США — по среднему курсу за 1998—2000 годы.

Источник: Доклад о стратегии устойчивого развития Китая-2004 : [2004 Чжун-го кэ чисюй фачжань чжаньлюэ баогао]. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2004. С. 104.

до 36,1 % в 2050 г. и остаться примерно таким же к концу XXI века. В то же время согласно прогнозу Китай должен опередить по объему ВВП Японию в 2056 г. В-третьих, данная ситуация может радикально измениться в случае повышения курсовой стоимости юаня по отношению к доллару. Сюй Сяньчунь считает вполне вероятным повышение официальной курсовой стоимости юаня к доллару вдвое за период 2011—2050 гг. В этом случае Китай уверенно опередит к середине века Японию и станет второй экономикой в мире после США. В то же время Сюй рассматривает возможность достижения Китаем уровня США до конца столетия как незначительную.

В целом, на наш взгляд, данный прогноз не лишен недостатков: он носит сугубо количественный, расчетный, а не качественный характер и, кроме того, абстрагируется от цикличности развития экономики страны, которая в том или ином виде неизбежно сохранится и в длительной перспективе.

Последующие прогнозы развития экономики КНР на длительную перспективу можно условно разделить на две группы. Одни ученые придерживаются сугубо оптимистического взгляда, который базируется на способности КНР в течение длительного времени сохранять высокие

темпы экономического роста. Примером может служить позиция Линь Ифу, директора Центра экономических исследований Китая Пекинского университета. По его мнению, в 2030 г. Китай сравняется с США по абсолютному размеру ВВП и выйдет на среднедушевой уровень ВВП в одну пятую от американского²⁵.

Другие ученые, прежде всего разработчики серии ежегодных докладов о модернизации Китая, занимают более осторожную позицию, во многом вытекающую из избранного ими комплексного подхода к оценке перспектив развития страны. Основные моменты оценки ими качественной стороны хода модернизации Китая в долгосрочном плане таковы.

К середине XXI века Китай может достичь среднемирового уровня модернизации и войти по степени модернизации экономики в число первых сорока стран. К 2080 г. он способен войти в число экономически развитых стран мира, а к концу столетия — вступить по уровню экономической модернизации в первую мировую десятку. Решающими факторами достижения поставленных целей в первой половине XXI века явится способность Китая повысить качество экономического роста, непрерывно совершенствовать структуру экономики и повышать ее международную конкурентоспособность²⁶.

Конкретные параметры социально-экономического развития Китая в 2050 г. в оценке Ху Чуаньци и его коллег представлены в табл. 4.

При всей привлекательности данного прогноза он, на наш взгляд, также не лишен недостатков. Помимо традиционного для большинства прогнозов игнорирования цикличности экономического роста и воздействия внешнего фактора, прогноз Хэ Чуаньци и его коллег ориентирует страну на экспоненциальный рост энергопотребления.

В этом плане более привлекательной выглядит позиция авторов доклада об устойчивом развитии Китая, развивающих идею постепенного перехода страны к «рециркулярной экономике», то есть базирующейся на многократном вовлечении ограниченного объема ресурсов в хозяйственный оборот. Согласно их прогнозу, Китай способен к 2030 г. выйти на нулевой прирост населения, к 2040 г. — на нулевой прирост потребления энергоносителей и других видов природных ресурсов и к 2050 г. — остановить ухудшение окружающей среды и перейти к последовательному улучшению среды обитания²⁷.

Такова, в общих чертах, картина развития экономики Китая в долгосрочной перспективе в соответствии с представлениями китайских ученых-экономистов. Нетрудно убедиться, что при всех возможных оговорках она исходит из сценария поступательно-возвышательного осуществления модернизации страны, пусть и постепенно угасающим темпом, и ориентируется на принципиальную достижимость Китаем ведущих позиций в мире по абсолютному размеру ВВП.

Таблица 4. Оценка уровня модернизации Китая в первой половине XXI века

Наименование	Единица измерения	2000 г.	2020 г.	2030 г.	2040 г.	2050 г.
Доля расходов на НИОКР в ВВП	%	1,0	2,0	2,4	3,0	3,6
Количество научных работников	Человек на 10 тыс. жителей	5,5	12	18	26	39
Количество патентов	На миллион жителей	20	112	201	359	643
Охват средним образованием	%	63	85	89	94	99
Охват высшим образованием	%	7,2	24	34	48	68
Охват телевидением	Количество телевизоров на 1 тыс. человек	293	583	644	711	786
Доступ в Интернет	Количество пользователей на 10 тыс. жителей	178	2000	3000	5000	8000
Урбанизация	%	36	53	61	71	81
Средняя ожидаемая продолжительность жизни	Лет	70	74	77	79	81
Среднедушевое энергопотребление	кг нефтяного эквивалента на человека	868	1902	2556	3435	4616
Среднедушевой ВВП	Доллары США 2000 г.	840	2451	3992	6503	10 593
Среднедушевой ВВП по паритету покупательной способности	Доллары США 2000 г.	3920	11 435	15 368	20 653	27 756
Доля отраслей материального производства в ВВП	%	67	45	37	30	24
Доля занятых в материальном производстве	%	73	49	40	33	27

Источник: Доклад о модернизации Китая-2004 : [Чжунго сьняндайхуа баогао 2004]. Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ. С. 112.

На наш взгляд, оценка перспектив экономического развития Китая требует учета как минимум четырех факторов, способных непосредственно повлиять на перспективы модернизации. Это: политическое руководство, технический прогресс, цикличность экономического развития и внешняя реакция на возвышение Китая.

С позиций сегодняшнего дня дать сколько-нибудь определенный прогноз влияния **будущего политического руководства** на экономический

рост в Китае не представляется возможным. Можно, однако, сделать ряд вполне естественных предположений. Так, вероятно нахождение тандема Ху Цзиньтао—Вэнь Цзябао у руководства страной до 2012 г. и подготовка ими преемников по своему усмотрению (не исключено, что будущие генсек и премьер уже сегодня возглавляют те или иные регионы Китая и находятся примерно в 50-летнем возрасте). В этом плане есть резон предположить высокую вероятность последовательных усилий руководства страны по реализации основных целей развития Китая, намеченных на период до 2020 г. Второй момент состоит в том, что нынешнее и следующее поколение руководителей Китая хорошо представляют себе пагубность как левацких авантюр, так и неподготовленных политических реформ, что является некоторой гарантией от поворота в Китае в следующие 20 лет к политике а la Мао Цзэдун или а la Горбачев.

Наконец, приверженность руководства страны идеям возрождения китайской нации и усиления Китая можно априори предсказать на все нынешнее столетие — различие здесь может быть лишь в инструментарии достижения целей, но не в них самих.

Конкретное воздействие **фактора научно-технического прогресса** на особенности экономического роста в долговременной перспективе мало-предсказуемо. В принципиальном плане наибольшее значение будет иметь способность Китая из страны, имитирующей и воспроизводящей главным образом заимствованные технологии, стать создателем и производителем собственных новых технологий и массовых изделий на их базе. Кажется, накопление «критической массы», необходимой для прорыва на этом направлении, идет: здесь имеется в виду рост расходов на НИОКР, освоение производства все новых видов высокотехнологичных изделий и т. п. Важно также, что на повестку дня в Китае уже поставлена задача производства продукции мирового класса собственных торговых марок и превращения страны из «мирового центра переработки» («чжицзаое») в мировой центр «создания новой продукции» («чуаньцзаое»).

Весьма популярное в последние годы в КНР и за рубежом, в том числе в России, изучение **цикличности экономического развития** Китая преследует три основные цели: во-первых, выявить закономерности и факторы формирования понижательных и повышательных трендов в экономическом росте страны, во-вторых, выработать на этой основе рекомендации «дисижн-мэйкерам», призванные помочь им избегать впредь крупных спадов в экономической динамике, в-третьих, использовать феномен цикличности для прогнозирования развития Китая в перспективе.

Большинство исследователей анализирует среднесрочные циклы в экономике КНР. Одну из последних по времени попыток такого рода (на наш взгляд, вполне адекватную реальной ситуации) предпринял дирек-

тор Института экономики Академии общественных наук Китая Лю Шучэн. За период с 1953 г. по настоящее время он выделяет десять циклов, в том числе пять — в пореформенный период (последний цикл, начавшийся в 2002 г., еще не завершен)²⁸.

Таблица 5. Экономические циклы в КНР

Период цикла, годы	Разница в максимальных и минимальных темпах прироста, процентных пунктов	Максимальный прирост ВВП в цикле, процент—год	Продолжительность возвышательной фазы, лет
1953—1957	9,9	15—1956	2
1958—1962	48,6	21,3—1958	1
1963—1968	24,0	18,3—1964	2
1969—1972	15,6	19,4—1970	2
1973—1976	10,3	8,7—1975	2
1977—1981	6,5	11,7—1978	2
1982—1986	6,4	15,2—1984	3
1987—1990	7,8	11,6—1987	1
1991—2001	7,1	14,2—1992	2

Источник: Лю Шучэн. Об укреплении и совершенствовании макроконтроля : [Лунь цзяцян хэ гайшань хунгуань тяокун] // Жэньминь жибао. 14.12.2004.

Из таблицы следует, что средняя продолжительность экономического цикла в КНР составляла примерно пять лет. По нашему мнению, одиннадцатилетний цикл 1991—2001 г. легко заменяется двумя самостоятельными циклами: с 1991 г. по 1997 г. и с 1998 г. по 2002 г. включительно, которые различаются, соответственно, по проводимой премьерой Ли Пэном и Чжу Жунцзи экономической политике. Такая продолжительность среднесрочного цикла подтверждает, на наш взгляд, мнение ряда ученых о весомой доле политического фактора в формировании циклов в КНР — на него приходится до $\frac{2}{3}$ волновой амплитуды, тогда как на экономические факторы — только $\frac{1}{3}$ амплитуды²⁹. Хотя по мере продвижения Китая по пути рыночных преобразований и углубления степени его вовлеченности в мировое хозяйство роль экономических факторов в формировании циклов будет возрастать, политические факторы, в силу специфики политической системы страны, будут играть весомую роль в этом процессе еще неопределенно долго.

Что касается особенностей самих среднесрочных циклов, то существенный интерес представляет прежде всего набор и последовательность их фаз. По классической схеме, предложенной Хоу Цинго, полный цикл

проходит пять фаз: нормальное состояние, разогрев, перегрев, охлаждение, переохлаждение. Примером такого рода служит цикл 1958—1962 гг. Однако подчас переохлаждение и перегрев выпадают³⁰.

Предпринимаются попытки выделить и более длинные циклы экономического развития Китая. Так, на основе критерия смены ведущих видов производств Чэнь Дунци предложил выделять 36-летние циклы, начиная с последней четверти XIX века. Согласно этому подходу, Китай с 1980 г. переживает четвертый 36-летний цикл, причем во второй его фазе, проходимой в настоящее время, на роль ведущих отраслей выдвинулись автомобилестроение, электроника и жилищное строительство³¹.

Наконец, есть определенные основания выделять и еще более продолжительные циклы — примерно 60-летние и даже 80-летние, правда, в этом случае собственно экономические факторы играют подчиненную, фоновую роль, а на ведущее место выходит такой фактор, как крупные общественные потрясения и радикальные изменения в международном статусе Китая.

Например, вполне логичным выглядит следующий 60-летний цикл: 1842 г. (первая Опиумная война и начало закабаления Китая) — 1900 г. (восстание ихэтуаней и раздел Китая на сферы влияния империалистических держав) — 1960 г. (крайняя точка левачества) — 2020 г. (выход на промежуточный итог модернизации страны в виде общества «малого благоденствия») — 2080 г. (выход в число экономически развитых стран мира).

Солидаризируясь в целом с мнением российских ученых А.С. и Н.А. Селищевых о том, что «экономический цикл остается весьма субъективным понятием»³², подчеркнем, однако, что для анализа воздействия цикличности на будущее экономическое развитие Китая принципиально важно прежде всего само по себе наличие этого феномена как такового. Динамика экономического развития Китая неумолимо свидетельствует о наличии ряда крупных срывов в развитии страны и множества более или менее существенных «заминок» на этом пути. Срывы были связаны либо с войнами (классический пример — период 1937—1945 гг.), либо с неадекватным возможностям страны форсированием темпов роста (1958—1962 гг.), либо с внутрисполитической нестабильностью. Строго говоря, Китай не гарантирован от возникновения подобных ситуаций в будущем, пусть и в иных формах.

Соответственно, неизбежная цикличность развития будет в той или иной мере осложнять продвижение страны к искомым параметрам модернизации, делать его не столь плавным и поступательным, как хотелось бы Пекину.

В Китае осознают, что **внешняя реакция** на возвышение страны, даже самое что ни на есть мирное, далеко не всегда, не во всем и не единодушно будет благоприятной. Так или иначе, но растущий удельный вес

КНР в мировой экономике и торговле, в импорте сырья и энергоносителей и в экспорте все более широкой гаммы готовой продукции будет сопровождаться не только потеснением конкурентов, но и ответной реакцией с их стороны. Как предполагает американский политолог Роберт Саттер, ведущие державы Азии — Япония, Китай, Индия, Россия — в настоящее время внимательно отслеживают потенциальное выдвижение друг друга. «И если одна из них превратится в доминирующую силу в Азии, каковой, похоже, и собирается стать Китай, другие располагают выбором в пользу более тесной кооперации с США и друг другом для защиты своих интересов»³³.

Активную политику КНР по созданию в перспективе целой сети зон свободной торговли с ее участием, прежде всего в Азии, можно рассматривать как один из важных элементов стратегии формирования благоприятствующей модернизации Китая международной и мирохозяйственной среды. В целом курс Пекина на формирование все более глубокой экономической взаимозависимости между Китаем и ведущими экономическими центрами мира можно рассматривать как своего рода упреждающую меру, которая позволит ограничить вероятное давление с их стороны на КНР.

Вышеприведенные соображения свидетельствуют, на наш взгляд, в пользу многовариантности перспектив экономического развития Китая. С позиций сегодняшнего дня можно говорить о четырех гипотетических сценариях экономического роста Китая.

А. Резкое возвышение. Такому сценарию соответствовал бы выход на 2-е место в мире вслед за США по абсолютному объему ВВП, пересчитанному из юаней в доллары по официальному курсу. Доля Китая в мировой торговле с нынешних 6 % выросла бы до 9—10 % с одновременным переходом на более высокие «этажи» в международном разделении труда.

Реализация подобного сценария требует длительного сохранения высоких темпов роста. При среднегодовом приросте ВВП в 7 % за 20 лет он вырастет почти в 4 раза, а за 30 лет — в 7,6 раз.

Данный сценарий представляется не слишком вероятным. Цикличность экономического роста, какие-то осложнения и отливы практически неизбежны.

Б. Затухание темпов роста (после 2010 г. — до 5—6 % в год, после 2020 г. — еще ниже). Сценарий вытекает из сегодняшних тенденций развития и обещает большую предсказуемость и покладистость Китая на международной арене.

В. Застой — затухание темпов роста до уровня, обеспечивающего только удовлетворение потребностей возрастающего населения и стагнацию общего уровня жизни. Этот сценарий вряд ли реализуется в ближай-

шие годы, так как Китай имеет огромный инвестиционный задел. Он возможен, однако, в случае ухудшения ситуации в мировой экономике.

Г. Срыв в экономическом развитии, под которым подразумевается скатывание страны к суженному воспроизводству. Эти варианты возможны только в случае гипотетической попытки силового восстановления суверенитета над Тайванем.

Угрозу срыва в результате смены общественного строя или тотальных внутренних беспорядков со счетов сбрасывать нельзя, хотя бы теоретически. Этот вариант хода событий с неконтролируемой миграцией, компенсаторной внешнеполитической агрессивностью и растущим национализмом был бы наихудшим и для самого Китая, и для международного сообщества.

Относительно **вариантов общественно-политической эволюции Китая** можно высказать следующие соображения.

Жизнеспособность действующей модели «социализма с китайской спецификой» будет и впредь подвергаться постоянному испытанию на прочность, давлению извне и изнутри.

Китайское руководство преисполнено решимости отстаивать собственную модель общественного развития, разумно адаптируя ее в соответствии с меняющейся ситуацией внутри и вне страны за счет расширения социальной базы правящей компартии, осторожного расширения внутрипартийной демократии, предельно гибкой экономической политики.

Практически невозможным представляется «югославский сценарий», т. е. насильственное смещение руководства страны под давлением извне — Китай уже сейчас достаточно могуществен, чтобы не допустить что-либо подобное.

В силу особенностей политической системы КНР в обозримой перспективе не актуален «тайваньский сценарий», т. е. потеря власти правящей партией в результате выборов.

Повторение в Китае «советского сценария» 1989—1991 гг. теоретически возможно в связи с наличием в стране определенных сил, заинтересованных в получении формально легитимного права на обогащение (которое может быть получено только после отстранения КПК от власти) и сохраняющейся для части интеллигенции привлекательности института всеобщих выборов, прежде всего главы государства. Однако такой вариант трансформации отпугивает подавляющее большинство китайцев огромными издержками, в том числе абсолютно неприемлемой вероятностью дезинтеграции страны. Кроме того, на противодействие в первую очередь именно такому варианту «мирного перерождения» все последнее десятилетие была нацелена китайская пропаганда. В целом повторение в Китае «советского сценария» выглядит маловероятным.

Судя по современной ситуации, наиболее серьезную угрозу для нынешней политической системы Китая представляла бы неспособность властей справиться с критическим обострением внутривнутриполитической ситуации. Пожалуй, единственная причина, которая содержит потенциал такого обострения — все еще неудовлетворительное положение крестьянства (низкий размер доходов по сравнению с горожанами и в абсолютном выражении, постоянные поборы и произвол администрации на местах, низкий социальный статус, непредставленность на политическом уровне и т. д.). Китайское руководство хорошо осознает потенциальную опасность чего-то подобного исторически традиционному для страны «крестьянскому восстанию» и существенно активизировало в последние годы шаги по улучшению положения крестьян (ликвидация сельхозналога, развитие медобслуживания в деревне, снижение финансового бремени крестьян на обучение детей в школе). Однако, на наш взгляд, ситуация в деревне, требующая для радикального улучшения многих лет акцентированных усилий, может надолго остаться серьезным фактором социальной нестабильности в Китае, по степени опасности не только сопоставимым, но даже превышающим угрозу тибетского и уйгурского сепаратизма.

Наконец, не снята с повестки дня возможность «ползучей декоммунизации» Китая вслед за углублением его интеграции в мировое хозяйство и распространением на все более широкий ареал общественной, политической и хозяйственной жизни страны «международных правил игры». Однако, на наш взгляд, несомненное модифицирующее воздействие этого комплекса факторов на систему «социализма с китайской спецификой» не будет носить взрывного характера и в целом оставляет Китаю неплохие шансы достаточно гибко приспосабливаться к меняющейся ситуации, не отказываясь от декларированной ориентации на социалистический путь развития.

* * *

Предсказание будущего или, говоря современным языком, прогнозирование является весьма неблагодарным занятием еще со времен Кассандры и Дельфийского оракула. Представление о том, на сколь крутые и непредсказуемые повороты способна История всего за два десятка лет, дает, например, сопоставление политической картины мира 1930-го и 1950-го, 1980-го и 2000-го годов.

И все же, на наш взгляд, вряд ли мы рискуем сильно ошибиться, предположив, что Китай при любом ходе событий будет оказывать существенное влияние на мировые политические и экономические процессы на протяжении всего нынешнего столетия.

(2005)

Примечания

¹ См., например: World Economic Outlook. Globalization and External Imbalances // International Monetary Fund. April 2005.

² Fareed Zakaria. Does the Future Belong to China? URL: <http://www.msnbc.msn.com/id/7693580/site/newsweek/print/1/displaymode/1098/>

³ Китай: угрозы, риски, вызовы развитию / под ред. В. Михеева. М.: Московский Центр Карнеги, 2005. 647 с.

⁴ Чжунго тунци чжайяо 2005 : [Краткая статистика Китая 2005]. Пекин, 2005. С. 129—131.

⁵ URL: <http://russian1.people.com.cn/31518/3120320.html>

⁶ URL: <http://russian1.people.com.cn/31518/3132425.html>

⁷ URL: <http://politics.people.com.cn/GB/30178/3148185.html>

⁸ Жэньминь жибао. 23.12.2004.

⁹ China to Realize Fully First Modernization around 2025. URL: <http://english.people.com.cn/20030214/eng20030214-111660.shtml>; China's Modernization on Fast Track. URL: http://english.people.com.cn/200203/25/eng_20020325_9277.shtml

¹⁰ Доклад о модернизации Китая 2002 : [Чжунго сяньдайхуа баогао 2002]. Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2002. С. 102—103, 130.

¹¹ Report: China still in «first modernization». URL: http://english.people.com.cn/200402/05/eng20040205_134008.shtml; Доклад о модернизации Китая 2004 : [Чжунго сяньдайхуа баогао 2004]. Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2004. С. VI.

¹² См.: URL: <http://www.people.com.cn/GB/jingji/1037/2317776.html>; Доклад о модернизации Китая 2002. С. 56.

¹³ Доклад о модернизации Китая 2002. С. 76.

¹⁴ 100 вопросов в помощь к изучению доклада на XVI съезде партии : [Дэндэ дэ шилю цюэси фудао байвэнь]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2002. С. 83—84.

¹⁵ 2004 чжунго кэ чисюй фачжань чжаньлюэ баогао. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2004.

¹⁶ Там же. С. 303—313.

¹⁷ Бэйцзин циннянь бао. 18.09.2003.

¹⁸ URL: <http://www.people.com.cn/GB/jingji/1037/2317776.html>

¹⁹ Жэньминь жибао. 27.09.2004; URL: <http://russian1.people.com.cn/31521/3188488.html>

²⁰ Дандэ шилюцзе сычжун цюаньхуй «Цзюэдин» сюэси фудао байвэнь : [100 вопросов к изучению «Решения» 4-го пленума партии 16-го созыва]. Пекин, 2004. С. 197. К «среднему» классу здесь отнесены семьи с размером имущества от 150 тыс. до 300 тыс. юаней.

²¹ 21 шици Чжунго цзинци да цюйши. Шэньян, 1998.

²² Экономика Китая вступает в XXI век / отв. ред. М.Л. Титаренко; рук авт. колл. И.Н. Наумов. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2004. С. 33—100.

²³ Там же. С. 38—39, 51, 58.

²⁴ *Суй Сяньчунь*. Чжунго вэйлай цзинци цзэнчжан цзи ци гоци цзинци дивэй чжаньван // Цзинци яньцзю. Пекин. 2002. № 3. С. 27—35.

²⁵ China to become the world largest economic entity by 2030. URL: <http://english.people.com.cn/200501/12/eng20050112-170361.html>

²⁶ Доклад о модернизации Китая 2005 : [Чжунго сяньдайхуа баогао 2005]. Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2005. С. V—VI.

²⁷ 2004 Чжунго кэ чисюй фачжань чжаньлюэ баогао. С. 197.

²⁸ См.: *Лю Шучэн*. Чжунго цзинци дэ чжоуци бодун юй хунгуань тяоун : [Циклические колебания китайской экономики и макроконтроль] // 2005 нянь: Чжунго цзинци синши фэньси юй юйцэ : [Анализ и прогноз экономической ситуации в Китае — 2005]. Пекин: Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2004. С. 43—55.

²⁹ См.: *Селищев А.С., Селищев Н.А.* Китайская экономика в XXI веке. СПб., 2004. С. 179.

³⁰ Цзинци жибао. 05.12.1987.

³¹ 2004 Чжунго кэ чисюй фачжань чжаньлюэ баогао. С. 97.

³² *Селищев А.С., Селищев Н.А.* Цит. соч. С. 193.

³³ Sutter, Robert. China's Rise in Asia — Promises, Prespects and Implications for the United States. — Asia-Pacific Center for Security Studies. Honolulu. Occasional Paper Series. February 2005.

О КОНФЕРЕНЦИИ В ЮАР ПО ПРОБЛЕМАМ КИТАЙСКОЙ МИГРАЦИИ

4—6 декабря 2006 г. в Университете Претории (Южно-Африканская Республика) была проведена Африканская региональная конференция Международного общества по изучению зарубежных китайцев (ISSCO — International Society for the Study of Chinese Overseas). В работе конференции приняли участие свыше 60 ученых из ЮАР, Канады, США, КНР, Тайваня, Гонконга, Индонезии, Сингапура, Японии, Республики Корея, Филиппин, Франции, Реюньона, России. Из 53 заслушанных докладов 39 были подготовлены учеными китайского происхождения.

Содержание представленных докладов оказалось весьма разнообразным. Рассматривались, в частности, общие исторические и современные тенденции формирования и развития феномена зарубежной китайской миграции, варианты самоидентификации и адаптации лиц китайского происхождения в различных странах, географические и исторические особенности трудовой миграции китайцев, вопросы сохранения национальных языковых навыков и культурных традиций в диаспорах в условиях размывающего воздействия среды пребывания. Географическая локализация тематики научных сообщений также была довольно широкой. Наряду с традиционным для конференций ISSCO детальным анализом тех или иных аспектов пребывания китайской диаспоры в США, Канаде, Франции, странах Юго-Восточной Азии на этот раз рассматривались и сюжеты, связанные с жизнью китайского сообщества в современных Японии, Республике Корея, Вьетнаме, России. Отдельная секция была посвящена истории китайской диаспоры на Кубе.

В центре внимания конференции в Претории оказались вопросы истории формирования и современного статуса китайской диаспоры на африканском континенте и, прежде всего, в ЮАР. Несомненно, здесь сыграло роль само по себе проведение конференции такого рода в Претории,

давшее уникальную возможность южноафриканским китаеведам и специалистам по миграции ознакомить зарубежных ученых со своими научными исследованиями. Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что конференция проходила на фоне заметной активизации политики Китая в Африке, своеобразным апогеем которой явился состоявшийся в Пекине в ноябре 2006 г. Третий саммит лидеров КНР и африканских государств. ЮАР с ее мощным экономическим потенциалом (в 2005 г. произвела 256,8 млрд долл. ВВП, что составило 47,2 % ВВП стран Африки южнее Сахары¹) и богатыми ресурсами полезных ископаемых является одним из ведущих направлений усиления позиций Китая на африканском континенте. В 2005 г. она вышла на первое место среди африканских стран по объему торговли с КНР. По китайским данным, двусторонний товарооборот составил 7,27 млрд долл. (в том числе 3,83 млрд долл. — экспорт КНР и 3,44 млрд долл. — импорт КНР), тогда как объем торговли Китая с нефтядобывающими Анголой и Суданом достиг, соответственно, 6,95 и 3,91 млрд долл.² Для ЮАР Китай стал в 2005 г. пятым по значению торговым партнером — вслед за Германией, США, Японией и Великобританией, при этом в импорте ЮАР Китай занял второе место вслед за Германией³.

Аналізу трансформации политики Китая в отношении Африки был посвящен доклад *Ли Аньшаня* (Пекинский университет). Проследив общую эволюцию политики КНР на африканском континенте, Ли выделил такие ее особенности на современном этапе, как курс на деидеологизацию двусторонних связей, диверсификацию форм взаимных обменов и расширение ареала сотрудничества, переход здесь от одностороннего акцента на помощь Пекина тем или иным государствам к стратегии взаимовыгодных отношений, прежде всего в экономической сфере. Ли Аньшань попытался увязать далеко не всегда позитивную международную реакцию на активизацию Китая в Африке с наличием объективных противоречий между интересами китайских инвесторов и африканских предприятий, между потребностями Китая в природных ресурсах и целями устойчивого развития Африки, между интересами Китая и больших держав на континенте.

Преодоление этих противоречий, или вызовов лежит, по мнению китайского ученого, в гармонизации интересов сторон, в координации кратко- и долгосрочных интересов самого Китая, в усилении способности партнеров к самостоятельному развитию, обеспечивающему устойчивый, долгосрочный и равноправный характер двустороннего сотрудничества.

Общие проблемы современной китайской миграции в Африку рассмотрел *Эммануэль Ма Мун* (Национальный центр научных исследований, Франция). Ма Мун выделил три типа этой миграции. Первый свя-

зан с привлечением китайских рабочих на строительство сооружаемых китайскими компаниями объектов. В 2006 г. их численность составляла около 80 тыс. человек. После окончания срока контракта на предоставление трудовых услуг часть строителей остается в странах пребывания, создавая собственные небольшие предприятия в сферах торговли и строительства. Второй тип миграции представлен мелкими предпринимателями, прибывающими на континент непосредственно из Китая или из третьих стран и занимающимися главным образом сбытом товаров, импортируемых из КНР. Наконец, третий, транзитный тип образуют мигранты, рассматривающие свое пребывание в Африке как промежуточную ступень на пути в Европу.

Древнюю историю контактов китайцев с Африкой и народами, проживавшими на юге континента, проанализировали *Александр Даффи* (A. Daffey) и *Карен Харрис* (K. Harris) из Университета Претории. В докладе А. Даффи, посвященном находкам китайского фарфора разных династий при археологических раскопках на африканском континенте, была предпринята попытка доказать наличие контактов и торговых обменов между Китаем и Африкой задолго до известных морских экспедиций под руководством Чжэн Хэ (1405—1433 гг.).

Карен Харрис напомнила о сделанных в 1920-е годы находках старинных наскальных рисунков бушменов в долине реки Кей (ЮАР), которые содержали изображения иероглифов китайского типа и людей с коническими шляпами на головах наподобие китайских. Эти находки дали толчок формированию популярной в 1920-е — 1930-е годы теории длительного китайского присутствия на территории нынешней ЮАР в период между 900-м и 1200-м годами, свидетельством которого будто бы служили монголоидные черты и желтая кожа народов группы Хойхой (бушменов и готтентотов). По-своему показательно, что первые голландские поселенцы юга Африки в XVII веке называли готтентотов не иначе как «китайскими готтентотами». Позже, однако, эта теория была подвергнута критике. Ее подтверждение или опровержение требует новых исследований.

Различные аспекты китайской миграции на юг Африки в новое время были рассмотрены в докладах *Парк Юн Чжун* (Yoon Jung Park) и *Даррила Аккона* (Darryl Accone) из Университета Витватерсранд, Йоханнесбург, а также в совместном докладе *Ли Ин* (Li Ying) и *Карен Харрис*.

Ученые ЮАР выделяют три волны китайской иммиграции на юг Африки. В период первой волны в 1652—1870-х годах китайцы завозились сюда в небольших количествах в качестве рабов, заключенных и контрактных рабочих, причем поначалу не непосредственно из Китая, а из голландской Батавии. Как показал доклад *Джеймса Армстронга* (Библиотека Конгресса, США), лишь немногим лицам китайского происхожде-

ния удалось в тот период обрести нормальный общественный статус, дававший право владеть собственностью.

Вторая волна иммиграции датируется концом 1870-х — 1940-ми годами. Старт ей положило обнаружение месторождений золота на юге Африки. Хотя в целом и английские, и бурские, и (позднее) южноафриканские власти проводили жесткую ограничительную политику по отношению к допуску лиц китайского происхождения, случались и временные исключения из правил. Примером этого служит завоз в Трансвааль в 1904—1907 годах примерно 64 тыс. китайских контрактных рабочих для работы на золотых приисках. Практически все они, за вычетом погибших или умерших, покинули Южную Африку после завершения срока контракта.

Третью волну, стартовавшую в 1970-е годы, сформировали выходцы из Тайваня и современные иммигранты из КНР.

В настоящее время лица китайского происхождения представлены в ЮАР тремя различными группами.

Около 12 тыс. человек составляют китайцы, родившиеся в Африке — в основном потомки иммигрантов второй волны. Выходцы с Тайваня, приток которых пришелся на период тесных связей Тайваня с ЮАР в 1970-е — 1980-е годы, насчитывают 10—14 тыс. Наиболее многочисленная группа — это новые иммигранты из КНР. По неофициальным оценкам, ныне в ЮАР насчитывается около 100 тыс. лиц китайского происхождения, что составляет 0,2 % от общего населения страны в 44,8 млн человек.

Китайскую диаспору в ЮАР вряд ли можно рассматривать как единое целое. Представленные в ней группы разъединяют и история формирования, и существенные языковые различия. Вместе с тем перемены, происходящие в ЮАР после 1994 г., способствовали возникновению ряда новых процессов в китайской диаспоре. Так, вызов со стороны мигрантов из КНР (считающихся менее законопослушными и практически не знающих местные языки) привел к определенному сближению китайцев, родившихся в Африке, и выходцев с Тайваня, которые прежде почти не взаимодействовали. Еще одним фактором, предопределившим формирование у этих групп мигрантов общих интересов, стало стремление отстоять свою прежнюю идентичность с ее сильной ориентацией на «китайскость» перед угрозой феномена так называемой «бананизации» молодежи, то есть все большей ориентации молодых людей китайского происхождения на сугубо западные ценности и образ жизни (по аналогии с бананом — желтым снаружи, белым внутри).

Вместе с тем общая заинтересованность в повышении социального статуса и в преодолении периодически проявляющихся в ЮАР антикитайских настроений постепенно готовит почву для более тесного сотруд-

ничества всех групп китайской диаспоры в Южной Африке. Симптоматично, что избрание в парламент ЮАР Шерри Чэнь, уроженки Тайваня, а затем еще трех деятелей китайского происхождения, единодушно оценивается в диаспоре как событие, способное сыграть важную роль в защите законных прав китайцев в Южной Африке в целом и в борьбе за включение китайского языка в число языков, изучаемых в средней школе страны.

Участники конференции ознакомились с великолепным Музеем китайского фарфора в Университете Претории и с фотовыставкой, посвященной созданию одного из наиболее фундаментальных трудов по истории китайской диаспоры в ЮАР — монографии «Цветной статус, неуверенность, уступки»⁴, изданной в 1996 г. в Гонконге.

(2007)

Примечания

¹ South Africa at a Glance. Greenside, South Africa. 2006. P. 211—212.

² Хайгуань тунцзи : [Таможенная статистика] // Пекин. 2005. № 12. С. 3—4.

³ South Africa at a Glance. P 171.

⁴ Melanie Yap and Dianne Leong Man. Colour, Confusion and Concessions. The History of the Chinese in South Africa // Hong Kong University Press. 1996. 528 p.

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ XVII СЪЕЗДА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ КИТАЯ

Исторический контекст. Съезды КПК с 1969 г. по 1977 г. (IX, X и XI) проводились раз в четыре года, затем — раз в пять лет. В годы реформ съезды правящей компартии были в первую очередь нацелены на подъем экономики и в целом последовательное повышение уровня жизни населения.

Так, XII съезд КПК (1982 г.) определил общую линию развития страны на длительную историческую перспективу как строительство социализма с китайской спецификой и выдвинул задачу увеличения масштаба национальной экономики за 20 лет в 4 раза.

XIII съезд КПК (1987 г.) выдвинул положение о нахождении Китая на начальной стадии социализма и предложил эффективную формулу функционирования реформирующейся экономики: государство регулирует рынок, рынок направляет предприятия. Был также поставлен вопрос о необходимости реформы политической системы КНР.

XIV съезд КПК (1992 г.) окончательно провозгласил курс на создание в Китае социалистической рыночной экономики.

XV съезд КПК (1997 г.) закрепил теорию Дэн Сяопина в качестве одной из основополагающих руководящих идей деятельности КПК.

XVI съезд КПК (2002 г.) дополнил идейно-теоретическую платформу КПК идеями «тройного» представительства, ассоциируемыми с именем Цзян Цзэминя, а также выдвинул задачи увеличения годового объема ВВП Китая в 2020 г. в 4 раза по сравнению с 2000 г. и создания общества средней зажиточности («сяокан»).

Общая характеристика XVII съезда КПК

Вначале о формальных параметрах съезда. XVII съезд КПК, на который было избрано 2200 делегатов от 73 млн членов партии, работал с 15 по 21 октября 2007 г. На съезде был заслушан и обсужден отчетный док-

лад Генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао «Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, бороться за новую победу в деле полного построения среднезажиточного общества». Был также заслушан доклад Дисциплинарной комиссии ЦК КПК. Приняты поправки в Устав КПК и резолюции по докладам и по поправкам в устав.

Съезд завершился избранием новых членов и кандидатов в члены ЦК КПК и Дисциплинарной комиссии ЦК КПК. Выборы, в соответствии с установившейся в КНР в последнее время практикой, прошли из числа кандидатов, превышающего количество избираемых, с отсевом на основе наименьшего числа поданных «за» голосов. При выборах членов ЦК КПК такое превышение составило 8,3 %. Было избрано 204 члена ЦК КПК из 221 кандидата.

22 октября 2007 г. на 1-м пленуме ЦК КПК 17-го созыва были проведены выборы высших органов партии, в том числе Генерального секретаря ЦК КПК (им остался Ху Цзиньтао), членов Политбюро и Постоянного комитета политбюро ЦК КПК, членов секретариата ЦК КПК, руководства Центрального военного совета КПК и Дисциплинарной комиссии ЦК КПК.

Основные политические итоги XVII съезда КПК заключаются в следующем:

- обобщены результаты деятельности КПК за пятилетний период пребывания Ху Цзиньтао во главе партии и страны, намечены или уточнены основные направления работы КПК как правящей партии на следующие пять лет до 2012 г. и на более отдаленную перспективу — до 2020 г.;
- в программных документах партии закреплены идейно-теоретические новации последних лет, ассоциируемых с именем Ху Цзиньтао;
- определены историческое место и функции нынешнего этапа в общей стратегии развития Китая до середины XXI века;
- намечены подходы к поиску адекватных ответов на внутренние и внешние вызовы, стоящие перед Китаем в настоящее время;
- через обновление партийного руководства заложена основа для плавной передачи власти в среднесрочной перспективе следующему поколению лидеров партии и страны.

Остановлюсь подробнее на **некоторых особенностях съезда и его основных решениях**.

Прежде всего необходимо отметить, что пятилетие после XVI съезда КПК было периодом, когда Ху Цзиньтао должен был проявить себя, доказать свое право на лидерство. Ему удалось это сделать в полной мере. Ху Цзиньтао показал себя как сложившийся лидер одного из крупнейших государств мира, объективно оценивающий особенности и потенциал Китая и обладающий собственным видением путей решения стоящих

перед страной непростых проблем. Стремление к обновлению идейно-теоретического багажа КПК как правящей партии и к приведению его в соответствие с требованиями времени Ху Цзиньтао демонстрировал буквально с первых дней своего пребывания на посту Генсека. Основные идейно-теоретические новации Ху Цзиньтао, такие как научный взгляд на развитие, идеи гармоничного общества и гармонизации международных отношений, принцип «брать человека за основу» детально обсуждались на пленумах ЦК КПК. А возросшая социальная ориентация экономической политики, рост внимания к культуре как к одному из важнейших инструментов международного влияния Китая к моменту съезда уже нашли достаточно последовательное воплощение в политической практике. Так что акцент съезда на данных моментах был вполне закономерным и ожидаемым.

Заметный отпечаток на XVII съезд КПК наложило приближающееся тридцатилетие провозглашения политики реформ и открытости в Китае. Старт ей, как известно, дал 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва в декабре 1978 г. Доклад Ху Цзиньтао по своему содержанию вышел за временной горизонт подведения итогов предыдущего и определения задач на следующее пятилетие. Он оказался шире и по периоду охвата, и по идейно-теоретическому содержанию. Ху Цзиньтао четко показал генетическую связь нынешнего курса со всей предшествующей политикой компартии Китая со времени образования КНР и особенно за годы проведения политики реформ и открытости. В данном контексте обратило на себя внимание упоминание в докладе положения «об одном центре и двух основополагающих моментах» (центр — экономическое строительство, два момента — четыре основных принципа¹ и политика реформ и открытости).

В общем контексте съезда оно воспринимается как свидетельство твердой решимости Китая отстаивать избранный путь общественного развития — социализм с китайской спецификой, сочетающий приверженность социалистическим ценностям (о них специально говорилось в докладе Ху Цзиньтао) с неуклонным проведением политики реформ и открытости.

Далее. Съезд попытался если и не дать исчерпывающие ответы на внутренние и внешние вызовы, с которыми сталкиваются сегодня КПК и КНР, то как минимум наметить контуры, принципы, подходы к поиску таких ответов.

На мой взгляд, среди внутренних вызовов главным является опасность дестабилизации социальной обстановки вследствие серьезного недовольства какой-то части населения своим положением и теми или иными аспектами политики руководства страны. В связи с этим уместно вспомнить, что в 2005 г. в Китае было зафиксировано свыше 96 тыс. про-

тестных действий населения с участием 8 млн человек, причем значительная их часть сопровождалась насилием с обеих сторон. Как известно, власти стремятся получить объективную картину степени недовольства в тех или иных слоях общества. На 2-м российско-китайском форуме по общественным наукам директор Института социологии АОН Китая Ли Пэйлинь рассказал об обследовании, проведенном недавно среди «нун-миньгун» — рабочих из крестьян, то есть сельских мигрантов, занятых в городах. К некоторому удивлению ученых, эта категория граждан оказалась довольна своим положением и уровнем доходов гораздо больше, чем «старые» городские рабочие, прежде всего потому, что психологически сравнение пока идет не по горизонтали — с тем, что есть у других, а по вертикали — с тем, что они имели раньше, работая в деревне. Полагаю, основным источником потенциальной социальной дестабилизации в Китае по-прежнему остается крестьянство, часть которого по сути дела просто сгоняется с земли без сколько-нибудь серьезной компенсации.

Все ощутимее становится и чисто экономический вызов, вернее, сумма вызовов, прямо связанных с очень высокими темпами роста валового внутреннего продукта (ВВП) в Китае в последнее пятилетие (в 2003 г. — 10,0 %, в 2004 г. — 10,1, в 2005 г. — 9,9, в 2006 г. — 10,7 и в 2007 г. — порядка 11,5 %). Чем бы такие темпы роста ни объяснялись (на мой взгляд, здесь сыграло свою роль инерционное влияние политики предшествовавшего пятилетия, когда экономику Китая пытались искусственно подогреть достаточно крупными объемами выпуска облигаций на инвестиционные цели), они явно аномальны и порождают целый ряд негативных последствий. Первое — воспроизводится экстенсивная модель роста — энерго- и ресурсозатратная, наносящая большой ущерб окружающей среде. Второе, прямо связанное с первым — Китай оттягивает на себя все большую долю мировых ресурсов. Возьмите железную руду — половина ее импортных поставок, перевозимых морем, приходится на Китай (в 2006 г. — 325 млн т). В 2005 г. на Китай пришлось 7,8 % мирового потребления нефти, 39,6 % — угля, 31,8 % — стали, 47,7 % — цемента. Не менее важный аспект проблемы — поддержание высоких темпов роста требует все новых рынков сбыта, и Китай ведет себя на внешних рынках все агрессивнее. Как следствие — опасения в мире по поводу так называемой «китайской угрозы» не только не утихают, но и получают, можно сказать, вполне конкретное материальное подкрепление. И третье. Попытки руководства страны сдержать темпы роста за счет традиционных рычагов макрорегулирования (повышение банковского процента по депозитам и кредитам и т. п.) пока заметного эффекта не дали. Более того, в 2007 г. после длительного перерыва в Китае наблюдается весьма ощутимая инфляция, ставшая, как и в России, закономерным следствием перегрева экономики. Известно, что ничто не подрывает престиж прави-

тельства в глазах населения сильнее, чем инфляция. Так что причины для беспокойства здесь есть.

Основной внешний вызов — это все более громкое требование мирового сообщества о необходимости «ответственного поведения» Китая. Причем это требование затрагивает не только внешнюю и внешнеэкономическую, но все чаще и внутреннюю политику руководства страны, в том числе энергетическую, экологическую, национальную, религиозную.

Съезд показал, что нынешние лидеры страны предполагают искать ответ на стоящие перед Китаем внутренние и внешние вызовы прежде всего на основе так называемой **научной концепции развития**. Научная концепция развития, или, точнее, научный взгляд на развитие представляет собой набор задач улучшения сложившихся в Китае модели экономического роста и структуры экономики и методов их достижения.

Научная концепция развития предполагает:

- отказ от односторонней погони за темпами роста в пользу более сбалансированного и качественного роста;
- переход от преимущественно экстенсивного к преимущественно интенсивному типу экономического роста, который был бы менее энерго- и ресурсозатратным и более щадящим в экологическом отношении, носил бы более гармоничный и устойчивый характер;
- больший учет социальных аспектов развития, увеличение социальной отдачи от экономического роста;
- трансформацию Китая в государство инновационного типа с сопутствующим существенным увеличением доли собственных ключевых технологий и торговых марок в общем объеме производимой и экспортируемой продукции;
- усиление акцента на потребление и внутренний спрос вслед за ростом благосостояния населения с некоторым ослаблением нынешнего акцента на накопление и экспорт;
- проведение более сбалансированной политики регионального развития, некоторое сужение имущественного и социального разрыва между жителями города и деревни.

Перспективы модернизации Китая на период до 2020 г.

В практическом плане следование научной концепции развития призвано обеспечить «полное построение» в Китае к 2020 г. общества «сяо-кан» — общества средней зажиточности.

В пятилетнем плане на 2006—2010 годы некоторые ориентиры развития страны на среднесрочную перспективу были уточнены. Так, в 2010 г. ВВП Китая должен составить 26,2 трлн юаней, а среднедушевой ВВП — 1900 долл. При этом в сам план были впервые введены ограничительные показатели (например, прирост населения, снижение удельной энергоёмкости ВВП), призванные содействовать трансформации модели

экономического роста в Китае в соответствии с научной концепцией развития.

Главной модификацией XVII съезда КПК в данной сфере стало выдвижение задачи увеличения в 2020 г. по сравнению с 2000 г. в 4 раза не абсолютного размера ВВП, а ВВП на душу населения.

Обращение к этому показателю интересно уже тем, что оно позволяет использовать разные акценты в зависимости от адресата. То есть в ряде случаев Китай как бы говорит: что вы от нас требуете того-то и того-то, ведь мы еще вон какие отсталые, или: что вы нас боитесь, у нас вообще-то и всего ничего. Конкретно первый вариант активно используется при обсуждении проблемы выброса CO_2 — при огромной абсолютной доле Китая (более 14 % от мировых выбросов) показатель на душу населения получается скромный. Второй вариант — это апелляция к тому факту, что по ВВП на душу населения (по официальному курсу) КНР находится примерно на 125-м месте в мире, и поэтому требования к тем или иным формам самоограничения Китая (в наращивании экспорта, в темпах роста) выглядят, дескать, неуместными. В то же время, для внутренней аудитории данный показатель может скорее играть не успокаивающую, а, напротив, мобилизующую роль: мол, останавливаться время не пришло, нам еще расти и расти. Но по большому счету какой-то большой концептуальной новации в нынешнем обращении Китая к показателю производства ВВП на душу населения нет: ведь, по сути дела, весь обсчет желаемых параметров модернизации начался с высказанного Дэн Сяопином в 1979 году предположения о возможности увеличения валового национального продукта страны на душу населения к концу XX века в четыре раза — с тогдашних 250 долл. до тысячи.

Теперь что касается существа задачи увеличения ВВП Китая на душу населения в 2020 г. в четыре раза по сравнению с 2000 г. На первый взгляд она противоречит научной концепции развития. Однако с учетом прироста, уже достигнутого за 2001—2007 гг., за оставшиеся 13 лет КНР предстоит увеличить среднедушевой ВВП в 2,15 раза, т. е. примерно на 6,1 % в год. Для справки: соответствующий среднегодовой прирост за период 1979—2000 гг. составил около 8,3 %. То есть цель, по крайней мере формально, вполне достижима.

Уточнение «количественной» цели развития изменит расчетные общие параметры экономики КНР в 2020 г. не слишком значительно — в юаневом выражении примерно с 40 трлн до 44,6 трлн юаней. Это эквивалентно 5,4 трлн долл. по курсу 2000-го года (8,28 юаня за доллар) и около 6 трлн долл. по курсу 2007 г. (7,5 юаня за доллар) против 2,7 трлн долл. в 2006 г.

Однако скорее всего эти параметры следует расценивать как минимальные. Во всяком случае, китайские комментаторы материалов

XVII съезда КПК, исходя из сохранения до 2020 г. среднегодовых темпов прироста ВВП в 7,5 %, выходят на показатели ВВП Китая 7,2 трлн долл., а ВВП на душу населения — около 5000 долл., что примерно соответствует сегодняшнему среднемировому уровню².

В любом случае следует ожидать дальнейшего усиления позиций Китая в мировой экономике. Напомню, что в 2006 г., исходя из оценок МВФ, доля КНР в мировом ВВП составила примерно 5,5 % по официальному курсу и 15 % по паритету покупательной способности национальных валют.

Заметный акцент съезда на **социальную проблематику** продиктован как декларированной целью построения в Китае гармоничного общества, так и стремлением добиться приемлемого уровня социальной стабильности в стране. Вместе с тем усиление социального начала, характерное для всего пятилетия пребывания Ху Цзиньтао у власти и вполне соответствующее выдвинутому им принципу «брать человека за основу», отражает и явно возросшие материальные возможности Китая. В первую очередь именно они позволили отменить сельхозналоги, начать отмену платы за обучение и возрождение системы медобслуживания в сельской местности.

Вместе с тем уровень развития социальной инфраструктуры в Китае остается, по общемировым меркам, все еще весьма невысоким.

Съезд вновь подтвердил, что центральным звеном **политической системы** КНР остается правящая коммунистическая партия. Принятые на съезде поправки в Устав КПК в основном связаны с введением в текст документа положения о научной концепции развития. В поправках также нашли отражение некоторые новые моменты партийной работы последних лет, например требование сохранения связи парторганизаций с членами партии — мигрантами. Из общей программы устава изъято положение о необходимости «изучать... все передовые формы хозяйствования и методы управления, которые имеются у стран Запада». Судя по всему, оно не вполне отвечает нынешнему курсу на создание в Китае инновационного государства и съездовским высоким оценкам китайской цивилизации.

Сохранение передового характера партии прямо увязывается с антикоррупционной борьбой в ее рядах.

В целом же продвижение в сфере политической реформы небольшое. Китай еще раз показал, что в деле совершенствования и демократизации политических институтов он намерен и впредь исходить из собственных реалий и своих представлений о сроках и темпах этого процесса, а не из навязываемых извне рекомендаций. Пожалуй, определенного внимания заслуживает обещание постепенно перейти к равному избирательному праву для жителей города и деревни, о необходимости чего еще в 2003 г.

писал известный китайский ученый-обществовед Ху Аньган (в начале нынешнего десятилетия один депутат во Всекитайское собрание народных представителей избирался от 960 тыс. жителей села и от 260 тыс. горожан).

Важно также обратить внимание не только на то, что есть в докладе Ху Цзиньтао, но и на то, чего там нет. В данном контексте небезынтересно отсутствие прямых выпадов против «политики вестернизации» и угрозы «мирного перерождения», а также ссылок на «принципиальный отказ Китая от политики разделения властей» (представительной, исполнительной и судебной). Уйдя от конкретного обозначения неприемлемых для Китая веяний, Ху Цзиньтао ограничился общей констатацией необходимости «оказывать твердый отпор разлагающему влиянию всех ошибочных и гнилых идеологий».

XVII съезд КПК констатировал необходимость дальнейшего всестороннего совершенствования **оборонного строительства** и вооруженных сил страны. Декларированный в докладе Ху Цзиньтао принцип «планирования экономического и оборонного строительства в едином порядке» на деле означает, что рост оборонного бюджета и технической оснащенности китайской армии будут, как минимум, не отставать от темпов роста экономики. Как подчеркивается в комментариях к решениям съезда, оборонная мощь страны «должна соответствовать международным позициям, задачам обеспечения национальной безопасности и интересам развития Китая». Заслуживает упоминания поставленная Ху Цзиньтао задача «повышения самостоятельного новаторства в военно-технических НИОКР». На практике это может означать более активное замещение импортной военной техники собственной продукцией.

Восстановление суверенитета над **Тайванем** с начала 1980-х годов провозглашено — наряду с модернизацией и сохранением международного мира — одной из трех главных стратегических целей Китая. Акцент на тот или иной вариант решения тайваньской проблемы — сугубо мирный или с вероятным использованием военной силы — варьирует от одного общегосударственного форума к другому, прежде всего в зависимости от конкретной ситуации на Тайване и вокруг него. На XVII съезде КПК упор однозначно сделан на мирное развитие межбереговых отношений на базе приверженности «обоим берегам пролива», т. е. Тайваня и КНР, основополагающему принципу «одного Китая». Выдвинуто предложение «официально прекратить состояние вражды между берегами и достигнуть соглашения о мире». Такой подход обусловлен рядом факторов. В последние годы Ху Цзиньтао заметно обновил концептуальный подход к отношениям материка с Тайванем, подчеркивая общность интересов населения «двух берегов пролива». По приглашению Пекина в КНР побывали с визитами лидеры всех крупнейших оппозиционных

партий острова. Эти позитивные для Пекина тенденции и были закреплены съездом. С другой стороны, миролюбивый тон может оказаться эффективнее языка угроз в преддверии выборов парламента и «президента» Тайваня соответственно в январе и марте 2008 г. и возможного проведения покидающим свой пост Чэнь Шуйбянем референдума о вступлении острова в ООН под названием «Тайвань». Пекин явно делает ставку на ослабление позиций сторонников независимости Тайваня, призывая тайваньских соотечественников сообща бороться против раскола страны.

Внешнеполитическая платформа съезда закрепила те новации и уточнения международной политики Китая, которые были сформулированы Ху Цзиньтао в выступлении по случаю 60-летия Организации Объединенных Наций 30 сентября 2005 г. Тогда китайский лидер обратился к международному сообществу с призывом к строительству гармоничного мира, характеризующегося прочной мирной обстановкой и общим процветанием. Данное положение ныне включено в программный раздел Устава КПК.

Соответственно, в докладе Ху Цзиньтао акцент сделан на приверженности Китая мирному пути развития и широкому сотрудничеству со всеми странами мира на принципах обоюдного выигрыша. Тем самым Пекин стремится недвусмысленно сигнализировать всему миру, что от него не надо ожидать каких-либо потрясений для нынешней системы международных отношений, что он готов нести свою долю ответственности за достижение и обеспечение глобальной стабильности.

Вместе с тем демонстративное миролюбие и дружелюбие Китая не следует расценивать как некое признание им собственной слабости. Напротив, в докладе Ху Цзиньтао присутствуют как прямая констатация возросшей роли страны в мировых делах, так и своеобразное предостережение от возможной недооценки Китая. Именно так, похоже, следует расценивать фразу о том, что «сегодня социалистический Китай... стоит во весь свой гигантский рост на востоке нашей планеты». Так что, судя по всему, несмотря на декларированную приверженность гармонизации международных отношений, Китай будет и впредь достаточно жестко отстаивать свои политические, экономические и цивилизационные интересы. Об этом же свидетельствует и подтверждение независимого и самостоятельного характера внешнеполитического курса страны.

Обратило на себя внимание и усиление культурной составляющей в инструментарии внешней политики Китая. Зав. отделом пропаганды ЦК КПК Лю Юньшань прямо призвал к проведению в сфере культуры политики «выхода за пределы страны» наподобие той, что осуществляется в последние годы китайскими компаниями в сфере бизнеса.

Главная **кадровая интрига съезда** заключалась в том, даст ли он четкий ответ на вопрос, кто именно придет на смену Ху Цзиньтао в качестве

лидера партии и страны в 2012—2013 гг. В обновленном составе Постоянного комитета политбюро ЦК КПК оказались два возможных кандидата на эту роль — Си Цзиньпин и Ли Кэцян. 54-летний Си Цзиньпин имеет большой опыт работы на руководящих постах в регионах приморского пояса — в провинциях Фуцзянь, Чжэцзян, а в предшествовавшие съезду полгода — и секретарем парткома Шанхая. Хотя Си Цзиньпина, как сына известного ветерана Си Чжунсюня, подчас причисляют к фракции так называемых «принцев», т. е. детей высокопоставленных деятелей КПК прежних лет, его скорее можно рассматривать как выдвигенца развитых восточных приморских районов в целом. Не исключено, что выдвижение Си Цзиньпина, неожиданное и для многих китайцев, было сделано по настоянию все еще сохраняющего определенное влияние Цзян Цзэминя в обмен на уход из Постоянного комитета политбюро «по возрасту» Цзэн Цинхуна — заместителя Председателя КНР, считавшегося главным соперником Ху Цзиньтао в высшем эшелоне власти.

52-летний Ли Кэцян, который до марта 2007 г. считался предпочтительным кандидатом на продвижение, принадлежит, напротив, к так называемой комсомольской фракции, то есть к лицам, связанным друг с другом благодаря работе в КСМК. Он и начал свою политическую карьеру в качестве секретаря комитета комсомола Пекинского университета. Позднее руководил китайским комсомолом, был губернатором провинции Хэнань и секретарем парткома провинции Ляонин. Си и Ли — хорошо образованные люди, имеют ученые степени. Поскольку Си Цзиньпин вошел также в Секретариат ЦК КПК, он, скорее всего, будет заниматься в ближайшей перспективе партией. Если Ли Кэцян на следующей сессии китайского парламента в марте 2008 г. станет вице-премьером, то его можно будет считать кандидатом на пост главы правительства в среднесрочной перспективе.

В то же время, на мой взгляд, наряду с Си Цзиньпином и Ли Кэцяном, претендентами на высшие партийные и государственные посты в перспективе можно считать также Ли Юаньчао и Бо Силая, которые составили своего рода тандем «дублеров». Ли Юаньчао, возглавлявший партком провинции Цзянсу — одной из ведущих провинций Китая по объему валового регионального продукта (в 2006 г. — 3-е место вслед за Гуандуном и Шаньдуном), ныне избран не только членом политбюро ЦК КПК, но и членом секретариата ЦК. Он также возглавил Орготдел ЦК КПК вместо Хэ Гоцяна. Бо Силай, получивший широкую известность еще в период работы в г. Далянь, хорошо знаком многим российским руководителям по переговорам с нашими делегациями в качестве министра коммерции КНР. На него может «сработать» то очень важное для китайских условий обстоятельство, что именно его отец Бо Ибо, входивший в группу влиятельных ветеранов, сыграл решающую роль в избрании Ху

Цзиньтао в ПК ПБ ЦК КПК в начале 1990-х годов. Впрочем, до 2012 г., т. е. до возможной смены руководства КПК, еще много воды утечет, так что окончательные выводы делать рано.

Несколько слов о политбюро ЦК КПК. В его новом составе по традиции оказались неплохо представлены руководители ведущих регионов Китая, в том числе всех городов центрального подчинения. От Пекина сразу двое: секретарь парткома Лю Ци и мэр Ван Цишань, от Шанхая — Си Цзиньпин и сменивший его уже после съезда на посту секретаря парткома Юй Чжэншэн. От Тяньцзиня — Чжан Гаоли, переброшенный на пост секретаря парткома с аналогичного поста в Шаньдуне только в этом году, а ранее широко известный по работе в специальной экономической зоне Шэньчжэнь. От Чунцина — недавно возглавивший местный партком Ван Ян. Сохранили членство в политбюро секретари парткомов провинции Гуандун Чжан Дэцзян и Синьцзян-Уйгурского автономного района Ван Лэцюань. Единственной женщиной в составе политбюро стала Лю Яньдун — руководитель Отдела Единого фронта ЦК КПК. Она известна как давняя сподвижница Ху Цзиньтао. Занимаемая ею должность носит далеко не формальный характер с учетом того значения, которое в Пекине придают институту консультаций с беспартийными общественными деятелями и членами так называемых демократических партий, входящими в Народный политический консультативный совет Китая.

Новое лицо в Центральном военном совете КПК — Сюй Цилян, руководивший с китайской стороны военными маневрами «Мирная миссия — 2007».

Россия, как и любые другие конкретные страны, в известных нам материалах съезда прямо не упоминалась. В то же время интересам России вполне отвечает выраженное в докладе Ху Цзиньтао намерение продолжать «укреплять дружественное добрососедство и деловое сотрудничество с соседними странами, активно развивать региональное сотрудничество». В изданных сразу после съезда пропагандистских материалах дана высокая оценка нынешним китайско-российским отношениям, в том числе контактам лидеров двух стран и проведению «национальных годов» — Года России в Китае и Года Китая в России.

В российских СМИ преобладало достаточно объективное освещение хода и итогов XVII съезда компартии Китая.

В то же время вытекающая из итогов съезда вполне реальная перспектива дальнейшего усиления Китая послужила причиной несколько нервной реакции на съезд и его итоги ряда российских СМИ, предрекших негативные для России последствия дальнейшего быстрого экономического роста КНР в виде усиления экспансии китайских компаний на российском рынке, дополнительного экологического и миграционного давления на российский Дальний Восток и т. п.³

Разумеется, нельзя закрывать глаза на то обстоятельство, что за последние 15 лет соотношение экономической мощи двух стран существенно изменилось в пользу Китая. Об этом наглядно свидетельствует следующая табл. 1.

Таблица 1. Соотношение некоторых экономических показателей России и Китая

Наименование	Ед. изм.	1992 г.			2006 г.		
		Россия	Китай	Соотношение	Россия	Китай	Соотношение
Нефть	млн т	399	142,1	2,8	480	183,7	2,6
Газ	млрд м ³	641	15,8	40,57	656	58,5	11,21
Уголь	млн т	337	1116	0,3	309	2382	0,13
Электроэнергия	млрд кВт·ч	1008	753,9	1,33	991	2834,4	0,35
Сталь	млн т	67,0	80,94	0,83	70,8	422,66	0,17
Металлорежущие станки	тыс. шт.	53,4	229,0	0,23	5,0	511*	0,01
Цемент	млн т	61,7	308,2	0,20	54,7	1235	0,044
Автомобили грузовые	тыс. шт.	583	905	0,64	245	3410	0,07
Автомобили легковые	тыс. шт.	963	162	5,94	1175	3869	0,30
Зерно	млн т	106,9	401,7**	0,266	78,6	442,4**	0,178
Мясо	млн т	4,686	29,4	0,16	2,1	80,5	0,026
Экспорт	млрд долл.	63,7***	148,78***	0,43	260,0	969,07	0,27
Импорт	млрд долл.	46,7***	132,08***	0,35	137,0	791,61	0,17

Составлено по данной официальной статистике РФ и КНР.

Примечания. * 2005 г.

** Данные о производстве зерна в Китае — без бобовых, батата и картофеля.

*** 1995 г.

Как видно из приведенных данных, Россия сохранила значительное преимущество перед Китаем по добыче нефти и природного газа, но утратила имевшееся в начале 1990-х годов преимущество по производству электроэнергии и легковых автомобилей. По ряду же позиций соотношения показателей производства за прошедшие 15 лет радикально изменилось в пользу Китая — например, по стали с 0,83 в 1992 г. до 0,17 в 2006 г., а по металлорежущим станкам — с 0,23 до 0,01 (!).

Структурные сдвиги в экономике двух стран позволяют лучше понять и объяснить серьезные сдвиги в структуре российско-китайской торговли в последние годы. В российском экспорте в Китай резко растет доля нефти и нефтепродуктов, а доля практически всего остального — снижается. В китайском же экспорте в Россию быстро увеличивается доля продукции машиностроения и электроники, а также черных металлов. Можно констатировать, что взаимодополняемость экономик двух стран не исчезла, но претерпела серьезную структурную трансформацию.

Конечно, нарастающий разрыв в экономической мощи, идущая смена ролей в российско-китайском обмене продукцией новых и высоких технологий не только достаточно больно бьет по российскому самолотию, но и представляет собой определенный вызов если не России в целом, то многим отечественным производителям. Вот только отвечать на этот вызов следует не разглагольствованиями о «китайской угрозе», а практической работой по подъему национального машиностроения, активным освоением Восточной Сибири и Дальнего Востока, реализацией еще пока сохранившегося научного потенциала страны.

Что касается самого Китая, то он в тех сложностях, с которыми столкнулась экономика России в переходный период, никак не повинен. Кроме того, если сравнить Россию по экономическим показателям, например, с Германией и Японией, то мы и здесь обнаружим и значительный разрыв не в пользу России, и то же преобладание энергоносителей и сырья в структуре российского экспорта в эти страны, однако их никто не спешит объявлять «смертельной угрозой для России», как это сделал применительно к Китаю Александр Храмчихин в статье «Вызов «Поднебесной» в сентябрьском номере журнала «Свободная мысль» за 2007 г. Хочу со всей определенностью заявить: на путях конфронтации с Китаем, к которой ее подчас пытаются подтолкнуть, Россия, прибегая к китайскому выражению, не только не найдет ни 300, ни 30 лянов серебра, но даже рискует потерять собственную самостоятельность, превратившись в инструмент реализации чужих планов по сдерживанию или отбрасыванию Китая. Давайте не забывать и уроки двадцатилетнего советско-китайского противостояния в 1960-е — 1980-е годы. Думаю, этот фактор если не прямо, то косвенно внес свою лепту в развал СССР. Что касается постсоветской России, то для нее выход на стратегическое партнерство с КНР стал одним из немногих серьезных внешнеполитических успехов. Этот курс отвечает базовым национальным интересам нашей страны и не имеет разумной альтернативы, хотя, конечно же, и требует постоянной адаптации к меняющимся условиям, в том числе и к продолжающемуся возвышению Китая.

В заключение несколько слов о том, насколько реально достижение Китаем целей, поставленных XVII съездом КПК. Разумеется, Китаю бу-

дет весьма непросто перейти к преимущественно интенсивной модели роста и к государству инновационного типа, однако его способность существенно продвинуться вперед на этом пути в период до 2020 г. сомнений не вызывает. С учетом множества проблем и диспропорций в социальной сфере, низкого уровня жизни значительной части населения возможность формирования в Китае гармоничного общества в обозримой перспективе выглядит маловероятной, да и сама идея выглядит несколько утопичной. В то же время сегодня ни внутри Китая, ни вовне не просматриваются факторы, угрожающие резкой дестабилизацией социально-политической обстановки в стране.

Так что в целом, полагаю, у Китая есть неплохие шансы достичь к 2020 г. намеченных параметров экономического роста и сохранить приверженность избранному пути общественного развития. Следует ожидать и дальнейшего укрепления международных позиций Китая, причем не только в политике и экономике, но и в культуре, военном деле, науке и технике.

(2007)

Примечания

¹ Четыре основных принципа: придерживаться марксизма-ленинизма — идей Мао Цзэдуна, отстаивать демократическую диктатуру народа, руководство компартии и социалистический путь развития. Впервые были сформулированы Дэн Сяопином в марте 1979 г.

² См.: Шици да баогао фудао дубэнь : [Книга для чтения в помощь изучающим доклад на XVII съезде]. Пекин, 2007. С. 92.

³ См., например, статью «Планы Китая могут обернуться для России новыми проблемами». URL: <http://top.rbc.ru> (дата обращения: 19.10.2007).

КОНСОЛИДАЦИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА

Распад СССР и последовавшее за ним конституирование Российской Федерации в качестве самостоятельного государства стали отправной точкой формирования и развития современных российско-китайских отношений. Этот процесс имеет собственную логику и в решающей степени определяется национально-государственными интересами России и Китая, их местом в международном разделении труда и геополитическом позиционировании. Вместе с тем многие важные особенности современных российско-китайских отношений могут быть адекватно поняты лишь в контексте предшествующего интенсивного взаимодействия двух государств, история которого в общей сложности насчитывает около 400 лет.

Хотя в почти 400-летнем опыте межэтнического общения России и Китая «бывало всякое», однако, по оценке академика М.Л. Титаренко, «доминирующей тенденцией в них было добрососедство, взаимовлияние, взаимообогащение культурными ценностями»¹.

При всех непростых перипетиях отношений Цинского Китая с царской Россией между двумя соседними государствами, как считает российский политолог-китаевед А.Д. Воскресенский, «на протяжении почти трехсот лет... царил мир: Россия и Китай никогда не были в состоянии формально объявленной войны, и в принципе им всегда удавалось... восстанавливать стабильное равновесие посредством дипломатических переговоров»². Именно в этот период была постепенно определена и юридически закреплена линия прохождения российско-китайской границы, с некоторыми уточнениями сохранившаяся до настоящего времени³. А учреждение в Пекине в 1715 г. Российской Духовной Миссии, просуществовавшей до 1954 г., положило начало контактам и все более глубокому взаимному познанию народов, культур и религиозных конфессий двух государств⁴.

Драматические мировые потрясения первой половины XX столетия предопределили весьма сложный, многоплановый характер российско-китайского взаимодействия в период 1911—1949 гг. Вероятно, новые исследования, ведущиеся на базе ранее недоступных архивных материалов⁵, позволят со временем уточнить пока остающиеся во многом дискуссионными оценки его конкретных нюансов и общих итогов. Однако, на наш взгляд, при любых возможных модификациях взглядов на события тех лет помощь, оказанная советской Россией революционной борьбе и антияпонской войне китайского народа, представляет собой серьезный вклад в суммарный позитивный багаж двусторонних отношений.

Отношения СССР с провозглашенной 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республикой прошли фазы «вечной дружбы» 1950-х годов, усиления межпартийных и межгосударственных разногласий и даже открытой враждебности 1960—1970-х годов, трудной нормализации 1980-х годов. В научных сообществах РФ и КНР и по сей день нередки несовпадающие оценки коренных причин возникновения и разрастания советско-китайского раскола: в Китае пальму первенства здесь отдают будто бы сложившемуся в двусторонних отношениях фактическому неравенству с очевидным перекосом в пользу СССР⁶, а в России основную ответственность возлагают на Мао Цзэдуна с его левачеством и непомерными амбициями⁷.

Гораздо важнее, однако, то обстоятельство, что Москва и Пекин сумели извлечь должные исторические уроки и смогли, говоря словами Дэн Сяопина, «закрыть прошлое и открыть будущее». Нормализация отношений, символически оформленная визитом в КНР М.С. Горбачева в мае 1989 г., дала весьма мощный и долговременный импульс, позволивший партнерам после распада СССР достаточно плавно перейти от советско-китайского к российско-китайскому формату взаимодействия.

В Протоколе переговоров заместителей министров иностранных дел РФ Г.Ф. Кунадзе и КНР Тянь Цзэнпэя о межгосударственных российско-китайских отношениях, состоявшихся в Москве 27 декабря 1991 г., было отмечено, что основные принципы, определенные в двух советско-китайских коммюнике 1989 и 1991 гг. (по итогам визита в СССР Генерального секретаря ЦК КПК Цзян Цзэминя в мае месяце), остаются и руководящими принципами развития российско-китайских отношений. При этом стороны выразили готовность «развивать отношения дружбы и сотрудничества в политической, торгово-экономической, военно-технической, научно-технической, культурной и других областях»⁸.

Во многом ключевой для закладки прочного фундамента двусторонних отношений в новом формате 1992 год был ознаменован подписанием целой серии важных соглашений о сотрудничестве в торговле, военно-технической сфере, о принципах привлечения китайских граждан для

временной трудовой деятельности в России, о содействии России в сооружении на территории Китая атомной электростанции. Подытожил начальный этап взаимодействия постсоветской России с Китаем визит в КНР Президента РФ Б.Н. Ельцина в декабре 1992 г. Подписанная по его итогам Совместная декларация об основах взаимоотношений между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой зафиксировала, что две страны «рассматривают друг друга как дружественные государства». Были намечены основные контуры сотрудничества РФ и КНР на международной арене и двустороннего взаимодействия, поставлена задача дальнейшего укрепления и выведения отношений между двумя государствами «на новый уровень»⁹.

Успешное продвижение практического двустороннего сотрудничества дало России и Китаю основание в 1994 г. квалифицировать свои отношения как «новые отношения конструктивного партнерства — подлинно равноправные отношения добрососедства, дружбы и взаимовыгодного сотрудничества, основанные на принципах мирного сосуществования». Констатировалось, что «эти отношения не носят союзнического характера и не направлены против третьих стран»¹⁰. А в Совместной декларации от 25 апреля 1996 г. Россия и Китай провозгласили решимость «развивать отношения равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке»¹¹.

Своеобразным итогом развития двусторонних отношений в 1992—2000 гг. и одновременно ориентиром их совершенствования на двадцатилетнюю перспективу стал Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР, подписанный главами двух государств В.В. Путиным и Цзян Цзэмином в Москве 16 июля 2001 г.

В Договоре обобщенная характеристика российско-китайских отношений была изложена как «равноправное доверительное партнерство и стратегическое взаимодействие» (статья 10)¹².

Уже достигнутые результаты взаимодействия России и Китая в рамках стратегического партнерства весьма весомы.

Лидеры двух стран неоднократно декларировали общность или близость позиций России и Китая по основным международным проблемам, в том числе в совместных декларациях «О многополярном мире и формировании нового международного порядка» (1997 г.) и «О международном порядке в XXI веке» (2005 г.). Сходство позиций России и Китая по важным международным проблемам прошло проверку практикой во время развития кризисных ситуаций вокруг бывшей Югославии и вокруг Ирака, в ходе дискуссий о реформе Организации Объединенных Наций. Сегодня консультации по международной проблематике ведутся в формате большинства департаментов министерств иностранных дел РФ и КНР.

Все заметнее проявляется *весомое воздействие российско-китайских отношений* стратегического партнерства на *общую систему международных связей*, особенно благодаря их активной роли в таком представительном международном объединении, как Шанхайская организация сотрудничества, и в таких важных многосторонних диалоговых механизмах, как шестисторонние переговоры по ядерной программе КНДР, шестисторонние консультации по ядерной программе Ирана, трехсторонний диалог Россия—Китай—Индия.

Пожалуй, без большого преувеличения можно утверждать, что выдвигая в США концепция «Большой Центральной Азии» и подталкивание Австралии к присоединению к японо-американскому оборонительному Союзу призваны нейтрализовать или, как минимум, сбалансировать усиление позиций Китая, России и влияния российско-китайского сотрудничества на азиатском континенте.

Создан и постоянно совершенствуется многоуровневый механизм двустороннего российско-китайского сотрудничества. Неоднократные ежегодные встречи лидеров двух стран проводятся во все более разнообразных форматах. Так, в 2006 г. В.В. Путин и Ху Цзиньтао встречались, помимо официального визита Президента РФ в КНР, «на полях» саммита «Большой восьмерки» в Санкт-Петербурге и в рамках саммитов АТЭС, ШОС и СВДМА. Регулярный характер обретает российско-китайский стратегический диалог в формате член Госсовета КНР — Секретарь Совета безопасности РФ. Положено начало финансовому (министры финансов) и экономическому (Комитет развития и реформ КНР — МЭРТ РФ) диалогам двух стран. Созданы и провели первые заседания подкомиссии по охране окружающей среды и сотрудничеству в области гражданской авиации и авиастроения, рабочая группа по миграции. В стабильном режиме действуют «большие» подкомиссии по сотрудничеству в торгово-экономической и гуманитарной сферах. С 1996 г. на ежегодной основе проводятся встречи глав правительств, посвященные в первую очередь развитию взаимной торговли — а ее объем по сравнению с началом 1990-х годов возрос десятикратно.

Все более широкой становится и география межрегионального двустороннего взаимодействия. В торгово-экономические, образовательные и культурные обмены вовлечены большинство субъектов Российской Федерации и практически все административные единицы КНР провинциального уровня.

Трудно переоценить значение окончательного решения вопроса о прохождении границы между Россией и Китаем, озаглавленное завершением работ на местности по демаркации границы между двумя странами на островных участках близ Хабаровска и на р. Аргунь в соответствии с соглашением от 14 октября 2004 г.

Важную роль в укреплении социальной базы стратегического партнерства играет взаимное проведение национальных годов — Года России в Китае в 2006 г. и Года Китая в России в 2007 г. Наряду с весомой политической и экономической повесткой дня, программы национальных годов ориентированы на то, чтобы дать мощный долговременный импульс углублению знакомства широких слоев населения двух стран с традиционной и современной культурой друг друга, формированию в российско-китайских отношениях устойчивого климата взаимного доверия.

В целом можно констатировать, что в российско-китайских отношениях сохраняется возвышательная тенденция и что положительный фон в их развитии доминирует. Симптоматично, что эксперты Института международных проблем Университета Цинхуа (Пекин) по состоянию на первый квартал 2007 г. дали российско-китайским отношениям наивысшую оценку в 7,7 балла по сравнению с оценкой китайско-французских отношений в 6,3 балла, отношений с Индией в 5,3 балла и отношений с США (охарактеризованных как «обычные» в отличие от «дружественных» отношений с Россией) — в 2,1 балла¹³.

Вместе с тем, на наш взгляд, существуют и значительные резервы для углубления двусторонних отношений между РФ и КНР, а их практическая реализация не лишена некоторых трений и шероховатостей, которые, будучи оставлены без должного внимания и своевременного исправления, способны привести к пробуксовке и даже коррозии сложившейся модели российско-китайского стратегического партнерства. Судя по всему, именно с учетом подобных обстоятельств Председатель КНР Ху Цзиньтао в ходе переговоров с Президентом РФ В.В. Путиным 26 марта 2007 г. выступил с предложением о необходимости для России и Китая «стать искренними партнерами в политическом сотрудничестве, доверяющими друг другу», «стать партнерами в торгово-экономическом сотрудничестве, придерживающимся взаимной выгоды и обоюдного выигрыша», «стать партнерами по сотрудничеству в области безопасности на принципах сплоченности и взаимной помощи»¹⁴.

В данном контексте заслуживает всемерной поддержки зафиксированное в Совместной декларации РФ и КНР от 26 марта 2007 г. намерение сторон «придерживаться линии на координацию и углубление своего стратегического взаимодействия во внешнеполитических делах с целью создания благоприятной международной обстановки для развития двух стран». Принципиально важно, однако, подчеркнуть, что, во-первых, такое взаимодействие достигается отнюдь не автоматически, но, напротив, реализуется на практике только путем постоянных целенаправленных усилий обеих сторон, и что, во-вторых, вполне естественное наличие у России и Китая собственных, далеко не во всем совпадающих национальных интересов, в том числе в тех или иных регионах мира, подчас де-

лает задачу координации политики двух государств по конкретным направлениям и проблемам весьма непростой.

В последнее время наиболее успешно **российско-китайское взаимодействие** идет в **формате ШОС**. Здесь чувствуется глубокая заинтересованность и России, и Китая в стратегической стабильности в Центральной Азии перед лицом того вызова, который объективно являются собой угроза «цветных революций» и присутствие в регионе воинского контингента стран НАТО в Афганистане, в запуске эффективного механизма практического экономического сотрудничества в ШОС, наконец, в обеспечении социально-экономического развития центрально-азиатских государств-членов ШОС и улучшении их отношений друг с другом. О готовности Китая считаться с объективными политическими реалиями и учитывать особые интересы России в постсоветских государствах Центральной Азии свидетельствует включение в Совместную декларацию от 26 марта 2007 г. положения о намерении РФ и КНР «всячески содействовать расширению связей Шанхайской организации сотрудничества с Евразийским экономическим сообществом и Организацией договора о коллективной безопасности», где, как известно, ведущая роль принадлежит России.

Вместе с тем коль скоро на Западе, да и в ряде российских СМИ не прекращаются спекуляции относительно якобы неизбежного обострения российско-китайских противоречий в Центральной Азии, то России и Китаю следовало бы обсудить те проблемы на центрально-азиатском треке, которые потенциально чреваты конфликтом интересов.

Если судить по формальным признакам, то развитие сотрудничества между **Китаем, Россией и Индией** продвигается вполне успешно. В июле 2006 г. в Санкт-Петербурге «на полях» саммита «Большой восьмерки» состоялась первая трехсторонняя встреча на высшем уровне, в начале 2007 г. прошла новая встреча министров иностранных дел трех государств. Однако наполнение «остова» сотрудничества в трехстороннем формате конкретным материальным содержанием идет крайне медленно. Более того, периодически вновь возникают те или иные шероховатости в попарных отношениях в формате треугольника. Индия негативно реагирует на строительство при содействии Китая морских портов в Пакистане и Мьянме и на поставку Китаем в Пакистан военных самолетов с моторами, произведенными по российской лицензии. Китай с плохо скрываемым неудовольствием реагировал на пуски ракет «БраМос» совместного индийско-российского производства и абсолютно негативно — на повышение экспортных пошлин на вывозимую из Индии железную руду (КНР является одним из основных ее импортеров). Подливают масла в огонь и подозрения китайской стороны, будто Россия поставляет или го-

това поставлять в Индию более современную военную технику, нежели в Китай¹⁵.

На наш взгляд, более плотное взаимодействие в трехстороннем формате позволило бы мало-помалу снять эти и иные препятствия, развеять взаимные подозрения и устранить основания для них. Кроме того, набор российско-китайско-индийским взаимодействием определенной «критической массы» сделал бы его менее подверженным коррозирующему влиянию внешних сил и преходящих конъюнктурных факторов.

Несколько однобокий характер носит российско-китайское взаимодействие в **Северо-Восточной Азии**. Хотя нынешний акцент в нем на урегулирование ситуации вокруг ядерной программы КНДР вполне оправдан, он явно не может компенсировать фактическое выпадение России и ее Дальнего Востока из интеграционных процессов в регионе. Разумеется, Россия, до недавнего времени как-то индифферентно относившаяся к региональной интеграции, должна пройти свою часть пути. Новая стратегия и долгосрочная целевая Программа развития Дальнего Востока и Забайкалья предполагают существенную интенсификацию взаимодействия российского Дальнего Востока с соседями по Северо-Восточной Азии. Показательно в этом плане предложение В.В. Путина Ху Цзиньтао «разработать план двустороннего сотрудничества на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири»¹⁶, стратегию развития которых, как отмечено в Совместной декларации РФ и КНР от 26 марта 2007 г., можно было бы координировать с возрождением старых промышленных баз Северо-Востока Китая. Вместе с тем, на наш взгляд, Китай мог бы внести свою лепту в создание в регионе атмосферы, более благоприятной для реализации интеграционного потенциала российского Дальнего Востока. Для начала, в частности, речь могла бы идти о подключении российского министра иностранных дел России к ежегодным встречам коллег из Японии, Китая и Республики Корея — хотя бы в порядке эксперимента.

Формы реализации отношений стратегического партнерства между Россией и Китаем **на глобальном уровне** не являются данными раз и навсегда. Напротив, они должны реагировать как на общие изменения международной обстановки, так и на подвижки во внешнеполитических концепциях и практическом курсе самих РФ и КНР. На наш взгляд, сегодня достаточно актуальной является задача адаптации двустороннего взаимодействия на глобальном уровне, с одной стороны, к все более четко вырисовывающейся ориентации России на независимую и самостоятельную внешнюю политику и, с другой стороны, к очевидному усилению комплексной мощи и международного влияния Китая.

Складывается впечатление, что в Китае тщательно анализируют тенденции усиления жесткости во внешней политике России и ее большей решительности в отстаивании своих интересов, в том числе в отношении

ях с США и на постсоветском пространстве, пока избегая, однако, однозначной оценки этих явлений. В данном плане показательна весьма неопределенная реакция официального Пекина на выступление В.В. Путина на Мюнхенской конференции по вопросам безопасности 10 февраля 2007 г. В ответ на просьбу журналистов прокомментировать критические замечания Президента России в адрес США представитель МИД КНР Цзян Юй ограничилась замечанием о необходимости для всех стран мира «приложить совместные усилия для создания гармоничного мира»¹⁷. Также в умиротворяющем духе был выдержан и развернутый комментарий агентства Синьхуа «В каком направлении развиваются американско-российские отношения?», согласно которому американско-российские отношения уже не возвратятся во времена «холодной войны»... «в отношениях между двумя странами будет сохраняться дух сотрудничества при наличии определенных трений»¹⁸. Тем самым Китай по сути дела дает понять, что он не готов открыто принять сторону России в ее трениях с США. Вероятно, здесь сказывается как нежелание Пекина осложнять собственные непростые отношения с США, так и стремление не слишком акцентировать те международные тенденции, которые не вполне вписываются в выдвинутую китайским руководством концепцию «гармоничного мира». В этой связи обращает на себя внимание отсутствие в двух последних российско-китайских документах, подписанных на высшем уровне — Совместных декларациях РФ и КНР от 21 марта 2006 г. и 26 марта 2007 г. — четкого положения о приверженности двух стран «становлению многополюсного мироустройства», которое присутствовало, например, в Совместном российско-китайском коммюнике от 3 июля 2005 г. Близкие по сути к идее многополюсного мира призывы «содействовать коллективным началам и демократизации международных отношений», «сохранять разнообразие культур и цивилизаций» выдержаны, на наш взгляд, в более мягкой тональности.

Вышеприведенный анализ призван не бросить упрек китайской стороне в будто бы недостаточной поддержке России в условиях осложнения ее отношений с США (для этого просто-напросто нет даже формальных оснований — ведь российско-китайское стратегическое партнерство не носит союзнического характера и не направлено против третьих стран), но лишь подчеркнуть ту мысль, что сверкой и актуализацией своих позиций по вопросам стратегической стабильности и подвижек в мировой архитектонике Китай и Россия должны заниматься постоянно.

В настоящее время **подвижки в мировой архитектонике** в немалой степени связаны с возвышением Китая. КНР в 2006 г. заняла 4-е место в мире по годовому производству ВВП (около 2,7 трлн долл), 3-е место — по объему внешней торговли товарами (1760 млрд долл) с неплохой перспективой дальнейшего усиления своей роли в мировой экономике и

торговле. Хотя с точки зрения международных позиций в целом некоторые китайские эксперты скромно оценивают КНР как «региональную державу с определенным глобальным влиянием»¹⁹, ее присутствие во все новых и новых географических зонах и сферах мировой политики с каждым годом ощущается все заметнее.

Как известно, в мире активно обсуждаются вопросы вероятных последствий возвышения Китая, возможного отношения к этому феномену и выбора того или иного варианта политической или экономической реакции на него. Не осталась в стороне от этих дискуссий и Россия, где в целом, судя по опросам общественного мнения, неизменно превалирует позитивное отношение к Китаю, оценка его как нынешнего и будущего стратегического партнера, друга или союзника Российской Федерации²⁰. Поэтому вполне естественно, что руководство России и значительная часть интеллектуальных сил российского общества видят в динамичном стабильном Китае серьезный стимулирующий фактор развития и решения социально-экономических проблем самой Российской Федерации. Важно подчеркнуть, что линии на долговременное совместное развитие двух стран придерживается не только значительная часть российских китаеведов²¹, силы левого политического спектра, но и некоторые деятели праволиберального толка²².

Вместе с тем какая-то часть российского общества сохраняет настороженность, а иногда и негативное отношение к возвышающемуся Китаю. В значительной мере это вызвано тем психологическим дискомфортом, который чувствуют некоторые жители России из-за ее ощутимых различий в населении (соотношение 1:9) и масштабах экономики (соотношение ВВП примерно 1:3, объемов внешней торговли 1:4) с государством-соседом, которое к тому же еще совсем недавно было, казалось бы, далеко позади по всем основным социально-экономическим параметрам²³. Обычно подобный дискомфорт не артикулируется открыто, а камуфлируется призывами к защите национального рынка и требованиями предотвратить превращение России в ресурсно-сырьевой придаток Китая. Думается, что наращивание полноформатного взаимовыгодного двустороннего сотрудничества, выстраиваемого с учетом интересов и тех или иных озабоченностей страны-партнера, последовательная многоплановая работа по улучшению образа Китая в России и устойчивое развитие самой России позволят в конечном счете изжить предубеждения и заблуждения такого рода. Процесс этот, однако, вряд ли будет быстрым, в том числе и по причине регулярных попыток весьма активных прозападных сил в России целенаправленно формировать в российском общественном мнении искаженный, априори отрицательный образ Китая, развитие ко-

торого будто бы ни много ни мало «будет означать конец России как самостоятельной мировой державы»²⁴.

Немало новых моментов появилось в последние годы в российско-китайских **торгово-экономических отношениях**. Хотя в 2006 г. объем взаимного товарооборота вырос, по данным китайской таможенной статистики, до 33,386 млрд долл. по сравнению с 29,103 млрд долл. в 2005 г., нельзя не отметить существенного **снижения динамики темпов роста** российско-китайской торговли. Если в 2003—2005 гг. ежегодные темпы ее прироста превышали 30 %, то в 2006 г. они снизились до 14,7 %. Этот показатель ниже темпов прироста внешнеторгового товарооборота как Китая (23,8 %), так и России (29,2 %), что свидетельствует о некотором снижении доли партнеров во внешней торговле каждой из стран. При этом снижение темпов прироста коснулось как российского экспорта (прирост в 2006 г. составил 10,5 % по сравнению с 31 % в 2005 г. и 24,7 % в 2004 г.), так и импорта — соответственно 19,8 % в 2006 г. по сравнению с 45,2 % в 2005 г. и 51 % в 2004 г.²⁵ Так что задача доведения двустороннего товарооборота в 2010 г. минимум до 60 млрд долл. (в 1,8 раза больше, чем в 2006 г.) может оказаться сложнее, чем это виделось при ее первоначальном выдвигении.

Сохраняются и даже усугубляются определенные **перекосы в структуре взаимной торговли**. Если Китай поступательно наращивает в своем экспорте в Россию долю машин и оборудования — с 8,2 % в 2000 г. до 20 % в 2005 г. и 29 % в 2006 г., то в российском экспорте в КНР доля машин и оборудования, напротив, упала с 28,7 % в 2001 г. и 20,1 % в 2002 г. до 1,2 % в 2006 г., тогда как доля нефти и нефтепродуктов выросла с 10,2 % в 2001 г. до 53,9 % в 2006 г. (Физический объем поставок нефти из России в КНР составил около 16 млн т при общем ее импорте Китаем 145,18 млн т)²⁶.

Россия, однако, не оставила намерений диверсифицировать структуру двусторонней торговли за счет продвижения на китайский рынок высокотехнологичных товаров, прежде всего машин, оборудования, гражданской авиатехники. Китайская сторона демонстрирует готовность идти навстречу России в этом вопросе. Так, достигнута договоренность о создании Китайско-российской палаты в сфере торговли машинами и оборудованием. Согласно заявлению В.В. Путина, в ходе российско-китайских переговоров на высшем уровне в марте 2007 г. обсуждались вопросы совместной работы в области высоких технологий, энергетике, в том числе атомной, в авиации²⁷. Российская сторона все активнее экспонирует на авиасалоне в Чжухае новейшую авиатехнику гражданского назначения, считая, что она вполне может конкурировать с доминирующими на китайском рынке «Боингами» и «Аэробусами»²⁸. В целом, на наш взгляд, позитивные сдвиги в структуре российского экспорта в КНР вполне воз-

можны, но это требует времени, и общего облагораживания структуры экономики и внешней торговли России.

Активно развивается российско-китайское **сотрудничество в сфере добычи и транспортировки углеводородов.**

С началом строительства в 2006 г. нефтепровода Восточная Сибирь — Тихий океан (ВСТО) развеялась существовавшая несколько лет атмосфера напряженных ожиданий и неопределенности, что немало способствовало улучшению общего климата в российско-китайских отношениях, причем не только торгово-экономических. В связи с определенным отставанием дополнительной разведки и уточнения запасов нефти в месторождениях Восточной Сибири и Дальнего Востока стали высказываться опасения, что нефтепроводу ВСТО в обозримой перспективе трудно будет достичь проектной мощности в 50, а затем в 80 млн т поставляемой нефти. Однако компания «Роснефть» декларирует, что за счет освоения Ванкорского месторождения она может обеспечить до 50 % загрузки нефтепровода (вторую половину нефти должны дать компании ТНК-ВР и «Сургутнефтегаз») ²⁹. В целом ситуация с заполняемостью нефтепровода выглядит вполне разрешимой.

Реализуются и более глубокие формы сотрудничества нефтяных компаний двух стран. Так, «Роснефть» создала с китайской компанией «Синопек» совместную компанию-оператора «Venin Holding» для разработки проекта Сахалин-3, т. е. Венинского блока с запасами около 170 млн т нефти и 258 млрд кубометров газа ³⁰.

Что касается поставок природного газа из России в Китай, то здесь, несмотря на заключение в 2006 г. соглашений о двух маршрутах газопроводов — с о. Сахалин и через Алтай, ситуация представляется менее определенной. Алтайский маршрут, по оценкам многих экспертов, грозит настоящей экологической катастрофой. Нет ясности в вопросе и развитии рынка потребления газа в Китае и о приемлемой для обеих сторон формуле определения цены на газ ³¹.

Расхождения по цене остаются и относительно электроэнергии, масштабы поставок которой из России в Китай предполагается существенно нарастить — с планируемых 3,6—4,5 млрд кВт/час в 2008 г. до 60 млрд кВт/час в перспективе ³².

Несмотря на в целом успешное развитие российско-китайского сотрудничества в топливно-энергетической сфере, необходимо четко понимать, что стороны руководствуются здесь собственными интересами, которые у донора — России и реципиента — Китая совпадают лишь частично. В данном контексте обратила на себя внимание состоявшаяся в Пекине в конце 2006 г. встреча министров энергетики ведущих мировых потребителей энергии — Китая, Индии, Японии, Республики Корея и США, ориентированная на поиск взаимодействия в сфере снижения

чрезмерной зависимости от импорта нефти³³. Такая встреча свидетельствует, что модель российско-китайского сотрудничества в энергетической сфере требует постоянных корректировок и совершенствования.

Инвестиционное сотрудничество все еще отстает от общего уровня российско-китайских торгово-экономических отношений. В 2006 г. на инвестиции из России пришлось лишь 0,1 % общего объема привлеченного Китаем иностранного капитала, а китайская доля в объеме привлеченных Россией иностранных инвестиций составила 0,9 %. По состоянию на конец 2006 г. в России насчитывалось 730 проектов с участием китайского капитала с суммарным объемом инвестиций 935 млн долл. Россия вложила в экономику КНР около 600 млн долл.³⁴ Вместе с тем в этой весьма перспективной сфере наметились позитивные сдвиги. В ноябре 2006 г. подписано соглашение о взаимной защите инвестиций. Создана межправительственная рабочая группа по инвестиционному сотрудничеству, определившая 29 первоочередных объектов взаимодействия в недвижимости, лесопереработке и химической промышленности с предполагаемым суммарным объемом китайских инвестиций свыше 3 млрд долл.³⁵

Активизируется и *производственная кооперация* между двумя странами. В стадии реализации находится несколько проектов сборки в России автомобилей китайских марок. Явно на подъеме находится сотрудничество в *банковской сфере*, где ведущую роль играют китайский Государственный банк развития и его российские партнеры Внешэкономбанк и Внешторгбанк.

Имеющее значительные перспективы двустороннее *сотрудничество в освоении новых и высоких технологий* нуждается в улучшении финансирования (по крайней мере, с российской стороны), более четкой проработке вопросов защиты интеллектуальной собственности и отлаживании самого механизма оценки и внедрения технологий³⁶.

Серьезные подвижки уже происходят или намечаются в таких традиционных сферах двустороннего сотрудничества, как поставки из России в Китай вооружений, круглого леса, импорт из Китая товаров народного потребления.

После полутора десятков лет массового импорта российских *вооружений и военной техники*, прежде всего для военно-воздушных и военно-морских сил, их закупки Китаем в последнее время резко снизились. В период 1992—2006 гг. в Китай было поставлено военной техники и вооружений на 26 млрд долл. из общего объема российского оружейного экспорта в 58,4 млрд долл. При этом доля поставок в Китай снизилась с 70 % российских экспортных поставок вооружения во второй половине 1990-х годов до 17—20 % в 2007 г.³⁷ Сам факт определенной паузы налицо. Ряд экспертов видит в ней признаки долгосрочного сворачивания

Китаем импорта вооружений из России. Другие предпочитают говорить о временном притормаживании, вызванном необходимостью освоить уже приобретенную технику и определиться со стратегией дальнейшего технического оснащения армии³⁸. На наш взгляд, выбор объемов, приоритетов и поставщиков в деле дальнейшей закупки вооружений Китаем зависит от множества факторов, и пока преждевременно предугадывать конечные результаты их воздействия на принятие Пекином конкретных решений в данной области. Однако огромные политические и технические заделы, наработанные Россией в военно-техническом сотрудничестве с КНР, позволяют оптимистично оценивать его возможные масштабы в перспективе.

Экспорт из России в Китай круглого леса, составлявший в последние годы в стоимостном выражении порядка 2 млрд долл., может в ближайшее время заметно снизиться. Причина — разработка и введение в РФ по поручению Президента В.В. Путина комплекса мер, призванных сократить вывоз необработанной древесины и стимулировать лесопереработку на российской территории. В марте 2007 г. вступило в силу постановление Правительства РФ о ежегодном 30-процентном увеличении пошлин на экспорт необработанного леса на период до 2010 г.³⁹

Серьезные ограничения, введенные в начале 2006 г. на перевозку грузов «челноками» (не облагаемый сборами вес снижен с 50 до 35 кг, а допустимая частота пересечения границы увеличена с 1 раза в неделю до 1 раза в месяц), и последовавшее фронтальное наступление российских правоохранительных и таможенных органов на массовую практику «серой растаможки» импортировавшихся из КНР потребительских товаров (когда грузы декларировались не по реальной, а по заниженной стоимости) нанесло ощутимый удар по так называемой «народной торговле» между Россией и Китаем. В КНР выразили «понимание этих мер», заявив в то же время о необходимости «предоставить определенный переходный период для надлежащего разрешения вопросов народной торговли»⁴⁰.

С «народной торговлей» отчасти связан и вопрос о временном пребывании на территории России трудовых мигрантов из КНР. С внесением в начале 2007 г. в российское иммиграционное законодательство поправок, запрещающих иностранным гражданам вести торговлю на розничных рынках, часть занимавшихся этой деятельностью граждан КНР покинули Россию. Однако массового характера такой отъезд не носил. Например, как сообщил начальник управления Федеральной миграционной службы по Хабаровскому краю В. Ефремов, «в Хабаровском крае ажиотажа с отъездом иностранцев на родину нет». Среди тех, у кого документы были в порядке, в декабре (2006 г.) уехали 300 граждан КНР, в январе — 550. В январе 2007 г. из Хабаровского края выдворены 117 нелегалов из КНР⁴¹. С другой стороны, корректировка иммиграционного зако-

нодательства России не препятствует развитию цивилизованных форм привлечения в страну иностранной рабочей силы, в том числе из КНР.

Не секрет, что нынешние *образы России в Китае и Китая в России* в массовом сознании жителей двух стран пока еще во многом сотканы из стереотипов и клише прошлых лет («великая дружба» 1950-х годов, конфронтация 1960-х — 1970-х годов) и весьма схематизированных и упрощенных дефиниций типа «Китай — конфуцианский», «Россия — православная», которые могут просто-напросто мешать понимать и объективно оценивать сложные, многоуровневые особенности, цели и интересы страны-партнера.

Для формирования у граждан России и Китая правильного, реалистичного образа страны-партнера принципиально важны углубление и диверсификация форм сотрудничества в гуманитарной сфере. Проведение национальных годов — шаг в правильном направлении, но нуждающийся в продолжении и развитии.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что для России и Китая отношения друг с другом имеют в настоящее время и сохраняют в обозримой перспективе важное многофункциональное значение.

- Выступая в качестве стратегических партнеров, Китай и Россия объективно способствуют сохранению и упрочению независимого и самостоятельного внешнеполитического курса двух стран.
- Будучи одной из немногих стран, толерантно относящихся к внутривнутриполитическому устройству КНР, Россия объективно способствует сохранению Китаем избранного пути общественного развития; то же самое справедливо и применительно к роли Китая по отношению к России.
- Россия является важным торгово-экономическим партнером Китая, содействующим повышению уровня его энергетической безопасности и обороноспособности; для России торгово-экономические связи с КНР являются весомой альтернативой европейскому направлению и прямо способствуют достижению эффекта «экономики масштаба».
- Будучи партнерами по ШОС, Россия и Китай объективно помогают друг другу в противодействии национальному сепаратизму, религиозному экстремизму и терроризму, в борьбе с наркотрафиком, в сохранении стратегической стабильности в критически важном регионе Центральной Азии.
- Представляя самостоятельные культурно-цивилизационные ареалы мирового масштаба, Россия и Китай объективно являются союзниками в усилиях по обеспечению культурно-цивилизационного разнообразия мира, в противодействии унификации мирового сообщества по тем или иным стандартам.

Следовательно, российско-китайские отношения стратегического партнерства имеют все объективные основания для долговременного углубления и развития, разумеется, при условии приложения обеими странами настойчивых постоянных усилий в этом направлении.

(2007)

Примечания

¹ *Титаренко М.Л.* Предисловие // Российско-китайские отношения. Состояние, перспективы. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2005. 412 с. Здесь: с. 12.

² *Воскресенский А.Д.* Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М.: Московский общественный научный фонд, 1999. 408 с. Здесь: с. 184. См. также: *Voskresenski Alexei.* Russia and China. A Theory of Inter-State Relations. London and New-York. RoutledgeCurzon, 2004. P. 122.

³ См.: Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689—1916 / под ред. В.С. Мясникова). М.: Памятники исторической мысли, 2004. 696 с.; *Мясников В.С.* Договорными статьями утвердили: Дипломатическая история русско-китайской границы, XVII—XX вв. М.: Принт, 1996.

⁴ См.: История Российской Духовной Миссии в Китае. Сборник статей. М.: Издательство Свято-Владимирского Братства, 1997. 416 с.

⁵ Прежде всего здесь следует назвать публикацию архивных материалов в серии «Русско-китайские отношения в XX веке. Документы и материалы». Вышли в свет Том 4 — Советско-китайские отношения, 1937—1945 (в двух книгах). Москва. 2000 и Том 5 — Советско-китайские отношения, 1946-февраль 1950 (в двух книгах). М., 2005.

⁶ См., например: Шэнь Чжихуа (чжубянь). Чжун Су гуаньси шиган (1917—1991). Бэйцзин. 2007 : [Шэнь Чжихуа (гл. ред.). История китайско-советских отношений (1917—1991)]. 489 с.

⁷ См., например: *Кулик Б.Т.* Советско-китайский раскол: Причины и последствия. М.: РАН ИДВ, 2000. 640 с.

⁸ См.: Сборник российско-китайских договоров. 1949—1999. М.: Терра-Спорт, 1999. С. 132—133.

⁹ Там же. С. 150—152.

¹⁰ Совместная Российско-Китайская декларация. Подписана в Москве 3 сентября 1994 года Президентом России Б.Н. Ельциным и Председателем КНР Цзян Цзэминем // Сборник российско-китайских договоров. 1949—1999. М., 1999. С. 271—273.

¹¹ Там же. С. 333—337.

¹² РК: Россия—Китай. Массовая газета. М., 2001. Август.

¹³ Чжунго юй даго гуаньси юйцэ : [Прогноз отношений Китая с ведущими странами] // Сяньдай гоцзи гуаньси. 2007. № 1. С. 63.

¹⁴ Переговоры Ху Цзиньтао с В. Путиным. URL: <http://russian1.people.com.cn/31519/5523236.html>. Председатель КНР предложил также «вести совместное новаторство в научно-техническом сотрудничестве» и «стать гармоничными и дружественными партнерами в гуманитарном сотрудничестве». Предложения Ху Цзиньтао, изложенные в сжатом виде и поданные как общая позиция двух стран, отражены в пункте 1 первого раздела Совместной декларации Российской Федерации и Китайской Народной Республики, подписанной Президентом России В. Путиным и Председателем КНР Ху Цзиньтао 26 марта 2007 г. в Москве. См.: URL: <http://www.kremlin.ru/text/docs/2007/03/120807.shtml>.

¹⁵ Подчас этот тезис прямо развивают и российские СМИ. Так, в статье К. Лантратова «Оружейная дружба», опубликованной в «Коммерсантъ guide» «Китай», утверждается, что в России «политические ограничения на поставку вооружения и военной техники в Китай сохраняются». Напротив, такие ограничения отсутствуют в сотрудничестве с Индией, с которой «нет ни одного спорного вопроса» // *Коммерсантъ guide*. 2007. № 40. 14 марта. С. 35.

¹⁶ Переговоры Ху Цзиньтао с В. Путиным. URL: <http://russian1.people.com.cn/31519/5523236.html>

¹⁷ Представитель МИД КНР о критике В. Путина в адрес США. URL: <http://russian1.people.com.cn/31521/5398816.html>

¹⁸ В каком направлении развиваются американо-российские отношения? URL: http://russian.xinhuanet.com/russian/2007-04/24/content_420126.htm

¹⁹ Чжунго ши гэ «даго» ма? : [Является ли Китай «державой»?] // Шицзе чжиши. Бэйцзин. 2007. № 1. С. 16–27.

²⁰ Так, согласно данным опроса общественного мнения, проведенного ВЦИОМ летом 2005 г., 34 % опрошенных россиян охарактеризовали Китай как стратегического и экономического партнера, 22 % — как союзника или дружественное государство. Как соперника оценили Китай 24 % опрошенных, а как вероятного противника — 4 %. Примерно такое же видение Китая сохраняется и на длительную перспективу // *Политический журнал*. 2005. 15 августа. С. 67. Для сравнения: опрос Китайского социологического центра показал, что в марте 2006 г. Россию рассматривали как друга или союзника 11 % опрошенных, как доброго соседа — 38 % и как стратегического партнера — 42 %. Напротив, о соперничестве двух стран говорило 6 %, а о стратегическом противостоянии России и Китая — 1 % опрошенных китайцев; С. Ковалев. Год России в Китае в зеркале общественно-го мнения // *Россия—Китай. XXI век*. 2007. № 3. С. 22–25. Здесь — с. 25.

²¹ См., например: *Кузык Б.Н., Тутаренко М.Л.* Китай—Россия 2050: стратегия соразвития. Москва. Институт экономических стратегий. 2006. 656 с.; *Россия и Китай: сотрудничество в условиях глобализации*. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2005. 400 с.

²² Например, «другом России» считает Китай депутат Государственной Думы РФ Владимир Рыжков // *Аргументы и факты*. 2007. № 12. С. 5.

²³ См., например: *Лукин А.* Лицом к Китаю. Россияне никак не отвыкнут смотреть на соседа свысока // *Коммерсантъ*. 2006. 9 ноября. С. 8. Существо проблемы удачно отражено в названии книги известного ученого-китаеведа В.Л. Ларина «В тени проснувшегося дракона» (Владивосток: Дальнаука, 2006. 242 с.).

²⁴ *Цыгичко В.* Предисловие к русскому изданию // *Менгес К.* Китай: нарастающая угроза (перевод с английского работы Menges Constantine. China: The Gathering Threat). М.: Издательство Независимая газета. 2006. 608 с. Здесь — с. 20.

²⁵ Данные китайской и российской таможенной статистики. См.: Внешняя торговля России в 2006 г. — Бюллетень иностранной коммерческой информации (БИКИ). Москва. 2007. 20 февраля. С. 2; Спецвыпуск «Китай» // *Российская газета*. 2007. 26 марта. С. А4.

²⁶ Haiguan Tongji : [Таможенная статистика]. Beijing. 2006. № 12. С. 27, 47—48, 69—70; Спецвыпуск «Китай» // *Российская газета*. 2007. 26 марта. С. А 12.

²⁷ Заявления для прессы по итогам российско-китайских переговоров. URL: <http://www.kremlin.ru/text/appears/2007/03/120824.shtml>

²⁸ Россия готова к выходу на рынок гражданской авиации Китая. URL: <http://russian1.people.com.cn/31521/4998760.html>

²⁹ «Роснефть» рассчитывает на успех в трубе. Компания готова загрузить вторую очередь ВСТО // *Коммерсантъ*. 2007. 21 апреля.

³⁰ *Ребров Д., Скорлыгина Н.* «Роснефть» предпочла китайских партнеров // *Коммерсантъ*. 2007. 30 марта.

³¹ В частности, эксперты полагают, что европейский уровень цен в 280—300 долл. за тысячу кубометров газа для Китая не приемлем. См.: *Гриб Н.* Газ в обмен на время. Газопровод «Алтай» может не заработать в 2011 году // *Коммерсантъ*. 2006. 16 сентября.

³² *Драчевский Л.* Интервью агентству «Интерфакс-Китай». URL: http://www/interfax.ru/r/V/exclusive/260.html?menu=8&id_issue=11680013

³³ URL: <http://russian1.people.com.cn/31521/5177559.html>

³⁴ URL: <http://russian1.people.com.cn/31519/5498582.html>

³⁵ *Ян Цзюнь.* У наших отношений огромный потенциал. Интервью с заместителем министра коммерции КНР Юй Гуанчжоу // *Китай*. Пекин—Москва. 2007. № 4. С. 12—15 (на русск. яз.).

³⁶ См.: КНР и РФ готовы увеличить масштабы сотрудничества в области технических инноваций. URL: <http://russian1.people.com.cn/31517/4763521.html>. По оценкам ряда российских экспертов, потенциал двустороннего сотрудничества в области технических инноваций в среднесрочной перспективе составляет 3—5 млрд долл. В рамках национальной выставки КНР в Москве в марте 2007 г. была проведена «Выставка научно-технических достижений и новаторства Китая».

³⁷ *Грицкова А.* и др. Китай сложил российское оружие. Военно-техническое сотрудничество замедляется // *Коммерсантъ*. 2007. 7 мая.

³⁸ См., например: *Макиенко К.* За 15 лет Китай потребил до половины всех российских военных поставок за рубеж. URL: http://www/interfax.ru/r/V/exclusive/260.html?menu=8&id_issue=11670270; *Макиенко К.* Поднебесная берет тайм-аут. Отношения России и Китая в сфере торговли оружием радикально меняются. М.: Смысл, 2007. № 5. С. 84—88; «Торговля оружием между Россией и Китаем находится на спаде»; Беседа А. Ломанова с канадским экспертом Чжан Ихуном // Время новостей. 2006. 25 сентября.

³⁹ *Шаринова А.* Финляндия уйдет из российского леса. Импортёры грозят России проблемами с ВТО из-за роста пошлин на вывоз древесины // Коммерсантъ. 2007. 19 марта.

⁴⁰ Замминистра коммерции КНР призвал китайских бизнесменов в России изменить способ хозяйствования и стремиться к долгосрочному развитию своего дела. URL: <http://russian1.people.com.cn/31519/5432686.html>

⁴¹ Приамурские ведомости. Хабаровск. 2007. 27 февраля.

РОССИЯ, КИТАЙ И ИНДИЯ: РАСТУЩАЯ РОЛЬ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТРЕХСТОРОННЕГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Многие важные аспекты политического и экономического взаимодействия России, Китая и Индии на международной арене опосредуются местом этих стран в мировой экономике и мирохозяйственных связях, глубиной и характером их вовлеченности в мировые процессы глобализации и регионализации. Адекватное восприятие базовых количественных и качественных параметров мирохозяйственного контекста экономического развития России, Китая и Индии принципиально важно для понимания существующих и выявления потенциальных сфер совпадения и конфликта интересов этих государств, для налаживания их практического трехстороннего сотрудничества и взаимодействия в многосторонних международных экономических комбинациях и группировках.

Россия, Китай и Индия входят в последние годы в число наиболее динамично развивающихся стран мира. По оценке Economist Intelligence Unit — аналитической службы английского журнала «Economist», в период 2002—2006 гг. реальные среднегодовые темпы роста ВВП в Китае составили 10 %, в Индии 7,8 %, в России 6,4 %¹.

Важно подчеркнуть, что общий рост экономики во всех трех странах сопровождался практически адекватным (в случае России даже опережающим) ростом внутреннего спроса, среднегодовые темпы которого за тот же период составили соответственно, 9,2 % в Китае, 7,5 % в Индии и 8,2 % в России².

Как следствие, Россия, Китай и Индия вышли на новые уровни годовых объемов производства валового внутреннего продукта с адекватным усилением их позиций в мировой экономике.

По оценке Международного валютного фонда, номинальный ВВП КНР, пересчитанный в доллары США по текущему валютному курсу, составил в 2006 г. 2,63 трлн долл., ВВП России — соответственно 979 млрд долл., ВВП Индии — около 887 млрд долл. При этом доля Китая в мировом ВВП с 3,9 % в 2003 г. выросла до 5,46 %, доля России — с 1,19 % до 2 %, доля Индии — с 1,6 % до 1,84 % (мировой ВВП в текущих ценах в 2006 г. составил 48,144 трлн долл. США — табл. 1).

Таблица 1. Валовой внутренний продукт Китая, России и Индии (в текущих ценах, млрд долл.)

	2004 г.	2005 г.	2006 г.
Мир	41 432	44 688	48 144
Китай	1931	2243	2630
Доля в мировом ВВП, %	4,66	5,02	5,46
Индия	667	781	887
Доля в мировом ВВП, %	1,61	1,75	1,84
Россия	592	764	979
Доля в мировом ВВП, %	1,43	1,71	2,03

Источник: Данные МВФ и расчет по ним (World Economic Outlook Database. April 2007 Edition). URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2007/01/data/index.aspx>

Вырос за последние годы и среднедушевой ВВП, рассчитанный по официальному курсу: в Китае с 1486 долл. в 2004 г. до 2001 долл. в 2006 г., в России с 4104 до 6856 долл., в Индии с 618 до 797 долл.

Обращение к показателям ВВП, рассчитанным по паритету покупательной способности национальных валют (ППС), существенно улучшает позиции России, Китая и Индии в мировой таблице о рангах.

По данным МВФ, в 2006 г. ВВП России по ППС составил 1727 млрд долл. в абсолютном и 12 000 долл. в подушевом выражении. ВВП Китая по ППС достиг 9984 млрд долл. в абсолютном выражении (2-е место в мире вслед за США) и 7597 долл. — в расчете на душу населения. ВВП Индии — 4158 млрд долл. в абсолютном выражении и 3737 долл. в расчете на душу населения. При этом доля Китая в мировом ВВП достигла 15,07 %, России — 2,61 % и Индии — 6,28 % (табл. 2).

Таким образом, если суммарная доля трех стран в мировой экономике при расчете ВВП по официальному курсу национальных валют к доллару составляет 9,3 % (против 6,7 % в 2003 г.), то при расчетах по паритетам покупательной способности она много выше — 23,96 %. Для сравне-

Таблица 2. Валовой внутренний продукт Китая, России и Индии (по паритету покупательной способности, млрд долл.)

	2004 г.	2005 г.	2006 г.
Мир	56 782	61 259	66 228
Китай	7766	8817	9984
Доля в мировом ВВП, %	13,68	14,39	15,07
Индия	3337	3729	4159
Доля в мировом ВВП, %	5,88	6,09	6,28
Россия	1438	1576	1727
Доля в мировом ВВП, %	2,53	2,57	2,61

Источник: Данные МВФ и расчет по ним. (World Economic Outlook Database. April 2007 Edition). URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2007/01/data/index.aspx>

ния: доля США в мировом ВВП, рассчитанном по официальному курсу национальных валют к доллару, составила 27,5 %, а в ВВП по ППС — 19,66 %.

В декабре 2007 г. Всемирный банк обнародовал свои новые оценки экономических параметров 146 стран и территорий мира. Согласно этим расчетам, ВВП Китая в 2005 г., рассчитанный по ППС, составил не 8,8 трлн долл., как считалось ранее, а примерно на 40 % меньше — 5,33 трлн долл. соответственно, доля Китая в мировом ВВП, рассчитанном по ППС, была снижена с прежних 14 % до примерно 10 %, а доля Индии — также уменьшена с 6 % до 4 % (пятое место в мире). Доля России в мировом ВВП была оценена как 3,1 % мирового ВВП (8-е место). Суммарная доля трех стран составила в этом случае около 17 % мирового ВВП по сравнению с 23 % у США³.

ВВП Китая вырос на 11,4 % (его номинальный объем по рыночному курсу составил 3,43 трлн долл.), России — на 7,2 % (1,27 трлн долл.), Индии — на 7,9 %⁴.

Как бы то ни было, укрепление позиций Китая, России и Индии в мировой торговле продолжается.

По данным Всемирной торговой организации, в 2006 г. экспорт товаров Китаем составил 969 млрд долл. (3-е место в мире), а его доля в мировом экспорте товаров выросла до 8 % по сравнению с 5,9 % в 2003 г. Импорт товаров Китаем достиг 792 млрд долл. (3-е место в мире), или 6,4 % мирового импорта по сравнению с 5,3 % в 2003 г. В 2007 г. экспорт КНР вырос до 1218 млрд долл., а импорт — до 955,8 млрд долл.

Доля России (305 млрд долл. в 2006 г.) в мировом экспорте товаров достигла 2,5 % по сравнению с 1,8 % в 2003 г., а в мировом импорте товаров (164 млрд долл.) — 1,3 % против 0,8 % в 2003 г. В 2007 г. экспорт России, по данным Центробанка РФ, составил 355,18 млрд долл., а импорт — 223,06 млрд долл.⁵

Доля Индии (120 млрд долл. в 2006 г.) в мировом экспорте товаров выросла до 1 % по сравнению с 0,85 % в 2003 г., а в мировом импорте товаров (174 млрд долл.) — до 1,4 % против 1 % в 2003 г. (табл. 3).

Таблица 3. Мировая торговля товарами в 2006 г., млрд долл.

	Экспорт		Импорт	
	млрд долл.	%	млрд долл.	%
Мир	12 062	100,0	12 380	100,0
Китай	969	8,0	792	6,4
Россия	305	2,5	164	1,3
Индия	120	1,0	174	1,4

Источник: Данные ВТО⁶.

Что касается мировой торговли услугами, то здесь также наблюдается усиление позиций Китая (в 2006 г. — 3,2 % мирового экспорта и 3,8 % мирового импорта по сравнению, соответственно, с 2,5 и 3,1 % в 2003 г.) и Индии (в 2006 г. — 2,7 % мирового экспорта и импорта услуг). Доля России в мировой торговле услугами (1,1 % экспорта и 1,7 % импорта) осталась на уровне 2003 г.⁷ Как известно, Индия стала одним из мировых лидеров по аутсорсингу деловых услуг в сфере информатики⁸. На этот же путь стремится встать Китай, объявивший программу создания в 2006—2010 гг. примерно тысячи предприятий, обладающих международной аккредитацией для ведения операций аутсорсинга⁹. Активизирует свою деятельность на этом рынке и Россия.

В целом усиление позиций трех стран в мировой торговле дает им дополнительные возможности более активно и успешно отстаивать свои интересы в многосторонних торговых переговорах, в том числе Китаю и Индии — в рамках Всемирной торговой организации, а России — в переговорах по присоединению к ВТО на недискриминационных условиях.

Шансы на синхронизацию действий Китая, России и Индии в многосторонних торговых переговорах и в мировом хозяйстве в целом повышаются с ростом их **взаимной двусторонней торговли** (разумеется, речь в данном случае идет о долгосрочной тенденции и суммарном результате, а не о конкретных эпизодах, где интересы и действия трех стран могут быть и бывают подчас весьма разнонаправлены). Объем российско-китайской торговли в 2006 г. достиг 33,38 млрд долл. (17,55 млрд долл. — экспорт

России в Китай и 15,83 млрд долл. — импорт России из Китая)¹⁰ по данным китайской таможенной статистики и 28,66 млрд долл. — по данным российской таможенной статистики (15,75 млрд долл. — экспорт России, 12,91 млрд долл. — импорт России)¹¹. Динамично растет торговля между Китаем и Индией, объем которой в 2006 г. увеличился на треть по сравнению с 2005 г. и достиг 24,86 млрд долл. (14,58 млрд долл. — экспорт Китая в Индию и 10,28 млрд долл. — импорт Китая из Индии)¹². Российско-индийская торговля выросла с 3,1 млрд долл. в 2005 г. до 3,9 млрд долл. в 2006 г.¹³

В 2007 г. объем китайско-российской торговли составил, по данным китайской таможенной статистики, 48,17 млрд долл. (прирост на 44,3 %). При этом впервые экспорт Китая в Россию существенно превысил его импорт из России — соответственно 28,49 и 19,68 млрд долл.

Торговля Китая с Индией в 2007 г. выросла на 55,5 % и достигла 38,65 млрд долл. (24,02 млрд — экспорт КНР и 14,63 млрд — импорт).

Объем российско-индийской торговли в 2007 г. составил, по российским данным, около 5 млрд долл.¹⁴

Как известно, три страны стремятся и далее динамично развивать двустороннюю торговлю друг с другом. Лидеры России и Китая в середине нынешнего десятилетия выдвинули задачу довести объем взаимной торговли в 2010 г. до 60—80 млрд долл. Эксперты двух стран под эгидой Министерства коммерции КНР и Центра стратегических разработок Минэкономразвития России разработали специальную Программу развития торгово-экономического сотрудничества между Китаем и Россией на 2006—2010 гг., которая ориентирует партнеров на достижение в 2010 г. минимального объема двусторонней торговли в 67,7 млрд долл. (табл. 4).

Таблица 4. Прогноз развития торговли между Россией и Китаем на период до 2010 г., млрд долл.

Год	Минимальный ожидаемый объем товарооборота	Экспорт Китая в Россию	Импорт Китая из России
2007	40,5	19,9	20,6
2008	48,7	24,9	23,8
2009	57,8	30,5	27,3
2010	67,7	36,6	31,1

Источник: 2006—2010 нянь Чжун Э цзинмао хэцзо фачжань гуйхуа : [Программа развития торгово-экономического сотрудничества между Китаем и Россией на 2006—2010 гг. Совместно подготовлена Министерством коммерции КНР и Министерством экономического развития и торговли РФ, подписана сторонами в Пекине 9 ноября 2006 г.]. Данные взяты из китайского текста. С. 87.

Завершается разработка сходной программы развития российско-индийской торговли. Конечно, конкретные стоимостные ориентиры в этом случае пока существенно ниже, чем в китайско-российских отношениях, но в любом случае продвижение России и Индии с нынешнего уровня двустороннего товарооборота в несколько миллиардов долларов на новую высоту — порядка 10 млрд долл. и выше объективно может быть реализовано в ближайшие несколько лет. Об этом, в частности, было сказано в ходе визита в Индию премьер-министра РФ В. Зубкова в феврале 2008 г.

Что касается ближайших перспектив развития китайско-индийской торговли, то в ходе визита Председателя КНР Ху Цзиньтао в Индию в ноябре 2006 г. в качестве минимального ориентира на 2010 г. фигурировал показатель в 40 млрд долл.

Вместе с тем необходимо четко осознавать, что двусторонняя торговля между Китаем, Россией и Индией даже больше, чем в наращивании объемов, нуждается в совершенствовании и модернизации товарной структуры. Только в этом случае удастся создать объективную материальную основу для трехсторонней кооперации. На наш взгляд, простым, но убедительным критерием готовности торговых партнеров к широкой кооперации (для начала в двустороннем, а затем и в трехстороннем формате) является высокая доля машин и оборудования в структуре взаимного экспорта и импорта (судя по мировой практике, не ниже 30 %). Именно в этом направлении следовало бы продвигать эволюцию структуры двусторонней торговли в треугольнике Россия—Китай—Индия. Пока что эта структура далека от оптимальных, с точки зрения содействия развитию кооперации, параметров, и определяется главным образом естественно-природными и/или исторически сложившимися сравнительными преимуществами трех стран либо в целом в мировом хозяйстве, либо в более локальном ареале — на рынках друг друга.

Одно из немногих исключений здесь — уже достаточно высокая и динамично растущая доля машин и оборудования в экспорте Китая в Россию — 28,9 % в 2006 г. (табл. 5). В то же время в российском экспорте доля машин и оборудования, превышавшая 30 % в начале 1990-х годов, снизилась ныне до всего 1 %, а на доминирующую роль выдвинулись нефть и нефтепродукты — около 54 % в 2006 г.

Аналогичным образом высокая доля машин и оборудования в российском экспорте в Индию за счет поставок вооружения и оборудования для АЭС — 38,2 % общего вывоза в 2006 г. (табл. 6) — пока остается без соответствующей поддержки со стороны индийского экспорта в Россию. Справедливости ради надо заметить, что доминирование в индийском экспорте в РФ продукции химической промышленности (около 44 % в 2006 г.) — также создает потенциальную возможность развития коопера-

Таблица 5. Товарная структура торговли Китая с Россией в 2006—2007 г., млн долл., %

	Экспорт				Импорт			
	млн долл.		%		млн долл.		%	
	2006 г.	2007 г.	2006 г.	2007 г.	2006 г.	2007 г.	2006 г.	2007 г.
Всего	15 832,4	28 488,5	100	100	17 554,1	19 676,9	100	100
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье	836,8	1165,6	5,3	4,1	1283,9	1433,7	7,3	7,3
Минеральная продукция	177,6	244,0	1,1	0,85	9869,0	10 259,4	56,2	52,1
В том числе топливно-энергетические товары	142,4	193,5	0,9	0,7	9464,2	9341,4	53,9	47,5
Продукция химической промышленности, каучук	1051,4	1681,0	6,7	5,9	2188,8	2552,2	12,5	13,0
Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	1082,1	807,1	6,8	2,8	12,6	14,4	0,1	0,07
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	154,0	271,0	1,0	0,95	2800,0	3759,5	16,0	19,1
Текстиль, текстильные изделия и обувь	5650,1	11 516,2	35,7	40,4	7,7	9,8	0,05	0,05
Драгоценные камни, драгоценные металлы и изделия из них	11,2	23,6	0,1	0,1	31,7	44,5	0,2	0,2
Металлы и изделия из них	1108,3	2352,7	7,0	8,3	1133,4	1332,2	6,4	6,8
Машины, оборудование и транспортные средства	4582,2	8724,2	28,9	30,6	217,2	256,0	1,2	1,3
Другие товары	1168,8	1703,1	7,4	6,0	9,9	15,1	0,05	0,08

Источник: Данные Таможенной статистики КНР (Haiguan Tongji, Beijing) и расчет по ним.

ции в высокотехнологичных областях, например, в производстве лекарств.

Технологический разрыв наглядно представлен в структуре китайско-индийской торговли, где высокой доле машин и оборудования в китайском экспорте в Индию (46,4 % в 2006 г.) противостоит намного более скромный встречный поток (соответствующая доля — всего 4,5 %). А до-

Таблица 6. Товарная структура торговли России с Индией в 2006 г., млн долл., %

	Экспорт		Импорт	
	млн долл.	%	млн долл.	%
Всего	2924,5	100	967,5	100
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье	263,8	9,0	246,2	25,4
Минеральная продукция	402,5	13,8	1,7	0,2
Продукция химической промышленности, каучук	262,3	8,9	424,4	43,9
Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	1,6	0,05	5,9	0,6
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	145,5	5,0	9,3	0,9
Текстиль, текстильные изделия и обувь	3,5	0,1	63,8	6,6
Драгоценные камни, драгоценные металлы и изделия из них	Нет данных		Нет данных	
Металлы и изделия из них	459,0	15,7	46,6	4,8
Машины, оборудование и транспортные средства	1118,1	38,2	149,9	15,5
Другие товары	7,9	0,3	10,3	1,1

Источник: Данные российской таможенной статистики и расчет по ним. Таможенная статистика внешней торговли Российской Федерации. 2006 год. Москва. Федеральная таможенная служба 2007. Т. II. С. 734—735.

Примечание. Сумма долей отдельных статей экспорта и импорта может отличаться от 100 %.

минирует в экспорте Индии в Китай минеральная продукция, прежде всего железная руда (табл. 7).

Еще один важный качественный сдвиг в структуре мирового хозяйства в последние годы связан с укреплением позиций Китая, России и Индии практически во всех сегментах мирового рынка капиталов.

Заметно возросли объемы привлекаемых этими странами **прямых иностранных инвестиций**. По данным ЮНКТАД, их поступление в Китай с 60 млрд долл. в 2004 г. выросло до более 70 млрд долл. в 2006 г., в Индию — соответственно с 5,5 до 9,5 млрд долл., в Россию — с 15,4 до 28,4 млрд долл.¹⁵ Происходит и изменение ролевых функций Китая, России и Индии на мировых рынках капиталов — они все активнее выступают не только как получатели, но и как экспортеры капиталов. Так, прямые зарубежные инвестиции Китая превысили в 2006 г. 16 млрд долл.¹⁶ Нетто-экспортером капитала в 2006 г. стала Индия, удвоившая за год его вывоз¹⁷. Быстро растут и зарубежные инвестиции ведущих российских компаний.

Таблица 7. Товарная структура торговли Китая с Индией в 2006 г., млн долл., %

	Экспорт		Импорт	
	млн долл.	%	млн долл.	%
Всего	14 582,4	100	10 278,4	100
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье	108,6	0,7	379,7	3,7
Минеральная продукция	594,6	4,0	5556,5	54,1
Продукция химической промышленности, каучук	2759,3	18,9	1602,7	15,6
Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	44,7	0,3	154,6	1,5
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия,	199,2	1,3	12,6	0,1
Текстиль, текстильные изделия и обувь	1499,9	10,3	1026,1	10,0
Драгоценные камни, драгоценные металлы и изделия из них	113,8	0,8	287,1	2,8
Металлы и изделия из них	1846,4	12,7	751,1	7,3
Машины, оборудование и транспортные средства	6766,5	46,4	463,6	4,5
Другие товары	549,3	3,7	35,4	0,4

Источник: Данные Таможенной статистики КНР (Haiguan Tongji, Beijing. 2006. № 12. Р. 31—32, 53—54) и расчет по ним.

Примечание. Сумма отдельных долей экспорта и импорта может отличаться от 100 %.

Возросшая экономическая доходность и, соответственно, привлекательность корпоративного сектора России, Китая и Индии привела к существенному росту капитализации фондовых рынков этих стран. Хотя здесь присутствует как элемент восстановительного роста (в случае с Китаем), так и определенный компонент спекулятивного ажиотажа, однако в целом нельзя не видеть признаков начавшейся реструктуризации мирового фондового рынка в направлении роста в нем доли так называемых новых развивающихся рынков (new emerging markets) — России, Китая, Индии.

Беспрецедентный рост золотовалютных резервов Китая (1066 млрд долл. на конец 2006 г. и 1,53 трлн долл. на конец 2007 г.) и России (свыше 400 млрд долл. по сравнению со 120 млрд долл. на начало 2004 г.), значительная часть которых помещена в казначейские обязательства США, сделал эти страны важным компонентом поддержания пошатнувшейся (вслед за ослаблением американского доллара) стабильности всей мировой валютно-финансовой системы. Хотя юань и рубль еще не являются

полностью конвертируемыми валютами, их беспрецедентное укрепление в последние годы оказывает все более заметное влияние на международные экономические отношения — от динамики курсов ведущих мировых валют и мировых цен на углеводороды до глобальной политики учетных ставок.

Несомненные экономические успехи Китая, Индии и России последних лет нередко служат основанием для **оптимистичных прогнозов** их дальнейшего **развития в обозримой перспективе**. Предполагается, в частности, что Китай обойдет США и станет крупнейшей экономикой мира в диапазоне от 2027 г. до 2035 г., что ведущие «развивающиеся рынки», взятые в той или иной конфигурации — БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай) или БРИКС (те же плюс Южно-Африканская Республика) выдвигаются на стратегическую роль локомотива мирового хозяйства вместо утратившей свои позиции «империи», т. е. развитого мира, представленного США, Японией и Европейским союзом.

Однако, на наш взгляд, **такие прогнозы представляются несколько односторонними**. По сути дела, они игнорируют основы нынешнего ускорения экономического роста и укрепления мирохозяйственных позиций Китая, Индии и России, в которых ведущее место занимают процессы глобализации и экспоненциального роста экономического взаимодействия данных стран с развитыми государствами.

Кроме того, развитые страны надолго останутся доминирующими поставщиками новых научно-технических идей и технологий.

Поэтому сегодня России, Индии, Китаю настоятельно требуется не увлеченное любованием теми или иными радужными долгосрочными прогнозами, а трезвая оценка серьезных недостатков сложившихся в странах моделей развития и поиск путей их корректировки. Откровенный обмен мнениями по этой проблематике мог бы стать одной из ведущих сфер взаимодействия ученых и политиков трех стран.

Общие интересы России, Китая и Индии в деле защиты и укрепления их позиций в мире требуют перехода от спорадических обменов мнениями в трехстороннем формате к выстраиванию систематического диверсифицированного трехстороннего сотрудничества. Оно могло бы постепенно продвигаться от простого «триалога», т. е. обмена мнениями и фиксации зон совпадения или конфликта интересов России, Индии, Китая, к подготовке программ и практическому взаимодействию.

Налаживание такой работы требует создания на первом этапе национальных рабочих групп по трехстороннему сотрудничеству. В российском случае в нее могут войти представители министерств иностранных дел, экономического развития и торговли, Российской Академии наук. В отработке механизмов трехстороннего сотрудничества может быть использован достаточно успешный опыт формирования механизмов дву-

стороннего российско-китайского и российско-индийского взаимодействия (комиссии по подготовке встреч глав государств, профильные комиссии, подкомиссии и рабочие группы). В перспективе могут быть решены и задачи подготовки национальных групп переводчиков со знанием трех языков — китайского, русского, английского — и своего рода «Банка заявок» от корпоративного сектора на участие в трехстороннем сотрудничестве.

Эксперты трех стран, в том числе в ходе семи ежегодных конференций политологов, пришли к согласованному пониманию наиболее перспективных областей сотрудничества в интересах развития экономических и социально-гуманитарных комплексов каждой из стран. В результате подробного анализа, закрепленного итогами встречи высших руководителей трех стран в июле 2006 г. в Санкт-Петербурге, а также документами совместных встреч глав трех внешнеполитических ведомств во Владивостоке, Дели и Харбине, таковыми признаны **энергетика, транспорт и транспортная инфраструктура, наука и техника, космос, высокие технологии, включая информационные и биотехнологии, сельское хозяйство, здравоохранение и медицина, противодействия чрезвычайным ситуациям и катастрофам.**

Кроме того, обсуждались также возможности координации действий по созданию оптимальных международных торговых режимов, сотрудничеству в сферах сельского хозяйства, охраны окружающей среды.

В данном ряду особого внимания заслуживают возможности кооперации в **энергетической области**. Здесь имеет место очевидная взаимодополняемость энергетических комплексов трех стран, проводится политика диверсификации, в рамках которой Россия разрабатывает восточные маршруты своего газового и нефтяного экспорта, а Китай и Индия, испытывающие возрастающий дефицит собственного углеводородного сырья, заинтересованы в оптимизации источников импорта, причем в серьезной степени — за счет российского направления. Имеется также широкое поле для двухстороннего и трехстороннего взаимодействия в сфере переброски электроэнергии, развития атомной энергетики, совместной разведки и разработки новых месторождений углеводородных ресурсов, в том числе в третьих странах.

Естественно, плодотворное развитие трехстороннего сотрудничества зависит не только от политической воли лидеров трех стран и объективной взаимодополняемости их экономик, но и от согласования конкретных логистических и ценовых вопросов специалистами, в первую очередь представляющих ведущие национальные нефтегазовые и электроэнергетические компании.

Россия, Китай и Индия располагают довольно значительным потенциалом наращивания объемов и диверсификации номенклатуры взаим-

ных поставок **аграрной продукции и продовольствия**. На наш взгляд, на обозримую перспективу именно взаимная торговля останется главной формой сотрудничества в аграрной сфере между данными странами. В связи с этим представляется целесообразным провести специальный анализ факторов, сдерживающих взаимную торговлю сельхозпродуктами, и дать рекомендации по их смягчению или нейтрализации.

Среди наиболее очевидных факторов такого рода, лежащих, что называется, на поверхности, можно выделить следующие.

А) Конкуренция со стороны производителей однотипной продукции из третьих стран. Классический пример — импорт Россией чая (и черного, и зеленого, и прочих разновидностей). Здесь лидирующие позиции занимают не Индия и Китай, как можно было бы ожидать, а Шри-Ланка, поставляющая чай в крупной фасовке, который затем пакетировается в самой России. Что касается импорта Россией чая в мелкой фасовке, то тут ведущими поставщиками являются Великобритания и Германия.

Б) Высокий уровень внутренних цен на импортную продукцию, сдерживающий ее потребление. Один из классических примеров — импорт Россией китайских груш сорта «яли». Хотя они не соответствуют традиционному вкусу жителей России, эти груши неплохо раскупались населением из-за более низкой, по сравнению с другими сортами импортных груш, цены. Однако в 2006 г. цены в магазинах на «яли» были подняты до 60—80 руб. за килограмм вместо прежних 28—35 руб., в результате их перестали покупать.

В) Ограничения и запреты на импорт той или иной продукции по причине ее несоответствия фитосанитарным требованиям и/или стандартам качества. Сегодня, пожалуй, это ведущий инструмент, применяемый как средство политического давления на партнера или в целях защиты национальных производителей. Например, в Китае существует запрет на импорт молочной продукции из России — на наш взгляд, именно для защиты активно развиваемой в самой КНР молочной индустрии.

Г) Все большую роль будет приобретать различие в подходах трех стран к пониманию и обеспечению собственной продовольственной безопасности.

Так, ряд российских специалистов рассматривает широкое распространение в Китае генетически модифицированных культур как принципиальное препятствие на пути увеличения Россией импорта продукции растениеводства из КНР. Несомненно, существенную сдерживающую роль во взаимной торговле сельхозпродукцией играют и различия в традициях и структуре питания в трех странах.

Среди других, помимо торговли, форм сотрудничества между Россией и Китаем заметное развитие в последние годы получило использование китайских трудовых услуг для производства сельхозпродукции на арендо-

ванных землях. Такая практика особенно широко применяется в Еврейской автономной области, но встречается она и в центральных районах России. Этот опыт нуждается в осмыслении и обобщении, поскольку его оценка в российском обществе неоднозначна. В частности, нередкие нарекания вызывает чрезмерное применение китайскими овощеводами химических удобрений, негативно влияющих на качество выращиваемой продукции.

Российско-индийское сотрудничество в сфере сельского хозяйства осуществляется прежде всего на базе соответствующего межправительственного соглашения между РФ и Республикой Индия от 3 октября 2000 г. Существенный интерес для обеих сторон представляет сотрудничество в сельскохозяйственной науке, в частности, обмен опытом применения технологий микробиологии для производства биологических удобрений. Видимо, пришло время провести инвентаризацию хода сотрудничества двух стран в агросфере с тем, чтобы придать ему новый импульс и сконцентрировать усилия на наиболее перспективных направлениях.

Нуждается в тщательной проработке и вопрос о возможном сотрудничестве России, Китая и Индии по аграрной проблематике в ВТО (после окончательного вступления России в эту организацию) и на рынках третьих стран.

На наш взгляд, обозначившаяся в 2007 г. тенденция заметного роста мировых цен на зерно, молочные и мясные продукты усиливает объективную потребность налаживания сотрудничества трех стран в агросфере.

Что касается дальнейшего развития сотрудничества в сфере высоких технологий, то здесь, возможно, решающее значение приобретает фактор наличия у трех стран продуктов национальной интеллектуальной собственности, адекватной оплаты права пользования ими и защиты прав интеллектуальной собственности в целом.

Эффективность трехстороннего сотрудничества существенно возрастет в том случае, если страны не будут бояться затрагивать сложные, чувствительные сферы взаимодействия. На сегодня к ним относятся, прежде всего, сотрудничество в военно-технической области, барьеры на пути взаимной торговли, фитосанитарные и экологические требования, проблемы выработки общеприемлемой формулы цены на углеводороды и электроэнергию. Многообещающим выглядит и «триалог» по валютно-финансовой политике.

Разумеется, позитивное продвижение в создании эффективного механизма трехстороннего взаимодействия между Россией, Индией и Китаем не придет автоматически, само собой. Над ним надо последовательно и целенаправленно работать политикам, бизнесменам, экспертному сообществу всех трех стран.

(2008)

Послесловие

Подготовка материалов о потенциале взаимодействия трех «гигантов» Евразии — России, Индии и Китая — началась примерно в 2005 г. и была приурочена к проведению ежегодных конференций политологов этих стран поочередно в Москве, Дели и Пекине. Наверное, суммирование данных членов формата РИК по валовому внутреннему продукту и объему внешней торговли, выявление их общей доли в мире по этим и другим показателям с формальной точки зрения вполне допустимы. Однако в реальной жизни каких-то крупных совместных практических действий этих государств за такого рода математическими упражнениями пока не последовало. Кроме того, после резкой девальвации рубля на рубеже 2014—2015 гг. и падения мировых цен на нефть резко снизился ВВП России в номинальном выражении, обвалилась и ее внешняя торговля. Соответственно, пресеклось продолжавшееся более десятилетия неуклонное повышение суммарной доли России, Индии, Китая в мировом валовом продукте и мировой торговле. Это, конечно же, вполне может разочаровать любителей «надувать щеки». Однако, на наш взгляд, геополитический и геоэкономический потенциал формата РИК не то что не исчерпан, он, скорее, до сей поры все еще остается толком не задействованным.

Примечания

¹ См.: URL: <http://www.economist.com/countries/China/profile.cfm?folder=Profile-FactSheet>; URL: http://www.economist.com/countries/Russia/PrinterFriendly.cfm?Story_ID=9249588; URL: http://www.economist.com/countries/India/PrinterFriendly.cfm?Story_ID=9211186

² Там же.

³ Россия признана восьмой экономикой мира // Коммерсантъ. 2007. 18 декабря; China's Economy Smaller in New Study: World Bank. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2007-12/18/content_6329427.htm

⁴ Economist. London. January 5th-11th 2008. P. 77; URL: <http://russian1.people.com.cn/31518/6344411.html>

⁵ Коммерсантъ. 2008. 12 февраля.

⁶ См.: *Тяньшев О.Г.* ВТО об основных тенденциях в мировой торговле в 2006 г. — Бюллетень иностранной коммерческой информации. М.: ВНИКИ, 2007. 22 мая. С. 6—7, 10—11, 16. Подчеркнем, что в соответствии с данными ВТО Китай в 2006 г. занял 3-е место в мире как по объему товарной торговли в целом, так и по отдельности в экспорте вслед за Германией (1112 млрд долл.) и США (1037 млрд долл.) и импорте — вслед за США (1920 млрд долл.) и Германией (910 млрд долл.)

⁷ Там же. С. 10.

⁸ По данным индийской статистики, экспорт Индией программных продуктов (Soft ware) и услуг в сфере информационных технологий и телекоммуникаций вырос с 9,8 млрд долл. в 2003/2004 гг. до 17,1 млрд долл. в 2005/2006 гг. // Statistical outline of India 2006—2007. Mumbai. 2007. P. 77.

⁹ URL: http://english.people.com.cn/200701/25/print20070125_347786.html

¹⁰ Haiguan Tongji : [Таможенная статистика] // Beijing. 2006. № 12. С. 5 (на кит. яз.).

¹¹ Таможенная статистика внешней торговли Российской Федерации. Сборник. 2006 год. Москва. Федеральная таможенная служба. Москва. 2007. Том I. С. 9.

¹² Haiguan Tongji. 2006. № 12. С. 3.

¹³ Россия в цифрах. 2007. Краткий статистический сборник // Федеральная служба государственной статистики. М., 2007. С. 457, 459. Экспорт России в Индию увеличился с 2314 млн долл. в 2005 г. до 2988 млн долл. в 2006 г., а импорт России из Индии — соответственно, с 784 до 968 млн долл.

¹⁴ Время новостей. М., 2008. 13 февраля.

¹⁵ См.: ЮНКТАД о прямых иностранных инвестициях в мире в 2006 г. // Бюллетень иностранной коммерческой информации. М.: ВНИКИ, 2007. 22 марта. С. 2. Следует отметить, что данные национальных статистик о привлечении Россией, Китаем, Индией прямых иностранных инвестиций заметно отличаются от сведений ЮНКТАД. Так, по данным Росстата, в 2006 г. Россия привлекла 13,7 млрд долл. прямых иностранных инвестиций. Шарипова А. Росстат сомневается в инвестиционном буме // Коммерсантъ. 2007. 28 февраля.

¹⁶ Быстрый рост внешних прямых инвестиций Китая. URL: <http://russian1.people.com.cn/31518/5554756.html>

¹⁷ Активизация иностранного капитала в Индии // Бюллетень иностранной коммерческой информации. М.: ВНИКИ, 2007. 25 января.

О КОНФЕРЕНЦИИ В КАНАДЕ ПО ПРОБЛЕМАМ АЗИИ И АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

13—15 июня 2008 г. в г. Виктория, столице Британской Колумбии, Канада, состоялась 42-я конференция «Азиатские исследования на побережье Тихого океана». Эта ежегодная встреча ученых имеет статус одной из региональных конференций Американской Ассоциации азиатских исследований. В данной конференции приняли участие около 150 человек из Канады, США, Макао, Гонконга, Тайваня, КНР, Новой Зеландии, Австралии, Филиппин, Сингапура, Малайзии, Швеции, Республики Корея, Японии, России. Организатором конференции выступил Центр Азиатско-Тихоокеанских инициатив Университета Виктории (директор Центра — Ричард Кинг, председатель оргкомитета — Хейди Тиедмерс).

Центральная тема конференции была определена как «Пересечение границ в Азиатско-Тихоокеанском регионе: региональные и дисциплинарные переплетения». Ряд секционных заседаний в достаточной мере соответствовал общей теме конференции, например, «От экспорта революции к лидерству в сотрудничестве в сфере энергетики: отношения Китая с Азией», «Пересечение границ в современной японской литературе», «Глобализация и миграция», «Азиатская диаспора: перемещения и размещение», «Азиатская диаспора: вероисповедание и его реконструкция», «Нация, гражданство и пол в Бангладеш, Индии и Китае», «Культурные границы в истории Восточной Азии». В то же время, в большинстве секций «пересечение границ» понималось более узко, как сравнительный анализ тех или иных процессов и явлений в различных странах и регионах. Примером могут служить секция «Конституционализм в Азии», посвященная сравнению конституций ряда азиатских стран, и секция «Демократическая практика в китайских обществах: электоральные кампании в материковом Китае, Тайване и Гонконге».

Среди междисциплинарных исследований, представленных на конференции в Виктории, привлек внимание доклад Марка Бэгшоу (кол-

ледж Мариетта, США), посвященный сопоставлению американско-европейской и азиатской моделей лидерства. Одно из наиболее явных отличий «типичных лидеров» на Западе и на Востоке состоит, как показали социологические исследования, в том, что первые постоянно нацелены на перемены, а вторые тяготеют к сохранению статус-кво. Кроме того, на Востоке правилом является работа в группе не на индивидуальное достоинство ее членов, а на престиж руководителя. В результате здесь руководитель сплошь и рядом наделяется «качествами супермена, способного решить любые проблемы всех людей». На Западе, напротив, преобладает не авторитарный, а «соучаствующий» стиль руководства, при котором особое значение придается постоянному индивидуальному мотивированию членов группы для совместной работы.

В страновом разрезе основным объектом докладов и дискуссий на конференции стал Китай. Существенное внимание было также уделено корейской проблематике и истории политики Японии в АТР.

Выступивший на пленарном заседании с докладом на тему «Канадское видение Азии» исполнительный директор Азиатско-Тихоокеанского Фонда Канады Юэн Пау У (Yuen Pau Woo) констатировал, что в стране, как и в мире в целом, растет внимание к Азии. Это вызвано общим мнением о том, что в Азии «происходит нечто, что может повлечь за собой общемировые подвижки». Перемещение Азии в фокус внимания канадской общественности отражается в результатах опроса общественного мнения. Так, 36 % опрошенных канадцев считают наиболее многообещающим рынком Китай, тогда как США — 28 % и Европейский союз — 11 % опрошенных (опрос проводился весной 2008 г. вскоре после беспорядков в Тибете). Хотя США традиционно были признаны наиболее важной страной для процветания Канады (78 % опрошенных), вторым по значимости государством в этом плане оказался Китай (59 % опрошенных). Были упомянуты и другие азиатские страны — Япония, Индия, Республика Корея. В целом подъем Азии был расценен как, во-первых, выгодный для Канады и, во-вторых, как требующий изменения модели ее взаимоотношений с внешним миром. Одновременно опрос показал стойкое (а подчас и усиливающееся) наличие в канадском обществе разного рода страхов и опасений, прямо или косвенно увязываемых с подъемом Азии. В наиболее общем виде это проявляется в оценках влияния иммиграции на Канаду: позитивным его назвали в 2008 г. лишь 57 % опрошенных по сравнению с 78 % в 2006 г. Отмечено и «драматическое», как полагает докладчик, снижение уровня позитивной оценки иммиграции в Британской Колумбии, позиционирующей себя как «азиатско-тихоокеанские врата Канады»: с 73 % в 2006 г. до 59 % в 2008 г. Вполне логично, что на вопрос «надо ли разрешить привлечение большего количе-

ства иностранных рабочих для преодоления нехватки рабочей силы» согласием ответили 44 %, а несогласных оказалось 52 % опрошенных.

Негативно оценивается также рост военной мощи Китая — угрозой АТР ее назвали 66 % опрошенных (в 2006 г. таких было менее половины). Сохраняется и очень высокий уровень претензий к безопасности и качеству товаров из Китая: примерно три четверти опрошенных считают их хуже, чем у товаров из других развивающихся стран. В данном контексте упоминалось о создании противниками китайской продукции специального сайта «Скажи Китаю нет».

Негативно оценен и прогресс Китая в деле соблюдения прав человека: отметили его наличие лишь 37 % опрошенных, тогда как в 2006 г. таких было 63 %. В целом, полагает докладчик, вопреки географии большинство канадцев все еще не готовы признать, что Канада является частью АТР — с соответствующим утверждением согласилась лишь треть опрошенных. По его мнению, СМИ Канады не дают адекватного представления о событиях в Азии и ее развитии в целом. В то же время, несомненно, что влияние Азии в Канаде усиливается, и на это надо как-то реагировать.

Что касается все еще сохраняющегося в западном полушарии довольно негативного восприятия современного Китая, то оно не только отражает какие-то реальные изъяны сегодняшнего китайского общества и государства, но и в значительной мере является следствием целенаправленной работы антикитайского лобби в США. Как показал в своем докладе «Американская одержимость войной с Азией» Александер Ямато из Университета Сан Хосе, в США действует целая группа политологов-алармистов, регулярно вбрасывающих в общество публикации о китайской угрозе для Америки. Ямато, в частности, упомянул работы Стива Мошера «Китайские планы доминирования в Азии и мире» (2000), Тэда Карпентера «Предстоящая война Америки с Китаем» (2005), Джеда Баббита и Эдварда Тимберлэйка «Почему Китай хочет войны с США?» (2006). Интенсивная обработка общественного мнения дает плоды, что видно по результатам социологических опросов. В 2005 г. Китай как «серьезную угрозу» для США оценили 15 % опрошенных, а в 2007 г. — 22 %, как «потенциальную» — соответственно 51 и 53 % опрошенных. Напротив, число тех, кто не видит угрозы со стороны Китая или считает его союзником США, сократилось соответственно с 16 до 12 и с 13 до 8 процентов опрошенных. Разумеется, в определенной степени на результатах опросов сказывается и непростая история американо-китайских отношений. То же самое можно сказать и о Республике Корея, где, по свидетельству участников конференции, даже при очевидном политическом и экономическом сближении с КНР в последнее десятилетие, к Китаю все еще негативно относится 20 % населения.

Судя по докладам участников конференции, трудно дать однозначный ответ на вопрос о том, насколько подкрепляет или, напротив, смягчает настороженное отношение к Китаю его практическая внешняя политика. По мнению Виктора Чэна из Лундского университета, Швеция, в стратегическом плане внешнеполитический курс КНР имеет очевидный оборонительный характер. Вместе с тем на операционном, тактическом уровне Пекин нередко прибегает к наступательным действиям. Как полагает Джейсон Блажевич (Государственный университет Айдахо, США), хотя Китай пока демонстрирует реалистично-прагматический подход к трениям, существующим между ним и Японией в Восточно-китайском море (проблема принадлежности островов Дяюйдао-Сэнкаку, разграничение месторождений углеводородов), однако вряд ли следует упускать из виду, особенно на перспективу, его повышенный интерес к морским линиям коммуникаций, подкрепляемый быстрым наращиванием военно-морского флота.

На секции «Стратегические вопросы в Северной Азии» с докладом «Россия и Китай: консолидация стратегического партнерства» выступил и автор данного материала (основные идеи доклада представлены в статье «О некоторых аспектах совершенствования российско-китайского стратегического партнерства». Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 5). Интерес участников конференции к этому докладу не в последнюю очередь был вызван весьма слабым знакомством ученых-политологов западной части Канады и США с современными российско-китайскими отношениями. Недавняя публикация главы «Амур как река и как граница» (автор — Виктор Зацепин) в коллективной монографии ученых Университета Британской Колумбии, Ванкувер, «Китайское государство на границах» (The Chinese State at the Borders. Vancouver, 2007. 306 p.) лишь в небольшой степени восполнила этот пробел.

Конференция подтвердила высокий интерес международного научного сообщества к энергетической политике Китая. Ее развернутый анализ дала Гэй Кристоферсен (Университет Сока близ Лос-Анджелеса). Она обратила особое внимание на высокую активность Китая на различных международных форумах, призванных содействовать координации политики основных потребителей нефти на мировых рынках углеводородов. Один из таких форумов — это регулярные «энергетические» встречи представителей США, Японии, Китая, Республики Корея, Индии, т. е. стран, являющихся крупнейшими импортерами нефти. Первая такая встреча состоялась в декабре 2006 г. в Пекине, а последняя по времени — 7 июня 2008 г. в Японии. Кроме того, Китай ведет активный двусторонний энергетический диалог с Японией, при этом стремление Пекина и Токио к сотрудничеству в энергетической политике на мировой арене носит обоюдный характер. А в январе 2008 г. состоялась трехсторонняя

встреча представителей США, Японии и Китая, посвященная проблемам выработки «посткиотского консенсуса» (речь идет о предельно допустимых выбросах в атмосферу углекислого газа, прямо связанных с угле- и нефтепереработкой). Да и в целом в Восточной Азии действует уже целый ряд диалоговых структур, так или иначе «завязанных» на обеспечение международной энергетической безопасности. Заслуживают упоминания ECNEA (по первым буквам англоязычного названия Energy Cooperation in North East Asia) — «Энергетическое сотрудничество в Северо-Восточной Азии», инициированное Республикой Корея, и NEATT (Network of East Asian Think Tanks, т. е. «Сеть политологических центров Восточной Азии») — своего рода интеллектуальный клуб, призванный обеспечить научную подпитку формата «АСЕАН плюс три». Одна из его рабочих групп занимается сотрудничеством в области энергетики.

В докладах по корейской проблематике центральное место заняли вопросы ухудшающейся демографической ситуации в Республике Корея и порожденного этим обстоятельством роста иммиграции. По свидетельству ученых из Университета Кореи (Ким Ун Ги, Пак Кил Сун, Ли Мен Джин), рождаемость в стране с 1,67 % в 1985 г. снизилась до 1,08 % в 2008 г., т. е. является одной из самых низких в мире. Республика Корея стоит перед перспективой сокращения населения с 48,29 млн человек в настоящее время до 42,35 млн человек в 2050 г., нарастания дефицита рабочей силы до 1,23 млн человек в 2020 г. (а по другим оценкам — даже до 4,7 млн человек) и превращения страны в «суперпожилое общество», где доля лиц старше 65 лет с 7 % в 2000 г. вырастет к 2050 г. до рекордного мирового уровня в 38,2 %. Соответственно, Республика Корея вынуждена идти на существенное увеличение иммиграции. Одним из ее важных направлений — наряду с трудовой — выступает и «импорт невест»: в 2005 г. 13,6 % всех браков было заключено между корейскими и некорейскими гражданами, тогда как в 1991 г. — только 1,2 % браков. Особенно острой для Республики Корея является проблема нехватки невест для мужчин, проживающих в сельской местности. Появление в стране все большего количества выходящих замуж за местных корейцев женщин из Китая, Вьетнама, Филиппин мало-помалу преобразует корейское общество из моноэтнического в мультикультурное.

Ряд интересных нюансов был раскрыт в докладах, посвященных такой, казалось бы, хорошо изученной теме, как участие Японии в войнах. Так, японские эмигранты в США бурным ликованием встречали победы в войне с Китаем (1894—1895 гг.) и в войне с Россией (1904—1905 гг.). В то же время Портсмутский мир с Россией был ими воспринят крайне негативно, как якобы «укрававший победу у Японии», при этом высказывались претензии и к приютившим японских эмигрантов США, президент которых Т. Рузвельт сыграл важную роль в заключении мира между Рос-

сией и Японией (в советских школьных учебниках, как известно, декларировалось, что Т. Рузвельт действовал в интересах Японии). По словам Гэй Сацумы (Университет Гавайи в Маноа), американское население ни ликовать, ни протестовать японским эмигрантам особо не мешало, но само их поведение крепко-накрепко запомнило. И именно эти события послужили веским доводом для принятия решения об интернировании в США лиц японского происхождения вслед за нападением Японии на Пёрл-Харбор в 1941 г. Кристофер Стюарт (Тихоокеанской университет, США) посвятил доклад освещению на Западе так называемой «Нанкинской резни», когда от рук вырвавшейся в город японской военщины за один день — 13 декабря 1937 г. — погибло 300 тыс. солдат китайской армии и мирных жителей. По его словам, первое время эта трагедия, прямыми очевидцами которой были некоторые корреспонденты западных газет, находившиеся в городе, подробно и объективно освещалась в США и других западных странах. Однако в послевоенное время, когда Япония стала союзником США, тема стала замалчиваться, и растущий японский национализм не получал должного противодействия со стороны западных держав. Вновь вернуться к этому событию пришлось в 1982 г., когда в японских учебниках истории применительно к Нанкину термин «захватили» — «invaded» по-английски или «цинлюе» по-китайски — был заменен на «вошли» — соответственно, «advanced» и «туйцзинь». В экспозиции об участии Японии в войнах в Восточной Азии, представленной в выставочном павильоне Юйшукан известного синтоистского храма Ясукуни в Токио, которую мне довелось осмотреть в сентябре 2008 г., события в Нанкине 13 декабря 1937 г. трактовались как «суровое наказание китайских солдат, пытавшихся убежать из города, переодевшись в гражданскую одежду». Постепенно историческая справедливость в освещении на западе войны Японии против Китая в 1937—1945 гг. в целом и «Нанкинской резни» в частности была, считает К. Стюарт, восстановлена. Трактовка этих событий в публикациях последних лет носит вполне объективный характер.

(2008)

КОНФЕРЕНЦИЯ В НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ ПО ПРОБЛЕМАМ ЗАРУБЕЖНЫХ КИТАЙЦЕВ

18—19 июля 2009 г. в крупнейшем городе Новой Зеландии Окленде состоялась международная научная конференция по проблемам зарубежной китайской диаспоры. Ее организаторами выступили Ассоциация новозеландских китайцев Окленда и Международное общество по изучению зарубежных китайцев (ISSCO — International Society for the Study of Chinese Overseas). Непосредственную работу по подготовке конференции провела Школа азиатских исследований Университета Окленда во главе с профессором Ип Маньин.

Официальная тема конференции — «Поднимающиеся драконы, летящие ввысь бананы». Эта метафора призвана привлечь внимание одновременно как к развивающимся «материнским» китайским сообществам, представленным КНР, Тайванем, Гонконгом и Макао и символизируемым драконами, так и к зарубежным китайцам, часть которых, проживающая в странах со значительным белым населением, в последнее время в шутку нередко называет себя «бананами», тем самым подчеркивая свою новую идентичность, сочетающую унаследованную «китайскость» и приобретенную ориентацию на систему ценностей принимающих сообществ.

Прошлое, настоящее и будущее зарубежной китайской диаспоры в целом явилось одним из основных предметов анализа на конференции в Окленде. Как отметил Питер Ли (Канада), существует несколько вариантов периодизации истории формирования и развития феномена зарубежной китайской диаспоры. Такие китайские ученые, как Чжуан Готу и Чэнь Бишэн, датируют ее возникновение первыми веками второго тысячелетия нашей эры и увязывают с деятельностью миссионеров — конфуцианцев и буддистов, с торговой, а позже и с ремесленнической активностью китайцев. В то же время Ван Гунъю (Сингапур) полагает, что до конца правления династии Мин у китайцев не было интереса к окружающим

странам, и реально диаспора стала формироваться позже — в XVII—XIX веках. До 1883 г. находившихся за рубежом китайцев называли по-разному: «хуаминь», «хуажэнь», «хуагун». В 1883 г. появился термин «хуацяо», который быстро обрел популярность и стал наиболее употребительным. В первой половине XX века в среде находившихся за рубежом китайцев были весьма сильны патриотические настроения, ориентация на политическую и финансовую поддержку Китая. В целом до середины XX столетия зарубежные китайцы исходили, по крайней мере теоретически, из временного характера своего пребывания за границей и ориентировались на возвращение в конечном счете на историческую родину. После образования в 1949 г. КНР вопрос о массовом возвращении хуацяо в Китай отпал, утратил реальность. Большинство лиц китайского происхождения стали гражданами других стран. Можно сказать, именно тогда и началось формирование феномена «зарубежных китайцев» (overseas Chinese) в его современном виде. По имеющимся оценкам, их численность с 11 млн человек в 1955 г. увеличилась до 19 млн человек в 1980 г. и до 35 млн человек в 2000 г. В 2007 г. в мире насчитывалось около 39 млн человек зарубежных китайцев, в том числе в Азии 29,5 млн, в Америке около 7,2 млн, в Европе 1144 тыс. человек, в Океании 868 тыс., в Африке 219 тыс. человек. По сравнению с 1950-ми годами доля хуацяо, сосредоточенная в Азии, ныне заметно упала — с 96 % до 76 %, а тех, кто осел в Америке, существенно возросла — с 2 до 18 %. При этом, как отметил Лео Сурьядината (Индонезия), в настоящее время около 80 % мигрантов из Китая следует в такие развитые страны, как США, Австралия и Новая Зеландия, и только 20 % — в Юго-Восточную Азию.

Питер Ли прогнозирует увеличение лиц китайского происхождения в Америке до 9 млн человек в 2020 г. и до 13 млн человек в 2040 г., а в Азии, соответственно, до 32 и 38 млн человек. К 2040 г., по его оценке, количество лиц китайского происхождения в Европе возрастет до 2 млн человек в Океании — до 2,5 млн и в Африке — до 1 млн человек. В целом же зарубежная китайская диаспора может вырасти до 44 млн человек в 2020 г. и до 55 млн человек в 2040 г.

Хотя значительную часть современных мигрантов из КНР составляют, как и ранее, представители профессий, не требующих высокого уровня образования, например, торговцы и строители, однако доля высокообразованных специалистов быстро растет. Так, в Гонконге действует специальная программа приглашения «танантов и профессионалов» из КНР. Привлекательность Гонконга для китайских и в целом международных мигрантов обеспечивается, по свидетельству Виктора Чжэна, хорошими карьерными перспективами, высоким уровнем общественного порядка и законопослушания граждан. Однако Гонконгом дело не ограничивается. По мнению Йоу Ит-сена (Yit-Seng Yow), ныне китайские че-

ловеческие ресурсы распространяются по всему миру столь же быстро, как и продукция, изготовленная в Китае.

Как отметила в докладе «Зарубежные китайцы в новом глобальном мире» Либби Вонг — писательница, предприниматель и бывший член Законодательного совета Гонконга, в целом есть все основания считать зарубежную китайскую диаспору успешным сообществом. Зачастую зарубежным китайцам пришлось пройти через тяжелейшие испытания. Достаточно сказать, что в начале XX века практически во всех англоговорящих странах были приняты Акты об исключении китайцев. В Новой Зеландии лица китайского происхождения облагались подушным налогом, ставки которого неуклонно повышались, достигнув фактически запретительного уровня (в 2002 г. правительство Новой Зеландии принесло извинения китайской общине за гонения в начале XX века). Враждебная среда усиливала среди китайцев настрой на взаимную поддержку, особенно применительно к членам семьи и землякам. В настоящее время зарубежная китайская диаспора стала намного более разнородной. Появились такие полусутливые аббревиатуры, как «эй би си» — American borned Chinese (китайцы, рожденные в Америке; в первоначальном смысле аббревиатура, состоящая из первых трех букв английского алфавита, подразумевала именно алфавит, азбуку, прописные истины) и «би би си» — British borned Chinese, то есть китайцы, рожденные в Великобритании (изначально Би Би Си — ведущая радиовещательная корпорация Соединенного королевства). Однако, полагает Либби Вонг, при всем разнообразии зарубежных китайцев их отличает общее понимание необходимости «уважать право каждого на человеческое достоинство и доверять друг другу». Секрет же успеха китайской диаспоры заключается в ее высокой способности достаточно быстро адаптироваться к меняющимся условиям.

Неизменно значимым остается вопрос об идентичности зарубежных китайцев, о соотношении в их ментальности унаследованной «китайскости» и благоприобретенной той или иной «инакости», формируемой прежде всего условиями конкретной страны проживания. Для многих лиц китайского происхождения новая идентичность, связанная с гражданством, не менее важна, чем общность по крови. В этом плане весьма примечателен адресованный исследователям китайской диаспоры призыв Тереситы Анг Си (Филиппины) «разоблачать миф о том, будто этнические китайцы за рубежом формируют некий третий Китай» (то есть помимо КНР и Тайваня). Весьма популярным остается обобщенный взгляд на зарубежных китайцев как на своеобразный мост, связывающий в глобальном мире китайские сообщества и страны, принимавшие или принимающие выходцев из «китайского мира». Между тем проблема идентичности, похоже, все чаще решается на индивидуальном уровне. Такое бывало и в истории, но скорее в качестве исключения, а не правила.

Например, в докладе Лоуэллы Чэн (Гонконг) была прослежена история детей от одного из смешанных китайско-европейских браков в Гонконге на рубеже XIX—XX веков, в которой три брата выбрали китайскую идентичность, а четвертый — европейскую, включая и европейское имя. Можно констатировать, что в настоящее время лица китайского происхождения «старой волны», сохранив язык и ориентацию на китайскую культуру, все же существенно отличаются по манере поведения и общему мировоззрению от большинства новых китайских мигрантов.

Обретает популярность изучение проблем взаимоотношений китайских мигрантов с туземными народами (первообитателями), в том числе с маори в Новой Зеландии (доклад Найджела Мерфи) и с индейскими племенами в Британской Колумбии (доклад Хэйна Вая, Канада).

Часть докладов была посвящена особенностям истории и современного этапа функционирования китайской диаспоры в ряде конкретных стран, в том числе в ЮАР (Карен Харрис, Претория, ЮАР), Камбодже (Джеймс Чин, Гонконг), на Кубе (Мэри-Эллис Уотерс, США), в Австралии (Кристин Инглис, Австралия), Республике Корея (Чон Юн Рок, Сеул, Республика Корея), России (В. Портяков). Детально проанализировав деятельность китайской диаспоры в Экваториальной Гвинее, где в течение трех лет, начиная с 2006 г., ее численность увеличилась с 200 до 5 тыс. человек, Марио Эстебан (Мадрид, Испания) пришел к выводу о смешанном типе реакции на нее местного населения. С одной стороны, рядовые граждане приветствуют приток достаточно дешевых товаров и услуг китайского происхождения (продовольствие, ширпотреб, частные клиники, ремонтные мастерские и т. п.). В то же время в строительстве и сельском хозяйстве китайская рабочая сила составляет конкуренцию местным работникам и, соответственно, вызывает определенную негативную реакцию.

Конференция в Окленде дала старт давно напрашивавшемуся сравнительному анализу миграционных потоков из Китая и Индии и зарубежной китайской и индийской диаспор. Карен Харрис проанализировала сходство и различие политики южноафриканских государств по отношению к китайским и индийским рабочим в конце XIX — начале XX века. В 1860—1911 гг. Наталь ввез свыше 152 тыс. индийцев для работы на сахарных плантациях, а в 1904—1910 гг. Трансвааль ввез около 64 тыс. китайцев для работы в золотодобывающих шахтах. В обоих случаях выезд из своей страны на заработки был вынужденным и объяснялся голодом, стихийными бедствиями, политическим неурядицами в Китае и в Индии. Вместе с тем особенности использования принудительного труда индийцев и китайцев оказали глубокое влияние на формирование различий в последующей политике Южно-Африканского Союза, а затем ЮАР, в отношении лиц индийского и китайского происхождения.

Вэй Ли (Тусон, США) работает над проектом по сопоставлению современной китайской и индийской международной миграции. В частности, в США по состоянию на 2006 г. этнические китайцы (1,9 млн человек) и индийцы (1,5 млн человек) являлись соответственно второй и четвертой по численности этнической группой лиц, родившихся за пределами страны. И китайская, и индийская диаспоры достаточно уверенно перемещаются в системе разделения труда в США с первоначально периферийных позиций на базовые, опорные (backbone).

Судя по докладам участников конференции из Окленда, в целом неплохо складываются дела и у китайцев, осевших в Новой Зеландии. Таковых в настоящее время свыше 147 тыс. человек. Порядка 40 тыс. человек составляет старая диаспора, представленная выходцами из Гуандуна. Остальные — новая волна, начавшаяся в 1986 г., в основном из КНР. Значительную часть оседающих в Новой Зеландии китайцев составляют окончившие обучение в стране студенты и их родственники. Новая Зеландия, страдающая от «утечки мозгов», нуждается в постоянной подпитке своего интеллектуального потенциала. Наряду с белыми переселенцами из ЮАР свою лепту здесь вносят и китайцы. Благосклонному отношению властей к китайской иммиграции способствует то обстоятельство, что Новая Зеландия в последнее время позиционирует себя как мультикультурное общество. 10 % населения страны имеет азиатское происхождение, а 23 % новозеландцев родились вне ее территории. Причины высокой конкурентоспособности китайцев в Новой Зеландии демонстрирует и повседневная жизнь. Если в большинстве мелких магазинчиков Окленда любые разновидности фруктов продаются по доллару за штуку (новозеландский доллар составляет примерно две трети американского), то в китайских овощных магазинах за тот же доллар можно купить существенно больше, например, вплоть до килограмма яблок. Сувенирные майки, произведенные в Новой Зеландии, вдвое дороже практически таких же, но изготовленных в Китае.

Вместе с тем не все получившие вид на жительство китайцы закрепляются в Аотероа — «Стране длинного белого облака», как называется Новая Зеландия на языке первопоселенцев маори. Какая-то их часть рассматривает Новую Зеландию как пересадочную станцию и эмигрирует в третьи страны. В последнее время растет, судя по докладу Салли Лю, и возвратная миграция в КНР. Помимо того обстоятельства, что для многих новых мигрантов Китай является домом, где нередко остались родители, а то и собственная семья, свое воздействие оказывают возросшая мощь китайской экономики и предоставление властями КНР хороших материальных условий и карьерных возможностей возвращающимся из-за границы ученым и выпускникам вузов.

(2009)

СТАНОВЛЕНИЕ КИТАЯ КАК ОТВЕТСТВЕННОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ ДЕРЖАВЫ

Заметно возросшая в первом десятилетии XXI века внешнеполитическая активность Китая сопровождалась выдвижением в Пекине целого ряда концепций, призванных наглядно показать мировому сообществу главные ориентиры, формы и методы деятельности страны на международной арене на современном этапе и в обозримой перспективе. Так, широкий международный резонанс вызвали концепция «мирного возвышения» Китая и пришедшая ей на смену формула «мирного развития» страны, а также озвученный председателем КНР Ху Цзиньтао в 2005 г. призыв к созданию «гармоничного мира». Широкое обсуждение этих весьма масштабных идей, явно претендовавших на длительное нахождение в геополитическом мейнстриме, на какое-то время оставило в тени тот факт, что параллельно и в самом Китае, и за рубежом стали все настойчивее раздаваться голоса о необходимости для КНР, вышедшей на позиции одного из лидеров глобальной экономики, взять на себя больший, чем ранее, груз ответственности за состояние дел в мире. И хотя в политическом лексиконе китайской дипломатии характеристика КНР как «ответственной державы» впервые появилась еще в 1999 г.¹, однако, похоже, лишь в самое недавнее время, взвесив все «за» и «против», официальный Пекин согласился с определением Китая как ответственной глобальной державы, предпочитая, впрочем, использовать уточняющую дефиницию КНР как «ответственной крупной развивающейся страны». Например, именно такую формулировку употребил министр иностранных дел КНР Ян Цзечи при ознакомлении представителей СМИ с результатами участия председателя КНР Ху Цзиньтао в ряде саммитов ООН и 3-ем финансовом саммите «Группы 20» в США в сентябре 2009 г.² Кроме того, в статье о 60-летию дипломатии Нового Китая в ведущей га-

зете страны «Жэньминь жибао» Ян Цзечи включил «неукоснительное исполнение международного долга и несение международной ответственности» в число основополагающих принципов внешнеполитической деятельности КНР³.

Процесс осознания Китаем своего статуса как глобальной державы был длительным и непростым.

В первые два десятилетия существования Китайской Народной Республики ее международно-политическая деятельность носила весьма ограниченный характер. Восстановление в 1971 г. законного места КНР в Организации Объединенных Наций создало предпосылки для более активного участия страны в международной жизни, однако они не были в полной мере реализованы из-за внутривнутриполитической нестабильности и собственного изоляционистского экономического курса.

Ситуация начала меняться с поворотом Китая в конце 1978 г. к проведению политики модернизации, реформ и открытости. В 1980 г. КНР стала членом ведущих международных финансовых институтов — Всемирного банка и Международного валютного фонда. Нарастание масштабов внешней торговли, первый опыт привлечения иностранных инвестиций с участием иностранного капитала выявили необходимость адаптации внутреннего экономического законодательства и правил регулирования внешнеэкономической деятельности в Китае к общепринятым международным нормам. Это побудило КНР подать в 1986 г. официальную заявку на присоединение к ГАТТ — Генеральному соглашению о тарифах и торговле.

С начала 1980-х годов КНР стала выражать принципиальную поддержку миротворческим операциям, осуществляемым под эгидой ООН. Ее официальная заявка на членство в Специальном комитете ООН по миротворческим операциям была одобрена 43-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН в декабре 1988 г. С ноября 1989 г. КНР начала практически участвовать в операциях миротворческих сил ООН⁴.

Как полагает ряд китайских экспертов, настоящий «точкой отсчета» нарастания глубины и разнообразия форм участия Китая в жизни международного сообщества явилось завершение «холодной войны»⁵. Более того, Китай из страны, доселе бросавшей вызов существующей международной системе или занимавшей позицию стороннего наблюдателя, начал превращаться в «активного участника и строителя» этой системы, демонстрирующего на международной арене образ ответственной державы⁶.

К интенсификации самых разнообразных международных контактов Пекин подталкивало как принципиальное расширение масштабов внешнеэкономической открытости страны, старт которому дала знаменитая поездка Дэн Сяопина в Шанхай и Шэньчжэнь в начале 1992 г., так и все-

мерное стремление уйти с гипотетической позиции главного соперника США и Запада в целом, на которую Китай объективно выдвигался после распада Советского Союза. Симптоматично, что именно в 1992 г. КНР присоединилась к Договору о нераспространении ядерного оружия, который в маоцзедуновские времена жестко критиковался. Начиная со встречи глав государств и правительств — членов организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества в Сиэтле в 1993 г., КНР стала регулярно участвовать в ежегодных саммитах АТЭС. В целом в середине 1990-х годов Китай принимал участие в деятельности уже 80 % международных организаций⁷.

По-видимому, в этот период переломную роль в деле осознания Пекином всей важности ответственного поведения сыграли два события. Первое — это крупномасштабные военные учения в Тайваньском проливе, которые КНР провела на рубеже 1995—1996 гг., демонстрируя недовольство политическим курсом возглавившего администрацию Тайваня Ли Дэнхуэя. Практически единодушная негативная реакция мирового сообщества на эти действия явно отрезвила Пекин и заставила его задуматься о пределах использования военной силы или угрозы ее применения для достижения своих целей. Вряд ли случайно летом 1996 г. КНР присоединилась к Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний и ввела мораторий на собственные ядерные испытания. Напротив, мировое сообщество высоко оценило конструктивную позицию Китая в период азиатского финансового кризиса 1997—1998 гг., когда сохранение стабильного курса юаня и финансовая помощь КНР ряду государств Юго-Восточной Азии предотвратили развитие событий по наихудшему сценарию и позволили региону преодолеть спад производства в сжатые сроки. Ряд китайских экспертов полагает, что вопрос об идентификации Китая как «ответственной крупной страны международного сообщества» встал именно на фоне азиатского финансового кризиса. С этого времени КНР начала постепенно интегрироваться в международную систему в качестве ответственной державы, руководствуясь данной идентичностью в своей практической внешней политике⁸. Заметными вехами на этом пути стали: присоединение Китая ко Всемирной торговой организации (декабрь 2001 г.), подписание Киотского протокола (сентябрь 2002 г.), подключение, начиная со встречи в Эвиане в 2003 г., к диалогу государств «восьмерки» с крупнейшими развивающимися странами. В условиях мирового экономического кризиса 2008—2009 гг. КНР выступила как один из наиболее инициативных и влиятельных членов «мировой финансовой «двадцатки», то есть группы ведущих экономик мира (G-20). Как констатировала газета «Жэньминь жибао», «как высоко ответственная крупная страна, КНР принимает активное участие в международном сотрудничестве, прилагая максимум

возможных усилий с ее стороны для противодействия текущему финансовому кризису»⁹.

Определенная часть китайского экспертного сообщества до самого недавнего времени занимала **скептическую**, а то и отрицательную **позицию** по вопросу о самоидентификации КНР как ответственной державы, полагая, что данная идея имеет **западное происхождение** и что солидаризация с ней не отвечает интересам страны. При этом скептики чаще всего указывали на обнародованное в 2005 г. и получившее широкий международный резонанс пожелание заместителя госсекретаря США Р. Зеллика видеть Китай «ответственным пайщиком» (responsible stakeholder) международной системы¹⁰. Однако это было далеко не первое высказывание такого рода на Западе. Так, еще в 1995 г. министр обороны США У. Перри заявил о желании способствовать тому, чтобы политика КНР «еще больше была бы похожей на политику ответственной мировой державы», а в 1997 г. на приеме в честь председателя КНР Цзян Цзэминя президент США Б. Клинтон одобрительно отозвался о «важном вкладе Китая в развитие международного сообщества в качестве державы, несущей глобальную ответственность»¹¹.

Как бы то ни было, влияние Запада на выработку Китаем концепции своей международной ответственности вполне очевидно. Однако в этом нет какого-либо «первородного греха». Во-первых, как отмечают ученые в самом Китае, многое из того, что идет с Запада, «играет активную роль в общей истории человечества»¹² — а к идее особой ответственности крупных государств за свои действия на международной арене это, на наш взгляд, относится в полной мере. Во-вторых, Китай, независимо от первоначального генезиса идеи его растущей международной ответственности, сумел обратить ее себе на пользу, сделав эффективным инструментом противодействия теориям «китайской угрозы», неизменно сопровождающим с начала 1990-х годов динамичный экономический рост страны и усиление ее веса в мировой политике¹³.

Немаловажно и то обстоятельство, что попытки США и Европейского союза навязать Китаю свое видение приоритетов и «требуемой» степени ответственности его внешней, а подчас и внутренней политики¹⁴ де-факто помогают Пекину формировать собственную позицию, точнее соизмерять имеющиеся возможности и принимаемые на себя обязательства, вырабатывать отвечающую национальной специфике «дорожную» карту постепенного расширения сфер и диверсификации форм реализации своей глобальной ответственности.

На наш взгляд, вопрос о первоисточнике термина «международная ответственность» применительно к Китаю имеет второстепенное значение. Ведь **выход КНР на позиции ответственной глобальной державы стал закономерным следствием развития страны** и ее полноформатного включе-

ния в мирохозяйственные связи. Китай, с одной стороны, получил весомый выигрыш от процессов глобализации и регионализации мировой экономики, развернувшихся в последнее двадцатилетие, а с другой, можно сказать, оказался вынужден оплатить свой «входной билет» в мировой рынок возникновением отсутствовавшей ранее глубокой взаимозависимости между ним и множеством субъектов международного сообщества. Первоочередной «производной» этой взаимозависимости и явилось осознание Китаем необходимости взять на себя определенную глобальную ответственность, то есть адаптироваться к сложившимся в мире правилам игры, действовать на мировой арене исходя не только из собственных национальных интересов, но и учитывая интересы, озабоченности и даже прямые требования других субъектов международной жизни, причем неизбежно нарастающие вслед за ростом комплексной мощи самого Китая.

Сегодня КНР занимает первое место в мире по производству широчайшей гаммы промышленной и сельскохозяйственной продукции — от телевизоров и мобильных телефонов до стали, цемента, зерна и мяса. По абсолютному размеру ВВП страна вышла на третье место в мире, причем ее доля в мировом валовом продукте выросла с 3,9 % в 2003 г. до примерно 7 % в 2008 г.¹⁵ КНР занимает третье место в мире по объему внешней торговли, а по объему экспорта товаров — второе. Доля страны в мировом экспорте товаров с 5,9 % в 2003 г. выросла до 8,9 % в 2008 г., а импорта — с 5,3 % до 6,9 %¹⁶. Бывший с конца 1970-х годов крупным реципиентом иностранных инвестиций, Китай на глазах превращается во влиятельного экспортера капитала. В одном лишь 2008 г. его прямые зарубежные инвестиции достигли 55,9 млрд долл., в 174 странах и регионах мира уже создано свыше 12 тыс. предприятий с участием китайского капитала¹⁷, причем инвестиционная активность Пекина все заметнее ощущается даже в географически отдаленных от него Африке и Латинской Америке. Китай во всеуслышание объявил о планах создания крупного океанского глубоководного военного флота для обеспечения безопасности маршрутов транспортировки своих внешнеторговых грузов, особенно нефти.

В целом, можно сказать, роль и влияние Китая в мире уже ощутимо вышли за те ограничительные рамки его участия в международной жизни, которые были на рубеже 1980-х — 1990-х годов очерчены известным заветом Дэн Сяопина: «Хладнокровно наблюдать, исподволь укреплять свои позиции, действовать, соблюдая выдержку, держаться в тени, предпринимать некоторые действия». Как следует из комментариев китайских экспертов, одна из основных целей Дэн Сяопина состояла в том, чтобы оберечь страну от взваливания на себя непосильной ответственности¹⁸. С той поры, однако, ситуация радикально изменилась, и в последние годы уже не только потребности обеспечения суверенитета и интересов развития

страны, но и императив ее международной ответственности начинает играть заметную роль по всей внешней стратегии КНР, включая стратегии внешней политики, экономического развития и обеспечения безопасности¹⁹.

Китайские политологи-международники с конца 1990-х годов уделяют заметное внимание разработке **концепции ответственности Китая как глобальной державы**²⁰. К этому их подталкивает как недостаточная разработанность категории ответственности крупных стран в общей теории международных отношений, так и стремление обозначить здесь свою позицию. Судя по всему, первоначальный комплекс подходов к проблеме растущей ответственности Китая уже определен. Наибольшего внимания заслуживают следующие моменты.

Исходным пунктом поворота Китая к идее ответственности явилось четкое осознание того обстоятельство, что в реальной жизни повышение места и значения страны в международных отношениях далеко не полностью зависит от ее собственного желания и растущей мощи, но и во многом выступает результатом взаимодействия государственных интересов КНР и ожиданий от нее мирового сообщества.

Соответственно, именно вокруг связки «национальные интересы — интересы мирового сообщества» выстроено общее определение понятия «ответственности». По мнению ведущего китайского политолога-международника Ван Ичжоу, принятие Китаем соответствующей его возможностям международной ответственности означает поступательное увеличение вклада и степени участия страны в региональной и глобальной деятельности, с тем чтобы укрепление Китая и рост самосознания китайского народа постепенно превратились в источник нового прогресса и развития всего мирового сообщества²¹. Как подчеркивает профессор Янь Шэнъи из Фуданьского университета (Шанхай), Китай «не может просто пользоваться плодами международной безопасности и процветания, но он должен... нести соответствующую его силам ответственность за обеспечение международной безопасности и порядка, не только защищать интересы своей страны, но и учитывать и защищать интересы других стран», «сочетать коренные интересы страны и общие интересы человечества»²². Безусловно, констатации такого рода чрезвычайно важны. Однако и в данном случае безоговорочный приоритет все же отдается «защите государственного суверенитета, безопасности и интересов развития самого Китая»²³.

Весьма распространенной среди китайских экспертов является достаточно скромная оценка роли Китая в мировых делах на текущий момент. Так, по образному выражению Янь Шэнъи, Китай «зачастую пока все еще зритель, а не актер и тем более не режиссер», его предложения по совершенствованию миропорядка сводятся, как правило, к формулиро-

ванию тех или иных принципов, тогда как предложений конкретного характера мало²⁴. Сходного мнения придерживается и Ван Ичжоу, полагающий, что Китай пока дал миру немного «международных продуктов», т. е. проектов договоров, конвенций и т. п., которые были бы приняты на вооружение международным сообществом²⁵.

Отсюда вполне логично следует всемерное подчеркивание ограниченного масштаба ответственности, принимаемой сегодня на себя Китаем. Это аргументируется прежде всего необходимостью для страны действовать «соразмерно имеющимся силам», ведь Китай по ВВП на душу населения находится за пределами первой мировой сотни. Не меньшую роль играет и озабоченность Пекина, что те или иные форматы ответственности, навязанные стране извне, могут помешать ее развитию. Поэтому китайские эксперты предлагают «создать механизм справедливого распределения международной ответственности между различными державами в увязке с факторами уровня их развития, комплексной мощи, исторической ответственности»²⁶.

С одной стороны, стремление играть большую роль в мире, а с другой — очевидная нерешительность при принятии на себя адекватных растущей мощи конкретных международных обязательств предопределяет известную двойственность, противоречивость позиционирования себя Китаем в нынешней системе международных отношений. Пекин громко заявляет, что он поддерживает сложившийся мировой порядок и не собирается угрожать ему и тем более выступать в качестве его сокрушителя, что он, вступая в многочисленные международные организации, принимает на себя существующие в международных механизмах ограничения и рестрикции²⁷, — и практически без всякой паузы тут же провозглашает намерение «продвигать международный порядок в более справедливом и рациональном направлении»²⁸, «способствовать его реформированию в справедливый, многосторонний демократический порядок нового типа»²⁹. Вместе с тем пути создания нового мирового порядка Пекин видит не в войнах и революциях, а в содействии безопасности и развитию всех государств мира, в преодолении бедности, в универсальном следовании принципам добрососедства и сотрудничества.

Некоторая противоречивость наблюдается и в вопросе о приоритетной зоне ответственности Китая, то есть в том, рассматривает ли себя КНР как пока только азиатскую державу или уже как глобальную. В 2003 г. Ван Ичжоу однозначно констатировал, что «глобальная ответственность... является для Китая сравнительно долгосрочной перспективой» и что главной для него на текущем этапе выступает ответственность как «важной региональной державы Азиатско-Тихоокеанского региона». Успешное содействие в этом качестве общей стабильности ситуации и укреплению доверия и сотрудничества в регионе, проявление творческо-

го подхода для нейтрализации имеющихся в АТР очагов потенциальных конфликтов послужили бы, считал Ван Ичжоу, «пробным камнем» для вхождения Китая в мировую элиту с соответствующим изменением масштаба и расширением сфер его ответственности³⁰. Спустя пять-шесть лет, за которые объем ВВП Китая вырос более чем в полтора раза, а внешнеторговый товарооборот — втрое, страна по-прежнему ставит в качестве первоочередной задачу «быть одной из главных движущих сил региональной системы»³¹. Однако теперь она, похоже, готова замахнуться и на большее: стать «ответственной активной державой», о чем, по мнению китайских экспертов, свидетельствует выдвижение руководством КНР стратегии «мирного возвышения» страны³².

В целом, на наш взгляд, Китай ориентируется на поступательное наращивание своей международной ответственности в целях укрепления региональных и глобальных позиций страны и улучшения ее образа в мире. Одновременно Пекин четко дает понять, что он намерен выстраивать этот процесс собственным темпом, строго соизмеряя бремя принимаемой на себя ответственности со своими возможностями и интересами и что он не поддастся на попытки заставить его, образно говоря, таскать каштаны из огня для чужого дяди.

Пекин также утверждает, что признание им своей растущей ответственности за состояние миропорядка и решение ряда глобальных проблем не тождественно претензиям на ведущую роль и тем более гегемонию в мировых делах. Поскольку и за ответственность, и тем более за руководящие позиции в мире надо платить немалую цену, то Китаю, как констатировала сингапурская газета «Ляньхэ цзаобао», «еще рано бороться за международное лидерство»³³.

Концептуальное видение Китаем его растущей глобальной ответственности в большей или меньшей степени реализуется в его практической деятельности на международной арене. Как полагает американский китаевед Сюзан Ширк, в китайский «рецепт обретения репутации ответственного игрока на международной арене» входят три компонента: выстраивание взаимно удовлетворяющих отношений с соседними государствами; выступление в роли командного игрока в международных организациях и использование экономических связей для установления дружественных отношений с различными странами³⁴.

К настоящему времени статус Китая как ответственной глобальной державы наиболее выпукло проявился в таких сферах, как работа в ведущих международных организациях и обеспечение международной безопасности, функционирование мирового хозяйства, противодействие глобальным изменениям климата. По каждому из этих направлений, заслуживающих отдельного анализа, наработано внушительное «досье» практических дел и

конкретных обязательств Китая. Упомянем для наглядности лишь отдельные важные моменты:

- 6 августа 2002 г. КНР обнародовала новую концепцию безопасности, акцентирующую внимание на обеспечении комплексной безопасности всех стран мира. Ее сердцевиной стал призыв к отказу от так называемых «игр с нулевой суммой», предполагающих обеспечение собственной безопасности за счет безопасности других стран, и предложение искать путь к безопасности через диалог и сотрудничество, через достижение обоюдного или многостороннего выигрыша;
- КНР последовательно выступает за всеобщее ядерное разоружение, неизменно декларирует принцип неприменения первой ядерного оружия и его абсолютного неприменения против неядерных государств и безъядерных зон. Пекин играет незаменимую роль в усилиях мирового сообщества по обеспечению денуклеаризации Корейского полуострова;
- широкое признание снискало участие китайского контингента в миротворческих операциях в Восточном Тиморе и в Судане (Дар-фур), в других странах и регионах мира;
- КНР проделала огромную работу по адаптации национального законодательства к правилам ВТО и последовательно выполняет свои обязательства перед ВТО по снижению уровня таможенных тарифов и обеспечению свободного доступа иностранного бизнеса на свой рынок товаров и услуг;
- КНР вносит существенный вклад в развитие регионального экономического сотрудничества в таких форматах, как АСЕАН плюс один (Китай) и АСЕАН плюс три (Китай, Республика Корея, Япония), Шанхайская организация сотрудничества, Восточноазиатский центр мировой экономики (Китай, Япония, Республика Корея), а также в работу формирующихся структур Россия—Индия—Китай и Бразилия—Россия—Индия—Китай;
- Китай последовательно выполняет свои обязательства по помощи развивающимся странам, включая списание большей части задолженности беднейших развивающихся стран перед ним;
- как и в период азиатского финансового кризиса 1997—1998 гг., Китай играет конструктивную роль в противодействии мировому экономическому кризису, начавшемуся во второй половине 2008 г. КНР одной из первых обнародовала масштабную программу антикризисных мер, стимулировавшую рост внутреннего инвестиционного и потребительского спроса и тем самым оказала поддержку производителям не только в самом Китае, но и во многих других государствах мира;

- Китай, являющийся наряду с США одним из двух крупнейших эмитентов парниковых газов в атмосферу, отстаивает в борьбе с глобальным потеплением принцип «общей, но дифференцированной ответственности». Обнародовав в 2008 г. специальную Белую книгу правительства по противодействию изменению климата, КНР ныне детально изучает возможности развития в стране низкоуглеродной экономики и самого широкого использования нетрадиционных источников энергии, ведет интенсивный международный диалог по всему взаимосвязанному кругу проблем развития энергетики, защиты окружающей среды и минимизации антропогенного воздействия на климат.

В целом, на наш взгляд, КНР завершила первоначальную адаптацию к своему статусу ответственной глобальной державы.

Дальнейшее продвижение Китая по пути расширения сфер и наращивания своей глобальной ответственности будет определяться в первую очередь такими внутренними факторами, как социально-экономическое благополучие страны, вызревание институтов гражданского общества и стимулируемое им перемещение правочеловеческой проблематики из нынешнего периферийного положения в центр системы национальных ценностей, осознание элитой, бизнес-сообществом и населением жесткой необходимости выхода на предельно экологичное функционирование национальной экономики и общества не просто на длительную перспективу, а, можно сказать, навсегда.

Многое будет определять и та или иная реакция международного сообщества на внутри- и внешнеполитический курс КНР, его внешнеэкономическую политику и прежде всего на усиление позиций Китая в мире в целом. Эта реакция, надо сказать, весьма противоречива. Ведущий мировой еженедельник «Economist», издающийся в Лондоне, неоднократно высказывал точку зрения, будто КНР пока берет на себя меньшую долю ответственности за глобальные дела, чем могла бы и должна взять в соответствии с ее весом в мировой экономике и торговле. В марте 2009 г. журнал заявил, что Китай все еще «продолжает действовать как малая страна с незначительным влиянием на глобальную систему и поэтому несущая незначительную ответственность за нее»³⁵. Практически тот же смысл был отражен и в заголовке одной из статей журнала, посвященных 60-летию КНР: «Мир согласился с тем, что Китай является растущей великой державой; к сожалению, он не всегда действует сообразно этому статусу»³⁶.

Существует, однако, и иная крайность. Настороженные возросшей военной и экономической мощью Пекина и его уверенностью в ведении международных дел, некоторые западные эксперты настаивают на неготовности Китая к глобальной роли, поскольку, дескать, «экономическая

значимость не трансформируется автоматически в геополитический вес. А в случае с Китаем другие важные компоненты подлинно глобальной мощи — моральный авторитет, военная состоятельность, культурное влияние — либо находятся в стадии формирования, либо вовсе отсутствуют». Утверждается также, что глобальные амбиции Китая не могут быть реализованы «без решения таких сковывающих страну проблем, как широкое распространение бедности, авторитарное правление, придавленная десятилетиями изоляции культура и плохо понимаемые намерения»³⁷.

Давление на Пекин извне по вопросам глобальной ответственности отражает не только его собственные недоработки, но и скептическое отношение Запада к заверениям Китая о его сугубо мирном возвышении, опасения, что «каждый успех Китая наносит удар по главенству западной модели в мире»³⁸.

В этой ситуации Китай стремится уйти с потенциальной позиции крупного узла современных международных противоречий, пытается уменьшить сопротивление внешнего мира подъему страны. Особые надежды в данном плане возлагаются на концепцию «гармоничного мира», которая, как декларируют в Пекине, едина по своему духу с Уставом ООН, развивает и обогащает его и вполне может претендовать на роль общего ориентира международных отношений в XXI веке³⁹. Одновременно Китай настраивается на прагматичную работу с такой новой для себя реальностью, каковой стал его статус ответственной глобальной державы. Как справедливо констатировал вице-президент Китайского института международных проблем при Министерстве иностранных дел КНР Сюй Цзянь, Китаю следует трезво и рационально относиться к теме своей ответственности, воздерживаясь от чрезмерного оптимизма по поводу ее позитивных аспектов и от чрезмерной обеспокоенности по поводу аспектов негативных. Исходя из своих реальных возможностей, из собственных фундаментальных интересов и общих интересов международного сообщества, Китай должен нести свою ответственность и отстаивать свои права в мире достаточно энергично и вместе с тем осторожно⁴⁰.

В настоящее время нет смысла пытаться предугадать те или иные нюансы и конкретные детали дальнейшего движения Китая по нелегкому пути укрепления своего статуса ответственной глобальной державы. Но оптимальный вектор этого движения проглядывает уже сегодня: он, на наш взгляд, состоит в том, чтобы от нынешней, пока еще ограниченной ответственности шаг за шагом идти к ответственному самоограничению во все новых и новых сферах. А это возможно только в том случае, если в схожем алгоритме будут действовать и все другие ведущие державы мира.

(2009)

Примечания

¹ В изданном в 1999 г. сборнике «Дипломатия Китая» констатировалось, что «образ Китая как миролюбивой, нацеленной на сотрудничество, ответственной державы с каждым днем становится все более зримым». Цит. по: Ху Шусян (гл. ред.) Чжунго вайцзяо юй гоцзи фачжань чжаньлюэ яньцзю. : [Дипломатия Китая и международная стратегия развития]. Пекин: чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ, 2009. С. 175—176.

² Глава МИД КНР о результатах участия Ху Цзиньтао в саммитах ООН и 3-м финансовом саммите «Группы 20». URL: http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2009-09/27/content_351342.htm

³ Ян Цзечи. Хуньян синь Чжунго вайцзю юсю чуаньтун цзохао синь син ши ся дэ вайцзю гуанцзо : [Следуя лучшим традициям дипломатии Нового Китая, надлежащим образом вести дипломатическую работу в новой ситуации] // Жэньминь жибао. 2009. 5 сентября.

⁴ Tang Yongsheng. China's Participation in UN Peace Keeping Regime — In: Construction Within Contradiction — Multiple Perspective on the Relationship Between China and International Organizations. Edited by Wang Yizhou. Beijing: China Development Publishing House, 2003. P. 74.

⁵ Янь Шэньи. Дандай чжунго вайцзю (ди эр бань) : [Современные международные отношения Китая. 2-е издание]. Шанхай: Фудань дасюэ чубаньшэ, 2009. С. 340—341.

⁶ Там же. С. 339.

⁷ Ху Шусян. Цит. соч. С. 182.

⁸ Там же. С. 247.

⁹ China to bolster image as a responsible big nation // People's Daily online. 2009. March 31.

¹⁰ Robert Zoellic. Whither China: From Membership to Responsibility? Remarks to National Committee on U.S.—China Relations, September 21, 2005. Цит. по: *Niu Haibin*. China's International Responsibility Examined. Contemporary International Relations, Beijing, July/August 2007. P. 82.

¹¹ Ху Шусян. Чжунго вайцзю юй гоцзи фачжань чжаньлюэ яньцзю. С. 183, 181.

¹² Ван Ичжоу. Чжунго вайцзю синь гаоди : [Новые высоты дипломатии Китая]. Пекин: Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ, 2008. С. 133.

¹³ Детальный перечень различных вариаций теории «китайской угрозы» за период 1990—2002 гг. приведен в написанной Юн Дэном (Yong Deng) главе «Репутация и дилемма безопасности — реакция Китая на теорию китайской угрозы» в монографии «Новые направления в изучении внешней политики Китая» — Alastair Iain Johnston, Robert S. Ross (editors). *New Directions in the Study of China's Foreign Policy*. Stanford University Press, Stanford, 2006. P. 191—195.

¹⁴ Как отмечает сотрудник Шанхайского института международных исследований Нью Хайбинь, с точки зрения США ответственность Китая должна включать

такие сферы, как ускорение политической реформы, более сильная защита прав интеллектуальной собственности, меньший контроль над обменным курсом юаня, более высокую прозрачность военного бюджета, более крупный взнос в ООН. Европейский Союз в обнародованном в 2006 г. документе «ЕС—Китай: более тесное партнерство, растущая ответственность» в качестве приоритетных выделены проблемы изменения климата, прав человека, торговой политики, помощи беднейшим странам — Niu Haibin. *Op. cit.* P. 82.

¹⁵ Данные Международного валютного фонда и расчет по ним (World Economic Outlook Database. April 2009 Edition). Доля Китая в мировом валовом продукте, при расчетах по паритету покупательной способности национальных валют составила в 1008 г. 11,38 % — 2-е место в мире вслед за США (20,7 %).

¹⁶ Данные Всемирной торговой организации. См.: О некоторых тенденциях в развитии международной торговли на современном этапе. Ч. 1 — Бюллетень иностранной коммерческой организации. М., 2009. 23 апреля. С. 16.

¹⁷ Китай форсирует участие в международном инвестиционном сотрудничестве // Синьхуа. 08.10.2009.

¹⁸ Ху Шусян. Цит. соч. С. 62—63.

¹⁹ Ван Ичжоу. Цюаньцзо чжэнчжи хэ чжунго вайцзяо : [Глобальная политика и внешнеполитический курс Китая]. Пекин: Шицзе чжиши чубаньшэ, 2003. С. 317.

²⁰ По-видимому, впервые сам этот термин прозвучал в конце 1999 г. в статье заместителя директора Института мировой политики и экономики Академии общественных наук Китая Ван Ичжоу «Китайская дипломатия перед лицом XXI века: три императива и баланс между ними», опубликованной в журнале «Стратегия и управление» — Ван Ичжоу. Мянсьян 21 шицзи дэ Чжунго вайцзяо: саньчжун сюйцзо дэ чжаоцзо изи ци пинхэн // Чжаньлюэ юй гуаньли. Пекин, 1999. № 6. С. 18—27.

²¹ Ван Ичжоу. Чжунго вайцзяо синь гаоди. С. 28.

²² Янь Шэньи. Дандай чжунго вайцзяо (ди эр бань). С. 344, 386.

²³ По словам министра иностранных дел КНР Ян Цзечи, «защита государственного суверенитета, безопасности и интересов развития представляет собой исходный и конечный пункт» внешнеполитической деятельности Китая. — Жэньминь жибао, 2009, 5 сентября. Практически слово в слово эта же идея прозвучала несколько ранее и в монографии Янь Шэньи: «предпосылкой принятия на себя международной ответственности является нанесение ущерба собственному суверенитету, безопасности и развитию». Ян Шэньи. Цит. соч. С. 386.

²⁴ Янь Шэньи. Цит. соч. С. 344.

²⁵ Ван Ичжоу. Чжунго вайцзяо синь гаоди. С. 61.

²⁶ Янь Шэньи. Цит. соч. С. 386.

²⁷ Там же. С. 343.

²⁸ Ху Шусян. Цит. соч. С. 247.

²⁹ Янь Шэньи. Цит. соч. С. 344.

-
- ³⁰ Ван Ичжоу. Цюаньцю чжэнчжи хэ Чжунго вайцзяо. С. 320—321.
- ³¹ Янь Шэнби. Цит. соч. С. 344.
- ³² Ху Шусян. Цит. соч. С. 299.
- ³³ Ляньхэ цзаобао. Сингапур. 07.04.2009. Цит. по: URL: <http://world.people.com.cn/GB/9088294.html>
- ³⁴ Shirk, Susan. China: Fragile Superpower // Oxford University Press. 2007. P. 109.
- ³⁵ The Economist. London, 2009. March 21—27. P. 30.
- ³⁶ The World has accepted that China is emerging as a great power; it is such a pity that it still dose not always act as one. URL: <http://www.economist.com/PrinterFriendly.cfm?story id=14548871>
- ³⁷ Michael Wines, Edward Wong. An Unsure China Steps On to the Global Stage // The New York Times. April 2. 2009.
- ³⁸ Янь Шэнби. Цит. соч. С. 385.
- ³⁹ Ху Шусян. Цит. соч. С. 333—335.
- ⁴⁰ Ху Jian. Theoretical Reflections on Building a Harmonious World. China International Studies. Beijing. Spring 2007. P. 46.

О ПЕКИНСКОМ ФОРУМЕ

В ходе научной командировки в Школу международных отношений Пекинского университета мне довелось принять участие в работе Пекинского форума. Значительные масштабы данного мероприятия, в котором участвовало несколько сотен человек, большое значение, придаваемое в Китае этому форуму и особо подчеркнутое проведением первого дня его работы в государственной резиденции Дяюйтай, делают Пекинский форум неординарным событием в насыщенной «конференционной» жизни китайской столицы и даже страны в целом.

Организаторами Пекинского форума являются Пекинский университет, Комитет образования Пекина и Корейский Фонд высшего образования. Информационную и организационную поддержку Форуму оказывают два десятка международных, зарубежных и китайских, организаций, в числе которых фигурируют Программа развития ООН, Всемирный банк, Центр исследования проблем развития Госсовета КНР, ряд ведущих китайских газет и телеканалов, Фонд Тони Блэра.

Официально декларированной целью форума является представление научных достижений мирового класса и стимулирование исследований в сфере гуманитарных и общественных наук, содействие научным исследованиям во всем мире.

Поскольку данный форум проводится в Пекине — «городе богатых традиций и уникальной культуры», то одна из основных его целей видится в том, чтобы взглянуть на глобальные проблемы сквозь призму «восточных стратегий и восточной мудрости» и одновременно искать пути решения проблем Востока, применяя методы и подходы, позаимствованные у неазиатских культур.

Тема первого форума, состоявшегося в 2004 г. — «Гармония цивилизаций и процветание для всех» — стала общим девизом данного мероприятия, проводимого ежегодно. Конкретные же акценты форума год от года менялись. В 2005 г. он был посвящен вопросам возможностей и раз-

вития Азии в условиях глобализации, в 2006—2007 гг. — размышлениям о цивилизационных формах человечества и многообразии моделей развития человеческой цивилизации. В 2008 г. во главу угла были поставлены «универсальные ценности и тенденции развития цивилизаций». В 2009 г., вполне естественно, обсуждали вопросы глобального экономического кризиса и перспективы обретения послекризисной гармонии. Своеобразной посткризисной рефлексией можно объяснить главную тему форума 2010 г. — «Для нашего общего дома — ответственность и действия».

На пленарных заседаниях форума выступали такие известные политики, как Дж. Буш-старший, Тони Блэр, Э. Зедильо, Эдуардо Фрей, Ван Цишань, Цянь Цичэнь, Лю Яньдун, Ли Чжаосинь. В адрес форума регулярно направлялись приветствия и видеообращения генеральных секретарей ООН Кофи Аннана и Пан Ги Муна.

В числе ключевых спикеров и участников форума было немало известных ученых, в том числе лауреаты Нобелевской премии по экономике Роберт Мандель, Кеннет Эрроу, Дуглас Норт, президенты ряда ведущих университетов США, Канады, Японии, Китая, китаеведы Р. Скалапино, Э. Фогель, У. Кирби.

Основные презентации докладов и дискуссии проходят по секциям. Их число в разные годы варьировалось от 6 до 14. Наряду с проблемами экономики, международных отношений, образования обсуждаются и темы, имеющие на данный момент особую важность для Китая. Так, в 2008 г. работала секция «Олимпийский дух и мировая гармония», в 2010 г. — секция «Глобальное управление и роль Китая». Позиционирование Пекинского форума как важной площадки для ведения «диалога цивилизаций» призваны подкрепить как большое внимание, уделяемое теме культуры в целом, так и организация специальных секций «Исламско-конфуцианский диалог» (2009 г.) и «Христианско-конфуцианский диалог» (2010 г.).

Издательство Пекинского университета публикует сборники тезисов и докладов, представляемых на форуме, а впоследствии — и сборники избранных статей каждого форума на китайском и английском языках. В частности, в сборнике статей форума 2010 г. привлекла внимание статья Чэнь Шаофэна из Школы международных отношений Пекинского университета, посвященная проблеме реальных масштабов внутреннего потребительского спроса в Китае. Как известно, тезис о его низком уровне весьма популярен, на идее стимулирования потребительского спроса базируются достаточно высокие прогнозы темпов экономического роста в КНР в среднесрочной перспективе. Автор, однако, считает, что официальные статистические данные КНР не учитывают многие важные компоненты семейного потребления (в том числе реальные расходы на образование, здравоохранение, жилье, на обучение детей и по-

купки за рубежом). Соответственно, полагает Чэнь Шаофэн, объем внутреннего потребления в Китае и его реальная доля в ВВП значительно недооценены¹.

Форум 2011 г., проходивший с 4 по 6 ноября, был посвящен теме «Традиции и современность, переходы и трансформации». В качестве ключевых спикеров на форуме выступили Роберт Бэла — почетный профессор Калифорнийского университета в Беркли, бывший глава Британской библиотеки Колин Лукас, профессор Чикагского университета, лауреат Нобелевской премии по экономике за 2007 г. Роджер Майерсон и вице-президент и главный экономист Всемирного банка Линь Ифу.

Судя по реакции слушателей, для аудитории форума, в значительной части представленной профессурой и студентами Пекинского университета, весьма интересной оказалась история формирования в Европе политической системы представительной демократии, изложенная в докладе Р. Майерсона. Нобелевский лауреат подчеркнул основополагающее значение своеобразной выборной пирамиды, обеспечивающей поступательное продвижение зарекомендовавших себя фигур от низших ступеней избирательной лестницы к высшим, от местного уровня к общегосударственному. Именно такая система, а не одноуровневые прямые выборы высшего должностного лица обеспечивает подлинный демократизм функционирования политических институтов той или иной страны².

Главной звездой форума стал Линь Ифу, сохранивший за собой позицию профессора Пекинского университета и после перехода на один из руководящих постов во Всемирном банке. Его выступление — «Экономическое развитие и культурное возрождение Китая в условиях растущей многополярности мира XXI века» — было сразу же опубликовано в газете «Гуанмин жибао». В отличие от других ключевых спикеров, Линь Ифу зачитал свой доклад на китайском языке. Линь Ифу попытался ответить на вопрос — возможно ли возрождение китайской культуры. Оно, по мнению Линя, в решающей степени зависит от способности соединить экономические основы Китая с системой конфуцианских ценностей, от того, насколько конфуцианство сможет поддержать и обеспечить постоянный инновационный процесс и совершенствование производительных сил, насколько само конфуцианство способно адаптироваться к меняющемуся экономическому базису. Как утверждает Линь, конфуцианство исторически уже продемонстрировало способность к такой адаптации. Передовой или отсталый характер, доминантность или слабость той или иной цивилизации определяются, констатировал в заключение Линь Ифу, ее экономической основой. В этом смысле ренессанс китайской культуры в XXI веке напрямую связан с его быстрым экономическим развитием. Ускорение темпов роста в Индии, Бразилии, Индонезии, России, ЮАР в условиях крепнущей многополярности мира создает возмож-

ность культурного ренессанса и в этих странах на базе из собственного культурного наследия и ключевых этических ценностей³.

Секционные заседания форума были посвящены таким темам, как «Исторический взгляд на пути общественной трансформации», «Экономический рост в контексте глобализации», «Преимственность и инновации в образовании», «Наследие и инновации в культуре», «Трансформация городов и будущее человечества», «Консультативная демократия и общественная гармония» (в ее работе приняли участие такие известные ученые, как Юй Кэпин, Хэ Баоган, У Гогуан, Лоуэлл Диттмер). Были также организованы студенческая секция о роли молодежи в сохранении культурного наследия, развитии и инновационном процессе и секция Всемирного банка «Частное образование и общественные финансы». Специальный «круглый стол» был посвящен десятилетию членства Китая во Всемирной торговой организации.

На секции «Трансформация и стабильность: достижения и вызовы в развивающихся странах», в работе которой мне довелось участвовать, был заслушан ряд докладов о событиях 2011 г. в арабском мире. Их коренной причиной, по мнению доктора Я. Зубира из Франции, стала неспособность правящих режимов, суть которых можно охарактеризовать как «электоральный авторитаризм», эффективно ответить на нараставшие вызовы развитию в виде безработицы, коррупции, бедности.

Состав участников секции, среди которых было несколько ученых-африканистов из ЮАР, Индии, России, Анголы и Центра африканских исследований Пекинского университета, предопределил повышенное внимание в ее работе к проблемам развития Африки в целом и некоторых конкретных стран континента.

Вместе с тем анализировался и опыт ряда развитых стран, в том числе стратегия инновационного обновления Сингапура (Пенелопа Прайм, Атланта, США), деятельность Республики Корея в качестве организатора саммита группы «G-20» (Чой Бён Ир, Республика Корея).

Особо отмечу доклад «Новая ресурсная политика: могут ли Австралия и Южная Африка приспособиться к Китаю?». Его авторами являются Марк Бисон из Университета Южной Австралии, Миллс Соко из Университета Кейптауна и Ван Юн из Пекинского университета, который и представил доклад на форуме. Последствия глобализации экономики КНР и ее растущий спрос на сырье и ресурсы, получаемые извне, заставляют многие страны мира так или иначе адаптироваться к «подъему Китая» независимо от того, нравится им это или нет. В том, как этот процесс идет у Австралии и ЮАР, есть заметные различия. ЮАР видит в китайских инвестициях прежде всего возможность для развития, а не угрозу безопасности. Австралийская ситуация заметно сложнее: Китай является главным рынком для экспорта Австралии (в 2009 г. его доля здесь достиг-

ла 30 %) и одновременно рассматривается как потенциальная стратегическая угроза. По мнению авторов, экономические интересы в конечном счете возьмут верх: в XXI веке материальные силы оказываются сильнее идеологии⁴.

В целом Пекинский форум произвел впечатление действительно крупномасштабного и интересного события. Несомненно, запуск мероприятия такого рода непосредственно связан с взятым в КНР курсом на усиление и диверсификацию «мягкой силы» страны, повышение международной конкурентоспособности Китая по этому параметру. В то же время, определенной недоработкой можно считать то обстоятельство, что диалог цивилизаций в версии Пекинского форума пока выглядит как почти исключительно диалог между китайской и англо-американской цивилизациями.

(2011)

Примечания

¹ *Chen Shaofeng*. Insufficient Domestic Demand in China: an Exaggerated Story. — Selected Papers of Beijing Foirum 2010. The Harmony of Civilizations and Prosperity for All — Commitments and Responsibilities for a Better World // Peking University Press. 2011. P. 144—170.

² *Roger Myerson*. Understanding the Foundations of All Political Systems: Leadership, Law and Local Government. Keynote Speech of Beijing Forum 2011.

³ *Линь Ифу*. Эрши и шици цюаньцю доци цзэнчжан гэцзюй чжун дэ Чжунго цзинци фачжань хэ вэньхуа фусин. Keynote Speech of Beijing Forum 2011.

⁴ *M. Beeson, M. Soko, Wang Yong*. The New Resource Politics: Can Australia and South Africa Accommodate China? — In: Transformation and Stability: Achievements and Challenges in Developing Countries. Collection of Papers and Abstracts, Beijing Forum Secretariat, 2011. P. 60—87.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАВЕТЫ ДЭН СЯОПИНА И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

I

В конце 1980-х — начале 1990-х годов архитектор китайских реформ Дэн Сяопин, начавший практическую передачу властных полномочий следующему поколению лидеров КПК и КНР во главе с Цзян Цзэмином, высказал ряд рекомендаций по позиционированию Пекина на международной арене в весьма сложной обстановке тех лет. Она, напомним, характеризовалась стремительным демонтажем социализма в Восточной Европе, политическим и экономическим кризисом в СССР, приведшим к дезинтеграции Советского Союза, а вслед за этим — и к прекращению существования биполярной системы международных отношений. Сама КНР после силового вытеснения демонстрантов с площади Тяньаньмэнь в Пекине 4 июня 1989 г. стала объектом серьезного политического давления и прямых санкций со стороны ведущих государств Запада.

Отдельные высказывания Дэн Сяопина по вопросам внешней политики были сведены в обобщенную формулу, в наиболее полном виде состоящую из 28 иероглифов. В соответствии с нею, в деятельности на международной арене Китаю предписывалось «хладнокровно наблюдать, укреплять расшатанные позиции, проявляя выдержку, справляться с трудностями, держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, быть в состоянии защищать пусть неуклюжие, но свои собственные взгляды, ни в коем случае не лезть вперед, на первое место, и при этом делать что-то реальное» (冷静观察, 稳住阵脚, 沉着应付, 韬光养晦, 善于守拙, 决不当头, 有所作为)¹. На практике более распространенными оказались сокращенные варианты данной формулы из 24 и 20 иероглифов, а наибольшую популярность и в самом Китае, и за рубежом обрело выражение «таогуан янхуй, юсо цзо вэй» (韬光养晦, 有所作为) — «держаться в тени, стараясь ничем не проявлять себя, однако при этом делать что-то реальное». Отчасти

из-за наиболее распространенного варианта перевода выражения «таогуан янхуй» на английский язык как «keeping a low profile», охарактеризованный им принцип позиционирования Китая на международной арене в российской политологии стал нередко описываться упрощенной, но по-своему точной формулировкой «не высовываться».

Рекомендации Дэн Сяопина сыграли свою роль в улучшении международной обстановки вокруг Китая, помогли ему избежать участи Восточной Европы и СССР и противостоять давлению и санкциям Запада. Как констатировал новый лидер страны Цзян Цзэминь, «практика показала, что это правильный курс». В контексте закрепления на XV съезде КПК (сентябрь 1997 г.) теории Дэн Сяопина в качестве важной составной части идейно-политической основы деятельности правящей компартии Китая высказывания Дэна на рубеже 1980-х — 1990-х годов по проблемам внешней политики страны стали трактоваться в КНР как «стратегический курс, важная политическая установка, базирующаяся на долговременных коренных интересах китайского народа и крупных подвижках в международной обстановке и в соотношении сил в мире». При этом Китаю предписывалось «продолжать неуклонно следовать этим стратегическим курсом» и в условиях непрерывного повышения его комплексной мощи и международного статуса².

Начавшаяся в конце 1990-х годов активная пропаганда внешнеполитических заветов Дэн Сяопина сделала их более известными как в самом Китае, так и за рубежом.

С выдвижением в 2003—2004 гг. концепции «мирного возвышения Китая» молчаливо-настороженное отношение Запада к формуле Дэна как квинтэссенции внешнеполитической стратегии КНР сменилось, прежде всего в США, на негативное. Максима «таогуан янхуй, юсо цзо вэй» стала нередко интерпретироваться как «стратегия обмана», включающая такие компоненты, как «сокрытие истинных возможностей», «выигрыш времени» и «выжидание благоприятного момента для удара по противнику». Хотя в возникшем «первом туре» полемики вокруг внешнеполитических заветов Дэн Сяопина (примерно 2002—2006 гг.) китайские политологи основное внимание уделили критике неверного, по их мнению, понимания на Западе их существа, однако уже тогда были высказаны и первые сомнения в эффективности рецептов Дэна в меняющейся международной ситуации.

Новый всплеск полемики в Китае о степени актуальности внешнеполитических заветов Дэн Сяопина произошел в 2009—2011 гг. на фоне существенного усиления экономической мощи КНР и ее роли в мировой экономике и параллельной активизации внешней политики страны. Похоже, китайским политологам-международникам удалось сообща доказать, что формула Дэна не устарела и сохраняет стратегическое значение

для внешней политики КНР на обозримую перспективу. Вместе с тем выявившиеся в ходе обсуждения весьма существенные нюансы в позициях и оценках различных ученых, да и сама внешнеполитическая практика Китая последних лет свидетельствуют, что вопросы о степени неформальной применимости формулы Дэн Сяопина к сегодняшнему внешнеполитическому курсу Пекина и о возможности «удержать» реальную внешнюю политику страны в своего рода «прокрустовом ложе» заветов Дэна остаются открытыми.

Рассмотрим затронутые выше сюжеты и проблемы более детально.

II

Первые внешнеполитические заветы своим преемникам Дэн Сяопин сформулировал в беседе «с несколькими ответственными товарищами из ЦК КПК» 4 сентября 1989 г. при обсуждении вопроса о подходящем времени и форме его окончательного отхода от непосредственного политического руководства партией и страной. Занявший по рекомендации Дэн Сяопина в июне 1989 г. пост генерального секретаря ЦК КПК Цзян Цзэминь и его коллеги приняли бразды правления в тяжелой ситуации. Президент США Дж. Буш-старший ввел санкции против Пекина уже 5 июня 1989 г. — на следующий день после трагических событий на площади Тяньаньмэнь. Было заявлено о прекращении американской стороной контактов с официальными лицами КНР, запрете на поставки оружия и отказе от предоставления кредитов. 6 июня консультации с Китаем прервало Европейское экономическое сообщество. 16 июля действия Пекина на площади Тяньаньмэнь осудила «семерка», а к санкциям против КНР присоединилось большинство западных стран³. Непростая обстановка сложилась и в самом Китае, где под вопросом оказалась дальнейшая судьба экономических реформ.

Дэн Сяопин постарался развеять вполне возможный в этих условиях пессимизм, заявив о хороших перспективах Китая в случае, если ему удастся стабилизировать политику реформ и открытости. В международных делах, констатировал Дэн, Китаю самому необходимо «укреплять расширенные позиции» (*«вэньчжу чжэньцзяо»*), в противном случае другие нанесут нам удар (буквально: «по нашему изму»). Для этого надлежит сохранять бдительность, не расслабляться, придерживаться независимости и самостоятельности, не демонстрировать слабости и не испытывать каких-то чрезмерных опасений. Мировой войны не будет, «а если кто-то и осмелится нанести удар по Китаю, то ничего не добьется — у нас богатый опыт противодействия внешним врагам, разобьем агрессора и вернемся к строительству»⁴.

Какаясь сложных политических процессов в странах Восточной Европы и СССР в тот период (напомним, речь идет о начале осени 1989 г.),

Дэн Сяопин охарактеризовал их как беспорядки, подчеркнув одновременно, что их размах и конечный итог прогнозировать преждевременно — пока еще следует «очень хладнокровно наблюдать» (*«лэнцзин дэ гуаньча»*) за развитием событий. Главный вывод из событий в других социалистических странах — не допустить беспорядков в самом Китае, для чего необходимо как следует делать собственные дела. Хорошая основа для этого есть⁵.

В заключение беседы с «группой товарищей» (в составе которой были, как следует из контекста, все члены Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК) 4 сентября 1989 г. Дэн Сяопин обобщил должный подход Китая к международной ситуации в трех фразах — «хладнокровно наблюдать» (冷静观察), «укреплять расшатанные позиции» (稳住阵脚), «проявляя выдержку, справляться с трудностями» (*«чэньчжо инфу»* — 沉着应付) — и напоследок призвал не торопиться, действовать хладнокровно, делать как следует собственные дела⁶.

3 марта 1990 г. в еще одной беседе с руководителями партии и страны Дэн Сяопин отметил, что прежняя мировая архитектура «сейчас рушится, но процесс этот... не подошел к концу, новая архитектура пока не сложилась». На смену американско-советской монополии приходит мир, в котором будет несколько полюсов. «Одним из полюсов можно считать и Китай. Китай не должен себя недооценивать»⁷.

В следующей подобной беседе 24 декабря 1990 г. Дэн Сяопин счел необходимым отреагировать на выразившиеся рядом государств третьего мира пожелания, чтобы функцию мирового лидера в условиях нарастания хаотичности и ослабления позиций СССР и США в мире взял на себя Китай. Мы, сказал он, «ни в коем случае не должны этого делать. Это основа нашей государственной политики. Лидерство Китаю не по силам, в нем нет пользы, поскольку оно сковывает инициативу. Китай никогда не будет претендовать на гегемонию и никогда не будет лезть вперед, на первое место» (*«юнюань бу дантоу»*).

В то же время, отметил Дэн, «международные проблемы нельзя пускать на самотек. Кое-что необходимо делать» (*«юсо цзювэй»*). Конкретно Дэн Сяопин предложил «активно способствовать установлению нового международного политического и экономического порядка» и развивать на базе пяти принципов мирного сосуществования отношения со всеми государствами⁸.

5 октября 1991 г. в беседе с Ким Ир Сенем Дэн Сяопин высказал предположение, что на формирование общей структуры мировой архитектуры понадобится порядка десяти лет. В этот период Китаю «следует главным образом наблюдать, поменьше выставлять напоказ свои таланты, проявляя выдержку, справляться с трудностями». В последующем употребленное Дэн Сяопином выражение *«шаолу фэнман»* (少露锋芒) —

«поменьше обнажать острие», не выставлять напоказ свои способности и таланты, не выпячиваться и т. п. — было заменено близким по смыслу, но более многоплановым чэньюем (крылатым выражением) «*таогуан янхуй*» — «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя»⁹. Так сформировалась базовая формула завета Дэн Сяопина из 20 иероглифов — «*лэнцзин гуаньча, вэньчжэ чжэньцзяо, чэньчжэ инфу, таогуан янхуй, юсо цзовэй*» — «хладнокровно наблюдать, укреплять расшатанные позиции, проявляя выдержку, справляться с трудностями, держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, и при этом делать что-то реальное».

В публикациях в КНР на общественно-политические темы данная формула нередко расширяется до 24 иероглифов с добавлением выражения «*цзюэ бу дантоу*» — «ни в коем случае не лезть вперед, на первое место»¹⁰. В то же время полная формулировка заветов Дэн Сяопина из 28 иероглифов употребляется нечасто, практически только в специальной литературе. Возможно, это отчасти связано с нежеланием лишний раз упоминать о вероятной «неуклюжести собственных взглядов». Генезис выражения «*шаньюй шоучжэ*» — «быть в состоянии защищать пусть неуклюжие, но свои собственные взгляды» и конкретные обстоятельства введения его в оборот Дэн Сяопином остаются неясными, а само оно практически никак не комментируется китайскими политологами в отличие от всех остальных компонентов внешнеполитических заветов Дэна. О недостаточной широкой популярности данного выражения свидетельствуют и случаи замены одного из входящих в его состав иероглифов другим — «*шаньюй цанчжэ*» — «уметь скрывать свои слабые стороны»¹¹. Впрочем, периодически встречается и замена в выражении «*чэньчжэ инфу*» — «проявляя выдержку, справляться с трудностями» — иероглифа «фу» сходным по написанию и близким в данном случае по смыслу иероглифом «дуй» (инфу — индуй).

В любом случае, однако, особую популярность и в самом Китае, и за рубежом обрела редуцированная формула заветов Дэн Сяопина — «*таогуан янхуй, юсо цзовэй*», то есть «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, и при этом делать что-то реальное».

III

Изначально рекомендации Дэн Сяопина по вопросам внешней политики были адресованы узкому кругу лиц, входивших в высший эшелон партийно-государственного руководства КНР. По свидетельству директора Школы международных отношений Пекинского университета, ведущего китайского американиста Ван Цзисы, они были обнародованы в печати и стали известны всему миру примерно в 1996 г.¹² Систематизированное изучение и широкая пропаганда данных заветов Дэна начались после XV съезда КПК (сентябрь 1997 г.), вслед за уставным закреплением

«теории Дэн Сяопина» в качестве одного из основных компонентов идейно-политической платформы деятельности правящей компартии Китая.

В монографии Се Исяня «История дипломатической мысли современного Китая», изданной в 1999 г. в Кайфэне, принципы «хладнокровного наблюдения» и «проявления выдержки в процессе преодоления трудностей» были охарактеризованы как «методология решения крупных проблем, которую необходимо сохранить и в будущем»¹³.

В 2003 г. в работах Лян Шоудэ внешнеполитические заветы Дэн Сяопина были впервые подвергнуты достаточно детальному политологическому анализу. В монографии «Теория Дэн Сяопина и международные отношения современного Китая», где Лян выступил в качестве ответственного редактора, максима «держаться в тени, и при этом делать что-то реальное» была охарактеризована как «сердцевина» заветов Дэна и «идеологическая основа большой стратегии Китая». Столь высокая оценка принципа «таогуан янхуй» объясняется тем, что он, по мнению Лян Шоудэ, «вышел за рамки идеологических догм и сделал государственные интересы исходным и конечным пунктом ведения международных дел Китая и определения его внешнеполитического курса». Вполне логично, что в этом контексте принцип «держаться в тени» квалифицировался не как временная мера, а как «долгосрочная руководящая стратегия, имеющая относительную стабильность»¹⁴.

В монографии «Дэнсяопиновская теория международной политики», написанной в соавторстве с Лю Вэньсяном, Лян Шоудэ дал такую афористичную характеристику внешнеполитической практики КНР, базирующейся на заветах Дэн Сяопина: «не создавать врагов, не вступать в союзы, не претендовать на гегемонию, не лезть в лидеры»¹⁵. Более развернутую интерпретацию получил принцип «делать что-то реальное»: как один из полюсов многополярного мира и крупная мировая держава, Китай должен сделать свой голос в международных делах различимым, не перекладывать целиком на других исполнение важной роли в делах Восточной Азии и мире в целом. При определенных условиях он может побороться за ведущую роль на некоторых направлениях, особенно в делах Восточной Азии¹⁶.

Весьма примечательным, на наш взгляд, стало содержащееся в работе Ляна и Лю признание за принципом «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя» функции накопления сил в ожидании подходящего момента для осуществления задуманного и достижения победы¹⁷.

Наиболее детальный анализ заветов Дэн Сяопина был дан в 12-м томе «Истории международных отношений» (1990—1999) под редакцией Фан Ляньцина и Лю Цзиньчжи, изданном в 2006 г. Раздел о них открывал первый параграф «Новое развитие стратегического мышления китайской

дипломатии» главы «Многосторонняя многовекторная дипломатия Китая», написанной одним из главных редакторов тома Фан Ляньцином. В работе была приведена развернутая, с новыми нюансами характеристика той международной обстановки, в которой сформировался курс «28 иероглифов». В частности, отмечены перемены в Восточной Европе, распад СССР, объединение двух германских государств, роспуск Организации Варшавского договора, завершение «холодной войны», превращение США в единственную сверхдержаву, стремление западных держав добиться «мирного перерождения» Китая. Признавалось, что дело социализма в КНР, ее государственный суверенитет и национальная безопасность столкнулись с серьезным вызовом. В данном контексте Фан Ляньцин дал высокую оценку прозорливости Дэн Сяопина и научной глубине его воззрений, которые в виде формулы 28 иероглифов указали «маршрут внешней политики Китая».

С примерами из третьего тома «Избранного» Дэн Сяопина было рассмотрено существо основных компонентов заветов (за исключением выражения «быть в состоянии защищать пусть неуклюжие, но свои собственные взгляды»). Было особо подчеркнуто, что принцип «делать что-то реальное» подразумевает не только сосредоточение усилий на надлежащем осуществлении дела модернизации страны, но и активное содействие делу глобального мира, стабильности и развития, внесения «еще большего вклада в дела человечества».

Обосновывая долговременный стратегический характер заветов Дэн Сяопина как руководящего курса внешней политики КНР, авторы «Истории международных отношений» апеллировали прежде всего к тому обстоятельству, что «в соотношении международных сил, характеризующемся силой Севера и слабостью Юга, в течение сравнительно длительного времени не может произойти коренных изменений»¹⁸.

Разъяснение смысла заветов Дэн Сяопина продолжилось и в дальнейшем. В изданной в 2009 г. Народным университетом Китая под редакцией Ху Шусяня монографии «Дипломатия Китая и международная стратегия развития» была особо подчеркнута неразрывная органическая связь двух аспектов формулы «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, и при этом делать что-то реальное». Кроме того, значительное внимание было уделено разъяснению различных аспектов выражения «таогуан янхуй». Отмечалось, что генетически оно восходит к традиционной культуре Китая, однако Дэн Сяопин придал ему «новое богатое и глубокое научное содержание и новую форму выражения». «Держаться в тени» не означает беспринципных уступок и капитулянтства, такое позиционирование прямо связано с общей линией на независимость и самостоятельность в международных делах. Следование данным курсом, предполагающим отказ от чрезмерного акцента на конфронтацию и по-

иск разумных компромиссов, помогло Китаю выстроить нормальные отношения с крупными державами, улучшить отношения с соседями и нарастить свой вес и активность в региональных делах¹⁹.

В посвященной заветам Дэн Сяопина статье сотрудника Восточно-китайского педагогического университета Хуан Чжэнбая в юбилейном сборнике, приуроченном к 60-летию дипломатии КНР, центральным стал мотив диалектического единства принципов «держаться в тени и при этом делать что-то реальное». Стержневая идея данной формулы, по мнению автора, состоит в правильном выстраивании взаимоотношений между имеющимися у страны возможностями и ее внешней политикой: «нельзя, подобно сверхдержавам, лезть во все дела в мире и истощать собственные силы»; «многочисленные факты свидетельствуют, что возвышение какой-либо страны и выстраивание ее международного статуса являются результатом длительного накопления комплексной мощи... и даже при возросших возможностях страна по-прежнему должна решать проблему, как действовать соразмерно имеющимся силам, что стоит делать, а что нет»²⁰.

Наконец, заслуживает упоминания учебник профессора Фуданьского университета Янь Шэньи «Современная дипломатия Китая», где заветы Дэн Сяопина были рассмотрены не изолированно, а в качестве одного из элементов его общего подхода к современным международным отношениям, целям, приоритетам и принципам внешней политики КНР²¹.

IV

На Западе внешнеполитические заветы Дэн Сяопина стали широко известны в первые годы XXI века, вслед за началом их активной популяризации в КНР. По времени это ознакомление совпало с явно насторожившим многих в мире выдвижением концепции «мирного возвышения» Китая, последовавшим за постановкой на XVI съезде КПК задачи увеличения за двадцать лет валового внутреннего продукта страны в четыре раза. Появились, прежде всего в США, попытки использовать многоплановость некоторых высказываний Дэна и особенно его формулы «держаться в тени, стараясь ничем не проявлять себя», для обоснования различных модификаций «теории китайской угрозы». Китаю инкриминировалось наличие у него некоей скрытой повестки дня, вынашивание планов военной и материальной подготовки для «отмщения» в подходящий момент западному миру за все прошлые унижения и обиды.

С наибольшей прямой и последовательностью эта линия проводилась в серии ежегодных (с 2002 г.) докладов Конгрессу США «О военной мощи Китайской Народной Республики», готовившихся под эгидой канцелярии секретаря по делам обороны.

В докладе за 2004 г. была приведена традиционная формула заветов Дэн Сяопина из 24 иероглифов, при этом выражение «таогуан янхуй» было переведено как «hide our capabilities and bide our time», то есть «скрывать свои возможности и выигрывать время». Формула была охарактеризована как «одна из ключевых директив Дэна по вопросам обеспечения безопасности и развития Китая», подтверждающая долгосрочную стратегию наращивания его комплексной мощи при краткосрочном приглушении амбиций²².

В докладах за 2005 и 2006 годы со ссылкой на публикацию в гонконгском журнале «Цзинбао» («Зеркало») от 25 ноября 1991 г. была приведена видоизмененная формулировка заветов Дэн Сяопина: второй элемент традиционной формулы — «вэньчжу чжэньцзяо» — был заменен на выражение «чжаньвэнь цзяогэнь» (站稳脚跟 — «твердо стоять на ногах»), а за «таогуан янхуй» следовало выражение «шаньюй шоучжо», которое и переводилось как «be good at maintaining a low profile» — «уметь держаться в тени». В обоих докладах стратегии Дэн Сяопина из 24 иероглифов были посвящены специальные врезки²³.

В Китае выразили недовольство переводом чэньюя «таогуан янхуй» как «скрывать свои возможности и выигрывать время» и интерпретацией военными кругами США заветов Дэн Сяопина в целом, особенно в связи с их потенциальным влиянием на общественное мнение не только в США, но и во всем международном сообществе. Директор института исследований Ближнего Востока Шанхайского университета международных исследований Чжу Вэйле привел пример с книгой о внешней политике Китая, опубликованной в 2005 г. бывшим послом Сирии в КНР, где «таогуан янхуй» было переведено как «выжидать и воздерживаться до появления подходящего момента для контратаки». Практически, подчеркнул Чжу Вэйле, весь внешний мир подпал под влияние США, что привело почти к всеобщей интерпретации формулы «держаться в тени, стараясь ничем не проявлять себя, и при этом делать что-то реальное» как «выигрывать времени для контратаки» с конечной целью ослабить позиции США²⁴.

Масла в огонь подлили некоторые китайские политологи, предложившие во избежание недопонимания отказаться в дальнейшем от использования формулы «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, и при этом делать что-то реальное», поскольку, по их мнению, у большинства китайцев она вызывает устойчивую ассоциацию с историческим персонажем эпохи «Весны и Осени» (770—476 гг. до н.э.) Гоу Цзянем. Чтобы не дать ослабнуть чувству мести, захваченный в плен Гоу Цзянь «спал на хворосте и питался желчью», то есть сознательно поставил себя в суровые условия. Его имя в Китае стало синонимом долготерпения ради будущего отмщения обидчикам²⁵.

Приверженцам заветов Дэн Сяопина пришлось приложить серьезные усилия, чтобы доказать их позитивную сущность самих по себе и особенно в качестве «месседжа», символического послания, адресованного Китаем миру.

Бывший заместитель начальника Генерального штаба НОАК, известный военный политолог Сюн Гуанкай привлек внимание к неточности перевода выражения «таогуан янхуй» на английский язык, что зачастую сознательно использовалось в попытках дискредитации Китая и распространения домыслов о «китайской угрозе». По его словам, в 2006 г. у него была возможность лично обратиться к бывшим госсекретарям США Дж. Шульца и Г. Киссинджера на повторение из года в год в американских докладах о военной мощи КНР неверной трактовки данной формулы. При этом Сюн Гуанкай посетовал, что неточный перевод дается не только в иностранных справочниках, но и в словарях, изданных в Китае²⁶.

В самом деле, бывший одним из наиболее употребительных в течение многих лет китайско-английский словарь, подготовленный факультетом английского языка Пекинского института иностранных языков, переводит выражение «таогуан янхуй» как «hide one's capacities and bide one's time», то есть «скрывать чьи-либо возможности и выигрывать время»²⁷.

По мнению Сюна, более верную интерпретацию данного выражения дал изданный в сентябре 2009 г. в Шанхае «Полный словарь китайского языка» (6-е издание), где нашла отражение «душа» формулы «таогуан янхуй», а именно: «не выставлять на всеобщее обозрение свои способности». Здесь нет и намек на «сокрытие намерений» и «выигрыша времени для последующей контратаки». Не вполне точным считает Сюн и часто встречающийся перевод «таогуан янхуй» как «keep a low profile». Этот вариант перевода не отражает всей глубины китайского выражения. Как полагает Сюн, поиск адекватного варианта перевода обсуждаемой формулы на английский язык имеет «жизненно важное значение» для процирования благоприятного образа Китая в мире²⁸.

Дополнительным аргументом в поддержку позиции Сюн Гуанкай можно считать следующее обстоятельство: когда в КНР действительно вели разговор о мести, там использовали другие выражения, нежели «таогуан янхуй». По свидетельству польского китаевода Д. Мержеевского, изучающего особенности и эволюцию внешнеполитической риторики Пекина, в выступлении Цзян Цзэминя в мае 1999 г., после попадания американской бомбы на территорию посольства КНР в Югославии в Белграде, было употреблено выражение «восинь чандань» — 卧薪尝胆 — «преодолеть все трудности, готовясь к мщению», «с упорством готовиться к мщению»²⁹.

Большое внимание было уделено также показу цивилизационного контекста и подбору исторических примеров, призванных адекватно рас-

крыть подлинную суть выражения «таогуан янхуй». И Сюн Гуанкай, и Чжу Вэйле указали на несостоятельность проведения параллелей между курсом Китая «не выделяться, держаться в тени» и поведением Гоу Цзяня — они совершенно различны по целям и методам. «Гоу Цзянь в своем стремлении отомстить делал ставку на войну, он жаждал гегемонии, тогда как Китай следует стратегии «не проявлять себя, держаться в тени» в целях продвижения дела мира и развития, налаживания взаимосвязей и сотрудничества, обеспечения общего выигрыша, достижения гармонии на региональном и глобальном уровне»³⁰.

Истоки поведенческой модели, базирующейся на принципе «держаться в тени», были найдены в описаниях периода Южных и Северных династий (420—589 гг.) действий мудрецов, оставлявших общественную жизнь и уединившихся для углубленных размышлений³¹. Применение же самого выражения в качестве чэньюя было датировано концом XIX века и связано с именем Чжэн Гуаньина — видного предпринимателя и общественного деятеля, заметной фигуры «ста дней реформ». Хотя он занимал ряд важных постов и активно защищал экономические интересы Китая, выступая против иностранного засилья, в обществе и на людях Чжэн держался весьма скромно, не выпячивал свои заслуги, подчеркивая, что «озабочен своей старостью, слабыми способностями и поверхностным знанием И цзина (Книги перемен)»³².

Глава Китайской ассоциации народной дипломатии Ян Вэньчан полагает, что скромная, осмотрительная, благоразумная манера поведения соответствует традиционным ключевым ценностям китайцев. Такая модель поведения способствует хладнокровному наблюдению, глубоким размышлениям, учету ситуации в целом. Принцип «держаться в тени» пригоден как для трудных времен, так и для периода успехов. Он является важной предпосылкой для реализации рекомендации «делать что-то реальное». И именно последовательное долговременное соблюдение данного принципа позволит сделать действия Китая на международной арене максимально точными³³.

В свою очередь, Чжу Вэйле полагает, что стратегия «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, и при этом делать что-то реальное» может рассматриваться как вклад китайской культуры в «философию среднего курса». По его мнению, переход от «молчаливой реализации» данного курса к его широкому публичному разъяснению необходим для того, чтобы развеять беспочвенные подозрения в США и Европе, а в дальнейшем превратить этот завет Дэн Сяопина в еще один общественный продукт, который Китай предлагает международному сообществу³⁴.

Выдвижение и активная пропаганда в КНР в конце 2003 — начале 2004 гг. концепции «мирного возвышения» страны (вскоре сам этот термин был заменен на понятие «мирное развитие») дало толчок дискуссии

в китайском экспертном политологическом сообществе о применимости внешнеполитических заветов Дэн Сяопина в существенно изменившейся внутренней и международной обстановке.

По свидетельству Бонни Глэйзер и Эвана Медейроса, в Китае наблюдались отдельные выступления экспертов против концепции «мирного возвышения» на том основании, что она противоречит принципу «держаться в тени», составляющему сердцевину заветов Дэна — Китай, деклариовали они, должен быть более скромным³⁵.

Однако гораздо чаще раздавались голоса в пользу смещения акцента с принципа «держаться в тени» на вторую часть выражения, а именно: «делать что-то реальное». При этом использовалась аргументация двойного рода. Во-первых, утверждалось, что политика «таогуан янхуй» не дает желаемого результата. «Стратегия США по сдерживанию Китая представляет собой объективную и неизбежную реальность. Дерево хочет покоя, но ветер продолжает дуть. Следовать дальше курсом «ничем не проявлять себя» означает на деле уподобиться страусу, прячущему голову в песок в случае опасности»³⁶. Во-вторых, констатировалось то обстоятельство, что в условиях подъема Китая и расширения сферы его национальных интересов весьма трудно объяснить сохранение приверженности Пекина принципу «держаться в тени». Более того, настойчивое подчеркивание такой приверженности на деле вызывает повышенную подозрительность, препятствует созданию миролюбивого образа Китая в мире и провоцирует появление различных версий теории «китайской угрозы»³⁷.

В связи с этим декларировалась необходимость для КНР занять активную позицию по крупным международным проблемам, не бояться брать контроль над ситуацией в свои руки, то есть, образно говоря, «перейти от стратегии спортсмена-серфингиста, приспособляющегося к волнам, к стратегии «создателя волн», к сознательному формированию благоприятной международной среды для мирного подъема страны»³⁸.

В 2009—2010 гг. на фоне глобального экономического кризиса, относительно благополучно пережитого Китаем, в стране усилилось убеждение, что в расстановке сил в мире происходят серьезные изменения. Многие китайцы, включая официальных лиц, уверовали, что КНР «поднялась до уровня первой мировой державы и должна восприниматься в этом качестве». Напротив, США в долгосрочном плане стали рассматриваться как «слабеющая держава». Соответственно, подвижки в балансе сил между Китаем и США расценивались как часть формирующейся новой структуры современного мироустройства³⁹.

Не заставила себя ждать и более жесткая, чем прежде, защита Китаем своих интересов, особенно в прилегающих к стране морских акваториях и в Азии в целом.

С другой стороны, в США в подобных действиях Китая усмотрели свидетельство его «более гегемонистского подхода к региону»⁴⁰, то есть, попросту говоря, желание усилить свои позиции здесь, в том числе и за счет Вашингтона. В Пекине же стали раздаваться призывы поубедительнее продемонстрировать свою способность «делать что-то реальное», в частности, «набраться мужества и решимости» наказать американцев «за продажи оружия Тайваню и военную деятельность в прилегающих к КНР районах, к которым Пекин ранее относился более-менее толерантно» (скорее вынужден был терпеть)⁴¹.

Стремясь остудить «головокружение от успехов», чреватое серьезной негативной реакцией значительной части международного сообщества, в июле 2009 г. на 11-м совещании послов КНР за рубежом Ху Цзиньтао потребовал от дипломатов продолжать придерживаться курса «держаться в тени, стараясь ничем не проявлять себя, и при этом делать что-то реальное»⁴².

Наказ лидера КНР наложил отпечаток на дискуссию об актуальности для современного Китая принципа «держаться в тени». В печати признавалось, что часть населения и экспертного сообщества страны считает его «устаревшим», однако прямого доступа к ведущим СМИ сторонники этой точки зрения в последние годы почти не получали⁴³.

Напротив, разъяснения необходимости для Китая сохранять приверженность данному курсу усилились.

Среди аргументов наиболее часто фигурировал призыв к объективной оценке реальной мощи Китая и его международного статуса, что было призвано пресечь распространение в обществе необоснованного чрезмерного оптимизма и показать необходимость для страны не зазнаваться, оставаться скромной и благоразумной — а именно в этом как раз и заключается один из глубинных смыслов формулы «таогуан янхуй».

Так, в комментариях ведущего китайского политического еженедельника «Ляован» к теоретическим новациям Ху Цзиньтао по международным вопросам (концепция «гармоничного мира» и т. д.) было особо подчеркнута, что «ситуация лидерства развитых стран по комплексной мощи и конкурентоспособности в ключевых сферах не изменилась» и что, несмотря на необратимость тенденции становления многополярного мира, «в соотношении международных сил базовым остается положение, характеризующееся силой Севера и слабостью Юга, силою Запада и слабостью Востока»⁴⁴.

Ван Цзисы, констатируя несомненный выход Китая по мощи на первое место в Азии, одновременно подчеркнул, что он, тем не менее, не может говорить от лица региона, как это делают Германия или Бразилия, что у КНР нет политических или военных союзов ни с одной соседней страной, тогда как в регионе есть союзы, направленные против Пекина.

Ван призвал также не недооценивать Японию, которая по «мягкой силе», культурному влиянию и национальному духу не уступает Китаю, плюс имеет союз с США. Не надо, по его мнению, пренебрежительно относиться и к Европе — по комплексной мощи и глобальному политическому влиянию Китай уступает ей⁴⁵.

Бывший посол КНР во Франции У Цзяньмин, охарактеризовав формулу «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя» как «важное наследие, оставленное Дэн Сяопином в сфере дипломатии», подчеркнул ее сохраняющуюся актуальность по меньшей мере в двух аспектах. Это, во-первых, реалистический подход к делу, прагматизм, состоящий в том, чтобы решать в данный момент «именно сегодняшние вопросы, а не завтрашние и послезавтрашние». Во-вторых, гибкость, имманентно присущая курсу «таогуан янхуй» и особенно подходящая для решения спорных проблем: «если твои аргументы не принимают, не надо слишком торопиться, нужно показать свою правоту и выгоды своей позиции для противника»⁴⁶.

Вместе с тем дискуссия последних лет показала, что многие сторонники сохранения официальной приверженности КНР внешнеполитическим заветам Дэн Сяопина конца 1980-х — начала 1990-х годов осознают наличие определенного «зазора», разрыва между рекомендациями двадцатилетней давности и современным позиционированием страны на международной арене. Поэтому, например, заместитель директора Китайской академии современных международных отношений Ван Цуньбин предложил придерживаться курса «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, и при этом делать что-то реальное» (который, по его мнению, изначально «обладал качеством экстренной политической тактики») не буквально, а творчески, включая его в общую стратегию мирного развития Китая и строительства гармоничного мира и используя для защиты национальных интересов с позиций рационального прагматизма⁴⁷.

Ван Цзисы полагает, что огромная часть внешнеполитической деятельности Китая сегодня не относится к сфере действия принципа «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя». Это связано с двумя моментами. Во-первых, принцип «таогуан янхуй» описывает лишь манеру поведения, но не стратегические цели страны и средства их достижения. Во-вторых, сегодняшние вызовы для КНР исходят не только от главных соперников и конкурентов из числа развитых и развивающихся государств, но и от международных организаций, общественных движений и функциональных проблем глобального характера, таких, как ухудшение окружающей среды. Поэтому, считает Ван Цзисы, ныне использование принципа «таогуан янхуй» должно носить более избирательный характер. Он по-прежнему может играть руководящую роль в выстраивании отношений с США, но вряд ли эту стратегию следует применять к отноше-

ям Китая с Индией. В целом же, по мнению Ван Цзисы, Китаю надлежит впредь придерживаться не буквы, а «духа» данной формулы Дэн Сяопина⁴⁸.

* * *

Дискуссию в КНР об актуальности и подлинном смысле внешнеполитических заветов Дэн Сяопина нельзя считать некоей схоластической абстракцией. Напротив, она имеет важное практическое значение, будучи составной частью сложного и достаточно длительного процесса адаптации внешней политики Китая к усилению собственных позиций в мире и к меняющейся международной обстановке. Столкнувшись с преимущественно негативной реакцией, прежде всего США и части соседского окружения, на его более активную и напористую, чем раньше, внешнюю политику в период 2009—2010 гг., Пекин, можно сказать, рефлексивно попытался вернуться к сослужившему ему добрую службу прежнему образу субъекта международных отношений, не претендующего на лидерство где бы то ни было.

Судя по всему, определенные просчеты были допущены и в оценке изменения соотношения сил в мире, когда Америку явно поспешили зачислить в «слабеющие державы». Именно в данном контексте, на мой взгляд, следует воспринимать стремление придать «второе дыхание» внешнеполитическим заветам Дэн Сяопина, в какой-то мере поощрявшееся китайским руководством в 2009—2011 гг.

Похоже, однако, что исторический ресурс «магической формулы» Дэн Сяопина из 28 иероглифов как комплексного единого целого близок к исчерпанию. Складывается устойчивое ощущение, что дискуссия 2009—2011 гг. носила арьергардный характер и что период доминирования заветов Дэн Сяопина как руководящего курса практической внешней политики КНР постепенно завершается. Формула Дэна из 28 иероглифов, равно как и ее сердцевина — принцип «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, и при этом делать что-то реальное», выполнили свою изначальную защитно-ограничительную миссию, помогли Китаю сосредоточиться на собственной модернизации и обеспечить благоприятствующую ей внешнюю среду. Сегодня внешняя политика Китая «находится в новом исходном пункте» (выражение министра иностранных дел КНР Ян Цзечи), вступает в новый этап.

На протяжении трех десятилетий, которые можно считать «эпохой Дэна Сяопина во внешней политике страны» (1978—2008 гг.), Китай, по выражению профессора Е Цзычэна из Пекинского университета, решал задачу «менять себя, адаптироваться к внешнему миру». Теперь одной только адаптации недостаточно. Отныне Китай, продолжая изменять

себя, будет стремиться «влиять на мир». Это диктуется как новым статусом страны в мире и изменениями в международной обстановке, так и текущими и долговременными интересами КНР. Возросшая мощь и внутренние достижения страны позволяют переходить к более широкой и глубокой внешней политике, ставить перед ней более масштабные задачи⁴⁹. Как полагает профессор Школы международных отношений Пекинского университета Ван Ичжоу, Китаю предстоит перейти от «некоторых действий» (*«юсо цзовэй»*) к «активным действиям» (*«цзицизи цзовэй»*), стать строителем и «если не руководителем, то важным участником международной системы, имеющим свои взгляды и предложения по большинству международных проблем»⁵⁰.

С соблюдением приличествующего в подобных случаях пиетета и церемониала наступающий новый этап внешней политики Китая характеризуется как «продолжение этапа Дэн Сяопина»⁵¹. Что же, вполне вероятно, что отдельные компоненты заветов Дэна будут и далее достаточно часто употребляться и в дипломатии, и в пропаганде, особенно такие, как «хладнокровно наблюдать», «уметь защищать собственные взгляды» — они, пожалуй, справедливы в любое время для любой страны. Однако, как представляется, даже в случае сохранения в арсенале внешней политики КНР формальной приверженности заветам Дэн Сяопина сами они будут наполняться все новым и новым, отличным от первоначального, содержанием, более адекватным современным международным реалиям и статусу КНР в мире.

(2012)

Послесловие

Тема, раскрытая в очерке, принципиально важна для понимания особенностей позиционирования КНР на международной арене и факторов ее эволюции. Знакомство с многими базовыми первоисточниками на китайском языке стало возможным благодаря работе в Школе международных отношений Пекинского университета в ноябре 2011 г. Добротный библиотечный фонд этой школы и научные беседы с ее профессорами Ван Ичжоу, Е Цзычэном, Гуань Гуйхаем обеспечили прекрасную интеллектуальную атмосферу для работы над очерком.

В июне 2013 г. я выступил с докладом о заветах Дэн Сяопина на VIII конвенте исследователей Азии (International Convention of Asian Scholars) в Макао. Добирался я в Макао через Пекин, и в самолете в журнале авиакомпании «Макао Эрлайнз» обнаружил большую статью об упомянутом в очерке Чжэн Гуаньине. Оказывается, одна из достопримечательностей Макао — так называемый Дом мандарина, то есть зажиточного китайского чиновника, принадлежал как раз семье Чжэна. Удалось побродить по

коридорам и комнатам этого дома, нежданно-негаданно прикоснуться к одному из интеллектуальных источников внешнеполитических заветов Дэн Сяопина.

Примечания

¹ Полная формулировка внешнеполитических заветов Дэн Сяопина из 28 иероглифов (冷静观察, 稳住阵脚, 着应付, 韬光养晦, 善于守拙, 决不当头, 有所作为), как правило, дается в версии, приведенной в опубликованном в КНР в 2002 г. сборнике высказываний Цзян Цзэминя о социализме с китайской спецификой: [(Цзян Цзэминь. Лунь ю Чжунго гэсэ шэхуйчжуи. Пекин, 2002. С. 520]. Наиболее близкий к китайскому оригиналу русскоязычный вариант этой формулы содержится в переводе данного сборника на русский язык под редакцией Ю.М. Галеновича — см.: *Цзян Цзэминь. О социализме с китайской спецификой. Т. II—III. М.: Памятники исторической мысли, 2004. С. 473.*

² Гоцзи гуаньси ши. Ди шиэр цзюань (1990—1999) : [История международных отношений. Т. 12] / отв. ред. Фан Ляньцин, Лю Цзиньчжи. Пекин, 2006. С. 545.

³ *Се Исянь.* Дандай Чжунго вайцзюа сысян ши. : [История дипломатической мысли современного Китая]. Кайфэн, 1999. С. 374.

⁴ Дэн Сяопин вэньсюань. Ди сань цзюань. Пекин. 1993. С. 319—320 : [Дэн Сяопин. Избранное. Т. 3]. В «Избранном» Дэн Сяопина, изданном в Пекине на русском языке под эгидой Бюро переводов при ЦК КПК, «*вэньчжу чэньцзюа*» переведено как «Китаю самому приходится укреплять свои позиции» // *Дэн Сяопин.* Избранное. Том III (1982—1992). Пекин, 1994. С. 402.

⁵ Там же. С. 320.

⁶ Там же. С. 321. В русскоязычном издании «Избранного» Дэн Сяопина «*чэньчжо инфу*» было переведено как «реакция должна быть сдержанной».

⁷ *Дэн Сяопин.* Избранное. Т. III. (1982—1992). Пекин, 1994. С. 443 (на русском языке).

⁸ Там же. С. 456.

⁹ Ху Шусян (гл. ред.) Чжунго вайцзюа юй гоцзи фачжань чжаньлюе яньцзюа : [Дипломатия Китая и международная стратегия развития]. Пекин, 2009. С. 62.

¹⁰ Например, формулировка в составе 24 иероглифов фигурирует в статье Лун Пинпина «Во всем исходить из интересов народа» в подборке статей журнала «Ляован», посвященных 90-летию КПК // Ляован. Пекин. 27.06.2011. С. 25.

¹¹ Лян Шоудэ (гл. ред.) Дэн Сяопин лилунь юй дандай Чжунго гоцзи гуаньси [Теория Дэн Сяопина и международные отношения современного Китая]. Пекин. 2003. С. 312.

¹² *Ван Цзисы.* Чжунго дэ гоцзи динвэй вэньти юй «таогуан яньхуй, юсо цзо-вэй» дэ чжаньлюе сысян : [Проблема международного позиционирования Китая и стратегический принцип «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, и

при этом делать что-то реальное»]. Чжунго вайцзяо. Пекин., 2011. № 7. С. 6. Бонни Глэйзер и Эван Медейрос называют конкретный источник, содержащий внешнеполитические заветы Дэн Сяопина и пояснения к ним тогдашнего министра иностранных дел КНР Цянь Цичэня. Это сборник статей под редакцией Ван Тайпина «Исследования идей Дэн Сяопина в сфере дипломатии»: [Дэн Сяопин вайцзяо сысян яньцзю луньвэньцзи, Пекин, 1996]. — Bonnie Glaser and Evan Medeiros. The Changing Ecology of Foreign Policy—Making in China: The Ascension and Demise of the Theory of «Peaceful Rise» — China Quarterly. London. No. 190. June 2007. P. 291—310, здесь — p. 305.

¹³ *Се Исянь*. Цит. раб. С. 386.

¹⁴ Лян Шоудэ (гл. ред.). Дэн Сяопин лилунь юй дандай Чжунго гоцзи гуаньси. С. 314—318.

¹⁵ *Лян Шоудэ, Лю Вэньсян*. Дэн Сяопин дэ гоцзи чжэнчжи лилунь : [Дэнсяопиновская теория международной политики]. Наньцзин, 2003. С. 178.

¹⁶ Там же. С. 182.

¹⁷ Там же. С. 179.

¹⁸ Гоцзи гуаньси ши. Ди шиэр цзюань — (1990—1999). Пекин, 2006. С. 541—545.

¹⁹ Ху Шусян (гл. ред.). Чжунго вайцзяо юй гоцзи фачжань чжаньлюе яньцзю. С. 62—66.

²⁰ *Хуан Чжэнбай*. Дэн Сяопин «таогуан янхуй, ю со цзовэй» сысян дэ чжаньлюе ии : [Стратегическое значение идеи Дэн Сяопина «держаться в тени и при этом делать что-то реальное»] // Синь Чжунго вайцзяо люши нянь : [60 лет дипломатии нового Китая]. Пекин, 2010. С. 121—130.

²¹ *Янь Шэньи*. Дандай Чжунго вайцзяо (ди эр бань) : [Современная дипломатия Китая. Второе издание]. Шанхай, 2009. С. 6—12.

²² Annual report of the military power of the People's Republic of China (2004). URL: <http://www.fas.org/nuke/guide/china/dod-2004.pdf>, p. 9.

²³ URL: <http://www.fas.org/nuke/guide/china/dod-2005.pdf>; URL: <http://www.fas.org/nuke/guide/china/dod-2006.pdf>

²⁴ Zhu Weilie. On Diplomatic Strategy of «Keeping a Low Profile and Taking a Proactive Role When Feasible» — Global Review, Shanghai. Vol. 6. No. 3. May/June 2010. P. 2.

В России близкий к американскому вариант перевода выражения «таогуан янхуй» — «скрывать свои возможности, выигрывая время» — дан в работах М.В. Мамонова. См., например, «Система внешнеполитических приоритетов современного Китая» — глава 22 коллективной монографии «Современная мировая политика. Прикладной анализ» (под ред. А.Д. Богатурова). М., 2009. С. 415—437, здесь — с. 418. В то же время, в монографии Е.О. Подолько «Эволюция внешнеполитических концепций Китайской Народной Республики» (М.: Дипломатическая академия МИД России, 2006. С. 89—90) воспроизведен вариант перевода заветов Дэн Сяопина в сборнике высказываний Цзян Цзэминя о социализме с китайской спецификой.

²⁵ По свидетельству Чжу Вэйле, данную точку зрения высказал известный специалист по международным отношениям Китая Е Цзычэн в статье, опубликованной в журнале «Тайпинян сюэбао» («Тихоокеанский вестник»). 2002. № 1. Zhu Weilie. Op. cit. P. 2—3.

²⁶ *Xiong Guangkai*. China's Diplomatic Strategy: Implication and Translation of «tao guang yang hui» // *International Strategic Studies*, Beijing, 4th Issue, 2010. P. 1—2.

²⁷ *A Chinese-English Dictionary*. Пекин. 1978. С. 668. Отметим, что перевод на русский язык, приведенный в известном китайско-русском «Шанхайском словаре», точнее передает смысл оригинала: «стремиться ничем не проявлять себя; замкнуться в себе и ничем не выделяться; держаться в тени». — Китайско-русский словарь. Пекин, 1989. С. 880. Словарь получил обиходное название «шанхайский», поскольку был подготовлен Шанхайским институтом иностранных языков.

²⁸ *Xiong Guangkai*. Op. cit. P. 3—4.

²⁹ *D. Mierzejewski*. From Pragmatism to Morality. The Changing Rhetoric of Chinese Foreign Policy. Lecture in Denver University, February 2012. URL: <http://www.du.edu/korbel/china/forums/dominic.html>

³⁰ *Zhu Weilie*. Op. cit. P. 4.

³¹ *Ян Вэньчан*. «Таогуан янхуй»: бода цзиншэнь: [«Держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя»: широкий и глубокий смысл] // Гуанмин жибао. 07.11.2011.

³² *Ян Вэньчан*. Цит. соч. *Zhu Weilie*. Op. cit. P. 4.

³³ *Ян Вэньчан*. Цит. соч.

³⁴ *Zhu Weilie*. Op. cit. P. 10—11.

³⁵ *Bonnie Glaser and Evan Medeiros*. Op. cit. P. 305.

³⁶ Чжу Вэйле ссылается на статью Ван Юйшэна «Переосмысливая курс держаться в тени» в журнале «Хуаньцю». 2004. № 7 — *Zhu Weilie*. Op. cit. P. 3.

³⁷ *Zhu Liqun*. China's Foreign Policy Debate. Institute for Security Studies, European Chaillot Papers. September 2010. P. 51. Чжу Лицунь цитирует статью Гао Фэя в журнале «Тайпинян сюэбао». 2006. № 1.

³⁸ *Zhu Liqun*. Op. cit. P. 51—52.

³⁹ *Kenneth Libenthal and Wang Jisi*. Addressing U.S.—China Strategic Distrust. John Thornton China Center Monograph Series. Brookings, Washington. Number 4. March 2012. P. 8—9.

⁴⁰ *Kenneth Libenthal and Wang Jisi*. Op. cit. P. X.

⁴¹ *Kenneth Libenthal and Wang Jisi*. Op. cit. P. 16.

⁴² *Ян Вэньчан*. Цит. соч.

⁴³ Одно из немногих исключений — статья сотрудника Института США АОН Китая Юань Цзижуна «Китай должен восстановить «величие династий Хань и Тан» в сборнике статей из газеты «Хуаньцю шибао» «Дискуссии в Китае»: [Чжунго яо хуйфу «Хань Тан сюнфэн» — Чжэньбянь Чжунго («Хуаньцю шибао»)]. Шанхай, 2010. С. 194—195.

⁴⁴ *Чжан Сяотун*. Ху Цзиньтао шидайгуань дэ Чжунго чжучжан : [Позиция Китая в концепции современной эпохи Ху Цзиньтао] // Ляован. 23.11.2009. С. 33.

⁴⁵ *Ван Цзисы*. Цит. соч. // Чжунго вайцзяо. 2011. № 7. С. 3—4.

⁴⁶ *У Цзяньмин*. Цзайлан игэ хуаньцзин ши нянь : [Размышления о международной обстановке для Китая на ближайшие 10 лет] // Чжунго вайцзяо. 2011. № 9. С. 3—5.

⁴⁷ *Ван Цуньбин*. Лунь чуаньцаосин цзяньчи «таогуан янхуй, юсо цзо вэй» : [О творческом следовании курсом «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, и при этом делать что-то реальное»] // Чжунго вайцзяо. 2011. № 4. С. 3—8.

⁴⁸ *Ван Цзисы*. Цит. соч. // Чжунго вайцзяо. 2011. № 7. С. 6.

⁴⁹ *Е Цзычэн*. 2011 нянь Чжунго вайцзяо: да го вайцзяо цзин каоянь дэ и нянь : [Внешняя политика Китая — 2011: год испытаний для дипломатии державы]. В книге: Цинь Чаоинь (гл. ред.). Цзюйлунь шан дэ Чжунго — данцян гоцзи гонэй чжун дэ синши фэньси. 2010—2011 няньду баогао : [Китай у колеса истории — анализ современной международной и внутренней обстановки. Годовой доклад за 2010—2011 годы]. Пекин, 2011. С. 119—120.

⁵⁰ *Чжан Диюй*. Чжунго шифоу ин цзяцян цзежу гоцзи шиу — «чуаньцао син цзежу» юй Чжунго вайцзяо пяньдуань : [Должен ли Китай усилить вовлеченность в международные дела — «новаторская вовлеченность» и эпизоды из внешней политики Китая] // Шицзе чжиши. Пекин, 2012. № 2. С. 21.

⁵¹ Там же.

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ КНР В 2011—2013 гг.

Внешняя торговля Китайской Народной Республики в последние годы вызывает растущий интерес не только специалистов-китаеведов, но и широкого круга экономистов-международников, бизнесменов, аналитиков промышленно-торговых компаний и банков. Ежемесячные данные о темпах роста товарооборота Китая немедленно отражаются в передачах деловых новостных каналов российских СМИ (телеканал Росбизнес-консалтинг-РБК, радиоканал Бизнес FM), поскольку та или иная динамика внешней торговли Китая оказывает заметное воздействие на конъюнктуру мировых рынков многих товаров, прежде всего нефти, проката черных металлов, меди, алюминия, а через нее и на котировку акций компаний, связанных с производством и реализацией этих товаров, на основных международных биржах ценных бумаг.

На протяжении 35 лет следования по пути модернизации, экономических реформ и внешнеэкономической открытости Китай последовательно улучшал позиции своей внешней торговли в мировой таблице о рангах: 29-е место в мире по объему внешнеторгового товарооборота в предреформенном 1978-м г., 15-е — в 1990-м, 8-е — в 2000-м, когда было принято решение о приеме КНР во Всемирную торговую организацию (официальная дата вступления — 12 декабря 2001 г.), 3-е — в 2005 г.¹ С 2009 г. КНР занимает 2-е место в мире по объему торговли товарами и 1-е — по экспорту. В 2012 г., по данным ВТО, КНР отстала по товарообороту от США лишь на 15 млрд долл. — соответственно 3867 млрд долл. у КНР и 3882 млрд долл. у США².

При этом доля Китая в мировом экспорте товаров достигла 11,2 % при доле США 8,4 %, а в мировом импорте — 9,8 % против 12,6 % у США. Для сравнения: доля России в мировом экспорте товаров составила в 2012 г. 2,9 % (8-е место), а в мировом импорте — 1,8 % (16-е место).

Вполне естественно, что особенности, результаты и проблемы развития внешней торговли Китая после его вступления в ВТО привлекают

внимание исследователей, в том числе в России³. В свою очередь, правительство КНР придает большое значение внешней торговле как фактору экономического роста и как важнейшему инструменту экономической дипломатии. Стремясь продемонстрировать транспарентный характер своей внешнеторговой политики, Пекин в последние годы стал значительно активнее, чем раньше, публиковать различные справочные материалы по данной теме. Так, в декабре 2011 г. специальную Белую книгу о внешней торговле Китая обнародовала Канцелярия информации Госсовета КНР⁴. В том же году англоязычный справочник о торговле страны подготовило Министерство коммерции КНР⁵. С 2011 г. на китайском сайте Министерства размещаются осенний (по данным за 9 месяцев) и весенний (за предыдущий год и за первые три месяца) доклады о ситуации во внешней торговле страны.

И все же базовым, наиболее достоверным первоисточником сведений о данной сфере является таможенная статистика КНР.

Самые детальные сведения публикуют весьма объемные — в трех томах — ежегодники таможенной статистики⁶. Именно здесь содержатся точные данные о физических объемах и стоимости взаимных поставок товаров между Китаем и его торговыми партнерами, которые в последующем отражаются и в международных базах данных о внешней торговле, например, Всемирной торговой организации.

Оперативная выборочная информация публикуется на сайте Таможенного управления КНР (URL: www.customs.gov.cn). Как правило, сведения о торговле в предыдущем месяце размещаются уже 9—10-го числа следующего месяца. Показываются динамика и объемы торговли Китая с его основными партнерами, физические объемы и стоимость импорта и экспорта основных товаров, в том числе накопленным итогом с начала года.

В практической и научно-исследовательской работе наиболее удобен ежемесячный журнал «Таможенная статистика», издаваемый на регулярной основе с начала 2000-х годов⁷. Особую ценность представляют двенадцатые номера журнала. Они выходят в свет в третьей декаде января следующего за отчетным года и содержат итоговые данные по торговле за год в целом.

В журнале публикуются необходимые для углубленного изучения политики внешнеэкономической открытости Китая сведения о форматах внешней торговли (выделяются «обычная торговля» и различные варианты торговли на основе переработки давальческого сырья, изготовления изделий по образцам заказчика и сборки изделий из компонентов, предоставленных заказчиком), ее объемах, реализуемых предприятиями различных форм собственности, в том числе с участием иностранного капитала, объемах импорта и экспорта, прошедших через таможни различных

регионов страны. Приводятся также данные о стоимости экспортно-импортных операций территорий с тем или иным специальным статусом — специальных экономических зон, беспошлинных таможенных зон, зон экспортной переработки и т. д.

И все же большинством экспертов и практиков наиболее востребованы традиционные данные — о динамике и стоимостном объеме внешней торговли Китая, ее географической и товарной структуре, об особенностях торговли с отдельными государствами и группами стран. Журнал «Таможенная статистика» позволяет прямо или косвенно — через расчеты на основании приводимой им статистики — составить вполне адекватное представление об этих и других важнейших компонентах внешней торговли одной из ведущих держав мира. Как писал Николай Гумилев «потому что все оттенки смысла умное число передает».

Приведем данные о динамике внешнеторгового товарооборота, экспорта и импорта КНР в последние годы (табл. 1).

Таблица 1. Внешняя торговля КНР в 2008—2013 гг.

Наименование	Оборот		Экспорт		Импорт	
	млрд долл.	прирост, %	млрд долл.	прирост, %	млрд долл.	прирост, %
2008	2563,3	17,8	1430,7	17,3	1132,6	18,5
2009	2207,5	-13,9	1201,6	-16,0	1005,9	-11,2
2010	2974,0	34,7	1577,8	31,3	1396,2	38,8
2011	3641,9	22,5	1898,4	20,3	1743,5	24,9
2012	3866,7	6,2	2048,9	7,9	1817,8	4,3
2013, янв.—ноябрь	3770,49	7,7	2002,32	8,2	1768,17	5,3

Источник: Haiguan tongji : [Таможенная статистика] // Beijing. 2012. № 12. С. 3. URL: www.customs.gov.cn. Экспорт — в ценах FOB, импорт — в ценах CIF.

Обращает на себя внимание заметное снижение объема товарооборота в кризисном 2009 г. — всего третье за годы реформ (предыдущие два — в 1982 г. и в 1998 г., на пике Азиатского финансового кризиса). Бурный рост торговли в 2010—2011 гг., явно вышедший за «восстановительные рамки», сменился вялым для Китая приростом в 6,2 % в 2012 г., прежде всего из-за общего ухудшения мировой конъюнктуры. Активизация на иных, помимо Европы и Японии, рынках позволила Китаю начать 2013 год несколько более успешно: за первые четыре месяца объем его внешней торговли вырос на 14 % по сравнению с январем-апрелем 2012 г., в том числе экспорт — на 17,4 %. Однако из-за падения мировых цен на некоторые важные для внешней торговли КНР товары во второй полови-

не 2013 г. наблюдалось поступательное снижение темпов прироста товарооборота, хотя, похоже, в целом за год они окажутся всё же несколько выше, чем в 2012 г.

Существенный интерес представляет **географическая структура** внешней торговли КНР (табл. 2).

Китайская таможенная статистика приводит данные в разбивке не только по странам, но и по частям света. Лидирует здесь Азия, на долю которой в 2012 г. пришлось 52,9 % объема внешней торговли КНР. Европа, несмотря на сокращение в 2012 г. объема торговли с нею на 2,5 %, осталась на 2-м месте с долей в 17,66 %. Китайская статистика приводит также суммарные данные о торговле КНР с государствами — членами ряда экономических группировок — АСЕАН (362 млрд долл. в 2011 г. и 400 млрд в 2012 г., прирост, соответственно, на 23,9 % и на 10,2 %), Европейским союзом (567 млрд долл. в 2011 г., прирост на 18,3 %, и 546 млрд долл. в 2012 г., сокращение на 3,7 %), Форумом Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (2284 млрд долл. в 2011 г., прирост на 19,7 %; 2468 млрд долл. в 2012 г., прирост на 8,1 %).

Среди отдельно взятых государств и территорий ведущими торговыми партнерами КНР в 2012 г. были (в порядке убывания объемов товарооборота): США, Гонконг, Япония, Республика Корея, Тайвань, Германия, Австралия, Малайзия, Россия, Бразилия.

Ведущий поставщик нефти в Китай — Саудовская Аравия — заняла в 2012 г. с товарооборотом 73 млрд долл. 11-е место в перечне ведущих торговых партнеров КНР, опередив Сингапур, Таиланд, Великобританию.

В 2011—2012 гг. особенно высокие темпы роста отличали торговлю КНР с Туркменистаном, объем которой вырос с 1570 млн долл. в 2010 г. до 5479 млн в 2011 г. и до 10 372 млн долл. в 2012 г., в основном вследствие быстрого наращивания импорта Китаем туркменского природного газа.

В число лидеров по темпам роста торговли с Китаем входит ЮАР (прирост на 76,7 % в 2011 г. и на 31,8 % — почти до 60 млрд долл. — в 2012 г.). В то же время, торговля с Индией и Бразилией — другими странами — участницами формата БРИКС — сложилась у КНР в 2012 г. менее успешно, прежде всего из-за снижения мировых цен на железную руду, составляющую значительную часть импорта Китая из этих государств. Так, торговля с Бразилией увеличилась лишь на 1,8 % при падении импорта КНР на 0,2 %, а торговля с Индией сократилась на 10,1 % при снижении китайского импорта на 19,1 %.

В 2013 г. продолжилось сокращение объема двусторонней торговли Китая с Индией (-2,7 % за 11 месяцев) и с Японией (-6,2 %). В то же время, удалось добиться небольшого прироста товарооборота с ЕС (1,8 %). Россия, торговля с которой осталась примерно на уровне предыдущего

Таблица 2. Географическая структура внешней торговли КНР в 2011—2013 гг., млрд долл.

Наименование	2011 г.			2012 г.			2013 г. (янв.—июнь)		
	Оборот	Экспорт	Импорт	Оборот	Экспорт	Импорт	Оборот	Экспорт	Импорт
Всего	3642,06	1898,60	1743,46	3866,76	2048,93	1817,83	1997,69	1052,82	944,87
Азия	1903,03	899,14	1003,89	2044,93	1006,96	1037,97	1083,21	555,08	528,13
в том числе Индия	73,91	50,54	23,37	66,47	47,67	18,80	31,68	23,62	8,06
Япония	342,89	148,30	194,59	329,45	151,64	177,81	146,92	70,81	76,11
Страны АСЕАН	362,85	170,08	192,77	400,09	204,27	195,82	210,56	114,70	95,86
Республика Корея	245,63	82,92	162,71	256,33	87,68	168,65	132,30	45,39	86,91
КНДР	5,64	3,165	2,475	6,03	3,53	2,50	2,96	1,59	1,37
Тайвань	160,03	35,11	124,92	168,96	36,78	132,18	101,13	21,01	80,12
Гонконг	283,52	268,02	15,50	341,49	323,53	17,56	206,65	198,75	7,90
Европа	700,81	413,62	287,19	683,06	396,42	286,64	342,56	187,81	154,75
в том числе Россия	79,25	38,90	40,35	88,16	44,06	44,10	43,18	21,94	21,24
Европейский Союз	567,21	356,02	221,19	546,04	333,99	212,05	260,16	157,53	102,63
Африка	166,32	73,10	92,22	198,49	85,32	113,17	105,64	44,65	60,99
в том числе ЮАР	45,43	13,36	32,07	59,95	15,33	44,62	35,62	8,26	27,36
Латинская Америка	241,48	121,73	119,75	261,24	135,22	126,02	121,38	63,40	57,98
в том числе Бразилия	84,20	31,84	52,36	85,71	33,41	52,30	40,25	16,39	23,86
Северная Америка	494,50	350,12	144,38	536,32	380,13	156,19	270,33	181,72	88,61
в том числе США	446,64	324,49	122,15	484,68	351,80	132,88	244,01	168,26	75,75
Океания	129,87	40,89	88,98	136,49	44,88	91,61	71,06	20,15	50,91
в том числе Австралия	116,63	33,91	82,72	122,30	37,74	84,56	63,16	16,86	46,30

Источник: Haiguan tongji : [Таможенная статистика] // Beijing. 2011. № 12. С. 3—6; 2012. № 12. С. 5—8; 2013. № 6. С. 7—10.

года, пропустила вперед Бразилию. Положительная динамика наблюдалась в торговле с США, Австралией, Республикой Корея, странами АСЕАН.

Товарная структура внешней торговли Китая, как и у других государств, объективно отражает экономические возможности и потребности страны (табл. 3).

Таблица 3. Товарная структура внешней торговли КНР в 2011—2012 гг.

Наименование	Экспорт				Импорт			
	2011 г.		2012 г.		2011 г.		2012 г.	
	млрд долл.	%	млрд долл.	%	млрд долл.	%	млрд долл.	%
Всего	1898,6	100	2048,94	100	1743,5	100	1817,9	100
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье	48,6	2,6	61,1	3,0	77,1	4,4	92,2	5,1
Минеральная продукция в том числе топливно-энергетические товары	36,3 32,3	1,9 1,7	34,8 31,0	1,7 1,5	432,3 275,6	24,8 15,8	452,9 312,8	24,9 17,2
Химические товары, каучук	163,4	8,6	171,9	8,4	211,3	12,1	208,2	11,5
Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	30,0	1,6	31,7	1,5	9,4	0,05	9,9	0,05
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	29,4	1,5	31,4	1,5	34,8	2,0	38,4	2,1
Текстиль и обувь	293,0	15,4	304,9	14,9	39,5	2,3	43,0	2,3
Драгоценные камни, драгоценные металлы и изделия из них	27,5	1,4	45,5	2,2	14,9	0,85	13,2	0,75
Металлы и изделия из них	144,9	7,6	149,1	7,3	118,9	6,8	111,2	6,1
Машины, оборудование и транспортные средства	969,5	51,1	1044,3	51,0	732,2	42,0	760,6	41,8
Другие товары	156,0	8,3	174,2	8,5	73,1	4,3	88,3	5,4

Источник: Составлено и рассчитано по Haiguan tongji // Beijing, 2011. № 12. С. 9—10; 2012. № 12. С. 11—12.

Сегодня КНР выступает в мировом хозяйстве как прежде всего крупный производитель и потребитель разнообразной продукции машиностроения, электротехники и электроники. Доля машин, оборудования и

транспортных средств в китайском экспорте в 2011—2012 гг. составляла 51 %, а в импорте — около 42 %. Китай остается и одним из крупнейших в мире экспортеров готовой одежды и обуви (доля в экспорте порядка 15 %). В то же время, около четверти его импорта приходится на минеральное сырье и топливо. Именно сырая нефть возглавила в 2012 г. перечень крупнейших статей импорта КНР — 271 млн т на 220,7 млрд долл., опередив бывший лидером в течение ряда предшествующих лет ввоз интегральных схем (табл. 4).

Таблица 4. Важнейшие товарные позиции экспорта и импорта КНР в 2012 г.

Экспорт			Импорт		
Наименование	млрд долл.	млн т	Наименование	млрд долл.	млн т
1. Одежда	159,1		1. Сырая нефть	220,7	271,0
2. Компьютеры и ай-пэды	122,1		2. Интегральные схемы	192,1	
3. Мобильные и беспроводные телефоны	81,0		3. Сельхозпродукция в том числе соевые бобы кукуруза пшеница	111,5 35,0	58,4 5,2 3,7
4. Сельхозпродукция в том числе продукция водного промысла овощи фрукты	62,6 18,1 7,6 3,4	3,7 7,4 3,0	4. Железная руда	95,6	743,5
5. Интегральные схемы	53,4		5. Автомобили и запчасти к ним	70,1	
6. Стальной прокат	50,5		6. Цифровое оборудование и запчасти для компьютерной техники	54,2	
7. Мебель	48,8		7. Жидкокристаллические дисплеи	50,3	
8. Обувь	46,8		8. Первичные пластмассы	46,2	23,7
9. Автомобили и запчасти к ним	38,3		9. Медь и медный прокат	38,6	4,65
10. Жидкокристаллические дисплеи	36,2		10. Нефтепродукты	33,0	39,8
11. Суда	36,1		11. Автоматическая контрольно-измерительная аппаратура	27,9	
12. Изделия из пластмасс	31,6		12. Самолеты	15,7	

Источник: Составлено по данным Haiguan tongji // Beijing. 2012. № 12. С. 27—35.

На ведущих позициях находятся и огромные, составляющие около половины мирового объема, закупки железной руды — 743,5 млн т на 95,6 млрд долл. в 2012 г. и 746,1 млн т на 96,3 млрд долл. за 11 месяцев 2013 г. Импорт Китаем автомобилей (вместе с запчастями) пока примерно вдвое больше их экспорта, но важен сам факт попадания данной позиции в число основных статей экспорта страны. Хотя ведущей статьей китайского вывоза пока остается готовая одежда, вторую и третью позиции занимают различные вариации компьютеров и мобильных телефонов.

На импортной древесине Китай выстроил собственную крупномасштабную мебельную промышленность и стал одним из крупнейших мировых экспортеров мебели (48,8 млрд долл. в 2012 г.). Кстати говоря, на улицах Москвы появилась реклама «мебельных туров» в Китай.

Импорт страной сельхозпродукции (свыше 111 млрд долл. в 2012 г.) почти вдвое превосходит ее экспорт, но структура вывоза и ввоза отличаются радикально. КНР вывозит в основном овощи, фрукты и продукты водного промысла, а ввозит в первую очередь соевые бобы, а также пшеницу.

Естественно, что товарная структура торговли КНР с каждой конкретной страной имеет свою специфику. Вместе с тем подчас проявляются те или иные общие тенденции и закономерности. Например, торговлю Китая с развитыми партнерами — Европейским союзом, США, Японией — отличает высокая доля машин и оборудования и в экспорте, и в импорте (табл. 5), причем максимум в 78 % в 2012 г. имел место в импорте КНР из Германии⁸.

Таблица 5. Структура торговли КНР с ЕС, США и Японией в 2012 г.

Наименование	ЕС				США				Япония			
	Экспорт КНР		Импорт КНР		Экспорт КНР		Импорт КНР		Экспорт КНР		Импорт КНР	
	млн долл.	%	млн долл.	%	млн долл.	%	млн долл.	%	млн долл.	%	млн долл.	%
Всего	333 988,5	100	212 054,8	100	351 796,2	100	132 886,4	100	151 642,6	100	177 808,7	100
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье	7280,1	2,2	6549,4	3,1	7072,5	2,0	23 632,5	17,8	11 824,0	7,8	388,7	0,2
Минеральная продукция в том числе топливно-энергетические товары	2429,4 1967,2	0,7 0,6	4939,5 2913,3	2,3 1,4	1769,7 1307,9	0,5 0,4	4949,7 2791,8	3,7 2,1	3100,4 2471,6	2,0 1,6	2461,4 2107,5	1,4 1,2

Окончание табл. 5

Наименование	ЕС				США				Япония			
	Экспорт КНР		Импорт КНР		Экспорт КНР		Импорт КНР		Экспорт КНР		Импорт КНР	
	млн долл.	%	млн долл.	%	млн долл.	%	млн долл.	%	млн долл.	%	млн долл.	%
Продукция химической промышленности, каучук	26 769,7	8,0	31 350,0	14,8	27 699,5	7,9	20 026,4	15,1	12 404,9	8,2	29 434,1	16,55
Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	7282,0	2,2	3326,5	1,55	7187,3	2,05	1579,2	1,2	2158,5	1,4	73,8	0,05
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	5477,9	1,65	5369,4	2,6	6510,3	1,85	6835,0	5,1	3340,7	2,2	1952,4	1,1
Текстиль, текстильные изделия и обувь	56 974,1	17,05	4316,0	2,0	52 560,4	14,95	5052,8	3,8	29 827,9	19,7	3930,1	2,2
Драгоценные камни, драгоценные металлы и изделия из них	1410,1	0,4	2453,9	1,15	2883,2	0,8	391,7	0,3	150,4	0,1	1103,8	0,6
Металлы и изделия из них	20 826,7	6,2	18 036,5	8,5	19 045,6	5,45	8512,1	6,4	8455,2	5,6	18 981,4	10,7
Машины, оборудование и транспортные средства	169 773,7	50,8	132 650,0	62,55	185 178,8	52,6	54 963,6	41,4	68 407,2	45,1	114 949,4	64,65
Другие товары	35 764,8	10,8	3063,6	1,45	41 588,9	11,9	6943,4	5,2	11 972,8	7,9	4533,6	2,55

Примечания: Составлено и рассчитано по данным Naiguan tongji : [Таможенная статистика] // Beijing. 2012. № 12. С. 38—39, 46—47, 56—57, 60—61, 68—69, 78—79.

В китайском экспорте в эти страны заметное место занимает также вывоз текстиля и обуви (от 15 до 20 %). В то же время, очевидной спецификой торговли с США является высокая доля сельхозпродукции в импорте КНР, спецификой торговли с Японией, напротив, высокая доля данной позиции в экспорте Китая.

Что касается торговли КНР с Российской Федерацией, то товарная структура экспорта Китая в Россию близка к структуре его экспорта в це-

лом. Хотя в вывозе в Россию по-прежнему остается достаточно высоким доля текстиля и обуви — примерно 23 %, однако она все заметнее уступает доле машин и оборудования — 40,9 % в 2011 г. и 42,4 % в 2012 г. (табл. 6).

Таблица 6. Торговля КНР с РФ в 2011—2012 гг.

	Экспорт				Импорт			
	2011 г.		2012 г.		2011 г.		2012 г.	
	млн долл.	%	млн долл.	%	млн долл.	%	млн долл.	%
Всего	38 903,8	100	44 057,5	100	40 345,5	100	44 100,5	100
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье	1852,0	4,75	1839,2	4,2	1688,4	4,2	1546,9	3,5
Минеральная продукция в том числе топливно-энергетические товары	419,7	1,1	361,3	0,81	26 447,5	65,6	32 187,7	73,0
	351,2	0,9	293,6	0,66	22 900,4	56,75	29 486,8	66,86
Продукция химической промышленности, каучук	3247,8	8,4	3553,5	8,07	3733,0	9,24	3617,1	8,2
Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	1799,4	4,6	2294,3	5,2	14,8	0,04	11,0	0,03
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	585,3	1,5	662,8	1,5	4534,9	11,24	3742,1	8,5
Текстиль, текстильные изделия и обувь	9046,2	23,25	10 152,8	23,05	7,2	0,02	2,0	
Драгоценные камни, драгоценные металлы и изделия из них	35,0	0,1	39,9	0,1	314,5	0,73	450,7	1,02
Металлы и изделия из них	3424,0	8,8	3554,4	8,07	3310,4	8,2	2207,2	5,0
Машины, оборудование и транспортные средства	15 914,0	40,9	18 691,7	42,4	283,6	0,7	315,7	0,71
Другие товары	2580,4	6,5	2907,6	6,6	11,2	0,03	20,1	0,04

Источник: Рассчитано по Haiguan tongji : [Таможенной статистики] // Beijing. 2011. № 12. С. 48—49, 70—71; 2012. № 12. С. 52—53, 74—75.

В то же время в импорте Китая из России доминирует ввоз минеральной продукции — 73 % в 2012 г. и 83 % в первой половине 2013 г., в первую очередь нефти и нефтепродуктов. Вместе с тем упала доля в им-

порте из России металлов — с 8,2 % в 2011 г. до 5 % в 2012 г., что ставит в тяжелое положение российских производителей черных металлов и алюминия, для которых китайский рынок является одним из главных.

Доля машин и оборудования в импорте КНР из России опустилась в 2011—2012 гг. до уровня менее 1 %. Напротив, экспорт Китаем в Россию продукции машиностроения, электротехники и бытовой электроники составляет уже весьма солидную величину — 15,9 млрд долл. в 2011 г. и 18,7 млрд долл. в 2012 г. Такая ситуация стала прямым следствием процветания перерабатывающей промышленности в постсоветской России.

Чрезмерная зависимость российского экспорта в Китай, структура которого аномально сдвинута в пользу продукции ТЭК, от уровня мировых цен на нефть делает динамику объемов двустороннего товарооборота подверженной значительным колебаниям.

На наш взгляд, сложившаяся товарная структура торговли между Китаем и Россией не имеет шансов быть существенно измененной в короткие сроки. В этой ситуации вряд ли уместно ставить на официальном уровне целевые ориентиры достижения в те или иные сроки каких-либо конкретных показателей двустороннего товарооборота.

Китайская таможенная статистика позволяет проследить и динамику торговли приграничных с Россией провинций и городов Китая. Её объем в целом в значительной мере определяется именно двусторонней российско-китайской торговлей. Исключение здесь составляет Синьцзян-Уйгурский автономный район, внешние связи которого в большей мере определяются торговлей КНР с республиками Центральной Азии (табл. 7). Обращают на себя внимание заметные годовые колебания объемов торговли, проходящей через такие пункты пропуска на российско-китайской границе, как Суйфэньхэ и Хэйхэ. Судя по всему, они обусловлены в первую очередь подвижками в российских правилах провоза грузов через границу.

Хотя таможенная статистика Китая позволяет анализировать многие аспекты внешней торговли страны, она, тем не менее, не дает ответа на вопрос о степени важности двусторонних связей для торговых партнеров КНР. Ситуация же здесь такова, что в последние 4—5 лет Китай начал выходить на лидирующие позиции во внешней торговле не только большинства своих географических соседей, но и ведущих экономических держав мира. В 2010 г. журнал «Economist» даже ввел специальный термин «китаезависимость». Он рассчитывается в первую очередь применительно к транснациональным компаниям, сбывающим значительную долю своей продукции на китайском рынке. Однако применяется и к странам, показывая, какая доля их экспорта или ВВП в целом вывозится в КНР. Так, в 2009 г. Япония направляла в КНР 18,9 % своего экспорта,

Таблица 7. Внешняя торговля приграничных с Россией провинций и городов Китая

	2012 г.						2013 г. (6 месяцев)					
	Оборот		Экспорт		Импорт		Оборот		Экспорт		Импорт	
	млн долл.	при-рост, %	млн долл.	при-рост, %	млн долл.	при-рост, %	млн долл.	при-рост, %	млн долл.	при-рост, %	млн долл.	при-рост, %
Хэйлунцзян	28 214	7,8	9911	7,2	18 303	8,2	14 560	5,2	5308	24,9	9052	-4,0
в том числе Хэйхэ	418	32,6	197	35,6	221	30,1	214	32,9	67	-7,6	147	66,3
Суйфэньхэ	2062	31,4	521	276,6	1541	7,8	889	-9,6	188	62,9	701	-19,2
Цзилинь	24 477	6,2	6028	10,9	18 449	4,7	11 990	-5,1	2910	-2,0	9080	-6,0
в том числе Хуньчунь	1026	8,7	854	7,8	172	13,9	501	9,3	440	12,0	61	-6,4
АРВМ	13 973	-5,7	5396	-10,7	8577	-2,3	7050	2,4	2473	-4,6	4577	6,7
в том числе Маньчжоули	1810	-15,2	43	-11,0	1767	-15,3	895	-4,1	17	-22,9	878	-3,7
СУАР	33 627	12,4	19 261	2,7	19 366	20,9	17 070	16,2	6525	16,2	10 545	16,2

Составлено по данным таможенной статистики КНР.

то есть вывозила туда 2,2 % своего ВВП. Тайвань «перемещал» на континент через экспорт 14,3 % своего ВВП, Республика Корея — 10,4 % и т. п.⁹ В последующие годы зависимость от торговли с Китаем у большинства государств имела тенденцию к усилению. Так, в 2012 г. в Китай шло 29,3 % товарного экспорта Австралии, оттуда же вывозилось 17,05 % импортируемых товаров¹⁰. На Китай в 2012 г. пришлось примерно 13,7 % внешней торговли США, в том числе 6,7 % американского экспорта и 18,4 % импорта¹¹. Среди стран Европейского союза наиболее высока доля Китая в торговле Германии и Голландии — по 6,6 % в 2011 г.¹² Зависимость России от торговли с КНР несколько ниже, чем у США, но близка к ней по структуре. В первой половине 2013 г. доля Китая во внешнеторговом товарообороте РФ составила 10,36 %, в том числе в российском экспорте 4,63 % и в импорте 15,42 %.

На наш взгляд, вышеприведенная картина наглядно объясняет все более активное использование Китаем методов экономической дипломатии в его внешней политике. В целом же, похоже, внешняя торговля на всю обозримую перспективу останется незаменимым фактором экономического роста Китая, какие бы подвижки в его модели ни происходили.

(2013)

Примечания

¹ Чжунго тунци чжайяо 2012 : [Краткая статистика Китая 2012]. Пекин, 2012. С. 196 (на кит. яз.).

² WTO: 2013 Press Release. 10 April 2013. URL: http://www.wto.org/english/news_e/pressB_e/pr688_e.htm

³ В числе наиболее обстоятельных публикаций по этой теме последнего времени можно назвать монографию Л.В. Поповой «Внешнеэкономическая стратегия Китая. Проблемы формирования и реализации» (СПб., 2012. 247 с.) и статью китаянки Чжао Синь, работавшей в Амурском государственном университете (Благовещенск) «Внешняя торговля КНР в XXI веке: особенности государственного регулирования и динамики развития (Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 4. С. 41—55).

⁴ China's Foreign Trade. Information Office of the State Council, The People's Republic of China. December 2011, Beijing. 36 p.

⁵ Commerce of China 2011. Press Office, Ministry of Commerce, People's Republic of China. Beijing, 2011.

⁶ Например, «Zhongguo haiguan tongji nianjian 2007» : [«Ежегодник таможенной статистики Китая»]. Пекин, 2008. Т. 1—3. 4737 с.

⁷ Haiguan tongji : [Таможенная статистика].

⁸ Рассчитано по: Haiguan tongji. Beijing. 2011. № 12. Р. 66—67 (импорт Китаем машин и оборудования из Германии составил 72, 35 млрд долл. при общем импорте оттуда в 2012 г. в 92,716 млрд долл.).

⁹ URL: <http://www.ritholtz.blog/2010/11/the-economist-sinodependency-index>

¹⁰ Рассчитано по данным брошюры о внешней торговле Австралии. URL: <http://dfat.gov.au/publications/trade/trade-at-a-glance-2013.pdf>

¹¹ Рассчитано по данным портала внешнеэкономической информации Министерства экономического развития РФ: URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/us/about_us/ved_us/

¹² Чэнь Чэжиминь, Пэн Чжунчжоу. Попытка сравнительного анализа развития отношений членов Европейского союза с Китаем : [Бицзяо Оумэн чэнюаньго юй Чжунго дэ гуаньси фачжань: исян чубу дэ чанши] // Чжунго вайцзяо. 2013. № 8. С. 35.

КОНТУРЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ПЯТОГО ПОКОЛЕНИЯ ЛИДЕРОВ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Внешняя политика Китая в первые полтора года пребывания у власти пятого поколения лидеров КПК и КНР представляет интерес не только сама по себе, но и с точки зрения того, насколько она позволяет судить об особенностях и приоритетах курса Си Цзиньпина — Ли Кэцяна на мировой арене на весь период их ожидаемого нахождения во власти, то есть на десятилетие 2013—2022 гг. Представляется, что к маю 2014 г. «критическая масса» деклараций нового китайского руководства и его практической международной деятельности, минимально необходимая для комплексного анализа обновленного внешнеполитического курса КНР и первых прогнозов его дальнейшей эволюции, накопилась.

Одним из первых возникает естественный вопрос о «чертах преемственности и новизны»¹ во внешней политике Пекина после XVIII съезда правящей Коммунистической партии Китая.

Однозначно сохраняет свою действенность общая конфигурация страновых приоритетов взаимодействия КНР с внешним миром.

Основным из них остаются отношения с великими державами, при этом в подавляющем большинстве комментариев китайских политологов поставленная съездом задача формирования отношений нового типа между державами понимается как выстраивание Китаем конструктивного партнерства с США на основе равноправия и взаимного уважения. В отдельных публикациях в категорию «междержавных отношений» включаются и отношения КНР с Россией.

Последовательная политика добрососедства приобретает особую важность в свете того обстоятельства, что наблюдавшаяся в предыдущие несколько лет повышенная жесткость Китая в отношении ряда госу-

дарств, входящих в его «соседское окружение», поколебала имидж Пекина в регионе.

Наконец, КНР продолжает позиционировать себя на мировой арене как все еще и прежде всего развивающуюся страну, подкрепляя соответствующие декларации налаживанием связей с новыми для нее партнерами и углублением сотрудничества со старыми.

Главной внешнеполитической новацией Си Цзиньпина стал лозунг о необходимости достижения «китайской мечты». В самом общем плане под этим понимается «возрождение китайской нации» в два шага — к столетию КПК (2021 г.) достичь уровня «средней зажиточности», а к столетию КНР (2049 г.) войти в число развитых государств мира.

«Китайская мечта» является понятием комплексным, охватывающим различные аспекты функционирования государства. В КНР превалирует мнение, что на сегодняшний день еще рано говорить о возрождении китайской нации как о событии свершившемся. Для этого необходимо, прежде всего, восстановление единства китайского государства и китайской нации, то есть восстановление юрисдикции Пекина над Тайванем. Кроме того, по ретроспективным расчетам Агнуса Маддисена, в начале XIX века доля Китая в мировом валовом продукте составляла одну треть. Возможно, достижение такого же уровня в перспективе может рассматриваться как своеобразный критерий возрождения страны и нации.

Ведущие политологи КНР указывают, что как само понятие «китайской мечты», так и ее осуществление на практике имеют существенное международно-политическое измерение. Как полагает вице-президент Академии общественных наук Шанхая Хуан Жэньвэй, для достижения «китайской мечты» нужно мирное окружение, и Китай, несмотря на рост его мощи и влияния, следует курсом мирного возвышения. Следует также ожидать увеличения роли Китая в глобальном управлении, существенного укрепления международных позиций китайского юаня как одной из крупнейших мировых валют, беспрецедентного роста «мягкой силы» страны вслед за ее «культурным возрождением»².

Новацией калибром поменьше, чем «китайская мечта», но также способной породить серьезные геополитические последствия, стало предложение Си Цзиньпина о создании «инновационной модели сотрудничества» — совместном строительстве экономического пояса «шелкового пути»³. Предложенный проект предлагает соединение интеграционных усилий Евразийского экономического сообщества и Шанхайской организации сотрудничества, включая государства, имеющие в ней статус наблюдателей. Еще одной инициативой, привлечшей широкое внимание, стало предложение о возрождении «морского шелкового пути», начинающегося в южных портах КНР и следующего через Южно-Китайское море и Индийский океан к Аравийскому полуострову и Ближнему Востоку в

целом. Таким образом, благодаря инициативам Си Цзиньпина КНР может превратиться в главного экономического и политического игрока обширного региона, охватывающего Центральную, Южную и Западную Азию. В целом политика Китая в Азии, в которой до сей поры преобладало восточноазиатское направление, получает определенный шанс стать географически более сбалансированной и комплексной.

Появились первые признаки модификации некоторых «фундаментальных опор» внешнеполитического курса четвертого поколения лидеров КНР. Именно так следует оценить публикации, констатирующие определенную обусловленность приверженности Китая пути мирного развития. Как полагают шанхайские эксперты Хуан Жэньвэй и Лю Хунсун, стратегия мирного развития страны будет успешной в том случае, если удастся добиться «мирного объединения двух берегов Тайванского пролива, обеспечить благоприятное развитие китайско-американских отношений и добиться признания в качестве равноценных институциональных основ и системы ценностей Китая большинством государств международного сообщества». Напротив, «если Америка бросит все свои силы на противодействие Китаю, то его подъем может прерваться на середине пути»⁴.

Объективно степень новизны внешнеполитических новаций команд Си Цзиньпина не следует преувеличивать, ведь та же «китайская мечта» генетически прямо связана с доминантой предшествующего десятилетия — концепцией «мирного возвышения» Китая⁵.

Однако в разъяснениях и комментариях китайских официальных лиц и политологов акцент в настоящее время делается не на преемственности, а именно на новизне внешнеполитического курса пятого поколения страны. Показательна в этом отношении статья Ян Цзечи — члена Госсовета КНР, курирующего в правительстве внешнюю политику, «Инновации в теории и практике дипломатии»⁶. По его словам, «будучи более комплексной и лучше сбалансированной, дипломатия Китая в новых условиях демонстрирует такие черты, как богатство идей, ясные приоритеты, твердая позиция, гибкие подходы и самобытный стиль». Это позволило ей, полагает Ян Цзечи, «добиться в короткие сроки ряда крупных прорывов», в числе которых — выдвижение понятия «китайской мечты», начало строительства новой модели отношений с США — неконфликтной, неконфронтационной, основанной на принципах обоюдного выигрыша и взаимного уважения, и т. д.

Один из ведущих специалистов по современным международным отношениям Китая профессор Ван Ичжоу из Пекинского университета особо подчеркнул то обстоятельство, что Си Цзиньпин и Ли Кэцян представляют первое поколение лидеров страны, родившихся после основания КНР в 1949 г. В силу этого они «несут меньшее историческое бремя,

чем их предшественники, и обладают иным мироощущением — более уверенным, амбициозным и предприимчивым»⁷.

И в самом деле, отличие внешнеполитического стиля Си Цзиньпина от манеры поведения в международных делах его предшественника бросается в глаза и проявляется буквально во всем — от динамичности и диапазона действий до большей личной эмоциональности.

В то же время нельзя забывать, что в первый год пребывания у власти Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао их внешнеполитическая активность была заметно приглушена вследствие чрезвычайных обстоятельств — эпидемии атипичной пневмонии. Однако даже в тех сложных условиях удалось сделать немало. Состоялся важный для обеих сторон визит Ху Цзиньтао в Россию; поездка в Эвиан для встречи с лидерами большой «восьмерки» стала первым шагом в приобщении Пекина к «элитному клубу» мирового глобального управления, наконец, в конце года была выдвинута концепция «мирного возвышения» Китая.

В любом случае, однако, очевидно, что команда Си Цзиньпина—Ли Кэцяна демонстрирует готовность к большей, чем у предшественников, активности, а подчас и жесткости внешнеполитического курса, к расширению диапазона и более гибкому использованию внешнеполитического инструментария страны.

Обращает на себя внимание употребление в статье Ян Цзечи понятия «красная черта» (bottom line) в контексте декларируемой решимости Китая защищать свои законные интересы. Симптоматично и обещание «не уклоняться в дипломатической работе от споров и проблем любого рода»⁸.

В этом плане показательно изменение подхода Китая к проблеме разногласий с рядом соседних государств о линии прохождения границы. Если раньше данная тема особо не обсуждалась, то теперь открыто признается, что у Китая, граничащего с 14 государствами по суше и с 8 по морю, имеются «споры о суверенитете» с 10 из них. Нередко положение о приверженности страны «защите суверенитета и территориальной целостности» подается в одной связке с задачами «качественного совершенствования национальной обороны» и «превращения Китая в мощную морскую державу»⁹.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что Китай начал чаще использовать потенциал своей экономической дипломатии, регулярно прибегая здесь к методам не только «пряника», но и «кнута». Например, на какое-то время были заморожены контакты Пекина с Европейским союзом на высшем уровне. Это подавалось как реакция на встречи официальных лиц европейских государств с Далай-ламой, однако очень похоже, что не менее существенным фактором было применение ЕС повышенных тарифов к импортируемым из КНР солнечным ба-

тареям. Высокая заинтересованность переживающей экономическую стагнацию Европы в стабильных торгово-экономических связях с Китаем обусловила в конечном счете решение чувствительного вопроса в пользу Пекина, что расчистило путь для проведения очередного саммита ЕС—КНР, а затем и для триумфального визита Си Цзиньпина в ряд европейских государств в марте 2014 г.

Создается также устойчивое впечатление, что Китай сознательно несколько тормозит двустороннюю торговлю с Японией, наказывая Токио за отстаивание им своей позиции по островам Сенкаку-Дяоюйдао. Так, по данным китайской таможенной статистики, в 2013 г. ее объем сократился на 5,1 % по сравнению с 2012 г., в том числе импорт КНР из Японии упал на 8,7 %. При этом внешнеторговый товарооборот Китая в целом вырос в этот период на 7,6 %, в том числе импорт увеличился на 7,3 %.

В то же время Пекин демонстрирует жесткий подход¹⁰ далеко не по всем тем азимутам своей внешней политики, где имеются трения и несовпадение позиций. Так, больший, чем в предшествующие годы, настрой на поиск компромиссных решений просматривался в отношениях Китая с Индией и с Вьетнамом. Можно сказать, что в целом внешняя политика Пекина становится более тонко нюансированной и по-настоящему дифференцированной, что, помимо прочего, говорит и о повышении класса китайской дипломатии.

Вполне закономерно, что в экспертных кругах набирающего и все более явственно ощущающего собственную силу Китая достаточно активно обсуждаются возможные параметры и качественные характеристики формирующегося внешнеполитического курса страны на среднесрочную перспективу.

Примером такого рода служит дискуссия группы политологов-международников, организованная журналом МИД КНР «Шицзе чжиши» («Знания о мире»)¹¹. Их совокупный прогноз ориентирует на повышение международной ответственности, рост влияния как «твердой», так и «мягкой силы» страны и поступательное наращивание вклада Китая в общемировые процессы. В то же время, в числе конкретных сфер международной жизни, где КНР может инициативно предложить мировому сообществу общезначимый «общественный продукт», называется только «денуклеаризация и обеспечение стабильности на Корейском полуострове», трансформация шестисторонних переговоров в механизм обеспечения безопасности в Северо-Восточной Азии¹². Примечательно, что схожий сюжет развивает и Ван Ичжоу, полагающий, что Китаю по силам «попытайтесь создать новую систему безопасности в Азии»¹³.

В целом же прогнозы китайских политологов относительно внешнеполитического курса страны в предстоящее десятилетие выглядят еще несколько размытыми, недостаточно конкретными и, пожалуй, менее

смелыми, чем можно было бы ожидать, исходя из реалий внешнеполитической деятельности нынешнего руководства КНР в первый период его нахождения у власти.

Здесь сказываются разные факторы: и вполне понятное стремление не подхлестнуть ненароком «погоню за скороспелыми успехами» — недостаток, в который Китай легко впадает, и желание не давать каких-либо дополнительных аргументов многочисленным сторонникам теории «китайской угрозы». Вместе с тем похоже, главное в другом: Китай еще находится на пути к превращению в державу с всеобъемлющими глобальными функциями, именно поэтому многие конкретные аспекты и параметры его позиционирования в мире в настоящее время еще не поддаются корректному прогнозированию. Ведущий американский специалист по внешней политике КНР Дэвид Шамбо недавно квалифицировал Китай как «частичную державу», которая уже является «глобальным игроком», но пока еще не стала подлинно «глобальной силой»¹⁴.

Представляется, что именно продвижение от статуса «частичной державы» к положению и роли полноценной глобальной державы и составит стержень внешней политики пятого поколения лидеров Китая на весь период его пребывания у власти.

Последние годы правления Ху Цзиньтао ознаменовались активной дискуссией в стране об актуальности для нее внешнеполитических заветов Дэн Сяопина конца 1980-х — начала 1990-х годов. Хотя мнения разделились, в целом складывалось впечатление, что международная деятельность Китая объективно выходит за рамки ограничительных по своей сути заветов Дэн Сяопина. При новом руководстве страны какие-либо упоминания о них полностью прекратились. Китай, в противоположность главному завету Дэна, окончательно «вышел из тени» и все более активно проявляет себя во всех регионах мира и сферах международной жизни.

(2014)

Примечания

¹ Выражение «черты преемственности и новизны» уже довольно давно широко используется китаеведами. Насколько нам известно, впервые оно было сформулировано Э.П. Пивоваровой в 1977 г. в докладе «Черты преемственности и новизны в экономической политике Хуа Гофэна».

² Хуан Жэньвэй. Шисянь «Чжунго мэн» ин цзюйбэй дэ гоци тяоцзянь : [Международные условия, необходимые для осуществления «китайской мечты»] // Чжунго шэуй кэсюэ бао. Пекин. 21.10.2013.

³ Предложение о «совместном строительстве экономического пояса Шелкового пути» было высказано Си Цзиньпином 7 сентября 2013 г. в выступлении в

Университете Назарбаева в Астане. См.: Beijing Review. 24.10.2013. Раздел «Documents».

⁴ *Хуан Жэньвэй, Лю Хунсун.* Чжунго хэпин фачжань даолу нэнфоу чэнгун дэ сань да бяочжунь : [Три крупных показателя успешности или нет мирного пути развития Китая] // Чжунго вайцзяо. 2013. № 1. С. 3—7. Здесь — с. 7,6.

⁵ Как следует из лекции о мирном пути развития Китая, с которой бывший проректор Центральной партийной школы профессор Ли Цзюньжу выступил перед делегацией российских специалистов по БРИКС 23 сентября 2013 г. в Пекине, оба термина — и «мирное возвышение», и «китайская мечта» — были впервые сформулированы одной и той же группой исследователей под руководством Чжэн Бицзяня, в состав которой входили также Хуан Жэньвэй и сам Ли Цзюньжу.

⁶ См.: *Yang Jiechi.* Innovations in diplomatic theory, practice // China Daily. Beijing. August 17, 2013.

⁷ Wang Yizhou. Opportunities and Challenges for China's New Leaders in Building Mutual Trust with the World — Global Asia. Seoul. Vol. 8. No 3, fall 2013. URL: <http://www.globalasia.org/issue/ArticleDetail/457/Opportunities-and-Challenges-for-China's-New-Leaders-in-Building-Matual-Trast-with-the-World-.html>

⁸ *Yang Jiechi.* Op. cit.

⁹ *Wang Yizhou.* Op. cit.

¹⁰ В Китае появились публикации, где выражается несогласие с распространенным в мире тезисом об «ужесточении» внешней политики Пекина в последние годы. См., например: *Ван Фань, Лиин Шэнли.* Чжунго дэ вайцзяо чжэнцэ бянь цянин лэ ма? — Жухэ лицзе Чжунго синь вайцзяо : [Стала ли внешняя политика Китая более жесткой? — Как понимать новую дипломатию Китая] // Дандай шицзе. 2013. № 3. С. 23—27.

¹¹ Чжунго вайцзяо дэ «гэсин» : [«Отличительные особенности» дипломатии Китая] // Шицзе чжиши. 2013. № 12. С. 14—24.

¹² Там же. С. 23.

¹³ *Wang Yizhou.* Op. cit.

¹⁴ Shambaugh, David. China Goes Global: The Partial Power. Oxford University Press, 2013.

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Неуклонное снижение годовых темпов прироста валового внутреннего продукта (ВВП) в Китае в последние годы (10,4 % в 2010 г., 9,3 % в 2011 г., 7,7 % в 2012 г. и 7,7 % в 2013 г.¹) существенно актуализирует необходимость определенной корректировки сложившейся в стране модели экономического роста.

Рассматриваемая в политико-экономическом плане, «модель экономического роста» представляет собой комплексное понятие, включающее динамику, композицию основных факторов и тип (экстенсивный или интенсивный) роста народного хозяйства, его структурное наполнение (по подразделениям общественного воспроизводства и по отраслям) и качество роста, отражающееся в ресурсоемкости и экологичности создания и в социальных параметрах использования ВВП.

Модель экономического роста той или иной страны выступает одной из важнейших характеристик модели ее экономического развития. В то же время, первое, будучи существенно уже по содержанию и проще по структуре, не подменяет и не заменяет собой второе. «Модель экономического роста» и «модель экономического развития»² — это не синонимы, а скорее часть и целое, как правило, выступающие самостоятельными объектами исследования³.

I

Проблема корректировки сложившейся модели экономического роста для Китая не нова. В экономической истории Китайской Народной Республики известен целый ряд попыток организовать «большой» или «малый» скачок в темпах роста. Их негативные последствия не однажды

приходилось преодолевать с помощью специальной политики «урегулирования» нарушенных народнохозяйственных диспропорций, прежде всего, между накоплением и потреблением, между подразделениями общественного воспроизводства (раньше чаще говорили о пропорциях между сельским хозяйством, легкой и тяжелой промышленностью). В то же время, в 1950-е — 1980-е годы главным лимитирующим фактором роста выступали инвестиции, тогда как богатые трудовые ресурсы страны казались неисчерпаемыми. А возможный ущерб окружающей среде как побочный результат экономического роста до поры до времени просто не принимался во внимание.

Впервые о необходимости трансформации модели экономического роста и переходе от опоры на экстенсивные факторы к опоре главным образом на интенсивные факторы роста китайское руководство заговорило на рубеже 1980-х — 1990-х годов. В немалой степени это было обусловлено неблагоприятной внешней средой для развития КНР после тяньань-мэньских событий лета 1989 г. Резкий спад притока иностранных инвестиций в страну вкупе с кратковременным доминированием консервативных антирыночных настроений в правящих кругах имел результатом падение темпов прироста ВВП до минимальных значений за весь период реформ: 4,1 % в 1989 г. и 3,8 % в 1990 г.⁴ Появление в такой ситуации идеи большего акцента на эффективное и интенсивное использование внутренних факторов роста казалось достаточно естественным и было призвано оправдать выдвижение на пятилетие 1991—1995 гг. весьма скромного для Китая ориентира среднегодового прироста ВВП в 6 %. Однако после запуска в стране более радикальных реформ рыночного типа, на чем настоял Дэн Сяопин в начале 1992 г., экономика Китая получила дополнительную внешнюю и внутреннюю ресурсную подпитку, что на ряд лет отложило идею корректировки традиционной модели роста.

Вновь вернуться к ней заставил азиатский финансовый кризис и стартовавшая непосредственно за ним — с 1999 г. — самая тяжелая фаза реформы государственных предприятий с высвобождением крупных контингентов рабочих и служащих. В конце 1990-х — начале 2000 гг., т. е. в период премьерства Чжу Жунцзи, темпы экономического роста в КНР заметно снизились по сравнению с предшествующим периодом (табл. 1).

Таблица 1. Прирост ВВП КНР в 1999—2002 гг.

Год	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Прирост	14,2	14,0	13,1	10,9	10,0	9,3	7,8	7,6	8,4	8,3	9,1

Источник: Краткая статистика КНР 2013 : [Чжунго тунцзи чжайяо 2013]. Пекин, 2013. С. 25.

Однако желание сохранить в непростых внутренних и внешних условиях приемлемые темпы развития, найти пути смягчения обострившейся социальной напряженности побудило буквально «скрести по сусекам», то есть использовать по максимуму весь имевшийся внутренний потенциал роста. Итогом этих усилий стало улучшение пропорции между накоплением и потреблением, нашедшее объективное отражение в обобщенных статистических данных (табл. 2).

Таблица 2. Структура использования валового внутреннего продукта в Китае в 1992—2002 гг., %

Наименование	Конечное потребление	Формирование капитала	Чистый экспорт товаров и услуг
1992	62,4	36,6	1,0
1993	59,3	42,6	-1,9
1994	58,2	40,5	1,3
1995	58,1	40,3	1,6
1996	59,2	38,8	2,0
1997	59,0	36,7	4,3
1998	59,6	36,2	4,2
1999	61,1	36,2	2,7
2000	62,3	35,3	2,4
2001	61,4	36,5	2,1
2002	59,6	37,8	2,6

Источник: Краткая статистика Китая 2013 : [Чжунго тунцзи чайяю 2013]. Пекин, 2013. С. 35.

Прежде всего обращает на себя внимание повышение доли конечного потребления в ВВП до уровня выше 60 % в 1999—2001 гг. — на 2—3 процентных пункта выше, чем в период ускоренного реформаторства 1993—1996 гг. Во-вторых, до более приемлемых значений снизилась норма накопления (минимум в 35,3 % был достигнут в 2000 г.). Ни по потреблению, ни по накоплению оптимальный для КНР уровень достигнут не был, но важен уже сам по себе позитивный сдвиг в соотношении между ними в пользу потребления, говорящий и о реальных подвижках в модели экономического роста в этот период.

Эта позитивная тенденция, однако, не получила продолжения во время пребывания у власти четвертого поколения лидеров КНР, то есть Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао. Напротив, период 2003—2012 гг. в целом характеризуется повышением и сохранением на аномально высоком уровне

нормы накопления и, напротив, поддержанием на заниженном уровне показателя конечного потребления в ВВП Китая. За высокие темпы роста в эти годы стране пришлось заплатить серьезными диспропорциями в экономике (табл. 3).

Таблица 3. Годовые темпы прироста и структура использования ВВП КНР в 2003—2012 гг.

Наименование	ВВП	Конечное потребление	Формирование капитала	Чистый экспорт товаров и услуг
	прирост, %	доля, %	доля, %	доля, %
2003	10,0	56,9	41,0	2,1
2004	10,1	54,4	43,0	2,6
2005	11,3	53,0	41,5	5,5
2006	12,7	50,8	41,7	7,5
2007	14,2	49,6	41,6	8,8
2008	9,6	48,6	43,7	7,7
2009	9,2	48,5	47,2	4,3
2010	10,4	48,2	48,1	3,7
2011	9,3	49,1	48,3	2,6
2012	7,8	49,1	48,1	2,7

Источник: Краткая статистика Китая 2013 : [Чжунго тунцзи чжайяо 2013]. Пекин, 2013. С. 25, 35.

После прихода к власти Си Цзиньпина экономическая политика предшественников стала подвергаться в Китае определенной критике за одностороннюю погоню за темпами роста в ущерб комплексному развитию и за фактический отказ от проведения назревших реформ. Не вдаваясь в детальный анализ данного сюжета, отмечу, что итоги экономической политики Ху Цзиньтао — Вэнь Цзябао и в самом деле оказались весьма противоречивыми. Неоднократные декларации о неотложности трансформации модели экономического роста в стране и достаточно качественная концептуальная разработка ориентиров и методов ее осуществления (например, в Программе экономического и социального развития КНР на XII пятилетку 2011—2015 гг., в Программе развития науки и техники на 2006—2020 гг.) не были адекватно реализованы на практике.

Здесь, на мой взгляд, сыграл свою роль целый ряд причин. Вступление КНР во Всемирную торговую организацию дало серьезный дополнительный рынок сбыта продукции многих отраслей китайской промыш-

ленности с избыточными производственными мощностями. Настоящая товарная экспансия Китая на мировой рынок, нашедшая косвенное отражение в аномально высокой доле в ВВП чистого экспорта (7,5 % в 2006 г., 8,8 % в 2007 г. и 7,7 % в 2008 г.), не только принесла стране позицию одного из лидеров глобальной торговли, но и обусловила сохранение чрезмерного крена общей комбинации факторов экономического роста в пользу экспорта.

На погоню за высокими темпами роста объективно работала сама по себе стратегия долгосрочного экономического развития страны, принятая в начале 2000-х годов. Речь в первую очередь идет о задаче построения к 2020 г. среднезажиточного общества и ее цифровом «оформлении» — увеличении ВВП страны за 20 лет в четыре раза. Свою лепту внесли начатые в эти годы программы «большого освоения» западных территорий и возрождения промышленной базы на северо-востоке Китая. Сегодня уже можно задним числом констатировать, что в 2000-е годы Чжуннаньхай не справился с аппетитами региональных элит, стал скорее потакать им, нежели жестко противодействовать или хотя бы сдерживать.

Сказалась и возросшая зависимость глубоко втянувшегося в глобализацию Китая от ситуации в мировой экономике. По свидетельству китайских аналитиков, к серьезному реформатированию первоначально задумывавшейся экономической политики Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао пришлось прибегнуть уже в первый год их лидерства⁵. И дело не только в эпидемии атипичной пневмонии, повлекшей серьезные незапланированные расходы, но и в резком ухудшении для КНР мировой экономической конъюнктуры, в первую очередь из-за существенного роста цен на нефть после вторжения США в Ирак. Вместо планировавшегося активного проведения реформ главной для Китая стала тогда задача сохранения темпов роста и устойчивости народного хозяйства.

Крупный пакет мер стимулирования экономического роста с целью противодействия мировому экономическому кризису в 2008—2009 гг., позволивший сохранить достаточно высокие темпы прироста ВВП (соответственно, 9,6 и 9,2 %) имел и серьезные негативные последствия: норма накопления в КНР подпрыгнула на новый, еще более высокий уровень — с 41,6 % в среднем за 2005—2007 гг. до 43,7 % в 2008 г., 47,7 % в 2009 г. и более 48 % в 2010—2012 гг. То есть крен в факторах роста в сторону инвестиций не только не ослаб, но, напротив, еще более усугубился.

Однако, похоже, задачи сохранения желаемых темпов экономического роста даже столь внушительная инвестиционная накачка уже не решает. После выхода в течение шести из десяти лет правления Ху Цзиньтао — Вэнь Цзябао на двузначные цифры прироста ВВП Китай сталкивается ныне с достаточно существенным снижением этого показателя:

прирост ВВП в 2012 г. составил 7,8 % (позднее прирост пересмотрен и снижен до 7,7 %), в 2013 г. — 7,7 %.

При этом, по оценке Международного валютного фонда, сделанной в июле 2013 г., без корректировки действующей модели экономического роста с ее чрезмерной опорой на экспорт и инвестиции в инфраструктуру темпы прироста ВВП в Китае уже после 2018 г. могут упасть до 4 %⁶, что негативно сказалось бы как на реализации долгосрочных целей развития, так и на социальной стабильности в стране.

Именно поиском путей сохранения приемлемых темпов прироста ВВП и объясняется в первую очередь нынешний разворот в Китае к практической модификации сложившейся модели экономического роста.

II

Современное видение китайским руководством задачи смены модели экономического роста довольно полно отражено в ряде официальных документов, прогнозах ученых и выступлениях лидеров страны последних лет. XII пятилетняя программа экономического и социального развития КНР, принятая 14 марта 2011 г., охарактеризовала пятилетие 2011—2015 гг. как «ключевой период ускорения трансформации способа развития экономики». Ведущую роль в деле корректировки модели роста программа отвела «стратегическому урегулированию» структуры производства, в рамках которого были особо подчеркнуты задачи «формирования механизма расширения внутреннего спроса, ускорения развития новых стратегических отраслей и сферы услуг». «Важная поддерживающая функция» закреплялась за научно-техническим прогрессом и инновациями, а «обеспечение и улучшение жизни народа» по традиции было объявлено «исходным и конечным пунктом» смены способа развития экономики. Был намечен и ряд конкретных задач совершенствования структуры экономики, повышения ее социальной отдачи и снижения ресурсоемкости. В их числе — увеличение за пять лет доли добавленной стоимости в сфере услуг в ВВП страны на 4 процентных пункта, показателя урбанизации — также на 4 процентных пункта, снижение удельных затрат воды на выработку единицы добавленной стоимости в промышленности на 30 % и энергозатрат на производство единицы ВВП — на 16 %, обеспечение прироста среднедушевых располагаемых доходов горожан и чистых среднедушевых доходов жителей деревни не менее 7 % в год, и т. п.⁷

В концептуальном плане проблемы перехода к новой модели экономического роста были наиболее фундаментально проработаны в обстоятельном докладе «Китай 2030. Построение современного гармоничного и креативного общества высоких доходов». Он был подготовлен совместно Всемирным банком и Центром исследования проблем развития Госсовета КНР и впервые представлен на специальной конференции в Пекине в

ноябре 2011 г.⁸ В работе сформулированы шесть основных задач, которые должен решить Китай для продолжения успешного роста. Это структурные реформы с целью усиления рыночных основ экономики, формирование открытой инновационной системы, ускорение «зеленой экономики», развитие системы социального обеспечения с гарантиями для всех слоев населения, укрепление финансовой системы, дальнейшее углубление взаимодействия с мировой экономикой.

На каждом из этих направлений имеется немало серьезных препятствий. Так, ущерб от деградации окружающей среды в КНР оценивается в докладе в 9 % ВВП. Расходы страны на образование в 2008 г. составили 3,7 % ВВП по сравнению с 5,4 % в странах-членах ОЭСР, а на социальную защиту — всего 4,7 % против 15,2 %. Этот ряд легко продолжить.

Комплексные последовательные усилия должны будут, по мнению авторов доклада, привести к снижению доли накопления и росту доли потребления в ВВП до существенно более рациональных по сравнению с нынешним уровнем значений (табл. 4).

Таблица 4. Прогноз динамики показателей накопления и потребления в ВВП Китая

Период	1995— 2010	2011— 2015	2016— 2020	2021— 2025	2025— 2030
Доля формирования капитала в ВВП на конец периода, процентов	46,4	42	38	36	34
Доля потребления в ВВП на конец периода, процентов	48,6	56	60	69	66

Источник: China 2030: Building a Modern, Harmonious and Creative High Income Society — The World Bank; Development Research Center of the State Council, the People's Republic of China. Washington. 2012. P. 89.

В любом случае, однако, прогноз лишней раз подчеркнул долговременность и непростой характер процесса трансформации модели экономического роста в Китае.

Пятое поколение лидеров КПК и КНР, занявшее руководящие посты по итогам XVIII съезда правящей Коммунистической партии Китая (ноябрь 2012 г.) и первой сессии Всекитайского собрания народных представителей двенадцатого созыва (март 2014 г.), в целом солидаризировалось с унаследованной от предшественников задачей трансформации модели экономического роста в стране, но стало искать и предлагать свои собственные подходы к путям ее решения.

Весьма показательным в этом отношении стало выступление премьер-министра Госсовета КНР Ли Кэцяна перед делегатами XVI Всекитайского съезда профсоюзов 21 октября 2013 г. Поскольку в нем были даны некоторые

новые или нестандартные трактовки ряда актуальных проблем экономического развития Китая, то в зарубежных СМИ после этого закрепился термин «ликономика», т. е. «экономическая политика по Ли Кэцяну», впервые употребленный экономистами инвестбанка «Barclays Capital» в июне 2013 г.

Особого внимания заслуживает трактовка премьером проблемы темпов экономического роста в Китае. Он ввел понятия верхнего и нижнего пределов колебания темпов годового прироста ВВП в стране (буквально — «потолка и пола»). В качестве минимально возможного показателя назван прирост в 7—7,5 %. Только при таком приросте Китай, как утверждал Ли Кэцянь, способен ежегодно трудоустраивать не менее 10 млн новых работников — а такая необходимость сохранится в обозримой перспективе хотя бы по причине динамичного роста уровня урбанизации.

Потолок годового прироста ВВП в Китае определяется в первую очередь задачей не превысить уровня роста потребительских цен в 3,5 %, с тем чтобы минимизировать воздействие роста цен на жизнь населения, особенно беднейших слоев (около 50 млн человек на селе и 20 млн человек в городе, живущих на пособия). Практически этот потолок также близок к показателю в 7,5 %. По мнению Ли Кэцяня, если для Китая такие среднегодовые темпы прироста ВВП считаются средними (в сравнении с показателями двузначного роста, т. е. более 10 %, достигнутыми ранее), то на общемировом фоне они остаются высокими. Как бы то ни было, благодаря некоторому снижению темпов роста, которых, впрочем, вполне достаточно для достижения к 2020 г. уровня «первичной зажиточности», Китай получает возможность сосредоточиться на урегулировании структуры экономики, освобождении от избыточных мощностей, прежде всего в некоторых отраслях тяжелой промышленности, развитии энергосбережения и улучшении охраны окружающей среды, на повышении качества роста в целом⁹.

В китайских СМИ с середины 2013 г. активно заговорили о «прощании страны с эпохой восьмипроцентного роста»¹⁰, о необходимости поддержания «рационального роста», «баланса темпов и качества» и избегания темпов, «от которых потом болят кости»¹¹.

В долговременной перспективе разностороннее содействие трансформации модели экономического роста должен оказать комплекс мероприятий по углублению в Китае преобразований рыночного типа, сформулированный в принятом 3-м Пленумом ЦК КПК 18-го созыва 12 ноября 2013 г. «Решении ЦК КПК о некоторых важных вопросах всестороннего углубления реформы». В частности, непосредственное влияние на модификацию модели роста будут оказывать поощряемые «Решением» активизация инвестиционной деятельности предприятий негосударственных форм собственности, реформа системы первичного

распределения и совершенствование системы перераспределения доходов, призванных сократить межрегиональные и межотраслевые разрывы в уровне доходов. В конечном итоге, как констатируется в «Решении» (пункт 44), в Китае должна сформироваться архитектура доходов типа «регбийного мяча» — то есть с небольшой долей лиц с очень высокими и очень низкими доходами при доминировании граждан со средними для общества доходами. Важную роль как в реализации принципа социальной справедливости, так и в стимулировании потребления (через сокращение доли средств, направляемой в сбережения) призвано сыграть создание устойчивой диверсифицированной системы социального обеспечения¹².

В целом, похоже, современное китайское руководство представляет трансформацию модели экономического роста как сугубо постепенный, долговременный процесс, призванный мало-помалу выправить перекосы и по максимуму сохранить сильные сравнительные преимущества сложившейся модели и характерные для нее высокие по общемировым меркам темпы роста. Показательно, что в отличие от зарубежных экспертов, как правило, говорящих о переходе Китая от инвестиционной или экспортно-ориентированной модели роста к опоре на внутренний потребительский спрос как главный фактор роста, в самой КНР акценты часто расставляются несколько иначе, не столь прямолинейно и однозначно. Так, ведущий политический еженедельник Китая журнал «Ляован» уподобил народное хозяйство страны трехколесному автомобилю, где каждое «колесо» — потребление, инновации и сбыт на мировом рынке — играет незаменимую роль. Базовая роль принадлежит потреблению, и в дальнейшем она будет усиливаться. Однако на нынешнем этапе индустриализации и урбанизации инвестициям принадлежит ключевая роль в обеспечении экономического роста. А спрос со стороны внешнего рынка помогает стабилизировать занятость и «переварить» избыточные производственные мощности. Так что экспорт выступает важной «подпоркой», от которой нельзя бездумно отказаться¹³. Словно иллюстрируя последнюю мысль, премьер Ли Кэцян в вышеупомянутом выступлении на съезде профсоюзов отметил, что в экспортном секторе страны непосредственно занято 30 млн человек, а вместе со смежными производствами — до 100 млн человек. А в докладе о работе правительства на 2-й сессии ВСНП 12-го созыва он почти дословно повторил формулировку «Ляована» о базовой роли потребления и ключевой роли инвестиций¹⁴.

III

Вполне естественно, что основные концептуальные представления о трансформации модели экономического роста заметно конкретизируются в разработках китайского научного сообщества и в той или иной мере

корректируются в практике реального текущего функционирования народного хозяйства.

Одним из центральных неизменно является вопрос о **темпах** прироста ВВП страны в ближайшее время, в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

По мнению ученых, Китаю предстоит всесторонне адаптироваться к переходу от высоких темпов роста к их постепенному снижению. Как полагает один из ведущих экономистов КНР Лю Шучэн, этот процесс последовательно пройдет несколько этапов. В настоящее время КНР от «высоких темпов прироста» переходит к «средне-высоким», а далее пройдет через этапы «средних», «средне-низких» и «низких» темпов. По его мнению, «рациональным» в ближайшие годы был бы годовой прирост ВВП в диапазоне от 7,5 % до 9 %¹⁵.

Если ранее основная задача макроэкономической политики состояла во всемерном сдерживании темпов роста экономики в верхних границах, то ныне, напротив, она заключается в предотвращении снижения прироста ниже условной нижней границы. Как показала экономическая ситуация первой половины 2013 г., такая угроза вполне реальна, давление факторов, действующих в пользу снижения темпов роста, весьма значительно. Поскольку замедление прироста ВВП породило такое негативное следствие как неудовлетворительное поступление финансовых доходов в центральный бюджет, и, кроме того, дало повод для широкой циркуляции в мире слухов о «жесткой посадке» и даже «крахе» китайской экономики, то китайскому руководству пришлось предпринять меры по «стабилизации роста, урегулированию структуры и содействию реформам». В их числе называются ускорение железнодорожного строительства, ликвидация части городских трущоб, стимулирование экономии энергии и защиты окружающей среды, потребления информационных продуктов и услуг, а также политика развития городской инфраструктуры и сети услуг для пожилых людей. Уже в июле—августе 2013 г. положение стало выправляться, и прирост ВВП с 7,5 % во втором квартале увеличился до 7,8 % в третьем квартале¹⁶.

По мнению Лю Шучэна, главный резерв поддержания страны желаемых темпов роста состоит в полном использовании потенциала развития, вытекающего из «двух разрывов», ныне существующих в Китае. Первый из них — это разрыв в уровне среднедушевых доходов между регионами страны. Его постепенное преодоление предоставляет значительное пространство для будущего роста экономики.

Второй разрыв — между городом и деревней. Фактически показатель урбанизации в КНР в 2012 г. достиг 52,5 %, но городскую прописку имеют лишь 35 % жителей страны. Как полагает ученый, общее повышение уровня урбанизации и, особенно, ее качества — то есть «лечение» много-

численных «городских болезней», решение жилищных и социальных проблем сельских мигрантов и т. п. — будет способствовать одновременно трансформации модели и поддержанию требуемых темпов роста, увеличению и потребления, и инвестиций¹⁷.

Что касается прогноза темпов прироста экономики страны в среднесрочной перспективе, то различные группы китайских ученых дают в настоящее время близкие оценки. Так, ученые-экономисты Академии общественных наук Китая в последней по времени «Синей книге по экономике» за 2014 г. оценивают среднегодовой прирост ВВП в пятилетке 2011—2015 гг. в диапазоне 7,8—8,7 %, в 2016—2020 гг. в 5,7—6,6 % и в 2021—2030 гг. — в 5,4—6,3 %¹⁸. А в прогнозе экономического роста в Китае на период 2014—2023 гг., подготовленном учеными Центра исследования проблем развития при Госсовете КНР во главе с Лю Шицинем, предсказывается постепенное снижение темпов прироста ВВП страны с 7,5 % в 2014 г. до 6,9 % в 2016 г., 6,3 % в 2020 г., 5,8 % в 2021 г. и до 5,5 % в 2023 г.¹⁹

В деле трансформации модели экономического роста в Китае одно из ведущих мест отводится внутреннему **спросу**. На 2-й сессии ВСНП 14-го созыва Ли Кэцян призвал к полному выявлению огромного потребительского потенциала населения страны и назвал ряд мер, призванных этому способствовать. Среди них повышение доходов населения, наращивание информационного потребления и потребления в сфере услуг, в том числе в сфере здравоохранения, туризма, культуры и т. п. Журнал «Ляован» прогнозирует, что в будущем Китай превратится в крупнейший потребительский рынок мира: в 2015 г. объем розничного товарооборота в стране может достичь 30 трлн юаней (в 2013 г. 23,78 трлн²⁰), в 2020 г. — от 50 до 60 трлн юаней. Сюда надо добавить 4 трлн долл. экспорта (в 2013 г. 2,21 трлн долл.) плюс объем обращения на рынке материальных ценностей, втрое превышающий ВВП...²¹ Вероятно, эти цифры нуждаются в уточнении, но факт остается фактом: близкие к правительству эксперты в Китае предрекают неуклонный поступательный рост доли потребления в ВВП. К примеру, по прогнозу Центра исследования проблем развития при Госсовете КНР на 2014—2023 гг., опубликованному в апреле 2014 г., доля потребления в расходах ВВП должна с 49,6 % в 2014 г. увеличиться до 52,6 % в 2017 г., 58,2 % в 2021 г. и 61,2 % в 2023 г.²²

В то же время тезис о ведущей и возрастающей роли внутреннего спроса и потребления в экономической динамике грядущих лет не пользуется всеобщей поддержкой. Крайней здесь является та точка зрения, что сама идея переноса акцента в факторах экономического роста на спрос придумана на Западе с целью затормозить развитие китайской экономики²³. Однако высказываются и более аргументированные оговорки и возражения. Так, эксперт Государственного информационного

центра Нью Ли отмечает: базовая роль потребления связана с тем, что оно представляет собой конечный спрос и в короткий срок не может ни вырасти, ни упасть значительно. Поэтому потребление делает экономический рост стабильным, устойчивым. Инвестиции же являются промежуточным спросом, и без них крайне трудно было бы подготовить и запустить в действие многие «точки роста» в экономике²⁴.

Во много неясным является вопрос о реальном платежеспособном спросе населения, о том, насколько велик его потенциал. Солидный объем банковских вкладов жителей Китая (в 2012 г. 39,95 трлн юаней при ВВП 51,93 трлн юаней), структура расходов жителей города и села, их пока еще относительно невысокая обеспеченность такими предметами длительного пользования, как автомобили (в городе 21,5 машин на 100 семей, по селу данных нет) могут привести к выводу о наличии значительных резервов роста потребления в стране²⁵. Однако вряд ли это и на самом деле так: ведь как показывают исследования распределения доходов в КНР, половина семей не имеет каких-либо сбережений в банках и тратит деньги лишь на самое необходимое²⁶.

Более того, ряд ученых ставит под сомнение саму достоверность статистических данных о доходах и потреблении. По оценке Ван Сяолу из Национального института экономических исследований, в 2008 г. совокупный располагаемый доход населения Китая, направленный на потребление (включая строительство жилья за счет собственных средств) и сбережения, составил 22,1—22,6 трлн юаней, тогда как статистические данные, базирующиеся на выборочных обследованиях подворного (семейного) дохода, дают величину лишь в 13 трлн юаней²⁷. Скорее всего, разница отчасти объясняется крупными размерами «серых доходов» в Китае, которые, как показал тот же Ван Сяолу в другой своей работе, сконцентрированы главным образом в группах населения с высокими официальными доходами. Так, в 2008 г. на 10 % горожан с наивысшими официальными доходами пришлось 62,5 % всех «серых доходов», а на 20 % горожан с наиболее низкими доходами — лишь 0,4 % общей массы «серых доходов»²⁸. Главный вывод из всего этого, наверное, состоит в том, что «резервное пространство» наращивания потребительского спроса в Китае не столь велико, как принято считать и как кажется на первый взгляд.

Повышение доли потребления и адекватное снижение **нормы накопления** в распределяемом валовом внутреннем продукте является стержнем всего процесса трансформации модели экономического роста. Вполне естественно, что Центр исследования проблем развития Госсовета КНР прогнозирует снижение нормы накопления с 47,6 % в 2013 г. до 44,6 % в 2017 г., 40,7 в 2020 г., 39,0 в 2021 г. и 36,0 % в 2023 г.²⁹

В то же время, в Китае прекрасно осознают огромную инерционность инвестиционного процесса, «усугубляемую» весьма жестким про-

тивоедействием региональных элит любым попыткам умерить их инвестиционные аппетиты. Поэтому достаточно типичными представляются заявления о необходимости изменять пропорцию между инвестициями и потреблением сугубо постепенно, в ходе будущего развития и реформ, делая упор на повышении эффективности инвестиций³⁰.

Директор института экономики и финансов Финансового университета Шанхая Чжао Сяолэй полагает, что с теоретической точки зрения потребление не может определять экономический рост. Самым главным источником и мотором роста экономики является накопление капитала и инвестиции. Другие факторы производства — и повышение производительности труда, и научно-технический прогресс — реализуются через вложение капитала. Основная проблема, по мнению Чжао Сяолэя, заключается не в будто бы существующей несбалансированности норм накопления и потребления, а в отсутствии баланса прав и ответственности в инвестиционной политике и инвестиционных действиях местных правительств. Они не регулируются рыночными механизмами, что часто ведет к неэффективности капиталовложений. К тому же финансовая ответственность за результаты инвестиций сплошь и рядом отсутствует. Именно эту практику и следует реформировать³¹.

На наш взгляд, достаточно противоречивая ситуация с капиталовложениями в Китае может сохраняться еще какое-то время. Меры по стимулированию притока «народного» капитала (т. е. средств населения и предпринимателей) в ранее закрытые для него отрасли действуют в пользу дальнейшего наращивания объема совокупных общественных инвестиций. Вместе с тем массовый выход местных правительств на опасный уровень задолженности³², ставший на данный момент одной из самых острых текущих проблем в экономике КНР, побуждает китайское руководство прибегнуть к «драконовским мерам» по упорядочению инвестиционной сферы.

Крупномасштабный экспорт товаров остается важной составной частью нормального функционирования экономики КНР. Кроме того, он играет незаменимую роль в укреплении позиций Китая в мировой экономике, а фактически и в мировой политике.

В последние годы стали чаще встречаться суждения о не столь значительной, как следует из соотношения объемов внешней торговли и валового внутреннего продукта, роли экспорта в обеспечении экономического роста в Китае. Они отчасти связаны с призывами и пожеланиями перенести здесь центр тяжести с инвестиций и экспорта на внутреннее потребление. Многих водит в заблуждение и сравнительно небольшой вес чистого экспорта в ВВП страны.

Полагаю, прояснить картину может показатель доли экспорта в суммарном объеме производимой в стране продукции. Условно ее можно

принять равной юаневой сумме общественного розничного товарооборота, инвестиций в основные фонды и экспорта товаров за границу (табл. 5).

Хорошо видно, что в 1980-е годы, в начальный период запуска политики внешнеэкономической открытости, доля экспорта была небольшой — в диапазоне 9—13 % с постепенным повышением. «Первую скрипку» играла розничная торговля (50—60 %), а на инвестиции приходилось примерно 30 %. В 1990-е годы доля экспорта в массиве произведенной в Китае продукции выходит на уровень 20 %, доля розничной торговли снижается до 45 %, а доля инвестиций повышается до 35 %. Именно это соотношение — 20:45:35 — многие китайские ученые-экономисты называли близким к оптимальному.

Таблица 5. Соотношение объемов и долей розничной торговли, инвестиций и экспорта в экономике Китая, млрд юаней/процентов

Год	Розничная торговля	Инвестиции и основные фонды	Экспорт	Сумма	Доля		
					розничная торговля	инвестиции и основные фонды	экспорт
1981	235,0	96,1	36,8	367,9	63,9	26,1	10,0
1982	257,0	123,0	41,4	421,4	61,0	29,2	9,8
1983	284,9	143,0	43,8	471,7	60,4	30,3	9,3
1984	337,6	183,3	58,0	578,9	58,3	31,7	10,0
1985	430,5	254,3	80,9	765,7	56,2	33,2	10,6
1986	495,0	312,0	108,2	915,2	54,1	34,0	11,9
1987	582,0	379,2	147,0	1108,2	52,5	34,2	13,3
1988	744,0	475,4	176,7	1396,1	53,3	34,1	12,6
1989	810,0	441,0	195,6	1446,6	56,0	30,5	13,5
1990	830,0	451,7	298,6	1580,3	52,5	28,6	18,9
1991	941,5	559,4	382,7	1883,6	50,0	29,7	20,3
1992	1099,4	808,0	467,6	2375,0	46,3	34,0	19,7
1993	1427,0	1307,2	528,5	3262,7	43,7	40,1	16,2
1994	1862,3	1704,2	1042,2	4608,7	40,4	37,0	22,6
1995	2361,4	2001,9	1245,2	5608,5	42,1	35,7	22,2
1996	2836,0	2291,3	1257,6	6384,9	44,4	35,7	19,7

Окончание табл. 5

Год	Розничная торговля	Инвестиции и основные фонды	Экспорт	Сумма	Доля		
					розничная торговля	инвестиции и основные фонды	экспорт
1997	3125,3	2494,1	1516,0	7135,4	43,8	35,0	21,2
1998	3337,8	2840,6	1522,3	7700,7	43,3	36,9	19,8
1999	3564,8	2985,5	1616,0	8166,3	43,6	36,6	19,8
2000	3910,6	3291,8	2063,4	9265,8	42,2	35,5	22,3
2001	4305,5	3721,4	2202,4	10 229,3	42,1	36,4	21,5
2002	4813,6	4350,0	2694,8	11 858,4	40,6	36,7	22,7
2003	5251,6	5556,7	3628,8	14 437,1	36,4	38,5	25,1
2004	5950,1	7047,7	4910,3	17 908,1	33,2	39,4	27,4
2005	6835,3	8877,4	6264,8	21 977,5	31,1	40,4	28,5
2006	7914,5	10 999,8	7759,8	26 674,1	29,7	41,4	29,1
2007	9357,2	13 732,4	9368,7	32 452,3	28,8	42,3	28,9
2008	11 483,0	17 282,8	10 039,5	38 805,3	29,6	44,5	25,9
2009	13 267,8	22 459,9	82-3,0	43 930,7	30,2	51,1	18,7
2010	15 699,8	25 168,4	10 702,3	51 570,5	30,4	48,8	20,8
2011	18 391,8	30 239,6	12 324,1	60 955,5	30,2	49,6	20,2
2012	21 030,7	37 467,5	12 935,9	71 434,1	29,4	52,5	18,1
2013	23 781,0	44 707,4	13 719,4	82 207,8	28,9	54,4	16,7

Источник: Составлено и рассчитано по: Краткая статистика Китая 2013 : [Чжунго тунцзи чжайяо 2013]. Пекин, 2013. С. 49, 154; Жэньминь жибао. 25.02.2014; Хайгуань тунцзи. 2013. № 12. С. 3.

Плюсы членства во Всемирной торговой организации дали Китаю возможность пережить своего рода «золотой век» наращивания экспорта: в период 2003—2008 гг. его доля в экономике варьировала в диапазоне 25—29 %. При этом доля инвестиций возросла до уровня 40 % и более, а доля розничной торговли постепенно опустилась до 30 %. Огромная инвестиционная накачка экономики Китая с конца 2008 г. подбросила долю инвестиций в анализируемой триаде до уровня 50 % и более, опус-

тив долю экспорта до 20 %. Предполагаю, что в интересах Китая удерживать ее на этом уровне.

Совершенно очевидно, что страна, ставшая в 2013 г. экспортером номер один в мире (2,2 трлн долл.), не собирается сокращать экспорт. Более того, учреждение в Шанхае зоны свободной торговли призвано обеспечить экспериментальную и законодательную отработку углубления взаимодействия КНР с мировым рынком.

Тем не менее, дальнейшее наращивание Китаем экспорта обещает не быть столь же динамичным, что и в «нулевые» годы. Будет отрицательно сказываться как общее замедление темпов роста мировой торговли, так и растущее стремление многих стран активнее противодействовать экспортной экспансии Пекина. Поэтому прогноз Центра исследования проблем развития при Госсовете КНР о примерно 10-процентном среднегодовом приросте объема экспорта страны в следующие десять лет излишне оптимистичен³³.

В корректировке структуры общественного производства одной из наиболее сложных и в то же время неотложных проблем является сокращение избыточных производственных мощностей. 15 октября 2013 г. Госсовет КНР обнародовал «Руководящие принципы решения проблемы серьезного избытка производственных мощностей», где были выделены отрасли, ситуация в которых наиболее критична. На конец 2012 г. коэффициент использования имеющихся мощностей в производстве цемента составлял лишь 72 %, в выплавке электролитического алюминия 73,7 %, производстве оконного стекла 71,9 %, судов — 75 %, выплавке стали — 73,1 %. Классическим примером может служить ситуация со сталью, мощности по выплавке которой с 300 млн т в 2003 г. выросли до почти миллиарда тонн в 2012 г. Поставлена задача сократить эти мощности на 80 млн т в течение пяти лет. Однако ее выполнение представляется весьма непростым делом из-за отчаянного противодействия местных властей, для которых сталелитейные производства нередко служат основным источником налоговых доходов. Так, завод, выплавляющий миллион тонн стали в год, платит 300—500 млн юаней налогов, что эквивалентно всем доходам обычного уезда³⁴.

Еще одна проблема, порожденная той же причиной — невыполнение решений правительства о концентрации производства. Например, пятилетним планом намечено в 2015 г. сосредоточить 90 % выплавки алюминия в 10 крупнейших компаниях, однако пока их доля менее 40 %³⁵.

В китайской печати высказывались предположения, что правительство КНР предпримет дополнительные меры по обеспечению приоритетов государственной промышленной политики, реорганизации промышленности и закрытию избыточных мощностей. Однако, судя по сообщениям зарубежных СМИ, подчас власти оказывались вынуждены вновь

запускать уже остановленные производства в интересах сохранения финансовой и социальной стабильности на местах.

Показательно, что по итогам заслушивания на заседании Постоянного комитета ВСНП 25 декабря 2013 г. доклада главы Комитета развития и реформ Госсовета КНР Сюй Чжаоши о ходе реализации Программы XII пятилетки был сделан вывод, что «подвижки в структуре экономики в желаемом направлении замедлились. Модель экономического роста, опирающаяся на наращивание инвестиций, не претерпела коренных изменений»³⁶.

Реализация еще одного целевого ориентира структурных сдвигов в экономике — развития новых стратегических отраслей — в решающей степени зависит от наращивания **научно-технического потенциала** Китая и внедрения его достижений в производство. За период с 2006 г., когда руководство страны поставило задачу постепенного превращения Китая в инновационное государство, доля расходов на НИОКР в ВВП выросла в полтора раза и в 2013 г. превысила 2 %. Вдвое возросли затраты на каждого занятого в фундаментальных исследованиях. Вместе с тем существенные, прорывные подвижки менее впечатляющи. Так, ключевой показатель инновационности — индекс вклада научно-технического прогресса в экономический рост — вырос в 2012 г. по сравнению с 2005 г. всего на одну пятую, а индекс роста доли доходов от реализации новой продукции — на 11,5 %³⁷.

Одной из причин относительно медленных сдвигов в увеличении роли научно-технического прогресса как фактора экономического роста страны в самом Китае считают все еще недостаточный уровень расходов на НИОКР в высокотехнологичных отраслях. Если в мире в среднем на них направляется не менее 5 % доходов от реализации продукции, а в США в таких сферах, как биология и медицина, это показатель превышает 15 %, то в КНР эта величина заметно ниже: 2,18 % в транспортном оборудовании (включая авиацию и космонавтику), 1,86 % в приборостроении и 1,63 % в медицинской технике. На наш взгляд, определенным изъяном, препятствующим систематическому достижению крупных прорывов в науке и технике, является и сама чрезмерно практичная структура расходов на НИОКР: в 2012 г. 83,9 % всех расходов пошли на опытно-конструкторские разработки, 11,3 % — на прикладные исследования и только 4,8 % — на фундаментальные исследования³⁸. Здесь Китаю явно нужна стратегия дальних горизонтов.

* * *

Таким образом, можно констатировать, что трансформация модели экономического роста в Китае представляет собой масштабную и весьма трудную задачу, реализация которой займет, как минимум, все следующие

щее десятилетие. Представляется, что попытки руководства страны сохранить высокие темпы роста, объясняемые необходимостью обеспечить приемлемый уровень занятости и социальной стабильности, но, несомненно, питаемые также и глобальными амбициями Китая, сами по себе оказывают тормозящее воздействие на процесс смены модели роста. Пока мы имеем основания говорить не о кардинальных сдвигах, а скорее, о некоторой модификации соотношения факторов роста. Дойдет ли дело до подлинно глубоких изменений и когда именно, покажет время.

(2014)

Примечания

¹ Краткая статистика Китая 2013 : [Чжунго тунци чжайяо 2013]. Пекин, 2013. С. 25; Жэньминь жибао. 25.02.2014.

² Для лучшего понимания различия между двумя категориями приведу неоднократно дававшееся в различных публикациях авторское определение понятия «модель экономического развития»: Рассматриваемая в политико-экономическом аспекте, модель развития представляет собой совокупность базовых особенностей социально-экономического бытия страны, определяемых ее экономическим прошлым и настоящим (уровень развития, масштабы и структура народного хозяйства), природными, трудовыми, финансовыми ресурсами, реально преследуемыми руководством страны целями развития, глубиной и формами взаимодействия национальной экономики с мировым хозяйством. В качестве важнейших компонентов модель включает: стратегию социально-экономического развития, тип экономического роста (экстенсивный или интенсивный), ту или иную комбинацию факторов роста, доминирующие особенности функционирования и вектор эволюции хозяйственного механизма, социальные параметры экономики (занятость, степень неравномерности распределения доходов, их уровень и структура использования и т.п.), специфику взаимодействия экономики с политическими институтами, общественной идеологией, ведущими традициями страны. *Портяков В.Я.* Экономическая реформа в Китае (1979—1999 гг.). М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2002. С. 128.

³ Тем не менее, подчас строгое разграничение двух этих категорий не проводится. Так, одна из немногих добротных отечественных работ, анализирующих именно экономический рост в Китае, носит «комплексное» название «Экономический рост КНР. Изменение модели развития (1993—2009 гг.)» (автор — В.В. Лапердина). Работа издана в Институте экономики РАН в 2011 г.

⁴ Краткая статистика Китая 2013. С. 22.

⁵ Особое влияние событий в самом Китае и в мировой экономике в 2003 г. на формирование экономической политики четвертого поколения лидеров КНР было, в частности, детально рассмотрено в лекции профессора Чжан Яньшэна из

Комитета развития и реформ Госсовета КНР, с которой он выступил 22 сентября 2013 г. перед делегацией российских специалистов по БРИКС.

⁶ См.: *Юань Шиман*. Чжунго чжицао дэ «яофан» : [«Лекарство», произведенное в Китае] // Синьхуа юэбао. Пекин, 2013. Сентябрь. Ч. 2. С. 33.

⁷ См.: XII пятилетняя программа экономического и социального развития Китайской Народной Республики : [Чжунхуа жэньминь гунхэго гоминь цзинци хэ шэхуй фачжань дишиэр унянь гуйхуа ганьяо]. Пекин, 2011. С. 1, 6—11.

⁸ China 2030: Building a Modern, Harmonious and Creative High Income Society. Conference Edition. Washington, 2012. 468 p.

⁹ Li Keqiang. Address on China's Current Economy at the 16th National Congress of Chinese Trade Unions // Beijing Review. November 21. 2013. Supplement. P. 1—4.

¹⁰ *Ма Гуанъюань*. Китайская экономика прощается с эпохой «8-процентного роста» // Китай. 2013. № 8. С. 30.

¹¹ *Ван Жэньгуй, Ши Сишэн, Цзяо Сыюй*. На следующий год в экономике вновь надлежит «повышать качество и контролировать риски» : [Миннянь цзинци чунцай «ти чжи кун сянь»] // Ляован. 2013. № 51. С. 12.

¹² Решение ЦК КПК о некоторых важных вопросах всестороннего углубления реформы : [Чжунгун чжуньян гуаньюй цюаньянь шэньхуа гайгэ жогань чжуньяо вэньти дэ цзюедин]. Пекин, 2013. 60 с.

¹³ Ляован. 2013. № 51. С. 12.

¹⁴ См.: *Ли Кэцян*. Доклад о работе правительства 05.03.2014.

¹⁵ *Лю Шучэн*. Экономический рост в Китае от высоких темпов переходит к средневысоким [Чжунго цзинци цзэнчжан ю гаосу чжуаньжу чжун гаосу] // Цзинцзисюэ дунтай. Пекин. 2013. № 10. С. 4—6.

¹⁶ Анализ и прогноз экономической ситуации в Китае в 2014 г. : [2014 нянь Чжунго цзинци синши фэньси юй юйцэ]. Пекин. 2014. С. 64, 56.

¹⁷ *Лю Шучэн*. Цит. раб. С. 7—8.

¹⁸ Анализ и прогноз экономической ситуации в Китае в 2014 г. С. 5.

¹⁹ Прогноз экономического роста Китая на десять лет (2014—2023) : [Чжунго цинци шинянь чжаньван]. Пекин, 2014. С. 41.

²⁰ Статистическое коммюнике о народнохозяйственном и социальном развитии Китайской Народной Республики в 2013 г. // Жэньминь жибао. 25.02.2014.

²¹ Ляован. 2013. № 51. С. 13.

²² Прогноз экономического роста Китая на десять лет. С. 41.

²³ Именно такую точку зрения высказал известный ученый-экономист Вин Тай У (Wing Thye Woo) на презентации в Париже 4 сентября 2012 г. книги «A New Economic Growth Engine for China. Escaping the Middle-Income Trap by Not Doing More of the Same». Singapore, 2012.

²⁴ Ляован. 2013. № 51. С. 12.

²⁵ Краткая статистика Китая 2013. С. 10, 102, 105, 110.

²⁶ В частности, данная ситуация была детально рассмотрена в выступлении Го Цзаньняня (Юго-Западный финансово-экономический университет, Чэнду) на Круглом столе «Смещение фокуса мировой экономики в Азию — вызовы для Китая, России и ЕС», который был проведен в Москве 6 июня 2014 г. Фондом Фридриха Эберта и Институтом Дальнего Востока РАН.

²⁷ Ван Сяолу. Преувеличены ли размеры серых доходов? [Хуйсэ шоуужу бэй куада лэ ма?] // National Economic Research Institute, China Reform Foundation. 2011. URL: <http://www.neri.org.cn/document/201204164011375191.pdf> (дата обращения: 11.06.2014).

²⁸ Цит. по: A New Economic Growth Engine for China... P. 22.

²⁹ Прогноз экономического роста Китая на 10 лет... С. 41.

³⁰ Анализ и прогноз экономической ситуации в Китае в 2014 г. С. 156—157.

³¹ Чжан Сяолэй. Инвестиции и потребление: что является источником экономического роста : [Тоуцзы юй сяофэй: шэньмо ши цзинци цзэнчжан юаньцюань?] // Вэньхуй бао. Шанхай. 19.08.2013.

³² По итогам ревизии, проведенной Национальным контрольно-ревизионным управлением КНР в августе—сентябре 2013 г., на середину 2013 г. прямая задолженность правительств всех ступеней в Китае составила 20,7 трлн юаней (9,81 трлн — долговое бремя центрального и 10,89 трлн юаней — местных правительств). Кроме того, объем гарантий правительств по различным долгам составил 2,93 трлн юаней (в том числе 2,67 трлн — местных правительств), а объем обязательств по санации — 6,65 трлн юаней. URL: <http://russian.people.com.cn/31518/8501320.html> (дата обращения: 31.12.2013).

Самым тяжелым в плане погашения обязательств для местных правительств является 2014 год, когда предстоит выплатить около 21,9 % общей задолженности, и 2015 г. с выплатой 17,06 % задолженности. URL: http://finance.people.com.cn/n/2014/0610/c/004_25126714.html (дата обращения: 11.06.2014).

³³ Прогноз экономического роста Китая на 10 лет... С. 130—131.

³⁴ Deng Yaqing. Making Too Much. To achieve healthy and efficient growth, China must tackle overcapacity // Beijing Review, Beijing. October 31, 2013. Pp. 32—33.

³⁵ Lan Xinzhen. Too Much Metal. Non-ferrous metal giant's financial losses linked to overcapacity // Beijing Review. November 14. 2013. P. 36—37.

³⁶ Комитет развития и реформ — модель экономического роста, опирающаяся на инвестиции, не претерпела коренных изменений : [Фагайвэй — тоуцзы ладун цзинци цзэнчжан моши мэй ю дэдао гэньбэнь гайбянь]. URL: http://nrc.people.com.cn/n/2013/1225/c14576_23946559.html (дата обращения: 26.12.2013).

³⁷ Инновационный индекс Китая составил в 2012 г. 148,2 пункта : [2012 нянь Чжунго чуаньсинь чжишу вэй 148,2]. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201402/t20140218_512606.html (дата обращения: 19.02.2014).

³⁸ Прогноз экономического роста Китая на 10 лет... С. 167—169.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ В РОССИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КНР

Период 1992—1999 гг.

По сравнению с другими направлениями отечественного китаеведения изучение международных отношений и внешней политики Китайской Народной Республики претерпело в 1990-е годы наиболее существенные изменения. Это было обусловлено целым комплексом факторов и причин.

Главным, определяющим моментом явилось конституирование в качестве независимого самостоятельного государства Российской Федерации. Стремясь сохранить и упрочить отношения со своим крупнейшим восточным соседом, нормализованные после трех десятилетий раздора и даже вражды лишь на закате существования СССР — в мае 1989 г., постсоветская Россия одновременно не скрывала своего намерения ориентироваться прежде всего на Запад, видя в этом определенные гарантии продвижения по пути демократизации и рыночных реформ, а также в расчете на финансовую помощь капиталистических стран. Такой подход с самого начала ввел двусторонние российско-китайские отношения в прагматичное русло и на корню пресек попытки придать им какую-либо идеологическую окраску. Это позволило начать изучение международных отношений и внешней политики КНР, ставя во главу угла национально-государственные интересы новой России, отойти от не выдержавших проверку временем и практикой прежних идеологических конструкций и лозунгов.

Вполне естественно, что различия в понимании интересов своей страны и в видении оптимального вектора долгосрочного развития Российской Федерации предопределили появление существенного разнобоя

в подходах российских ученых к международным отношениям Китая и российско-китайскому взаимодействию. Можно в обобщенном виде выделить три группы исследователей: сторонники самого тесного сближения с Китаем, нередко ратовавшие одновременно и за «китайский путь» для российских реформ; приверженцы традиционно-подозрительного видения Китая, настороженно воспринявшие разворот официального Пекина к политике добрососедства и партнерства; наконец, исследователи, ориентировавшиеся на приоритет для России европейских ценностей и потому с долей алармизма отслеживавшие усиление международных позиций Китая.

При всех неизбежных издержках «разномыслие» оказалось намного более эффективным инструментом объективного, непредвзятого анализа международной деятельности Китая, прежде всего на российском направлении, чем прежние приказное единомыслие. Несколько утрируя, можно сделать парадоксальный вывод: впервые за долгие годы анализ современной внешней политики Китая возглавили именно ученые. Не секрет, что в советское время эта сфера была прерогативой почти исключительно Министерства иностранных дел и Отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран...

В «субъекте» исследования международных отношений Китая произошли и другие существенные изменения. Изучение этого предмета вышло за пределы Москвы. Особенно активно в данный процесс включился Дальний Восток и прежде всего китаеведы Владивостока. Кроме того, изучение Китая и российско-китайских отношений перестало быть привилегией китаеведов, привлекая нарастающее внимание политологов различных направлений, в том числе глобалистов, американистов, специалистов по России.

Принципиально важное значение имели и качественные сдвиги в самом предмете исследования — внешней политике КНР. В конце 1980-х годов переживавший пост-Тяньаньмэньский синдром Китай не только столкнулся с попытками изоляции со стороны Запада, но отчасти и сам склонился к проведению весьма замкнутой, полуизоляционистской политики. Ситуацию переломила поездка архитектора китайских реформ Дэн Сяопина на юг весной 1992 г., обеспечившая в конечном счете поворот страны к рыночным реформам и активизацию политики внешнеэкономической открытости. Ее новый тур, начатый в 1992 г., был адресован прежде всего России и республикам Центральной Азии. С 1992 г. началось активное присоединение КНР к основным международным договорам и конвенциям. Была провозглашена и стала апробироваться новая для Китая политика добрососедства и установления различных форм партнерства со многими государствами мира. Опубликованные в 1993 г. МВФ и Всемирным банком высокие оценки ВВП Китая привлекли все-

общее внимание к китайской модели реформ и модернизации. Пекин вступил в Организацию Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, активизировал связи с АСЕАН, начал разрабатывать новое для него центрально-азиатское направление внешней политики. Все большее значение в международном позиционировании Китая стал приобретать американский фактор. Все это создавало широчайшее поле для исследовательской работы российского китаеведения.

Нельзя не упомянуть существенно изменившуюся общую атмосферу научной работы. Открытие доступа ко многим ранее закрытым архивам расширило тематику, обогатило фактическую базу и инструментарий исследований. Регулярными стали контакты с китайскими учеными, в том числе в ходе более частых, чем раньше, научных командировок в КНР. Доступнее стала периодика и новая научная китайская литература по тематике исследований, появились научные контакты с зарубежными коллегами-китаеводами. Более массовыми стали выезды российских китаеведов на конференции Европейской Ассоциации Китаеведения (ЕАК), в том числе в 1994 г. в Прагу, в 1996 г. в Барселону и в 1998 г. в Эдинбург. Это позволило в конечном счете выиграть право проведения конференции ЕАК в Москве (состоялась в 2002 г.).

Заметные изменения претерпели формы исследовательской работы и реализации результатов научных исследований. Важное место здесь заняло проведение регулярных конференций с институтами-партнерами, например, между Институтом Дальнего Востока РАН и Китайским институтом (ныне — Академия) современных международных отношений (проводятся с 1992 г. по настоящее время поочередно в России и Китае).

Российские китаеведы стали привлекаться к работе различных международных «круглых столов» (например, по проблемам Северо-Восточной Азии), семинаров (конференции «Вилтон-парк» в Великобритании) и т. п.

Ряд важных международных конференций был организован с прицелом на активное участие именно российских экспертов. Можно упомянуть первую зарубежную конференцию, посвященную вопросу современной китайской миграции в Сибири и на Дальнем Востоке. Она была организована Технологическим университетом Джорджии в Атланте в декабре 1994 г. С российской стороны участвовали представители научных центров Москвы, Хабаровска и Владивостока.

Набрала внушительные масштабы и стала весьма авторитетной регулярная конференция «Китай, китайская цивилизация и мир» (Институт Дальнего Востока РАН, впервые была проведена в 1990 г.). Несмотря на финансовые трудности, сохранили высокий научный уровень традиционные конференции с широким участием китаеведов в Институте востоковедения РАН «Общество и государство в Китае» и источниковедческая и историографическая конференция на Восточном факультете СПбГУ.

Отдельные конференции по проблемам международных отношений Китая прошли в 1990-е годы в Институте стран Азии и Африки при МГУ, в Дипломатической академии МИД РФ.

Важным новым изданием по проблемам внешней политики КНР стал ежегодный сборник статей «Китай в мировой и региональной политике (История и современность)», который издается в ИДВ РАН с 1995 г. Во Владивостоке начал издаваться журнал «Россия и АТР» (отв. ред. В.Л. Ларин), помещающий немало материалов по внешней политике КНР и российско-китайским отношениям. В частности, в 1993—1994 гг. в нем были опубликованы результаты первого в России социологического опроса китайских мигрантов, работавший в Приморском крае.

С середины 1990-х годов публикацию материалов о Китае, в том числе о российско-китайских отношениях, начал Московский центр Карнеги. Один из номеров журнала этого центра «Pro et Contra» был целиком посвящен российско-китайским отношениям в различных сферах.

Отечественное китаеведение в этот период вышло на новую для него российскую политическую арену. Китаеведы участвовали в ряде обсуждений в Государственной думе, активно привлекались к работе Комитета Госдумы по международным делам (в период, когда им руководил В.П. Лукин) и в качестве экспертов по Китаю к деятельности Совета Федерации.

Определенную модификацию претерпела и структура научных исследований.

На приоритетное место вышли изучение и прогнозирование развития современных российско-китайских отношений, рассматриваемых как в собственно двустороннем плане, так и в более широком контексте политики России в Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Поначалу второй подход даже доминировал. Это косвенно отражало стремление МИД России показать, что для разворачивающейся на Восток России Китай является, безусловно, важным партнером, но отнюдь не единственным. Серьезные надежды возлагались на развитие связей с западным побережьем США, Японией, Республикой Корея и даже Австралией. Надо сказать, что и иностранцы практически вплоть до дефолта 1998 г. проявляли повышенный интерес к российскому Дальнему Востоку и сохраняли надежду на его активное включение в интеграционные процессы в Северо-Восточной Азии.

Вполне закономерно, что в этот период был опубликован целый ряд работ, посвященных выявлению интересов России и моделям ее позиционирования в Восточной Азии¹. Особенно заметный научный резонанс имел коллективный научный доклад большой группы сотрудников Института Дальнего Востока РАН «Интересы России в Северо-Восточной Азии и перспективы использования многостороннего сотрудничест-

ва со странами региона для развития российского Дальнего Востока», который в марте 1995 г. был обсужден на заседании Бюро Отделения экономики РАН². В докладе впервые в постсоветской российской науке была подчеркнута необходимость широкого использования торгово-экономических связей с сопредельными странами для подъема Сибири и Дальнего Востока, дана оценка полезности для России основных интеграционных проектов в Северо-Восточной Азии, в том числе таких, как «Кольцо Японского моря», «Кольцо Желтого моря и Бохайского залива», «Туманганский проект». Среди рекомендаций правительству РФ по итогам обсуждения доклада фигурировало предложение о создании министерства развития и освоения Восточной Сибири и Дальнего Востока с широкими полномочиями (подобный орган был учрежден в составе правительства страны в 2012 г.).

На основе доклада была подготовлена коллективная монография «Российский Дальний Восток и Северо-Восточная Азия. Проблемы экономического сотрудничества» (Москва, 1998, руководители проекта М.Л. Титаренко и А.В. Островский), где среди прочего впервые были комплексно рассмотрены проблемы новой китайской миграции на Дальнем Востоке России и его торгово-экономического взаимодействия с КНР.

Мало-помалу, однако, в центр исследований стали выдвигаться собственно российско-китайские отношения. Как отметил А.Г. Яковлев, бывший в 1990-е годы одним из ведущих российских исследователей международных отношений КНР, «в неохватной проблематике, которую затрагивает тема «Россия и Азия»... китайский компонент по всем его основным параметрам является центральным, ключевым, а потому наиболее актуальным как предмет исследования». Он предложил методологию анализа отношений РФ с КНР, подчеркнув, что для понимания сущности современных российско-китайских отношений и их эволюции следует «беспристрастно оценить качество России и Китая как субъектов мировой и региональной политики» и как взаимодействующих сторон, а также «беспристрастно охарактеризовать те новые конкретно-исторические международные условия, в которых возникли и будут развиваться взаимосвязи двух стран»³.

Отталкиваясь от собственного анализа базовых характеристик двух государств и их места в системе международных отношений в середине 1990-х годов, А.Г. Яковлев констатировал: «Вырисовывающаяся общность исторической судьбы не может не сближать объективные национально-государственные интересы России и Китая, а следовательно, не может не влиять позитивно на характер двусторонних отношений». В то же время, по мнению ученого, «осознание этой общности судеб далеко от требуемого уровня». Итоговый вывод и одновременно прогноз А.Г. Яков-

лева был таков: «В уже начавшейся борьбе народов за достойное выживание у России и Китая нет более надежных гарантий, чем опора на собственные силы, тесное взаимодействие друг с другом и с мировой периферией». Ученый нащупал едва ли не главный «болевого нерв» всей стратегии укрепления отношений России с Китаем, а именно: ее неприятие сторонниками тесного сближения РФ с Западом. По мнению А.Г. Яковлева, Россия должна бороться с зависимостью от Запада, с той опасностью, которая уже существует и усиливается, а не с гипотетической «односторонней зависимостью от Китая, вероятность которой сомнительна»⁴.

Несмотря на определенные шероховатости в налаживании диверсифицированного многоуровневого сотрудничества, Россия и Китай в 1990-е годы сделали, по словам Посла РФ в КНР И.А. Рогачева, общий «исторический выбор в пользу добрососедства, дружбы и сотрудничества на долгие времена», нашедший отражение во введенной в оборот в 1996 г. ёмкой формуле «развитие отношений равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке»⁵. Многие конкретные аспекты, направления и этапы кропотливого выстраивания разветвленного механизма повседневных двусторонних отношений нашли отражение в подготовленном Министерством иностранных дел РФ «Сборнике российско-китайских договоров. 1949—1999 гг.» (Москва, Terra-Спорт, 1999. 496 с.). Вполне естественно, что основные особенности политики России на китайском направлении и важнейшие российско-китайские договоренности по международным и двусторонним проблемам регулярно разъяснялись в публикациях российских дипломатов-китаеведов в отечественных средствах массовой информации⁶. Можно констатировать, что выстраивание конструктивных добрососедских отношений с КНР стало одним из основных внешнеполитических успехов Российской Федерации.

Российские китаеведы сыграли заметную роль в научном обеспечении позитивного развития российско-китайских отношений. В.С. Мясников проанализировал факторы и особенности новой, сформировавшейся в 1990-е годы модели взаимодействия двух государств. По его мнению, «уровень стратегического партнерства, второй по значимости после союзнических отношений, несет в себе... ряд преимуществ»: «в отличие от союзничества, он не предполагает для России какой-либо ответственности за действия Китая», он повышает уровень доверительности в двусторонних связях и плюс к тому стимулирует другие державы-участницы различных международных многоугольников «подтягиваться в связях с Россией и Китаем до этого высокого уровня отношений»⁷.

А.Д. Воскресенский первым из российских китаеведов применил сценарный подход к прогнозированию возможной эволюции российско-китайских отношений, уделив специальное внимание высокой зави-

симости этого процесса от тех или иных вариантов развития внутриполитической ситуации в двух странах. Ученый призвал «российских внешнеполитических стратегов» «стремиться к тому, чтобы национально-государственные интересы России и Китая не становились антагонистическими... сохраняя при этом за Россией право на выбор союзников как на Востоке, так и на Западе»⁸.

В отличие от А.Д. Воскресенского, продвигавшего идею оптимальности для России «сбалансированного многомерного партнерства», М.Л. Титаренко в многочисленных выступлениях перед российской и зарубежной аудиториями и в своих публикациях отстаивал абсолютную приоритетность для России добрососедских отношений и стратегического партнерства именно с Китаем, видя в этом как коренное условие защиты безопасности страны и обеспечения ей достойного места в системе международных отношений, так и один из ведущих рычагов подъема Восточной Сибири и Дальнего Востока⁹.

Между тем в постсоветский период российско-китайские отношения обрели важное новое качество: впервые в истории они из де-факто отношений тех или иных ограниченных групп представителей двух народов трансформировались в отношения между двумя народами в полном смысле слова.

Вслед за этим и научный анализ двусторонних связей вышел за рамки рассмотрения отношений только на межгосударственном уровне и охватил такие новые для отечественного китаеведения сферы, как китайская миграция в Россию (В.Г. Гельбрас, А.Г. Ларин и другие), двусторонняя торговля, где в 1990-е годы были широко распространены «челночные» формы и бартерные операции (Е.В. Спрогис, А.Б. Кулик¹⁰), военно-техническое сотрудничество¹¹.

Усиление в 1990-е годы многопланового взаимодействия между российским Дальним Востоком и Северо-Востоком Китая дало толчок развитию исследований российско-китайских отношений с регионального и, прежде всего, «дальневосточного угла». Обосновывая необходимость дополнения им центрального, «московского» подхода к развитию двусторонних связей, В.Л. Ларин высказал мнение, что «в демократическом государстве... нельзя строить внешнюю... политику, основываясь только на интересах и понимании ситуации Центром, как бы ни был последний грамотен и умен»¹².

С началом работ по уточнению на местности линии прохождения российско-китайской границы на ее Восточном участке в соответствии с Соглашением 1991 г. часть научной общественности Дальнего Востока выступила с критикой соответствующих действий правительства РФ, обвиняя его в односторонних уступках Китаю по вопросу о пограничном размежевании¹³.

В процессе подготовки к первому визиту президента Б.Н. Ельцина в КНР (декабрь 1992 г.) по поручению Первого департамента Азии МИД РФ в Институте Дальнего Востока РАН было впервые проведено сопоставление уровней экономического развития двух стран. Ученые высказали предположение о высокой вероятности того, что «к концу века Китай перегонит Россию по основным важнейшим показателям общего развития экономики». Кроме того, было отмечено, что «слабость экспортной базы Сибири и Дальнего Востока... обуславливает нерациональную сырьевую структуру нашего экспорта». В связи с этим подчеркивалось, что «превращение дальневосточного региона в сырьевой придаток Китая не в интересах России»¹⁴. Дальнейшие исследования на этом направлении выявили, что уже через пять-шесть лет, т. е. еще до дефолта 1998 г., Россия впервые за последние 150 лет оказалась на мировой арене «в роли государства, более слабого и менее значимого, чем Китай»¹⁵.

Эта «перемена декораций», больно ударившая по самолюбию граждан Российской Федерации, дала весомый повод для активизации в политологическом сообществе алармистских взглядов на Китай и перспективы российско-китайских отношений. А.Д. Богатуров высказал мнение, что «Китай с его громадным населением и 4300-километровой границей с Федерацией... потенциально остается... источником самой серьезной геополитической опасности для России», в том числе и потому, что российская сторона не имеет опыта эффективного реагирования на «мирное китайское проникновение на русский Дальний Восток»¹⁶. Д.В. Тренин из Московского центра Карнеги нарисовал широкий спектр угроз для России в связи с возвышением Китая, выделив в качестве главной «возникновение чрезмерно большой односторонней зависимости России от КНР в экономике или политике, которая приведет Москву к утрате свободы внешнеполитического... маневра»¹⁷.

Нельзя не отметить, что даже в очень тяжелые для России в социально-экономическом плане 1990-е годы теория «китайской угрозы» не оказала заметного эффекта на российское общество. Даже напротив. Успехи Китая не отпугнули россиян от него, а сделали его опыт развития и экономических преобразований более привлекательным и популярным. Анализ опыта реформ в КНР в свете их возможного использования в России активно шел на протяжении всех 1990-х годов в ИДВ РАН и был обобщен в сборнике «Китайские реформы и Россия»¹⁸. Цикл статей, посвященный сопоставлению опыта развития и реформ в двух странах, опубликовал В.Я. Портяков¹⁹.

Несомненно, алармизм в России по отношению к Китаю был в этот период существенно перевешен той озабоченностью за свою национальную безопасность, с которой основная часть граждан страны восприняла вмешательство НАТО и США в конфликт в бывшей Югославии на сто-

роне оппонентов Сербии. Этот фактор, непосредственно затронувший и КНР в виде бомбардировки ее посольства в Белграде, прямо способствовал сближению Москвы и Пекина и активизации их сотрудничества как на международной арене, так и в двустороннем формате.

При всей практической важности и острой актуальности анализа формирующихся отношений с Китаем новой, постсоветской России из поля зрения отечественных китаеведов в 1990-е годы не выпал и длительный предшествующий период межгосударственного взаимодействия. Как констатировал А.Д. Воскресенский, развитие отношений с КНР на современном этапе должно «в полной мере учитывать опыт прошлого и... базироваться на парадигме преемственности»²⁰. Он же в ряде своих работ выдвинул в качестве ключевого для понимания существа исторически сложившихся двусторонних отношений положение о том, что «общей чертой почти 400-летних связей двух стран являлся их мирный характер: Россия и Китай ни разу не находились в состоянии официально объявленных военных действий... Проблемы в их отношениях... в принципе всегда удавалось решить путем дипломатических переговоров»²¹. Эта точка зрения, несмотря на отдельные попытки ее оспорить²², стала доминирующей в российском китаеведении и была широко растиражирована в последующих работах различных авторов.

Как и прежде, ведущее место в исследовании русско-китайских отношений в период до 1917 г. заняли вопросы территориального размежевания двух государств и его договорно-правового оформления. Крупным научным событием стала монография ведущего российского специалиста по данной проблематике В.С. Мясникова «Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы XVII—XX вв.» (1996). В работе на основе обширных архивных источников детально изложена базовая российская версия основных этапов формирования границы между Россией и Китаем. Опираясь на опыт непростых переговоров с Китаем по вопросу о линии прохождения границы, которые вел Советский Союз и ряд других государств, В.С. Мясников сделал вывод, что китайская дипломатия «абсолютизировала историческую аргументацию для обоснования своих притязаний на территории соседних государств, отталкиваясь при этом от сфабрикованного ею тезиса об «исторической несправедливости» границ Китая»²³.

Российско-китайские отношения в начале XX века на региональном уровне — в Маньчжурии, Монголии, Синьцзяне, Тибете — стали предметом активной исследовательской деятельности Е.А. Белова²⁴.

В числе новых сюжетов из истории русско-китайских отношений в период до 1917 г., привлечших внимание российских китаеведов в 1990-х годах, следует выделить работы о деятельности Российской духовной миссии в Пекине и православии в Китае²⁵.

Гораздо более многочисленными в 1990-е годы были исследования различных аспектов советско-китайских отношений.

Публикация первых двух томов сборника документов «ВКП (б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае»²⁶ заметно укрепила источниковедческую базу исследования двусторонних отношений в период 1920-х годов.

В монографии В.С. Кузнецова о внешней политике Китая в гоминьдановский период (она оказалась единственным в отечественной историографии комплексным исследованием этой темы) были рассмотрены советско-китайские конфликты и трения вокруг КВЖД и Маньчжоу-Го²⁷. На основе изучения архивных документов Р.А. Мировицкая проанализировала роль советско-китайских отношений в формировании китайской государственности в сложнейшие годы Тихоокеанской войны (1941—1945 гг.)²⁸. Посол А.М. Ледовский исследовал роль СССР и И.В. Сталина в развитии событий в Китае в период 1937—1952 гг. В его книгу вошли как личные воспоминания автора, работавшего в те сложные годы в Китае, так и его статьи о чрезвычайно важных поездках А.И. Микояна в Китай в январе—феврале 1949 г. и делегации Компартии Китая во главе с Лю Шаоци в Москву в июне—августе 1949 г., в ходе которых «оттачивался» формат отношений СССР с будущей Китайской Народной Республикой»²⁹.

На базе архивных материалов был предпринят углубленный анализ особенностей внешней политики КНР периода «великой дружбы», т. е. 1950-х годов (Б.Т. Кулик³⁰), причин и последствий советско-китайского раскола (Л.П. Делюсин, Н.П. Рябченко, Б.Т. Кулик³¹), особенностей двусторонних отношений в 1980-е годы. Б.Т. Кулик высказал точку зрения, что нормализация отношений между СССР и КНР, достигнутая в 1989 г., состоялась на китайских условиях: «Пекин добился удовлетворения всех своих требований, не сделав ни одной уступки Москве». Комментируя беседу Дэн Сяопина с М.С. Горбачевым 16 мая 1989 г., в ходе которой китайский лидер предложил знаменитую формулу развития двусторонних отношений — «закрыть прошлое, открыть будущее», — Б.Т. Кулик заметил: «...историю советско-китайских отношений невозможно закрыть ни односторонними, ни даже двусторонними заявлениями. Ее толкование Дэн Сяопином ...не означает, что она не подлежит научному анализу... К ней и впредь будут обращаться как российские, так и китайские исследователи»³².

Как известно, в Китае по сей день публикуется немало исследований по советскому периоду двусторонних отношений, обосновывающих китайскую точку зрения на этот период в целом и на многие ключевые события и эпизоды (в числе наиболее популярных назову работы Шэн Чжихуа). Уже в начале 1990-х годов появились первые публикации по

этой проблеме Ю.М. Галеновича, взявшего на себя миссию защиты отечественной точки зрения по данному непростому вопросу. Пионерной в этом направлении стала его монография «Белые пятна» и «болевые точки» в истории советско-китайских отношений», в которой с использованием широкого круга китайских источников были проанализированы многие важные события и аспекты межгосударственных контактов в периоды 1917—1949 гг. и 1949—1991 гг.³³

Для полноты картины укажем еще на два новых направления исследований двусторонних отношений, появившихся в 1990-е годы. Это изучение различных аспектов жизнедеятельности российской эмиграции в Китае, представленное научными работами Г.В. Мелихова, Е.П. Таскиной³⁴ и воспоминаниями многих «харбинцев» и «шанхайцев», и исследование китайской советологии (одна из первых работ по теме принадлежит К.В. Внукову³⁵), а после 1991 г. — русистики.

Радикальные изменения в международной обстановке предопределили появление в российском Китаеведении новых приоритетных направлений в изучении внешней политики КНР в целом.

На одно из первых по значимости мест вышел анализ сначала двусторонних китайско-индийских отношений, а затем и взаимосвязей в вероятном трехстороннем формате Россия—Индия—Китай. Как прогнозировал в 1996 г. А.Г. Яковлев, «Россия, Китай и Индия, поставленные ходом истории на одну сторону линии нового разделения мира на сверхразвитый центр и периферию, неизбежно придут к прямому и косвенному взаимодействию по самому широкому кругу глобальных и региональных проблем»³⁶.

Подчеркну, что идея формирования такого «треугольника» была выдвинута Китаеведами раньше, чем она прозвучала у Е.М. Примакова, а само рассмотрение проблемы по существу³⁷ несколько опередило аналогичный анализ, предпринятый российскими индологами³⁸.

По логике вещей, одним из приоритетов должно было бы стать исследование политики КНР в отношении бывших советских республик, которые в конце 1991 г. стали членами Содружества Независимых Государств (СНГ). Предпосылки для этого были. В первой половине 1990-х годов Китаеведы СНГ еще «по инерции» тянулись к контактам с российскими синологами. Сохранялись неплохие связи с наукой Украины. В 1993—1995 гг. группа Китаеведов Института Дальнего Востока трижды выезжала в Киев для участия в конференциях и чтения лекций. Затем, однако, связи стали слабеть, и в конечном счете в фокусе внимания осталась только политика Китая в Центральной Азии³⁹. На сколько-нибудь детальное изучение связей КНР с другими членами СНГ элементарно не хватило сил.

Изучение в России китайско-американских отношений активизировалось во второй половине 1990-х годов, когда взаимное китайско-аме-

риканское «прошупывание» в основном завершилось и политика «вовлечения» (engagement), проводившаяся в отношении КНР администрацией Б. Клинтона, приобрела зрелые очертания. Следует отметить публикации Б.Н. Занегиной, В.Н. Барышниковой⁴⁰.

Ю.М. Галенович проанализировал возможное влияние китайско-американских отношений на китайско-российские, рассмотрел по китайским источникам эволюцию модели китайско-американских взаимосвязей за 150 лет. Ученый сделал весомый итоговый вывод, полностью подтвердившийся дальнейшим ходом событий: «В конце XX века наступил исторический период непосредственных взаимоотношений Китая и Америки как двух главных держав на мировой арене. Именно в этой связи китайско-американские отношения приобретают важнейшее значение... для России»⁴¹.

Что касается изучения отношений КНР с другими странами и регионами, то его интенсивность, как правило, определялась в первую очередь энтузиазмом и работоспособностью конкретных исследователей. В 1990-е годы вышел в свет ряд публикаций Т.Л. Дейча о политике Пекина в Африке⁴². С.Г. Лузянин раскрыл новые аспекты и нюансы российско-китайско-монгольских отношений⁴³, Е.И. Сафронова продолжила анализ политики КНР в развивающемся мире с особым акцентом на вычленение в ней новых моментов⁴⁴. Существенный вклад в анализ отношений между КНР и Японией в двустороннем формате и в региональном контексте внес японовед А.В. Семин⁴⁵.

Вместе с тем изучение политики КНР в отношении социалистических стран и стран Восточной Европы, бывшее в 1970-х — 1980-х гг. одним из ведущих в сфере международной проблематики, практически сошло на нет.

В 1990-е годы усилиями Е.Д. Степанова было плодотворно продолжено изучение истории формирования границ Китая и его пограничной политики как на сухопутных, так и на морских рубежах⁴⁶. Без преувеличения можно утверждать, что буквально все, написанное Евгением Дмитриевичем по данному кругу проблем, остро актуально и в наше время. В ряде случаев исследования Е.Д. Степанова содержат весьма важные нюансы, позволяющие высветить дополнительные грани обострившихся в последние годы конфликтов КНР с ее соседями по поводу принадлежности островов Наньша (Спратли) в Южно-Китайском и Дяоюйдао (Сенкаку) в Восточно-Китайском морях. Приведу лишь одну цитату: «Анализ документов, публикаций и картографических материалов Китайской Народной Республики позволяет сделать вывод о том, что вопрос о принадлежности о-вов Сенкаку, поставленный по инициативе тайваньской администрации [в 1970—1971 гг. — В.П.], возник для Пекина совершенно неожиданно. Он оказался неподготовленным к нему. Тем

не менее, он незамедлительно поддержал тайваньскую «инициативу», увидев... возможность... получить в свои руки политический рычаг для давления на японское правительство»⁴⁷.

Российские китаеведы уделили определенное внимание изучению модификаций в теории и концепциях внешней политики страны в начале 1990-х гг. Проанализировав различные оценки в Китае международной ситуации периода 1990—1992 гг., А.А. Волохова и О.Н. Воропаева справедливо выделили в качестве одной из наиболее перспективных идею начавшейся трансформации мировой архитектоники из двухполюсной в многополюсную. Следование ей давало Китаю целый ряд выгод: позволяло актуализировать принцип развития отношений со всеми государствами на основе пяти принципов мирного сосуществования, делало морально оправданным наращивание его собственной комплексной мощи⁴⁸.

Однако в 1990-е годы идея продвижения мира к многополярности еще не воспринималась как нечто само собой разумеющееся. Ее последовательным оппонентом был А.Г. Яковлев, утверждавший, что «биполярность — главный параметр мирового сообщества и вчера, и сегодня, и завтра». Первым полюсом он считал Запад, развитый мир, а другим — периферию, все страны «догоняющего развития», которые А. Тойнби квалифицировал как «внешний пролетариат». Политическую многополюсность периферии А.Г. Яковлев называл исключительно вредной, чреватой «ее тотальным поражением в не очень отделенном будущем». Самый же важный фактор формирования периферии в качестве «глобального политического полюса» ученый видел в становлении стратегического партнерства Китая, России и Индии⁴⁹.

На широком историческом фоне изменения в теории внешней политики Китая в 1990-е годы были проанализированы в монографии А.А. Свешникова «Внешнеполитические концепции КНР и концептуальные представления китайских специалистов-международников» (1999, ИДВ РАН). Автор сумел наглядно показать острую борьбу в китайском экспертном сообществе по вопросу о главных противоречиях на международной арене, прямо влияющую на выбор тех или иных приоритетов внешней политики страны. В частности, А.А. Свешников уделил особое внимание взглядам Хэ Фана (в ту пору — директор института Японии Академии общественных наук Китая), который последовательно стремился «увести» Китай в тень, называя главным в современном мире противоречие не между «Востоком» и «Западом» или «Севером» и «Югом», а между самими развитыми странами — США, Японией, Европой. Этот отправной тезис давал Хэ Фану основание декларировать необходимость для Китая ориентироваться не на Россию, и на США: «Центральные задачи Китая и России — экономическое строительство. В экономической об-

ласти Россия не может опираться на нас, мы тоже не можем опереться на Россию. В развитии экономики, подъеме технического уровня мы можем опираться только на Америку, Японию, Западную Европу, на это надо смотреть честно»⁵⁰.

А.А. Свешников обратил также внимание на то, что сущностное содержание двусторонних российско-китайских политических документов, в том числе совместной Декларации о многополярном мире и формировании нового международного порядка (23 апреля 1997 г.), «основывается главным образом на концептуальных разработках китайской стороны... Хорошо это или плохо, но «общий язык» по существу является языком китайской стороны»⁵¹.

* * *

Итоги изучения в России в период 1992—1999 гг. международных отношений и внешней политики КНР оказались весьма плодотворными. На должном уровне было обеспечено научное сопровождение российской внешней политики на китайском направлении, в Восточной Азии и в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом. Характерное для тех лет столкновение — и в научной среде, и в обществе — различных точек зрения позволило в конечном счете выработать близкий к оптимальному алгоритм стратегического взаимодействия России с Китаем. Он базируется на трех принципах: неизменное уважение друг к другу, ориентация на собственные национально-государственные интересы, неуклонный поиск точек соприкосновения и взаимоприемлемых решений.

Может быть, «урожаем» 1990-х годов по формальным критериям вроде количества опубликованных монографий оказался не столь уж и велик, но созданный в этот период серьезный интеллектуальный задел, освоение новых тем и форм исследований, сама атмосфера творческой свободы заслуживают высокой оценки.

Период 2000—2013 гг.

Общая характеристика исследований

Период 2000—2013 гг. по сравнению с 1990-ми годами отмечен существенным расширением масштабов и заметной диверсификацией форм и методов изучения в России международных отношений и внешней политики Китайской Народной Республики.

Это напрямую связано с укреплением в 2000-е годы позиций Китая в мировой экономике и политике, последовательным развитием и углублением двустороннего российско-китайского сотрудничества, сходимостью подходов РФ и КНР ко многим международным проблемам и событиям в тех или иных «горячих точках», с растущим вовлечением значительных

масс населения двух стран в непосредственные контакты друг с другом — туристические, образовательные, торгово-экономические, культурные. Наконец, заметно возрос вес китайского фактора в выборе Россией приоритетной самоидентификации — евроатлантической или, напротив, евразийско-тихоокеанской.

Для приграничных с КНР российских регионов многоплановые связи с соседними китайскими городами и провинциями начали абсолютно доминировать в их международных связях в целом. Постепенно не только Владивосток и Хабаровск, но также Благовещенск и Чита становились площадками проведения крупных регулярных конференций и подготовки изданий по Китаю с анализом российско-китайских отношений и другой проблематики, связанной с КНР. Аналогичные события периодически происходили также в Барнауле, Екатеринбурге, Челябинске, Томске, Красноярске. В последние годы исследование международных отношений Китая активизировалось в Санкт-Петербурге, прежде всего на факультетах Международных отношений и Восточном Санкт-Петербургского государственного университета.

В Москве в целом сохранилась исторически сложившаяся ведущая роль Института Дальнего Востока в изучении современного Китая и внешней политики КНР. Вместе с тем интересные труды по различным аспектам международных отношений КНР были созданы в МГИМО (Университет), Дипломатической академии МИД РФ, Институте мировой экономики и международных отношений, Институте востоковедения и Институте Африки РАН.

Намного шире, чем в 1990-е годы, публикации российских китаеведов-международников оказались представлены в отечественных газетах, в том числе в ведущих — «Коммерсант», «Независимая газета», «Время новостей» (до 2011 г.), «Российская газета» и журналах. Здесь к традиционным изданиям — «Восток», «Азия и Африка сегодня», «Проблемы Дальнего Востока», «Мировая экономика и международные отношения» — добавились новые, регулярно публикующие статьи о внешней политике КНР и ее позиционировании в системе международных отношений — «Россия в глобальной политике», «Международные процессы», вестники ряда вузов, а также Восточного факультета СПбГУ и Института стран Азии и Африки при МГУ. Чаше, чем прежде, статьи об отношениях Китая с Россией, США и другими странами стал помещать журнал Министерства иностранных дел России «Международная жизнь».

В предкризисный период на протяжении нескольких лет издавался иллюстрированный ежемесячный журнал «Россия—Китай: XXI век» (гл. ред. А.В. Лукин), пользовавшийся популярностью как у специалистов-китаеведов, так и у широкой общественности. С учетом востребованности китайской проблематики практиковался выпуск специальных

номеров «интеллектуальных» журналов, посвященных Китаю и его международным отношениям. Например, «журнал для медленного чтения» «Отечественные записки» подготовил спецвыпуск «Дыхание Китая» (2008, № 3), авторами которого стали около полутора десятков экспертов, пишущих на китайские темы.

Российские ученые в 2000-е годы стали активно привлекаться к комментированию политики Китая на радио (Радио России, китайская редакция Радио России, «Эхо Москвы»), телевидении, на лентах и в передачах российских, китайских и иностранных информационных агентств и Интернет-сайтов.

Чаше, чем в 1990-е годы, стали проводиться очные и заочные «круглые столы». Так, в 2005 г. в ИДВ РАН был проведен «круглый стол» с анализом сборника материалов самой представительной за долгие годы конференции в КНР по китайско-российским отношениям⁵², в конце 2010 г. — «круглый стол» «Меняющийся Китай в меняющемся мире»⁵³, в 2012 г. — заочный «Круглый стол российских и американских китаеведов об истории, современном этапе и возможных перспективах отношений в треугольнике «Россия—Китай—США»⁵⁴.

Наряду с традиционными аспектами международных отношений КНР внимание ученых привлекает внешнеполитический инструментарий Пекина, включая политику партнерства, добрососедства, позиционирования в ООН, экономическую дипломатию⁵⁵.

Попадают в поле зрения исследователей и вопросы народной дипломатии — здесь следует выделить фундаментальный труд Г.В. Куликовой об Обществе российско-китайской дружбы⁵⁶, а также относительно новые сюжеты, связанные с попытками КНР улучшить свой образ в мире за счет активного использования инструментов «мягкой силы»⁵⁷.

Наконец, нельзя не отметить широкое обращение ученых к разного рода опросам общественного мнения по вопросам позиционирования Китая в мире и его отношений с теми или иными странами, которые достаточно регулярно проводятся в западных странах и периодически — в России и в самой КНР⁵⁸.

Подведение итогов 1990-х годов

В начале 2000-х годов в России был опубликован ряд монографий, ставших своеобразным итогом изучения отечественными специалистами международных отношений и внешней политики КНР в 1990-е годы.

Творческое содружество квалифицированного коллектива китаеведов, корееведов, японоведов, вьетнамистов, индологов дало возможность издать в 2001 г. фундаментальный труд «Границы Китая: история формирования», остающийся по сей день одной из лучших российских публикаций постсоветского периода по истории международных отношений

КНР. Монография, вышедшая под общей редакцией известных ученых-китаеведов В.С. Мясникова и Е.Д. Степанова, имела целью максимально учесть такие новые аспекты международных отношений, как «расчленение Советского Союза и образование новых государств, объединившихся в СНГ», трансформацию политики КНР в отношении сопредельных государств и переход к курсу «конструктивного добрососедства».

Одновременно авторы отмечали «обеспокоенность российской общественности» сохранением в научной и популярной литературе современного Китая стереотипов России как «захватчика китайских территорий», «недобросовестного партнера в международных отношениях»⁵⁹.

Следует особо отметить анализ в монографии Е.Д. Степанова процесса становления морских рубежей Китая⁶⁰ — проблемы, приобретенной в 2009—2013 гг. особую остроту. Свое видение формирования границ Китая Евгений Дмитриевич подытожил в монографии «Политика начинается с границы: некоторые вопросы пограничной политики Пекина второй половины XX в.»⁶¹.

Анализ территориальных споров о принадлежности расположенных в Южно-Китайском море островов Парасельских и Спратли (Сиша и Наньша) был дополнен и углублен в работах российских специалистов по Юго-Восточной Азии Е.А. Канаева (ИМЭМО РАН), Я.В. Лексютинной (Санкт-Петербургский университет), Д.В. Мосякова (Институт востоковедения РАН), В.Н. Колотова (Санкт-Петербургский университет)⁶².

Известный специалист по советско-китайским отношениям Б.Т. Кулик предпринял попытку раскрыть глубинные причины советско-китайского раскола, видя в этом «центральную ось проблемы отношений между КНР и СССР». В его монографии «Советско-китайский раскол: проблемы и последствия» представлен солидный фактический материал, приводится немало интересных фактов. Например, отмечается, что в 1958 г. Н.С. Хрущев, столкнувшись с негативной реакцией Мао Цзэдуна на свое предложение о создании совместного советско-китайского атомного подводного флота и о строительстве длинноволновой радиостанции, буквально сразу же пошел на попятную и дезавуировал его⁶³. Между тем китайские авторы даже в работах 2000-х годов нередко ссылались на это предложение как свидетельство «намерений Москвы поставить Китай под свой контроль».

В то же время, особенности идеологической позиции автора, полагавшего, что «ревизионистские концепции» были активно использованы «прорабами» горбачевской «перестройки» в «антисоциалистических целях», привели его к абсолютно неверному, на мой взгляд, выводу, будто «советско-китайский раздор представляет собой порождение и отражение двух внутренних процессов... — процесса борьбы с капиталистической

реставрацией в КНР и процесса выростания и углубления антисоциалистических тенденций в СССР»⁶⁴. К слову сказать, эволюция советско-китайских отношений и динамика их нормализации была рассмотрена в более традиционном и одновременно в более конструктивном ключе в монографии Ю.С. Пескова «СССР—КНР: от конфронтации к партнерству» (Москва, Институт Дальнего Востока РАН, 2007. 204 с.).

Своего рода инвентаризация концептуальных основ внешней политики КНР и ее подходов к основным субъектам международных отношений на рубеже XX—XXI вв. была представлена в учебнике МГИМО (Университет) «Китай в мировой политике», написанном группой экспертов из Москвы (МГИМО, институты Дальнего Востока, Востоковедения, Мировой экономики и международных отношений РАН) и Владивостока при участии специалистов из КНР и США⁶⁵.

В его «Заключении» ответственный редактор-составитель А.Д. Воскресенский дал в целом оправдавшийся прогноз тех стратегических целей, которых в обозримой перспективе намечалось добиваться Пекин во внешней политике. В их числе были названы: признание мировым сообществом территориальной целостности Китая и его особых прав в акватории Южно-Китайского моря, особого положения в Центральной Азии, продвижения употребления китайского языка в Азии⁶⁶. Все эти вопросы сегодня находятся на ведущих местах в перечне внешнеполитических приоритетов КНР.

Адаптации внешнеполитического курса Пекина к существенно изменившимся в 1990-е гг. — после окончания «холодной войны» и распада СССР — международным условиям посвящена монография В.А. Корсуна «Внешняя политика Китая на пороге XXI века» (2002). Автор исследовал усилия КНР по выходу из международной изоляции, в которой она оказалась после санкций западных держав, последовавших за трагическими событиями на площади Тяньаньмэнь в Пекине 4 июня 1989 г. Рассмотрена политика Китая на фактически новом направлении — постсоветском пространстве, на Корейском полуострове и в Азии в целом, а также по отношению к США. В.А. Корсун справедливо обратил внимание на признание в КНР уже в 1990-е годы безальтернативности «тенденции развития мира в направлении многополярности» и на то обстоятельство, что уже к середине десятилетия концепция «глобализации» перестала игнорироваться в Пекине и нашла свое место в его проектах «нового мирового порядка»⁶⁷. Оправдался и общий вывод В.А. Корсуна, отметившего, что в 1990-е годы «как-то плавно и незаметно происходит... процесс превращения КНР из сугубо региональной державы, делающей акцент на урегулировании отношений... со своими соседями по региону, в глобальную сверхдержаву, может быть, единственную, способную бросить вызов планетарным претензиям США»⁶⁸.

Изучение двустороннего российско-китайского сотрудничества

В целом подведение итогов изучения международных отношений Китая в период 1990-х годов оказалось полезным. Однако высокая динамичность текущей международной жизни потребовала незамедлительного переноса центра тяжести исследований на современные аспекты внешней политики КНР и анализ ее возможной эволюции в обозримой перспективе.

Весьма показательным в этом плане стал 2001 год, отмеченный такими событиями долгосрочного значения, как учреждение Шанхайской организации сотрудничества в составе Китая, России, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана и Киргизстана (15 июня), подписание Россией и Китаем Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве сроком на 20 лет (16 июля), направление в Афганистан войск антиталибанской коалиции, последовавшее за терактами в США 11 сентября, наконец, старт трехстороннего диалога ученых-политологов России, Индии и Китая.

Вполне логично, что основное внимание российских ученых оказалось сфокусировано на анализе различных направлений двустороннего сотрудничества между Россией и Китаем и на выявлении факторов, влияющих на его развитие.

Одной из первых **комплексных работ** по данной проблеме стала коллективная монография специалистов Института Дальнего Востока РАН «Российско-китайские отношения. Состояние, перспективы» (руководитель проекта М.Л. Титаренко. Москва, 2005. 412 с.). Ученые рассмотрели воздействие внутреннего положения и внешней политики КНР на двусторонние отношения с Россией и проанализировали главные составляющие комплекса собственно двусторонних российско-китайских связей, в том числе торгово-экономическое, международное, военно-техническое и культурно-цивилизационное сотрудничество. В частности, были рассмотрены позиционирование России и Китая в Центральной Азии и ШОС (С.Г. Лузянин, Ю.С. Песков), роль фактора США в российско-китайских отношениях (Б.Т. Кулик, А.А. Свешников), «треугольники» Россия—Китай—Евросоюз (В.И. Балакин), Россия—Китай—Япония (А.В. Семин), Россия—Китай—Индия (С.В. Уянаев), роль фактора Тайваня в двусторонних отношениях (А.Г. Ларин) и возможности взаимодействия РФ и КНР в развивающихся странах (Е.И. Сафронова). Главы по различным аспектам практического двустороннего сотрудничества написали Ю.М. Галенович, В.Я. Портяков, М.В. Александрова, А.В. Шлындов, А.В. Ломанов.

В заключении работы были сформулированы развернутые выводы и предложения, многие из которых сохранили свою актуальность и поныне. Так, и сегодня для России «оптимальным вариантом остается всестороннее углубление российско-китайского сотрудничества, переход, пре-

жде всего на базе прорыва в торгово-экономических и общественных связях, к модели реального соразвития двух стран». На наш взгляд, не снята с повестки дня и рекомендация монографии о разработке базового документа «Политика России в отношении Китая»⁶⁹.

В то же время несколько преувеличенными оказались опасения возможности «укрепления стратегического сотрудничества между КНР и США..., что было бы для нашей страны наихудшим сценарием»⁷⁰. Определенные отголоски такой позиции проявились позже в заметной настроенности, с которой в России была встречена идея G-2 — создания «большой двойки» в составе США и Китая для де-факто руководства миром. Однако в реальной жизни отношения между РФ и КНР оказались вполне самодостаточными. Они, безусловно, подвержены влиянию различных внешних факторов, но все-таки следуют в первую очередь собственной логике развития.

Углубленный анализ влияния особенностей и перспектив развития Китая на нынешнее и будущее состояние его отношений с Россией был продолжен в работе «Китай—Россия 2050: стратегия соразвития». Ее основная особенность состоит в том, что для рассмотрения китайской проблематики была применена методология, разработанная ранее в Институте экономических стратегий для анализа исторической динамики и перспектив развития России. Согласно ей, матрица состояния страны на каждый данный момент оценивается по девяти параметрам: управление, территория, природные ресурсы, население, экономическое развитие, культура и религия, наука и образование, вооруженные силы, внешняя политика⁷¹.

Один из главных выводов монографии заключался в том, что у России и Китая «совпадают и коренные национальные интересы, и целый ряд частных интересов как в области двусторонних отношений, так и в сфере региональных и глобальных проблем». Принципиально важной была констатация, что «каким бы ни было перспективное значение китайского фактора, важнее всего то, насколько жизнеспособным и эффективным станет само российское государство»⁷².

В работе была предпринята одна из первых в России попыток дать прогноз дальнейшей эволюции внешней политики КНР. Были предложены четыре сценария: первый — сосредоточение на мирном решении проблем; второй — попытки изменить ситуацию в свою пользу, в том числе не избегая конфликтов; третий — обострение отношений с Западом из-за попытки силового возвращения Тайваня (России рекомендовано «оставаться в стороне»); четвертый — маловероятный, но возможный — возникновение нестабильности в Китае (России также рекомендовано оставаться в стороне). Пожалуй, достаточно справедливым оказался итоговый вывод монографии: «по мере возвышения Китая

внешняя обстановка будет все менее благоприятной для него и, возможно, даже угрожающей». В этом контексте прогнозировался «рост заинтересованности китайской стороны в России»⁷³, как известно, вполне проявившийся в 2009—2013 гг.

Одной из наиболее значительных работ стала коллективная монография «Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений» (2013). Отличительными особенностями исследования, получившего статус учебника для студентов вузов по специальности «международные отношения», явились, во-первых, сквозная хронологическая последовательность изложения от первых контактов двух государств и до наших дней и, во-вторых, весьма разносторонний коллектив авторов, представляющих Санкт-Петербургский (Н.А. Самойлов) и Тамканский (Тайвань, А.А. Писарев) университеты, Дипломатическую академию (Е.П. Баженов и А.В. Лукин), МГИМО (У) МИД РФ (А.И. Иванов), региональные научные центры Владивостока (В.Л. Ларин и Г.Н. Романова) и Красноярска (В.Г. Дацышен). В написанном А.В. Лукиным разделе о постсоветском периоде российско-китайских отношений рассмотрены их общая эволюция, значение Договора 2001 г., взаимодействие РФ и КНР в Центральной Азии и ШОС, форматах РИК и БРИКС, отношения в экономической области, сотрудничество в энергетике, инвестиционной, военно-технической и гуманитарной сферах. Итоговый вывод автора и всей монографии таков: «На основании изучения опыта развития КНР и современного состояния взаимодействия России и Китая для углубления и развития российско-китайских отношений и решения накопившихся в них проблем необходимо продолжить линию на развитие стратегического партнерства, при этом всемерно укрепляя собственную экономику, развивая собственные регионы. И это будет единственно верным ответом на китайский вызов»⁷⁴.

Различные аспекты постсоветского этапа российско-китайского взаимодействия стали предметом рассмотрения и анализа десятков, если не сотен статей достаточно широкого круга авторов, включая высокопоставленных дипломатов (С.В. Лавров, А.Н. Бородавкин, И.А. Рогачев, С.С. Разов, А.И. Денисов, К.В. Внуков) и многих ученых. Именно это направление российской экспертизы по Китаю оказалось наиболее востребовано международным сообществом, результатом чего явилась регулярная публикация работ российских авторов по двусторонним отношениям России с Китаем в зарубежных журналах и коллективных монографиях⁷⁵.

В числе конкретных аспектов российско-китайских отношений, привлечших повышенное внимание отечественных китаеведов, одним из первых следует назвать **вопросы** территориального размежевания

и окончательного определения линии прохождения государственной границы между РФ и КНР.

В упоминавшейся выше коллективной монографии «Границы Китая: история формирования» детально показано становление границы между двумя странами (И.Т. Мороз, Н.В. Шепелева, Ю.М. Галенович), изложены малоизвестные перипетии советско-китайских переговоров 1920-х годов, затрагивавших вопросы прохождения границы, рассмотрен ход возобновившихся в 1987 г. переговоров между Советским Союзом и Китаем по пограничному вопросу, которые увенчались подписанием 16 мая 1991 г. Соглашения о государственной границе между СССР и КНР на ее Восточной части.

Подводя итоги советско- и российско-китайских пограничных переговоров в XX веке, Ю.М. Галенович отметил, что «наши нации... в конечном итоге за много лет добились известного прогресса в оформлении прохождения линии границы. Но эта договоренность выглядит в известной степени временной, ибо она никак не заменяет прежние договоры...»⁷⁶. В дальнейшем он и ряд других ученых (например, В.С. Мясников) не раз высказывались в пользу замены соглашений, определяющих линию прохождения границы между РФ и КНР на отдельных участках, на единый новый договор о границе.

Эту точку зрения, однако, не поддерживают в МИД России, где считают, что после подписания Соглашения о российско-китайской границе на ее Западной части (3 сентября 1994 г.) и Дополнительного соглашения о границе на ее Восточной части (14 октября 2004 г.) формальных оснований для подготовки нового договора о линии прохождения границы нет.

Тем не менее, интерес к вопросам подготовки и реализации договоренностей о линии прохождения российско-китайской границы на протяжении всего периода 2001—2013 гг. оставался высоким. Это связано с рядом причин.

Во-первых, главное в том, что многие китайские историки продолжают отстаивать собственную версию истории территориального размежевания Китая с Россией, чреватую формированием стойкой ирредентистской психологии у жителей страны⁷⁷. Это заставляет российских ученых и дипломатов напоминать как об истории формирования двусторонней границы, так и о закреплении в статье 6 Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 16 июля 2001 г. положения об отсутствии взаимных территориальных претензий.

Во-вторых, целый ряд участников советско- и российско-китайских переговоров о границе воспользовался представившейся возможностью поделиться своими воспоминаниями и размышлениями о различных этапах этого процесса. Мемуарно-аналитические публикации Ю.М. Галеновича, А.И. Елизаветина, В.Я. Воробьева⁷⁸, Г.В. Киреева, отражая особен-

ности личной позиции авторов, содержат множество ценных для специалистов и широкого круга читателей документов, фактов, деталей хода переговоров.

На мой взгляд, особый интерес представляет монография «Россия—Китай. Неизвестные страницы пограничных переговоров» (Москва, 2006), подготовленная Генрихом Васильевичем Киреевым, который в течение 35 лет непосредственно занимался пограничной тематикой в министерствах иностранных дел Советского Союза и России, а в 1992—1999 гг. возглавлял работу по обозначению границы на местности и подготовку основополагающих демаркационных документов — Протоколов-описаний линии российско-китайской государственной границы и прилагаемых к ним карт (вступили в силу 19 января 2000 г. после обмена соответствующими нотами МИД РФ и КНР). Г.В. Киреев в своей работе уделит заметное место разбору позиции владивостокского исследователя Б.И. Ткаченко, выступившего с критикой МИД РФ за якобы односторонние уступки китайской стороне в вопросе о линии прохождения границы на ее Восточной части. Характеризуя аргументы Б.И. Ткаченко как «то ли сознательную фальсификацию, то ли заблуждение от незнания», Г.В. Киреев напомнил о письме в защиту позиции МИД России политическому руководству страны от 31 марта 1997 г., подписанном рядом российских ученых, дипломатов, пограничников, участвовавших в различные годы в переговорах о границе (в их числе С.Л. Тихвинский, Б.Н. Верещагин, Ю.А. Нешумов и другие)⁷⁹.

Б.И. Ткаченко, однако, своей позиции не изменил и продолжает отстаивать ее и поныне⁸⁰.

Наконец, интерес к методологии позитивного для обеих сторон решения Китаем и Россией проблемы границы объективно подогревается наличием в мире незавершенных территориальных споров и желанием найти в российско-китайских договоренностях некие подсказки и технологии для их «расшивки». Основания для этого есть. Еще в 2006 г. А.Д. Воскресенский в предисловии к русскому изданию книги известного японского специалиста по пограничным вопросам Акихиро Ивасити отмечал: «Виден и контраст между тем, что российские и китайские руководители нашли в себе терпение, мудрость и понимание, чтобы несмотря на все издержки и сложности, решить в целом пограничную проблему на приемлемых для обеих стран условиях, и японскими политиками, которые... не хотят видеть, что достойные компромиссы в решении пограничных вопросов... могут дать... больше безопасности... чем бесконечные выяснения «кто прав, а кто виноват»⁸¹.

Как бы то ни было, решение вопроса о линии прохождения государственной границы, общее укрепление атмосферы доверия в двусторонних отношениях создали благоприятный фон для динамичного развития

российско-китайского **межрегионального взаимодействия**. Начавшись (и оставаясь в главном) как взаимодействие преимущественно торгово-экономическое, оно мало-помалу распространилось и на другие сферы — туризм, образование, культуру. Эта ситуация диктовала необходимость изучения и прогнозирования связей между РФ и КНР не только по межгосударственной линии, но и «с угла» конкретных регионов.

Безусловным лидером этого направления исследований стал В.Л. Ларин — директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток). Его работы отличаются объективным показом реальной, подчас достаточно противоречивой, картины российско-китайского взаимодействия, позволяющей корректировать исходящее иногда из Москвы одинаково неверное — сусально-благостное или же, напротив, заведомо алармистское — отношение к КНР.

Приведу в качестве примера представленный В.Л. Лариным перечень того, что наши граждане получили благодаря китайцам, ориентированным на ведение бизнеса в России: наполнение рынка товарами ширпотреба и продуктами питания, конкуренцию на рынках труда, ценовую конкуренцию и удешевление местных товаров, инвестиции в недвижимость, наполнение федерального и местных бюджетов, стимулирование турбизнеса и завязанной на него сферы обслуживания, «повышение уровня личного благосостояния отдельных чиновников, таможенников, милиционеров, работающих с китайцами»⁸². Нельзя не отметить и весьма удачное название одной из книг Виктора Лаврентьевича — «В тени проснувшегося дракона»⁸³, позволяющее, среди прочего, понять психологическую подоплеку далеко не однозначного отношения российского населения к возвышающемуся Китаю.

Постепенно сформировалась группа исследователей, специализирующихся на изучении приграничного и межрегионального российско-китайского сотрудничества, прежде всего, в торгово-экономической сфере⁸⁴. Выявилось, что ученые из приграничных краев и областей, как правило, более позитивно оценивают состояние и перспективы такого сотрудничества, чем их коллеги из Москвы и не граничащих с КНР субъектов Федерации. Несходство позиций особенно наглядно проявилось в различии оценок Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири и Северо-Востока КНР на 2009—2018 гг. Она была положительно встречена и оценена в Благовещенске и Хабаровске, тогда как у экспертов из Новосибирска (В.В. Кулешов, А.Г. Коржубаев и другие) и Москвы (М.В. Александрова) сложилось впечатление, что Программа закрепляет сырьевую специализацию России в торгово-экономическом сотрудничестве с КНР⁸⁵.

Растущую важность межрегионального сотрудничества в общем комплексе двусторонних российско-китайских отношений косвенно под-

тверждает тот факт, что к их анализу нередко обращаются политологи московских научных центров. Так, С.Г. Лузянин предпринял одну из первых попыток выделить несколько групп российских регионов, начиная с Урала и далее к востоку, в зависимости от характера и структуры их экономических связей с провинциями Китая⁸⁶. А.Д. Воскресенский, анализируя потенциал и вызовы регионального измерения российско-китайских отношений, пришел к выводу, что региональная компонента двусторонних торгово-экономических связей «по своей структуре и качеству все еще не соответствует провозглашенному стратегическому характеру отношений между двумя странами». Этому, по мнению автора, способствовало бы обеспечение по-настоящему устойчивого поступательного развития Дальнего Востока и Забайкалья⁸⁷.

Решение о проведении в 2006 г. Года России в Китае, а в 2007 г. — Года Китая в России стимулировало изучение российскими китаеводами новой темы — **образа Китая в России и образа России в Китае**.

Среди работ первого направления наибольшую известность получила монография А.В. Лукина «Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII—XXI веках». Она была написана на основе докторской диссертации автора и опубликована как нельзя кстати — в 2007 г. По мнению А.В. Лукина, «современный образ Китая в России — сложная система, состоящая из многообразных представлений на различных уровнях». Автор вводит понятие «многочисленных субобразов Китая», имея в виду образы в различных регионах России и у различных групп населения. В книге детально прослеживается специфика представлений о Китае граждан современной России, придерживающихся различных идеологических воззрений — националистов, левых, либералов-западников, показала сложность изживания тех или иных стереотипов. Особо подчеркивается, что с приходом В.В. Путина к руководству страной «Китай стал рассматриваться как наиболее важный из азиатских партнеров»⁸⁸.

Монография С.Л. Тихвинского, посвященная образу России в Китае, также охватывает период от первых контактов представителей двух держав в XVII веке до наших дней. Сугубо позитивно оценивая разворот российско-китайских связей к «отношениям добрососедства и стратегического партнерства» и всячески ратуя «за дружественное восприятие народами-соседями друг друга», Сергей Леонидович, тем не менее, был вынужден констатировать, что, «к сожалению, в Китае существуют условия для сохранения старых, антироссийских стереотипов среди части населения»⁸⁹. В справедливости этих слов позволяют лишний раз убедиться комментарии некоторых издаваемых в Гонконге журналов, приуроченные к визиту Си Цзиньпина в Россию в марте 2013 г. Так, передовица журнала «Чжэнмин», припомнив России все ее мыслимые и немыслимые «прегрешения» перед Китаем, назвала выбор нашей страны для первой

зарубежной поездки Си Цзиньпина в качестве Председателя КНР «крупным промахом нового руководства»⁹⁰. В другом журнале — «Вайцань» — в связи с визитом руководителя КНР утверждается, будто «Россия... долгое время была преисполнена недоверия к Китаю в международных делах, а рядовые китайцы также не питают особых симпатий к северному соседу»⁹¹.

Так что утверждение подлинной атмосферы доверия между Китаем и Россией и их народами требует дальнейшей неослабной работы обеих стран.

Как отмечалось в еще одной обстоятельной работе российских китаеведов по данной теме, «современные российско-китайские отношения и производный от них образ России в Китае носят сегодня почти исключительно прагматично-функциональный характер, в них недостает эмоционального фона, искренней симпатии...». Этот недостаток предлагалось преодолевать усилиями по возвращению русского языка и русской культуры в Китай как достаточно массового явления, а не удела узкого круга профессионалов, а также настойчивой работой над последовательным улучшением образа Китая в России⁹².

Значительное внимание отечественные исследователи уделили **особенностям позиционирования Китая в международных организациях с его участием** и российско-китайскому взаимодействию в них.

Пожалуй, наибольшее число публикаций посвящено **Шанхайской организации сотрудничества**. На первых порах исследования в этой сфере активно вели Институт Дальнего Востока РАН, Центр исследований Восточной Азии и ШОС МГИМО (У)⁹³ и Российский институт стратегических исследований⁹⁴.

Так, в 2005 г. был опубликован сборник статей по материалам «круглых столов» 2002—2004 гг. в Институте Дальнего Востока РАН «Проблемы становления Шанхайской организации сотрудничества и взаимодействия России и Китая в Центральной Азии», в котором рассматривались геополитическое и геоэкономическое значение Центральной Азии и интересы в регионе основных мировых игроков (В.В. Михеев, В.Б. Якубовский), место ШОС в российско-китайских отношениях и влияние американского фактора на взаимодействие РФ и КНР в организации и в регионе (Ю.С. Песков, А.А. Свешников, С.Г. Лузянин). В работе были сформулированы ближайшие тактические и долгосрочные задачи ШОС, отмечено, что «консолидация ШОС означает, в первую очередь, сближение России и Китая». Предлагалось проработать «возможность проведения ШОС всего спектра миротворческих операций». Прогнозировалось, что «Шанхайская организация сотрудничества при условии умелой организации ее политического и экономического потенциала может стать мощным международным центром силы»⁹⁵.

За этой монографией последовал целый ряд новых работ по аналогичной проблематике⁹⁶. Вопросы российско-китайского взаимодействия в интересах совершенствования деятельности ШОС периодически рассматривались в журнальных публикациях В.Я. Воробьева, Л.П. Моисеева, К.М. Барского⁹⁷ — национальных координаторов РФ в этой организации в разные годы. Хотя в них преобладает официальный оптимизм, в последнее время наблюдаются и элементы косвенной критики ШОС, которая далеко не оправдала дававшихся ей авансов. Так, В.Я. Воробьев, напомнив, что саммит Организации в Пекине в 2012 г. дал старт подготовке среднесрочной стратегии ее развития, отметил необходимость нацелить стратегию на «обеспечение динамизма в деятельности ШОС»: «она должна предполагать своевременную корректировку устаревающих моментов... во избежание появления застойных явлений или опасных тромбов»⁹⁸. На наш взгляд, обобщение опыта деятельности ШОС с 2001 г., предлагаемое дипломатом, будет полезным только в том случае, если обретет характер серьезного критического анализа причин пробуксовки сотрудничества в организации на важнейших направлениях, особенно в сфере экономики.

Сотрудничество в формате Россия—Индия—Китай (РИК) начало обретать реальные очертания с сентября 2001 г., когда в Москве состоялась первая встреча ученых-политологов трех стран. Последняя по времени такая встреча, уже 12-я по счету прошла в Дели в ноябре 2012 г. Диалог ученых помог запуску регулярных встреч министров иностранных дел России, Индии и Китая, а затем и развертыванию секторальных диалогов о перспективах сотрудничества в сельском хозяйстве, здравоохранении, преодолении последствий чрезвычайных ситуаций. Основные итоги встреч ученых регулярно подводятся в журнале «Проблемы Дальнего Востока»⁹⁹. Выступления участников трехсторонней конференции периодически публикует журнал индийского Института китайских исследований «China Report».

В 2004 г. в Институте Дальнего Востока был издан сборник основных докладов российских, индийских и китайских участников трех первых конференций, констатирующий «богатый позитивный потенциал трехстороннего сотрудничества» в связи со схожестью глобальных приоритетов и задач внутреннего развития трех государств, взаимопересекающимися интересами поддержания глобальной стабильности и улучшением всех трех пар двусторонних отношений в формате РИК¹⁰⁰.

Трехстороннему сотрудничеству посвящена специальная глава в монографии российских индологов «Индия—Россия: стратегия партнерства в XXI веке». Согласно прогнозу ее автора Т.Л. Шаумян, «сохранение стабильности отношений между Россией и Индией, Россией и Китаем и необратимость процесса улучшения отношений между Индией и Китаем

создадут условия для повышения роли трехстороннего политического и экономического сотрудничества на мировой арене, в том числе и в их консолидированной борьбе против формирования однополярного мира»¹⁰¹.

Российские китаеведы исходят из того, что у формата РИК сохранилась своя уникальная ниша сотрудничества и после достаточно динамичного запуска взаимодействия в формате **БРИКС** (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка). Интересы Китая в БРИКС также становятся предметом специального анализа отечественного китаеведения. Как отметил С.В. Уянаев, Пекин видит в БРИКС конструктивный фактор формирования более сбалансированного, справедливого и рационального миропорядка. Одновременно КНР настойчиво предлагает активизировать сотрудничество участников в «практически значимых сферах». В целом взаимодействии в формате БРИКС включено в перечень внешнеполитических приоритетов КНР¹⁰².

Всем трем вышеупомянутым форматам посвящены отдельные разделы в сборнике выступлений директора ИДА РАН, академика М.Л. Титаренко на российских и международных конференциях «Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире»: раздел VI «Россия и Китай в Центральной Азии. Растущая роль ШОС» и раздел VIII «РИК и БРИК — новый формат сотрудничества и диалога»¹⁰³.

Комплексный анализ современной внешней политики КНР и ее отношений с отдельными странами и регионами

Современное российское китаеведение отличается явно выраженным креном на изучение отношений России с Китаем, тогда как другим направлениям внешней политики КНР уделяется меньше внимания, чем следовало бы. К тому же к таким исследованиям частенько к месту и не к месту пристегивается «российский фактор», и объектом изучения нередко выступают не двусторонние отношения Китая с той или иной страной, а далеко не всегда оправданные, подчас искусственно конструируемые отношения в «треугольниках» в составе Китая, России и какой-либо еще страны или региона.

Кроме того, исследователями отношений Китая с большинством зарубежных государств (пожалуй, кроме США) обычно выступают не китаеведы, а специалисты других страноведческих профилей. Поэтому, например, картина китайско-японских отношений сформирована в российском общественном сознании добротными трудами японоведов и востоковедов — прежде всего А.В. Семина, Г.Ф. Кунадзе, В.В. Михеева, В.О. Кистанова¹⁰⁴, однако видение этих отношений с «китайского угла», базирующееся на китайязычных источниках, по сути дела отсутствует. То же самое можно сказать и о весьма непростых на современном этапе отношениях КНР с

корейскими государствами и с Вьетнамом — корееведы и вьетнамисты проявляют здесь гораздо большую активность, чем китаеведы¹⁰⁵.

Немногочисленны российские публикации по таким популярным в мире сюжетам, как отношения КНР с Европейским союзом¹⁰⁶ и африканскими государствами¹⁰⁷, странами арабского мира, Ближнего и Среднего Востока.

Лишь в самые последние годы предметом специальных исследований стали отношения КНР с иными, помимо государств Центральной Азии, республиками Содружества независимых государств и странами Балтии¹⁰⁸.

В то же время российское китаеведение демонстрирует высокую активность в изучении отношений **КНР с США**. Это объясняется пониманием объективной важности состояния американо-китайских отношений для международной обстановки в целом и очевидным опасением не просмотреть оформления чего-либо вроде нового варианта биполярного мира с Китаем и Соединенными Штатами в качестве его полюсов.

Роль фактора Тайваня в американо-китайских отношениях и историческую взаимосвязь политики КНР на советском и американском направлениях детально исследовал российский дипломат Г.В. Зиновьев¹⁰⁹. Представляется справедливым его вывод, что «с распадом СССР взаимоотношения Пекина с Вашингтоном и Москвой перешли в новое качество. Холодная война и биполярный мировой порядок ушли в прошлое, что самым существенным образом трансформировало треугольник Вашингтон—Москва—Пекин. США остались единственной сверхдержавой и не нуждались более в такой конфигурации»¹¹⁰.

Реанимация некоторых мотивов «треугольника» пришлась уже на 2000-е годы и объяснялась определенной обеспокоенностью США динамичным российско-китайским сближением. В последние годы ряд ученых предпочитает рассматривать китайско-американские отношения как часть «треугольника». Так, А.С. Давыдов полагает, что «взаимоотношения в тройственной конфигурации РФ—США—Китай будут иметь для России ключевое значение... И хотя говорить о реальности полноценного трехстороннего формата сегодня, к сожалению, не приходится, это не означает, что роль и важность России, даже уступающей двум другим странам по экономическим критериям, становится в их взаимоотношениях менее существенной и весомой». У России, считает А.С. Давыдов, есть преимущества перед двумя сильнейшими (членами треугольника), «которые она может и должна воспользоваться»¹¹¹.

О.А. Тимофеев (Амурский госуниверситет, Благовещенск) уделил основное внимание двусторонним отношениям КНР и США: диалоговым механизмам, торгово-экономическим связям, особенностям подходов к Китаю различных американских президентов¹¹².

Представляется в целом оправдавшимся и по-прежнему актуальным прогноз В.Б. Амирова, сделанный еще в 2007 г.: «не только в американском экспертном сообществе, но и на государственном уровне... скорее всего продолжится борьба курсов на «сдерживание» Китая или на его «конструктивное вовлечение» в мировые дела, либо на сочетание того и другого — на конкуренцию с Китаем за лидерство в АТР в сочетании с партнерством там, где для Соединенных Штатов это представляет несомненный интерес»¹¹³.

Впрочем, по мнению Я.В. Лексютинной, в целом в первый срок пребывания у власти в США администрации Б. Обамы американско-китайским отношениям была свойственна «возросшая нестабильность и усилившаяся конфликтность». Более того, инициированный Б. Обамой внешнеполитический курс на «возвращение в Азию»... вступил в противоречие с интересами Китая»¹¹⁴.

В данном контексте вполне оправданным стало повышение в последние годы внимания российских экспертов к политике **КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе**, которая включает в себя целый ряд относительно самостоятельных «дочерних» направлений. В их числе шаги Пекина по утверждению своего суверенитета над островами Южно-Китайского (Парасельские и Спратли — Сиша и Наньша) и Восточно-Китайского морей (Дяюйдао — Сэнкаку) и его позиция по урегулированию конфликтов с другими претендентами на эти территории, подход к обеспечению безопасности на Корейском полуострове, отношения с государствами-членами АСЕАН, позиционирование по отношению к различным многосторонним форматам в АТР, таким как Восточно-Азиатский саммит и Транстихоокеанское партнерство.

Как полагает В.И. Трифонов (ИДВ РАН), хотя политика Китая все больше приобретает глобальный характер, однако главным центром активности КНР является Азиатско-Тихоокеанский регион. По его мнению, вес и влияние КНР в регионе возросли, «Пекин существенно потеснил здесь Соединенные Штаты, Японию»¹¹⁵. Вместе с тем вряд ли уже сегодня можно говорить о безоговорочном лидерстве Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Его утверждению в этом качестве препятствуют, по мнению главы Московского центра Карнеги Д.В. Тренина, «неразрешенные стратегические разногласия» со странами Юго-Восточной Азии, грядущее соперничество с другой «восходящей» державой Азии — Индией и, конечно же, «бóльшая, чем когда-либо, решимость сдержать» растущую мощь Китая на море и в воздухе, демонстрируемая Японией¹¹⁶. Кстати, еще несколько лет назад Г.Ф. Кунадзе обратил внимание, «что претендующая на спорные острова сторона в вопросе о Сэнкаку — Китай... выступает с предельно жестких ультимативных позиций, по сути, исключая возможность компромисса... Складывается впечатление,

что Китай в вопросе о Сэнкаку» стремится «не столько к урегулированию спора, сколько к его сохранению... для целей политического давления на оппонента»¹¹⁷.

Что касается возможной реакции России, то Д.В. Тренин считает, что «Москва, скорее всего, будет придерживаться нейтралитета по ряду территориальных проблем на восточной и южной периферии КНР»¹¹⁸. Не затрагивая непосредственно спор о суверенитете над островами, В.И. Трифонов полагает «актуальным принятие странами региона действенных мер по стабилизации обстановки», напоминая в этой связи о договоренности глав КНР и РФ (от сентября 2010 г.) совместно выступить с инициативой по укреплению безопасности в АТР¹¹⁹.

Поступательное усиление веса Азиатско-Тихоокеанского вектора в самостоятельном внешнеполитическом курсе России требует дальнейшего систематического и глубокого изучения общей направленности и нюансов внешней политики КНР в данном регионе.

Работы с **общей комплексной характеристикой внешней политики и международных отношений Китая** остаются в России немногочисленными. К их числу можно отнести монографию Е.О. Подолько «Эволюция внешнеполитических концепций Китайской Народной Республики» (2006)¹²⁰, цитировавшийся выше коллективный труд ученых Института мировой экономики и международных отношений под редакцией Г.И. Чуфрина «Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности» (2007), монографию В.Я. Портякова «Становление Китая как ответственной глобальной державы» (2013)¹²¹.

Комплексным охватом отличаются в большинстве случаев международно-политические разделы ежегодника Института Дальнего Востока РАН «Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура». Так, Ежегодник за 2012—2013 гг. анализирует политическое, торгово-экономическое и международное сотрудничество России и Китая (авторы — соответственно, В.Е. Петровский, С.В. Уянаев и М.В. Александрова), общие проблемы внешнеполитического курса КНР (В.И. Трифонов), отношения Китая со странами СНГ (А.И. Мокрецкий), США (А.С. Давыдов), ЕС (А.О. Виноградов), Индией (С.В. Уянаев), Афганистаном (А.Ф. Клименко и Ю.В. Морозов), позицию КНР в форматах РИК и БРИКС (С.В. Уянаев), ШОС (С.Г. Лузянин), политику Пекина на Ближнем Востоке (К.В. Антипов), в странах Африки и Латинской Америки (Е.И. Сафронова)¹²².

Изменения во внешней политике Китая последних лет рассмотрены также в обобщающих статьях М.В. Мамонова¹²³, С.Г. Лузянина¹²⁴. В серии статей В.Я. Портякова об особенностях «послеолимпийского» (2008 г.) внешнеполитического курса Пекина¹²⁵ проанализированы причины активизации КНР на мировой арене. В их числе — рост экономиче-

ской мощи, давление националистических настроений в обществе на руководство страны, расчеты на ослабление США и скорое обретение Китаем сверхдержавного статуса. Хотя с конца 2010 г. Китай пытается несколько скорректировать свою манеру поведения в международном сообществе, внешнеполитическая платформа XVIII съезда КПК (ноябрь 2012 г.) свидетельствует о его готовности жестко отстаивать свои интересы и в условиях декларируемой приверженности мирному пути развития.

В целом сделан вывод, что период доминирования заветов Дэн Сяопина, в том числе центрального из них — «держаться в тени, стараясь ничем не проявлять себя» — как руководящего курса практической внешней политики КНР постепенно завершается¹²⁶.

* * *

В заключение совсем коротко о некоторых проблемах, с которыми сталкивается изучение международных отношений и внешней политики Китая в современной России.

Количество пишущих по этой информационно неисчерпаемой теме неуклонно растет, но оно явно не переходит в качество. Экспертов, базирующих свои выводы и прогнозы на изучении солидных китайязычных первоисточников, вполне можно пересчитать на пальцах двух рук, а то и одной. Обширная научная литература по международным отношениям, включая периодику, которая издается в КНР, плохо известна в России. То же можно сказать и об англоязычной литературе по Китаю — она стала существенно менее доступной, чем в советские времена, отчасти из-за дороговизны, отчасти из-за общей утраты в стране культуры работы с научной информацией (интернет-ресурсы восполняют этот пробел лишь отчасти).

Еще печальнее то обстоятельство, что малодоступными даже для специалистов стали многие работы российских китайедов. Причина — малотиражность и дороговизна и книг, и журналов. Возникла вполне реальная угроза разрыва единого для всей России научно-образовательного пространства по Китаю, в том числе по международным отношениям и внешней политике, его распада на множество локальных версий китайеведения, производимых и воспроизводимых в высших учебных заведениях различных регионов страны.

В нынешней ситуации настоятельно требуется подготовка совместными усилиями ведущих китайедов-международников России «Истории международных отношений и внешней политике КНР», которая охватывала бы период с конца 1980-х годов и могла бы служить стандартом и своего рода справочником для преподавателей, журналистов и российской общественности.

(2012—2014)

Примечания

¹ *Титаренко М.Л.* Россия и Восточная Азия. М., 1994; *Титаренко М.Л.* Россия лицом к Азии. М., 1998. *Михеев В.В.* Российские подходы к проблеме участия России в азиатско-тихоокеанской интеграции // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 1. С. 27—33.

² Проблемы Дальнего Востока (далее ПДВ). 1995. № 3. С. 4—37.

³ *Яковлев А.Г.* Россия и Китай: состояние и перспективы отношений // Китай в мировой и региональной политике (История и современность) // ИДВ РАН. 1995. Информационный бюллетень. № 3. С. 28.

⁴ Там же. С. 45—47.

⁵ *Рогачев И.А.* Проблемы и перспективы двустороннего сотрудничества // Китай на пути модернизации и реформ, 1949—1999. М., 1999. С. 38.

⁶ Пожалуй, самой популярной статьей российских «мировцев» по двусторонним отношениям стала публикация Е.В. Афанасьева и Г.С. Логвинова «Россия и Китай: на пороге нового тысячелетия» в журнале «Международная жизнь». 1995. № 11—12. С. 51—60.

⁷ *Мясников В.С.* Россия и Китай: перспективы партнерства в АТР в XXI в. // Внешняя политика и безопасность современной России (1991—1998). Хрестоматия. В 2 т. Т. 1. Кн. II. М., 1999. С. 200—201.

⁸ *Воскресенский А.Д.* Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М., 1999. С. 279—282; *Воскресенский А.Д.* Китай во внешнеполитической стратегии России // Внешняя политика и безопасность современной России (1991—1998). Хрестоматия. В 2 т. Т. 1. Кн. II. М., 1999. С. 153—158.

⁹ *Титаренко М.Л.* Взаимовыгодное партнерство, обращенное в XXI век // ПДВ. 1997. № 3. С. 45—49; *Титаренко М.Л.* Китай в пост-Дэновскую эпоху и российско-китайские отношения // Международная жизнь. 1995. № 5. С. 27—36.

¹⁰ *Спрогис Е.В.* Вызовы и возможности экономического сотрудничества // Pro et Contra. 1998. № 1. С. 58—69; *Спрогис Е.В.* О некоторых проблемах развития двусторонних торгово-экономических связей // Бизнес и политика. 1997. № 12. С. 18—22; *Кулик А.Б.* Российско-китайское экономическое сотрудничество // Бизнес и политика. 1997. № 12. С. 14—17.

¹¹ *Макиенко К.* Опасно ли торговать оружием с Китаем? // Pro et Contra. 1998. № 1. С. 41—57.

¹² *Ларин В.Л.* Россия и Китай на пороге третьего тысячелетия: кто же будет отстаивать наши национальные интересы? Взгляд с российского Дальнего Востока // Внешняя политика и безопасность современной России (1991—1998). Хрестоматия... Т. 1. Кн. II. М., 1999. С. 161; см. также: *Ларин В.Л.* Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х годов: проблема регионального взаимодействия. Владивосток, 1998.

¹³ *Ткаченко Б.И.* Восточная граница между Россией и Китаем в договорах и соглашениях XVIII—XX веков. Владивосток, 1998.

¹⁴ Сопоставление уровней экономического развития Китая и России (отв. ред. В.И. Шабалин) // ИДВ РАН. Информационный бюллетень. 1993. № 9. С. 9—10.

¹⁵ *Портяков В.* «Он уважать себя заставил...» (Китай и Россия в экономическом измерении) // Pro et Contra. 1998. № 1. С. 26—40. Здесь — с. 27.

¹⁶ *Богатуров А.Д.* Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945—1995). М., 1997. С. 285.

¹⁷ *Тренин Д.В.* Китайская проблема России. М., 1998. С. 37.

¹⁸ Китайские реформы и Россия. В 2 томах. Составитель и редактор Круглов А.М. М., ИДВ РАН. 2000.

¹⁹ *Портяков В.Я.* Китайские реформы в российских оценках // Бизнес и политика. 1997. № 5. С. 42—48; *Портяков В.Я.* Китайские ученые о российских реформах // Бизнес и политика. 1997. № 4. С. 51—58; *Портяков В.Я.* Сюй Минь. Экономические реформы в Китае и СССР/России: проблемы сопоставления и взаимовлияния // Восток. 1997. № 5. С. 86—97; № 6. С. 62—76.

²⁰ *Воскресенский А.Д.* Китай во внешнеполитической стратегии России... С. 141.

²¹ Там же. С. 145. Впервые идея мирного характера российско-китайских отношений на протяжении нескольких сот лет была сформулирована в монографии А.Д. Воскресенского «Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года». М., 1995. С. 43—44.

²² Например, историк из Красноярска В.Г. Дацышен назвал свою работу о русско-китайских отношениях на рубеже XIX—XX веков «Русско-китайская война. Маньчжурия 1900 г.» (СПб., 1996).

²³ *Мясников В.С.* Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы. XVII—XX вв. М., 1996. С. 395.

²⁴ *Белов Е.А.* Россия и Китай в начале XX века: русско-китайские противоречия в 1911—1915 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 1997; *Белов Е.А.* Россия и Монголия (1911—1919 гг.). М., 1999; *Белов Е.А.* Тибетская политика России (1900—1914 г.). М.: Восток, 1994. № 3. С. 93—109; *Белов Е.А.* К истории русско-китайских отношений в Синьцзяне в период Синьхайской революции (1911—1913) // ПДВ. 1995. № 2. С. 85—95.

²⁵ История Российской духовной миссии в Китае. М.: Издательство Свято-Владимирского братства, 1997; *Инатова А.С.* Место Российской духовной миссии в Китае в истории российско-китайских отношений // «Востоковедение и мировая культура: К 80-летию академика Тихвинского С.Л. М., 1998. С. 202—223.

²⁶ Т. I (1920—1925 гг.) опубликован в 1994 г.: т. II (1926—1927 гг.), в двух частях — в 1996 г. Издание осуществлено при поддержке Свободного университета Берлина.

²⁷ *Кузнецов В.С.* Внешняя политика Китая в 1923—1937 гг. Ч. 1, 2. М.: ИДВ РАН, 1992.

²⁸ *Мировицкая Р.А.* Китайская государственность и советская политика в Китае. Годы Тихоокеанской войны: 1941—1945. М., 1999.

²⁹ *Ледовский А.М.* СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий: 1937—1952. М., 1999.

³⁰ *Кулик Б.Т.* Китайская Народная Республика в период становления (1949—1952) // ПДВ. 1994. № 5. С. 111—125; № 6. С. 73—83; *Кулик Б.Т.* О феномене внешней политики КНР. 1954—1956 гг. // ИДВ РАН. Информационный бюллетень. 1995. № 3. С. 3—27.

³¹ *Делюсин Л.П.* Некоторые размышления о начале советско-китайского конфликта. — Россия и современный мир. М., 1998. « 3. С. 233—256; *Рябченко Н.П.* Советско-китайский конфликт, 60-е — начало 80-х годов. — Россия и АТР. Владивосток, 1998. № 2. С. 53—59; 1998. № 4. С. 50—62; *Кулик Б.Т.* Влияние советско-китайского конфликта на международные отношения // ИДВ РАН. Информационный бюллетень. 1997. № 13. С. 181—202.

³² *Кулик Б.Т.* Советско-китайские отношения на пути к нормализации (1997—1989 г.) // ИДВ РАН. Информационный бюллетень. 1999. № 2. С. 184—209. Здесь — с. 199, 206.

³³ *Галенович Ю.М.* «Белые пятна» и «болевые точки» в истории советско-китайских отношений. В 2 т. Т. 1. От октября 1917 г. до октября 1949 г.: Т. 2. В 2-х книгах. СССР и КНР (1949—1991 гг.) М.: ИДВ РАН, 1992.

³⁴ *Мелихов Г.В.* Маньчжурия далекая и близкая. М., 1991; *Таскина Е.* Харбин — продукт контактов стран-соседей // ПДВ. 1999. № 4. С. 132—137.

³⁵ *Внуков К.В.* Советология КНР и советско-китайские отношения (1970—1990 г.) // ИДВ РАН. Информационный бюллетень. 1992. № 8.

³⁶ *Яковлев А.Г.* Россия, Китай и Индия в условиях становления новой bipolarности мира // ИДВ РАН. Информационный бюллетень. 1996. № 13. С. 3—28. Здесь — с. 19.

³⁷ См.: *Педин А.В.* Китайско-индийские отношения на современном этапе. — Новые акценты и тенденции во внешней политике Китая // ИДВ РАН. Информационный бюллетень. 1994. № 7. С. 161—171; *Педин А.В.* Индия и Китай ищут пути к сотрудничеству. — Китай в мировой и региональной политике (История и современность) // ИДВ РАН. Информационный бюллетень. 1995. № 3. С. 121—132.

³⁸ *Широков Г.К., Лунев С.И.* Россия, Китай и Индия в современных глобальных процессах. М., 1998; *Веселов В.Т., Смирнов А.А.* Россия, Китай, Индия: оптимальные формы и главные направления сотрудничества [по материалам научной конференции 15—17 апреля 1998 г.] // Восток. 1998. № 6. С. 142—144.

³⁹ *Педин А.В.* Отношения Китая с центральноазиатскими государствами СНГ // ИДВ РАН. Информационный бюллетень. 1996. № 13. С. 130—141; *Песков Ю.С.* Проблемы и перспективы сотрудничества России и Китая со странами Центральной Азии — членами СНГ // ПДВ. 1997. № 4. С. 19—27.

⁴⁰ *Занегин Б.Н.* США и Китай: конфликтный потенциал // США — Канада: экономика, политика, культуры. 1999. № 3—4. С. 44—55; Барышников В.Н. (автор

предисловия). О китайско-американских отношениях на современном этапе (К саммитам между председателем КНР Цзян Цзэмином и президентом США Б. Клинтон) // Экспресс-информация. М.: ИДВ РАН, 1997. № 10; *Барышников В.Н.* (составитель, автор предисловия и рефератов). Китайские политологи о перспективах развития китайско-американских отношений после обмена визитами между Цзян Цзэмином и Б. Клинтон // Экспресс-информация. М.: ИДВ РАН, 1999. № 4.

⁴¹ *Галенович Ю.М.* Рубеж перед стартом: китайская проблема для России и США на пороге XXI века. М., 1999. С. 308.

⁴² *Дейч Т.Л.* Китай и Африка: время перемен (80-е годы). М., 1992; *Дейч Т.Л., Шубин В.Г.* Китай и Южная Африка: эволюция взаимоотношений. М.: Институт Африки РАН, 1999.

⁴³ *Лузянин С.* Монголия: между Китаем и советской Россией (1912—1924) // ПДВ. 1995. № 2. С. 71—84; *Лузянин С.* Ялтинская конференция и проблемы международно-правового оформления МНР накануне и в годы Второй мировой войны // ПДВ. 1995. № 2. С. 52—60.

⁴⁴ *Сафронова Е.И.* К вопросу о роли преемственности и традиций в построении современного политико-экономического курса КНР относительно развивающихся стран. — Новые акценты и тенденции во внешней политике Китая // ИДВ РАН. Информационный бюллетень. 1994. № 7. С. 87—104; *Сафронова Е.И.* Отношение КНР к сотрудничеству «Юг—Юг» как средству установления нового международно-экономического порядка // Информационный бюллетень. 1999. № 2. С. 156—165.

⁴⁵ *Семин А.В.* Китай—Япония: и партнеры, и соперники // Азия и Африка сегодня. 1998. № 9. С. 16—21; *Семин А.В.* Японо-китайские отношения в многополярном мире // ПДВ. 1998. № 3. С. 10—15; *Семин А.В.* Токио—Пекин: непростой диалог // ПДВ. 1999. № 3. С. 45—49.

⁴⁶ *Степанов Е.Д.* Пограничная политика в системе внешнеполитических приоритетов КНР (1949—1994 гг.) // ИДВ РАН. Информационные материалы. Серия: Международные отношения стран Северо-Восточной Азии. 1996. Вып. 1; *Степанов Е.Д.* Правовые аспекты территориальных споров в Южно-Китайском море // ПДВ РАН. Информационные материалы. Серия: Международные отношения стран Северо-Восточной Азии. 1997. Вып. 3.

⁴⁷ *Степанов Е.Д.* Китай на морских рубежах // ИДВ РАН. Информационный бюллетень. 1994. № 4. С. 85.

⁴⁸ *Волохова А., Воропаева О.* Изменения в мире в начале 90-х годов и роль КНР: оценки китайских политологов // ПДВ. 1994. № 6. С. 22—31.

⁴⁹ *Яковлев А.Г.* Биполярность — главный параметр мирового сообщества и вчера, и сегодня, и завтра // Китай в мировой и региональной политике (История и современность) // ИДВ РАН. Информационный бюллетень. 1997. № 13. С. 3—47. Здесь — с. 44—47.

⁵⁰ *Свешников А.А.* Внешнеполитические концепции КНР и концептуальные представления китайских специалистов-международников // ИДВ РАН. Информационный бюллетень. 1999. № 1. С. 109—110; Информационный бюллетень. 1994. № 4. С. 173—174.

⁵¹ Там же. С. 175.

⁵² Обсуждение сборника статей «История и современное состояние китайско-российских отношений» [Кайфэн, 2004. На кит. яз.] // Проблемы Дальнего Востока (далее ПДВ). М., 2005. № 3. С. 8—43; № 4. С. 17—42. В «Круглом столе» принимали участие: М.Л. Титаренко, В.Я. Портяков, Н.Л. Мамаева, Ю.М. Галенович, А.А. Свешников, А.В. Островский, М.В. Александрова, А.Г. Ларин, В.Б. Кашин, Е.Д. Степанов, В.Ф. Бородич, Ю.С. Песков, С.Л. Тихвинский, Р.А. Миrowsкая, М.В. Крюков, А.С. Ипатова, И.Б. Кульчицкая, Н.А. Самойлов, А.А. Москалев, С.Г. Лузянин, В.И. Балакин.

⁵³ См.: ПДВ. 2011. № 1. С. 45—123.

⁵⁴ Круглый стол в ПДВ. Фактор Китая в взаимоотношениях РФ и США // ПДВ. 2012. № 2. С. 75—122. С российской стороны в заочном круглом столе приняли участие: А.С. Давыдов, Ю.А. Дубинин, А.С. Крушинский, А.Г. Ларин, В.И. Трифонов, С.М. Труш. С американской стороны — Эзра Вогель, Джон Гарвер, Лоуэлл Диттмер, Джун Дрейер, Эллис Миллер, Грегори Мур.

⁵⁵ Пяти принципам мирного сосуществования и их месту в дипломатии КНР посвящена книга: *Волохова А.А.* Основы китайской дипломатии. М., 2007. 151 с. А. Мардашову принадлежит глава об экономической дипломатии Китая в коллективной монографии «Экономическая дипломатия в эпоху глобализации» под редакцией Л.М. Капицы (М.: МГИМО (У), 2010). См. также: *Портяков В.* Внешнеполитический инструментарий Китайской Народной Республики в процессе перемен // ПДВ. 2011. № 1. С. 135—149.

⁵⁶ *Куликова Г.В.* Россия—Китай: народная дипломатия. Общество российско-китайской дружбы. М., 2012. 512 с.

⁵⁷ *Ломанов А., Борох О.* Стратегия создания «могущественного культурного государства» (о решениях 6-го пленума ЦК КПК 17-го созыва) // ПДВ. 2012. № 1. С. 4—16.

⁵⁸ Специальный опрос общественного мнения был, в частности, проведен при подготовке работы А.Г. Ларина «Китайская миграция в России». Данные об опросах общественного мнения в КНР и США широко используются в работах Д.В. Кузнецова (Благовещенск). См., например: *Кузнецов Д.* Место, роль и политика КНР в международных отношениях в зеркале китайского общественного мнения // Современный Китай в системе международных отношений. М., 2012. С. 231—277.

⁵⁹ Границы Китая: история формирования / под общ. ред. В.С. Мясникова и Е.Д. Степанова. М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 6—7.

⁶⁰ Указ. соч. Гл. 5. С. 403—449.

- ⁶¹ *Степанов Е.Д.* Политика начинается с границы. Некоторые вопросы пограничной политики КНР второй половины XX в. М.: ИДВ РАН. 244 с.
- ⁶² См.: *Канаев Е.А.* Конфликт из-за островов Южно-Китайского моря: история, характер урегулирования, перспективы эволюции. М.: Готика, 2007; *Лексютин Я.* Обострение напряженности в Южно-китайском море: взгляд из ЮВА, КНР и США // ПДВ. 2011. № 5. С. 30—41; *Мосяков Д.В.* Политика Китая в отношении стран Юго-Восточной Азии и ее влияние на безопасность и баланс сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе — в кн. «Актуальные проблемы региональной безопасности современной Азии и Африки». СПб., 2013. С. 77—92; *Колотов В.Н.* Восточноазиатская дуга нестабильности как основной элемент системы региональной безопасности // Актуальные проблемы региональной безопасности современной Азии и Африки. С. 58—76.
- ⁶³ *Кулик Б.Т.* Советско-китайский раскол: причины и последствия. М., 2000. С. 9.
- ⁶⁴ *Кулик Б.Т.* Цит. соч. С. 289, 607.
- ⁶⁵ Китай в мировой политике. М.: МГИМО (Университет), 2001. 523 с.
- ⁶⁶ Китай в мировой политике. С. 482—483.
- ⁶⁷ *Корсун В.А.* Внешняя политика Китая на пороге XXI века. М.: МГИМО (У) МИД России, 2002. С. 66, 69.
- ⁶⁸ *Корсун В.А.* Цит. соч. С. 110.
- ⁶⁹ Российско-китайские отношения. Состояние, перспективы. М., 2005. С. 402—403, 407.
- ⁷⁰ Там же, с. 399.
- ⁷¹ *Кузык Б.Н., Титаренко М.Л.* Китай—Россия 2050: стратегия соразвития. М., 2006. 656 с. На предпоследней странице книги отмечается, что при ее подготовке представили свои разработки Е.С. Баженова, Я.М. Бергер, Ю.М. Галенович, Л.М. Гудошников, П.Б. Каменнов, М.В. Крюков, А.В. Ломанов, А.В. Островский, И.А. Петухов, В.Я. Портяков, А.А. Свешников, Е.Д. Степанов.
- ⁷² Китай—Россия 2050. С. 567, 570.
- ⁷³ Там же. С. 574—577.
- ⁷⁴ Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / под ред. А.В. Лукина. М., 2013. С. 689.
- ⁷⁵ Среди последних по времени публикаций: *Lukin. A.* Russia and Ascendant China. In.: China Rise: Threat or Opportunity? Routledge, Singapore. 2013. Pp. 52—79; *Portyakov, V.* Russian-Chinese Relation: Current Stage and Future Prospects. — R/ Evolutions. Poznan, Adam Mickewicz University. 2013, Vol. 1, Issue 1. Pp. 234—245; *Voskressenski, A.* The Structural Stages of Russian-Chinese Cooperation after the Collapse of the USSR and Prospects for the Emergence of a Forth Stage — Eurasian Review. Kookmin University, Seoul, Vol. 5, November 2012.
- ⁷⁶ Границы Китая: история формирования. С. 221.

⁷⁷ См., например: *Цзян Чанбинь*. Эволюция восточного участка китайско-российской границы : [Чжун Э гоцзе дундуань дэ янбянь]. Пекин, 2007. 489 с; Хронология неравноправных договоров в новой истории Китая : [Чжунго цзиньдай бу пиндэн тьяоюэ няньбяо]. Пекин, 2012. 167 с.

⁷⁸ *Галенович Ю.М.* Россия и Китай в XX веке: Граница. М.: Изограф, 2001 (часть II монографии называется «Чего от нас хотел Пекин? Воспоминания участника советско-китайских переговоров 1960—1970-х гг. — с. 80—308); *Елизаветин А.И.* Записки советского посла. М., 2012; *Воробьев В.* Об урегулировании пограничных вопросов с КНР (Заметки, навеянные воспоминаниями китайских дипломатов) // ПДВ. 2012. № 2. С. 70—74; *Воробьев В.* Неизвестные страницы пограничных переговоров с Китаем // Международная жизнь. 2006. № 12. С. 56—61.

⁷⁹ *Киреев Г.В.* Россия—Китай. Неизвестные страницы пограничных переговоров. М.: РОССПЭН, 2006. С. 230, 305—309.

⁸⁰ В 2010 г. вышла в свет новая монография Б.И. Ткаченко «Восточная граница между Россией и Китаем в документах и фактах» (Владивосток, 2010. 364 с.), где, в частности, утверждается, что разрешение в 2004 г. проблемы островов в районе Хабаровска и в верховьях реки Аргунь «наносит геополитический ущерб интересам России в настоящее время и в будущем».

⁸¹ *Воскресенский А.Д.* Исторические омуты книги профессора Акихиро Ивасита. Предисловие к русскому изданию книги Акихиро Ивасита «4000 километров проблем. Российско-китайская граница». М., 2006. С. 45.

⁸² *Ларин В.Л.* Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX — начало XXI века). М., 2005. С. 272—273.

⁸³ *Ларин В.Л.* В тени проснувшегося дракона. Российско-китайские отношения на рубеже XX—XXI веков. Владивосток, 2006.

⁸⁴ Назовем М.В. Александрову из Института Дальнего Востока РАН — автора монографий «Китай и Россия: особенности регионального экономического взаимодействия в период реформ» (М., 2003. 179 с.) и «Экономическое взаимодействие регионов России и Китая в период реформ» (М., 2005. 262 с.), Л.Н. Понкратову из Амурского государственного университета (Благовещенск), Е.И. Деваеву и Н.И. Рыжову из Института экономических исследований ДВО РАН (Хабаровск).

⁸⁵ См.: *Кулешов В., Атанов Н., Безруков Л., Коржубаев А., Малов В., Санеев Б., Сысоева Н.* О некоторых аспектах совершенствования российско-китайского межрегионального сотрудничества // ПДВ. 2010. № 6. С. 62—69; *Александрова М.В.* Российско-китайское инвестиционное сотрудничество: вчера, сегодня, завтра // Российско-китайское сотрудничество в Северо-Восточной Азии: к устойчивому развитию и взаимному процветанию (доклады российско-китайской конференции 11 октября 2011 г.). М., 2012. С. 105—117.

⁸⁶ *Лузянин С.Г.* Российско-китайское стратегическое партнерство: региональное, культурно-цивилизационное и образовательное измерения. В кн.: Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте: политические, экономические и социокультурные измерения. Владивосток, 2008. С. 156—180.

⁸⁷ *Воскресенский А.Д.* Россия и Китай: потенциал, перспективы, вызовы и проблемы регионального измерения отношений // *Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте...* С. 70—136.

⁸⁸ *Лукин А.В.* Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII—XXI веках. М., 2007. С. 486, 482.

⁸⁹ Восприятие в Китае образа России // *Тихвинский С.Л.* Избранные произведения: в 5 кн. Кн. 6. Дополнительная. М., 2012. С. 228.

⁹⁰ Крупный промах нового руководства : [Синь баньцзы и да байби] // *Чжэн-мин. Гонконг.* № 427. Май 2013. С. 2—3.

⁹¹ *Чжан Вэй.* «Политический вальс» Си Цзиньпина : [Си Цзиньпин дэ «чжэн-чи хуаэрцы»] // *Вайцань. Гонконг,* 2013. № 5. С. 17.

⁹² Основные особенности современного внутри- и внешнеполитического курса китайского руководства и их влияние на образ России в Китае / руководитель авторского коллектива В.Я. Портяков; отв. ред.-сост. Е.И. Сафронова // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XIII (Специальный).* М.: ИДВ РАН, 2008. С. 272—274.

⁹³ См.: *Лукин А., Мочульский А.* Шанхайская организация сотрудничества: структурное оформление и перспективы развития — Аналитические записки Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России. М., 2005. Вып. 2.

⁹⁴ См.: *Комиссина И.Н., Куртов А.А.* Шанхайская организация сотрудничества: становление новой реальности. М., 2005. 118 с.

⁹⁵ Проблемы становления Шанхайской организации сотрудничества и взаимодействия России и Китая в Центральной Азии / отв. ред. А.В. Болятко; сост. А.Ф. Клименко. М.: ИДВ РАН, 2005. С. 216—221.

⁹⁶ См., например: *Россия и Китай в Шанхайской организации сотрудничества.* М.: ИДВ РАН, 2006. 239 с; *Взаимодействие России с Китаем и другими партнерами по Шанхайской организации сотрудничества.* М.: ИДВ РАН, 2008. 180 с.

⁹⁷ См., например: *Барский К.* Центральная Азия под «непромокаемым зонтиком» ШОС // *Международная жизнь.* 2012. № 5; *он же.* Шанхайская организация сотрудничества накануне саммита в Бишкеке: основные задачи момента // *Международная жизнь.* 2013. № 5; *Моисеев Л.П.* Через ШОС снимается масса проблем // *Международная жизнь.* 2010. № 6.

⁹⁸ *Воробьев В.* Некоторые аспекты подготовки стратегии Шанхайской организации сотрудничества // *Международная жизнь.* М., 2013. № 7. С. 126—132.

⁹⁹ См., например: *Уянаев С., Портяков В.* Об итогах 11-й трехсторонней конференции ученых России, Индии и Китая — ПДВ, 2012, № 1. С. 32—37; *Уянаев С.* Россия—Индия—Китай: 12-я трехсторонняя конференция ученых — ПДВ, 2013, № 1. С. 19—24.

¹⁰⁰ *Уянаев С.* Проблема трехсторонних отношений России, Индии и Китая. Предисловие // *Взаимодействие России, Индии и Китая в XXI в.: проблемы, перспективы, направления.* В 2 т. М.: ИДВ РАН, 2004. Т. 1. С. 10—11.

¹⁰¹ Кузык Б.Н., Шаумян Т.Л. Индия—Россия: стратегия партнерства в XXI веке. М., 2009. С. 1124—1125.

¹⁰² Уянаев С. Интересы Китая в БРИКС: отражение роли и стратегии КНР в мире // ПДВ. 2012. № 6. С. 4—19.

¹⁰³ Титаренко М.Л. Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы. М., 2012. С. 397—432, 474—540.

¹⁰⁴ См., например: Семин А.В. Японо-китайские отношения: состояние, проблемы и тенденции (конец XX — начало XXI века). М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2008; Кунадзе Г.Ф. Китай во внешней политике Японии // Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности. М., 2007. С. 178—196; Михеев В.В. Китай—Япония. Стратегическое соперничество и партнерство в глобализирующемся мире. М.: ИМЭМО РАН, 2009; Кистанов В. Антикитайская сеть Японии. Токио создает сдержки и противовесы Пекину по всему миру // Независимая газета. 2013. 10 июля.

¹⁰⁵ См.: Федоровский А.Н. Корейский полуостров и Китай // Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности. М., 2007. С. 217—236; Колотов В.Н. Вьетнам между США и КНР: историко-политологический анализ современной геополитической ситуации в регионе // Основные тенденции политического и экономического развития стран современной Азии и Африки. СПб., 2011. С. 289—305.

¹⁰⁶ См.: Носов М.Г., Смольников С.В. ЕС—Китай на пути к глобальному партнерству. М.: Институт Европы РАН, 2005. 49 с.; Мардашев А. Китайская Народная Республика и Европейский союз: процесс становления всестороннего стратегического партнерства и перспективы его дальнейшего развития // ПДВ. 2009. № 3. С. 7—15; Майборода Д. Саммиты КНР—ЕС // ПДВ. 2010. № 3. С. 20—28.

¹⁰⁷ Здесь следует выделить монографию Т.Л. Дейч «Африка в стратегии Китая». М.: Институт Африки РАН, 2008. 326 с.

¹⁰⁸ См.: Страны СНГ и Балтии в глобальной политике Китая. М.: Российский институт стратегических исследований, 2013.

¹⁰⁹ Зиновьев Г.В. История американско-китайских отношений и тайваньский вопрос (2-е издание). Томск, 2007; Зиновьев Г.В. Китай и сверхдержавы. История внешней политики КНР (1949—1991). СПб., 2010.

¹¹⁰ Зиновьев Г.В. Китай и сверхдержавы. С. 315.

¹¹¹ Давыдов А. КНР—США—Россия: обещают ли перемены во власти власть перемен? // ПДВ. 2013. № 2. С. 67—83. Здесь — с. 81.

¹¹² Тимофеев О.А. Американско-китайские отношения на современном этапе: события, процессы, тенденции // Современный Китай в системе международных отношений. М., 2012. С. 82—127.

¹¹³ Амиров В.Б. Соединенные Штаты: демистификация Китая? // Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности. М., 2007. С. 175.

¹¹⁴ Лексютина Я.В. США и Китай: линии соперничества и противоречий. СПб., 2011. С. 206—207.

¹¹⁵ *Трифонов В.И.* Ситуация в Азиатско-Тихоокеанском регионе: столкновение линий на сотрудничество и противоборство // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XVII. М.: ИДВ РАН, 2012. С. 32.

¹¹⁶ *Тренин Д.* Верные друзья? Как Россия и Китай воспринимают друг друга. М.: Московский центр Карнеги, 2012. С. 30—31.

¹¹⁷ *Кунадзе Г.Ф.* Китай во внешней политике Японии // Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности. С. 192.

¹¹⁸ *Тренин Д.* Указ. соч. С. 64.

¹¹⁹ *Трифонов В.И.* Указ. соч. С. 36—37.

¹²⁰ *Подолько Е.О.* Эволюция внешнеполитических концепций Китайской Народной Республики. М.: Дипломатическая академия МИД России, 2006. 210 с.

¹²¹ *Портяков В.Я.* Становление Китая как ответственной глобальной державы. М.: ИДВ РАН, 2013. 240 с.

¹²² Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2012—2013. С. 215—374.

¹²³ См.: *Лузянин С.Г., Мамонов М.В.* Китай в глобальных и региональных измерениях: ресурсы и маршруты «возвышения» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XVI. М.: ИДВ РАН, 2011. С. 5—31.

¹²⁴ *Лузянин С.Г.* Внешняя политика Китая: от регионального к глобальному // Российско-китайское сотрудничество в Северо-Восточной Азии: к устойчивому развитию и взаимному процветанию. М.: ИДВ РАН, 2012. С. 31—54.

¹²⁵ *Портяков В.* О некоторых особенностях внешней политики Китая в 2009—2011 гг. // ПДВ. 2012. № 2. С. 27—42; *Портяков В.* Перспективы дальнейшего возвышения Китая и его возможные геополитические последствия // ПДВ. 2013. № 2. С. 52—66; *Портяков В.* О некоторых аспектах внешней политики Китайской Народной Республики в 2012 г. // ПДВ. 2013. № 3. С. 50—58.

¹²⁶ *Портяков В.* Внешнеполитические заветы Дэн Сяопина и их современная интерпретация // ПДВ. 2012. № 5. С. 14—27. Здесь — С. 24.

К ВОПРОСУ О КОМПЛЕКСНОЙ МОЩИ КИТАЯ: ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ, СТРУКТУРА, ДИНАМИКА, ПЕРСПЕКТИВЫ

I

В последнее время целый ряд факторов и процессов заметно актуализировал вопрос о комплексной мощи Китая — ее динамике, современном уровне и перспективах дальнейшего наращивания, сравнении с комплексной мощью других держав, прежде всего США, Японии, Индии. Упомянем в данном контексте беспрецедентный экономический рост Китайской Народной Республики в период пребывания у власти четвертого поколения лидеров страны во главе с Ху Цзиньтао, обеспечивший выход страны на 2-е место в мире вслед за США по общему размеру валового внутреннего продукта и увеличение ее доли в мировой экономике с 3,7 % в 2003 г. до более 10 %, начиная с 2010 г. В 2013 г. КНР вышла на первое место в мировой торговле товарами. С приходом к власти пятого поколения лидеров государства во главе с Си Цзиньпином был выдвинут лозунг осуществления «китайской мечты», подразумевающий реализацию долгосрочных ориентиров развития страны и повышение ее международного влияния. Данный лозунг подкреплен существенной активизацией деятельности Китая на мировой арене, открыто декларированным курсом на усиление его военно-морской и в целом оборонной мощи.

Важные подвижки, непосредственно затрагивающие Китай, произошли и в международных отношениях. В их числе — провозглашенный администрацией Б. Обамы курс на «возвращение США в Азию», существенное усиление борьбы между Китаем и Японией за лидерство в Восточной Азии, усугубляемое спором о принадлежности островов Дяоюйдао—Сенкаку, притязания ряда стран Юго-Восточной Азии на острова Южно-Китайского моря, которые Китай исторически считает своими, пе-

риодически усиливающаяся взаимная настороженность в китайско-индийских отношениях.

В этой ситуации по-своему естественно, что ссылки на «комплексную мощь Китая» стали чаще, чем ранее, встречаться и в китайских, и в иностранных СМИ. Так, известный китайский ученый-международник Ма Чжэньган завершил свою статью о новых особенностях дипломатии Си Цзиньпина выводом, что «дипломатия является воплощением комплексной мощи государства и служит развитию страны»¹. А российский китаевед А.Г. Ларин, комментируя различия в подходе США к Китаю и России, отметил: «По ядерным вооружениям Россия пока значительно превосходит Китай. Но ядерные вооружения ничего не решают. Все решает комплексная национальная мощь»².

II

Что же понимается под «комплексной мощью государства» (КМГ), какова ее структура, кто и как исследует комплексную мощь различных стран, включая Китай?

Выдвижение понятия «комплексной мощи государства» отразило объективную потребность принимающих решения политических кругов ведущих держав мира и осуществляющих научное сопровождение процесса принятия решений экспертных кругов в какой-либо обобщенной количественной оценке иерархии и соотношения мощи основных международных акторов.

Согласно одному из имеющихся определений, «комплексная мощь государства» есть интегральный показатель экономического, политического, военного, научно-технического и других потенциалов страны, включающий в себя совокупность факторов, определяющих способность страны развиваться, сопротивляться трудностям, внешнему давлению, дезинтеграционным процессам, отстаивать свою систему ценностей³. Еще одно определение, близкое по сути к приведенному, характеризует «международную мощь» (в данном случае — синоним КМГ) как «способность государства каким-либо образом влиять на международный контекст своего существования, в том числе менять этот контекст или, напротив, сопротивляться происходящим там переменам»⁴.

Первые исследования понятия «комплексной мощи государства» восходят к эпохе противостояния США и СССР в условиях биполярного мира. Пионером в разработке данной темы считается американский исследователь Рэй Клайн, а в СССР, судя по всему, таковым является В.С. Дадаян, опубликовавший в 1989 г. монографию «Орбиты планетарной экономики». На рубеже 1980-х — 1990-х годов свою методику расчета и оценки КМГ предложил сотрудник Академии военных наук НОАК Хуан Шофэн⁵.

С начала 1990-х годов к исследованию данной проблематики подключаются институты Академии общественных наук Китая — Институт мировой экономики и политики и Институт математической и технической экономики, а затем и другие ученые из Университета Цинхуа (Ху Аньган) и Китайского института современных международных отношений.

Имеются свидетельства разработки сходного круга проблем в США в середине первого десятилетия XXI века. Речь, во-первых, идет о проекте «Военные соотношения», в рамках которого был разработан Сводный индекс национальных материальных возможностей (The Correlates of War Composite Index of National Capabilities)⁶, и, во-вторых, о разработке корпорации РЭНД «Измеряя национальную мощь»⁷. Встречаются упоминания о похожих исследованиях применительно к Китаю в Австралии и Великобритании.

В России наиболее близко примыкают к анализу комплексной мощи государства некоторые работы Института экономических стратегий, анализирующие критерии «державности»⁸, и подготовленный в МГИМО (У) «Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств» (2007), где представлены оценки «потенциала международного влияния» стран мира.

Китайские методики расчета КМГ построены на математических моделях, учитывающих несколько десятков «твердых» статистических данных и «мягких» экспертных оценок. Показательно, что последние использовались в КНР еще до широкой популяризации понятия «мягкая сила», впервые предложенного Дж. Наем в 1990 г. Так, в своих исследованиях Хуан Шофэн оперировал такими понятиями, как «сила согласованности», рассматривавшаяся как способность правящей элиты проводить оптимальную скоординированную внутреннюю и внешнюю политику, и «сила сцепления народа» («ницзюй ли»), которую, впрочем, он применительно к СССР существенно переоценил...

Среди «твердых» показателей отбираются те конкретные данные, которые могут достаточно репрезентативно отразить достигнутый уровень и потенциал страны в экономике, трудовых и природных ресурсах, инвестиционной деятельности, научно-техническом развитии, военной сфере. Большое значение имеет адекватная экспертная оценка значимости того или иного конкретного показателя. Например, чрезмерный акцент на производстве стали, по которому в мире с огромным отрывом лидирует Китай, при расчете упоминавшегося выше сводного индекса национальных материальных возможностей обусловил отведение авторами Китаю 19,9 % совокупной международной мощи при определении соответствующей доли США всего лишь в 14,2 %⁹.

Что касается показателей «мягкой силы», то в этом качестве обычно фигурируют экспертные оценки политической системы, дипломатии, уровня управления в государстве. Все чаще в число оцениваемых факторов «мягкой силы» попадают культура той или иной державы (нередко ранжируемая по объему экспорта продукции культурного назначения — фильмов, книг и т. п.) и наиболее типичный образ страны в массовом восприятии за рубежом. Как полагает известный политолог, директор Академии современных международных отношений Университета Цинхуа Янь Сюэтунь, «твердые» и «мягкие» компоненты КМГ должны не суммироваться, а перемножаться, в этом случае становится очевидной высокая зависимость итогового показателя от слабейшего фактора.

Необходимо подчеркнуть, что представление о факторах и компонентах, требующих обязательного учета при оценке КМГ, эволюционируют. Так, в 2009 г. американские политологи выдвинули тезис, что центральное положение США в различных системах международных связей играет важную роль в обеспечении стране ведущих позиций в мире. Как полагает Анн-Мари Слотер, именно уникальная способность США «капитализировать» свои обширные разнообразные связи «сделает XXI век американским веком»¹⁰.

В определенной мере перекликаются с этой идеей расчеты индекса глобализации, выполняемые в США (A.T. Kerney's Globalization Index) и в Швейцарии (KOF Index of Globalization). Важно отметить, что в Индексе глобализации А.Т. Керни в качестве одного из ведущих компонентов учитываются показатели экономической интеграции, включая объем международной торговли, торговые потоки, международные инвестиции и трансферты¹¹. Хотя, возможно, отследить и оценить прямое влияние участия страны в интеграционных объединениях на показатели ее комплексной мощи достаточно сложно, однако наличие здесь существенного косвенного воздействия несомненно. Так, учреждение зоны свободной торговли КНР—АСЕАН на глазах увеличивает влияние Китая в регионе, причем не только в Юго-Восточной Азии, но и в Азии в целом. Кроме того, интеграция, выводящая экономические интересы страны за ее территориальные рамки, стимулировала постановку в Китае вопроса о необходимости обеспечения безопасности морских маршрутов перевозки грузов путем наращивания военно-морского флота.

В то же время, на мой взгляд, вряд ли в целом стоит увлекаться бесконечным дополнением более-менее сложившихся представлений о структуре ведущих компонентов показателя комплексной мощи государства все новыми и новыми индексами, агрессивно завоевывающими себе нишу в политологии в последние годы — различные индексы конкурентоспособности, индекс процветания Legatum, индекс миролюбия, индекс Бертельсмана для переходных экономик и т. д., и т. п... Пожалуй, главное

возражение здесь состоит в том, что показатель КМГ имеет практическое значение для десятка, максимум двадцати ведущих государств, тогда как подавляющее большинство индексов рассчитываются для сотни и более государств, и в лидерах здесь нередко оказываются небольшие страны, что, однако, почти никак не влияет на общую международную архитектуру и расстановку сил в мире.

Складывается ощущение, что именно появление большой группы разнообразных индексов, без конца ранжирующих страны мира «по горизонтали и вертикали», несколько снизило в последние годы интерес экспертного сообщества к расчетам и сравнительному анализу показателей комплексной мощи ведущих мировых держав. Похоже, что в КНР продолжают вплотную изучать эту проблему лишь в Университете Цинхуа. Ученые из Института мировой экономики и политики АОН Китая, с которыми мне довелось побеседовать в апреле 2014 г., акцентировали внимание на высокой субъективности значительной части экспертных оценок, учитываемых в расчетах КМГ, что каждый раз делает получаемые итоговые данные скорее индивидуализированными, нежели сопоставимыми с результатами предыдущих интегральных оценок.

Тем не менее, «справочная» («цанькао») и даже «ориентирующая, индикативная» («чжидасин») ценность показателя комплексной мощи государства признается практически всеми китайскими специалистами.

III

Каковы же конкретные параметры комплексной мощи Китая в настоящее время? Сразу оговорюсь, что какие-то абсолютно свежие оценки данного показателя мне неизвестны. Это, однако, не мешает составить обобщенное представление о динамике роста и нынешнем уровне китайской комплексной мощи.

Китаеязычные сайты на запрос о «цзунхэ голи» предоставляют несколько вариантов информации о комплексной мощи ведущих государств, включая Китай. К числу наиболее часто воспроизводимых в Интернете относятся расчеты КМГ на 2005 г., выполненные в Институте мировой экономики и политики АОН Китая. Согласно им, первое место занимали США (90,65 балла) с солидным отрывом от Великобритании (65,06), России (63,03), Франции (62,00) и Германии. Далее следовали Китай (59,10), Япония (57,84), Канада, Республика Корея, Индия (50,43 балла)¹². Представляют интерес и оценки отдельных компонентов КМГ (табл. 1).

Как мы видим, Китай в 2005 г. был помещен по КМГ лишь на 6-е место, лидируя только по одному компоненту — трудовым ресурсам.

В другом материале, размещенном на Интернет-сайте shenmeshi.com («что представляет собой?», «что означает?» и т. п.) приведена сводная

Таблица 1. Оценка отдельных компонентов комплексной мощи государства десяти ведущих стран мира (в условных расчетных баллах)

Страна	Технологии	Трудовые ресурсы	Капитал	Информация	Природные ресурсы	Военная мощь	ВВП	Дипломатия	Контрольно-регулятивная мощь правительства
США	97,42	73,38	99,59	87,06	79,34	91,85	100,0	98,64	76,11
Великобритания	73,75	71,77	65,63	79,29	60,36	54,26	56,87	78,52	63,61
Россия	56,33	67,05	52,44	56,77	89,84	84,79	50,00	87,46	52,14
Франция	73,50	68,12	62,33	74,81	56,39	56,29	56,42	82,12	58,61
Германия	77,35	66,46	59,71	80,02	53,66	54,03	59,49	72,25	59,93
Китай	61,42	76,36	59,29	56,20	73,62	54,69	54,76	78,24	63,40
Япония	86,31	71,93	66,13	81,15	50,78	52,34	68,30	66,57	54,79
Канада	65,51	71,15	59,58	76,66	83,84	50,00	51,82	61,14	96,90
Республика Корея	69,19	65,06	52,80	80,88	50,02	50,72	50,41	54,35	57,18
Индия	50,00	65,09	50,59	51,40	61,80	51,13	50,19	50,42	53,59

Источник: URL: <http://iask.sina.com.cn/b/4319313.html> (дата обращения: 18.04.2014).

таблица КМГ мировых лидеров и ее структурной разбивки по состоянию на 2007 г. (табл. 2).

Здесь Китай также оказался на 6-м месте, но уже впереди России и в качестве лидера по темпам годового прироста КМГ — почти на три процента. Согласно оценкам, приведенным в табл. 2, США оставались безоговорочным лидером по большинству параметров КМГ с особенно солидным отрывом от других держав по военной и научно-технической мощи, а в целом по КМГ опережали Китай в 2,77 раз.

Однако уже вскоре вследствие мирового финансово-экономического кризиса в иерархии стран по показателю КМГ произошли существенные подвижки. Главной из них стало перемещение на второе место Китая. Такая оценка была дана корейскими СМИ, проводившими ранжирование государств «большой двадцатки», которая сформировалась как международный институциональный инструмент для противодействия кризису. По состоянию на август 2009 г. лидером оставались США (69,15 балла), возглавлявшие рейтинги по 7 из 13 учитываемых показателей (оборона, экономика, наука и техника, образование, информация, дипломатия, способность противостоять макроэкономическим изменени-

Таблица 2. Комплексная мощь ведущих стран мира и ее структура по состоянию на 2007 г. (в условных расчетных единицах)

Наименование	Экономическая мощь	Научно-техническая мощь	Военная мощь	Ресурсы	Социальное развитие	Контрольно-регулятивная мощь правительства	Сила дипломатии	Годовой прирост КМГ, %	Комплексная мощь
США	3251	1718	2249	547	559	185	131	0,43	8639
Япония	2158	1111	806	226	416	169	100	0,26	4906
Франция	1588	994	814	201	419	184	119	0,31	4319
Великобритания	1602	856	830	217	400	171	112	0,75	4188
Германия	1762	854	623	191	419	184	107	0,48	4139
Китай	1321	312	508	483	245	133	116	2,98	3119
Россия	598	504	863	521	332	157	118	2,20	3092

Источник: URL: http://www.shenmeshi.com/Social/Social_20070524212257.html
(дата обращения: 24.04.2014).

ям) и обладавшие очевидными преимуществами как в «твердой», так и в «мягкой силе».

Китай был поставлен на 2-е место, хотя и с крайне незначительным отрывом от следующей за ним группы стран (соответственно, 54,73 балла у КНР, 53,45 у Японии, 53,05 у Великобритании, 52,92 балла у Германии). При этом Китай был охарактеризован как мировой лидер в трех сферах проявления «мягкой силы» — политика, культура, социальный капитал, но был поставлен лишь на 18-е место по управлению окружающей средой.

Россия, особенно тяжело пережившая мировой кризис 2008—2009 гг., с 48,67 балла оказалась на 12-м месте — даже ниже стоящей перед ней Индии. Крайне низкие оценки получили существующие в России уровни государственного административного управления (19-е место из 20 стран), способности противостоять макроэкономическим изменениям (18-е место) и социального капитала (17-е место)¹³.

За время, прошедшее после выставления вышеприведенных оценок, комплексная мощь Китая заметно возросла как минимум по четырем компонентам. Валовой внутренний продукт страны в сопоставимых ценах вырос в 2013 г. в 1,97 раза по сравнению с 2005 г.¹⁴

В последнее десятилетие существенно укрепилась военная мощь Китая. Официальные бюджетные расходы на оборону в стране с 244,65 млрд юаней в 2005 г. выросли до 808,23 млрд юаней по плану на 2014 г., увели-

чившись в 3,3 раза. В долларовом эквиваленте с учетом повышения курсовой стоимости юаня с 8,27 до 6,2 юаня за доллар США военные расходы выросли в 4,3 раза — с 30 млрд долл. в 2005 г. до планируемых на 2014 г. 131, 6 млрд долл. (в 2012 г. 106,4 млрд долл., в 2013 г. 117 млрд долл.)¹⁵. Заметно усилились новыми видами вооружений и боевой техники военно-воздушные и военно-морские силы КНР.

Весомый прогресс достигнут Китаем в научно-технической сфере. Здесь сыграли свою роль последовательные усилия руководства страны по наращиванию доли расходов на НИОКР с 1,3 % ВВП в середине прошлого десятилетия до 2,09 % по итогам 2013 г., поступательная реализация «Основных положений государственного плана научно-технического развития КНР» на период 2006—2020 гг., практические шаги по развитию новых стратегических отраслей промышленности и наращиванию экспорта высокотехнологичной продукции. В результате китайский индекс инноваций, рассчитываемый в Государственном статистическом управлении КНР, достиг в 2012 г. значения в 148,2 пункта (2005 = 100). При этом расходы на каждого работника, занятого в сфере НИОКР, выросли в 2,06 раза. Вместе с тем за тот же период доля вклада фактора научно-технического прогресса в прирост ВВП увеличилась лишь в 1,2 раза¹⁶. Эти данные можно интерпретировать следующим образом: накопление «критической массы» совокупных усилий для обеспечения прорыва в инновационной сфере неуклонно идет, но пока количественный рост еще не трансформировался в радикальные качественные сдвиги. В любом случае, однако, реальные крупные достижения Китая в космической программе в целом и в «лунной» программе в частности, в глубоководных океанских исследованиях, в развитии низкоуглеродных и Интернет-технологий, активном использовании возобновляемых источников энергии позволяют предположить, что существовавшее ранее отставание КНР от других держав в научно-технической сфере существенно сокращено, а то и близко к окончательному преодолению.

Несомненно, на мой взгляд, и свершившийся в последнее десятилетие рост практически «по всем азимутам» «мягкой силы» Китая. Наиболее очевиден он, пожалуй, в сфере культуры. Здесь, разумеется, присутствует элемент интенсивной, а подчас и назойливой рекламы, исходящей от самого Пекина, но есть и объективные факты, свидетельствующие о растущей популярности брэнда «китайская культура» в мире. Это, в частности, рост популярности во всем мире китайского языка, современного китайского искусства, прежде всего живописи, присуждение Нобелевской премии по литературе писателю из КНР Мо Яню.

Что касается такого важного компонента «мягкой силы», как дипломатия, то присутствие Китая в мировой политике стабильно растет. Ширится география стратегических интересов Китая, множится число его

инициатив по вопросам экономического сотрудничества, разрешению кризисных ситуаций и т. п.

Китай все ошутимее ведет себя на международной арене как одна из ведущих мировых держав. Каковы бы ни были те или иные современные расчеты комплексной мощи Китая, в общественном мнении большинства государств он устойчиво воспринимается как держава номер два, уступающая лишь США.

IV

Закономерно встает вопрос: сумеет ли Китай по комплексной мощи догнать США и если да, то когда. Ряд западных экспертов отвечают на этот вопрос утвердительно, однако диапазон возможных сроков варьирует от 2015-го до 2040-го года¹⁷. Другие, напротив, указывают на многочисленные препятствия для Китая в виде его невысоких позиций в глобальных цепочках создания добавленной стоимости, недостаточном уровне человеческого и социального капитала, нехватке свободы, многочисленных управленческих вызовах, критической экологической ситуации и т. п. На мой взгляд, бесспорным можно считать долгосрочное лидерство США по военной мощи и «мягкой силе» культуры, представленной показателем экспорта продукции культурного назначения.

Наилучшие шансы опередить США у Китая имеются в сфере экономики, включая годовой объем ВВП и экспорт высокотехнологичной продукции широкого диапазона.

Как известно, в предыдущие годы прогнозы экономического роста Китая затрагивали главным образом дальнюю перспективу до 2030 г. (в том числе прогнозы Ху Аньгана и Всемирного банка). С приходом к власти пятого поколения руководителей страны во главе с Си Цзиньпином фокус прогнозов переместился на ближайшее десятилетие.

Согласно прогнозу экономического роста Китая на период 2014—2023 гг., подготовленному в Центре исследования проблем развития при Госсовете КНР, даже в случае постепенного снижения годовых темпов прироста ВВП страны с 7,5 % до 5,5 % его номинальный объем увеличится за десятилетие в 2,7 раза в ценах 2013—2014 гг. С учетом инфляции реальный рост будет несколько меньше (табл. 3).

В долларовом эквиваленте ВВП КНР в 2023 г. вырастет по прогнозу до 28,4 трлн долл. (в пересчете из юаней в доллары по нынешнему курсу). В то же время, абсолютный размер ВВП США при среднегодовом приросте в 2—3 % с 16,8 трлн долл. в 2013 г. вырастет в сопоставимых ценах до 20—22 трлн долл. в 2023 г. (с учетом инфляции он будет в текущих ценах несколько выше). То есть по объему ВВП, пересчитанному из юаней в доллары по рыночному курсу, Китай к 2023 г. несколько опередит США. А по объему ВВП, оцененному по паритету покупательной способ-

Таблица 3. Оценка экономического роста в КНР в 2014—2023 гг.

Наименование	Ед. изм.	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Население	млн человек	1361	1368	1374	1378	1384	1389	1394	1399	1420	1406	1408
ВВП	млрд юаней	57 448,6	64 052,3	71 325,1	79 125,1	87 697,7	97 105,0	107 330,1	118 420,3	130 063,1	142 584,7	156 159,6
ВВП	млрд долл.	9265,9	10 500,4	11 887,5	13 410,0	14 864,0	16 742,2	18 505,2	20 775,5	23 225,6	25 461,6	28 392,7
Прирост ВВП	%	7,7	7,5	7,4	6,9	6,8	6,7	6,5	6,3	5,8	5,6	5,5

Источник: Прогноз экономического роста Китая на десять лет (2014—2023) / гл. ред. Лю Шицзинь. (Чжунго цзинцзи шинянь чжаньван). Пекин, 2014. С. 41. В расчетах использованы нынешние курсы юаня и доллара.

ности национальных валют, такое опережение, согласно прогнозу МВФ, произойдет уже в 2019 г. (табл. 4).

Разумеется, по среднедушевым показателям КНР через десять лет будет по-прежнему значительно отставать от США. Центр исследования проблем развития при Госсовете КНР прогнозирует, что среднедушевой

Таблица 4. Прогноз Международного валютного фонда о динамике ВВП Китая и США в 2014—2019 гг.

Наименование	Ед. изм.	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Китай ВВП	трлн юаней	56,88	62,78	69,14	75,73	82,96	90,68	99,03
ВВП	трлн долл. (рын. курс)	9,18	10,03	10,94	11,88	12,91	13,99	14,84
ВВП по паритету покупательной способности	трлн долл.	13,39	14,62	15,97	17,40	18,95	20,66	22,40
Доля в мировом валовом продукте	%	15,34	16,05	16,59	17,08	17,55	18,01	18,47
США ВВП	трлн долл.	16,80	17,53	18,36	19,28	20,24	21,18	22,09
ВВП по паритету покупательной способности	трлн долл.	16,80	17,53	18,36	19,28	20,24	21,18	22,09
Доля в мировом валовом продукте	%	19,31	19,24	19,08	18,92	18,74	18,50	18,21

Источник: База данных World Economic Outlook, April 2014. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2014/01/weodata/index.aspx> (дата обращения: 26.04.2014).

ВВП (по паритету покупательной способности) в Китае с 31 % от уровня США возрастет в 2023 г. до 49,6 %¹⁸.

Пожалуй, главным неизвестным остается способность или неспособность Китая совершить в обозримой перспективе качественный технологический рывок, перейти от главенства заимствованных технологий к опоре на разработки, базирующиеся на своей интеллектуальной собственности. В последнее время в России неоднократно высказывался тезис, что после 2020 г. США уверенно продемонстрируют свое преимущество в сфере НИОКР и уйдут в отрыв от Китая. В частности, бывший президент Киргизстана, ныне профессор МГУ А. Акаев полагает, что ключевое значение будет иметь способность тех или иных стран нарастить долю технологий нового цикла — «нано—био—инфо—когнио» (NBIC), а здесь Китай заметно отстает от США и ведущих государств Европы¹⁹. Однако китайские ученые реагируют на такого рода прогнозы довольно спокойно, ссылаясь как на действующую программу развития новых стратегических отраслей, в значительной мере как раз базирующихся на новейших технологиях, так и на практические успехи в развитии интернет-экономики, создании новых материалов и т. п.

В то же время ряд экспертов выводит проблему китайско-американского соперничества по параметрам комплексной мощи за пределы действия тех или иных материальных факторов. Как отмечает молодой шведский исследователь Бьорн Йерден, «если бы влияние США в Восточной Азии базировалось лишь или преимущественно на военной мощи или экономических ресурсах, мы могли бы ожидать его существенного уменьшения вслед за мировым экономическим кризисом. Вместо этого случилось противоположное: США оказались способны успешно запустить перебалансировку в ответ на китайскую «новую напористость» и тем самым усилить свое региональное влияние. Это предполагает, что влияние США не может быть объяснено только материальными факторами»²⁰.

Вполне очевидно, что одним из главных нематериальных факторов, повышающих при прочих равных условиях комплексную мощь США, является система союзов. Фактическая поддержка Б. Обамой японской стороны в конфликте с Китаем в споре о принадлежности островов Дяоюйдао—Сенкаку, высказанная им в ходе визита в Японию в апреле 2014 г. при полном понимании неприятия такого шага Пекином показывает готовность США в настоящее время до определенной степени жертвовать поступательным развитием отношений с Китаем ради укрепления сдерживающей его системы союзов в Восточной Азии.

Это прекрасно понимают и в Китае, в связи с чем один из ведущих китайских политологов-международников Янь Сюэтун предлагает противопоставить американской стратегии укрепления и развития союзов

наращивание в следующем десятилетии стратегического сотрудничества Китая с Россией вплоть до создания отвечающего интересам обеих стран союза²¹.

(2014)

Послесловие

На рубеже 1980-х — 1990-х годов ряд китайских периодических изданий, в частности газета «Цзинцзи жибао», которую я тогда постоянно читал, регулярно публиковали материалы об исследованиях старшего полковника НОАК Хуан Шофэна, посвященных «комплексной мощи государства». На базе их обобщения я подготовил небольшую статью по данной теме, которая была опубликована в «нулевом» экспериментальном выпуске журнала «Восток и Запад. Взаимодействие цивилизаций» за 1992 г. Журнал — детище В.Б. Воронцова и А.А. Мурадяна — раскрутить в те тяжелые времена не удалось, и исследование темы оценки комплексной мощи Китая на какое-то время было законсервировано. Новое обращение к данной проблеме пришлось на 2014—2016 гг. в рамках выполнения институтской программы научных исследований.

Мало-помалу у меня сформировалось убеждение, что «комплексная мощь государства (КМГ)», она же «совокупная национальная мощь» — показатель, безусловно, интересный, но имеющий скорее справочное, нежели практическое значение, да и к тому же достаточно ограниченное. Во-первых, на национальных уровнях идет постоянное манипулирование оценками КМГ за счет подбора нужных на данный момент лидерам тех или иных стран ее составных компонентов, модификации экспертных значений различных «мягких» показателей и т. п. Во-вторых, политическая чувствительность исследуемой темы отрицательно влияет на объективность исследователей. И, наконец, если отбросить всю маскировку и декорационные ухищрения, то справедливость оценок комплексной мощи того или иного государства может быть подтверждена или опровергнута исходом войны с его участием. Но, похоже, испить такого рода «сыворотку правды» не рвется в настоящее время ни одна держава. И слава богу.

Примечания

¹ *Ма Чжэньган*. Новые особенности внешнеполитической стратегии председателя Си Цзиньпина : [Си Цзиньпин чжуси вайцзяо чжаньлюэ синь тэдянь]. URL: <http://politics.people.com.cn/n/2014/0320/c1001-24688444.html> (дата обращения: 20.03.2014).

² *Скосырев В.* Вашингтон сделал Пекину серьезное предупреждение // Независимая газета. 2014. 9 апреля.

³ *Портяков В.* «Он уважать себя заставил...» (Китай и Россия в экономическом измерении) // Pro et Contra. М. Т. 3. № 1. Зима 1998. С. 26—40. Здесь — с. 40.

⁴ *Gilley, Bruce.* Beyond the Four Percent Solution: explaining the consequences of China's rise // Journal of Contemporary China. Denver, 2011. November. P. 795—811. Здесь — р. 796.

⁵ Поначалу разработкам Хуан Шофэна были посвящены несколько статей в центральной китайской печати, а в 1992 г. вышла в свет его монография «Теория комплексной мощи государства» // Цзунхэ голи лунь. Пекин, 1992.

⁶ Цит. по: *Gilley Bruce.* Op. cit. P. 796.

⁷ *Treverton, G, Jones, S.* Measuring National Power — Santa Monica. CA: RAND. 2005. Цит. по: *Gilley Bruce.* Op. cit. P. 796.

⁸ См.: *Кузык Б.Н., Агеев А.И., Добродеев О.В., Куроедов Б.В., Мясоедов Б.А.* Россия в пространстве и времени (история будущего). М., 2004. Для оценки уровня «державности» авторы использовали экспертную количественную шкалу по девяти параметрам: управление, территория, природные ресурсы, население, экономика, культура и религия, наука и образование, армия, внешняя политика.

⁹ *Gilley, Bruce.* Op. cit. P. 796.

¹⁰ *Slaughter, Anna-Marie.* America's Edge: Power in the Networked Century // Foreign Affairs, 2009, January—February.

¹¹ *Каница Л.М.* Индикаторы мирового развития. М.: МГИМО—Университет, 2008. С. 76—82.

¹² См.: *Портяков В.Я.* Становление Китая как ответственной глобальной державы. М.: ИДВ РАН, 2013. С. 99.

¹³ URL: <http://news.sohu.com/20090816/n265992810.shtml> (дата обращения: 24.04.2014).

¹⁴ Расчет по данным «Краткая статистика Китая—2013»: [Чжунго тунци чжайяо 2013]. Пекин, 2013. С. 22; Коммюнике ГСУ КНР об итогах экономического и социального развития страны в 2013 г.

¹⁵ *Портяков В.Я.* От Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао: Китайская Народная Республика в начале XXI века. М., 2006. С. 46; *Реутов А.* Пекин отчитался по-военному // Коммерсантъ. 05.03.2010; Доклад Министерства финансов КНР об исполнении центрального и местных бюджетов за 2011 г. и проекта центрального и местных бюджетов на 2012 год (5 марта 2012 г.). Пекин, 2012, на русск. яз.; URL: <http://lenta.ru/news/2014/03/05/military> (дата обращения: 25.04.2014).

¹⁶ Показатель Китайского индекса инноваций в 2012 г. составил 148,2 пункта: [2012 нянь Чжунго чунаньсинь цзинсу вэй 148,2]. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201402/t20140218_512606.html (дата обращения: 18.02.2014).

¹⁷ Брюс Джили цитирует различные оценки американских, австралийских и британских экспертов. См.: *Gilley, Bruce.* Op. cit. P. 796.

¹⁸ Прогноз экономического роста Китая на десять лет (2014—2023) / гл. ред. Лю Шицинь : [Чжунго цзинци цзэнчжан шинянь чжаньван]. Пекин, 2014. С. 222.

¹⁹ Эта мысль была подчеркнута в выступлении А. Акаева на 2-м Московском экономическом форуме 26 марта 2014 г. См. также: *Акаев А.* У России немалые шансы создать новую индустрию // Мир перемен. М., 2014. № 1. С. 15—20.

²⁰ *Jerden, Bjorn.* The Assertive China Narrative: Why it is Wrong and How So Many Still Bought into it — The Chinese Journal of International Politics. Spring 2014. P. 47—88. Здесь — p. 86.

²¹ *Янь Сюэту.* Инерция истории. Китай и мир в следующие десять лет : [Лиши дэ гуаньсин. Вэйлай шинянь дэ Чжунго юй шицзе]. Пекин, 2013. С. 206—209.

ШЭНЬЧЖЭНЬ: ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ ФУНКЦИЙ

Шэньчжэнь — один из самых молодых и одновременно один из наиболее известных в мире городов Китайской Народной Республики. Становление Шэньчжэня как крупного экономического центра на месте рыбацкого поселка в уезде Баоань провинции Гуандун началось на рубеже 1970-х — 1980-х гг., когда после годичной подготовки Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей 26 августа 1980 г. утвердил «Положение о специальных экономических зонах провинции Гуандун». Наряду с Шаньтоу и Чжухае в число таких зон вошел и Шэньчжэнь, ориентированный в первую очередь на привлечение капиталов, технологий, управленческого опыта из пограничного с ним и зажиточного не только по китайским, но и по мировым меркам Гонконга.

Шэньчжэнь стал самой крупной по территории специальной экономической зоной (СЭЗ) «первой волны» в Китае: первоначальная площадь СЭЗ была определена в 327 кв. км по сравнению с 6,7 кв. км в Чжухае, 2,5 кв. км в Сямэни и 1,7 кв. км в Шаньтоу. В 2010 г. СЭЗ Шэньчжэнь была расширена до масштабов всего города площадью 1991 кв. км.

Одной из главных отличительных особенностей развития Шэньчжэня явилась высокая даже для пореформенного Китая динамика экономического роста, выведшая город на 4-е место в стране по общему объему валового регионального продукта — после Шанхая, Пекина и Гуанчжоу — и на первое — по ВВП на душу населения.

Другая специфическая особенность Шэньчжэня состоит в его неизменной роли первопроходца, экспериментальной площадки для отработки тех или иных новых элементов внешнеэкономической деятельности, хозяйственных реформ, стратегии развития КНР в целом. Можно констатировать, что в значительной мере именно опыт, накопленный изначально Шэньчжэнем, позволил Китаю стать ведущей торговой державой

мира и «мировой фабрикой», а ныне достаточно уверенно продвигаться к статусу «инновационного государства». При этом по ходу развития Шэньчжэню не раз приходилось менять свои ведущие экономические функции, постоянно расширяя их круг в соответствии с интересами государства и требованиями национального и мирового рынков.

В первой половине 1980-х годов были заложены законодательные основы функционирования СЭЗ, создана первичная коммунальная и промышленная инфраструктура, шла активная отработка практических вопросов привлечения иностранного капитала — принципов и схем льготного налогообложения, землепользования, упрощенной процедуры создания предприятий с иностранными инвестициями.

Законодательно вопросы деятельности СЭЗ регулировались рядом общекайтайских законов — о смешанных предприятиях, основанных на кайтайском и иностранном капитале; о предприятиях, полностью основанных на иностранном капитале; о контрактных предприятиях с участием иностранного капитала. В то же время, изначально был взят курс на разработку для СЭЗ специального законодательства. В частности, были приняты такие юридические акты, как временные положения провинции Гуандун о регистрации предприятий в СЭЗ, о правилах въезда и выезда для СЭЗ, о труде и заработной плате в СЭЗ, утвержденное Госсоветом КНР положение об управлении смешанными и иностранными банками в специальных экономических зонах КНР, положения СЭЗ Шэньчжэнь о правилах землепользования, об экономических контрактах с заграницей, об импорте техники.

В соответствии с идеей Чжао Цзыяна, бывшего в те годы премьером Госсовета КНР, — «использовать притягательность налоговой системы... для иностранного капитала» — для всех видов предприятий с участием иностранного капитала в СЭЗ был установлен подоходный налог в размере 15 %; они были освобождены от местных налогов на прибыль (на большей части территории страны ставка налогообложения составляла 33 %). Импорт (за исключением спиртных напитков и сигарет) и экспорт СЭЗ осуществлялись беспошлинно. Дополнительные льготы предоставлялись предприятиям с объемом иностранных инвестиций свыше 5 млн долл., предприятиям, применяющим новейшую технику и технологию, а также при использовании для производства продукции на экспорт кайтайского оборудования и сырья, при реинвестировании прибыли на месте.

Главные задачи СЭЗ Шэньчжэнь в этот период состояли в привлечении иностранного капитала и налаживании на этой основе экспортного производства в таких простейших формах, как компенсационные сделки, сборочные производства, изготовление изделий из материалов и образцам заказчика. Обе они успешно решались. С 1988 г. начался массовый

завоз в Шэньчжэнь импортного оборудования для строившихся там предприятий, а также давальческого сырья и компонентов для сборки готовых изделий (табл. 1).

Таблица 1. Внешнеэкономические связи Шэньчжэня в 1979—1985 гг., млн ам. долл.

Год	Использование прямых иностранных инвестиций	Экспорт	Импорт
1979	5,48	9,3	7,46
1980	27,55	11,24	6,27
1981	86,18	17,45	10,62
1982	57,71	15,97	9,37
1982	113,16	62,3	724,12
1984	186,4	265,39	807,08
1985	179,89	563,40	742,92

Источник: Статистический ежегодник Шэньчжэня 2012 : [Шэньчжэнь тунци няньцзянь — 2012]. Шэньчжэнь—Пекин, 2012. С. 287, 296.

Поскольку в ходе практической деятельности специальные экономические зоны продемонстрировали способность осваивать новую информацию о мировом рынке и быстро распространять ее внутри страны, то они начали рассматриваться и как «опорный пункт», «мост для проникновения Китая на мировой рынок». С другой стороны, освоение в СЭЗ производства некоторых самых современных видов продукции породило в Китае надежды на превращение их в базу новых отраслей промышленности и даже в «ступень, стимулирующую технический прогресс во внутренних районах Китая».

В начале 1984 г. с инспекцией в Шэньчжэне побывал Дэн Сяопин. Он всецело одобрил деятельность СЭЗ, охарактеризовав их как «окно техники, знаний, управления, внешней политики»¹. Под последним имелся в виду демонстрационный эффект, позволявший внешнему миру на примере СЭЗ уяснить суть проводимой в Китае политики реформ и открытости. О поддержке Дэна, сыгравшей важную роль в судьбе Шэньчжэня, там с благодарностью вспоминают до сих пор — именно с портрета архитектора китайских реформ начинается экспозиция местного музея промышленности.

Во второй половине 1980-х — начале 1990-х годов Шэньчжэнь выходит на ведущие позиции в КНР по привлечению иностранных инвестиций и объему внешней торговли. Так, объем его товарного экспорта вы-

рос с 1,4 млрд долл. в 1987 г. до 12 млрд долл. в 1992 г., объем импорта — соответственно — с 1,1 до 11,5 млрд долл., а использование прямых иностранных инвестиций варьировало в этот период от 270 до 440 млн долл. ежегодно². В городе было построено около 4 тыс. промышленных предприятий, номенклатура экспортируемой продукции превысила тысячу наименований.

Весьма существенной оказалась в 1980-е годы и роль Шэньчжэня как авангарда и экспериментальной площадки в продвижении экономических реформ в КНР. Как полагает один из ведущих ученых-экономистов Китая Фань Ганн, положительную роль сыграло то обстоятельство, что население Шэньчжэня формировалось почти с нуля из иногородних, отличавшихся, с одной стороны, повышенной готовностью к разного рода новациям и, с другой стороны, не имевших сколько-нибудь устоявшихся групповых интересов³.

Шэньчжэню довелось стать пионером во внедрении рыночных принципов функционирования экономики в Китае. Здесь отрабатывались реформы системы труда (переход на контрактный найм работников), заработной платы (включение в зарплату всех имевшихся надбавок), ценообразования (включая введение свободных рыночных цен на продовольственные товары). Во второй половине 1980-х годов в Шэньчжэне начались эксперименты по созданию центров валютного регулирования, учреждению негосударственных банков, акционированию государственных предприятий и созданию фондового рынка.

В целом в начале 1990-х годов Шэньчжэнь представлял собой весомую составную часть внешнеэкономического комплекса КНР, один из важнейших и наиболее «нормативно» функционирующих узлов связи экономики Китая с мировым хозяйством, рынка внутреннего с рынком внешним.

Ориентиры развития Шэньчжэня **в период 1992—2002 гг.** были во многом определены высказываниями Дэн Сяопина в ходе его поездки в Шэньчжэнь и Чжухай в январе 1992 г. Дэн Сяопин предположил, что провинция Гуандун в течение 20 лет сможет достичь уровня «четыре дракона» (Тайвань, Южная Корея, Сингапур, Гонконг). В Шэньчжэне была поставлена задача в течение двух десятилетий приблизиться по объему валового продукта к Сингапуру, по уровню городской инфраструктуры и управления — к уровню Сингапура и Гонконга, по уровню науки и техники — превзойти Сингапур и Южную Корею. В целом намечалось превратить Шэньчжэнь в многофункциональный интернациональный город Азиатско-Тихоокеанского региона с развивающимися финансами, торговлей, транспортом, информационной сферой, туризмом, высокотехнологичными разработками и современной рыночной экономикой. Реализация этой стратегии виделась в опережаю-

щем развитии науки и техники и переходе к высокотехнологичному типу развития, в укреплении экспортноориентированной промышленной базы и освоении широкой гаммы современных услуг, включая информатику, рынок ценных бумаг, банковские операции⁴.

Важное значение имело предоставление с 1 июля 1992 г. собранию народных представителей Шэньчжэня и его постоянному комитету права принятия законодательных актов. Эта практика не только обеспечила оперативное решение проблем самого города, но и послужила, по сути дела, общекитайским экспериментом в деле пропаганды и внедрения принципа «управления страной по основе закона».

С учреждением в Шэньчжэне в 1991 г. второй китайской биржи ценных бумаг (первая была открыта в 1990 г. в Шанхае) одной из доминант экономической жизни города в 1990-е годы явилось становление рынка акций. Если в 1991 г. на Шэньчжэньской бирже котировались всего 6 видов акций, то затем из количество из года в год стабильно и довольно динамично росло: 24 вида в 1992 г., 77 — в 1993 г., 120 — в 1994 г., 135 — в 1995 г., 237 — в 1996 г., 362 — в 1997 г., 413 — в 1998 г., 465 — в 1999 г.⁵ Биржа ценных бумаг в Шэньчжэне изначально задумывалась как преимущественно биржа акций. Высокий спрос населения на акции обусловил быстрый рост объема торговли ими в первой половине 1990-х годов — с 43 млрд юаней в 1992 г. до 128 млрд в 1994 г. и 239 млрд юаней в 1994 г.⁶ В 2000 г. он вырос почти до 3 трлн юаней⁷.

По объему торговли акциями Шэньчжэнь поначалу успешно конкурировал с Шанхаем, но затем стал уступать: часть клиентов Шэньчжэньской биржи ценных бумаг оттянул на себя Гонконг, на бирже которого после 1 июля 1997 г., т. е. после возвращения под юрисдикцию КНР, стали размещать свои акции некоторые крупные «материковые» компании. Тем не менее, Шэньчжэньская биржа сохранила свои сильные стороны, и именно здесь уже в первом десятилетии XXI века были учреждены площадки для торговли, соответственно, акциями малых и средних предприятий и высокотехнологичных компаний.

Одной из особенностей функционирования СЭЗ Шэньчжэнь в 1990-е годы явилось опережающее развитие в ее рамках зон беспошлинной торговли, призванное обеспечить максимально эффективную стыковку СЭЗ с мировым рынком.

В короткие сроки была создана инфраструктура и налажено производство в зонах Футянь, Шатоуцзяо и Яньгань, вышедших со временем на позиции крупнейших по объемам внешней торговли беспошлинных зон в КНР (наряду с Вайгаоцяо в Шанхае).

В целом развитие Шэньчжэня в 1990-е — начале 2000-х годов выглядит достаточно успешным (табл. 2).

Таблица 2. Развитие Шэньчжэня в 1991—2002 гг.

Год	Население, тыс. человек	Валовой региональный продукт, млрд юаней	Внешняя торговля, млн долл.			Прямые иностранные инвестиции, млн долл.
			Оборот	Экспорт	Импорт	
1991	2267	23,6	19 476	9862	9614	399
1992	2680	31,7	23 575	12 000	11 575	449
1993	3359	45,3	28 204	14 218	13 986	989
1994	4127	63,4	34 983	18 309	16 674	1250
1995	4491	84,2	38 769	20 527	18 242	1310
1996	4829	104,8	39 053	21 208	17 845	2050
1997	5277	129,7	45 009	25 618	19 391	1661
1998	5803	153,5	45 274	26 396	18 878	1663
1999	6325	180,4	50 427	28 208	22 219	1778
2000	7012	218,7	63 939	34 563	29 376	1961
2001	7245	248,2	68 610	37 479	31 131	2591
2002	7466	296,9	87 231	46 557	40 674	3191

Источник: Статистический ежегодник Шэньчжэня 2012 : [Шэньчжэнь туңцзи няньцзянь — 2012]. Шэньчжэнь—Пекин, 2012 (на кит. яз.). С. 22, 49, 287, 296.

Население города с 2,2 млн человек в 1991 г. увеличилось до 7 млн человек в 2000 г., а ВРП за этот период вырос с 23,6 млрд юаней до 218 млрд юаней. Шэньчжэнь вышел по этому показателю на 4-е место среди городов Китая.

На рубеже веков в городе функционировали 12 тыс. предприятий с участием иностранного капитала из 66 стран⁸. Они давали около 80 % объема промышленного производства (в 1999 г. — 165,2 млрд юаней из 207,9 млрд, в 2000 г. — 200,9 млрд из 251,7 млрд юаней). Производство высокотехнологичной продукции в 2000 г. составило 106,4 млрд юаней — более 42 % общего промышленного производства⁹. В 1999—2000 гг. Шэньчжэнь вышел на уровень производства более 9 млн штук фотоаппаратов, свыше 8 млн штук цветных телевизоров и 800 тыс. штук персональных компьютеров в год. В городе в 1999 г. была проведена первая всекитайская ярмарка научно-технических достижений, которая стала регулярной.

Объем внешней торговли Шэньчжэня вырос с 19,5 млрд долл. в 1991 г. до 87 млрд долл. в 2002 г. Ежегодный объем использованных пря-

мых иностранных инвестиций, составлявший несколько сот миллионов долларов в начале десятилетия, вышел на рубеж в два миллиарда долларов и более

Тем не менее, азиатский финансовый кризис оказал определенное негативное воздействие на Шэньчжэнь, в том числе и косвенно, через трудности, которые в 1997—2002 гг. пришлось преодолевать Гонконгу (напомним, что со вступлением КНР во Всемирную торговую организацию в 2001 г. посредническая роль Гонконга в экономических связях Китая с внешним миром резко снизилась). У жителей возникло ощущение, что «дух реформ» исчез из города. В концентрированном виде подобные настроения отразились в материале «Шэньчжэнь, кто покинул тебя», опубликованном в ноябре 2002 г. и буквально всколыхнувшем весь город. Пессимистические настроения усугубила эпидемия атипичной пневмонии, начавшаяся в первые месяцы 2003 г. в провинции Гуандун. С учетом всего этого Шэньчжэню в период правления Ху Цзиньтао пришлось взять своего рода новый старт.

Алгоритм развития Шэньчжэня в период 2003—2012 гг. оказался в значительной мере задан высказываниями Ху Цзиньтао в ходе его инспекционной поездки в город 11—12 апреля 2003 г. Лидер страны призвал сделать развитие Шэньчжэня более скоординированным и обратить особое внимание на наращивание преимуществ города в сфере новаторства¹⁰. Эти идеи Ху Цзиньтао были поддержаны и развиты премьером Госсовета КНР Вэнь Цзябао, который во время пребывания в Шэньчжэне в сентябре 2005 г. указал на необходимость проведения в городе комплексной реформы, призванной накопить опыт для важных институциональных преобразований в Китае в целом. Вэнь Цзябао подчеркнул также, что на современном этапе главной особенностью Шэньчжэня становится его особая способность к новаторству¹¹.

Местная администрация отреагировала на установки лидеров принятием двух специальных документов, призванных ускорить развитие высокотехнологичных отраслей в городе. В январе 2004 г. партком и правительство Шэньчжэня приняли «Решение о совершенствовании системы новаторства и стимулирования устойчивого быстрого развития новых и высоких технологий». А в самом начале 2006 г. было обнародовано «Решение о реализации стратегии самостоятельного новаторства и строительстве города инновационного типа общегосударственного уровня»¹².

С той поры налаживание производства широкой гаммы современных видов продукции перерабатывающей промышленности, основных на новых и высоких технологиях, стало магистральным направлением экономического развития Шэньчжэня. Особое внимание уделялось разработке и запуску в серийное производство продукции собственных торговых марок. Смена приоритетов нашла отражение в лозунге: «От собрано в

Шэньчжэне — к произведено в Шэньчжэне, от произведено в Шэньчжэне — к создано в Шэньчжэне». По заявкам на патенты город вышел на 3-е место в стране, а по заявкам на изобретения — на 1-е место. Приоритетными инновационными отраслями стали: производство средств связи, цифровая аудио- и видеоаппаратура, аккумуляторы и батареи нового поколения, биомедицина и медицинские инструменты, программное обеспечение, интегральные схемы¹³. В 2004 г. Шэньчжэнь произвел около 49 млн мобильных телефонов, 18,5 млн телевизоров и 7,35 млн персональных компьютеров.

В 2006 г. доля высокотехнологичной продукции в валовой промышленной продукции города достигла 52 %; при этом 58 % — 371 млрд юаней из 629 млрд юаней — составили изделия собственной интеллектуальной собственности. Число предприятий, производящих продукцию новых и высоких технологий, превысило полторы тысячи¹⁴.

Ряд из них вырос в крупные компании, получившие не только всекитайскую, но и мировую известность. К ним относится компания «Хуавэй», входящая в число 500 крупнейших в мире. В 2009 г. ее продажи составили 21,8 млрд долл., что превысило пятую часть общего объема мирового рынка оборудования беспроводной связи¹⁵.

Помимо освоения высокотехнологичной ниши, еще одним важным фактором развития Шэньчжэня в 2000-е годы стало его активное экономическое сближение с Гонконгом. Оно прямо стимулируется стартовавшим в 2003 г. Соглашением о тесном экономическом партнерстве КНР с Гонконгом (СЕРА — Close Economic Partnership Agreement) и различными программами сотрудничества в дельте р. Чжуцзян. Представляется, что все более тесное взаимодействие Шэньчжэня с Гонконгом призвано обеспечить не только текущие бытовые и экономические выгоды, но и — в перспективе — мягкую стыковку Гонконга с материком в случае, если сохранение за ним особых прав в рамках курса «одна страна — два строя» не будет продлено после завершения 50-летнего переходного периода, начавшегося в 1997 г. Симптоматично, что в середине 2006 г. 98 тыс. квартир, или 9,5 % их общего количества в Шэньчжэне, принадлежали собственникам из Гонконга, Макао и Тайваня¹⁶.

В целом развитие Шэньчжэня оказалось достаточно успешным и в годы правления Ху Цзиньтао—Вэнь Цзябао (табл. 3).

Валовой региональный продукт города в 2012 г. достиг 1295 млрд юаней (в текущих ценах) по сравнению с 248 млрд юаней в 2001 г. По среднему душу ВРП город вышел на первое место в КНР. Динамика экономического роста Шэньчжэня опережала общекитайскую.

Дальнейшие глубокие изменения претерпела структура экономики. С 2011 г. доля первого подразделения общественного производства в ВРП Шэньчжэня стала оцениваться как нулевая. Доля второго подразде-

Таблица 3. Развитие Шэньчжэня в 2003—2012 гг.

Годы	Население, млн человек	Валовой региональный продукт, млрд юаней	Внешняя торговля, млрд долл.			Привлечение прямых иностранных инвести- ций, млн долл.
			Оборот	Экспорт	Импорт	
2003	7,78	358,6	117,4	62,96	54,44	3623
2004	8,00	428,2	147,28	77,84	69,44	2350
2005	8,27	495,1	182,82	101,52	81,30	2968
2006	8,71	581,3	237,38	136,09	101,29	3268
2007	9,12	680,1	287,53	168,50	119,03	3662
2008	9,54	778,7	299,95	179,71	120,24	4030
2009	9,95	820,1	270,16	161,98	108,18	4160
2010	10,37	958,1	346,74	204,18	142,56	4297
2011	10,46	1150,5	414,09	245,52	168,57	4599
2012	Нет данных	1295,0	466,78	271,37	195,41	Нет данных

Источник: Статистический ежегодник Шэньчжэня 2012. Шэньчжэнь—Пекин 2012 (на кит. яз.). С. 22, 49, 287, 296. Таможенная статистика : [Хайгуань тунцзи] // Пекин. 2012. № 12. С. 17; URL: <http://www.52rd.gov.cn/contenthtml/11/2014011710016>

ления (промышленность и строительство) составила 46,5 %, а доля третьего подразделения, т. е. сферы услуг, 53,5 %. На НИОКР было направлено 3,5 % ВРП города — вдвое выше, чем по Китаю в целом¹⁷.

Хотя внешняя торговля города продолжала достаточно динамично расти (кроме кризисного 2008 г.), в целом после вступления Китая во Всемирную торговую организацию функция Шэньчжэня как «окна в мир» вполне закономерно ослабла. По мере выравнивания местной ставки подоходного налога с общекитайским показателем (этот процесс шел в 2008—2012 гг.) несколько снизилась и привлекательность Шэньчжэня для иностранных инвесторов: по объему использованных прямых иностранных инвестиций он в 2011 г. отступил на 10-е место в стране¹⁸.

В то же время усилилось значение иных общегосударственных функций Шэньчжэня, связанных с поиском путей дальнейшей модернизации страны и гармонизации ее общественного развития. Новая миссия, возложенная на СЭЗ, включая Шэньчжэнь, требует от них прорыва в трансформации модели экономического роста за счет создания рыночно ори-

ентированной инновационной системы, увеличения потребления населения, отлаживания структуры распределения национального дохода.

Именно эти направления и стали ведущими в функционировании экономики Шэньчжэня в 2013—2014 гг. (табл. 4).

Таблица 4. Основные показатели экономического развития Шэньчжэня в 2013—2014 гг.

Наименование	Ед. изм.	Шэньчжэнь		Китай
		2013	2014	2014
ВВП/ВРП	млрд юаней	1450,02	1600,2	63 646,3
Прирост	%	10,5	8,8	7,4
Добавленная стоимость в промышленности	млрд юаней	569,5	650,1	27 139,2*
Прирост	%	9,6	8,4	7,3*
Инвестиции в основные фонды	млрд юаней	250,1	271,7	50 200,5
Прирост	%	14,0	13,6	15,7
Общественный розничный товарооборот	млрд юаней	443,46	484,4	26 239,4
Прирост	%	10,6	9,3	12,0
Внешнеторговый товарооборот	млрд долл.	537,36	487,76	4303,04
Прирост	%	15,1	-9,2	8,4
Экспорт	млрд долл.	305,72	284,4	2342,75
Прирост	%	12,7	-7,0	6,1
Импорт	млрд долл.	231,64	203,36	1960,29
Прирост	%	18,5	-12,3	0,4

* II подразделение общественного производства.

Источники: URL: <http://finance.people.com.cn/GB/51844/51847/392540/index.html> (дата обращения: 22.01.2015); Naiguan Tongji : [Таможенная статистика] // Пекин. 2014. № 12. С. 151; Шэньчжэнь тэцью бао. 2015. 5 февраля.

Прежде всего, следует констатировать, что Шэньчжэнь сохранил достаточно высокие темпы экономического роста. В 2014 г. прирост ВРП города составил 8,8 % — на 1,4 процентных пункта выше, чем в целом по стране и на 1 процентный пункт выше, чем во всей провинции Гуандун¹⁹.

При этом, однако, темпы прироста инвестиций в основные фонды в городе оставались ниже общекитайских (в 2014 г. — соответственно 13,6 и 15,7 %). Приоритетное место было отведено совершенствованию структуры экономики. По итогам 2014 г. доля второго подразделения общест-

венного производства в ВРП снизилась до 42,7 % по сравнению с 43,9 % в 2013 г., а доля сферы услуг выросла с 46,1 % до 57,3 %. С 34,5 % ВРП в 2013 г. до 35,3 % в 2014 г. выросла доля добавленной стоимости (564,5 млрд юаней) шести новых стратегических отраслей — биотехнологии, интернет-экономики, новых источников энергии, новых материалов, информационной техники нового поколения и «инновационного культурного производства»²⁰.

В то же время после солидного прироста в предыдущем году показатели внешней торговли Шэньчжэня в 2014 г. существенно ухудшились. Внешнеторговый товарооборот сократился на 9,2 %, в том числе импорт упал на 12,3 % и экспорт — на 7 %. Тому есть ряд причин. Главная из них — общее снижение динамики роста внешнеторгового товарооборота в Китае (в долларовом выражении он вырос в 2014 г. на 3,4 %, в том числе импорт — лишь на 0,4 %). В какой-то мере сказались проблемы с обеспечением общественного порядка в Гонконге. Судя по всему, некоторую отвлекающую роль сыграл запуск зоны свободной торговли в Шанхае.

Выправлению ситуации может помочь вхождение ряда районов Шэньчжэня в создаваемую по подобию Шанхайской Гуандунскую зону свободной торговли. В ее состав включены промышленный и портовый район Шэкоу и близлежащий район Цяньхай, где на площади в 15 кв. км создается «Зона сотрудничества Шэньчжэня и Гонконга в индустрии современных услуг», в первую очередь финансовых.

Детальное положение о развитии Цяньхай было одобрено Госсоветом КНР 27 июня 2012 г., однако после посещения территории главой страны Си Цзиньпином в декабре 2012 г. оно резко ускорилося. К октябрю 2014 г. здесь уже учреждено 16 760 различных предприятий и организаций, в в.т. 9662 — финансового и денежно-кредитного характера²¹. Район Цяньхай должен также стать общекитайской моделью развития низкоуглеродной «зеленой» экономики. В выставочной павильоне, посвященном Цяньхаю, район назван «фабрикой мечты для осуществления китайской мечты». В целом же Шэньчжэнь делает ставку на развитие «интеллектуальной экономики», представленной производством постоянно обновляющейся высокотехнологичной продукции, все в большей мере опирающейся на собственные научные исследования и разработки. В 2013 г. объем производства высокотехнологичной продукции в Шэньчжэне составил 1413 млрд юаней (в 2011 г. — 1200 млрд юаней), в том числе 61 % базируется на собственных технологиях²².

* * *

Надо полагать, многое из той специфики, которую обрел Шэньчжэнь за 35 лет своего существования в качестве специальной экономии-

ческой зоны, будет уходить, меняться, трансформироваться. Но сам настрой на новаторство, на выполнение авангардных функций для всей страны сохранится на всю обозримую перспективу.

(2015)

Примечания

¹ Мао Лянь, Чэнь Юнминь. Изучение идей Дэн Сяопина о специальных экономических зонах : [Дэн Сяопин цзинци тэюй сысян яньцзю]. Сямэнь, 1995. С. 144.

² Статистический ежегодник Шэньчжэня 2012 : [Шэньчжэнь тунци няньцзянь — 2012]. Шэньчжэнь-Пекин, 2012 (на кит. яз.).

³ *Fan Gang*. The Unique Value and Role of Chinese Special Economic Zones — From System Transition and Economic Development Perspectives // Изучение специальных экономических зон Китая : [Чжунго цзинци тэюй яньцзю]. Пекин: Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ. 2011. С. 138—139.

⁴ Открытые районы Китая: инвестиционная среда и политический курс : [Чжунго дуйвай кайфан дицюй тоуцзы хуаньцзин хэ чжэнцэ]. Куньмин. 1993. С. 42—44.

⁵ Статистический ежегодник Китая 2000 : [Чжунго тунци няньцзянь 2000]. Пекин, 2000. С. 643.

⁶ Ежегодник статистики ценных бумаг Китая 1995 : [Чжунго чжэнцюань тунци няньбао 1995]. Пекин, 1996. С. 71—72.

⁷ Экономический ежегодник Китая 2001 : [Чжунго цзинци няньцзянь 2001]. Пекин, 2001. С. 559.

⁸ Экономический ежегодник Китая 2000 : [Чжунго цзинци няньцзянь 2000]. Пекин, 2000. С. 559.

⁹ Экономический ежегодник Китая 2001 : [Чжунго цзинци няньцзянь 2001]. Пекин, 2001. С. 634—636.

¹⁰ Заметки о поддержке Ху Цзиньтао реформ и развития Шэньчжэня : [Ху Цзиньтао чжичи Шэньчжэнь гайгэ фачжэнь цзиши]. Ляован. Пекин. 23.08.2010. С. 26.

¹¹ Ляован. 23.08.2010. С. 21.

¹² Доклад о развитии китайского Шэньчжэня — 2007 (2007 нянь: Чжунго Шэньчжэнь фачжэнь баогао). Пекин. Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ. 2007. С. 83.

¹³ Shenzhen investment guide. Shenzhen 2006. P. 28—34.

¹⁴ Доклад о развитии китайского Шэньчжэня — 2007. С. 88—89.

¹⁵ Жэньминь жибао. 08.09.2010.

¹⁶ Доклад о развитии китайского Шэньчжэня — 2007. С. 268.

¹⁷ Доклад об экономическом развитии Шэньчжэня (2012) : [Шэньчжэнь цзинци фачжань баогао]. Пекин, 2012. С. 2, 13.

¹⁸ Там же. С. 13.

¹⁹ Шэньчжэнь тэцьюй бао. 2015. 5 февраля.

²⁰ Шэньчжэнь тэцьюй бао. 2015, 5 февраля; *Портяков В.* Особенности развития экономики Шэньчжэня в условиях модификации модели роста в КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 3. С. 75—82.

²¹ Данные докладов, представленных на конференции «Сравнение и опыт специальных экономических зон», состоявшейся в Шэньчжэне, КНР, 22—23 ноября 2014 г.

²² Данные стендов Музея промышленности в Шэньчжэне.

ЭВОЛЮЦИЯ И ОСОБЕННОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ КИТАЯ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

С приходом к власти пятого поколения лидеров КНР во главе с Си Цзиньпином заметно усилился глобальный характер внешнеполитического курса страны. Существенно расширилась география контактов китайского руководства на международной арене. Внешняя политика Пекина стала намного более инициативной по сравнению с предыдущим десятилетием. Большой резонанс вызвали предложения Си Цзиньпина по укреплению безопасности в Азии. Всеобщее внимание привлекает идея развития многостороннего сотрудничества на обширном пространстве нового сухопутного и Морского Шелкового пути.

Пекин все активнее артикулирует собственное видение глобальных процессов и тенденций развития международной обстановки. Так, на центральном совещании по внешнеполитической работе 28—29 ноября 2014 г. Си Цзиньпин назвал «китайскую мечту» мечтой «мира, развития, сотрудничества, общего выигрыша». Была подчеркнута необходимость «создания нового типа международных отношений, ориентированных на сотрудничество и общий выигрыш в качестве ядра». По словам Си, надлежит внедрять понятие кооперации и общего выигрыша во все сферы международного сотрудничества в политике, экономике, безопасности, культуре¹. По сути дела, прежняя оценка современной эпохи, как эпохи «мира и развития», данная тридцать лет назад Дэн Сяопином, дополняется новыми элементами — «сотрудничеством и общей выгодой».

В то же время, набирающий силу все более глобальный характер деятельности КНР на международной арене не отменяет, а, скорее, даже подчеркивает приоритетность для Пекина тех или иных конкретных географических направлений его внешней политики. В этом плане одним из основных приоритетов для КНР остается Восточная Азия. Здесь находит-

ся Япония — по сути дела, основной соперник Китая за лидерство в регионе. Сюда повернута свои тихоокеанским фасадом Россия, стремящаяся укрепить позиции в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом и в первую очередь в Восточной Азии. Наблюдаются попытки самой мощной мировой державы США укрепить свои позиции в регионе, в том числе военные. Восточная Азия является «адресатом» таких основополагающих векторов внешнеполитического курса Пекина, как выстраивание нового типа отношений Китая с великими державами и создание сети партнерских отношений с соседними государствами. Здесь же расположен Тайвань, остающийся пока вне юрисдикции КНР.

За годы существования народного Китая его отношения с основными государствами региона претерпели существенную, подчас драматичную эволюцию. Понимание ее причин помогает точнее оценить современное состояние и возможные перспективы развития связей Пекина с тем или иным государством.

Уникальным инструментом ретроспективного анализа уровня отношений КНР со странами Восточной Азии служит методика, разработанная в Институте современных международных отношений Университета Цинхуа и сделанные на её основе количественные оценки. Характер отношений здесь оценивается в диапазоне от -9 до 9 . Выделено шесть типов отношений: «конфронтации» соответствуют количественные оценки от -9 до -6 , «напряженности» — соответственно, от -6 до -3 , «дисгармоничности» от -3 до 0 . Положительный спектр оценок представлен «обычными отношениями» — от 0 до 3 , «хорошими» — от 3 до 6 и «дружественными отношениями» — от 6 до 9 . Каждая из шести градаций имеет свои подуровни (высокий—средний—низкий), отличающиеся количественно друг от друга на один пункт (например, «высокая напряженность» — от -5 до -6 , «средняя» — от -4 до -5 , «низкая» — от -3 до -4 и так далее). Минимальное учитываемое значение составляет $0,1$ балла².

Подготовленные учеными Университета Цинхуа оценки уровня двусторонних отношений Китая с рядом государств за период 1950—2013 гг. показывают, что предложенная методика позволила вполне адекватно отследить как общую эволюцию, так и резкие колебания их амплитуды в случае каких-либо неординарных событий.

Оценки китайско-американских отношений³ вполне закономерно отражают враждебное отношение Вашингтона к КНР с первых месяцев ее существования ($-7,5$ в январе—июне 1950 г.), которое достигло максимума ($-8,3$) в разгар корейской войны. С ее окончанием конфронтация между КНР и США снижается до уровня «высокой напряженности» (между -5 и -6), однако после 1960 г. отношения вновь обостряются — по оценке, до $-7,8$ балла в разгар «культурной революции». С марта 1969 г., когда Пекин стал готовить почву для некоторого сближения с США, уровень напря-

женности понемногу снижается, активно реагируя на визит Г. Киссинджера (снижение с $-6,7$ в июне до $-6,1$ в июле 1971 г.) и особенно сильно — на визит Р. Никсона (с $-5,8$ в январе до $-4,7$ в феврале 1972 г.). Создание миссий связи (январь 1975 г.) отмечено оценкой в $-3,3$ балла, а визит Дэн Сяопина в США и последовавшее за ним полное установление дипломатических отношений — настоящим скачком с $-2,1$ (декабрь 1978 г.) до 0 (январь 1979 г.). Далее до середины 1989 г. оценки двусторонних отношений стабильно находятся в зоне положительных значений, достигая максимума в 3 балла в середине 1987 г. Санкции США против Китая, введенные после Тяньаньмэньских событий 4 июня 1989 г., резко ухудшают двусторонние отношения — с $2,5$ в мае до $0,3$ в июне, а затем их уровень до сентября 1994 г. уходит в минусовую зону, не превышая, впрочем, уровня «некоторой дисгармоничности». Еще один всплеск негатива в 1995—1996 гг. был вызван жесткой реакцией Пекина на сепаратистские действия Ли Дэнхуя на Тайване и последовавшее вмешательство в ситуацию Вашингтона. «Медовый месяц» в двусторонних связях в 1998 г., ознаменованный визитом президента Клинтона в Китай, нашел отражение в наивысших оценках уровня китайско-американских отношений за всю их историю ($3,3$ балла в сентябре). Бомбардировка в мае 1999 г. посольства КНР в Белграде и гибель китайского пилота в начале 2001 г. при столкновении с американским самолетом-разведчиком надолго отодвинули отношения Пекина и Вашингтона в район нулевой отметки. Более-менее стабильная повышательная тенденция возникла с 2007 г. Заметный сбой — до уровня $0,4$ — $0,6$ балла — имел место в марте—мае 2009 г. в связи с инцидентом с судном «Импикаба». На момент прихода к власти Си Цзиньпина (ноябрь 2012 г.) отношения между КНР и США оценивались в $1,7$ балла. К концу 2013 г. их уровень повысился до $2,3$ балла.

Отношения Пекина с Советским Союзом⁴, первым признавшим только что провозглашенную Китайскую Народную Республику, стартовали с весьма высокой оценки в $8,1$ балла (январь 1950 г.). Союзнические отношения двух государств наглядно проявились в Корейской войне 1950—1953 гг., а затем и в масштабной помощи Москвы Китаю в годы первой пятилетки (1953—1957 гг.). Количественная оценка из уровня составила $8,2$ балла с февраля 1950 г. по сентябрь 1954 г. и $8,3$ балла в период с октября 1954 г. по май 1958 г. Затем, как известно, в советско-китайских отношениях началась полоса охлаждения, причины которого по сей день видятся в Москве и в Пекине не вполне одинаково. До середины 1960 г. количественные оценки двусторонних связей остаются на высоком уровне ($8,2$ — $8,1$ — $8,0$), но быстро понижаются после заявления Москвы об отзыве советских специалистов из Китая: $7,7$ балла в июне 1960 г., $6,5$ в июле, далее $6,4$ балла по сентябрь 1961 г. и $6,2$ балла по апрель 1962 г.

Ожесточенная полемика по широкому кругу вопросов между двумя правящими коммунистическими партиями — КПСС и КПК стала главным «триггером» быстрого ухудшения двусторонних отношений: 5,2—5,1 с мая 1962 г. по май 1963 г., затем 3,9 балла в июне (полемика вокруг китайских предложений о генеральной линии международного коммунистического движения), 2,0 в июле с быстрым выходом на «нулевой» показатель в декабре 1963 — январе 1964 гг. (известные «девять статей», адресованных Китаю советскому руководству). С февраля 1964 г. оценка уровня двусторонних отношений уходит в зону отрицательных значений, которые растут с развертыванием в КНР «культурной революции»: в 1966 г. -1,5 — -1,6, в 1967 г. -3 — -3,5, в 1968 г. -4. Столкновения на границе в марте и августе 1969 г. отразились в снижении уровня отношений, соответственно, до -5,1 и -5,9 балла. Затем наступила полоса своеобразного застоя: с сентября 1969 г. (встреча А.Н. Косыгина и Чжоу Эньлая в аэропорту Пекина) и по апрель 1978 г. включительно уровень отношений оценивается в -5,6 балла.

Новое ухудшение было вызвано осложнением отношений Китая с Вьетнамом на фоне отстранения от власти в Камбодже режима Пол Пота. Оценки уровня китайско-советских отношений снизились с -5,8 балла до -6 к концу 1978 г. и до -6,2 балла в апреле—августе 1979 г. Далее до февраля 1982 г. они находились на уровне -6,1 балла. С марта 1982 г. (ташкентская речь Л.И. Брежнева) они начинают постепенно улучшаться, но выходят из минусовой зоны только в мае 1989 г. (0 — визит М.С. Горбачева в КНР и нормализация межгосударственных и международных отношений).

В наследство от СССР ельцинская Россия получит уровень отношений с Китаем, оцениваемый в 2,8 балла (декабрь 1991 г.), который возрастает до 3,6 балла к концу 1992 г. Далее имело место поступательное улучшение двусторонних китайско-российских отношений: 4,6 балла в конце 1994 г., 5,1 балла в конце 1995 г., 5,9 балла в конце 1996 г., 6,4 балла в конце 1997 г., 6,9 балла в конце 1998 г., 7,5 балла в конце 1999 г. Подписание В. Путиным и Цзян Цзэмином 16 июля 2001 г. Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР нашло отражение в повышении оценки уровня отношений между двумя странами до 8 баллов. С того времени и до конца 2013 г. эти оценки оставались стабильно высокими, варьируя в диапазоне от 7,8 до 8,1 балла.

Возникает вполне естественный вопрос о сопоставлении количественных оценок уровня отношений Китая с США и с СССР/Россией. Формально картина здесь достаточно ясная: отношения Пекина с Вашингтоном были стабильно лучше его отношений с Москвой в период с февраля 1972 по июнь 1989 г., остальное время — наоборот. Вместе с тем следует принять во внимание, что подчас в самом Китае высказывают со-

мнения в величине разрыва в уровнях его отношений с Россией и с США (на конец 2013 г. это 8,0 и 2,3 баллов). Вполне возможно, что в связи с огромными масштабами китайско-американских торгово-экономических, образовательных и научных связей уровень отношений КНР с США воспринимается населением как более высокий, нежели представленный в оценках Университета Цинхуа. В то же время, на мой взгляд, эти оценки выглядят достаточно объективными и убедительными, если сопоставить реальное состояние сегодняшних политических отношений Пекина с Москвой и Вашингтоном: в первом случае это подлинно «дружественные отношения», во втором — пока все еще «обычные отношения», не дотягивающие, несмотря на все успехи китайской стороны, до более высокого уровня «хороших отношений!».

Важное значение для оценки общей международной ситуации в Восточной Азии неизменно имеет состояние **китайско-японских отношений**⁵. До начала 1970-х годов они устойчиво носили «конфронтационный» (1950—1955 гг.) или «напряженный» (1956—1971 гг.) характер, что вытекало из высокой степени близости Японии к США. Нормализация отношений Пекина и Токио подняла оценку из уровня с $-5,2$ балла в августе 1972 г. до $-1,7$ в сентябре (один из наиболее резких скачков во всем комплексе двусторонних отношений КНР), однако в положительную зону эти оценки вышли только в августе 1978 г. в связи с подписанием китайско-японского Договора о дружбе.

Активное участие Японии в модернизации Китая — кредитами, оборудованием, специалистами — обусловило постепенное повышение уровня китайско-японских отношений до статуса «хороших», сохранившихся в этом качестве даже после июня 1989 г. и вплоть до конца 2002 г. наивысшего уровня в 5 баллов они достигли в июне—августе 1994 г. Недовольство Пекина некоторыми аспектами политики лидеров Японии, особенно Д. Коидзуми, обусловило постепенное охлаждение двусторонних отношений, начиная с 2003 г. В период с февраля 2005 г. по августа 2007 г. они даже вновь попали в зону отрицательных значений (с минимумом в $-2,7$ балла в апреле 2006 г.). В следующие пять лет китайско-японские отношения находились в зоне положительных оценок, но до уровня «хороших» на сей раз не дотянулись. Более того, коллизия с затянувшимся арестом рыболовецкого судна в акватории оспариваемых двумя странами островов Дяоюйдао послужила основанием для существенного снижения оценки уровня отношений: с 2,9 балла в августе 2010 г. до 1,5 в сентябре. После решения японской администрации выкупить часть оспариваемых Китаем островов у частного владельца оценки отношений с сентября 2012 г. ушли в минусовую зону и достигли к концу 2013 г. довольно высокого конфронтационного уровня в $-4,5$ балла.

Отношения КНР с Республикой Корея⁶ — одним из ключевых государств Восточной Азии — в силу исторических обстоятельств долгие годы носили конфронтационный характер. В период Корейской войны 1950—1953 гг. оценки двусторонних отношений варьировали в диапазоне от —6,5 до 7,8 балла. С конца 1953 г. по апрель 1983 г., т. е. фактически на 30 лет, они характеризовались оценкой —6,6 балла, т. е. на уровне «конфронтации низкой степени». Только в конце 1991 г. они перешли в новое качество — «напряженных» (—5,7 балла в ноябре—декабре), однако уже в 1992 г., ознаменовавшемся установлением дипломатических отношений между КНР и РК, произошло скачкообразное улучшение оценки уровня двусторонних связей: до —2,5 в августе и —1,5 в декабре. В 1994 г. оценки выходят из минусовой зоны («дисгармоничность») и переходят в разряд «обычных» (0,8 балла в 1995 г., 1,3 балла в 1996 г., 1,7—2,2 балла в 1997 г., 2,2—2,8 балла в 1998 г. В конце 1999 г. китайско-южнокорейские отношения удостаиваются статуса «хороших» (3,1 балла), а с 2008 г. — «дружественных» (6—6,3 балл). Признавая высокий уровень торгово-экономического и гуманитарного сотрудничества Китая и Республики Корея, следует в то же время отметить, что их высокая оценка, по сути дела, игнорирует факт сохраняющихся высоко-союзнических отношений Сеула с Вашингтоном.

За годы существования КНР неоднократно проходили через серьезные испытания **китайско-вьетнамские отношения**⁷. Они важны и интересны не только сами по себе, но и как фактор, в разные годы заметно влиявший на отношения Пекина с Вашингтоном и Москвой.

Образование КНР стало весомым элементом поддержки антиколониальной борьбы вьетнамского народа и создания в 1954 г. на севере Вьетнама Демократической Республики Вьетнам. С середины 1960-х годов в течение десятилетия Пекин оказывал Ханюю существенную материальную помощь в борьбе против американской агрессии и за объединение Севера и Юга страны. Вполне логично, что эксперты Университета Цинхуа оценили отношения КНР с ДРВ в период 1954—1974 гг. как дружественные с нахождением в диапазоне 7—7,5 баллов. Однако окончательная победа Севера и объединение страны в мае 1975 г. сопровождалось быстрым охлаждением отношений Вьетнама с Китаем, получивших в мае—июне 1975 г. оценку лишь в 4,7 балла по сравнению с 7 баллами в апреле.

Охлаждение было вызвано комплексом факторов: определенной переориентацией Вьетнама на Советский Союз, неприятием в Ханое режима «красных кхмеров» в Камбодже, выселением сначала из Сайгона, а затем и из страны в целом значительного числа лиц с китайскими корнями. Китай явно не устраивало и нескрываемое в тот период стремление Ханюя играть роль ведущего государства Индокитая. Больно ударило по са-

молюбию китайцев то обстоятельство, что Вьетнам первым из разделенных государств Азии смог добиться национального единства.

Как бы то ни было, двусторонние отношения КНР и СРВ в конце 1970-х годов ухудшались стремительно: 1,4 балла в декабре 1978 г., -0,5 в январе 1979 г. С началом Пекином в феврале 1979 г. военных действий против Вьетнама отношения вошли в фазу конфронтации: -6,2 балла в феврале, -6,7 в марте с последующим нахождением на уровне ниже -6 баллов до сентября 1990 г., когда «конфронтация», наконец, сменилась напряженностью (-5,5 балла).

В 1990-е годы, с началом переговоров между СРВ и КНР об урегулировании двусторонних отношений, уточнении линии прохождения сухопутной границы и т. п. отношения довольно быстро улучшались: -5,2 балла в июле 1991 г. и только -1,8 балла в октябре, -0,6 балла в декабре 1992 г. и -0,3 балла в октябре 1993 г. С ноября 1993 г. оценки уровня китайско-вьетнамских связей покидают отрицательную зону, переходя в стадию «нормальных», а с января 1999 г. — и в стадию «хороших» (3,2 балла). С мая 2008 г. по май 2011 г. китайско-вьетнамские отношения квалифицируются как «дружественные», их уровень оценивается в 6—6,2 балла. Однако обострение противоречий между Ханоем и Пекином по вопросу о принадлежности островов в Южно-Китайском море приводит к определенному охлаждению: с июня 2011 г. уровень отношений Китая с Вьетнамом оценивается ниже 6 баллов, опускаясь в первые месяцы 2013 г. до 5 баллов.

В качестве вывода из вышеизложенного можно констатировать, что в отношениях Китая с основными акторами системы международных отношений в Восточной Азии имелись как длительные периоды стабильности отношений, так и довольно резкие смены тренда с положительного на отрицательный и наоборот. То есть, по крайней мере формально, оба эти варианта развития событий возможны и в обозримой перспективе. Однако конкретная эволюция отношений КНР с Японией, Республикой Корея, Вьетнамом, Россией и США на период пребывания у власти пятого поколения руководителей КПК и КНР во главе с Си Цзиньпином, то есть до 2022—2023 гг., будет зависеть не только от «наследия» в виде сложившегося уровня связей, но и от таких определяющих факторов, как подвижки в ситуации в регионе и общий характер внешней политики Вашингтона и Пекина.

На наш взгляд, вероятность кардинального решения существующих ныне наиболее острых проблем межгосударственных отношений в Восточной Азии в ближайшие 7—8 лет невелика, причем речь идет как о силовом варианте, так и о достижении удовлетворяющего оппонентов результата путем переговоров. Иными словами, мы предполагаем, что до 2023 г. не будут решены проблемы денуклеаризации Корейского полуост-

Таблица 1. Оценки уровня отношений Китая с рядом государств Восточной Азии и США

Год	США	СССР/Россия	Япония	Республика Корея	Вьетнам
1950	-8,2	8,2	-7,0	-7,2	6,9
1955	-5,9	8,3	-6,4	-6,6	7,1
1960	-6,5	6,4	-5,5	-6,6	7,2
1965	-7,7	-1,5	-5,4	-6,6	7,3
1970	-7,0	-5,5	-5,4	-6,6	7,6
1975	-2,8	-5,6	-1,1	-6,6	4,6
1980	2,1	-6,1	3,0	-6,6	-6,6
1985	2,6	-4,2	4,3	-6,4	-6,9
1990	-0,7	1,6	3,4	-6,1	-5,5
1995	0	5,1	4,5	1,2	1,6
2000	0,4	7,5	3,7	3,5	4,6
2005	0,6	7,9	-2,4	5,5	5,5
2010	1,2	8,0	1,2	5,9	6,2
2011	1,9	8,0	1,8	6,1	5,9
2012	1,7	7,9	-3,3	6,1	5,0
2013	2,3	8,0	-4,5	6,3	5,3

Примечание. Составлено по данным Института современных международных отношений Университета Цинхуа, Пекин, КНР.

Приведены оценки уровня отношений за декабрь каждого упомянутого в таблице года.

Оценки в диапазоне от -9 до -6 соответствуют конфронтации Китая с тем или иным государством, в диапазоне от -6 до -3 — «напряженности» в двусторонних отношениях, от -3 до 0 — «дисгармоничности», от 0 до 3 — «обычным отношениям», от 3 до 6 — «хорошим» и от 6 до 9 — «дружественным отношениям».

рова, объединения Кореи, достижения согласия относительно суверенности над островами Сенкаку/Дяюйдяо и островами Южно-Китайского моря, а также возвращения Тайваня под юрисдикцию КНР. Пойти на силовой вариант решения споров в свою пользу Китаю отчасти помешает его официальная приверженность мирному пути развития, а также маловероятность его подтягивания в обозримой перспективе к уровню США по военной мощи. При любой администрации Вашингтон сохранит в ар-

сенале своей «китайской политики» элементы сдерживания, особенно наглядные и эффективно подкрепленные военными союзами как раз в Восточной Азии.

Пользуясь градацией характера межгосударственных отношений, предложенной Институтом современных международных отношений Университета Цинхуа, можно предположить следующее.

В ближайшие 7—8 лет китайско-американские отношения с большей вероятностью останутся в разряде «обычных» (0—3 балла). Настойчивые усилия Пекина по установлению с Вашингтоном «междержавных отношений нового типа» могут дать результат в виде повышения уровня двусторонних связей до категории «хороших» (свыше 3 баллов). Вместе с тем представляется практически невероятным, чтобы США пошли на официальное признание, уважение «суверенитета, территориальной целостности и коренных интересов» Китая, тем самым резервируя за собой возможность вмешательства во внутренние дела Китая⁸. Так что ожидать повышения уровня китайско-американских отношений до категории «дружественных» (6 баллов и выше) не приходится.

Китайско-российские отношения «всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия» квалифицируются обеими сторонами как свидетельствующие об исторически самом высоком уровне двусторонних связей. Еще более повысить сегодняшние оценки этого уровня, варьирующие у отметки в 8 баллов, могли бы лишь два обстоятельства: практическое заключение военного союза и/или выведение двусторонних торгово-экономических связей до масштабов, сопоставимых с параметрами китайско-американского и китайско-европейского сотрудничества. Первое с позиций сегодняшнего для выглядит маловероятным (хотя бы потому, что идет вразрез с официальной позицией руководства КНР и РФ), и второе — технически недостижимым за срок в 7—8 лет. Напротив, как раз определенное отставание объема торгово-экономических связей от ожиданий лидеров и населения двух стран, усугубляемое обострившимися проблемами в экономиках России и Китая, может привести к некоторому снижению оценки уровня китайско-российских отношений, которые, впрочем, сохраняют характер «дружественных».

Китайско-японские отношения имеют, как признается многими экспертами из КНР, существенный потенциал стабилизации, а затем и улучшения⁹. Нынешний уровень связей этих двух государств представляется аномально низким. С завершением длительной полосы подготовки к празднованию в КНР 70-летия победы китайского народа в антияпонской войне, требований надлежащего пропагандистского обеспечения, уровень напряженности между Пекином и Токио должен заметно снизиться. Вместе с тем маловероятно, что отношения между двумя государствами, достигнув уровня «нормальных», плавно перейдут далее в разряд

«хороших» (3—6 баллов). Этому по-прежнему будет препятствовать соперничество Пекина и Токио за лидерство в регионе.

Перспективы развития **отношений Китая с Республикой Корея** и впредь будут во многом определяться подвижками в своеобразном «параллелограмме сил», составленным из двух корейских государств, КНР и США. Китайские эксперты констатируют, что Вашингтон добивается от Пекина «урегулирования» его политики по отношению к Пхеньяну, представляя такой шаг в качестве некоего «пробного камня» в строительстве нового типа междержавных отношений¹⁰. Однако китайская сторона на самых разных уровнях декларирует, что «Китай не может бросить Северную Корею»¹¹. Поэтому отношения Пекина с Сеулом все в большей степени приобретают относительно самостоятельный характер, базирясь в первую очередь на крупномасштабном торгово-экономическом взаимодействии и гуманитарных обменах. Их уровень будет несущественно колебаться в районе отметки в 6 баллов — на грани «очень хороших» и «дружественных».

К числу наиболее неопределенных относятся перспективы **китайско-вьетнамских отношений**. Камнем преткновения по-прежнему останется спор о территориальной принадлежности островов Южно-Китайского моря. Не исключена вероятность существенного охлаждения между КНР и СРВ особенно в случае дальнейшего сближения Ханоя с Вашингтоном. В Пекине стремятся не допустить этого, убеждая Ханой, что «Китай не представляет стратегической угрозы Вьетнаму» и что «вмешательство внешних сил не принесет ничего хорошего народам двух государств и лишь преследует цель толкнуть их на путь соперничества»¹². В любом случае, однако, отношения между Китаем и Вьетнамом в следующие 7—8 лет не должны опуститься до зоны отрицательных значений, хотя снижение их уровня с нынешнего статуса «хороших» до разряда «обычных» полностью исключать нельзя.

В целом можно констатировать, что в среднесрочной перспективе Восточная Азия останется для внешней политики Пекина одним из наиболее важных и одновременно наиболее сложных регионов.

(2015)

Примечания

¹ Чжунъян вайши гунцзо хуйи цзай цзин цзюйсин : [В Пекине состоялось Центральное совещание по внешнеполитической работе] // Жэньминь жибао. 30.11.2014.

² «Чжунго юй даго гуаньси шуцзюй ку шиюн фанфа : [Методика использования базы данных об отношениях Китая с великими державами]. Разработка Ин-

ститута современных международных отношений Университета Цинхуа, Пекин, 2014. Сайт: URL: www.imir.tsinghua.edu.cn

³ «1950—2013 нянь Чжун Мэй гуанси фэньчжи» : [Количественная оценка китайско-американских отношений в 1950—2013 гг.]. Таблица, составленная Институтом современных международных отношений Университета Цинхуа, Пекин. Сайт: URL: www.imir.tsinghua.edu.cn

⁴ «1950—2013 нянь Чжун Э (Су) гуаньси фэньчжи» : [Количественная оценка китайско-российских (советских) отношений в 1950—2013 гг.]. Таблица, составленная Институтом современных международных отношений Университета Цинхуа, Пекин. Сайт: URL: www.imir.tsinghua.edu.cn

⁵ «1950—2013 нянь Чжун Жи гуаньси фэньчжи» : [Количественная оценка китайско-японских отношений в 1950—2013 гг.]. Таблица, составленная Институтом современных международных отношений Университета Цинхуа, Пекин. Сайт: URL: www.imir.tsinghua.edu.cn

⁶ Чжунго юй да го гуаньси фэньчжи бяо : [Таблица оценок отношений Китая с ведущими державами] // Институт современных международных отношений Университета Цинхуа, Пекин. Сайт: URL: www.imir.tsinghua.edu.cn

⁷ Там же.

⁸ Подробнее см.: *Ван Цзисы, У Шэнци*. Чжун Мэй дуй синьсин да го гуаньси дэ жэньчжи чаи цзи Чжунго дуй Мэй чжэнцэ : [Различия в понимании Китаем и США отношений нового типа между державами и политики Китая в отношении США] // Дандай шицзе : [Современный мир]. Пекин. 2014. № 10. С. 2—7.

⁹ Смотри, например, выступления участников дискуссии о китайско-японских отношениях в пекинском журнале «Современные международные отношения: Аньбэй чжэнфу юань хэ цзиюй моуцзо гайшань Чжун Жи гуаньси?» : [Почему правительство Абэ стремится спешно улучшить китайско-японские отношения?] // Сяньдай гоцзи гуаньси. Пекин. 2014. № 10. С. 53—62.

¹⁰ *Ван Цзисы, У Шэнци*. Цит. раб. С. 5.

¹¹ Гоуцзянь Дунбэйя хэпин аньцюань цзичжи суйяо шэньмоянцэ Чжун Чао гуаньси : [Какие отношений между Китаем и Северной Кореей нужны для создания механизма мира и безопасности в Северо-Восточной Азии] — Раздел дискуссии ученых Китая, России и Кореи о создании механизма безопасности в Северо-Восточной Азии // Шицзе чжиши. Пекин, 2015. № 12. С. 18.

¹² How close can Washington and Hanoi be? // *Global Times*. Beijing, June 3. 2015.

ДОГНАЛ ЛИ КИТАЙ АМЕРИКУ ПО КОМПЛЕКСНОЙ МОЩИ?

Когда в 2010 г. Китайская Народная Республика опередила Японию по объему валового внутреннего продукта, это привлекло заметное внимание международного сообщества и породило многочисленные отклики и комментарии в мировых средствах массовой информации. Между тем событие не меньшего значения, возможно, случившееся несколькими годами позже, пока остается почти незамеченным.

Речь идет о том, что, согласно расчетам известного китайского ученого-экономиста Ху Аньгана, по итогам 2013 г. Китай по комплексной мощи опередил США: соотношение «твердой» (то есть без учета так называемой «мягкой силы») совокупной национальной мощи двух государств с 1:1,22 в 2010 г. выросло до 1:0,98 в 2013 г. Эти расчеты Ху Аньган опубликовал в виде статьи в начале 2015 г. в «Вестнике Университета Цинхуа»¹, а затем и в качестве отдельной главы «Как Китай догнал и перегнал Америку: взгляд с точки зрения комплексной мощи» в авторской монографии «СверхКитай»². А в докладе 20 ноября 2015 г. на 6-м форуме мирового китаеведения в Шанхае Ху Аньган огласил и новые оценки за 2014 г., которые свидетельствуют о закреплении и углублении превосходства Китая над США: доля КНР в мировой комплексной мощи составила 17,13 %, тогда как доля США — 15,25 %, а соотношение между ними возросло до 1:0,89³.

Значение данного события выходит за рамки эконометрии и затрагивает кардинальные проблемы качественных изменений в общей расстановке сил в мире.

Собственно, и сам Ху Аньган подчеркивает прежде всего практическое значение нового феномена. По его мнению, именно выход Китая на паритет с США по комплексной мощи послужил материальной базой

предложения о строительстве нового типа междержавных отношений между Китаем и США, впервые выдвинутого лидером КНР Си Цзиньпином в марте 2013 г.⁴ Нетрудно увидеть здесь своеобразную переключку с утверждением американского китаевода Дэвида Шамбо, что «сегодня США и Китай являются только двумя подлинно глобальными акторами на мировой арене»⁵.

Каковы же слагаемые достигнутого Китаем успеха? Достаточно подробное описание методологии расчетов комплексной мощи, приведенное Ху Аньганом, позволяет ответить на этот вопрос, а заодно и увидеть наиболее очевидные сильные и слабые стороны избранной методики.

Отправная посылка Ху Аньгана такова. Коль скоро комплексная мощь государства представляет собой его совокупную способность к целенаправленному достижению намеченных стратегических целей, то ее главным компонентом и материальной основой являются государственные стратегические ресурсы. Для оценки комплексной мощи Китая и США были использованы 17 показателей, относящихся к 8 видам стратегических ресурсов и учтенных в соответствии с приданными им весами (экономика, наука и техника — по 0,2; человеческий капитал, природные, военные, международные, правительственные ресурсы и капитал — по 0,1 из общей суммы в 1,0).

Универсальной счетной единицей, позволившей соединить воедино разнородные компоненты, стала процентная доля Китая и США в общемировых показателях по всем восьми составным частям комплексной мощи (табл. 1).

Итак, судя по расчетам Ху Аньгана, решающий рывок в погоне за США по комплексной мощи Китай сделал в первое десятилетие XXI века, сократив разрыв с 1:2,77 в 2000 г. до 1:1,22 в 2010 г. При этом особенно основательно сократилось отставание Китая от Америки по таким компонентам комплексной мощи, как ресурсы капитала, интеллектуальные и технологические ресурсы.

Чтобы понять, насколько корректны и убедительны расчеты и доводы китайского ученого, попробуем рассмотреть выкладки Ху Аньгана несколько более подробно. Подчеркнем, что цель непременно опровергнуть расчеты и главный вывод китайского экономиста никоим образом не ставится. Скорее, речь идет о более широком контексте анализа того, что Ху Аньган называет «стратегическими ресурсами» Китая, динамики и возможных перспектив их изменения.

В примененной Ху Аньганом методологии **экономические ресурсы** государства представлены одним показателем — валовым внутренним продуктом, рассчитанным по паритету покупательной способности национальных валют (ППС), точнее, долей ВВП Китая и США в мировом валовом продукте по ППС. Это, безусловно, один из наиболее выгодных

Таблица 1. Процентные доли комплексной мощи Китай и США в общемировых показателях

Наименование	2000			2010			2013		
	Китай	США	США: Китай, раз	Китай	США	США: Китай, раз	Китай	США	США: Китай, раз
Экономические ресурсы	7,62	21,68	2,85	13,90	17,17	1,24	15,86	16,49	1,04
Человеческие ресурсы	24,92	8,85	0,36	24,82	7,72	0,31	25,18	7,61	0,30
Природные ресурсы	10,04	12,40	1,23	11,14	11,53	1,03	12,07	11,45	0,95
Ресурсы капитала	3,61	34,0	9,43	15,54	21,84	1,41	19,14	22,00	1,15
Интеллектуальные и технологические ресурсы	3,92	27,85	7,10	15,55	21,34	1,37	22,20	22,45	1,01
Правительственные ресурсы	1,64	17,35	10,58	8,33	18,26	2,19	10,65	15,14	1,42
Военные ресурсы	8,35	20,00	2,40	10,97	21,04	1,92	12,56	18,16	1,45
Международные ресурсы	3,32	16,09	4,84	8,67	11,20	1,29	10,01	10,98	1,10
Комплексная мощь в целом	7,50	20,77	2,77	13,84	16,86	1,22	16,57	16,32	0,98

Источник: Ху Аньган. СверхКитай (Hu Angang. Chaoji Zhongguo). Пекин, 2015. С. 216—217.

для Китая показателей, характеризующих масштабы его экономики, особенно с учетом того, что в 2014 г. Международный валютный фонд существенно повысил оценки ВВП по ППС ряда развивающихся стран, включая КНР. Здесь позитивная для Китая динамика, скорее всего, в ближайшие годы сохранится (табл. 2).

Так, по оценке МВФ, доля Китая в мировом валовом продукте (по ППС) вырастет с 17,24 % в 2015 г. до 19,35 % в 2020 г., тогда как доля США, напротив, сократится с 15,88 % до 14,92 %. Соответственно, соотношение между США и КНР по этому показателю снизится с 0,92:1 до 0,77:1.

Какие-то принципиальные возражения или, как минимум, сомнения в этой картине непреклонной «железной поступи» Китая могут быть двух видов. Первый, наиболее очевидный, состоит в том, что хотя показатель ВВП по паритету покупательной способности ныне весьма популярен, главным и основным показателем экономической иерархии государств

Таблица 2. Прогноз динамики ВВП Китая, США и России до 2020 г.

Наименование	Показатель	Годы					
		2015	2016	2017	2018	2019	2020
Китай	ВВП по текущему курсу, млрд долл.	11 384	12 254	13 173	14 272	15 620	17 100
	ВВП по ППС, млрд долл.	19 510	20 985	22 632	24 506	26 624	28 921
	Доля в мировом валовом продукте по ППС, процентов	17,24	17,70	18,09	18,48	18,91	19,35
Россия	ВВП по текущему курсу, млрд долл.	1236	1179	1309	1447	1613	1791
	ВВП по ППС, млрд долл.	3473	3493	3589	3718	3856	3998
	Доля в мировом валовом продукте по ППС, процентов	3,07	2,95	2,89	2,80	2,74	2,67
США	ВВП по текущему курсу, млрд долл.	17 968	18 698	19 555	20 493	21 404	22 294
	ВВП по ППС, млрд долл.	17 968	18 698	19 555	20 493	21 404	22 294
	Доля в мировом валовом продукте по ППС, процентов	15,88	15,77	15,63	15,45	15,20	14,92

Источник: International Monetary Fund, World Economic Outlook Database, October 2015.

остается показатель ВВП, выраженный в долларах по рыночному курсу национальных валют. Здесь, по прогнозу МВФ, США сохранят к концу нынешнего десятилетия уверенное преимущество над Китаем, хотя ВВП КНР и вырастет с 63,3 % от американского в 2015 г. до 76,7 % в 2020 г.

Сомнения второго рода порождены очевидными сложностями, с которыми сталкивается идущий ныне процесс трансформации модели экономического роста в Китае. Выход на «новую нормальность», сопряженный с серьезными подвижками в структуре экономики, дается Пекину явно болезненнее, чем это виделось еще два-три года назад. Не исключено, что темпы экономического роста, а с ними и динамика наращивания Китаем комплексной мощи уже в ближайшей перспективе заметно снизятся.

Ресурсы человеческого капитала определяются как произведение численности населения страны в трудоспособном возрасте (от 15 до 64 лет) на средний уровень образования (среднее количество лет обучения). Этот ресурс остается одним из главных сравнительных преимуществ Китая, стабильность и устойчивость ему в последние четверть столетия во мно-

гом обеспечил рост среднего срока обучения трудоспособного населения с 6,43 лет в 1990 г. до 9,35 лет в 2013 г. Несмотря на высокий образовательный уровень населения в США (в среднем 12,23 года в 1990 г. и 13,3 года в 2013 г.), Китай благодаря многонаселенности имеет наибольший перевес над Америкой именно по ресурсам человеческого капитала: 2,39 раз в 1990 г. и 3,31 раз в 2013 г.⁶ Представляется, что примерно такой разрыв в пользу КНР сохранится в данной сфере и на обозримую перспективу. Скорее всего, достаточно массовый переход жителей Китая от вынужденной модели однодетной семьи на разрешенную отныне модель двухдетной семьи позволит через 15—20 лет компенсировать сокращение рабочих рук из-за нарастающего старения населения страны.

Показатель **природных ресурсов** составлен Ху Аньганом из субпоказателей посевных площадей под сельхозкультурами, объема пресноводных ресурсов и объема коммерчески используемых энергоресурсов (по одной трети от каждого). Доля Китая и США в мировых ресурсах пресной воды остается неизменной — соответственно, 5,8 и 5,09 %. Сокращение же доли КНР в мировых посевных площадях примерно с 15,8 % в 1990 г. до 8 % в 2013 г. (у США — 11,8 и 11,47 %) в общем показателе природных ресурсов оказалось компенсировано опережающим ростом доли Китая в мировых показателях коммерческого использования энергоресурсов с 10,07 % до 22,4 %⁷. Это позволило Китаю несколько опередить США по общей доле в мировых природных ресурсах. Однако, как подчеркивает сам Ху Аньган, душевые показатели КНР в этой сфере намного меньше среднемировых, и страна заинтересована в значительном импорте природных ресурсов, в том числе из США. Кстати говоря, крупномасштабный импорт основных видов топлива и сырья сохранился и в 2015 г., когда Китай импортировал 335 млн т нефти и 952 млн т железной руды (в 2014 г. — соответственно, 308 и 932 млн т)⁸.

В целом, на наш взгляд, у Китая мало шансов сколько-нибудь заметно улучшить свои позиции в мире по данному компоненту комплексной мощи. Более того, общепризнанно, что нехватка посевных площадей и пресной воды могут стать подлинной ахиллесовой пятой страны.

Ресурсы капитала определяются Ху Аньганом как производное от объема внутренних инвестиций, рыночной стоимости акций и чистых прямых зарубежных инвестиций, учитываемых в текущих долларах США по рыночному курсу и взятых в пропорции 0,4; 0,3 и 0,3.

По показателю внутренних инвестиций (доля в мировом объеме) Китай, отстававший от США в 3,2 раза еще в 2005 г., уже в 2010 г. впервые опередил его. В 2013 г. его доля достигла здесь 23,77 %, тогда как доля США составила 17,12 %.

В рыночной стоимости акций существенный перевес (в 2013 г. 4,32 раза) остается за США. В то же время по чистому объему использованных

прямых иностранных инвестиций Китай в последние годы опережал США (в 2013 г. их доли в общемировых показателях составили 24,2 им 16,4 %).

В целом же по ресурсам капитала США с долей в 22 % несколько опережают КНР (19,14 %)⁹.

Представляется, что трактовка Ху Аньганом ресурсов капитала как важного компонента комплексной мощи страны имеет уязвимые места. В первую очередь это касается рыночной стоимости акций. В многочисленных комментариях зарубежных экспертов, последовавших за двукратным обвалом рынка акций в КНР в первой декаде 2016 г., стоимость акций в стране была единодушно названа завышенной.

Что касается наращивания объема инвестиций в самом Китае в период правления Ху Цзиньтао—Вэнь Цзябао, то оно явно вышло за рамки разумного и способствовало созданию огромных избыточных производственных мощностей, которые сегодня являются скорее слабостью, нежели силой страны. Особенно показателен пример черной металлургии. По оценке журнала «Economist», Китай в 2014 г. выплавил лишние 441 млн т стали, то есть половину общего объема ее производства в 2014 г. (822 млн т)¹⁰.

В наращивании **интеллектуальных и технологических ресурсов** Китай благодаря целенаправленной финансовой и научно-технической политике продемонстрировал особенно впечатляющие результаты, увеличив свою долю в совокупных мировых параметрах данной сферы с 0,86 % в 1990 г. до 23,5 % в 2014 г. и опередив таким образом США с их долей в 19,3 % (табл. 3).

Из четырех показателей, формирующих в равных долях суммарный показатель интеллектуальных и технологических ресурсов, Китай опережает США по числу пользователей сети Интернет и по заявкам на патенты и изобретения. Это, в общем-то, вполне естественно с учетом более чем четырехкратной разницы в численности населения. Пока еще отставая по общим затратам на НИОКР и числу научных публикаций, Китай заметно подтянулся к американскому уровню. Немалую роль сыграла в этом и сама Америка, пропустив через свои университеты десятки, если не сотни тысяч китайских студентов.

В обозримой перспективе Китай сохранит ставку на всемерное наращивание своих интеллектуальных и технологических ресурсов, поскольку, как считает Ху Аньган, научно-техническое новаторство и распространение более эффективных технологий и техники являются самым важным путем увеличения комплексной мощи Китая. В то же время, вероятно, что вслед за долей США вскоре начнет снижаться и доля КНР в сводных мировых показателях научно-технической мощи, прежде всего из-за ее опережающего наращивания в остальном мире.

Таблица 3. Доля Китая и США в мировой научно-технической мощи, %

Наименование	2000			2010			2013			2014		
	КНР	США	США: КНР	КНР	США	США: КНР	КНР	США	США: КНР	КНР	США	США: КНР
Затраты на НИОКР	3,29	26,68	8,11	11,65	21,96	1,88	16,07	21,45	1,33	18,01	21,45	1,19
Число пользователей сети Интернет	5,43	29,42	5,41	22,83	11,03	0,48	22,97	9,85	0,43	22,93	9,50	0,41
Заявки на патенты и изобретения	3,77	21,48	5,70	19,59	24,55	1,25	32,13	22,26	0,69	37,89	22,32	0,59
Количество научно-технических публикаций	2,92	30,43	10,42	9,92	26,14	2,64	13,45	24,36	1,82	15,11	23,92	1,58
Совокупная научно-техническая мощь	3,85	27,0	7,01	16,0	20,92	1,31	21,16	19,48	0,92	23,49	19,30	0,82

Источник: Hu Angang. Shier wu shiqi jingji shehui fazhan pingjia : [Оценка социально-экономического развития в период «двенадцатой пятилетки»] // Презентация Ху Аньгана 20 ноября 2015 г. в Шанхае на Шестом форуме мирового Китаеведения.

Правительственные ресурсы представлены одним показателем: финансовыми расходами центрального правительства. Они характеризуют общие возможности государства по мобилизации и использованию своих ресурсов. Как и в большинстве других случаев, Ху Аньган использовал данные Всемирного банка. Можно добавить, что в последние годы в популярных международных индексах нередко фигурируют те или иные показатели качества управления в разных странах, оценки деятельности их правительств и т. п., где КНР занимает, как правило, невысокие места (так, в британском Индексе процветания Legatum КНР в 2015 г. была ранжирована 52-й, но по качеству управления заняла лишь 67-е место)¹¹.

Военные ресурсы как фактор комплексной мощи государства в исследовании Ху Аньгана определяются численностью вооруженных сил и военными расходами (приданные веса — соответственно 0,4 и 0,6). Позиции Китая в мире по двум этим компонентам военной мощи менялись разнонаправлено: по численности вооруженных сил доля КНР снизилась

с 16,21 % в 1990 г. до 10,63 % в 2013 г., а по военным расходам, напротив, выросла с 2,87 % до 13,85 %. В целом же США по военным ресурсам опережают Китай в 1,45 раза. Следует подчеркнуть, что это — минимальная оценка разрыва между США и КНР по военной мощи. Впрочем, сам Ху Аньган оговаривается, что сопоставление военных ресурсов двух государств нуждается в дальнейшем более детальном специальном исследовании¹².

Международные ресурсы представлены взятыми в равных долях показателями экспорта и импорта товаров и услуг. Внешнеторговый бум, который пережил Китай после вступления во Всемирную торговую организацию, обеспечил ему выход на первое место по объему мировой торговли товарами и их экспорту. Однако с учетом торговли услугами лидером мировой торговли, хотя и с небольшим перевесом, остаются США (табл. 4).

Таблица 4. Внешняя торговля Китая и США в 2014 г., млрд долл.

Наименование	Китай	США
Торговля товарами	4303	4032
экспорт	2343	1623
импорт	1960	2409
Торговля услугами	604	1140
экспорт	222	686
импорт	383	454

Источник: World Trade Organization Press Release, 14 April 2015.

В 2013 г. доля КНР в мировом экспорте товаров и услуг достигла 10,36 % по сравнению с 3,5 % в 2000 г., а в импорте товаров и услуг — соответственно, 9,67 % по сравнению с 2,13 %. Однако дальнейший прогресс в этой сфере, похоже, будет даваться Китаю все тяжелее. В 2014 г. объем его внешней торговли товарами вырос всего на 3,4 %, а в 2015 он сократился на 8 % при снижении экспорта на 2 % и импорта на 14,1 %¹³.

Соперничество КНР и США в данной сфере грозит выйти на новый, можно сказать, всеобъемлющий уровень, коль скоро Пекин и Вашингтон выступают ныне в роли неформальных лидеров двух глобальных проектов международного экономического сотрудничества — нового сухопутного и морского Шелкового пути и Транстихоокеанского партнерства.

Впрочем, соперничество между двумя, без сомнения, ведущими мировыми державами прямо или косвенно идет и по всем остальным компонентам «твердой» комплексной мощи. Пытается Китай подтянуться к американскому уровню и по «мягкой силе». Лет семь-восемь назад ки-

тайские ученые оценивали мягкую силу КНР примерно в треть от американской¹⁴. С той поры проделана огромная работа по популяризации в мире китайского языка и культуры, формированию за рубежом положительного образа Китая. Однако зарубежные оценки «мягкой силы» Китая все еще остаются невысокими. Так, британский *Soft Power Index* поставил КНР лишь на 30-е место в мире¹⁵.

Так что сегодня вряд ли можно безоговорочно утверждать, что Китай уже превзошел США по комплексной мощи. Сравнительное исследование комплексной мощи Китая и США нуждается в продолжении и углублении, ведь от него в немалой степени будет зависеть общая конструкция грядущего миропорядка. Конечно же, в интересных расчетах и привлекательной методологии профессора Ху Аньгана есть небесспорные места. И все же главное, на мой взгляд, состоит в самой по себе декларации о достижении Китаем паритета с США по комплексной мощи. К этому стоит относиться вполне серьезно.

(2016)

Примечания

¹ *Hu Angang, Zheng Yunfeng, Gao Yuning*. Dui Zhong Mei zong he guoli de pinggu (1990—2013 nian) [Оценка комплексной мощи Китая и США, 1990—2013] — *Qinghua daxue xuebao. (Zhexue shehui kexue ban)* : [Вестник Университета Цинхуа (Философия и общественные науки)]. Beijing, 2015. № 1. P. 26—39.

² *Hu Angang*. Chaoji Zhongguo : [СверхКитай]. 2015. 276 p. Здесь — С. 205—226.

³ *Hu Angang*. «Shier wu» shiqi jingji shehui fazhan pingjia : [Оценка социально-экономического развития в период «двенадцатой пятилетки»]. Презентация Ху Аньгана 20 ноября 2015 г. в Шанхае на 6-м форуме мирового китаеведения.

⁴ *Hu Angang, Zheng Yunfeng, Gao Yuning*. Цит. соч. С. 26.

⁵ *Shambaugh, David*. China goes global: the partial power // New York, Oxford University Press, 2013. P. 73.

⁶ *Hu Angang, Zheng Yunfeng, Gao Yuning*. Цит. раб. С. 36.

⁷ Там же. С. 29, 32, 36. В объем коммерчески используемых энергоресурсов включаются их добыча, импорт и изменение запасов за вычетом экспорта и топлива, потребляемого международным водным и авиационным транспортом.

⁸ Данные сайта Таможенного управления КНР от 13 января 2016 г. URL: www.customs.gov.cn

⁹ *Hu Angang, Zheng Yunfeng, Gao Yuning*. Цит. соч. С. 30, 37.

¹⁰ *Zhongguo tongji zhaiyao 2015* [Краткая статистика Китая — 2015]. Пекин. 2015. С. 115; China's soaring steel exports may presage a trade war // *Economist*. Dec. 9th 2015.

¹¹ 2015 The Legatum Prosperity Index — Global Ranking. URL: www.prosperity.com/#!/ranking

¹² *Hu Angang*. Chaoji Zhongguo. P. 220.

¹³ Данные сайта: URL: www.customs.gov.cn

¹⁴ Дэвид Шамбо ссылается на публикацию Янь Сюэтуна и Сюй Цзи «Сравнение мягкой силы Китая и США» в журнале «*Xiandai guoji guanxi*»: [Современные международные отношения] // Пекин. 2008. № 1. С. 24—29 См.: *Shambaugh, David*. Op. cit. P. 214.

¹⁵ Softpower30.portland—communication/com/ranking

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В 2016 г.

Характеризуя в интервью Центральному китайскому телевидению 22 декабря 2016 г. отличительные особенности деятельности Китая на международной арене в истекшем году, министр иностранных дел КНР Ван И выделил проведение «политики великой державы (даго) с китайской спецификой»¹. Пожалуй, именно такая дефиниция и раскрывает главную особенность современной внешней политики Китая: самоидентификацию как великой державы и усилия по приведению в соответствие с нею основных ориентиров и базовых параметров внешнеполитического курса. Пекин практически впервые без всяких оговорок признал свой глобальный статус и продемонстрировал желание играть адекватную ему роль в мировых делах. Ван И подчеркнул, что «более зрелый Китай приблизился к центру мировой арены, играя роль стабилизатора в глобальном хаосе».

Одним из главных практических проявлений глобальных амбиций Китая явилась более четкая, чем раньше, заявка на **активное участие страны в глобальном управлении**. Как констатировал Ван И, «в связи с историческими переменами в глобальном балансе сил реформа системы глобального управления будет неизбежной». По его словам, Китай взял на себя инициативу продвижения более справедливой и разумной глобальной политической и экономической системы, предлагая свои варианты решений в сфере глобального управления². Несколько ранее, 3 декабря 2016 г., выступая на открытии конференции Китайской академии изучения международных проблем по анализу международной обстановки в 2016 г., министр иностранных дел КНР подчеркнул, что китайская дипломатия добилась «всестороннего повышения места, влияния и институциональных прав страны в трансформации международной системы»³.

Основанием для таких оценок служит прежде всего заметная роль Китая в подготовке и проведении **саммита G-20 в Ханчжоу**. Как отмечается в китайских СМИ, саммит убедительно показал, что КНР из получателя «общественных продуктов международного сообщества» постепенно становится поставщиком таких «общественных продуктов» (калька с английского «public goods»). Этот процесс отражает переход Китая от пассивного следования международным правилам на позицию активного участника и вдохновителя их формирования⁴. На саммите в Ханчжоу это проявилось, в частности, в последовательном противодействии Пекина протекционизму и отстаиванию открытого характера мировой торговли, в защите принципов инклюзивного роста, в предложении поиска «новаторских моделей роста» и более тесной координации макроэкономической политики ведущих государств мира. Персонально с именем Китая связана не только Ханчжоуская декларация, но и другой документ саммита — впервые принятый «группой 20» Меморандум о поддержке G-20 индустриализации Африки и наименее развитых государств.

Вполне закономерно, что саммит «двадцатки» в Ханчжоу одним из первых мероприятий, проведенных Китаем, был назван «успешным примером дипломатии великой державы с китайской спецификой»⁵.

Еще одной площадкой демонстрации заявки Китая на активную роль в глобальном управлении стал **24-й саммит Организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС)** в Лиме (Перу) в ноябре. В ходе его работы председатель КНР Си Цзиньпин выступил с двумя важными речами — «Углубляя партнерские отношения, усилить движущие силы развития» и «Глядя в будущее, активно способствовать развитию и процветанию Азиатско-Тихоокеанского региона», которые в концентрированном виде представили «китайский проект» экономического развития региона.

Его суть — это так называемые «четыре содействия»: «содействуя экономической интеграции, строить открытую экономику; содействуя интенсификации взаимных связей, осуществлять совместное развитие; содействуя реформам и новаторству, укрепить внутренние движущие силы развития; содействуя сотрудничеству и достижению общего выигрыша, углублять партнерские отношения». При этом Си Цзиньпин специально подчеркнул решимость Китая непоколебимо реализовывать эти установки на практике. «Подобная уверенность стала особенно ценной в нынешней ситуации, когда экономическая глобализация сталкивается с трудностями, объемы мировой торговли и инвестиций падают, а протекционизм поднимает голову»⁶.

В комментариях в Китае к выступлениям Си Цзиньпина в Лиме особый акцент делается на углублении взаимных связей («ху лянъ ху тун») как важном инструменте выявления потенциала развития и базовой

предпосылке осуществления совместного развития. В данном контексте подчеркивается значение **китайского проекта «пояса и пути»**. Он квалифицируется как важный поиск Китая в деле глобального управления экономикой и как проект, продвигающий реализацию целей устойчивого развития ООН до 2030 г.⁷

Несмотря на высказываемые подчас зарубежными экспертами сомнения в конечной успешности проекта⁸, он продолжает, что называется, «обрастать мясом». К середине 2016 г. Китай заключил соглашения о сотрудничестве в формате «пояса и пути» более чем с 30 странами, а к концу года — с 40⁹. За 11 месяцев 2016 г. китайские компании заключили со странами на пространстве «пояса и пути» новые контракты на подрядные работы на сумму свыше 100 млрд долл. — 52 % общей суммы подобных контрактов¹⁰.

Уже начальный этап реализации проекта «пояса и пути» показал, что он помогает решать не только экономические, но и политические задачи. Так, проект стал важным инструментом улучшения связей Пекина с государствами Центральной и Восточной Европы. Важная роль в этом процессе отводится Польше, которая открыла свое консульство в Чэнду вслед за налаживанием грузоперевозок из Чэнду в Варшаву и Лодзь. Помимо прочего, Китай, специально вступивший в январе 2016 г. в Европейский банк реконструкции и развития, ищет подходы к участию в реализации инвестиционного плана президента Европейской комиссии Жана-Клода Юнкера объемом в 315 млрд евро, призванного дать толчок возобновлению экономического роста на континенте¹¹.

В целом же некоторые китайские эксперты видят значение инициативы «пояса и пути» в том, что она существенно увеличила Китаю пространство для маневра и помогла Пекину преодолеть «зацикленность» его внешней политики на «повороте США в Азию» и отношениях с соседними странами¹².

Еще одной особенностью 2016 г. стала активная **пропаганда в Китае особых заслуг в выработке и проведении внешнеполитического курса страны председателя КНР Си Цзиньпина**.

Хотя Си Цзиньпин был официально объявлен «ядром партии» лишь на 6-м Пленуме ЦК КПК 18-го созыва в конце октября, однако китайские СМИ, особенно партийные, на протяжении всего года заметно шире, чем раньше, освещали его видную роль в теории и практике деятельности КНР на международной арене.

Набор имеющих внешнеполитическое измерение идей и инициатив, связанных с именем Си Цзиньпина со времени его прихода к власти, достаточно велик. В их числе: «китайская мечта», продвижение дипломатии великой державы с китайской спецификой, обогащение концепции мирного пути развития, обеспечение комплексной безопасности госу-

дарства с учетом китайской специфики, инициатива «одного пояса и одного пути», строительство нового типа отношений между великими державами на путях отказа от конфликтов и противостояний, взаимного уважения, сотрудничества и поиска общего выигрыша. Главным же, центральным в комплексе внешнеполитических идей Си Цзиньпина провозглашено положение о «человечестве как сообществе общей судьбы» («жэньлэй миньюнь гунтунти лилунь»). Оно квалифицируется как важный вклад Китая в мировую теорию международных отношений в XXI веке и одновременно — как «важный руководящий курс» в реализации «китайской мечты» и в достижении «всемирной мечты». Немаловажно и то обстоятельство, что Китай как участник и строитель международного порядка продвигает его практическое совершенствование на принципах «мира, развития, равенства, справедливости, сотрудничества и общего выигрыша»¹³.

Заявка Китая на более высокий статус в глобальной системе международных отношений и на теоретический вклад в обеспечение её оптимального функционирования требует от него, с одной стороны, «лучше понимать международную ситуацию и иметь большее влияние на неё», а с другой стороны, порождает спрос на «интеллектуальную поддержку внешней политики и стратегии страны»¹⁴. В связи с этим выдвинутая в 2015 г. задача существенного улучшения деятельности различных «мозговых центров» («think tanks»), занимающихся внешнеполитической проблематикой¹⁵, оставалась в фокусе внимания и в 2016 г. Например, развернутое обсуждение этой проблемы состоялось 6 апреля в журнале «Сяньдай гоцзи гуаньси» («Современные международные отношения»), издаваемом Академией современных международных отношений в Пекине¹⁶. В ходе дискуссии акцентировалась новаторская для китайских интеллектуальных кругов мысль, что «мозговые центры» должны не только разъяснять внутренней и международной аудитории и популяризировать действия своего правительства, но и проводить по-настоящему независимые исследования, служить «голосом общественности».

В «полевой» дипломатии Пекина в центре внимания в 2016 г. находилась ситуация в Южно-Китайском море (ЮКМ). В первой половине года, в ожидании вердикта Постоянной палаты Третейского суда в Гааге по иску Филиппин к Китаю от 22 января 2013 г. по вопросу о принадлежности ряда островов ЮКМ и близлежащих водных акваторий, Китай всеми доступными средствами стремился обосновать, прежде всего с помощью исторических аргументов, свой суверенитет над соответствующими территориями. Одновременно оппонентам внушалась мысль, что обострение ситуации стало следствием вмешательства внерегиональных сил, в первую очередь США, и предлагалось вернуться к принципу решения спорных вопросов путем переговоров.

Тем не менее, вынесенное 12 июля решение оказалось не в пользу Китая, практически все его претензии на обладание участками суши в ЮКМ (островки, рифы, мели, банки и т. п.) и окружающими их водами были отвергнуты.

В последовавших за этим заявлениях министра иностранных дел Китая по итогам арбитража и правительства КНР о территориальном суверенитете, морских правах и интересах страны в ЮКМ вердикт третейского суда был объявлен «недействительным»¹⁷ (как это и было обещано ранее¹⁸). Вновь было заявлено о суверенитете Китая над островами и о наличии у островов ЮКМ эксклюзивных экономических зон и шельфа. 13 июля была опубликована пространная «белая книга» канцелярии информации Госсовета КНР «Китай придерживается позиции разрешения путем переговоров споров между ним и Филиппинами в Южно-Китайском море», в которой подробно излагалась китайская версия истории конфликта¹⁹. В китайских материалах заслуживает внимания тот любопытный факт, что гоминьдановская администрация, принимавшая после Второй мировой войны управление над островами ЮКМ от капитулировавшей Японии, была доставлена «на место действия» на военных судах США²⁰.

Как бы то ни было, многие наблюдатели в мире оценили случившееся как довольно тяжелое поражение Китая. В ряде комментариев звучали даже откровенно злорадные нотки, Китаю предрекали «тяжелые времена». Однако Пекину удалось достаточно быстро переломить неблагоприятную ситуацию. Прибегнув к содействию Камбоджи и Лаоса, он минимизировал возможные негативные для себя последствия вердикта Гаагского трибунала на встрече министров иностранных дел АСЕАН и Китая во Вьентьяне 25 июля. В итоговом заявлении встречи арбитраж не упоминался, одновременно была подчеркнута роль в разрешении имеющихся споров Декларации 2002 г. о поведении сторон в Южно-Китайском море. Участники встречи от АСЕАН высказались за возобновление переговоров между КНР и Филиппинами²¹. А с избранием новым президентом Филиппин Родриго Дутерте начался заметный дрейф этой страны от США к Китаю.

Впрочем, ситуация вокруг ЮКМ далеко не разрешилась окончательно, но лишь совершила очередной круг, вернувшись на близкую к исходной позицию.

Конфликт в ЮКМ негативно сказался на **китайско-американских отношениях**. По мнению одного из ведущих китайских американистов Ван Цзисы, это было вполне закономерно, поскольку развитие ситуации в данном регионе затрагивает вопрос как о территориальной целостности Китая, так и стратегическую безопасность США в западной части Тихого океана. В то же время, китайский политолог полагает, что проблема

ЮКМ не должна определять суть китайско-американских отношений, в чем с ним согласны и некоторые американские эксперты²². В связи с этим на протяжении 2016 г. не раз высказывались предложения перенести центр тяжести отношений КНР с США с конкретных двусторонних проблем на выработку общих подходов и синхронизацию действий в сфере глобального управления. Как утверждает Ян Цземьянь из Шанхайской академии международных отношений, китайский подход не противоречит американскому, они дополняют друг друга. Пекин не стремится заменить созданный и руководимый США механизм глобального управления, но хочет быть лишь участником, строителем и реформатором действующего международного порядка²³.

В самом деле, активизация идеи более тесного сотрудничества Пекина и Вашингтона в глобальном управлении стала одной из примет 2016 г. Однако, похоже, с ней далеко не все солидарны и в Китае, и в США. К тому же в американской внешней политике немало прагматиков, ставящих во главу угла подход Пекина к решению практических проблем, беспокоящих США и их союзников. В этом плане показательна критика американской стороной Китая за его возражения против размещения системы ТНААД в Республике Корея: как отмечает известный специалист по Китаю, ныне вице-президент Фонда Карнеги Дуглас Паал, «усилия по противодействию растущей угрозе со стороны Северной Кореи воспринимаются Китаем как агрессивные и требующие от Пекина ответных мер для защиты своей безопасности»²⁴.

С учетом нараставшей неопределенности в двусторонних отношениях многого ждали от встречи Б. Обамы и Си Цзиньпина во время саммита G-20 в Ханчжоу. Как констатировал Д. Паал, «для лидеров США и Китая это была крайне важная встреча, когда они имели возможность напрямую высказать свои принципиальные позиции на фоне непростых отношений конкуренции и сотрудничества, характерной в последнее время для отношений двух держав»²⁵. Итогом встречи стала «сверка часов» по всему спектру двусторонних отношений²⁶.

В перечне итогов встречи, представленном китайской стороной, положительно оценен прогресс в строительстве «междержавных отношений нового типа». Американская сторона выразила поддержку экономическим реформам в Китае, особенно «реформам со стороны предложения», сокращению избыточных производственных мощностей. Было констатировано, что проблема избыточных мощностей в сталелитейной и ряде других отраслей промышленности носит глобальный характер и требует коллективных усилий по её решению. Отмечено продвижение работы по заключению двустороннего инвестиционного соглашения «высокого уровня». Заметное внимание уделено продвижению сотрудничества двух стран в военной сфере, в обеспечении кибербезопасности, в борьбе с

коррупцией и терроризмом, гуманитарным обменам, взаимодействию регионов и побратимских организаций. Международная повестка оказалась прописана очень лапидарно и по набору тем (АТР, Афганистан, Ирак, Сирия, Южный Судан, ООН), и по существу затронутых проблем. Отмечены «широкие общие интересы и общая ответственность за поддержание мира, стабильности и процветания в регионе АТР», приверженность сторон решению сирийской проблемы политическими и дипломатическими методами при ведущей роли ООН.

Определенный позитивный посыл «ханчжоуского саммита» был в какой-то мере смазан фактом избрания следующим президентом США Д. Трампа, не раз прибегавшего в ходе избирательной кампании к антикитайской риторике. К опасениям возможного обострения двусторонних проблем добавилась и угроза реанимации Вашингтоном розыгрыша «тайваньской карты». В прогнозах о возможном развитии китайско-американских отношений нет недостатка. Есть среди них и позитивные. Так, известный сингапурский политик Кишор Махбубани полагает, что тесное взаимодействие с Китаем поможет экономическому росту самих США и благоприятно для решения проблем планеты в целом²⁷.

Китайско-российское взаимодействие в 2016 г. носило почти столь же интенсивный характер, что и в 2015 г.

Москва и Пекин широко отметили 15-летие Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве и 20-летие провозглашения сторонами курса доверительного партнерства и стратегического взаимодействия. Получила продолжение традиция встреч и обменов мнениями глав Китая и России в формате различных международных саммитов (форумы «двадцатки», АТЭС, БРИКС и т. д.). В то же время визит президента В.В. Путина в Китай 25 июня ознаменовался подписанием не только традиционного Совместного заявления Российской Федерации и Китайской Народной Республики, но и дополнительных документов: Совместного заявления Президента РФ и Председателя КНР об укреплении глобальной стратегической стабильности, Совместного заявления Президента РФ и Председателя КНР о взаимодействии в области развития информационного пространства, Декларации РФ и КНР о повышении роли международного права. В общей сложности по итогам визита В.В. Путина было подписано 37 документов (большинство — экономического характера). Кроме того, к данному визиту было приурочено обнародование Совместного заявления Евразийской экономической комиссии и Министерства коммерции КНР об официальном запуске переговоров по соглашению о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и КНР.

Достаточно плодотворной получилась и 21-я регулярная встреча премьеров двух стран в ноябре в Санкт-Петербурге. Достигнута договорен-

ность о создании межправительственной комиссии по сотрудничеству и развитию Дальнего Востока и Байкальского региона России и Северо-Востока КНР. Наряду с десятками соглашений и меморандумов экономического характера был также подписан межправительственный протокол об итогах первой совместной проверки российско-китайской государственной границы.

Новым элементом сотрудничества в военной сфере стало проведение маневров военно-морских судов двух стран в акватории Южно-Китайского моря в сентябре (ранее такие маневры проводились в Японском и Восточно-Китайском морях). Маневры планировались заранее, и их проведение после вердикта третейского суда в Гааге было случайным совпадением. Однако сам факт их проведения именно в ЮКМ породил немало спекуляций относительно того, насколько далеко может зайти взаимная военная поддержка России и Китая. Отвечая на озабоченности такого рода, пекинская газета «Global Times» отметила в своей передовице: «Покуда у третьей страны нет скрытых мотивов, ей нечего беспокоиться по поводу китайско-российских маневров. Если же некая страна стремится к глобальной гегемонии и к доминированию в Западной Пацифике, ей стоит подумать дважды, ведь с Китаем или Россией трудно иметь дело и поодиночке, не говоря о том, чтобы с ними вместе»²⁸.

Как бы то ни было, в совместном заявлении РФ и КНР от 25 июня была подтверждена приверженность сторон «поддержанию законного порядка на основе принципов международного права», урегулированию имеющихся споров «мирным путем на основе дружественных переговоров и договоренностей между заинтересованными сторонами, без их интернационализации и вмешательства извне»²⁹.

В комплексе двусторонних китайско-российских отношений все более важное место занимают торгово-экономические связи. Им удалось отойти от шокового потрясения 2015 г., когда объем торговли товарами упал на 28,6 % — до 68,06 млрд долл. по сравнению с 95,28 млрд долл. в 2014 г. (по данным таможенной статистики КНР³⁰). Доля РФ в товарообороте Китая снизилась с 2,21 % до 1,72 %. В 2016 г. объем торговли между КНР и РФ удалось несколько увеличить: он составил 69,5 млрд долл. (прирост 2,2 %), в том числе экспорт КНР 37,3 млрд (+7,3 %) и импорт КНР 32,2 млрд долл. (-3,1 %).

В структуре торговли происходят определенные подвижки. Главным товаром российского экспорта в КНР остается нефть. За 10 месяцев её поставки составили 39,11 млн т по сравнению с 38,58 млн т за весь 2015 г.³¹ Однако в связи со снижением среднегодовой цены на нефть стоимостной объем её экспорта падает, снижается и доля углеводородов в российском экспорте в КНР: с 71,5 % в 2014 г. до 60,7 % в 2015 г. и

еще ниже в 2016 г. Одновременно несколько выросла доля в экспорте других товарных групп: продовольствия, некоторых видов машин и оборудования.

Взаимное инвестирование мало-помалу переходит из разряда деклараций о намерениях в область практической реализации. В апреле китайская компания «Хайэр» («Haier») открыла в Набережных Челнах завод по производству холодильников, который стал первым реализованным совместным проектом двух стран за пределами энергетики³². В провинции Хэнань в ноябре завершено создание российской инвестиционно-промышленной группой «Ви Холдинг» комплекса по производству высокоточных алюминиевых сплавов и продукции горячего и холодного проката мощностью 600 тыс. т в год³³.

Есть некоторое продвижение в развитии двустороннего и многостороннего сотрудничества в создании инфраструктуры Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП). 23 июня «на полях» саммита глав государств Шанхайской организации сотрудничества в Ташкенте была одобрена программа строительства экономического коридора Китай—Монголия—Россия. Предметно прорабатываются вопросы создания коридоров «Приморье 1» и «Приморье 2». С китайской стороны согласованы параметры возможного роста грузопотока по двум этим коридорам с 1,5 млн т в настоящее время до 45 млн т в год в перспективе³⁴. Международный транспортный комплекс «Приморье 1», ориентированный главным образом на транзит грузов из провинции Хэйлунцзян через порты Владивостока и Находки в направлении зарубежных портов Японского и Восточно-Китайского морей, уже фактически начал работать. Однако на комплексное обустройство коридора еще нужно до 145 млрд руб. инвестиций. Коридор «Приморье 2», ориентированный на вывоз грузов из провинции Цзилинь через порт Зарубино, требует строительства современной портовой и железнодорожной инфраструктуры. Для его реализации нужны инвестиции от 170 до 200 млрд руб.³⁵

Между тем явная нехватка инвестиций в России и неудовлетворительные темпы ее экономического роста начинают вызывать беспокойство в Китае как фактор, способный затормозить выстраивание оптимальных логистических маршрутов в контексте программы ЭПШП.

Называя Россию «ключевым государством» для успешной реализации всего проекта ЭПШП, некоторые китайские политологи, тем не менее, полагают, что недостаточные финансовые возможности РФ, особенности её экономической системы и «охранительное» отношение России к Центральной Азии в геополитике и геоэкономике формируют потенциальные ограничения и препятствия на пути развития двустороннего сотрудничества, в том числе в строительстве инфраструктуры и реализации ЭПШП в целом³⁶.

В России после периода колебаний осознали, что страна является бенефициаром реализации проекта сухопутного Шелкового пути и активно стараются использовать связанные с ним возможности.

Если в 2015 г. Китай обеспечивал 41 % транзита через Россию, то в 2016 г. эта доля возросла до 74 %. Перспективы возможного наращивания транзитных перевозок видны хотя бы из того обстоятельства, что в настоящее время суммарный оборот между Китаем и Европой составляет 14 млн контейнеров в год, из которых через Казахстан—Россию—Белоруссию проходит чуть более 1 %. На обустройство транспортно-терминальной инфраструктуры на этом маршруте инвестиции минимум в 2,5 млрд долл. требуются уже сегодня, а в перспективе — до 10—12 млрд долл.³⁷

Так что от способности России своевременно изыскать необходимые средства будут зависеть и её позиции в ЭПШП, и темпы реализации этого проекта в целом.

Следует учитывать и возможную конкуренцию. Китай уже вкладывает крупные средства в модернизацию транспортно-перевалочного комплекса в Белоруссии, который будет обеспечивать короткий выход в Центральную и Восточную Европу. Предлагает свои услуги по транзиту китайских грузов в Европу и Украину. Хотя этот маршрут, с учетом необходимости использовать переправы через Каспий и Черное море, не самый удобный, Киев стремится завлечь Пекин обещаниями разместить у себя часть китайских экспортных производств и имеющимся у него льготным тарифным режимом в торговле с ЕС³⁸.

* * *

Таковы некоторые, на наш взгляд, основные особенности внешней политики КНР в 2016 г. В текущем году, судя по заявлениям министра иностранных дел Китая Ван И и спикера МИД Гэн Шуана, страна продолжит реализовывать политику великой державы с китайской спецификой. Особое внимание придается обеспечению благоприятной международной обстановки для проведения XIX съезда КПК, организации в Китае форума высокого уровня по проблеме «пояса и пути» и китайскому председательству в формате БРИКС. Будут продолжены усилия по совершенствованию глобального управления. Китай рассчитывает сохранить здоровое развитие взаимовыгодных торгово-экономических связей с США в период «вхождения во власть» новой администрации во главе в Д. Трампом³⁹.

Наряду с Россией и Европой, фигурирующих в числе приоритетных направлений политики Пекина в 2017 г., стоит также обратить внимание на Японию и Индию, отношения Китая с которыми в 2016 г. находились несколько в тени.

(2017)

Примечания

¹ *Wu Qimin, Wu Lejun, Zhao Cheng.* China's «circle of friends» enlarged in 2016: FM. URL: <http://en.people.cn/n3/2016/1223/c90000-9158589.html>

² Там же.

³ *Ван И.* 2016 нянь ши Чжунго вайцзяо гунцзянь кайто дэ чжуньяо и нянь : [Ван И: 2016 год стал важным годом новаторства во внешней политике Китая]. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2016/1203/c1002-2892245.html>

⁴ *Ван Жэньгуй, Ши Сишэн, Хуан Яньжань, Чжан Юэсэн.* Цюаньцю цзинци чжили дэ чжунго лилян : [Сила Китая в управлении глобальной экономикой] // Ляован. Пекин. 2016. № 37. 12.09.2016. С. 14—17. Здесь — С. 17.

⁵ *Цзя Сюдун.* G-20 Ханчжоу фэнхуй. Чжунго тэсэ даго вайцзяо ици чэнгун ши-сянь : [Саммит G-20 в Ханчжоу: успешный образец дипломатии великой державы с китайской спецификой] // Ляован. 2016. № 37. 12.09.2016. С. 24—25.

⁶ *Вань Пэн.* Си Цзиньпин цзичжун чаньцзи ятай фачжань «Чжунго фаньянь» фэнфу цюаньцю цзинци чжили нэйхань : [Си Цзиньпин в концентрированном виде разъяснил «китайский проект» развития АТР, обогащающий содержание глобального экономического управления]. URL: <http://cpc.people.com.cn/xuexi/n1/2016/1123/c385474-28888696.html> (дата обращения: 23.11.2016).

⁷ Там же.

⁸ См., например: *Holland, Tom.* Why China's «One Belt, One Road» plan is doomed to fail // *South China Morning Post, Hong Kong*, 6 Aug. 2016.

⁹ Китай и более 30 стран подписали соглашения о сотрудничестве по инициативе «Один пояс, один путь». URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/0606/c31518-9068740.html> (дата обращения: 07.06.2016); *Ван И.* Цит. соч.

¹⁰ Прямые инвестиции из Китая за рубеж за 11 месяцев выросли более чем на 55 проц. // *Синьхуа*. 15.12.2016.

¹¹ *Zhao Minghao.* Belt, Road a Boon to Central, Eastern Europe // *Global Times*. Beijing. 20.06.2016.

¹² *Yong Wang.* Offensive for Defensive: the Belt and Road Initiative and China's New Grand Strategy // *The Pacific Review*. Vancouver. Vol. 29. Number 3. July 2016. P. 455—463.

¹³ *Чэнь Сюйлу.* Жэньлэй миньянь гунтунти лилунь цзай Си Цзиньпин вайцзяо сысян чжун дэ дивэй хэ ии : [Место и значение теории человечества как сообщества общей судьбы в дипломатических идеях Си Цзиньпина] // *Дандай шицзе (Современный мир)*. Пекин, 2016. № 7. С. 8—11.

¹⁴ *Zhu Feng.* International Relations Think Tanks and Their Issues. — *Contemporary International Relations*. Beijing. Vol. 26. No 3. May—June 2016. P. 14.

¹⁵ 20 января 2015 г. ЦК КПК и Госсовет КНР обнародовали «Мнения об усилении строительства «мозговых центров» нового типа с китайской спецификой».

¹⁶ Некоторые выступления в ходе дискуссии представлены в англоязычной версии журнала — *Contemporary International Relations*. Beijing. Vol. 26. No. 3. May—June 2016. P. 14—39.

¹⁷ Statement of Chinese Foreign Ministry on the Award of 12 July 2016 of the Arbitral Tribunal in the South China Sea Arbitration Established at the Request of the Republic of the Philippines; Statement of the Government of the People's Republic of China on China's Territorial Sovereignty and Maritime Rights and Interests in the South China Sea // *Beijing Review*. No 30. July 28, 2016. Document. P. 13—16.

¹⁸ The Tribunal's Award in the «South China Sea Arbitration» Initiated by the Philippines Is Null and Void. — *People's Daily Online*, June 11, 2016. Пространственный материал (23 страницы текста) подготовлен Китайским обществом международного права. URL: <http://en.people.cn/n3/2016/0611/c90000-9070386.html>

¹⁹ «Белая книга» была, например, опубликована на китайском и английском языках в приложении «Документы» журнала «*Beijing Review*». 2016. No 29, 30.

²⁰ См., например: *The Final Award of the Arbitration amounts to Nothing more than a Piece of Paper* — Full Text of Dai Bingguo's speech at China — U.S. Dialogue on South China Sea Between Chinese and U.S. Think Tanks — *People's Daily Online*, July 07, 2016.

²¹ *Yu Lintao*. Let's Talk. China and ASEAN are committed to promoting dialogue and prosperity despite regional tensions // *Beijing Review*. No 31. August 04, 2016.

²² *Ань Ган*. Чжун Мэй гуаньси жэдянь вэньти, лянго сюэчжэ цзэнмо кань? : [Как ученые двух стран смотрят на горячие проблемы китайско-американских отношений?] // *Шицзе чжиши*. 2016. № 13. С. 55.

²³ Там же. С. 56.

²⁴ *Douglas Paal*. Последнее турне Обамы в Азию: попытка разрешить противоречия с Китаем. URL: <http://carnegie.ru/2016/09/13/ru>

²⁵ Там же.

²⁶ См.: Чжун Мэй юань шоу Ханчжоу хуйу чжунфан чэнго циндань : [Представленный китайской стороной перечень результатов встречи глав Китая и США в Ханчжоу] // *Жэньминь жибао*. 05.09.2016.

²⁷ *Kishore Mahbulani*. Why Trump Should Work with China // *CNN*, 10 November 2016.

²⁸ *Sino-Russian Drills Show Mutual Support* // *Global Times*, Beijing. 12.09.2016.

²⁹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики 25 июня 2016 года. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5100>

³⁰ Хайгуань тунцзи : [Таможенная статистика] // *Пекин*. 2015. № 12. С. 118.

³¹ *Старинская Г.* Китай медлит с трубой // *Ведомости*. 19.12.2016.

³² *Коростиков М.* Поворот на Восток привел в Японию. Успехи и неудачи российской политики в Азии // *Коммерсант*. 30.12.2016.

³³ URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/1110/c31518-9139472.html> (дата обращения: 10.11.2016).

³⁴ *Вдовина Т., Коростиков М.* Дальний Восток испытал прилив инвесторов. На ВЭФ прошел китайско-японский день. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3080905>

³⁵ *Платонова М.* Приморье прирастет транзитом // Коммерсант. 02.09.2016.

³⁶ *Сюй Цинхуа, Ши Иньхун.* Чжунго дуйвай чжаньлюэ чжун дэ Элосы: сяньчжоу и юй цянъцзай фусян : [Россия во внешней стратегии Китая: большое значение и скрытые препятствия] // Чжунго вайцзяо. Пекин. 2016. № 7. С. 29—32.

³⁷ *Штанов В.* Россия выезжает на «Шелковый путь» // Ведомости. 13.12.2016. Приложение «Грузоперевозки».

³⁸ Украина должна максимально использовать возможности Шелкового пути — И. Никорак. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0105/c31519-9162997.html> (дата обращения: 05.01.2017).

³⁹ Вайцзяобу: цзисюй кайчуань Чжунго тэсэ даго вайцзяо синь цзюймянь : [Министерство иностранных дел: продолжить создавать новую обстановку дипломатии великой державы с китайской спецификой]. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2017/0103/c1002-28996071.html> (дата обращения: 04.01.2017).

Заключение

Предложенные вниманию читателей три десятка очерков призваны показать основные особенности и этапы экономической политики китайского руководства в период 1975—2017 гг., выявить главные черты современного позиционирования КНР на международной арене. Определенное место в работе уделено зарубежной китайской диаспоре.

Не секрет, что с течением времени в мире исподволь усиливается представление, будто развитие пореформенного Китая шло, что называется, по «почти что прямой кривой», что на этом пути особых зигзагов, кроме разве что «Тяньаньмэньского сбоя» 1989 г., практически не было. Между тем реальный процесс модернизации и реформ в Китае развивался очень непросто, со многими приостановками и заминками. Часть из них, надеюсь, удалось достаточно адекватно отобразить в составивших книгу текстах.

И все же, абстрагируясь от любых возможных оговорок и «вычетов», история развития послемаоцзэдуновского Китая — это, в целом и в главном, история успеха, по крайней мере, по настоящее время. О секретах этого успеха написано и сказано немало. Напомню некоторые из них. Первое — реформы должны быть подчинены развитию производительных сил. Второе. Темпы преобразований и сопутствующее им бремя должны быть посильны для населения.

И последнее. Основополагающая цель внешней политики страны состоит в том, чтобы постоянно обеспечивать благоприятные международные условия для ее модернизации и экономического развития. То есть, для полной ясности, надо заботиться не о величии государства, а о его развитии. Будет развитие — придет и величие. Но никак не наоборот.

Summary

Three dozen essays offered to readers' attention, are designed to show the main peculiarities and stages of the economic policy of the Chinese leadership in the period 1975—2017, to identify the main features of the contemporary positioning of China in the international arena. A certain place in the work is also given to the overseas Chinese Diaspora.

It is no secret that over time the world became gradually more and more biased to the idea that the development of post-reform China was similar to the “almost straight curve”, without any large zigzags, except the “Tiananmen failure” of 1989. Meanwhile, the real process of modernization and reforms in China had developed very difficult, with many suspensions and hitches. Some of them, I hope, are rather adequately displayed in the book texts.

And yet, abstracting from any possible reservations and “deductions”, the history of post-Mao China is, in general and in the main, a success story, at least for now. A lot is written and said about the secrets of this success. Let me remind main of them. The first, reform should be subordinated to the development of the productive forces. Second. The rate of transformation and the accompanying burden should be manageable for the population.

And the last point. The fundamental purpose of foreign policy is to continually provide a favorable international environment for state modernization and economic development. That is, anybody must care not about the greatness of the state, but about its development. With the development the greatness also will come. But not vice versa.

Научное издание

Портяков Владимир Яковлевич

**Муравей грызет кость
Избранные очерки о Китае**

Корректоры *Е.В. Белилина, Г.П. Манчха*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Оформление *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 15.03.2018. Формат 60×90/16.
Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 29,0. Уч.-изд. л. 29,7.
Бумага офсетная. Тираж 500 экз. Заказ №

Издательский Дом «ФОРУМ»
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31в
E-mail: forum-books@mail.ru

По вопросам приобретения книг обращайтесь:
Отдел продаж «ИНФРА-М»
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31в, стр. 1
Тел.: (495) 280-15-96
Факс: (495) 280-36-29
E-mail: books@infra-m.ru